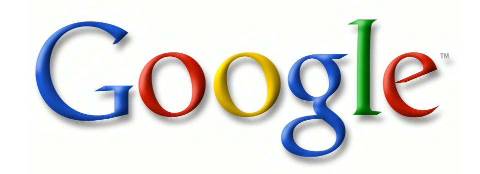

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
LIBRARY OF CONGRESS
SURPLUS DUPLICATES
Class CCG
Book .G59
YUDIN COLLECTION

К. К. Гёрцъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ,

ИЗДАННОЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ

НА СРЕДСТВА

КАПИТАЛА ИМЕНИ ПРОФЕССОРА К. К. ГЁРЦА.

Выпускъ 1-й.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФІЯ ТАМАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1898.

Цѣна 3 руб. = 7 Mrk. 50 Pf.

:4

К. К. Гёрцъ.

Собраніе сочиненій,

изданное

Императорскою Академіею Наукъ

на средства

[illegible] ора К. К. Гёрца.

Выпускъ 1-й.

С.-Петербургъ.

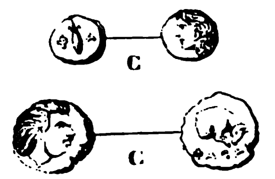
[illegible]

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФІЯ

ТАМАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

К. К. Гёрца.

СЪ 15-Ю ПОЛИТИПАЖАМИ, 1-Ю ХРОМОЛИТОГРАФИЧЕСКОЙ И 3-МЯ ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ КАРТАМИ.

Изданіе 2-е.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1898.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ;
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ;
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ;
Н. Киммеля въ Ригѣ; **Фоссъ (Г. Гессель)** въ Лейпцигѣ.

Цѣна 3 руб. = 7 Mrk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1898 г. Непремѣнный Секретарь *Н. Дубровинъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

---

1) Рѣка Кубань во времена классической древности называлась Антикитъ. Главнымъ своимъ теченіемъ она изливалась нынѣшнимъ Курчанскимъ лиманомъ въ Меотійское озеро, а рукавомъ — въ Corокондамитскій лиманъ.

2) Страбонова рѣка Антикитъ тожественна съ Птолемеевою рѣкою Аттикитъ.

3) Птолемеевы рѣки Псатисъ и Варданъ суть рукава той же Кубани. Имя Псатиса носилъ упоминаемый и Страбономъ рукавъ Кубани, который, протекая чрезъ нынѣшній Ахтанизовскій лиманъ, Шимарданскою бухтою впадалъ въ Таманскій заливъ, а Вардана — южный рукавъ Кубани, нынѣ впадающій въ Кубанскій лиманъ.

4) Въ нынѣшнихъ названіяхъ Кубани еще сохранились слѣды ея древнихъ именъ.

5) Таманскій заливъ въ древности назывался Корокондамитскимъ лиманомъ. Древнее названіе Ахтанизовскаго озера, въ тѣ времена имѣвшаго форму проточнаго рукава Кубани, неизвѣстно.

6) Дельта Кубани, нынѣ состоящая изъ Таманскаго полуострова и Кубанской низменности, во времена классической

древности составляла многоостровіе, что подтверждается наблюденіями надъ мѣстностью и свидѣтельствами классическихъ писателей.

7) Число островов, изъ которыхъ состояла полинезія Кубани во времена Страбона, не можетъ быть въ точности опредѣлено. Во времена глубокой древности оно было значительнѣе, чѣмъ позже. При Страбонѣ Таманскій полуостровъ составлялъ группу, по крайней мѣрѣ, изъ пяти большихъ островов, изъ которыхъ два, самые замѣчательные по величинѣ, были Фанагорійскій и Синдскій.

8) Со временъ классической древности въ физической природѣ Таманскаго полуострова произошли значительныя измѣненія.

9) Мѣстоположеніе древне-греческихъ поселеній на азіатскомъ Боспорѣ по однимъ указаніямъ классическихъ писателей не можетъ быть съ точностью опредѣлено.

10) Новѣйшія археологическія изслѣдованія указываютъ, что мѣстоположеніе Фанагоріи слѣдуетъ искать въ окрестностяхъ станціи Сѣнной.

11) Мѣстоположеніе Апатурона, Горгиппіи, Гермонассы, Киммерикона, Тирамбы и другихъ древне-греческихъ поселеній на азіатскомъ Боспорѣ въ настоящее время неизвѣстно.

12) Культъ богини Солнца, упоминаемой въ надписи царя Реметалка, сѣвернаго происхожденія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Сестра покойнаго профессора Московскаго Университета Карла Карловича Герца († 15 февраля 1883 г.), Эрнестина Карловна Герцъ по духовному завѣщанію отказала въ вѣдѣніе Императорской Академіи Наукъ капиталъ въ 7000 р. сер. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала за первыя семь лѣтъ по передачѣ его въ вѣдѣніе Академіи были употреблены на вознагражденіе за составленіе біографіи К. К. Герца, на напечатаніе этой біографіи и на изданіе его сочиненій, а затѣмъ употреблялись на поощреніе ученыхъ трудовъ по классической археологіи и другимъ наукамъ, которыя были предметомъ занятій профессора Герца.

По принятіи Академіею въ 1895 г. пожертвованнаго капитала были выработаны особою коммиссіею изъ 4-хъ членовъ Историко-филологическаго отдѣленія Академіи правила о преміи проф. Герца, которыя были утверждены Министромъ Народнаго Просвѣщенія 13 октября 1896 года. На основаніи этихъ правилъ распоряженіе употребленіемъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго г-жею Герцъ, ввѣрено коммиссіи изъ 3-хъ членовъ того-же отдѣленія, которая и приступила къ исполненію воли завѣщательницы.

Обсуждая способъ исполненія возложеннаго на Академію завѣщаніемъ г-жи Герцъ изданія трудовъ ея покойнаго брата,

коммиссія нашла, что многіе частные вопросы, относящіеся къ этому изданію, могутъ быть разрѣшены лишь по мѣрѣ хода печатанія трудовъ, а предварительно намѣтила лишь нѣкоторыя основныя положенія, которыми можно было бы руководствоваться при веденіи дѣла изданія, ближайшее завѣдываніе которымъ принялъ на себя членъ коммиссіи, ординарный академикъ В. В. Латышевъ. Эти положенія сводятся къ слѣдующему:

1) Такъ какъ однимъ изъ пунктовъ завѣщанія Э. К. Герцъ требуется изданіе *сочиненій* ея покойнаго брата, безъ ближайшаго указанія, какихъ именно, то коммиссія признала наиболѣе соотвѣтствующимъ желанію завѣщательницы составить и издать *возможно полное* собраніе сочиненій К. К. Герца, какъ уже изданныхъ, такъ и сохранившихся въ рукописи, исключивъ изъ этого собранія только тѣ труды, которые или имѣютъ чисто спеціальное назначеніе (напр. каталоги Московскаго публичнаго музея, годовые отчеты Московскаго Археологическаго Общества и т. п.), или имѣли въ свое время интересъ новизны, но не имѣютъ постояннаго научнаго значенія и не вносятъ новыхъ данныхъ въ ту или другую научную область (напр., мелкія газетныя замѣтки и извѣстія), или, наконецъ, сохранились въ рукописи въ недостаточно обработанномъ видѣ. Вопросъ о перепечаткѣ *беллетристическихъ* произведеній Герца коммиссія оставила пока открытымъ и полагала, что если будетъ признано полезнымъ и желательнымъ новое ихъ изданіе, то оно должно быть сдѣлано отдѣльно отъ собранія научныхъ и критико-библіографическихъ трудовъ, въ видѣ особаго сборника. Во всякомъ случаѣ возможно полный списокъ трудовъ Герца будетъ приложенъ къ его біографіи, составленіе которой уже поручено коммиссіею вполнѣ компетентному лицу.

2) Научные и критико-библіографическіе труды коммиссія полагаетъ раздѣлить при новомъ изданіи на нѣсколько отдѣловъ по содержанію и въ каждомъ отдѣлѣ статьи размѣстить по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, указывая при каждомъ трудѣ годъ и мѣсто перваго изданія.

3) При печатаніи каждаго труда слѣдуетъ точно держаться первоначальнаго текста, допуская лишь корректурныя поправки; но включенные въ текстъ переводы съ иностранныхъ языковъ должны быть вновь провѣрены по подлинникамъ и возможныя ошибки оговорены въ примѣчаніяхъ. Въ примѣчаніяхъ же отъ редакціи слѣдуетъ указывать новыя изданія тѣхъ трудовъ, на которые ссылается авторъ, наиболѣе доступныя новыя изданія надписей и т. п. Приложенные къ сочиненіямъ рисунки, карты и проч. должны быть перепечатаны съ возможною точностью наиболѣе подходящими въ каждомъ случаѣ современными техническими способами (фототипіею, цинкографіею и т. п.).

Приступивъ къ подготовленію трудовъ К. К. Герца къ новому изданію на основаніи вышеприведенныхъ положеній, принятыхъ коммиссіею, редакція признала возможнымъ не включать въ это изданіе юношескій трудъ Герца «Историческій Сборникъ», изданный въ С. Петербургѣ въ 1847 г. (въ типографіи военно-учебныхъ заведеній, 8 нен. + 171 + 1 нен. стр. 8°; на заглавномъ листѣ поставлено «Книжка первая», но она осталась и единственною), такъ какъ изъ 14 статей, входящихъ въ составъ этого сборника, только двѣ («О всеобщей исторіи профессора Лоренца», стр. 113 — 120, и «Обзоръ исторической литературы за первую половину 1846 г.», стр. 160 — 171) принадлежатъ перу издателя, а остальныя 12—переводныя. Поэтому этотъ сборникъ не можетъ имѣть серьезнаго значенія для ознакомленія съ научною дѣятельностью Герца и кромѣ того, какъ вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ, безъ сомнѣнія находится въ большихъ отечественныхъ книгохранилищахъ и такимъ образомъ можетъ быть доступенъ для желающихъ съ нимъ ознакомиться.

Новое изданіе сочиненій К. К. Герца предположено раздѣлить на 7 выпусковъ, изъ коихъ первые четыре будутъ заключать въ себѣ труды, вышедшіе въ свое время отдѣльными изданіями, именно двѣ монографіи о Таманскомъ полуостровѣ, диссер-

тацію «О состояніи живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи» и «Письма изъ Италіи и Сициліи», а остальные три будутъ представлять собою сборники журнальныхъ и газетныхъ статей: въ 5-й выпускъ войдутъ статьи по археологіи восточной, классической и древнехристіанской, въ 6-й—статьи по средневѣковому и новому искусству, а также археологическая и художественная хроника, наконецъ въ 7-й—статьи и замѣтки критико-библіографическія.

Въ числѣ корректурныхъ поправокъ редакція признала необходимымъ объединить транскрипцію собственныхъ именъ, такъ какъ въ разныхъ трудахъ Герца эта транскрипція, въ особенности въ греческихъ именахъ, весьма разнообразна и, по всей вѣроятности, во многихъ случаяхъ принадлежитъ не ему лично, а редакціямъ тѣхъ изданій, въ которыхъ помѣщены его труды. Греческія имена будутъ передаваться обыкновенно по Эразмовскому произношенію, котораго постоянно придерживался авторъ.

Вновь издаваемая въ настоящемъ выпускѣ монографія К. К. Герца первоначально была издана Московскимъ Археологическимъ Обществомъ во II томѣ его періодическаго сборника «Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества» и отдѣльно (Москва, въ синод. типогр. 1870. 4 нен.+IV+128 стр. 4°). Новое изданіе приготовлено къ печати акад. В. В. Латышевымъ при участіи А. І. Маленна. Такъ какъ издаваемая монографія была въ свое время представлена Герцомъ въ Московскій Университетъ въ качествѣ диссертаціи для соисканія степени магистра, то признано не лишнимъ присоединить къ ней и «положенія», извлеченныя изъ нея для диспута.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1859 году Императорской Археологической Коммиссіи угодно было поручить мнѣ производство археологическихъ изслѣдованій близъ станціи Сѣнной, на Таманскомъ полуостровѣ. Плодомъ трехмѣсячнаго пребыванія въ этой любопытной и малоизслѣдованной странѣ и занятій греко-боспорскими древностями были два труда; первый подъ заглавіемъ: *Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ*, который въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ [1]. Въ немъ я старался, въ хронологическомъ порядкѣ, преимущественно по неизданнымъ оффиціальнымъ донесеніямъ, отчетамъ и разнымъ документамъ, изложить ходъ раскопокъ на этой мѣстности съ первыхъ опытовъ открытія кургановъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, до 1859 года. Кромѣ научнаго интереса, связаннаго съ исторіею работъ, предпринятыхъ для изслѣдованія древностей этого края, я имѣлъ въ виду въ этомъ трудѣ и практическую пользу. Я желалъ дать будущимъ изслѣдователямъ этого края, посылаемымъ туда правительствомъ, руководство, въ которомъ они найдутъ точныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ источниковъ, въ какомъ мѣстѣ, въ какое время и кѣмъ

1) [Вышелъ въ свѣтъ въ 1876 г. *Ред.*]

произведены были раскопки. Такимъ образомъ они не будутъ тратить ни времени, ни матеріальныхъ средствъ, назначаемыхъ правительствомъ, на разслѣдованіе мѣстностей достаточно изслѣдованныхъ, а обратятъ вниманіе на мѣста еще мало или вовсе не извѣстныя, раскопка которыхъ можетъ вознаградить какъ ихъ труды, такъ и издержки правительства. Сверхъ того, читая различные отчеты о раскопкахъ, произведенныхъ отечественными изслѣдователями, они познакомятся съ разнообразными пріемами, которые употребляли при своихъ работахъ наши искатели древностей, и при своихъ розысканіяхъ будутъ примѣнять лучшіе методы, приспособляя ихъ къ избранной ими мѣстности.

Изданію этого сочиненія я считалъ необходимымъ предпослать второй трудъ подъ заглавіемъ: *Археологическая топографія Таманскаго полуострова*, нынѣ представляемый благосклонному вниманію археологовъ. Исторія раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ не понятна безъ знанія археологической топографіи этой страны. Кромѣ отрывочныхъ показаній, заключающихся въ извѣстномъ сочиненіи Ашика и въ Древностяхъ Босфора Киммерійскаго (изданіе Императорскаго Эрмитажа), подобнаго опыта до сихъ поръ не существуетъ въ русской литературѣ. Благодаря личному знакомству съ страною и обязательному содѣйствію многихъ лицъ, я старался представить, по возможности, полное описаніе Таманскаго полуострова въ археологическомъ отношеніи. Въ первой главѣ настоящаго труда вниманіе читателей мною обращено на вопросы, тѣсно связанные съ физическимъ видомъ, который представляла эта страна во времена классической древности. Во второй описываются памятники древности, недавно существовавшіе, нынѣ существующіе и открытые въ каждой мѣстности этого края. Сравнивая методы, употребленные въ обоихъ отдѣленіяхъ этого сочиненія, нѣкоторые читатели, можетъ быть, найдутъ страннымъ, что нынѣшнія мѣстности этого полуострова нигдѣ не отожествляются съ древне-греческими поселеніями, существовавшими тутъ по словамъ Страбона и другихъ классическихъ писателей. Но при внимательномъ чтеніи вто-

рого отдѣла читатель убѣдится, что каждая попытка этого рода до настоящей минуты преждевременна. Древніе географы передали намъ только имена существовавшихъ здѣсь поселеній, такъ сказать, одинъ звукъ. Боспоръ Киммерійскій не имѣетъ своего Павсанія. Поэтому разногласіе всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ, писавшихъ о древней географіи этой страны, въ вопросахъ о мѣстоположеніи того или другого древне-греческаго поселенія нисколько не удивительно. На одномъ и томъ же мѣстѣ по мнѣнію одного писателя существовалъ Апатуронъ, другого — Горгиппія, третьяго — Гермонасса. Такая идентификація — чистый произволъ. Пока точныя археологическія изслѣдованія, основанныя на находкѣ надписей или другихъ памятниковъ, не прольютъ новаго свѣта на подобнаго рода вопросы, — до тѣхъ поръ занятіе ими будетъ принадлежать къ области пріятныхъ, но тѣмъ не менѣе чистыхъ комбинацій, отнюдь не основанныхъ на дѣйствительныхъ фактахъ. Цѣль настоящаго моего сочиненія преимущественно заключается въ желаніи вызвать въ нашемъ отечествѣ дѣятелей на подобнаго рода изслѣдованія, — дѣятелей, которые могли бы обогатить науку боспорскихъ древностей нерушимыми фактами. Они занесутъ на поля этого сочиненія новыя данныя и болѣе точныя свѣдѣнія, на недостатокъ и отсутствіе которыхъ часто указываетъ авторъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою глубочайшую признательность гг. академику Г. Абиху, Я. М. Лазаревскому, А. Е. и Е. Е. Люценко и В. Г. Тизенгаузену за многочисленныя письменныя сообщенія, которыми они содѣйствовали возможной полнотѣ предлагаемаго мною труда.

19-го Іюля 1869 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшеніе археологическихъ вопросовъ такъ тѣсно связано съ предварительнымъ рѣшеніемъ геологическихъ, какъ въ вопросахъ, касающихся топографіи древнегреческихъ поселеній на нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ. Въ то время какъ одни геологи утверждаютъ, что эта страна въ историческую эпоху, во времена Страбона, составляла полинезію или многоостровіе, точно проводятъ границы каждаго острова, ее составлявшаго, даже обозначаютъ ихъ именами, произвольно созданными, а не переданными намъ древними писателями [1]); другіе, не менѣе уважаемые, ученые говорятъ, что со временъ пребыванія здѣсь Грековъ страна не измѣнилась относительно своей конфигураціи [2]). Между тѣмъ разные археологическіе факты заставляютъ предполагать, что въ эпоху классической древности она во многихъ отношеніяхъ имѣла совершенно иной видъ, чѣмъ нынѣ. Никакія мѣстности не подвергаются столь частымъ измѣненіямъ, какъ дельты большихъ рѣкъ. На Таманскомъ же полуостровѣ къ измѣненіямъ мѣстности, происшедшимъ вслѣдствіе измѣненія рѣчныхъ руслъ, засоренія старыхъ рѣчныхъ ложбинъ, образованія новыхъ руслъ и вліянія морскихъ водъ, присоединились еще измѣненія земной поверхности вслѣдствіе многочисленныхъ вулканическихъ изверженій, обратившихъ

---

1) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase. Paris. 1843. Часть V, стр. 22. По указаніямъ этого писателя составлена карта дельты Гипаниса и Боспора Киммерійскаго во времена Страбона, находящаяся на картѣ № 2 въ атласѣ «Древностей Босфора Киммерійскаго» (изданіе Имп. Эрмитажа).

2) D-r K. Koch, Die kaukasische Militärstrasse, der Kuban und die Halbinsel Taman. Leipzig, 1851, стр. 196.

на себя особое вниманіе всѣхъ естествоиспытателей. Грязныя сопки Таманскаго полуострова были именно причиною, что геологи посѣщали его исключительно для изученія интереснаго вулканическаго явленія, но не обращали достаточнаго вниманія на геологическое образованіе этой мѣстности въ исторической послѣдовательности временъ. А между тѣмъ точное опредѣленіе мѣстоположенія древне-греческихъ поселеній и пониманіе важности и историческаго значенія этихъ самыхъ городовъ, вслѣдствіе ихъ мѣстоположенія, зависитъ, какъ мы сказали выше, во многихъ отношеніяхъ отъ предварительнаго рѣшенія геологическихъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ Таманскаго полуострова въ его историко-геологическомъ развитіи.

Различное образованіе формы устьевъ большихъ рѣкъ — до сихъ поръ еще вопросъ, не вполнѣ рѣшенный физическою географіею [3]). Одни изъ нихъ широкимъ отверстіемъ прямо изливаются въ море; другія, развѣтвляясь на два или болѣе рукава, вслѣдствіе аллювіальныхъ вліяній, создаютъ такъ-называемыя дельты. Вопросъ, почему одна рѣка, подобно Нилу, образуетъ дельту, другая, подобно рѣкамъ Св. Лаврентія или Темзѣ, озеровиднымъ расширеніемъ, похожимъ на заливъ, изливается въ море, — до сихъ поръ еще не рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ [4]). А между тѣмъ дельты большихъ историческихъ рѣкъ могутъ послужить любопытной задачей для спеціальной монографіи. Дельты суть территоріи, признаваемыя геологами за побѣды, одерживаемыя рѣчными наносами надъ моремъ. Вотъ почему дельты встрѣчаются во всѣхъ устьяхъ большихъ рѣкъ Средиземнаго и Чернаго морей, а именно: Роны, По, Нила и Дуная. Новѣйшая наука даже указала на постепенное возрастаніе въ историческія времена наносныхъ земель въ дельтахъ такихъ рѣкъ, каковъ напр. Нилъ. Дельты большихъ рѣкъ имѣютъ свою

---

3) Elisée Reclus, La Terre. Description des phénomènes de la vie du globe. Paris. 1868. Часть I, стр. 477 — 542. — Ernest Desjardins, Aperçu historique sur les embouchures du Rhône. Paris. 1867, стр. 5.

4) Das Ausland. 1868. № 19, стр. 437.

исторію [5]). Чѣмъ болѣе засоряются водяныя системы устьевъ большихъ рѣкъ и дельты вслѣдствіе того получаютъ компактный видъ большой территоріи,—тѣмъ болѣе города, въ нихъ лежащіе, основанные для торговыхъ сношеній, теряютъ свое первоначальное значеніе и наконецъ исчезаютъ изъ исторіи [6]). Если бы азіатская столица Боспорскаго царства, Фанагорія, въ древности не погибла насильственно [7]), то нынѣ она не имѣла бы никакого значенія, вслѣдствіе физическихъ измѣненій, происшедшихъ въ мѣстности этой страны въ вѣка, послѣдовавшіе за ея паденіемъ и, вѣроятно, очень не отдаленные отъ нашего времени.

Но устье рѣки Кубани замѣчательно тѣмъ, что оно соединяетъ въ себѣ обѣ вышеупомянутыя формы устьевъ большихъ рѣкъ: оно образуетъ дельту, часть которой составляетъ нынѣшній Таманскій полуостровъ, и, сверхъ того, изливается въ море нѣсколькими широкими отверстіями, извѣстными у мѣстныхъ жителей подъ именемъ лимановъ. Въ древности число этихъ лимановъ, повидимому, было болѣе, чѣмъ въ настоящее время. Сверхъ того, есть указанія, что въ древности здѣсь существовали еще другія, меньшія водныя сообщенія, нынѣ исчезнувшія. Древніе писатели говорятъ, что въ этой странѣ существовали и каналы, прорытые рукою человѣка [8]). Нынѣ въ восточной части Кубанской дельты воды бродятъ безпорядочно и прихотливо среди болотъ и тростниковъ, появляются на время и потомъ снова исчезаютъ, такъ что составляютъ истинный лабиринтъ, тогда какъ во времена классической древности и здѣсь находились греческія поселенія. Желательно, чтобы наука возстановила карту бывшихъ водныхъ сообщеній въ этой странѣ.

Но не однѣ рѣчныя воды измѣнили пластическія формы этой страны: и море съ своей стороны содѣйствовало этимъ перемѣ-

---

5) Desjardins, Aperçu historique, стр. 5.

6) Напр. Остія, Пелузіумъ, Равенна, Фрежюсъ (Forum Iulii) и Aigues-Mortes.

7) Б. Кёне, Описаніе музеума покойнаго князя В. В. Кочубея. С.-Петербургъ. 1857. Томъ I-й, стр. 396.

8) Strab. Geogr. XI, 2, § 11.

намъ. Есть несомнѣнныя доказательства, что оно съ каждымъ годомъ, шагъ за шагомъ, завоевываетъ себѣ клочекъ у твердой земли, приближается къ курганнымъ насыпямъ, смываетъ ихъ въ половину и уноситъ съ собою земляные валы, извѣстные у мѣстныхъ жителей подъ именемъ баттарей. Невольно возникаетъ вопросъ: не былъ ли во времена классической древности уровень морской воды ниже настоящаго?

Менѣе всѣхъ подверглись измѣненіямъ пластическія формы Таманскаго полуострова отъ грязныхъ вулкановъ, хотя дѣйствію ихъ нѣкоторые новѣйшіе геологи приписываютъ огромное вліяніе *). Подземные огни, повидимому, нигдѣ не дали другого вида землѣ, на которой проявлялось ихъ дѣйствіе. Только на одномъ пунктѣ они, можетъ быть, содѣйствовали уничтоженію полинезическаго характера этой мѣстности. Напротивъ, появленіе грязныхъ вулкановъ въ извѣстныхъ мѣстахъ содѣйствовало обнаруживанію новыхъ археологическихъ фактовъ, доказывающихъ, что эти — по времени послѣдніе — весьма значительные грязные вулканы во времена классической древности не существовали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появились въ новѣйшее время. Вопросъ о давности вулканическихъ явленій на Таманскомъ полуостровѣ вовсе не былъ поднятъ наукою.

Изученіе топографіи нынѣшняго Таманскаго полуострова съ остатками древности, видѣнными на немъ путешественниками или нынѣ еще находящимися на поверхности земли съ раскопками, на немъ произведенными, должно пролить нѣкоторый свѣтъ на прежнее состояніе этой страны; быть можетъ, и въ геологахъ оно вызоветъ желаніе изслѣдовать ближе вопросы, касающіеся этой страны, на которые мы указали и въ предварительномъ рѣшеніи которыхъ столь нуждается археологія.

*) Abich, Einleitende Grundzüge der Geologie der Halbinseln Kertsch und Taman. St.-Petersburg 1865, стр. 84—87 (= Mém. de l'Acad. VII-e Série. Tome IX, № 4).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАРТА № 1.

1.

Кубань и два ея рукава: Протока и собственная Кубань. — Кубанская дельта и двѣ части ея: Кубанская низменность и Таманскій полуостровъ. — Характеръ Кубанской низменности и роль ея въ древности. — Ошибочное представленіе о географической формѣ Таманскаго полуострова.

Рѣка *Кубань* вытекаетъ изъ сѣверной стороны Эльбруса. У поста Славинскаго она раздѣляется на два большіе рукава: правый по низменности, среди болотъ и камышей, течетъ по направленію къ сѣверу, у Ачуевскаго рыбнаго завода впадаетъ въ Азовское море и извѣстенъ подъ именемъ *Черной Протоки* или *Притоки;* лѣвый или южный рукавъ обращается къ западу и, сохраняя за собою имя *Кубани*, впадаетъ въ Кубанскій лиманъ. Вся земля, лежащая къ сѣверу и западу отъ мѣста раздвоенія Кубани и омываемая двумя морями, Азовскимъ и Чернымъ, собственно составляетъ *Кубанскую дельту* [10]).

---

10) Новѣйшее и лучшее изслѣдованіе Кубанской дельты принадлежитъ Н. Я. Данилевскому. Оно напечатано въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, по общей географіи (томъ II, СПБ. 1869 г.), подъ заглавіемъ: «Изслѣдованія о Кубанской дельтѣ» (съ картою), стр. 1—123.

Кубанская дельта можетъ быть раздѣлена на двѣ, совершенно различныя по своей природѣ, части или территоріи. Первую составляетъ обширная *Кубанская низменность*, имѣющая около 110 верстъ по прямой линіи и простирающаяся отъ Ахтырскаго гирла до высохшаго гирла Перекопскаго. Отъ послѣдняго къ западу тянется собственно такъ называемый *Таманскій полуостровъ*, составляющій вторую часть Кубанской дельты [11]).

Собственно Кубанская низменность составляетъ приблизительно поверхность въ 80 кв. миль. Это пространство наполнено плавнями, т. е. поросшими тростникомъ болотами, тремя рѣками, безчисленнымъ множествомъ мелкихъ протоковъ, называемыхъ ериками, и неизслѣдимою сѣтью озеровидныхъ расширеній этихъ рѣкъ и ериковъ, мѣстными жителями называемыхъ тоже лиманами [12]).

Граница Таманскаго полуострова, въ строгомъ смыслѣ, должна быть проведена, начиная отъ Чернаго моря, черезъ Кубанскій лиманъ и черезъ широкую полосу низменности, окаймляющей его теченіе, до истока рѣчки Курки (близъ поста Андреевскаго), черезъ низменность, идущую отъ этой рѣчки съ ю.-в. угла Курчанскаго лимана, и наконецъ по этому лиману [13]).

Одинъ взглядъ на полную карту этой мѣстности долженъ убѣдить, что описанныя страны составляютъ одну обширную дельту Кубани. Но такъ какъ восточная или низменная половина Кубанской дельты, по непроходимой почвѣ и нездоровой природѣ своей, никогда не была предметомъ изслѣдованій ни естествоиспытателей, ни археологовъ, то она является на географическихъ картахъ большею частію опущенною: на спеціальныхъ картахъ изображается одинъ Таманскій полуостровъ безъ остальной части Кубанской дельты. А между тѣмъ Кубанская низменность играла нѣкоторую роль въ древней исторіи этой страны

---

11) Н. Я. Данилевскій, Изслѣдованія, стр. 2.
12) Данилевскій, Изслѣдованія, стр. 15.
13) Тамъ-же, стр. 14.

и при томъ была обитаема [14]). Причиною ошибочнаго новѣйшаго представленія, что Кубанская низменность составляетъ часть твердой земли Кавказа, было, повидимому, то обстоятельство, что сѣверный рукавъ Кубани, съ тѣхъ поръ какъ эта страна находится подъ властію Россіи, получилъ названіе Протоки, а южный сохранилъ за собою названіе самой рѣки [15]). Это заставило предполагать, что первый гораздо менѣе значителенъ, чѣмъ второй. Между тѣмъ, уже по словамъ одного стариннаго, но весьма мѣтко наблюдающаго путешественника, Протока гораздо шире и глубже, чѣмъ Кубань [16]). То же самое подтверждаютъ и новѣйшія изслѣдованія [17]). Поэтому на Протоку должно смотрѣть, какъ на восточную границу Кубанской дельты, которую она отрѣзываетъ отъ степнаго Черноморья. Здѣсь кончается дельта, и на противоположномъ правомъ берегу Протоки начинается твердая земля, материкъ Кавказа, хотя отличительный характеръ Кубанской низменности переходитъ еще на значительное пространство на правый берегъ Протоки. Собственно Кубань расширяется передъ устьемъ въ Кубанскій лиманъ и имѣетъ болѣе медленное теченіе, чѣмъ Протока [18]). Теченіе Кубани до ея развѣтвленія,— большею частію по каменистому ложу,—быстро. Но свѣтлыя и прозрачныя воды ея становятся мутны и медленны, когда начинаютъ развѣтвляться и пропадать въ болотахъ [19]).

Наконецъ, вѣроятно изъ вышеизложенной причины, возникло ошибочное мнѣніе, что Тамань есть *полуостровъ*, т. е. страна, съ трехъ сторонъ окруженная водою, а съ четвертой — воз-

---

14) Strab. Geogr. XI, 2, § 11. Остатки древне-греческаго поселенія близъ Курки видѣлъ графъ Потоцкій. См. его Voyage dans les Steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris. 1829. Томъ I, стр. 240, также стр. 238.

15) Что во времена классической древности сѣверный рукавъ былъ самый значительный, видно изъ того, что Страбонъ только его называетъ *рѣкою*, другое же отвѣтвленіе Кубани—только *рукавомъ*. Strab. Geogr. XI, 2, § 4 и 9.

16) **Potocki**, Voyage dans les Steps d'Astrakhan. Томъ I, стр. 237.

17) **Данилевскій**, Изслѣдованія, стр. 15.

18) **Данилевскій**, Изслѣдованія, стр. 16.

19) **Klaproth**, Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Halle. 1812. Часть I, стр. 446 [= франц. изд. Paris. 1823, I, p. 200].

вышенностью Кандауръ соединяющаяся съ твердою землею. Новѣйшее изслѣдованіе мѣстности доказываетъ, что вмѣстѣ съ Кубанскою низменностью она составляетъ нынѣ одинъ большой сплошной островъ, лежащій въ дельтѣ Кубани.

2.

Воды Таманскаго полуострова. — Азовское море и Курчанскій лиманъ. — Таманскій заливъ и два образуемые имъ полуострова. — Лиманъ Цукуръ. — Черное море и Кубанскій лиманъ.—Лиманъ Кизильташскій.—Лиманъ Ахтанизовскій.— Керченскій проливъ.

Нынѣшній такъ называемый Таманскій полуостровъ представляется страною, состоящею изъ довольно значительныхъ удлиненныхъ холмовъ, перемежающихся обширными водными пространствами.

Сѣверный его берегъ, идущій почти прямой полосой, омываетъ *Азовское море.*

На востокѣ, по направленію отъ сѣвера къ югу, глубоко врѣзывается въ землю часть Азовскаго моря и образуетъ здѣсь заливъ, который извѣстенъ подъ именемъ *Курчанскаго лимана*, по имени почтовой станціи Курки, лежащей отъ него къ югу. Но какъ и всѣ воды Таманскаго полуострова, онъ носитъ нѣсколько названій, именно: *верхній Темрюцкій лиманъ*, отъ казацкой станицы Темрюкъ, лежащей между имъ и Ахтанизовскимъ лиманомъ; *Горькій Лиманъ* — отъ вкуса соленой воды, которымъ онъ прежде отличался. Еще недавно въ него не вливалась ни одна прѣсная вода значительнаго объема. Въ настоящее время вода Курчанскаго лимана, вслѣдствіе проведенія въ него Темрюцкаго гирла, потеряла отчасти свой прежній соленый вкусъ. Только при наносныхъ вѣтрахъ она бываетъ солонцеватая. На болѣе старинныхъ картахъ онъ называется *Большой Кандауръ* [20]).

---

20) На картѣ къ путешествію Палласа и на картѣ Клапрота къ его статьѣ: Commentaire sur la description des pays caucasiens de Strabon, въ Nouveau Journal Asiatique. Paris. 1828. Часть I, къ стр. 294.

Татары, обитавшіе въ этой странѣ до завоеванія ся Россіею, называли его *Караденисъ*, т. е. Черное (темнаго цвѣта) море [21]). Нынѣшней формѣ его всего менѣе свойственно названіе *лимана*, которое онъ носитъ на всѣхъ географическихъ картахъ: это скорѣе заливъ. Словомъ *лиманъ* обозначаются озеровидныя расширенія устьевъ рѣкъ, отгороженныя отъ моря косами [22]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ неизвѣстныя времена онъ дѣйствительно образовывалъ весьма широкое устье нынѣ невдалекѣ протекающей Кубани. Это нынѣ почти исчезнувшее соединеніе Кубани съ Курчанскимъ лиманомъ [23]), образующее болотистую низменность, поросшую камышемъ, придавало этой мѣстности еще болѣе явственный характеръ острова. Курчанскій лиманъ имѣетъ около 18 верстъ въ длину, при 5 или 6 верстахъ средней ширины. Онъ гораздо мельче сосѣдняго съ нимъ Ахтанизовскаго, такъ что даже мелкія каботажныя суда, которыхъ грузъ назначенъ для города Темрюка, должны стоять на якорѣ въ открытомъ морѣ за Курчанскимъ гирломъ, соединяющимъ лиманъ съ Азовскимъ моремъ. Это гирло имѣетъ до 130 саженей ширины [24]).

Съ западной стороны Таманскій полуостровъ омывается *Керченскимъ проливомъ*.

Въ срединѣ пролива море снова далеко врѣзывается въ землю и новымъ заливомъ, именуемымъ *Таманскимъ*, раздѣляетъ его западную часть на два полуострова, меньшихъ размѣровъ, изъ которыхъ каждый оканчивается косою. Изъ этихъ двухъ полуострововъ сѣверный въ половину менѣе южнаго; отъ сѣверозападнаго конца перваго, въ югозападномъ направленіи, тянется

---

21) Koch, Die kaukasische Militärstrasse, стр. 196.

22) Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Томъ I (Одесса, 1844), стр. 35. Статья Н. Надеждина: Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями. — Н. Я. Данилевскій, Нѣсколько мыслей о русской географической терминологіи. Записки Русскаго Географическаго Общества. По общей географіи. Томъ II. СПБ. 1869. Ч. II, стр. 125.

23) Anat. Demidoff, Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée. Paris. 1840. Часть II, стр. 555.

24) Данилевскій, Изслѣдованія, стр. 16.

коса, извѣстная подъ именемъ *Сѣверной* или *Чушки* [25]). Отъ южнаго же на сѣверозападной оконечности, по направленію къ Крыму, тянется вторая коса, называемая *Южною* или *Тузла*. На сѣверномъ берегу южнаго полуострова лежитъ главный городъ *Тамань*, давшій свое имя и цѣлому полуострову и заливу, омывающему его сѣверный берегъ. Таманскій заливъ имѣетъ въ длину отъ запада къ востоку 25 верстъ, а въ ширину отъ юга къ сѣверу 23 версты.

На южной сторонѣ второго полуострова находится западный заливъ Кубанскаго лимана, нѣкогда составлявшій особое большое озеро *Цукуръ*. Говорятъ, что естественная преграда, прежде существовавшая между Цукуромъ и Кубанскимъ лиманомъ, была уничтожена какимъ-то пашей [26]). Нынѣ воды Цукура и Кубанскаго лимана сливаются вмѣстѣ. Цукуръ на картѣ Дюбуа носитъ названіе: Бугазскій заливъ [27]). Мѣстные жители даютъ ему тоже названіе лимана [28]). Вода его прѣсная.

Съ юга Таманскій полуостровъ омывается *Чернымъ моремъ* и *Кубанскимъ лиманомъ*. Послѣдній образуетъ озеровидное расширеніе, въ которое изливаются воды южнаго рукава Кубани. Вода его прѣсная, потому что Кубанскій лиманъ въ настоящее время есть истинный лиманъ. Правда, воды этого лимана въ свою очередь изливаются въ Черное море, но черезъ узкое отверстіе, не позволяющее соленой морской водѣ протекать далеко въ лиманъ. Естественную преграду, раздѣляющую воды Кубанскаго лимана отъ водъ Чернаго моря, образуетъ длинная *коса*, именуемая *Джемитейскою*, идущая въ сѣверозападномъ направленіи отъ

---

25) Мѣстные жители называютъ Сѣверную косу Чушкою, объясняя это названіе большимъ количествомъ выбрасываемыхъ на нее тупорылыхъ дельфиновъ (phocaena communis), извѣстныхъ подъ именемъ морскихъ свиней или чушекъ. Данилевскій, Изслѣдованія, стр. 106, примѣч.

26) Ашикъ, Воспорское царство, Одесса. 1848. Часть II, стр. 14, примѣч. 2.

27) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase. Atlas, 1 série, pl. 2.

28) О происхожденіи имени Цукуръ см. Клапрота Commentaire, стр. 295. Этимологія Ашика, изложенная въ вышецитованномъ примѣчаніи, едва ли заслуживаетъ вниманія.

твердой земли Кавказа и имѣющая до 14 верстъ длины. Въ срединѣ она расширяется и оканчивается двумя длинными косами, на подобіе вилы или двоезубца. Между самою западною изъ этихъ косъ и таманскимъ берегомъ, выступающимъ къ этой косѣ, образовался узкій проливъ, соединяющій Кубанскій лиманъ съ Чернымъ моремъ; проливъ этотъ такъ мелокъ, что иногда его можно пройдти въ бродъ [29]). Всѣ эти мѣстности до сихъ поръ носятъ татарско-турецкія названія. Восточная часть Кубанскаго лимана извѣстна подъ именемъ *Кизильташскаго лимана* [30]). *Коса* называется *Джиметри* или *Шимитая*, а проливъ—*Бугазъ*, что по-турецки означаетъ *устье*. Бугазское гирло (по-великорусски

29) Koch, Die kaukasische Militärstrasse, стр. 196.

30) Таковы нынѣшнія названія водъ Кубанскаго лимана и связанныхъ съ нимъ водныхъ пространствъ. Въ прошломъ столѣтіи они носили болѣе п авильно слѣдующія названія: западная небольшая часть нынѣшняго лимана *Цукуръ* составляла особое озеро, носившее это имя; восточная и бóльшая часть лимана носила званіе *Кизильташъ*, отъ татарскаго слова, значущаго *красный камень* или *утесъ*, потому что на берегу находятся утесы изъ третичнаго известняка, присутствіемъ желѣза окрашенные въ красный цвѣтъ. Кубанскій лиманъ назывался также *Южнымъ Кубанскимъ лиманомъ*. Для большей ясности прилагаемъ очеркъ этихъ водъ.

горло, — имя, которое казаки даютъ каждому проливу) по новѣйшимъ извѣстіямъ имѣетъ около 20 или не болѣе 30 саженъ ширины. Этимъ именемъ называется также та часть Кубанскаго залива, которая лежитъ между обѣими джемитейскими косами. Устье Кубани въ настоящее время загорожено песчаными островами, образовавшимися вслѣдствіе наносовъ рѣки; рукава ея, текущіе между этими островами, носятъ различныя названія, данныя имъ мѣстными жителями [31]).

Наконецъ въ восточной части нынѣшняго Таманскаго полуострова, между Курчанскимъ и Кубанскимъ лиманами, лежитъ послѣднее большое водное пространство, верстъ въ 25 длиною и 7 шириною. Нынѣ оно образуетъ озеро, очень глубокое, со всѣхъ сторонъ окруженное землею. На югѣ двумя рукавами, изъ которыхъ одинъ, нынѣ искусственно расширенный, называется *Переволокою*, оно соединяется съ Кубанью, а на востокѣ, черезъ посредство Темрюцкаго гирла, съ Курчанскимъ лиманомъ. Вода его въ настоящее время совершенно прѣсная. Прежніе обитатели этой страны, татары, назвали его *Акденгисъ* или *Акденисъ*, т. е. *Бѣлое море*, потому что поверхность его въ спокойномъ состояніи бѣлѣетъ и блеститъ какъ полотно [32]). Съ теченіемъ времени это имя подверглось разнымъ измѣненіямъ и порчѣ, и нынѣ озеро это называется *Афтанисомъ, Акитенгизомъ, Ахденизовскимъ, Ахтанизовскимъ лиманомъ*, также *нижнимъ Темрюцкимъ лиманомъ*. На сѣверномъ берегу лимана лежитъ казацкое селеніе, носящее то же самое имя.

Таманскій полуостровъ отдѣляется отъ лежащаго противъ

---

31) Вотъ имена этихъ рукавовъ Кубани: Подстѣнный (нынѣ не существуетъ), Быстрикъ большой, Быстрикъ малый, Якушкинъ первый, Якушкинъ второй, Кубань и Джаго (?).

32) «Лиманъ Ахтанизовскій очень глубокъ. Это долженъ быть провалъ вулканическаго происхожденія, залитый водами Кубани. На западномъ берегу его возвышается конусообразная гора, съ отверстіемъ на вершинѣ. Когда лиманъ волнуется, изъ отверстія горы выскакиваетъ жидкій, пепловидный илъ. Не ясно ли обнаруживается здѣсь присутствіе вулкана, погашеннаго вторженіемъ водъ?» Черноморскіе казаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту [сост. Иванъ Попка]. СПБ. 1858. Часть I, стр. 10.

него на западной сторонѣ полуострова Крыма большимъ проливомъ, нынѣ называемымъ *Керченскимъ* или *Еникольскимъ*, по именамъ городовъ, лежащихъ на восточномъ берегу полуострова. Въ древности онъ назывался *Боспоромъ Киммерійскимъ*[33]). Этотъ проливъ соединяетъ воды Чернаго моря съ Азовскимъ. Ширина его въ разныхъ мѣстахъ различная. На сѣверѣ онъ имѣетъ болѣе 9 верстъ ширины. Сѣверная, а еще болѣе Южная, косы суживаютъ проливъ даже на разстоянія отъ 3 до 4 верстъ[34]). По увѣренію таманскихъ старожиловъ, во времена татаръ, послѣдніе переѣзжали съ Сѣверной косы въ Керчь на верблюдахъ. Нынѣ подобный переѣздъ едва ли исполнимъ. Справедливость этого преданія доказывается словами Палласа, который путешествовалъ по этой мѣстности вскорѣ послѣ завоеванія ея Русскими, въ 1794 году. Онъ говоритъ, что Керченскій проливъ, близъ оконечности Сѣверной косы, *островами, отъ нея идущими* (которыхъ теперь нѣтъ?), такъ суживается, что составляетъ почти три версты. Эти неглубокія пространства, слегка покрытыя водою, служатъ мѣстомъ отдохновенія для скота и представляютъ самое удобное мѣсто для переправы его на европейскій берегъ[35]). Отсюда является возможность предположить, что въ

---

33) Страбонъ (Geogr. XI, 2, § 8) точно опредѣляетъ границы пролива. Καλεῖται δὲ οὕτως (Κιμμερικὸς Βόσπορος) ὁ στενωπὸς ἐπὶ τοῦ στόματος τῆς Μαιώτιδος ἀπὸ τῶν κατὰ τὸ Ἀχίλλειον καὶ τὸ Μυρμήκιον στενῶν διατείνων μέχρι πρὸς τὴν Κοροκονδάμην καὶ τὸ ἀντικείμενον αὐτῇ κωμίον τῆς Παντικαπαιέων γῆς [ᾧ] ὄνομα Ἄκρα, ἑβδομήκοντα σταδίων διειργόμενον πορθμῷ.

34) По словамъ одного путешественника (F. Gilles, Lettres sur le Caucase et la Crimée. Paris, 1859, стр. 403 и 404), между мысомъ, на которомъ расположена Павловская баттарея (на восточномъ берегу Крымскаго полуострова), и оконечностью Южной косы разстояніе менѣе 4 верстъ. Нынѣ, говорятъ, на этомъ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива въ море возведена, для стратегическихъ цѣлей, стѣна, возвышающаяся надъ уровнемъ моря повидимому на аршинъ, съ узкимъ проходомъ для кораблей по срединѣ,—стѣна, заграждающая непріятелю входъ въ Азовское море. Говорятъ, что послѣ Крымской войны Павловская баттарея и противоположная ей оконечность Южной косы сильно укрѣплены.

35) Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches. Leipzig. Martini. 1801. 4⁰. Часть II, стр. 284.

древности проливъ былъ еще у́же, въ особенности, если допустить, что Сѣверная и Южная косы имѣли бо́льшій противъ нынѣшняго объемъ. Отъ этого понятно, почему Греки прозвали его и подобные узкіе проливы βοὸς πόρος, переходъ быка. Что даже и при настоящихъ увеличенныхъ своихъ размѣрахъ проливъ въ зимнее время замерзаетъ, весьма понятно [36]). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ извѣстіи Страбона, что Неоптолемъ, полководецъ Миѳридата, разбилъ варваровъ въ этомъ проливѣ лѣтомъ въ морской битвѣ, а зимою въ конномъ сраженіи [37]). Самая большая ширина Керченскаго пролива на югѣ; здѣсь она доходитъ до 19 верстъ [38]).

3.

Названія Кубани. — Страбоновъ Антикитъ, впадающій въ Азовское море, а рукавомъ въ Корокондамитскій лиманъ. — Птолемеевы рѣки этой мѣстности: Аттикитъ, Псаѳисъ и Варданъ.

Клапротъ говоритъ, что названіе *Кубани* — татарское (قوبان). Ногайцы произносятъ его также *Куманъ*. Впрочемъ, онъ прибавляетъ, что не могъ узнать значенія этого имени. Авхазскіе народы называютъ эту рѣку—*Кубинъ*, а Черкесы—*Псише* (или *Пшизъ*, какъ пишутъ русскіе писатели), т. е. *старая вода* или *древняя рѣка* [39]). Уже знаменитый французскій географъ Данвилль предполагалъ, что названіе Кубани есть искаженіе слова Гипанисъ. «Гипанисъ — говоритъ онъ — стекаетъ съ Кавказскихъ горъ и впадаетъ въ Боспоръ и Меотійское болото, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ; онъ и подъ названіемъ Ку-

---

36) Pallas, Bemerkungen etc. Часть II, стр. 284.

37) Strab. Geogr. VII, 3, 18.

38) F. Gilles, Lettres sur le Caucase et la Crimée, стр. 403.

39) Klaproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Halle und Berlin. 1812. Часть I, стр. 436 [= франц. изд. Paris. 1823, I, p. 189].

бани сохраняетъ свое прежнее имя, такъ какъ по произношенію, свойственному нарѣчіямъ Сѣверной Азіи, сильное придыханіе, выговариваясь горломъ, становится К» [40]). Это мнѣніе подтверждается и новѣйшими филологическими изслѣдованіями. Мюлленгоффъ полагаетъ, что если зендское hva, qa (санскр. sva) превращается въ khû, а p въ болѣе юныхъ діалектахъ смягчается въ b, то слово *Кубань* есть не иное что, какъ болѣе юная форма слова Ὕπανις [41]). Итальянцы среднихъ вѣковъ это слово передѣлали въ *Копа* [42]).

Кубань и ея рукава въ древности носили, повидимому, различныя имена. Страбонъ, современникъ Императора Августа, говоря о Боспорѣ Киммерійскомъ, въ двухъ мѣстахъ своего сочиненія (lib. XI, c. 2, §§ 4 и 9) упоминаетъ эту рѣку и ея рукавъ. Въ § 4, описывая восточный берегъ Меотійскаго озера, онъ говоритъ, что «отъ (рѣки) Малаго Ромбита до Тирамбы и рѣки Антикита 600 стадій, затѣмъ 120 до Киммерійскаго мѣстечка, откуда отправляются тѣ, которые объѣзжаютъ озеро» (Меотійское или Азовское море) [43]). Изъ этого мѣста видно, что городъ или мѣстечко Тирамба лежало близъ устья Антикита, потому что Страбонъ измѣряетъ все разстояніе между Ромбитомъ и Тирамбой и Антикитомъ только одной цифрой. Замѣчательно, что Страбонъ, идущій при описаніи восточнаго берега Меотійскаго озера съ сѣвера къ югу, упоминаетъ городъ Ти-

---

40) «L'Hypanis descend du Caucase, se rend dans le Bosphore et dans le Palus, en se partageant en plusieurs bras; et il conserve le même nom en celui du Kouban, parce que selon la prononciation propre à des idiomes du nord de l' Asie, l' H, prononcé de la gorge, devient un K». Geographie ancienne. Paris. 1775. Ч. II, стр. 310.

41) Mühlenhoff, Ueber die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten. Monatsberichte der berl. Akad. der Wissensch. 1866, стр. 559, примѣч. 3.

42) Клапротъ, Commentaire etc. стр. 296.

43) Strab. Geogr. lib. XI, c. 2, § 4: ἀπὸ δὲ τοῦ μικροῦ Ῥομβίτου στάδιοί εἰσιν ἑξακόσιοι ἐπὶ Τυράμβην καὶ τὸν Ἀντικείτην ποταμόν· εἶθ' ἑκατὸν καὶ εἴκοσιν ἐπὶ τὴν κώμην τὴν Κιμμερικήν, ἥτις ἐστὶν ἀφετήριον τοῖς τὴν λίμνην πλέουσιν.

рамбу прежде, чѣмъ устье Антикита. Отсюда слѣдуетъ вывести заключеніе, что Тирамба лежала на правомъ берегу Антикита. Но который же изъ рукавовъ Кубани, изливавшихся или изливающихся еще въ настоящее время въ Азовское море, можетъ быть принятъ за Антикитъ Страбона? Знаменитый картографъ Кипертъ прилагаетъ это имя къ главному или восточному рукаву Кубани или нынѣшней Протокѣ, къ сѣверу отъ котораго и помѣщаетъ городъ Тирамбу [44]). Форбигеръ весьма неопредѣленно говоритъ, что по Страбону одинъ рукавъ Антикита изливается въ Азовское, а другой въ Черное море, но онъ не отожествляетъ эти рукава съ нынѣшними теченіями Кубани [45]).

Разбирая внимательно § 4 Страбона и, въ особенности, принимая въ соображеніе разстоянія, указываемыя имъ между разными пунктами, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ берлинскаго картографа. Страбонъ крайними точками своего плаванія вдоль восточнаго берега Азовскаго моря принимаетъ Танаидъ и мѣстечко Киммериконъ, лежащее на сѣверной оконечности азіатской стороны Боспора, возлѣ самаго пролива. На этомъ пространствѣ онъ показываетъ слѣдующія разстоянія: отъ Танаида (нынѣ Донъ) до Большаго Ромбита (нынѣ рѣка Ея) 800 стадій, отъ Большаго Ромбита до Малаго (нынѣ Бейсугъ) тоже 800, отъ Малаго Ромбита до Тирамбы и Антикита 600 стадій, отъ Антикита до Киммерійскаго мѣстечка 120 стадій. Если Страбоновъ Антикитъ отожествить съ Протокою, то разстояніе отъ Протоки до Киммерійскаго мѣстечка показано Страбономъ совершенно невѣрно. Клапротъ, признавая ошибочность разстояній, указываемыхъ Страбономъ, думалъ исправить погрѣшность послѣдняго показаніями Птолемея, но его примиреніе показаній двухъ древнихъ географовъ еще менѣе удачно [46]). Стра-

44) Kiepert, Neuer Atlas von Hellas. 1868. Карта X.

45) Forbiger, Handbuch der alten Geographie. Leipzig. 1844. Часть II, стр. 454.

46) Commentaire etc. (sur la description des pays caucasiens de Strabon, въ Nouveau Journal Asiatique. Paris. 1828. Часть I), стр. 62.

бонъ и Птолемей единогласно называютъ одну изъ рѣкъ, впадающихъ на восточномъ берегу въ Азовское море, ΑΝΤΙΚΕΙΤΗΣ и ΑΤΤΙΚΙΤΗΣ. Оба ставятъ Тирамбу на правый берегъ устья этой рѣки, къ сѣверу отъ послѣдняго. Вопросъ о неточности разстояній Страбона мало измѣняется тѣмъ, что Клапротъ отожествляетъ Аттикитъ Птолемея съ нынѣшнимъ Кирпили, а Протокѣ даетъ названіе Птолемеева Псаѳиса. Какъ можетъ быть Антикитъ Страбона тожественъ съ нынѣшнимъ Кирпили, если, по словамъ самого же Клапрота, Кирпили отстоитъ отъ Боспора на 692 стадіи?! Показаніе Страбона слишкомъ явно говоритъ о незначительности разстоянія между Антикитомъ и Киммерійскимъ мѣстечкомъ.

«Рукавъ той же самой рѣки (Антикита), по Страбону (тамъ же § 9), впадалъ въ лиманъ Корокондамитскій, лежавшій выше мѣстечка того же имени, отъ котораго лиманъ въ десяти стадіяхъ (около 2 верстъ) изливается въ море» [47]).

Сравнивая это мѣсто Страбона съ предыдущимъ въ § 4, мы видимъ, что главнымъ теченіемъ рѣки Антикита Страбонъ считалъ то, которое впадаетъ въ Меотійское озеро. Только *рукавъ* этой рѣки впадалъ въ Кpropкондамитскій лиманъ, а съ нимъ и въ море. Подъ послѣднимъ (εἰς τὴν θάλατταν) онъ могъ разумѣть только Черное море. «Иные—прибавляетъ Страбонъ—давали этой рѣкѣ имя *Гипанисъ*, какъ называется та рѣка, которая течетъ возлѣ Борисѳена» [48]).

47) Strab. Geogr. lib. XI, cap. 2, § 9: Ὑπέρκειται δὲ τῆς Κοροκονδάμης εὐμεγέθης λίμνη, ἥν καλοῦσιν ἀπ' αὐτῆς Κοροκονδαμῖτιν· ἐκδίδωσι δ' ἀπὸ δέκα σταδίων τῆς κώμης εἰς τὴν θάλατταν· ἐμβάλλει δὲ εἰς τὴν λίμνην ἀπορρώξ τις τοῦ Ἀντικείτου ποταμοῦ.... τινὲς δὲ καὶ τοῦτον τὸν ποταμὸν Ὕπανιν προσαγορεύουσι, καθάπερ καὶ τὸν πρὸς τῷ Βορυσθένει.

48) Форбигеръ, Handbuch ч. II, стр. 454, примѣчаніе 73, влагаетъ въ уста Страбона, что нѣкоторые считали Антикитъ за Гипанисъ Геродота, и говоритъ, что это мнѣніе справедливо отвергаетъ Плиній старшій, IV, 12, 26. Но Страбонъ ни слова не говоритъ о Гипанисѣ Геродота, и Плиній въ означенномъ мѣстѣ нисколько не возстаетъ противъ Страбона. Страбонъ просто говоритъ, что Антикитъ только *иные* называли тѣмъ же имснемъ, какъ и рѣку, текущую возлѣ Борисѳна. Одноименныхъ названій рѣкъ, городовъ и т. д. въ древности, какъ и въ новѣйшее время, было множество.

Птолемею, современнику Императора Антонина, извѣстно гораздо большее число рѣкъ на восточномъ берегу Азовскаго моря, чѣмъ Страбону. Именно, въ книгѣ V, гл. 9, §§ 2—5, идя отъ сѣвера къ югу по береговой линіи, онъ, начиная отъ устьевъ Танаида, считаетъ семь слѣдующихъ рѣкъ: 1) *Марубій* (Μαράβιος, al. Μαρούβιος), нынѣ (по Клапроту)[49] *Эльбузда*; 2) *Большой Ромбитъ* (Ῥομβίτης μέγας), нынѣ (по тому же автору) Ея; 3) *Ѳеофаній* (Θεοφάνιος), нынѣ (по нему же) *Чалбахъ* или *Челбасы;* 4) *Малый Ромбитъ* (Ῥομβίτης μικρός), нынѣ (по нему же) *Бейсугъ*; 5) *Аттикитъ* (Ἀττικίτης); 6) *Псаѳисъ* (Ψάθις) и 7) *Варданъ* (Οὐαρδάνης). Если Страбонъ тотчасъ за Малымъ Ромбитомъ именуетъ Антикитъ, а Птолемей — Аттикитъ, то, очевидно, оба географа разумѣли одну и ту же рѣку, которой рукавъ, по Страбону, впадалъ въ Корокондамитскій лиманъ. Этою рѣкою можетъ быть только Кубань, которой сѣверный рукавъ впадаетъ въ Азовское море. Гораздо труднѣе отожествить Птолемеевы Псаѳисъ и Варданъ. Только въ видѣ догадки можно предположить, что оба суть рукава той же Кубани. Именно Псаѳисъ, самый загадочный, есть, можетъ быть, тотъ рукавъ ея, который изливался въ Корокондамитскій лиманъ, а Варданъ — рукавъ, нынѣ впадающій въ Кубанскій лиманъ. Послѣднее принимаетъ и Кипертъ на своей вышеозначенной картѣ, считая однако Псаѳисъ за одну изъ безчисленныхъ рѣкъ, текущихъ по Кубанской низменности въ Азовское море. Замѣчательно, что древнее имя рѣки Кубани или одного изъ ея рукавовъ—Псаѳисъ (по другимъ рукописямъ Псапосъ) до сихъ поръ еще живетъ у черкесовъ, которые называютъ Кубань — *Псише* (Пшизъ), т. е. *старая вода* или *древняя рѣка*. Такимъ образомъ Птолемей, называя еще двѣ рѣки къ ю.-з. отъ своего Аттикита, разумѣетъ подъ ними, безъ сомнѣнія, два болѣе южные рукава той же самой рѣки.

Вотъ отрицательные результаты, до которыхъ мы дошли, не

---

49) Commentaire etc., стр. 62.

дѣлая никакихъ насилій тексту авторовъ и стараясь согласить мнѣнія двухъ древнихъ географовъ [50]).

4.

Происхожденіе имени Антикита. — Древнія теченія Кубани: 1) Антикитъ (или Аттикитъ) впадалъ въ Курчанскій заливъ.—2) Рукавъ Кубани, изливавшійся по Страбону въ Короконадмитскій лиманъ (Птолемеевъ Псаоисъ?), и его нынѣ засоренное русло.—Древнія названія Ахтанизовскаго лимана и Таманскаго залива.—3) Птолемеева рѣка Варданъ—нынѣшняя Кубань.

Имя рѣки Антикитъ произошло отъ имени породы рыбы ἀντιχαῖος (осётръ), водящейся въ устьѣ этой рѣки*). Страбонъ говоритъ, что жители восточнаго берега Азовскаго моря преимущественно занимались рыбной ловлей [51]). Здѣсь было расположено большое число рыбныхъ заводовъ. Первое мѣсто въ числѣ разныхъ породъ рыбъ, ловимыхъ въ Антикитѣ, занималъ осётръ, давшій свое имя этой рѣкѣ. До настоящаго времени въ

---

50) Клапротъ, отожествляя Птолемеевъ Аттикитъ съ Кирпили, не имѣющей никакой связи съ Кубанью, нисколько не сравниваетъ этотъ Аттикитъ съ Страбоновымъ Антикитомъ, хотя тожество обоихъ названій ясно, какъ день. Напротивъ, Псаѳисъ, по его мнѣнію, Протока; Варданъ же Птолемея онъ отожествляетъ съ Страбоновымъ Антикитомъ, изливавшимся въ Азовское море близъ Тирамбы, а чрезъ нѣсколько строкъ говоритъ (забывая все предыдущее), что Варданъ нынѣ не существуетъ, что это было главное устье Кубани, изливавшееся въ Ахтанизовскій лиманъ, близъ горы Тиздаръ. Къ этимъ двумъ противорѣчіямъ самому себѣ онъ прибавляетъ третье: на картѣ, приложенной къ его комментарію, стр. 294, онъ рисуетъ фантастическое Короконадмитское озеро, въ которое впадаетъ какой-то главный рукавъ Антикита, не имѣющій имени.

*) [Это объясненіе почтеннаго автора совершенно невѣрно, такъ какъ рыба называется ἀνταχαῖος, а не ἀντιχαῖος, и указываемое имъ производство этимологически невозможно. *Ред.*].

51) Strab. Geogr. lib. XI, cap. 2, § 4. Ἐν δὲ τῷ παράπλῳ τῷ παρὰ γῆν πρῶτον μέν ἐστιν ἀπὸ τοῦ Ταναΐδος προϊοῦσιν ἐν ὀκτακοσίοις σταδίοις ὁ μέγας καλούμενος Ῥομβίτης, ἐν ᾧ τὰ πλεῖστα ἁλιεύματα τῶν εἰς ταριχείας ἰχθύων· ἔπειτα ἐν ἄλλοις ὀκτακοσίοις ὁ ἐλάσσων Ῥομβίτης [καὶ] ἄκρα, ἔχουσα καὶ αὐτὴ ἁλιείας ἐλάττους.

устьяхъ Кубани производится ловля осетрины, бѣлуги (accipenser huso), севрюги (accipenser stellatus), стерляди (accipenser ruthenus), семги и другихъ породъ рыбъ въ такихъ большихъ размѣрахъ, что рыбная ловля составляетъ одну изъ главныхъ статей доходовъ Черноморскихъ казаковъ [52]). Осётръ, нынѣ водящійся въ Бугѣ (Геродотовъ Гипанисъ), вѣроятно и въ древности ловился тамъ въ изобиліи. Поэтому не удивительно, что названіе, которое иные давали Антикиту — Гипанисъ — перенесено было греческими переселенцами съ Кубани на сѣверъ къ Черному морю, гдѣ и осталось за рѣкою Бугомъ. Азіатскіе же Воспорцы называли Кубань большею частію Антикитъ, а только иные — Гипанисъ. Перенесеніе съ юга на сѣверъ, въ новозаселяемыя страны, именъ родины мы часто встрѣчаемъ въ древности [53]). Замѣчательный примѣръ подобнаго перенесенія именъ мѣстностей представляютъ въ настоящее время названія двухъ имѣній въ Австріи. Одно изъ нихъ, лежащее въ Богемскомъ лѣсу и принадлежащее князю Виндишъ-Грецу, славящееся своими громадными лѣсами, называется *Таманъ*. Въ томъ же Богемскомъ лѣсу находится первобытный лѣсъ, растущій на горѣ, по имени *Кубани* (Kubany), и принадлежащій князю Шварценбергу. Ясно, что эти имена перенесены съ юга. Но какимъ образомъ совершилось это перенесеніе? [54]).

Въ настоящее время Кубань совершенно измѣнила свои теченія. Желая отожествить показанія древнихъ географовъ съ нынѣшнею мѣстностью, мы часто должны прибѣгать къ предположеніямъ. Основываясь строго на достовѣрности показанія разстояній Страбона, мы можемъ признать Страбоновъ *Антикитъ* и Птолемеевъ *Аттикитъ* за измельчавшій нынѣ рукавъ

52) Одна изъ превосходнѣйшихъ породъ рыбъ, ловимыхъ въ водахъ Таманскаго полуострова казаками, до сихъ поръ называется греческимъ именемъ *кефаль*.

53) Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Томъ VII, стр. 251.

54) Das Ausland. 1869, № 4: Urwälder in Schlesien und in Böhmen, стр. 76.

Кубани, нѣкогда изливавшійся въ Курчанскій лиманъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Азовское море. На это даетъ намъ право обширный лиманъ, которымъ этотъ рукавъ Кубани изливался въ море. Поэтому Страбонову Тирамбу слѣдуетъ искать на правомъ, восточномъ, вовсе неизслѣдованномъ, берегу Курчанскаго залива, а не на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагаетъ существованіе этого города Дюбуа.

Перейдемъ къ рукаву Кубани, изливавшемуся, по Страбону, въ Корокондамитскій лиманъ.

«Выше Корокондамы находится большой лиманъ, называемый по имени этого селенія Корокондамитскимъ; онъ изливается въ море на разстояніи 10 стадій отъ Корокондамы. Въ озеро впадаетъ рукавъ Антикита; такимъ образомъ эта страна образуетъ островъ, вокругъ омываемый Корокондамитскимъ лиманомъ, Меотійскимъ озеромъ и рѣкою Антикитомъ..... Въѣхавъ въ Корокондамитскій лиманъ, находимъ Фанагорію,—значительный городъ,—Кепы, Гермонассу и Апатуронъ, храмъ Афродиты. Изъ нихъ Фанагорія и Кепы находятся на упомянутомъ островѣ по лѣвую руку (для въѣзжающаго въ лиманъ); прочіе же города лежатъ направо, по ту сторону Гипаниса, въ Синдикѣ. Тутъ лежатъ въ Синдикѣ и Горгипія, столица синдскихъ царей, близъ моря, и Аборака» [55]).

Объясненію этого мѣста Страбона, подавшаго поводъ къ безконечнымъ преніямъ между археологами, много содѣйствовалъ Дюбуа [56]). Опытному взгляду геолога наблюденіе

---

55) Strab. Geogr. (ed. Kramer), lib. XI, cap. 2, § 9: Ὑπέρκειται δὲ τῆς Κοροκονδάμης εὐμεγέθης λίμνη, ἣν καλοῦσιν ἀπ' αὐτῆς Κοροκονδαμῖτιν· ἐκδίδωσι δ' ἀπὸ δέκα σταδίων τῆς κώμης εἰς τὴν θάλατταν· ἐμβάλλει δὲ εἰς τὴν λίμνην ἀπορρώξ τις τοῦ Ἀντικείτου ποταμοῦ καὶ ποιεῖ νῆσον περίκλυστόν τινα ταύτῃ τε τῇ λίμνῃ καὶ τῇ Μαιώτιδι καὶ τῷ ποταμῷ....

§ 10. Εἰσπλεύσαντι δ' εἰς τὴν Κοροκονδαμῖτιν ἥ τε Φαναγορία ἐστί, πόλις ἀξιόλογος, καὶ Κῆποι καὶ Ἑρμώνασσα καὶ τὸ Ἀπάτουρον, τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν. ὧν ἡ Φαναγορία καὶ οἱ Κῆποι κατὰ τὴν λεχθεῖσαν νῆσον ἵδρυνται εἰσπλέοντι ἐν ἀριστερᾷ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ πέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ· ἔστι δὲ καὶ Γοργιπία ἐν τῇ Σινδικῇ τὸ βασίλειον τῶν Σινδῶν πλησίον θαλάττης, καὶ Ἀβοράκη.

56) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 64, 67.

надъ мѣстностью доказало, что Страбонъ говоритъ здѣсь о нынѣ исчезнувшемъ рукавѣ Кубани. Въ самомъ дѣлѣ, возлѣ пикета *Переволочная баттарейка*, Кубань,— нынѣ расчищеннымъ рукавомъ *Переволокою* [57]) изливающаяся въ южную оконечность Ахтанизовскаго лимана, — во времена Страбона впадала въ этотъ лиманъ обширнымъ рукавомъ, протекала его на всемъ протяженіи и потомъ въ сѣверозападномъ направленіи, по нынѣ высохшему руслу, миновавъ грязную сопку Блеваки, Шимарданскою бухтою впадала близъ хутора Бѣлаго въ Короконамитскій лиманъ (нынѣ Таманскій заливъ). До настоящаго времени еще сохранились слѣды этого рукава Кубани какъ въ небольшихъ водныхъ пространствахъ или озерахъ, находящихся на вышеозначенномъ пространствѣ, такъ и въ профиляхъ мѣстности и его геологическомъ характерѣ. Отъ сѣверозападной оконечности Ахтанизовскаго лимана до Таманской бухты нынѣшняя поверхность земли представляетъ продолговатое углубленіе, низменность, которая характеризуется даже особою растительностью, свойственною однимъ912 русламъ рѣкъ [58]). Почти половину всего этого пространства, и именно южную, занимаетъ большое озеро, являющееся естественнымъ продолженіемъ Ахтанизовскаго лимана и соединяющееся съ нимъ узенькою рѣкою. Протяженіе

57) «Вскорѣ послѣ окончанія восточной войны, правительство возымѣло мысль сдѣлать Кубань судоходною и учредить на ней пароходство, какъ для облегченія сбыта продуктовъ внизъ по этой рѣкѣ, такъ главнымъ образомъ и для доставленія вверхъ по ней провіанта для войскъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ открыть ближайшее сообщеніе по этой рѣкѣ съ Азовскимъ моремъ, такъ какъ Черноморское устье, и по мелкости Кубанскаго лимана и по значительному обходу для азовскихъ судовъ вокругъ Таманскаго полуострова, для предполагаемой цѣли было мало удобно..... Для этой цѣли избрали заплывшія русла Переволоки и Темрюцкаго гирла. Переволоку прокопали и прочистили и, дабы пустить въ нее побольше воды, забили отдѣлявшіеся отъ Кубани выше ея ерикъ Курку и нѣкоторые другіе. Цѣли достигли вполнѣ; вода устремилась съ большою силою по Переволокѣ. Ахтанизовскій лиманъ обратился изъ солонцеватаго въ прѣсноводный, Темрюцкое гирло обратилось въ настоящую рѣку съ чрезвычайно быстрымъ теченіемъ, самъ Курчанскій лиманъ опрѣснѣлъ и въ Курчанскомъ гирлѣ теченіе также усилилось». Данилевскій, Изслѣдованія, стр. 52 — 53.

58) Delphinium ramosum, по Дюбуа, Voyage. Томъ V, стр. 80.

этой низменности отъ Шимарданской бухты до лимана равняется шести верстамъ. Путешественникъ, отправляющійся изъ Тамани къ Сѣнной станціи, проѣхавъ хуторъ Высицкаго, спускается въ эту низменность, долгое время слѣдуетъ по низкому руслу рѣки, и, миновавъ Шимарданскую бухту, снова поднимается на прежній уровень поверхности земли. Здѣсь онъ вступаетъ въ почву некрополя древней Фанагоріи.

Дюбуа даже принимаетъ, что этотъ рукавъ былъ главнымъ рукавомъ Страбонова Антикита, и что его воды напояли Ахтанизовскій лиманъ. Вѣроятно, основываясь на разсказахъ мѣстныхъ старожиловъ, онъ говоритъ, что не болѣе ста лѣтъ тому назадъ суда проѣзжали по этому пути. Еще донынѣ свидѣтельствомъ древняго назначенія этой полосы земли служатъ болота, стоячія воды и небольшая Шимарданская бухта, врѣзывающаяся въ низменность между покинутыми татарскими деревнями Шимардань и Пашакиласси [59]).

Мнѣніе Дюбуа было провѣрено на мѣстѣ покойнымъ директоромъ Императорскаго Эрмитажа Ф. Жилемъ [60]). Осмотрѣвъ мѣстность отъ озера, лежащаго на сѣверозападъ отъ Ахтанизовскаго лимана, онъ удостовѣрился, что до самой Шимарданской бухты степь пересѣкаетъ весьма замѣтное и на простой глазъ углубленіе. Съ высоты степи, обращаясь къ югу, онъ увидѣлъ въ направленіи отъ озера къ бухтѣ плоскій поясъ съ темнымъ оттѣнкомъ, отдѣляющимся отъ зелени степи, а на всемъ протяженіи пояса — огромное множество кустовъ осоки, твердаго, нѣсколько деревянистаго злаковаго растенія, подходящаго къ тростнику, растущему въ болотистыхъ мѣстахъ и негодному для корма скота. Этотъ плоскій поясъ, по словамъ Жиля, очевидно былъ образованъ русломъ прежняго рукава рѣки Кубани.

Къ этимъ доказательствамъ В. Г. Тизенгаузенъ прибавляетъ еще слѣдующее: «На всей вышеупомянутой полосѣ не встрѣ-

---

59) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Часть V, стр. 79.

60) Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. Томъ II, стр. 54.

чается ни одного кургана, тогда какъ по обѣ ея стороны, т. е. на обоихъ берегахъ древняго русла рѣки Антикита, курганы появляются во множествѣ. Ясно, что протекавшая здѣсь рѣка не позволяла насыпать въ этомъ мѣстѣ курганы»[61]).

Мнѣніе Дюбуа раздѣляетъ и извѣстный нашъ геологъ академикъ Абихъ. «По этой низменности — говоритъ онъ — во времена Страбона протекалъ рукавъ Антикита, котораго существованіе нынѣшній Киммерійскій полуостровъ превращало въ островъ. Дюбуа совершенно правъ, говоря объ эруптивныхъ дѣйствіяхъ, которымъ онъ приписываетъ самое значительное вліяніе на измѣненіе прежде существовавшихъ гидрографическихъ отношеній во всей области, о которой идетъ рѣчь»[62]).

Не удивительно поэтому, что уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія возникла мысль, что «этотъ рукавъ могъ бы безъ большаго труда быть очищенъ, съ возвращеніемъ чрезъ то нынѣшней Кубани ея древняго и главнаго истока»[63]). Въ наше время, когда возникло сильное желаніе извлекать выгоды изъ почвы русской земли посредствомъ устройства желѣзныхъ дорогъ и новыхъ пароходныхъ сообщеній, практически былъ поднятъ вопросъ и о значеніи загроможденнаго нынѣ русла Кубани. Въ 1867 году жителей Кубанской области сильно занимала мысль о скорѣйшемъ осуществленіи пароходнаго движенія по Кубани[64]). По этому предмету со стороны частныхъ лицъ и компаній сдѣлано было войсковому правленію нѣсколько предложеній. Особыми инженерами въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ (до 1867 года) въ подробности изслѣдовано все устье Кубани и составлены три проекта искусственныхъ путей въ море: одинъ чрезъ Ахтанизовскій лиманъ въ Азовское море, другой чрезъ Бугазскій лиманъ въ Черное, третій въ Таманскій заливъ. Всѣ три проекта

---

61) Письменное сообщеніе отъ 1-го Октября 1868 года.

62) H. Abich, Einleitende Grundzüge zur Geologie der Halbinseln Kertsch und Taman. St.-Petersburg. 1865, стр. 71.

63) Извѣстія И. Археологическаго Общества. Томъ II, стр. 55.

64) Московскія Вѣдомости 1867, № 164, стр. 2.

разсмотрѣны были въ Тифлисѣ особою техническою коммиссіею и въ 1867 г. должны были быть представлены въ главное инженерное управленіе. Преимущество отдано пути въ Таманскій заливъ, т. е. тому водному сообщенію, которое во времена Страбона представлялъ протекавшій здѣсь рукавъ Антикита.

По письменнымъ сообщеніямъ разныхъ достовѣрныхъ лицъ намъ сдѣлалось извѣстно, что нѣсколько лѣтъ тому низадъ, вѣроятно по порученію одной изъ компаній, о которыхъ упомянуто выше, древнее русло Кубани отъ Ахтанизовскаго лимана до Шимарданской бухты изслѣдовалъ инженерный офицеръ г. Бурмейстеръ. Онъ долженъ былъ удостовѣриться: есть ли вышеозначенная низменность дѣйствительно старинное русло рѣки. Говорятъ, что его развѣдки, впрочемъ очень не глубокія (не глубже 6 футовъ), не доказали справедливости высказаннаго такими учеными, какъ Дюбуа и Абихъ, предположенія: онѣ не обнаружили въ Шимарданской низменности ила, т. е. рѣчнаго русла. Но дно рѣки, покрытое вѣковыми наносами вулканической грязи, можетъ находиться глубже шести футовъ. Не говоря о запасѣ геологическихъ свѣдѣній и обширности розысканій, необходимыхъ для рѣшенія этого вопроса, изслѣдователь, едва ли знавшій о существованіи Страбоновой географіи въ то время, когда производилъ свои развѣдки на Таманскомъ полуостровѣ, отнесся къ этому вопросу, кажется, слишкомъ поверхностно.

Отчего же произошло это засореніе древняго русла Кубани? Дюбуа объясняетъ эту метаморфозу тѣмъ, что надъ низменностью стараго русла Кубани господствуетъ группа грязныхъ сопокъ Ассодага, принадлежащихъ къ числу дѣятельнѣйшихъ во всей странѣ. Иловыя изверженія ихъ (къ нимъ Жиль присоединяетъ и дѣйствія вулкана Кусуобо) [65]) засыпали грунтъ земли и русло древняго рукава Антикита. Но къ этому дѣйствію грязныхъ вулкановъ должно присоединить еще нанесеніе самою рѣкою песковъ, окончательно засорившихъ ложе рѣки. Въ высшей сте-

65) Извѣстія И. Арх. Общ. Т. II, стр. 54.

пени замѣчательно, что дѣйствіе грязныхъ вулкановъ, — столь губительное для главнаго города азіатскаго Воспора, потому что оно засорило и рѣчную гавань его, — принадлежитъ временамъ очень позднимъ: оно началось, вѣроятно, гораздо позже временъ Страбона, можетъ быть тогда, когда древній городъ уже не существовалъ. Это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду, потому что оно принадлежитъ также къ вопросу о времени происхожденія грязныхъ вулкановъ Таманскаго полуострова, къ которому мы перейдемъ позже. Древняго названія этого рукава Кубани или Антикита Страбонъ намъ не сохранилъ.

Если такимъ образомъ намъ осталось неизвѣстно имя, которое въ древности носилъ вышеописанный рукавъ Кубани (потому что названіе Птолемеева Псаѳиса можетъ быть ему придано только по предположенію), то такая же малая достовѣрность господствуетъ и относительно именъ, которыя въ древности носили Ахтанизовскій лиманъ и Таманскій заливъ, черезъ которые протекалъ вышеозначенный рукавъ Кубани. Дюбуа, основываясь на словахъ Гекатея, положительно утверждаетъ, что Ахтанизовскій лиманъ въ древности назывался *Апатурійскимъ*, отъ храма *Апатуронъ*, давшаго свое имя лиману [66]). Разберемъ свидѣтельство Гекатея. Откуда почерпнулъ его Дюбуа? Изъ Стефана Византійскаго. Стефанъ Византійскій, писатель, жившій около 472 года по Р. Х., компилировалъ большое географическое сочиненіе, въ формѣ словаря, носившее заглавіе: Ἐθνικά. Изъ 60 книгъ этого большаго труда грамматикъ Ермолай, вѣроятно жившій въ VII вѣкѣ, составилъ извлеченіе, изъ котораго сочиненіе, извѣстное нынѣ подъ именемъ Стефана Византійскаго, есть еще болѣе краткое извлеченіе. Это извлеченіе принадлежитъ къ числу тѣхъ эпитоматорскихъ трудовъ, которые отчасти были причиною гибели многихъ классическихъ писателей древности. Послѣдній эпитоматоръ собираетъ разныя имена мѣстъ и сшиваетъ свѣдѣнія, находящіяся въ различныхъ источникахъ, на

66) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Часть V, стр. 78.

живую нитку, размѣщая весь свой матеріалъ въ азбучномъ порядкѣ. Такъ и въ этомъ случаѣ подъ словомъ *Апатуронъ* у него связаны два извѣстія, взятыя имъ изъ двухъ классическихъ писателей, — извѣстія, нисколько не находящіяся въ связи одно съ другимъ. «Апатуронъ, — говоритъ онъ [67]), основываясь на извѣстномъ мѣстѣ Страбона въ XI книгѣ, гл. 2, § 10, — есть храмъ Афродиты въ Фанагоріи»; потомъ онъ приводитъ извѣстный разсказъ Страбона о происхожденіи этого прозвища богини. Затѣмъ компиляторъ прибавляетъ: «Гекатею извѣстенъ Апатурійскій заливъ въ Азіи». Ясно, что между этими двумя цитатами нѣтъ никакой существенной связи. Есть храмъ Афродиты Апатурійской въ Фанагоріи; есть и Апатурійскій заливъ въ Азіи. Что заливъ, находящійся близъ Фанагоріи, получилъ свое имя отъ храма этой богини, объ этомъ ни слова не упомянуто ни Страбономъ, ни Гекатеемъ. А между тѣмъ Гекатей есть чрезвычайно важный географическій писатель (жилъ около 500 г. до Р. Х.). Если, какъ историкъ, онъ стоялъ ниже Геродота, то заслуги его въ дѣлѣ географіи весьма значительны. Вслѣдствіе многочисленныхъ путешествій (Гекатей посѣтилъ Испанію, Италію, Ѳракію, Египетъ и т. д.) онъ внесъ въ науку массу полезныхъ свѣдѣній и даже чертилъ географическія карты. Остается только сожалѣть, что нашъ эпитоматоръ не полнѣе и точнѣе эксцерпировалъ вышеозначенное мѣсто изъ этого писателя. Въ сокращенныхъ словахъ Гекатея можно только видѣть то, что въ Азіи существовалъ *гдѣ-то* заливъ, по имени Апатуронъ, но гдѣ именно, — этого мы не знаемъ. Дюбуа комбинировалъ, хотя весьма остроумнымъ, но, можетъ быть, не вполнѣ основательнымъ образомъ, статью Апатуронъ, сообщаемую намъ Страбономъ, съ неполнымъ показаніемъ Гекатея. Онъ думалъ, что Страбонъ говоритъ о храмѣ Апатурійской Афродиты, находящемся

---

67) Stephani Byzantii quae supersunt ed. A. Westermann. Lipsiae. 1839, стр. 46, sub voce Ἀπάτουρον.—Ἀπάτουρον, τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐν Φαναγορίᾳ... Ἑκαταῖος δὲ κόλπον οἶδε τὸν Ἀπάτουρον ἐν τῇ Ἀσίᾳ.

на территоріи Фанагорійцевъ,—а какъ храмъ этотъ, по предположенію Дюбуа, лежалъ на берегу Ахтанизовскаго лимана,—то заливъ Апатурійскій, который по словамъ Гекатея находился тоже въ Азіи, есть не иное что, какъ нынѣшній Ахтанизовскій лиманъ. Но если Фанагорія лежала въ окрестности станціи Сѣнной и въ этомъ городѣ находился храмъ вышеназванной богини, то, комбинируя показаніе Гекатея съ тѣмъ, что̀ говоритъ о положеніи Фанагоріи Страбонъ, названіе Апатурійскаго *залива* (κόλπος) должно скорѣе относиться не къ Ахтанизовскому лиману, а къ Таманскому заливу. Но послѣдній, какъ намъ извѣстно по Страбону, назывался Корокондамитскимъ лиманомъ. Во времена классической древности нынѣшнее Ахтанизовское озеро имѣло форму проточнаго рукава рѣки, а не залива, которымъ это водное пространство никогда не могло быть.

Всѣ новѣйшіе писатели о мѣстности, нами разсматриваемой, полагаютъ, что Страбоново «εὐμεγέθης λίμνη, ἣν καλοῦσιν... Κοροκονδαμῖτιν», въ которое изливался рукавъ Антикита, есть древнее названіе нынѣшняго Таманскаго залива. Повидимому это несомнѣнный фактъ. Но всѣ переводчики Страбона, кажется, неправильно передаютъ слова древняго географа εὐμεγέθης λίμνη — словами: *большое озеро*. Страбонъ очень хорошо зналъ, что озеромъ называется пространство воды, со всѣхъ сторонъ окруженное землею; Таманскій же заливъ ни въ древнія, ни въ новыя времена никогда не имѣлъ этой формы. Самъ Страбонъ говоритъ, что онъ изливается въ десяти стадіяхъ отъ мѣстечка Корокондамы въ море, а озеро нигдѣ, никогда и никуда не изливается. Еще менѣе этотъ заливъ могъ быть озеромъ, если во времена Страбона, какъ утверждаютъ иные геологи, Сѣверная и Южная косы, нынѣ придающія ему видъ еще болѣе сомкнутый—не существовали. Тогда, слѣдовательно, устье этого о̀зера имѣло громадные размѣры и болѣе походило на заливъ, образуемый моремъ, чѣмъ на озеро; тѣмъ не менѣе Страбонъ не называетъ его κόλπος, а λίμνη. Поэтому мы полагаемъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ переводить, какъ это дѣлаютъ Дюбуа,

Гросскурдъ, Керхеръ, Брунъ и др., названіе этого воднаго пространства у Страбона словомъ: *озеро*, а вѣрнѣе словомъ: *лиманъ*. Существованіе Сѣверной и Южной косъ, при нашемъ истолкованіи слова Страбона, остается вопросомъ совершенно неважнымъ. Корокондамитскій *лиманъ* есть одно изъ широкихъ отверстій, въ которое изливался рукавъ Антикита, по пластическимъ формамъ своимъ совершенно схожій съ лиманами Курчанскимъ и Кубанскимъ. Переводя же Страбоново εὐμεγέθης.λίμνη словами: *большое озеро*, въ нашемъ представленіи постоянно остается географическая путаница.

Страбонъ въ § 9 говоритъ, что этотъ лиманъ получилъ свое имя отъ мѣстечка Корокондамы, близъ него лежавшаго. Ф. К. Брунъ полагаетъ, что мѣстечко получило свое имя отъ рыбы, а именно камбулы и осетрины, которыми изобиловали лиманъ и вообще всѣ сѣверныя устья Антикита. «Въ этомъ случаѣ я охотно — говорилъ онъ — видѣлъ бы въ этомъ имени происхожденіе кельтское и вывелъ бы его отъ слова «corroco» (al. corrocho, carroco, carrhoco), встрѣчающагося у одного только Авзонія (Epist. V. 60), и въ которомъ узнали древне-кельтское названіе осетрины, нынѣ еще въ департаментѣ Жиронды называемой «*craec*»; или же отъ «corrujo», значущемъ камбула въ провинціальномъ нарѣчіи испанской Галиціи (Diefenbach, Orig. Eur. 302)». [68]).

Уже Кёлеръ, можетъ быть основываясь на словахъ Данвилля [69]), высказалъ предположеніе, что названіе мѣстечка Корокондамы сохранилось въ двухъ послѣднихъ слогахъ (dame) въ имени нынѣшняго города Тамань, занимающаго, по Дюбуа [70]), мѣсто древней Корокондамы. Это же мнѣніе высказываетъ Ф. К. Брунъ [71]). О производствѣ этого имени отъ постоянныхъ

68) Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Томъ VII, стр. 251.

69) Géographie ancienne. Paris. 1775, часть II, стр. 312.

70) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Часть V, стр. 81.

71) Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Томъ VII, стр. 252.

тумановъ, покрывающихъ Таманскій полуостровъ, нечего и думать. По мнѣнію Ф. К. Бруна, Русскіе превратили имя древней Корокондамы въ Тмуторокань, принявшую у Византійцевъ форму Таматарха, что и подало поводъ арабскимъ географамъ назвать этотъ городъ Матерха, тогда какъ итальянскіе моряки наименовали его Матригою.

Что Корокондамитскій лиманъ или Таманскій заливъ, по словамъ Страбона, изливался въ Черное море, это не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Отъ Меотійскаго озера его отдѣляли обширный островъ и узкій проливъ. Всѣ морскія воды, по мнѣнію древнихъ, получали свое происхожденіе изъ Меотиды, матери Понта. Такъ и Геродотъ [72]) называетъ Меотійское озеро — μήτηρ τοῦ Πόντου, что подтверждаетъ и Плиній старшій [73]).

Наконецъ Птолемеевъ Варданъ (Οὐαρδάνης), не упоминаемый Страбономъ, по всей вѣроятности есть третій и послѣдній рукавъ Кубани, нынѣ впадающій въ Кубанскій лиманъ. Клапротъ полагаетъ, что это имя дано было рѣкѣ народами меото-аланскаго семейства, жившими на ея сѣверномъ берегу и близъ устья [74]). Меоты древнихъ географовъ и Аланы среднихъ вѣковъ, по Клапроту, тожественны съ нынѣшними Осетинами, которые въ настоящее время живутъ только на высокихъ горахъ средней части Кавказа. Клапротъ не сомнѣвается, что слово *Варданъ* есть осетинское *Вар—донъ* (рѣка дождя) съ греческимъ окончаніемъ. *Вар* у Осетинцевъ означаетъ *дождь*, а *дон* — *вода*, *рѣка*; поэтому всѣ имена рѣкъ въ ихъ странѣ оканчиваются этимъ словомъ. Корень Don или Tan сохранился въ названіяхъ многихъ рѣкъ восточной Европы: Tanais, Danapris, Danastris, Danubius [75]).

72) IV, 86.

73) VI, гл. 7: Tanain ipsum Scythae Silin vocant, Meotin Temerindā, quo significant matrem maris.

74) Клапротъ, Commentaire etc. (въ Nouveau Journal Asiatique. Часть I), стр. 297.

75) Клапротъ въ другомъ мѣстѣ того же Commentaire, стр. 50, говоритъ, что корень этого слова въ санскритскомъ: dhunû — рѣка. Въ осетинскомъ языкѣ: doniou — пью, происходитъ отъ don — вода, на ирландскомъ: dinim (пью), повидимому, имѣетъ одинаковую этимологію.

Мюлленгоффъ предполагаетъ, что это сарматское имя Кубани у Птолемея болѣе позднягo происхожденія. Онъ говоритъ, что отъ санскритскаго vridh — *рости* происходитъ зендское *vared* — *споспѣшествовать*, *содѣйствовать*, *vareda* — *произрастая*, и какъ имя существительное: *ростъ*, *сила*. Отъ этого же корня происходитъ древне-персидское vardana—*городъ*, пареянское имя собственное Vardanes (Tac. Ann. XI, 8 и слѣд.) и *Варданъ* — названіе Кубани у Птолемея. По своему значенію это имя равно употреблялось и для обозначенія рѣки и лица [76]). Наконецъ Ф. К. Брунъ полагаетъ, что и въ имени рѣки Варданъ можно подозрѣвать происхожденіе кельтское [77]).

5.

Древнія большія водныя сообщенія Таманскаго полуострова, которыхъ слѣды еще нынѣ существуютъ. — Пересыпное гирло. — Темрюцкое гирло. — Низменность къ сѣверу отъ Шумукая.

Такимъ образомъ мы идентифицировали Антикитъ Страбона или Аттикитъ Птолемея съ рукавомъ Кубани, прежде изливавшимся въ Курчанскій лиманъ, Псаѳисъ Птолемея—съ тѣмъ, который въ древности впадалъ въ Таманскій заливъ, и Варданъ послѣдняго же писателя—съ южнымъ рукавомъ Кубани, нынѣ впадающимъ въ Кубанскій лиманъ. Мы собрали всѣ названія водъ Таманскаго полуострова, переданныя намъ классическою древностью, и старались отыскать ихъ въ нынѣшнихъ полуисчезнувшихъ водныхъ пространствахъ послѣдняго. Но наблюденія надъ природою этой мѣстности показываютъ, что въ древности здѣсь существовали еще другія водныя сообщенія, слѣды которыхъ сохранились и по настоящее время.

---

76) Ueber die Herkunft und Sprache etc. стр. 559, примѣч. 2.—Подобный же примѣръ употребленія представляетъ слово Ὕπανις или Ὕπανος, которое тоже есть не только имя рѣки, но и мужское имя въ Ольвіи.

77) Записки Од. Общ. Ист. Томъ VII, стр. 252.

Именно, на востокъ отъ Ахтанизовской станицы начинается низменность, донынѣ покрытая болотами и тростникомъ и тремя небольшими озерами, которая обозначаетъ прежній рукавъ Кубани, чрезъ посредство Ахтанизовскаго лимана изливавшійся въ Азовское море. По имени находящейся тутъ станціи Пересыпной этотъ истокъ Кубани нынѣ называется *Пересыпнымъ гирломъ*. Уже Дюбуа первый призналъ въ этой низменности древній морской рукавъ, соединявшій Азовское море съ Ахтанизовскимъ лиманомъ и Таманскимъ заливомъ [78]).

За этою низменностью поверхность снова становится возвышенною, образуя какъ бы отдѣльный островъ, на восточной оконечности котораго, на берегу Азовскаго моря, находятся хутора, извѣстные подъ именемъ Темрюцкаго отсёлка. За этою возвышенностью, къ югу до Переволоки, мимо города Темрюка, снова тянется плавня, по которой протекаетъ расширенное новѣйшимъ искусствомъ *Темрюцкое гирло* [79]). Печальная по своей природѣ низменность, простирающаяся между Темрюцкимъ отсёлкомъ и городомъ Темрюкомъ, есть такой же морской рукавъ, какъ и сейчасъ упомянутый, соединявшій Ахтанизовскій лиманъ съ Азовскимъ моремъ и Курчанскимъ лиманомъ. Что это огромное болотистое пространство въ древности было морскимъ рукавомъ, доказывается еще преданіемъ, собраннымъ на мѣстѣ путешественникомъ Дюбуа [80]). По его словамъ корабли, проходившіе изъ Чернаго моря черезъ Бугазъ, вступали въ Кубанскій лиманъ, плыли вверхъ по Кубани и «по одному изъ высохшихъ нынѣ ея рукавовъ, около Перевлапскаго форта, входили въ Ахтанизовскій лиманъ, откуда проникали въ Азовское море черезъ Темрюцкій каналъ» (нынѣ расширенное гирло).

Среди этой болотистой мѣстности, иногда совершенно покры-

---

78) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Часть V, стр. 33.

79) Даниле вскій, Изслѣдованія (о Кубанской дельтѣ), стр. 53. Во время Дюбуа Темрюцкое гирло представляло грязный каналъ, по которому переѣзжали путешественники, слѣдовавшіе съ Кавказа въ Тамань. Dubois de Montpéreux. Voyage etc. Часть V, стр. 27.

80) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Часть V, стр. 27.

ваемой водою, которая даже заливаетъ почтовую дорогу, есть нѣсколько болѣе возвышенное мѣсто, подобное небольшому острову, окруженное болотами. На этомъ островкѣ находилась еще въ прошломъ столѣтіи турецкая крѣпость *Адассъ*, которой пушки господствовали надъ водянымъ путемъ, соединявшимъ Ахтанизовскій лиманъ съ Курчанскимъ лиманомъ и Азовскимъ моремъ. Этотъ стратегическій выборъ мѣста есть новое доказательство, что въ древности здѣсь существовало обширное водное сообщеніе,—иначе построеніе крѣпости не имѣло бы смысла.

Наконецъ, въ глубокой древности существовало еще одно водное сообщеніе, давно уничтоженное. Именно, между возвышенностями полуострова Фонтана и цѣпью грязныхъ вулкановъ Шумукая тянется низменность, которую, по предположенію Дюбуа, наполнили еще въ доисторическія времена, задолго до пришествія Грековъ въ эту страну, изверженія Шумукая [81]). Что это событіе совершилось во времена доисторическія, онъ доказываетъ другой гипотезой. Валъ, тянущійся на югѣ по полуострову Фонтану, былъ, по мнѣнію этого изслѣдователя, сооруженъ Киммерійцами, когда они сочли необходимымъ защитить себя отъ вторженій жителей сосѣдняго острова. Если бы, думаетъ Дюбуа, низменность въ доисторическія времена Киммерійцевъ не существовала и между двумя островами протекало море, то не было бы необходимости сооружать подобный валъ. Но Киммерійцы соорудили его; слѣдовательно, низменность существовала задолго до пришествія Грековъ въ эту страну. Если болѣе точное геологическое изслѣдованіе этой низменности съ одной стороны подтвердитъ предположеніе Дюбуа, то съ другой — археологическое изслѣдованіе такъ называемаго Киммерійскаго вала должно указать на время его происхожденія. Во всякомъ случаѣ есть вѣроятіе, что здѣсь нѣкогда существовало водное сообщеніе.

---

81) Dubois de Montpéreux. Voyage etc. Часть V, стр. 56.

6.

Дельта Кубани во времена классической древности составляла многоостровіе.— Мнѣніе о томъ академика Абиха. — Доказательства въ пользу этого мнѣнія, почерпнутыя изъ классическихъ писателей. — Число острововъ, изъ которыхъ состояла полинезія Кубани во времена Страбона.

Ясно, что во времена классической древности Таманскій полуостровъ не имѣлъ настоящаго своего физическаго вида, а состоялъ изъ группы острововъ. Желая удостовѣриться, что это предположеніе доказывается и новѣйшими геологическими изслѣдованіями этой мѣстности, мы письменно обратились къ извѣстному нашему геологу академику Абиху съ просьбою разъяснить намъ этотъ вопросъ. «Если постоянное засореніе различныхъ устьевъ Кубани, образовавшихъ отдѣльные острова, можетъ быть доказано геологическими изслѣдованіями,—писали мы къ нему,—то извѣстное мѣсто Страбона о положеніи Фанагоріи совершенно оправдывается: оно тожественно съ станціею Сѣнной». Въ отвѣтѣ своемъ, написанномъ въ ноябрѣ 1868 года, нашъ ученый говоритъ: «Причины, обусловливающія отступленія въ физико-географическихъ отношеніяхъ нынѣшняго Таманскаго полуострова отъ того вида этой страны, который описываетъ Страбонъ, совершенно понятны. Геогностическія обстоятельства свидѣтельствуютъ не только о постепенномъ засореніи (занесеніи пескомъ) прежнихъ устьевъ Кубани, вслѣдствіе котораго уничтожена была связь съ одной стороны Ахтанизовскаго лимана съ Корокондамитскимъ, а съ другой—съ Меотійскимъ озеромъ, но и объ участіи, которое въ этомъ исходѣ вѣроятно имѣли грязные вулканы, столь многоразлично дѣятельные въ этой мѣстности со временъ классической древности. Особое значеніе въ этомъ отношеніи слѣдуетъ приписать двумъ цѣпямъ этихъ вулкановъ. Первая простирается отъ древней Фанагоріи десять или двѣнадцать верстъ на востокъ, вторая, въ видѣ южной параллели перваго хребта, начинается отъ грязнаго вулкана Карабетова, тянется на сорокъ верстъ и оканчивается холмомъ на мысѣ Дубовый ры-

нокъ, тамъ, гдѣ Антикитъ черезъ бухту нынѣшней Титоровки, можетъ быть, имѣлъ гидрографическую связь съ Синдскимъ (Кубанскимъ) лиманомъ. Сверхъ того, личное посѣщеніе мѣстности убѣдило меня въ справедливости словъ Страбона относительно положенія Фанагоріи». Итакъ, академикъ Абихъ, признавая вполнѣ форму многоостровія, которую именно во времена классической древности имѣли земли дельты Кубани, приписываетъ измѣненія въ этой формѣ не одному засоренію древнихъ руслъ Кубани рѣчными наносами, но и дѣйствію грязныхъ вулкановъ, о чемъ мы скажемъ ниже.

Но это мнѣніе, подтверждаемое новѣйшими геологическими изслѣдованіями, окончательно устанавливается извѣстіями, сообщаемыми объ этой странѣ писателями классической древности. Всѣ они явно говорятъ, что страна состояла изъ островковъ, хотя показанія ихъ часто имѣютъ слишкомъ фрагментарный характеръ. Гекатей изъ Милета, греческій логографъ и географъ, жившій за 500 лѣтъ до Р. Х., говоритъ въ своемъ сочиненіи «Азія», что городъ Фанагорія находился на *островѣ* Фанагорѣ. Онъ строго различаетъ островъ Фанагору (ἡ νῆσος Φαναγόρη) отъ города Фанагоріи (Φαναγόρεια) [82]). Стефанъ Византійскій, сохранившій намъ этотъ драгоцѣнный отрывокъ изъ древнѣйшаго географа Греціи, передалъ намъ собственныя его слова, что̀ доказывается ихъ іонійскими формами. Скимнъ Хіосскій, котораго время жизни неизвѣстно, въ своихъ фрагментахъ называетъ всю страну, лежащую при Меотійскомъ озерѣ и по Боспору, *островомъ* (ἡ νῆσος) [83]). Страбонъ, жившій при Императорѣ Августѣ, уроженецъ Малой Азіи и, слѣдовательно, лучше другихъ знавшій страны, примыкающія къ его родинѣ, уже гораздо точнѣе опредѣляетъ различныя очертанія, которыя имѣли земли, въ его время лежавшія въ дельтѣ Кубани. «Киммериконъ, говоритъ онъ, былъ

---

82) Hecataei Milesii fragmenta ed. Dr. R. H. Klausen. Berolini 1831, стр. 90 — 91 [= Fragm. hist. graec. ed. C. et. Th. Mülleri, v. I fr. 164. *Ред.*].

83) Anonymi (vulgo Scymni Chii) orbis descriptio, v. 890. Въ Geogr. gr. min. ed. C. Müllerus. Parisiis. 1855. Томъ I, стр. 233.

городъ, въ прежнія времена основанный на полуостровѣ, который замыкалъ перешеекъ рвомъ и валомъ» [84]). На какомъ бы пунктѣ острова Фонтана ни лежалъ городъ Киммериконъ, но въ глазахъ Страбона островъ Фонтанъ составлялъ полуостровъ, потому что онъ перешейкомъ, образовавшимся вслѣдствіе изверженій Шумукая, соединенъ былъ съ другимъ *островомъ*, на которомъ лежала Фанагорія. Далѣе, по Страбону, города Фанагорія и Кепы лежали на *островѣ*, омываемомъ Корокондамитскимъ лиманомъ, Меотійскимъ озеромъ и рѣкою Антикитомъ. Эти два города на означенномъ островѣ для въѣзжающаго въ Корокондамитскій лиманъ лежали по лѣвую руку; по правую же находилась *Синдика* (ἡ Σινδική) [85]). Хотя Страбонъ не обозначаетъ географической формы Синдики, но явно, что онъ при этомъ имени подразумѣвалъ слово: *островъ* (ἡ Σινδική νῆσος), лежавшій по правую руку для въѣзжающаго въ Корокондамитскій лиманъ. Діонисій Періегетъ, географическій писатель, жившій при Неронѣ, называетъ всю страну «островомъ» [86]). Наконецъ Стефанъ Византійскій, говоря о городѣ Гермонассѣ, который, какъ извѣстно по всѣмъ писателямъ древности, находился на азіатской сторонѣ Боспора Киммерійскаго, прежде всего утверждаетъ [87]), что это имя носилъ *небольшой островъ*, на которомъ лежалъ и городъ того же имени, который Діонисій Періегетъ называетъ ἐύκτιτος [88]). Уже изъ вышеприведеннаго мѣста Страбона (XI, 2, § 10) мы знаемъ, что на азіатскомъ Боспорѣ находится два острова (которые размѣрами были, вѣроятно, значительнѣе другихъ, почему о послѣднихъ древніе писатели вовсе не говорятъ), изъ которыхъ на одномъ находятся города Фанагорія и Кепы,

---

84) Strab. Geogr. XI, 2, § 5: Τὸ δὲ Κιμμερικὸν πόλις ἦν πρότερον ἐπὶ χερρονήσου ἱδρυμένη, τὸν ἰσθμὸν τάφρῳ καὶ χώματι κλείουσα.

85) Strab. Geogr. XI, cap. 2, § 9 и 10.

86) Dionysii orbis descriptio, v. 550. Въ Geogr. gr. min. ed. C. Müllerus. Parisiis. 1861. Часть II, стр. 137.

87) Stephani Byzantii quae supersunt, ed. A. Westermann. Lipsiae. 1839, стр. 123, sub voce Ἑρμώνασσα.

88) Dionysii orbis descriptio, v. 552.

а въ Синдикѣ — Гермонасса. Что Синдика была островъ — ясно говоритъ Стефанъ Византійскій: «Возлѣ Тавриды лежатъ, говоритъ онъ, *два острова:* Фанагорія и Гермонасса» [89]). А какъ городъ Гермонасса по Страбону лежалъ въ Синдикѣ, то ясно, что Синдика была *островъ*, потому что Стефанъ Византійскій говоритъ, что этотъ городъ находился на *второмъ* островѣ, который назывался также и именемъ этого города.

При такомъ обиліи свидѣтельствъ греческихъ писателей, болѣе основательно знавшихъ географію тѣхъ странъ, гдѣ были расположены колоніи, основанныя ихъ родичами, свидѣтельства римскихъ писателей могутъ имѣть только второстепенное значеніе. Изъ нихъ Помпоній Мела, географъ, жившій въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., имѣетъ довольно точное представленіе объ описываемой нами странѣ. Но, къ сожалѣнію, относящееся сюда мѣсто столь испорчено, что трудно рѣшить, называетъ ли онъ ее «островомъ» или «полуостровомъ» [90]).

Наряду со столь многочисленными свидѣтельствами греческихъ писателей, насъ не должны смущать слова Плинія старшаго († 79 г. по Р. Х.), почерпнувшаго свое сочиненіе изъ сотней бѣгло имъ прочитанныхъ писателей, что страна, простирающаяся между Понтомъ и Меотійскимъ озеромъ, есть *полуостровъ*, называемый *Эйонія* [91]). Откуда онъ почерпнулъ это названіе, не

---

89) Stephani Bysantii quae supersunt, s. v. Ταυρική, стр. 271: Τῇ δὲ Ταυρικῇ δύο παράκεινται νῆσοι, Φαναγόρα καὶ Ἑρμώνασσα.

90) Pomponii Melae de Chorographia libri tres, ed. Parthey. Berolini. 1867. I. 19, стр. 30: Obliqua tunc regio et in latum modice patens inter Pontum Paludemque ad Bosphorum excurrit: quam duobus alveis in lacum et in mare profluens Coracanda (въ другихъ рукописяхъ Corocanda, Corocandam) paene insulam reddit. К. Мюллеръ въ своемъ изданіи Geogr. gr. min. Часть II, стр. 138, примѣч. 553, предлагаетъ, соображаясь съ словами Страбона, главнаго источника нашихъ познаній объ этой странѣ, читать это мѣсто слѣдующимъ образомъ: quam duobus alveis in lacum Corocondamam et in mare profluens Hypanis insulam reddit. Переписчикъ, не зная слова Hypanis, легко могъ измѣнить его въ paene.

91) Plin. H. N. Lib. VI, c. 6. См. объ этомъ имени: Uckert, Geographie der Griechen und Römer. Dritten Theiles zweite Abtheilung. Weimar. 1846, стр. 486. Укертъ справедливо отвергаетъ мнѣніе Кёлера, высказанное въ Mém. de l'Acad. de St. Pétersb. V Série. T. X, стр. 657.

встрѣчающееся ни у одного греческаго писателя, намъ неизвѣстно. Характеръ компиляціи, который носитъ на себѣ трудъ Плинія, не позволяетъ намъ ожидать большой точности въ «Естественной Исторіи» этого писателя. Даже гораздо болѣе поздніе латинскіе писатели знаютъ, что эта страна состояла изъ островов. Такъ Амміанъ Марцеллинъ, жившій въ V вѣкѣ по Р. Х., говоритъ: ex cujus (Maeotidis) uberrimis venis per Patares angustias undarum magnitudo prorumpit in Pontum, cujus in dextro [92]) latere insulae sunt Phaenagorus et Hermonassa, studio constructae Graecorum [93]). Въ особенности достойны вниманія послѣднія слова Марцеллина: они доказываютъ, что торговые Греки усиленными трудами, каковы: очищеніе отъ наносовъ устьевъ рѣкъ, проведеніе и очищеніе каналовъ, о чемъ говоритъ и Страбонъ, окончательно придали этой странѣ тотъ видъ многоостровія, который данъ ей былъ природою.

Затрудненіе заключается въ томъ, что при неопредѣленныхъ показаніяхъ греческихъ писателей мы не знаемъ точнаго числа островов, изъ которыхъ состояла Кубанская полинезія. Дюбуа, основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ нынѣшней почвы Таманскаго полуострова, принимаетъ пять островов, которымъ даетъ слѣдующія названія: 1) *Киммерійскій* (по имени древнѣйшихъ его обитателей) *островъ* или *Фонтанъ* (такъ названный по имени казацкаго селенія въ центрѣ острова); 2) *островъ Фанагорія*, гдѣ нынѣ станція Сѣнная, окруженная многочисленными курганами; 3) *Синдскій островъ*, гдѣ нынѣ городъ Тамань; 4) островъ *Тирамба*, гдѣ нынѣ Темрюцкій отсѣлокъ, и 5) *Темрюцкій* островъ или *Большой Кандауръ*, гдѣ нынѣ городъ Темрюкъ [94]).—Между этими островами могли находиться другіе меньшихъ размѣровъ, какъ напр. островъ, на которомъ существовала турецкая крѣ-

---

92) Амміанъ здѣсь не согласенъ съ Страбономъ, по которому Фанагорія находилась по лѣвую руку для тѣхъ, кто изъ Воспора въѣзжалъ въ Кoрокондамитскій лиманъ.

93) Amm. Marc. XXII, 8, 30.

94) Dubois de Montpéreux, Voyage. Часть V, стр. 22.

пость Адассъ. На сколько острововъ раздѣлялась земля, лежащая между Курчанскимъ лиманомъ и Протокою, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній рѣшительно невозможно сказать. Если она распадалась на нѣсколько отдѣльныхъ острововъ, то дельта Кубани представляла громадную полинезію.

Что нѣкоторыя изъ названій, данныхъ этимъ островамъ французскимъ путешественникомъ, какъ напр. *Тирамба*, основаны на гипотезахъ, нѣтъ никакого сомнѣнія. Нѣтъ ничего труднѣе въ дѣлѣ античной географіи Боспора Киммерійскаго, какъ отожествлять города, по классическимъ писателямъ находившіеся въ этой странѣ, съ нынѣшними мѣстностями. До тѣхъ поръ пока обширныя археологическія изслѣдованія и находки надписей съ именами мѣстностей не приведутъ къ болѣе положительнымъ результатамъ, всякія усилія этого рода должны остаться одними гаданіями. До сихъ же поръ на Таманскомъ полуостровѣ изслѣдованы были одни курганы, а мѣста древнихъ городовъ оставались почти нетронутыми.

7.

Физическая природа Таманскаго полуострова, по свидѣтельству классическихъ писателей. — Молчаніе ихъ о вулканическихъ явленіяхъ этой страны. — Объясненіе этого факта академикомъ Абихомъ.

Изъ всѣхъ писателей классической древности только одинъ оставилъ намъ краткое описаніе физической природы страны, составляющей предметъ настоящаго изслѣдованія. Это — неизвѣстный географъ, обыкновенно называемый Скимнъ Хіосскій, жившій лѣтъ за сто до временъ Страбона и написавшій свое поэтическое произведеніе около 90 г. до Р. Х. [95]). Исчисливъ города этой страны (Киммерисъ, Кепосъ, Гермонасса, Фанагорія

95) Geogr. gr. min. ed. Car. Müllerus. Часть I. Prolegomena, стр. LXXVIII. См. также: Letronne, Fragments des poëmes géographiques de Scymnus de Chio et du faux Dicéarque. Paris. 1840, стр. 50.

и Синдская пристань), онъ прибавляетъ, что они «находятся на островѣ, по близости Боспора и Меотійскаго озера, образующемъ пространную равнину, неприступную отчасти по болотамъ, рѣкамъ и мелководнымъ мѣстамъ, которыя тянутся на необозримое пространство, и отчасти по причинѣ моря и озеръ» [96]). Истинность этого описанія до сихъ поръ можетъ быть провѣрена на мѣстѣ: вся земля, лежащая за Темрюкомъ по восточному берегу Ахтанизовскаго лимана, по теченію Кубани до ея впаденія въ Кубанскій лиманъ и преимущественно вся восточная половина Кубанской дельты, отъ Курчанскаго лимана до Протоки и мѣстами даже далѣе, представляетъ страну, непроходимую по причинѣ болотъ, покрытыхъ камышевыми лѣсами, стоячихъ водъ, ериковъ и рѣкъ. Разсказами объ ужасающей природѣ этой мѣстности наполнены книги всѣхъ путешественниковъ. Цивилизованный Грекъ, упомянувъ о цвѣтущихъ колоніяхъ, основанныхъ его соотечественниками въ этой непріютной странѣ, изъ всѣхъ физическихъ явленій природы всего болѣе пораженъ былъ ея непроходимыми болотами и другими водными пространствами. Странно, что ни онъ, ни какой-либо другой писатель древности ни словомъ не упоминаютъ о вулканическихъ ея явленіяхъ, которыя до такой степени поразили ученыхъ новѣйшаго времени. Со временъ Палласа они-то преимущественно привлекали сюда извѣстныхъ естествоиспытателей: Дюбуа, Коха, Абиха и др. Какъ объяснить это молчаніе древнихъ объ одномъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ феноменовъ Таманскаго полуострова?

---

96) Anonymi (vulgo Scymni Chii) orbis descriptio, стихъ 890, въ Geogr. gr. min. ed. Müllerus. Томъ I, стр. 233:

Ταύτας περιέχει τὰς πόλεις διακειμένας
νῆσος, κατὰ τὴν Μαιῶτιν ἄχρι τοῦ Βοσπόρου
χώραν ἀπολαμβάνουσα πολλὴν πεδιάδα,
ἥτις τὰ μὲν τοῖς ἕλεσι καὶ τοῖς ποταμίοις
ἀδιάβατος τοῖς τενάγεσίν τ' ἐν τῷ πέραν,
ἃ δὲ τῇ θαλάττῃ τῇ τε λίμνῃ γίνεται.

Въ изданіи Гудсона, Geographiae veteris scriptores graeci minores, Oxoniae. 1703. Томъ II, стр. 51—52, стихи 896—899 поставлены передъ стихомъ 886 по счету Мюллера.

Писателю, незнакомому съ геологіею, прежде всего должна была, вслѣдствіе молчанія классическихъ авторовъ, придти мысль, что вулканы Таманскаго полуострова суть физическія явленія новѣйшаго происхожденія. Ни въ древніе, ни въ средніе вѣка о нихъ нѣтъ и помину. Напротивъ, въ новѣйшее время о дѣйствіи грязныхъ сопокъ упоминается безпрерывно и, что всего страннѣе, эти изверженія знакомятъ насъ съ массою важнѣйшихъ археологическихъ фактовъ. Имъ обязаны мы знакомствомъ съ драгоцѣнными для исторіи и религіи Боспора Киммерійскаго надписями и статуями. Они обнаружили существованіе въ этой странѣ монументальныхъ и религіозныхъ построекъ, принадлежащихъ четвертому и третьему столѣтію до Р. Х. Изверженіе Куку-обо (1794) разрушило гробницу Сатира I, царя Боспорскаго, правившаго отъ 407 по 393 г. до Р. Х. [97]). Другое подобное вулканическое явленіе, бывшее въ 1818 году на берегу Ахтанизовскаго лимана, открыло намъ фундаментъ храма Діаны Агротеры, сооруженнаго Ксеноклидомъ, сыномъ Посія, во время царствованія Перисада I, современника Филиппа Македонскаго и Александра Великаго, правившаго Боспоромъ отъ 349 — 311 г. до Р. Х. [98]). Обвалъ горы свв. Бориса и Глѣба на берегу того же лимана въ прошломъ столѣтіи обнаружилъ, что на вершинѣ ея воздвигнуты были на большомъ пьедесталѣ, украшенномъ извѣстною надписью Комосаріею, супругою вышеназваннаго царя Перисада I, статуи боговъ Санерга и Астары [99]).

---

97) Pallas, Bemerkungen etc. Часть II, стр. 320. Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Часть V, стр. 48.

98) Koeppen, Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien. 1823, стр. 47 — 48. [О хронологіи Боспорскихъ царей изъ династіи Спартокидовъ ср. Inscriptiones orae sept. Ponti Euxini ed. B. Latyschev, vol. II (1890), introd. p. XVIII sqq. Ср. *его-же* ст. «Къ исторіи Воспорскаго царства» въ Журн. М. Н. Пр. іюнь 1894, отд. кл. фил., а также K. Ortmann, De regno Bosporano Spartocidarum, diss. Hal. 1894. — Надпись Ксеноклида издана въ Inscr. o. s. P. Eux. II, № 344. *Ред.*].

99) Köhler, Dissertation sur le monument de la reine Comosarye въ его Gesammelte Schriften, herausgegeben von Ludolf Stephani. St. Petersburg. 1853. Часть VI, стр. 59. [Inscr. o. s. P. Eux. II, № 346. *Ред.*].

Но это обнаруженіе въ высшей степени любопытныхъ для археолога фактовъ имѣетъ въ глазахъ геолога совершенно иное значеніе. Необходимо различать между грязными сопками, дѣйствовавшими въ глубокой древности и нынѣ дѣйствующими. Подземныя вулканическія силы неожиданно, въ разныхъ мѣстахъ, прорываются на поверхность земли и тутъ, пролагая себѣ новые пути, служатъ къ обнаруженію новыхъ археологическихъ фактовъ. Послѣднее есть дѣло совершенно случайное. Къ числу грязныхъ сопокъ, дѣйствовавшихъ во времена глубокой древности, академикъ Абихъ, согласно съ мнѣніемъ Дюбуа, причисляетъ Шумукай [100]). Когда Греки поселились въ этой странѣ, то они покрыли вершину и бока этого, тогда уже давно угасшаго, вулкана курганами конической формы. Итакъ, со временъ историческихъ форма этого вулкана нисколько не измѣнилась. Но это не единственный примѣръ, что Греки устраивали свои гробницы въ почвѣ давно угасшихъ грязныхъ сопокъ. Академикъ Абихъ въ раскопкахъ 1852 года, производившихся близъ станціи Сѣнной въ некрополѣ древней Фанагоріи, былъ свидѣтелемъ, какъ въ слояхъ — продуктахъ грязныхъ сопокъ открытъ былъ саркофагъ изъ паросскаго мрамора, относившійся къ IV ст. до Р. Х. [101]). Напротивъ, изъ обнаруживанія вышеупомянутыхъ археологическихъ фактовъ слѣдуетъ только вывести заключеніе, что подземныя вулканическія силы проложили себѣ только новые пути, какъ напр. изверженіе 1818 года, подарившее намъ надпись Ксеноклида. Академикъ Абихъ полагаетъ, что древніе Греки, сооружавшіе свои курганы на грязныхъ сопкахъ, не знали періодичности ихъ изверженій. Молчаніе же неизвѣстнаго географа, именуемаго обыкновенно Скимномъ Хіосскимъ, онъ объясняетъ аналогическими явленіями въ истинныхъ вулканахъ. Везувій имѣлъ длинный періодъ спокойствія, продолжавшійся

---

100) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Часть V, стр. 56. Abich, Einleitende Grundzüge etc. стр. 72, называетъ эту гору: «Typischer Repräsentant eines ehemaligen Eruptions-Gebildes erster Grösse».

101) Письменное сообщеніе академика Абиха отъ ноября 1868 года.

отъ 1139 по 1651 годъ. Даже во время происхожденія Monte nuovo близъ Пуццоли, Везувій былъ спокоенъ. Г. Абихъ признаетъ весьма возможнымъ фактъ подобнаго спокойствія грязныхъ сопокъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій на островахъ Кубанской дельты. Но хотя эти псевдо-вулканическія явленія не могутъ имѣть значительнаго вліянія на формы земной поверхности [102]), тѣмъ не менѣе и они, вмѣстѣ съ другими явленіями, вызвали тѣ характеристическія физико-географическія различія, которыя существуютъ между настоящимъ и прошлымъ всего Боспора Киммерійскаго [103]).

8.

Наростаніе поверхности въ мѣстностяхъ Таманскаго полуострова, которыя были обитаемы въ древности, и возвышеніе уровня воды въ настоящее время сравнительно съ древностью. — Необходимость въ объясненіи послѣдняго явленія.

Наконецъ къ измѣненіямъ физической природы страны сравнительно съ временами классической древности, измѣненіямъ, важнымъ въ археологическомъ отношеніи, относится наростаніе поверхности земли въ мѣстахъ, которыя были обитаемы въ древности и въ новѣйшее время, и возвышеніе уровня воды, выводимое изъ многихъ фактовъ.

Первое явленіе не требуетъ объясненій. Тамъ, гдѣ въ теченіе вѣковъ люди имѣли обычай селиться на развалинахъ жилищъ предшествовавшихъ поколѣній, тамъ подобныя насыпи, естественно, могли нарости до замѣчательныхъ размѣровъ. Такъ, на Таманскомъ полуостровѣ встрѣчаются насыпи на мѣстахъ прежнихъ городовъ вышиною въ нѣсколько саженъ.

Гораздо труднѣе объяснить второе явленіе, о которомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты, разсказы и преданія. Въ двухъ

102) I. I. Huot, Coup d'oeil géologique sur l'île ou, plus éxactement, la presqu'île de Taman, въ An. de Demidoff, Voyage dans la Russie méridionale. Paris. 1842. Часть II, стр. 569.

103) Письменное сообщеніе академика Абиха отъ ноября 1868 года.

мѣстахъ, около восточнаго берега Сѣверной косы и близъ станціи Сѣнной. въ морѣ, при тихой погодѣ, говорятъ, видимы бываютъ, при низкомъ уровнѣ стоянія воды, колонны какого-то зданія, нынѣ покрытаго водою. Есть преданіе, по крайней мѣрѣ о первомъ мѣстѣ, что это древній языческій храмъ. Говорятъ, что лѣтъ сорокъ тому назадъ Южная коса представляла полосу земли, по которой можно было пройти съ одного конца на другой, не замочивъ ногъ: нынѣ она состоитъ изъ соединенія небольшихъ островковъ, лежащихъ въ одномъ направленіи. Охотникъ долженъ проходить по-колѣно въ водѣ пространства, отдѣляющія одинъ островъ отъ другого. Какъ низокъ былъ въ прошломъ столѣтіи уровень воды въ Керченскомъ проливѣ, между Сѣверною косою и противоположнымъ Крымскимъ берегомъ, мы видѣли изъ вышеприведенныхъ словъ Палласа. Самое Азовское море древніе называли *болотомъ*. Многіе огромные курганы, находящіеся на берегахъ, нынѣ въ половину сползли въ море и въ разрѣзѣ представляютъ зрителю свою внутренность. Палласъ и другіе путешественники, также пишущій эти строки, наблюдали это явленіе. Не можетъ быть, чтобы въ древности рѣшились воздвигать подобныя громадныя сооруженія на самомъ берегу моря, гдѣ они могли быть размыты водою и кости усопшихъ выйдти снова на свѣтъ. Глубокое уваженіе, которое древніе питали къ умершимъ, не допускаетъ этой мысли. Курганы, сооруженные на берегахъ, въ древности должны были находиться въ значительномъ разстояніи отъ воды [104]). Наконецъ ту же участь въ настоящее время имѣютъ нѣкоторые изъ тѣхъ земляныхъ валовъ, которые у мѣстныхъ жителей извѣстны подъ именемъ *баттарей*. Ясно, что при постоянно неизмѣнномъ уровнѣ воды подобныя явленія не могли бы имѣть мѣста.

Желательно, чтобы всѣ эти явленія были подвергнуты основательному обсужденію нашими естествоиспытателями.

---

104) Извѣстный геологъ Huot (Coup d'oeil géologique etc. въ An. de Demidof, Voyage dans la Russie méridionale. Часть II, стр. 567) принимаетъ, что Таманскій заливъ со временъ глубокой древности постоянно расширяется.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КАРТА № 2.

1.

Городъ Тамань. — Насыпи, пепелища или городища; ихъ составъ, происхожденіе, размѣры, находимые въ нихъ предметы и окружающіе ихъ курганы. — Берегъ Таманскаго залива отъ пристани къ Лысой горѣ. — Открытія, на немъ сдѣланныя. — Насыпь, на которой находится городъ Тамань. — Старый турецкій городъ, его объемъ и развалины. — Старая турецкая крѣпость. — Открытія и изслѣдованія, произведенныя на этой мѣстности. — Древній фонтанъ. — Развалины зданій, видѣнныя Кларкомъ. — Нынѣшнее состояніе остатковъ древности въ Тамани.

Приступая къ описанію памятниковъ древности, какъ еще въ недавнее время существовавшихъ, такъ и до нынѣшняго дня находящихся на Таманскомъ полуостровѣ, начнемъ нашъ обзоръ съ города Тамани, куда пристаетъ пароходъ, привозящій изъ Керчи путешественника, желающаго изучить эту страну. Городъ Тамань лежитъ на искусственной насыпи, весьма интересной для археолога.

Подобныя древнія насыпи, пепелища или городища встрѣчаются на Таманскомъ полуостровѣ во многихъ мѣстахъ. Большею частію они расположены по берегамъ его прѣсныхъ и мор-

скихъ лимановъ и состоятъ изъ черепковъ битой посуды, обломковъ отесанныхъ камней, нерѣдко съ архитектурными украшеніями, кусковъ цѣльнаго мрамора, черепицъ, штукатурки, отбитыхъ ручекъ амфоръ, золы, угля и костей разныхъ домашнихъ животныхъ. Все это перемѣшано съ большимъ количествомъ глины, земли и крупнаго морскаго песку. Покрытыя слоемъ чернозема, накопившагося съ тѣхъ поръ, какъ эти мѣста опустѣли,—насыпи, съ перваго взгляда, представляются обыкновенными природными холмами; но внимательное изученіе ихъ разрѣзовъ въ береговыхъ обрывахъ или оврагахъ указываетъ на постепенное наслоеніе. Размѣры подобныхъ насыпей бываютъ различны. Въ высоту онѣ имѣютъ иногда нѣсколько саженъ,—доказательство, что здѣсь, въ теченіе тысячелѣтій, одни народы смѣнялись другими и селились на той же самой почвѣ. Опытный археологъ въ насыпяхъ можетъ прочесть исторію каждой мѣстности. Почти не изслѣдованныя, по крайней мѣрѣ ни одна въ значительныхъ размѣрахъ, онѣ тѣмъ не менѣе обогатили науку драгоцѣнными древне-греческими и византійскими надписями и другими памятниками. Не только каждая раскопка, но даже сильный дождь, обнаруживаютъ здѣсь монеты, большею частію бронзовыя и сильно окисшія, принадлежащія позднимъ временамъ Боспорскаго царства. Всѣ эти признаки свидѣтельствуютъ, что насыпи суть слѣды поселеній и городовъ, нѣкогда существовавшихъ на Таманскомъ полуостровѣ. Чѣмъ обширнѣе и значительнѣе насыпь, тѣмъ болѣе говоритъ она и о значительности находившагося тутъ поселенія. Часто значеніе этого поселенія или народа свидѣтельствуется также числомъ и размѣрами кургановъ, находящихся вблизи насыпей. Погребальное назначеніе этого рода памятниковъ на Таманскомъ полуостровѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Курганы бываютъ расположены иногда безъ всякаго порядка, но иногда въ сооруженіи ихъ можно замѣтить нѣкоторую систему. Они или стоятъ попарно, на ближайшихъ къ насыпи возвышенностяхъ, или сгруппированы симметрично, или тянутся длинными аллеями. Часто внѣшній видъ ихъ указываетъ, что они подвер-

гались хищническому разграбленію или археологическому изслѣдованію. Понятно, какую научную важность имѣетъ разслѣдованіе въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ насыпей Таманскаго полуострова. Чѣмъ основательнѣе и обширнѣе оно будетъ производиться, тѣмъ болѣе благотворныхъ результатовъ доставитъ наукѣ. Но въ этомъ дѣлѣ не слѣдуетъ терять времени, потому что Черноморскіе казаки болѣе и болѣе застраиваютъ своими хуторами нѣкоторыя изъ насыпей. Наступитъ время, когда безъ значительныхъ денежныхъ расходовъ на пріобрѣтеніе и сноску казацкихъ жилищъ нельзя будетъ приступать къ изслѣдованію городищъ.

На подобной насыпи построенъ нынѣшній главный городъ Таманскаго полуострова—*Тамань*, заступившій мѣсто турецкаго города того же имени, къ уничтоженію послѣднихъ слѣдовъ котораго новѣйшее время такъ много содѣйствовало. Сойдя съ парохода, нужно взобраться съ берега на значительную высоту, всю состоящую изъ искусственной насыпи, чтобы вступить въ предѣлы нынѣшняго города.

Осмотримъ сначала берегъ Таманскаго залива, продолжающійся отъ пристани на западъ къ Лысой горѣ. Въ описаніи Тамани П. В. Беккера относительно этого берега находимъ слѣдующее весьма важное замѣчаніе. «Представьте себѣ,—говоритъ онъ,—здѣсь узкую полосу земли, шириною въ нѣсколько саженей, которая граничитъ по одну сторону съ лиманомъ, а по другую съ обрывомъ, вышиною въ пять или шесть саженей,—полосу, которая въ полноводіе омывается волнами лимана, часто выбрасывающими на нее древнія монеты. Полоса эта, по всѣмъ мною сдѣланнымъ справкамъ, прежде была гораздо шире, и берегъ, вмѣсто того, чтобы выступать впередъ отъ морскихъ наносовъ, какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ, здѣсь ежегодно убываетъ отъ дѣйствія волнъ, которыя мало-по-малу отмываютъ землю. По крайней мѣрѣ таманскіе старожилы увѣряли меня, что они помнятъ еще очень хорошо, когда описанная полоса имѣла въ ширину болѣе сорока саженей, и когда на ней стояло нѣсколько

построекъ» [105]). Это наблюденіе служитъ подтвержденіемъ въ пользу высказаннаго выше мнѣнія о постоянномъ возвышеніи уровня воды въ здѣшней мѣстности со временъ классической древности. Поэтому не удивительно, что въ разныя времена на вышеозначенномъ пространствѣ этой береговой полосы были открываемы различные памятники древности.

Въ началѣ осени 1866 года одинъ изъ жителей Тамани вздумалъ расчищать мѣсто на съѣздѣ, гдѣ находится пароходная пристань, для своихъ хозяйственныхъ построекъ, и тотчасъ же нашелъ фундаментъ какого-то строенія, сложеннаго изъ тесаныхъ плитъ и дикихъ камней, который шелъ глубоко въ насыпь. По трудности работы, онъ не рѣшился разбирать фундамента и оставилъ свое намѣреніе строиться до другаго, болѣе удобнаго времени. Нѣкоторыя изъ означенныхъ плитъ, къ сожалѣнію разбитыя въ куски, оказались, судя по словамъ очевидцевъ, украшенными красивыми горельефами, изображающими астры или звѣзды, а также листья и стволы (акротеріи?); другія же были надгробные памятники съ армянскими надписями. При своихъ работахъ онъ углубился въ насыпь не болѣе какъ на аршинъ; что̀ скрыто глубже въ насыпи—осталось неизслѣдованнымъ [106]). Ясно, что зданіе принадлежало не временамъ классической древности, но очень позднимъ вѣкамъ, и было сложено изъ фрагментовъ гораздо отдаленнѣйшихъ эпохъ, въ числѣ которыхъ могли быть и камни съ древне-греческими надписями. Примѣры подобныхъ построекъ поздняго времени, сложенныхъ изъ матеріаловъ болѣе древняго періода, мы встрѣчаемъ и въ Керчи, гдѣ на горѣ Митридата, въ фундаментахъ стѣнъ византійской эпохи, находимы были мраморныя плиты съ древнѣйшими греческими надписями, взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ развалинъ Пантикапеи, тогда уже не существовавшей. Директоръ Керченскаго музея

---

105) П. В. Беккеръ, Керчь и Тамань въ іюлѣ мѣсяцѣ 1852 года. Пропилеи, изд. проф. Леонтьевымъ. 1853. Томъ III, стр. 376.

106) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.

А. Е. Люценко сообщаетъ намъ извѣстія о подобныхъ находкахъ въ незастроенныхъ домами насыпныхъ частяхъ горы Митридата, съ лѣвой стороны пристани. Тамъ въ одномъ разрѣзѣ насыпи, разрытой весьма поверхностно, онъ видѣлъ нѣсколько плитъ съ архитектурными украшеніями византійскаго стиля и даже фрагменты мрамора.

Тутъ же, на берегу моря, гдѣ находится древній фонтанъ, у подошвы турецкой крѣпости, одинъ изъ таманскихъ казаковъ, добывая камень изъ какой-то старой постройки, нашелъ три куска мрамора съ изукрашеннымъ карнизомъ. На одномъ изъ нихъ изображена была голова византійской работы и крестъ. Близъ этого же мѣста другимъ жителемъ была открыта мраморная капитель іонійскаго ордера. Всѣ эти древности находились нѣкогда во владѣніи покойнаго директора Керченскаго музея древностей А. Б. Ашика [107]).

На берегу Таманскаго залива, съ лѣвой стороны пристани, у подошвы крутаго обрыва, повыше фонтана, въ недавнее время довольно часто были находимы чрезвычайно мелкія серебряныя монеты. Нѣкоторыя изъ нихъ хотя и имѣютъ типы уже описанные, но любопытны по своей малой величинѣ. Это доказываетъ, что греческія колоніи Боспора Киммерійскаго, еще въ отдаленнѣйшія времена, дробили свою серебряную монетную единицу на мельчайшія подраздѣленія [108]). Эти монеты открыты только благодаря терпѣнію и необыкновенной зоркости глазъ г. С., живущаго въ г. Тамани. Послѣ сильныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ онъ находилъ ихъ на морскомъ пескѣ, около обрывовъ или подъ береговыми камнями [109]). Это — монеты автономныхъ городовъ Пантикапеи, Фанагоріи и Синдовъ. Многія изъ нихъ представляютъ на оборотныхъ сторонахъ углубленный четверо-

---

107) **Ашикъ**, Воспорское Царство. Одесса. 1848. Часть II, стр. 23.

108) **Fr. Lenormant**, Essai sur l'organisation politique et économique de la monnaie dans l'antiquité. Paris. Ch. V. Systèmes monétaires des Grecs. Стр. 44—76. [Ср. *Его же*, La monnaie dans l' antiquité. Paris 1878, v. I, p. 139. *Ред.*].

109) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.

угольникъ (carré creux), почему и слѣдуетъ ихъ отнести къ временамъ весьма отдаленнымъ и, вѣроятно, Археанактидовъ. На лицевыхъ сторонахъ этихъ, большею частію неизданныхъ, монетъ выбиты изображенія: головы Пана, съ бородою или безъ бороды, въ профиль, головы льва или пантеры въ фасѣ и насѣкомаго, похожаго на муравья, также въ фасѣ; на оборотныхъ сторонахъ—переднія части льва, лошади или быка; углубленный четвероугольникъ со звѣздою по срединѣ; таковой же, раздѣленный на четыре части, съ буквами, одними звѣздочками или съ шариками и нѣчто похожее на цвѣтокъ. На монетахъ же Синдовъ, на лицевой сторонѣ, голова юнаго Геркулеса, а на оборотной — бюстъ коня. Надписи въ квадратахъ: Г — А — N и звѣздочка.

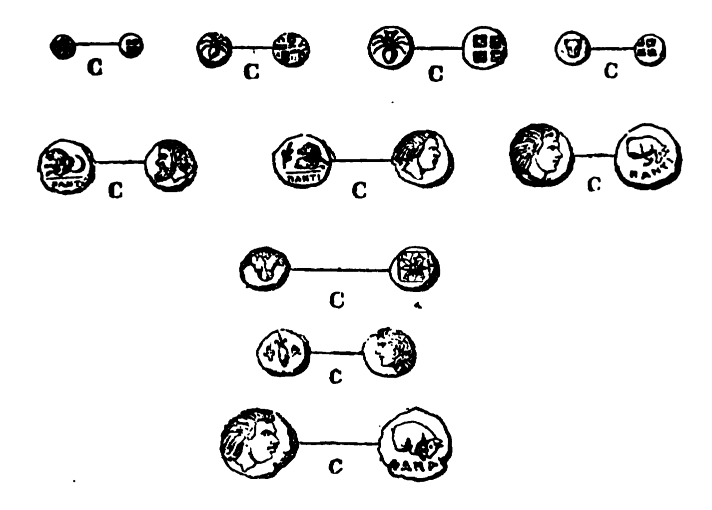
Г — А   Г — А
N — Т,   N — ТI; въ полѣ:
ΓΑΝΤΙ, ΦΑ, ΦΑΝΑ и ΣΙΝΔΩΝ [110]).

Лучшіе экземпляры изъ описанныхъ здѣсь монетъ поступили во владѣніе къ г. Б., имѣющему прекрасное собраніе Боспорскихъ, Херсонскихъ и Ольвійскихъ монетъ, въ томъ числѣ много неизданныхъ. Въ Керченскомъ музеѣ древностей нѣтъ ни одной, потому что всѣ онѣ продавались по баснословно-высокимъ цѣнамъ [111]). Мы прилагаемъ 10 снимковъ съ найденныхъ на Таманскомъ берегу пантикапейскихъ и фанагорійскихъ серебряныхъ монетъ, которыми мы обязаны вниманію рисовальщика Керченскаго музея г. Гросса. Замѣчательно, что вышеописанное мѣстонахожденіе этихъ мелкихъ монетъ въ Тамани — единственное. Въ другихъ мѣстахъ онѣ до сихъ поръ не встрѣчались. По словамъ таманскихъ жителей, они изстари находятъ на морскомъ берегу много монетъ, а также различныхъ вещицъ, напр. колецъ, серегъ, монистъ, стрѣлокъ и рѣзныхъ камней. Е. Е. Лю-

110) Письменное сообщеніе А. Е. Люценко.

111) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко. Въ Керчи встрѣчались такія монеты и поддѣльныя.

ценко сообщилъ намъ, что во время его пребыванія въ Керчи и Черноморіи въ 1866 и 67 годахъ, на упомянутомъ мѣстѣ, кромѣ вышеописанныхъ мелкихъ монетъ, найдено два золотыхъ двойныхъ кизикскихъ статера и три четвертныхъ, нѣсколько серебряныхъ монетъ Аполлоніи, три золотыхъ статера Пантикапеи (извѣстныхъ впервые по Пуленцовскому кладу, открытому въ 1846 (?) году неподалеку отъ того же мѣста), четыре потиновыхъ монеты и два электровые боспорскіе царскіе статера, изъ коихъ одинъ Котиса III, съ годомъ ΔΚΦ=228 г. по Р. Х., находится во владѣніи Е. Е. Люценко [112]).

Такое обиліе монетъ, находимыхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, можетъ повести къ предположенію, что здѣсь существовалъ нѣкогда храмъ, посвященный какому-нибудь языческому божеству—покровителю мореплавателей, которому послѣдніе, отправляясь въ путь, отплывая или возвращаясь, приносили жертвы деньгами и другими драгоцѣнностями, въ знакъ своего благоговѣнія къ божеству. Аналогическій примѣръ представляетъ островъ Левка (нынѣ Фидониси) [113]). Во Франціи, при работахъ

112) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.

113) Н. Н. Мурзакевичъ, Поѣздка на островъ Левки или Фидониси въ

для углубленія рѣки Маэнъ (Mayenne), близъ брода у Сен-Леонардъ, найдено было 2700 монетъ галльскихъ и римскихъ (отъ Августа до Антониновъ), которыя кидались проходящими въ рѣку въ видѣ жертвы водяному божеству [114]).

Берегъ, на которомъ расположенъ нынѣшній городъ Тамань, имѣетъ около 10 саженъ высоты, но почти половина ея состоитъ изъ наносной земли. Эта насыпь приблизительно простирается въ длину болѣе чѣмъ на полторы версты, въ ширину—на триста саженъ и въ вышину, судя по обрыву берега, отъ 2-хъ до 5 саженъ [115]).

До сихъ поръ здѣшніе жители, при проведеніи рвовъ и канавъ, отрываютъ на дворахъ обломки мраморныхъ колоннъ съ капителями, надгробныя плиты, принадлежащія византійской эпохѣ, и турецкія чалмоносныя колонны съ надписями. Вообще на каждомъ шагу встрѣчаются слѣды бывшихъ жилищъ, выложенные камнемъ четвероугольники и отдѣльно лежащія плиты, которыхъ прежнее назначеніе необъяснимо. На рыночной площади, по дорогѣ, идущей къ Таманской церкви, замѣтны, особливо послѣ осеннихъ дождей, какіе-то ряды обтесаныхъ камней

1841 г., въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей. Томъ I, Одесса. 1844, стр. 549, и сверхъ того стр. 316, 318. *Его же*, Эллинскіе памятники, найденные въ Новороссійскомъ краѣ; тамъ же, томъ II, стр. 413, и сверхъ того 838 и 839. *Его же*, Монеты, отысканныя на островѣ Левки или Фидониси; тамъ же, томъ III, стр. 237.

114) Древности, Труды Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1865 — 67. Томъ I. Библіографія, стр. 30.

115) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.

Французскій геологъ Huot, сопровождавшій Ан. Демидова, утверждаетъ даже, что все пространство отъ Тамани до Южной косы въ верхнемъ слоѣ состоитъ изъ мусора, перемѣшаннаго съ фрагментами разбитыхъ древнихъ сосудовъ и человѣческими (?) костями. Anatole de Demidoff, Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, exécutée en 1837. Томъ II, стр. 563. Это доказываетъ, что весь берегъ Таманскаго залива былъ нѣкогда густо заселенъ, хотя и нельзя предполагать, чтобы отъ Тамани до Тузлы простирался одинъ городъ, будь то Корокондама или какой-либо другой. По словамъ Дюбуа, материкъ у Тамани возвышается только на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря. Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 90.

и между ними основанія колоннъ, поставленныхъ перпендикулярно въ землѣ [116]). Говорятъ, что этотъ рядъ колоннъ мѣшаетъ проѣзду, обнажаясь въ дождливое время, почему казаки засыпаютъ его каждый разъ землею. Поэтому не удивительно, если уже у старинныхъ путешественниковъ мы встрѣчаемъ много разсказовъ о древностяхъ, видѣнныхъ ими въ Тамани.

Главнымъ мѣстомъ находокъ древностей (не говоря о привезенныхъ съ другихъ пунктовъ полуострова послѣ покоренія его русскими войсками и сохраняемыхъ здѣсь, какъ въ средоточіи войсковаго правленія) былъ *старый турецкій городъ* и *крѣпость Тамань*, лежащій нѣсколько на западъ отъ нынѣшняго города. По словамъ Палласа, онъ былъ построенъ на кучахъ древняго мусора и имѣлъ значительные размѣры [117]). Даже въ его время (1794) оставалось мало хорошихъ домовъ стараго города. Турецкій городъ видѣлъ въ 1711 году французскій путешественникъ Ламотре, который говоритъ, что большая часть его жителей состояла изъ армянъ, грузинъ, мингрельцевъ и черкесовъ [118]). Этотъ фактъ объясняетъ, почему въ числѣ видѣнныхъ Палласомъ камней съ надписями многія, по его словамъ, были ново-греческія и армянскія надгробныя надписи [119]). Но кромѣ того Палласъ видѣлъ много мраморныхъ скульптурныхъ произведеній, въ томъ числѣ драпированный торсъ фигуры, об-

---

116) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко. Братъ его, директоръ Керченскаго музея А. Е. Люценко, на запросъ нашъ о справедливости этихъ разсказовъ, отвѣчалъ, что, занятый раскопками на Сѣнной, онъ не могъ, во время своего пребыванія въ Тамани, удостовѣриться въ томъ, а потомъ потерялъ изъ виду и сообщавшее разсказъ лицо.

117) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 286 и 287. Энгельгардъ и Парротъ, бывшіе въ Тамани въ іюнѣ 1811 года, даютъ тѣ же обширные размѣры этому старому городу, потому что валы и рвы, окружающіе его со стороны земли, по ихъ словамъ, имѣли въ объемѣ около трехъ верстъ. Валы были возведены изъ песку, глины и камки (морской травы). Engelhardt und Parrot, Reise in die Krym und den Kaukasus. Berlin. 1815. I, стр. 77 — 78.

118) Voyages du S-r A. De la Motraye en Europe, Asie et Afrique. A la Haye. 1727. Томъ II, стр. 60.

119) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 288. Замѣчательнѣйшіе древне-греческіе памятники онъ изобразилъ на 17-й таблицѣ атласа къ своему путешествію, фиг. 2, 3, 4 и 5.

леченной въ панцырь, довольно грубой работы, нѣсколько кронштейновъ и мраморный трехугольный капитель особой формы. Бригадиръ Уолланть (Wollant), строившій сосѣднюю суворовскую крѣпость Фанагорію, говорилъ англійской путешественницѣ г-жѣ Гутри, бывшей здѣсь въ 1795 и 96 годахъ, что онъ въ развалинахъ Тамани, которую тогда принимали за древнюю Фанагорію, видѣлъ нѣсколько изящныхъ колоннъ паросскаго мрамора [120]), вмѣстѣ съ колоссальными изображеніями львовъ превосходной работы. Сама г-жа Гутри увѣряетъ, что въ ея время еще существовали развалины греческаго и татарскаго городовъ, доказывавшія объемъ и величіе этихъ поселеній [121]).

Графъ Потоцкій, бывшій въ Тамани въ 1798 году, видѣлъ также много надгробныхъ памятниковъ и фрагментовъ. Здѣсь были нагромождены алтарь Афродиты на гробницѣ славянскаго монаха, памятники армянскіе на турецкихъ. Между греческими надгробными камнями одинъ особенно привлекъ его вниманіе. На маленькой колоннѣ находилась слѣдующая простая надпись: «здѣсь покоится молодой Іонянинъ» [122]). Шесть лѣтъ спустя послѣ путешествія Палласа, англичанинъ Кларкъ, весьма внимательный къ памятникамъ древности, видѣлъ еще много остатковъ на мѣстѣ старой Тамани. «Земля — говоритъ онъ — на нѣсколько верстъ въ длину покрыта фундаментами древнихъ зданій, между которыми часто находятъ куски мрамора, скульптурные фрагменты и древнія монеты» [123]). По его словамъ, Русскіе изъ этихъ развалинъ извлекли много мрамора для постройки крѣпости Фанагоріи. Чрезъ посредство генерала Вандервейда и одного отставнаго офицера ему удалось спасти отъ разрушенія нѣсколько

---

120) Maria Guthrie, A tour, performed in the years 1795 — 96 through the Taurida, or Crimea. London. 1802, стр. 189.

121) Тамъ же, стр. 188.

122) Le Comte Jean Potocki, Voyage dans les steps d' Astrakahn et du Caucase. Paris. 1829. Томъ I, стр. 245 и 247.

123) Edward Daniel Clarke, Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Cambridge. 1810. Томъ I, стр. 404 [= Fourth edition, Lond. 1816. II, p. 82].

древне-греческихъ мраморныхъ изваяній и надписей, которыя осуждены были служить матеріаломъ для вышеозначенной цѣли. Нынѣ эти остатки греческаго искусства на почвѣ нашего отечества хранятся въ вестибюлѣ публичной библіотеки Кембриджскаго университета [124]). «Если вспомнишь, — говоритъ Кларкъ, — какому разрушенію подвергались древнія зданія въ Тамани и ея окрестностяхъ въ теченіе долгаго времени, то естественно удивляешься, что сохранились еще памятники, свидѣтельствующіе о прошедшей ея исторіи» [125]). Чтобы оцѣнить стоимость сооруженій, воздвигнутыхъ Греками въ городахъ Таманскаго полуострова, изъ которыхъ древніе писатели даже иные называютъ «славными» [126]), необходимо вспомнить, что мраморы и прочія породы камня, которыя древніе употребляли для своихъ зданій, все суть продукты чуждые этой странѣ. Весь матеріалъ, который прежніе обитатели страны назначали для строительныхъ и художественныхъ цѣлей, былъ привозный: его доставали изъ Крыма и Греціи, а въ средніе вѣка—изъ Италіи [127]).

Такое же впечатлѣніе произвели развалины Тамани на нашего русскаго путешественника Павла Сумарокова, видѣвшаго ихъ почти въ одно время съ Кларкомъ. «Обширное пространство, говоритъ онъ, усѣено слѣдами древнихъ жилищъ, на развалинахъ коихъ стоятъ 49 мазанокъ....» [128]). Среди пустырей находились изрытыя для добыванія строительнаго матеріала ямы. Подъ буграми скрывались мраморы, и тутъ въ густой крапивѣ и бурьянѣ Сумароковъ нашелъ надпись Евпатерія, византій-

---

124) Кларкъ описалъ ихъ въ особомъ каталогѣ, гдѣ мраморы, привезенные изъ Тамани, помѣщены подъ NN I. IV. V. VI. XXIV на стр. 1, 4, 46. Къ сожалѣнію, мы не могли получить эту книгу, которая даже не находится въ библіотекѣ Императорскаго Эрмитажа, какъ насъ увѣдомилъ академикъ Л. Э. Стефани. [Двѣ надписи изъ числа упомянутыхъ здѣсь изданы въ Inscr. o. s. P. Eux. II, №№ 362 и 383. *Ред.*].

125) Clarke, Travels. Томъ I, стр. 405 [= Fourth ed. II, p. 83].

126) Dionysii orbis descriptio, v. 552, въ Geographi gr. min. ed. C. Müllerus. Томъ II, стр. 137.

127) Clarke, Travels etc. Томъ I, стр. 408 [= Fourth edition, II, p. 87].

128) Сумароковъ, Досуги Крымскаго судьи. Часть II, стр. 125.

скихъ временъ, свидѣтельствующую о великолѣпномъ зданіи, возобновленномъ этимъ сановникомъ [129]). «За селеніемъ — прибавляетъ онъ — пустыри не прерываются на разстояніи верстъ трехъ» [130]).

Тѣ же старинные путешественники сообщаютъ, къ сожалѣнію, весьма краткія извѣстія о зданіяхъ или развалинахъ древнихъ сооруженій, видѣнныхъ ими въ прошломъ столѣтіи въ старой Тамани. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ была *старая турецкая крѣпость*, которою русскія войска овладѣли въ 1787 г. и приспособили къ своимъ нуждамъ. Но, не находя ее довольно сильно укрѣпленною и встрѣчая безпрерывную помѣху въ развалинахъ и мусорѣ, новые владѣтели страны снесли ее и основали крѣпость (Суворовскую) Фанагорію, которой сооруженіе было начато въ 1794 году [131]).

На томъ мѣстѣ, гдѣ находилась эта турецкая крѣпость, берегъ вдвое выше берега Таманской пристани; но это не дѣло природы. Мусульманское укрѣпленіе, которое возвышалось надъ всею страною, было выстроено на искусственной почвѣ. На материкѣ берега, вышиною въ четыре или пять саженъ, на столько же наросло земли, такъ что вслѣдствіе того берегъ сталъ здѣсь на десять саженъ выше уровня моря [132]). Мѣсто, гдѣ находилась эта крѣпость, до сихъ поръ извѣстно у жителей подъ именемъ *старой турецкой крѣпости*. Впрочемъ, это названіе только въ половину справедливо, потому что Ламотре, видѣвшій ее еще въ цѣлости въ 1711 году, во времена владычества Турокъ, говоритъ, что она, повидимому, была построена или реставрирована Генуэзцами, потому что на стѣнахъ ея находились «остатки гербовъ генуэзскихъ консуловъ, какъ въ Каффѣ» (Θеодосіи).

---

129) Тамъ же, томъ II, стр. 127 — 28, рисунокъ 20 [= В. В. Латышевъ, Сборникъ греч. надписей христ. временъ изъ южной Россіи, Спб. 1896, стр. 105, № 99. *Ред.*].

130) Тамъ же, стр. 128.

131) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 89.

132) Беккеръ, Керчь и Тамань, стр. 376.

Слѣдовательно крѣпость принадлежала тому времени, когда городъ, здѣсь находившійся, назывался *Matraga* [133]).

Мѣсто, на которомъ она была сооружена, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ и достойнымъ изслѣдованія въ Тамани. Повидимому, она возникла на развалинахъ древне-греческихъ зданій. Здѣсь, подъ крѣпостью, казакъ Тарапенко съ товарищами, отыскивая сокровища, указанныя ему въ этомъ мѣстѣ сновидѣніями, въ 1824 году открыли подземный ходъ, который посѣтили многія достойныя довѣрія лица. Позднѣе тамъ же были открыты загадочныя древнія вещи, которыя отыскивалъ съ такою ревностію графъ Л. А. Перовскій и которыя исчезли безъ слѣда. Продолжая поиски Тарапенка, эсаулъ Пуленцовъ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, нашелъ въ насыпи, на которой сооружена была старая крѣпость, знаменитый кладъ золотыхъ Пантикапейскихъ монетъ [134]).

Вѣроятно въ районѣ старой турецкой крѣпости производилъ раскопки въ 1848 году г. Фирковичъ. Не обозначая точнымъ образомъ мѣста, гдѣ производились изслѣдованія, онъ говоритъ о нихъ слѣдующее. «Достовѣрное извѣстіе, что тутъ же (близъ пристани) найдено было нѣсколько мраморныхъ колоннъ, заставило меня приступить, по указанію тамошнихъ жителей, къ раскопкѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, наружный видъ которыхъ показывалъ болѣе вѣроятности, что внутри ихъ скрываются остатки древности. Послѣ нѣсколькодневныхъ усильныхъ трудовъ раскопки, добрались мы до остатковъ подземныхъ сводовъ; но дальнѣйшее изслѣдованіе, по причинѣ недостатка въ рабочихъ людяхъ и ограниченности другихъ средствъ, я принужденъ былъ отложить до другаго, болѣе благопріятнаго времени. Мнѣ кажется, что *эти своды составляли подвальную часть какого-нибудь огромнаго зданія или храма языческаго*, а можетъ быть и монастыря св. Никона, о которомъ, кромѣ устныхъ преданій, упоминается въ Па-

133) Voyage du S-r A. De la Motraye. Томъ II, стр. 60.

134) Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ. См. также: Ашикъ, Воспорское Царство. Ч. II, стр. 17.

терикѣ, что онъ жилъ въ Тамани во время князя Черниговскаго Святослава Владиміровича» [135]). Здѣсь, на правой сторонѣ Тамани, гдѣ, по мнѣнію г. Фирковича, были расположены главныя постройки древняго города, онъ нашелъ двѣ плиты изъ известковаго камня, изъ которыхъ на одной находилась древнегреческая надпись, имъ неточно скопированная, а на другой изображеніе, похожее на свѣтильникъ, съ горящими большимъ пламенемъ свѣчами. На противоположной сторонѣ былъ знакъ въ видѣ буквы А [136]). Въ 1851 году, случайно, въ томъ же обрывѣ, гдѣ были найдены пуленцовскія монеты, открытъ былъ мраморный барельефъ, къ сожалѣнію сильно поврежденный временемъ, съ изображеніемъ двухъ гигантовъ превосходной работы. Вѣроятно, онъ поступилъ во владѣніе графа Л. А. Перовскаго, на счетъ коего производились въ 1851 году раскопки [137]). Открытіе Пуленцова послужило поводомъ къ дальнѣйшимъ и болѣе обширнымъ изслѣдованіямъ. Графъ Л. А. Перовскій, самъ осмотрѣвшій эту мѣстность, въ 1852 году поручилъ К. Р. Бѣгичеву произвести значительныя раскопки въ насыпи, которыя, не давъ особыхъ результатовъ, доказали, что старая турецкая крѣпость была построена на *развалинахъ громаднаго зданія* неизвѣстнаго назначенія и что стѣны разныхъ построекъ тянулись отъ крѣпости къ береговому фонтану. По окончаніи этихъ работъ, въ маѣ того же года, приступлено было къ изслѣдованію той части насыпи, въ которой открыты были пуленцовскія монеты. Послѣдняя раскопка, хотя тоже не давшая ожидаемыхъ результатовъ, была въ высокой степени интересна въ археологическомъ отношеніи, потому что показала, какъ постепенно одинъ народъ селился на пепелищѣ жилищъ другаго, болѣе древняго [138]).

---

135) А. Фирковичъ, Археологическія развѣдки на Кавказѣ. Записки И. Археологическаго Общества. Томъ IX. Спб. 1857, стр. 374.

136) Тамъ же, стр. 374.

137) Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ.

138) См. тамъ же.

Лѣтомъ 1868 года В. Г. Тизенгаузенъ, въ надеждѣ отыскать какіе-нибудь памятники, которые могли бы послужить къ разъясненію вопроса, дѣйствительно ли здѣсь, какъ полагаютъ, находилась древняя Страбонова Корокондама и позднѣйшая Тмуторокань, приступилъ къ разслѣдованію нѣкоторыхъ частей огромнаго городища, лежащаго между пристанью и Лысою горою. Все однакоже, что̀ ему удалось найдти, ограничилось фундаментами разрушенныхъ каменныхъ строеній и бассейновъ, сложенными изъ дикаго камня и обломковъ мрамора; въ томъ числѣ были куски мраморной колонны съ сильно поврежденною византійскою надписью и фрагментъ древней надгробной плиты съ изображеніемъ женской фигуры, стоящей между двумя дѣтьми. Кромѣ того были найдены: разбитый расписанный кратеръ съ красными человѣческими фигурами по черному полю, верхняя часть терракотовой гермы Пріапа, глиняная лампочка, амфорная ручка съ изображеніемъ всадника и именемъ Лаомедонта, нѣсколько мѣдныхъ, покрытыхъ густою окисью, монетъ, повидимому боспорскихъ, и, наконецъ, дюжина серебряныхъ польскихъ монетъ Сигизмунда III [139]).

У подошвы старой турецкой крѣпости, на самомъ берегу, находится древній фонтанъ, вѣроятно устроенный еще Греками. П. В. Беккеръ видѣлъ его еще огороженнымъ нѣсколькими кусками мрамора, безъ рельефовъ и надписей [140]). Во времена путешествія Дюбуа онъ отстоялъ отъ моря на 4 или 5 футовъ [141]). По всѣмъ признакамъ, онъ находился въ древности далеко отъ морскаго берега: нельзя допустить, чтобы его вырыли на краю моря. Это наблюденіе говоритъ въ пользу выше высказаннаго мнѣнія о возвышеніи морскаго уровня въ Таманскомъ заливѣ. Волны, ударяя прямо объ утесъ, разрушили постепенно древнюю

---

139) В. Г. Тизенгаузенъ, Новѣйшія археологическія раскопки на Таманскомъ полуостровѣ. Труды Московскаго Археологическаго Общества. 1869. Томъ II, стр. 39 — 40.

140) Беккеръ, Керчь и Тамань, стр. 376.

141) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 90.

почву и унесли ее съ собою, вмѣстѣ съ частью турецкой крѣпости [142]). Поэтому Дюбуа остроумно замѣчаетъ, что древній городъ, лежавшій на этомъ мѣстѣ (будь это Корокондама или другой), нынѣ слѣдуетъ искать въ морѣ. Что возлѣ фонтана видны были остатки старинныхъ зданій, сказано выше. П. Д. Семеняка, старожилъ Таманскаго полуострова, разсказывалъ даже Ф. Жилю, что *передъ* старою турецкою крѣпостью находился большой садъ, а на самомъ берегу моря дворецъ, принадлежавшій Таманскому пашѣ. Садъ и дворецъ, по его словамъ, занимали пространство въ двѣ версты [143]).

Ни одинъ изъ старинныхъ путешественниковъ не упоминаетъ о столькихъ памятникахъ древности въ старой Тамани, какъ англичанинъ Кларкъ. Палласъ замѣтилъ только одну турецкую мечеть съ минаретомъ [144]); Кларкъ же говоритъ о развалинахъ разныхъ древнихъ зданій, которыя онъ приписываетъ классической эпохѣ. Правда, его амфитеатръ, или навмахія, палъ подъ ножемъ новѣйшей критики [145]); но къ югу отъ бассейна, по его словамъ, находились «остатки храма, построеннаго по греческому образцу, значительныхъ размѣровъ. Рабочіе, строившіе крѣпость Фанагорію, нашли на этомъ мѣстѣ множество древнихъ строительныхъ матеріаловъ, каковы: мраморныя колонны, антаблеманы (изъ коихъ многіе имѣли надписи), мраморные барельефы или изваянія. Они перенесли ихъ отсюда и схоронили въ фундаментахъ вышеназваннаго зданія или употребили на известь» [146]). Быть можетъ это то же самое *«круглое зданіе»*, которое въ 1804 году еще видѣлъ нашъ знаменитый академикъ Кёлеръ. Онъ вкратцѣ упоминаетъ о немъ въ отчетѣ Академіи

142) Ашикъ. Воспорское Царство. Томъ II, стр. 23.

143) F. Gilles. Lettres sur le Caucase et la Crimée. Стр. 422.

144) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 287.

145) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 84. П. Беккеръ, Керчь и Тамань. стр. 377.

146) Clarke, Travels etc. Томъ I, стр. 408 [= Fourth edition, II, p. 87]. Одинъ изъ этихъ антаблемановъ былъ перевезенъ Кларкомъ въ Англію и описанъ въ его вышеназванномъ каталогѣ на стр. 46, № XXIV.

наукъ, котораго копія хранится въ архивѣ И. Археологической Коммиссіи [147]). Недалеко отъ этого храма находилась развалина какого-то другаго общественнаго зданія, которое, по словамъ Кларка, должно было быть изумительной величины, потому что оно покрывало большое пространство земли [148]).

Всѣ эти памятники древности исчезли въ началѣ нынѣшняго столѣтія, такъ что Дюбуа, бывшій на Таманскомъ полуостровѣ въ 1832—1834 годахъ, не нашелъ даже и слѣдовъ стараго города [149]). Въ его время немногія уцѣлѣвшія надписи, архитектурные и скульптурные фрагменты сохранялись подъ выступающею крышею русской церкви, поддерживаемою деревянными колоннами. Дюбуа подробно перечисляетъ эти предметы [150]). Здѣсь же г. Фирковичъ въ 1848 году видѣлъ обломки мраморныхъ карнизовъ съ остатками слова или буквы греческой надписи, по которымъ однакожъ невозможно возстановить смыслъ ея, и попорченную временемъ греческую надпись на мраморной плитѣ. Къ сожалѣнію, сообщаемый имъ снимокъ съ этой неполной надписи явно неточенъ [151]). Но уже во время путешествія Дюбуа ограда Таманской церкви была значительно занесена песками. Напрасно мы вздумали бы отыскивать нынѣ камни, упоминаемые французскимъ путешественникомъ: они, вмѣстѣ съ новѣйшими, даже казацкими надгробными памятниками, погребены подъ значительною массою песку, нагромоздившаго здѣсь свои подвижные холмы въ уровень со стѣнами церковной ограды. Нѣсколько мраморныхъ колоннъ съ капителями византійскаго стиля еще виднѣются недалеко отъ паперти церкви, входъ въ

147) Болѣе подробное описаніе этого зданія, можетъ быть, находится въ дневникѣ путешествія Кёлера (8 тома, in fol.), рукописи, принадлежащей внуку знаменитаго археолога, живущему въ С.-Петербургѣ. Этотъ источникъ, необыкновенно важный для Крыма и Таманскаго полуострова, остался намъ недоступенъ.

148) Clarke, Travels etc. Томъ I, стр. 408 [= Fourth edition, II, p. 87].

149) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 89.

150) Тамъ же, стр. 87.

151) А. Фирковичъ, Археологическія развѣдки на Кавказѣ, стр. 372. [Надпись издана по списку Кёлера въ Inscr. o. s. P. Eux. II, № 358. *Ред.*].

которую, засыпаемый пескомъ во время осеннихъ вѣтровъ, всегда очищается передъ началомъ богослуженія. Извѣстно, что неудержимый наплывъ песку начался съ того времени, когда, тотчасъ послѣ завоеванія полуострова, вырублены были солдатами, во время очень суровой зимы, находившіеся тутъ обширные турецкіе сады, корни деревъ которыхъ скрѣпляли здѣшнюю песчаную подпочву. Наплывъ песку еще болѣе увеличился въ послѣднія пять лѣтъ, когда, по случаю постройки крѣпости на Павловскомъ мысу, здѣсь стали добывать глину для кирпичнаго Фанагорійскаго завода. Мелкій подпочвенный песокъ, обнаженный отъ слоя глины, во время сильныхъ осеннихъ вѣтровъ поднимается и засыпаетъ все, что̀ ему встрѣчается на пути. Расчищеніе песку въ предѣлахъ церкви — работа данаидъ [152]).

2.

Курганы, идущіе въ разныхъ направленіяхъ отъ Тамани. — Курганы близъ Тамани. — Курганы на западъ близъ Тузлы. — Повѣсть о случайной находкѣ сдѣланной тамъ дѣтьми казака. — Раскопки въ 1851 и 1852 годахъ. — Каменная гробница, открытая г. Тизенгаузеномъ въ 1868 году, и раскопки въ другихъ курганахъ. — Курганы къ югу отъ Тамани.

Перейдемъ къ описанію кургановъ, расположенныхъ въ разныхъ направленіяхъ отъ города Тамани.

Самый городъ окруженъ весьма небольшимъ числомъ кургановъ. А. Б. Ашикъ ихъ насчитываетъ до 15 [153]). Въ одномъ изъ нихъ, въ 1817 году, полковникъ Парокія нашелъ значительныя древности, особенно золотыя [154]). Затѣмъ въ тридцатыхъ годахъ

---

152) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.

153) Ашикъ, Воспорское Царство. Томъ II, стр. 16.

154) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1817 годъ. С.-Петербургъ. 1818, стр. 78—9. [Въ «Отчетѣ» сказано только, что сіи вещи были присланы Директору Библіотеки «при отношеніи Г. Генералъ-Лейтенанта К. И. Оппермана» по повелѣнію В. К. Николая Павловича. *Ред.*].

настоящаго столѣтія раскапывалъ эти курганы Д. В. Карейша, но ничего не нашелъ, кромѣ разломанныхъ гробницъ и кусковъ разбитыхъ вазъ[155]).

На западъ отъ Тамани, по направленію къ Южной косѣ, тянется длинный рядъ небольшихъ кургановъ вплоть до озера Тузлы. Эти курганы были изслѣдованы въ 1851 и 52 годахъ К. Р. Бѣгичевымъ. Поводомъ къ розысканіямъ послужило слѣдующее обстоятельство. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія на Тузлѣ жилъ казакъ пограничной стражи, по имени Осташевъ. Однажды дѣти его, мальчикъ и дѣвочка, пася стадо, замѣтили, что бывшая при нихъ собака, погнавшись за какимъ-то звѣркомъ, вдругъ скрылась вмѣстѣ съ нимъ у одного изъ кургановъ въ отверстіе, находившееся въ землѣ. Любопытство побудило дѣтей пробраться въ это отверстіе и привело ихъ, какъ они разсказывали, въ какую-то «подземную комнату, среди которой стоялъ большой бѣлый закрытый сундукъ, а по сторонамъ его бѣлые болваны и маленькія куклы». Изъ послѣднихъ они взяли съ собою двѣ или три штуки, которыя оказались, какъ разсказывали, терракотовыми статуэтками. Безыскусственный разсказъ дѣтей невольно наводилъ на мысль, что видѣнная ими комната не что иное, какъ склепъ или катакомба, бѣлый сундукъ — мраморный саркофагъ, а бѣлые болваны — статуи. Разсказъ дѣтей долго сохранялся втайнѣ, потому что молодой Осташевъ и его сестра намѣревались сами, «когда выростутъ», воспользоваться скрытыми въ подземельѣ сокровищами. Между тѣмъ судьба разлучила ихъ: сестра отдана была замужъ, братъ поступилъ на службу и переведенъ былъ въ другое мѣсто, такъ что они не имѣли возможности осуществить намѣренія. Тайна была разглашена, и даже сами находчики показывали разнымъ лицамъ мѣсто, гдѣ находится таинственное подземелье. Но преднамѣренно ли указывали они на ложное мѣсто, или сами находчики забыли его, — кладъ не открывался. Такъ и графу Л. А. Перовскому,

155) Ашикъ, Воспорское Царство. Томъ II, стр. 16.

во время пребыванія его на Таманскомъ полуостровѣ, показывали на Тузлѣ мѣсто легенды. Посему въ 1851 году онъ поручилъ К. Р. Бѣгичеву, на собственный счетъ, произвесть разслѣдованіе на томъ мѣстѣ, но всѣ поиски были тщетны. Въ 1852 году эти розысканія были возобновлены въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, но съ тѣми же результатами[156]. В. Г. Тизенгаузенъ полагаетъ, что покойный изслѣдователь не такъ взялся за дѣло, раскопавъ небольшія насыпи тамошнихъ кургановъ въ надеждѣ найти въ нихъ склепъ, тогда какъ (если только весь разсказъ не сказка) слѣдовало бы искать гробницу подъ насыпью, тѣмъ болѣе, что скалистое основаніе кургановъ было весьма удобно для устройства въ немъ катакомбъ. Изъ обрыва тамошняго берега мѣстами торчатъ камни и кости, и при одной изъ поѣздокъ на Тузлу В. Г. Тизенгаузену удалось найти на берегу небольшую расписанную вазу съ черными фигурами[157].

Замѣчательное открытіе на Таманскомъ полуостровѣ было сдѣлано въ 1868 году В. Г. Тизенгаузеномъ въ одномъ изъ отдѣльно стоящихъ кургановъ, лежащемъ верстахъ въ двухъ отъ Тамани, по дорогѣ къ Тузлѣ. Хотя наружность этого кургана ясно показывала, что кладоискатели уже рыли его въ прежнее время, тѣмъ не менѣе подъ сѣверною полою курганной насыпи былъ открытъ не расхищенный каменный склепъ. Гробница представляла четвероугольный, продолговатый каменный ящикъ, на половину опущенный въ материкъ, длиною въ 3, шириною $1^{3}/_{4}$, вышиною 2 аршина. Къ сожалѣнію, три плиты, которыми онъ былъ покрытъ, надтреснули по срединѣ и внушали опасеніе, что, при снятіи лежавшей надъ ними насыпи, онѣ обрушатся въ ящикъ и повредятъ находившіяся въ немъ вещи. Такимъ образомъ гробница была вскрыта чрезъ небольшое боковое отверстіе. Вслѣдствіе этого стоявшій въ ней изящный деревянный саркофагъ, — который, за исключеніемъ провалившейся крыши, отли-

---

156) См. Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ.

157) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена отъ 1-го октября 1868 года.

чался рѣдкою сохранностію, — пришлось вынимать по частямъ. Онъ былъ украшенъ изящными рѣзными, раскрашенными и позолоченными, изображеніями грифоновъ, терзающихъ коней, ланей и оленей, различными арабесками, акротеріями, бордюрами, розетками и т. п. На днѣ саркофага лежалъ почти совершенно истлѣвшій остовъ женщины, въ ногахъ которой стояла небольшая расписная ваза, нѣсколько маленькихъ точеныхъ кубковъ, ведерецъ и ящичковъ изъ очень тонкаго дерева, служившихъ, вѣроятно, для храненія туалетныхъ ея принадлежностей, и большой деревянный ларецъ, на крышкѣ котораго водяными красками, среди чрезвычайно пестрой рамки, изображены были три пляшущія женщины. Изъ обычныхъ принадлежностей женской гробницы особенно интересно круглое бронзовое позолоченное зеркало, опирающееся нижнею дугою на распущенныя крылья сидящаго эрота, фигура котораго такимъ образомъ составляла ручку зеркала. Зеркало лежало на деревянной раскрашенной подставкѣ [158]).

Въ другомъ, разслѣдованномъ тѣмъ же археологомъ, курганѣ (въ полуверстѣ отъ предыдущаго) склепъ, стѣны котораго были оштукатурены и раскрашены, оказался не только ограбленнымъ, но и камни отчасти расхищенными. Небольшой, отдѣльно лежащій, курганъ близъ Зеленой горы заключалъ въ себѣ одинъ только человѣческій скелетъ, заваленный мелкими каменьями и ракушками, — по всей вѣроятности негреческую могилу [159]).

Другой рядъ кургановъ, почти параллельный описанному, тянется по направленію къ горѣ Зеленой и далѣе къ мысу Панагіи или Карабуруну. Между этими двумя рядами кое-гдѣ разбросаны отдѣльные курганы различной величины. Вѣроятно, одинъ изъ этихъ кургановъ, большаго размѣра, началъ раскапывать А. Б. Ашикъ въ 1846 году, потому что онъ говоритъ, что курганъ лежалъ къ югу отъ Тамани, но раскопка его была прі-

---

158) В. Г. Тизенгаузенъ, Новѣйшія археологическія изслѣдованія на Там. полуостр., стр. 41.

159) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена отъ 1-го октября 1868 года.

остановлена[160]). — Говорятъ, что курганы въ окрестностяхъ Тамани безпрерывно заносятся подвижными песками; многіе занесены ими почти до верха.

3.

Гора Зеленая. — Пепелища и курганы, находящіеся въ ея окрестностяхъ. — Тайныя раскопки въ 1866 году.

Въ 7—8 верстахъ къ югу отъ Тамани находится гора Зеленая или Зелинская, такъ называемая по бывшему тутъ когда-то хутору казачьяго урядника Зелинскаго. На сѣверъ отъ нея, по направленію къ Южной косѣ, есть насыпь или городище, носящее на себѣ признаки древняго поселенія[161]). А. Б. Ашикъ тоже утверждаетъ, что слѣды древняго поселенія особенно замѣтны у мыса Панагіи и даже по берегу моря до Бугаза[162]). Хотя греческія колоніи въ описываемой нами мѣстности обыкновенно расположены бываютъ по берегамъ морей и лимановъ, однако не легко объяснить себѣ, какъ торговые Греки могли основать поселенія на южномъ берегу Таманскаго полуострова, если не принять въ соображеніе измѣненія, происшедшія въ физической природѣ этой страны со временъ Грековъ. Именно, по словамъ весьма свѣдущаго моряка, г. Павловскаго, знатока береговъ Чернаго моря, «весь южный берегъ Таманскаго полуострова, отъ мыса Тузлы до Соленаго озера близъ устья Кубанскаго лимана, на протяженіи 17 (морскихъ) миль, обтянутъ каменнымъ рифомъ; мѣстами камни видны на поверхности воды. Этотъ рифъ простирается въ море на полъ-мили. Сверхъ того отъ мыса Кишлы выдается гряда острыхъ камней, весьма опас-

---

160) Ашикъ, Воспорское Царство. Томъ II, стр. 23.
161) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.
162) Ашикъ, Воспорское Царство. Томъ, II стр. 17.

ная для мореплаванія[163]). Коралловый рифъ возлѣ мыса Панагіи показанъ также на прекрасной картѣ вулкановъ Таманскаго полуострова, изданной академикомъ Г. Абихомъ[164]). При такихъ затрудненіяхъ для мореплаванія трудно понять, какимъ образомъ могли находиться на этомъ берегу греческія поселенія, и одно только изслѣдованіе насыпи можетъ указать на народъ, здѣсь обитавшій. Поэтому помѣщать здѣсь Короконадаму, какъ это дѣлаетъ Клапротъ[165]), будетъ преждевременно. Что здѣсь находилось поселеніе какого-то народа (одно или нѣсколько, намъ неизвѣстно), это доказываютъ близъ лежащіе курганы.

Именно, на горѣ Зеленой и кругомъ ея есть нѣсколько разной величины кургановъ, но по причинѣ совершенной пустынности этой мѣстности ее посѣщаютъ только пастухи и искатели кладовъ, которые тайно раскапываютъ курганы. Примѣръ такой раскопки былъ недавно. Въ началѣ 1866 года трое таманскихъ казаковъ, подъ предлогомъ добыванія камня для домашнихъ своихъ нуждъ, раскопали одинъ изъ находящихся на Зеленой горѣ кургановъ. Склепъ, ими открытый, имѣлъ длины болѣе одной сажени, ширины и высоты $2^1/_2$ аршина; онъ былъ сложенъ изъ известковыхъ тесаныхъ плитъ, безъ цемента; на западѣ къ нему примыкала небольшая галлерея. Казаки обозначили эту гробницу щупомъ на глубинѣ одного аршина отъ поверхности кургана и большимъ колодцемъ достигли ея сверху. Станичный атаманъ, приглашенный ими для присутствованія при обыскѣ ея, разсказывалъ, что въ ней ничего не было, кромѣ сгнившихъ досокъ отъ саркофага и обломковъ глиняной посуды. Но онъ или былъ обманутъ (гробница могла быть разграблена до его пріѣзда), или счелъ нужнымъ скрыть истину. Даже слѣдствіе, назначенное

---

163) Павловскій, Лоція Черннаго Моря. Изданіе II. Николаевъ. 1867, стр. 135.

164) H. Abich, Karten und Profile zur Geologie der Halbinseln Kertsch und Taman. Tiflis. 1866.

165) См. карту, приложенную къ стр. 294 его: Commentaire etc. (въ Nouveau Journal asiatique. 1828. Томъ I).

войсковымъ правленіемъ, ничего не обнаружило; тогда какъ извѣстно, что, вслѣдъ за открытіемъ этой гробницы, у нѣкоторыхъ лицъ въ Тамани появились черепки расписанной вазы, фрагменты алебастридъ и золотые листочки погребальнаго вѣнка[166]).

На описываемой нами мѣстности никогда не производилось правильныхъ раскопокъ, вѣроятно, вслѣдствіе пустынныхъ окрестностей Зеленой горы, гдѣ на разстояніи десяти и болѣе верстъ нѣтъ никакого жилища.

4.

Южная часть Таманскаго полуострова. — Бугазъ. — Слѣды древняго города близъ Кормуссы.— Городище близъ Соленаго озера.—Курганъ на южномъ берегу Цукура. — Развалины близъ косъ Цукура. — Курганы на з. и ю. отъ Цукурскаго лимана. — Раскопки 1868 года. — Джемитейская коса.— Развалины и курганы, на ней находящіеся.

Къ числу самыхъ малоизслѣдованныхъ мѣстностей Таманскаго полуострова принадлежитъ его южная часть, хотя и тутъ встрѣчаются насыпи и курганы, а старинные путешественники говорятъ даже о развалинахъ. Казацкій форпостъ *Бугазъ*, отстоящій отъ Тамани на 17 — 18 верстъ, есть одна изъ такихъ вовсе не изслѣдованныхъ мѣстностей. По словамъ Дюбуа, тамъ находились развалины[167]), но мы не имѣемъ объ нихъ никакихъ свѣдѣній. Отправляясь отъ Бугаза на востокъ, къ гористому мысу Кизиль-Бурунъ, раздѣляющему Цукуръ отъ Кубанскаго лимана, Палласъ въ 1794 году въ шести верстахъ отъ Бугаза, по лѣвую руку дороги, видѣлъ весьма значительную возвышенность, на которой нашелъ слѣды и кучи мусора *древняго города*. Онъ полагалъ, что это развалины Страбоновой Фанагоріи[168]). Вѣроятно, во времена Палласа онѣ имѣли очень значительный объемъ. Эти слѣды древняго города и развалины видѣлъ проѣздомъ, въ октя-

---

166) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.
167) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 98 и 100.
168) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 295.

брѣ 1832 года, французскій путешественникъ Дюбуа; онъ говоритъ, что они находятся недалеко отъ разрушенной деревни *Кормусса*[169]). Д-ръ Нейманъ предполагаетъ, что подъ этимъ именемъ, можетъ быть, скрывается испорченное и сокращенное имя древне-греческаго города *Гермонасса*[170]). Дюбуа, вслѣдствіе прекраснаго положенія и плодоносной почвы этой мѣстности, тоже приписываетъ эти развалины Гермонассѣ[171]), находя положеніе Бугаза скучнымъ, — странная причина въ дѣлѣ археологіи. По увѣренію Дюбуа, возлѣ развалинъ Бугаза и Кормуссы курганы не встрѣчаются[172]). Докторъ Ѳ. Ѳ. Ландъ, объѣзжавшій въ 1869 году югозападную часть Таманскаго полуострова, вмѣстѣ съ тамошнимъ жителемъ, хуторяниномъ Чепелемъ, посѣтилъ, кажется, городище близъ Кормуссы, о которомъ онъ сообщаетъ, что оно находится въ двухъ верстахъ, по направленію къ Бугазу, отъ хутора Чепеля, лежащаго на южномъ берегу Цукура. Другое городище онъ видѣлъ противъ Соленаго озера. На обѣихъ мѣстностяхъ находятъ черепки и камни, но и только пока.—На южномъ берегу Цукура стоитъ большой курганъ[173]). — Наконецъ Дюбуа весьма темно упоминаетъ о двухъ мѣстностяхъ съ развалинами, находящихся на обѣихъ косахъ, замыкающихъ входъ въ малый Бугазскій лиманъ или Цукуръ[174]).

В. Г. Тизенгаузенъ сообщилъ намъ, что необыкновеннымъ обиліемъ довольно большихъ кургановъ отличается мѣстность къ западу и югу отъ Цукурскаго лимана, по направленію къ Бугазу. Курганы замѣчательны хорошимъ наружнымъ видомъ, позволявшимъ разсчитывать, что они не тронуты. Поэтому лѣтомъ 1868 года В. Г. Тизенгаузенъ рѣшился произвесть въ нихъ раскопки; но, къ сожалѣнію, въ четырехъ изслѣдованныхъ имъ

169) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 100.
170) Neumann, die Hellenen im Skythenlande. 1855. Томъ I, стр. 569.
171) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 100.
172) Тамъ же, стр. 102.
173) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.
174) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 98.

курганахъ онъ нашелъ самыя первобытныя земляныя гробницы, въ которыхъ лежали человѣческіе скелеты, окутанные въ морскую траву. Только въ одномъ изъ нихъ находилась еще разоренная гробница изъ сырцеваго кирпича, устроенная въ насыпи, слѣдовательно, опущенная въ курганъ уже послѣ насыпки его надъ болѣе древнимъ покойникомъ. Между немногими уцѣлѣвшими вещами этой впущенной гробницы оказалась разбитая патера, греческой работы, и части конскаго украшенія стиля, характеризующаго вещи въ скиоскихъ гробницахъ на Днѣпрѣ. Это заставляетъ предполагать, что между Цукурскими курганами нѣкоторые могутъ относиться къ весьма отдаленному времени[175]).

Джемитейская коса, по мнѣнію геологовъ, новѣйшаго происхожденія. Клапротъ предполагаетъ даже, что во времена Страбона она вовсе не существовала[176]). Насколько это предположеніе достовѣрно, должны доказать послѣдующія розысканія, потому что мы и тутъ находимъ археологическіе факты, правда еще не обслѣдованные, которые говорятъ о несовершенной точности и непреложности мнѣнія Клапрота. Именно, ядро Джемитейской косы составляетъ возвышенность довольно значительныхъ размѣровъ. На ней извѣстный нидерландскій консулъ въ Одессѣ, Тетбу де Мариньи, посѣтившій часть Таманскаго полуострова въ 1824 году, на пути изъ Тамани въ Анапу, видѣлъ два кургана. Сверхъ того его увѣряли, что нѣсколько далѣе находятся довольно значительныя развалины[177]). Это обстоятельство заставило его предположить, что здѣсь находился древній городъ Гермонасса. Изъ разнообразныхъ мѣстностей, указываемыхъ новѣйшими учеными для опредѣленія положенія этого города, мы можемъ вывести заключеніе, какъ подобнаго

---

175) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена отъ 1 октября 1868 г.

176) См. карту въ его: Commentaire etc. къ стр. 294.

177) Le chevalier Taitbout de Marigny, Voyage en Circassie. Одесса. 1836. стр. 220.

рода догадки для своего упроченія нуждаются въ археологическомъ изслѣдованіи различныхъ мѣстностей Таманскаго полуострова.

5.

Стеблеевка. — Развалины между хуторами Чаусе и Зализнякъ, видѣнныя Сумароковымъ.— Городище близъ Стеблеевки.— Развалины на в. отъ хутора Семеняки. — Пепелище на сѣв. берегу Цукура. — Прибрежныя пепелища. — Пепелища на в. отъ Стеблеевки, ближе къ Широчанскому посту и многочисленные курганы этой мѣстности.

На сѣверномъ берегу озера Цукура расположена *Вышестеблеевская* казачья *станица*, обыкновенно называемая *Стеблеевскою*. Она отстоитъ отъ Бугаза верстъ на 20. Какъ и бо́льшая часть казацкихъ станицъ, Стеблеевка основана на развалинахъ татарскаго селенія, а татары селились на мѣстѣ еще болѣе древнихъ жилищъ. Дюбуа, столь внимательный къ древностямъ, вѣроятно только мимоѣздомъ посѣтилъ эту мѣстность, потому что онъ вовсе не упоминаетъ о памятникахъ древности, здѣсь существующихъ [178]). Между тѣмъ другіе старинные путешественники говорятъ о развалинахъ, которыми были покрыты берега Цукура. Въ особенности достойны замѣчанія слова Павла Сумарокова: «Отсюда (отъ Бугаза), — говоритъ онъ, — мы поворотили по берегу Кизилташскаго или Кубанскаго залива, проѣзжали мимо пяти хуторовъ, расположенныхъ по степи для пригона скота, гдѣ между двухъ послѣднихъ, называемыхъ Чаусе и Зализнякъ, то-есть версты за четыре до слободы Стеблеевской, увидѣли на берегу *Сокура* (Цукуръ), инаго лимана, соединяющагося съ Кизилташскимъ, *обширныя развалины*. Мы сошли съ тряской телѣги и обходя признаки жилищъ, простирающіеся на версту, находили окопы, отломки старинныхъ кирпичей и кувшиновъ съ

---

178) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 101. Вообще южная часть Таманскаго полуострова мало извѣстна этому писателю.

отдѣланными на нихъ краями»[179]). Объ этихъ развалинахъ, находящихся на сѣверномъ берегу Цукура, въ четырехъ верстахъ отъ Стеблеевки и замѣчательныхъ по своей обширности, ни однимъ словомъ не упоминаютъ другіе путешественники. — На сѣверномъ берегу Цукура Ѳ. Ѳ. Ландъ, въ одной верстѣ на западъ отъ Стеблеевки, видѣлъ городище, гдѣ находятъ камни, кости и изрѣдка монеты[180]). А. Б. Ашикъ замѣчаетъ, что «берега Цукуровскаго и Кубанскаго лимановъ также покрыты слѣдами древнихъ поселеній»[181]). Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь находятся насыпи, не столь значительныя, какъ Таманское или Фанагорійское городища, но тѣмъ не менѣе любопытныя. Къ востоку отъ хутора Семеняки (однофамильца Петра Демьяновича Семеняки), не доѣзжая 2½ верстъ до двухъ огромныхъ кургановъ, называемыхъ Близницами, находятся на равнинѣ какія-то холмообразныя, правильно расположенныя насыпи, съ признаками дорогъ и водоемомъ по срединѣ. Пробная раскопка, произведенная въ 1866 году директоромъ Керченскаго музея, показала, что это дѣйствительно древняя насыпь, принадлежащая греческимъ поселенцамъ. Въ разрытомъ холмѣ, похожемъ на курганъ, найдены были черепки разбитыхъ амфоръ, обломки строительныхъ камней, какая-то могила съ остатками человѣческихъ костей и при нихъ боспорская автономная бронзовая монета, совершенно окисшая. — По тому же направленію, но гораздо правѣе, тамъ, гдѣ горный хребетъ, на которомъ стоитъ извѣстный Васюринскій курганъ, упирается въ уголъ Цукурскаго лимана, на самомъ берегу его, есть другое древнее пепелище. Въ обрывахъ его видны человѣческія кости, каменныя гробницы и разбитыя амфоры. — На противоположномъ берегу этого лимана разбросано на высотахъ нѣсколько кургановъ и, по разсказу Стеблеевскихъ жителей, есть довольно обширное городище. Кромѣ того, на берегу Цукурскаго лимана, въ трехъ верстахъ отъ Стеблеевки къ югу, гово-

179) Павла Сумарокова, Досуги Крымскаго судьи. Томъ II, стр. 144.
180) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.
181) Ашикъ, Воспорское Царство. Томъ II, стр. 17.

рятъ, есть пепелище, весьма замѣчательное, гдѣ находятъ много черепковъ большой греческой посуды.

Всѣ эти прибрежныя пепелища, лежащія въ отдаленіи отъ хуторовъ и станицъ, какъ и послѣднее, о которомъ мы сейчасъ упомянемъ, извѣстны по нахожденію въ насыпяхъ ихъ хорошо сохранившихся монетъ Боспорскаго царства [182]).

Наконецъ, въ нѣсколькихъ верстахъ на востокъ отъ Стеблеевки, на сѣверномъ берегу Кубанскаго лимана, ближе къ Широчанскому посту, находится также древнее пепелище. Вѣроятно, въ окрестностяхъ этой насыпи П. Сумароковъ видѣлъ множество кургановъ, о которыхъ онъ говоритъ слѣдующее: «Верстахъ въ 8 за Стеблеевкою и отъ урочища Капустиной балки, вся равнина усѣена курганами, и думать надобно, что на семъ мѣстѣ происходило важное побоище» [183]). Послѣднее мнѣніе не должно насъ удивлять: во времена Сумарокова полагали, что всѣ курганы — боевые. Но фактъ существованія этихъ кургановъ, никѣмъ, кромѣ Сумарокова, не упоминаемыхъ, весьма достоинъ замѣчанія.

Говоря о Цукурѣ, нельзя умолчать о странномъ предположеніи графа Потоцкаго. Онъ посѣтилъ берега этого лимана въ 1798 году и, вѣроятно, былъ около мѣстности, гдѣ нынѣ находится Стеблеевка, тогда совершенно пустынной. Онъ думалъ, что Фанагорія покрыта водами недавно образовавшагося озера, называемаго *Цукурскій лиманъ*. По его словамъ, тутъ находили монеты и другія древности [184]).

---

182) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.
183) Сумарокова, Досуги Крымскаго судьи. Томъ II, стр. 145.
184) Le Comte Jean Potocki, Voyage etc. Томъ I, стр. 247.

6.

Крѣпость Фанагорія и матеріалы, изъ которыхъ она воздвигнута. — Кряжъ горъ отъ Тамани къ Дубовому рынку. — Ассодагъ. — Большой Васюринскій курганъ и его раскопка въ 1868 году. — Близнйцы. — Курганъ Большая Близнйца, его раскопка и открытія, сдѣланныя въ немъ въ 1864, 65 и 68 гг. — Городище къ сѣв. отъ Близнйцъ. — Древніе мосты.

Обозрѣвъ берега Таманскаго полуострова отъ города Тамани до Бугаза и Кизилташъ-Буруна, а затѣмъ берега Цукура, мы снова возвратимся въ городъ Тамань и отправимся отсюда по почтовой дорогѣ вдоль берега Таманскаго залива, по направленію къ востоку, къ почтовой станціи, извѣстной подъ именемъ *Сѣнной*.

Въ двухъ верстахъ отъ Тамани лежитъ разрушенная въ крымскую войну и съ тѣхъ поръ покинутая Суворовская крѣпость *Фанагорія*. Англійскій путешественникъ Кларкъ, посѣтившій ее во время построенія, называетъ крѣпость «гробницею древне-греческихъ барельефовъ и камней съ надписями». По его словамъ, ихъ ежедневно хоронили въ стѣнахъ ея[153]. Онъ увѣряетъ, что собственными глазами видѣлъ много камней съ надписями въ фундаментахъ крѣпости, откуда не было возможности ихъ извлечь[154]. По словамъ туземныхъ жителей, на построеніе этой крѣпости было привезено множество кусковъ мрамора со станціи Сѣнной, въ насыпяхъ которой всегда находили большое количество строительнаго матеріала. Извѣстный всѣмъ изслѣдователямъ Таманскаго полуострова отставной войсковой старшина П. Д. Семеняка указывалъ намъ въ окрестностяхъ ему принадлежащаго хутора, близъ станціи Сѣнной, мѣсто, извѣстное подъ именемъ *Суворовской ямы*, гдѣ во время сооруженія крѣпости жгли известь изъ кусковъ мрамора, добытыхъ въ насыпи, окружающей его хуторъ. Возлѣ печи былъ вырытъ колодезь для до-

153) Clarke, Travels [illegible]
154) Тамъ же, [illegible]

биванія воды. Сколько пьедесталовъ съ надписями и фрагментовъ мраморныхъ статуй погибло отъ невѣжественныхъ рукъ, трудно угадать. Хотя на томъ мѣстѣ, гдѣ построена была крѣпость, никогда, повидимому, не находили никакихъ слѣдовъ древностей, но замѣчательно, что авторъ «*Путешествія Анатолія Демидова по южной Россіи*» приводитъ сказаніе, что въ извѣстномъ мѣстѣ крѣпости Фанагоріи можно найдти развалины древней стѣны, принадлежащія временамъ іонійской колонизаціи[187]). Какіе-то остатки древняго города на мѣстѣ крѣпости Фанагоріи видѣлъ и нѣмецкій путешественникъ Морицъ Вагнеръ[188]).

Отправляясь отъ Тамани къ станціи Сѣнной, путешественникъ по лѣвую руку постоянно имѣетъ въ виду Таманскій заливъ, по правую, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ почтовой дороги, тянется довольно значительный кряжъ горъ до самаго Дубоваго рынка. Изъ трехъ его возвышенностей замѣчательны въ геологическомъ отношеніи: Карабетова гора, Кирколь и Ассодагъ, а первая въ особенности знаменита своимъ изверженіемъ 1835 года[189]). Курганы, которыми покрыты возвышенности этого кряжа, до сихъ поръ почти вовсе не изслѣдованы. Только нѣкоторые, расположенные на Ассодагѣ, и одинъ изъ двухъ кургановъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Близнѝцъ», лежащіе между почтовою дорогою и сѣвернымъ берегомъ Цукура, въ новѣйшее время подверглись болѣе внимательному изслѣдованію и привели къ блестящимъ открытіямъ, которыя достойно соперничаютъ съ открытіями въ курганахъ Пантикапеи.

Ассодагъ, Кирпина или Васюринская гора, находится къ сѣверу отъ Цукурскаго лимана на половинѣ дороги между Таманью и Сѣнной. Отъ станицы Стеблеевской она въ 7—8 верстахъ. Едва ли эта гора не выше всѣхъ остальныхъ кряжей по правую сторону почтовой дороги. Отъ возвышенія, на которомъ лежатъ

---

187) Anatole de Demidoff, Voyage etc. Томъ I, стр. 546.

188) Moritz Wagner, der Kaukasus und das Land der Kozaken in den Jahren 1843 bis 1846. Leipzig. 1850. Томъ I, стр. 37.

189) H. Abich, Einleitende Grundzüge etc., стр. 77.

[illegible] отдѣляется обширною лощиною, версты въ двѣ [illegible]. [illegible] Васюринской горы находится всего пять [illegible] одинъ большой, два средней величины и два малые. [illegible] раскопки В. Г. Тизенгаузенъ [illegible] значительная вышина этого кургана и видное [illegible] изъ значительнѣйшихъ возвышенностей [illegible] стороны, позволяли предпо[illegible] знатнаго лица, а, слѣ[illegible] погребальную [illegible] — заставляли опасаться, что по этой-то [illegible] грабительскихъ поисковъ. [illegible] вышины, курганъ по наружно[illegible] много обѣщающихъ. Работы [illegible] стороны. Въ теченіе полутора [illegible] Тизенгаузену удалось напасть на слѣды камен[illegible] судя по чрезвычайному множеству «отёс[illegible] имѣть огромные размѣры, но въ то же время [illegible] прежнихъ минъ. Вслѣдствіе отъѣзда В. Г. Тизенгаузена въ С. Петербургъ дальнѣйшее разслѣдованіе боль[illegible] кургана принялъ на себя А. Е. Люценко. [illegible] трехъ недѣль, при помощи буроваго снаряда, ему [illegible] открыть въ юговосточной части кургана боль[illegible] четвероугольный склепъ, покрытый цилиндриче[illegible] сводомъ и состоящій изъ двухъ отдѣленій: *узкаго корри[illegible]*, оштукатуренныя стѣны котораго украшены разноцвѣтными [illegible] съ изображеніемъ урнъ, ласточекъ и львиныхъ голо[illegible] и *большой погребальной комнаты*, съ тремя четыреуголь[illegible] нишами и съ подобною же живописью не только на стѣ[illegible], но и на сводѣ, который расписанъ чѣмъ-то въ родѣ бал[illegible] съ кистями и бахромою. Къ сожалѣнію, склепъ уже былъ [illegible] и ограбленъ кладоискателями, которые проникли въ [illegible] чрезъ проломъ, сдѣланный подъ самымъ сводомъ погребаль[illegible] комнаты. На полу склепа нашлось только нѣсколько чело[illegible] костей, рѣзныя украшенія отъ деревяннаго саркофага,

на которыхъ замѣтны слѣды инкрустаціи, черепки отъ глиняныхъ сосудовъ и двухъ большихъ расписныхъ кратеровъ съ позолоченными гирляндами, столъ изъ бѣлаго мрамора, ножки котораго сдѣланы въ видѣ львиныхъ лапъ, небольшая мраморная скамейка, двѣ клейменыя амфорныя ручки и нѣсколько обломковъ отъ желѣзныхъ копій.

Окончательная раскопка этого кургана была отложена до другаго времени. По мнѣнію г. Люценко, особенно интересно разслѣдовать мѣсто въ юго-западной части насыпи, гдѣ буравъ достаетъ глину, смѣшанную съ углемъ и жженымъ прахомъ, т. е. указываетъ на присутствіе погребальнаго костра[190]).

Изъ остальныхъ четырехъ кургановъ Васюринской горы одинъ (средней величины) носитъ на себѣ явные слѣды прежней раскопки; другіе, повидимому, не тронуты[191]).

У подошвы Васюринской горы, говорятъ, находится городище; можетъ быть, оно тожественно съ тѣмъ, которое, по нашему указанію, лежитъ къ сѣверу отъ Близницъ. Одинъ изъ кургановъ длиннаго хребта, тянущагося отъ Карабетовой горы, носитъ названіе: *Орлова могила*. Точное положеніе этого кургана намъ не извѣстно.

Два, весьма значительные по своимъ размѣрамъ, кургана «*Близнйцы*» или «*Два Брата*» расположены на близкомъ между собою разстояніи, одинъ къ востоку, другой къ западу, надъ лиманомъ Цукуромъ, въ 5—6 верстахъ къ сѣверо-западу отъ станицы Стеблеевки. Уже одно ихъ положеніе на высокомъ хребтѣ, съ котораго открываются далекіе виды, — съ сѣверной стороны на Керчь-Еникольскій берегъ, съ южной — на широкій разливъ Кубани, Кавказскій горный хребетъ и Черное море, — казалось несомнѣннымъ удостовѣреніемъ, что эти насыпи, въ сравненіи съ другими, должны имѣть исключительное и важное значеніе. Впервые раскопки этихъ кургановъ были начаты И.

---

190) В. Г. Тизенгаузенъ, Новѣйшія раскопки на Там. полуостровѣ. Древности. Т. II, стр. 45.

191) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.

Е. Забѣлинымъ, въ 1864 году, съ разслѣдованія восточной или Большой Близницы, имѣющей въ окружности основанія около 160 саж., а въ вышину, по отвѣсу, до 7 саженъ. Почти съ перваго же приступа къ работѣ послѣдовало весьма интересное открытіе. Съ западной стороны кургана, въ насыпи, почти у самой его подошвы, нѣсколько выше материка, была открыта богатая жженая гробница, судя по найденной въ ней золотой монетѣ Александра Македонскаго, принадлежавшая концу IV или началу III вѣка до Р. Х.

Черезъ двѣ недѣли съ той же стороны, въ 4 саженяхъ отъ означеннаго костра къ востоку, открытъ былъ каменный склепъ съ уступчатымъ сводомъ. Впереди этого склепа находится родъ некрытой галлереи, ведущей ко входу въ него и состоящей изъ двухъ каменныхъ стѣнъ, похожихъ на крыльца. Самый склепъ былъ сложенъ изъ штучныхъ камней очень рыхлаго известняка, отдѣланнаго довольно небрежно, такъ что мѣстами даже отеска камней не была окончена. Кромѣ того, нѣкоторые камни, особенно въ сводѣ, имѣли значительныя трещины, а въ южной части свода, сверхъ того, обвалилось почти все ребро одного ряда сводныхъ камней. Оно упало, повидимому, прямо на великолѣпный, украшенный художественно рѣзною работою съ инкрустаціею изъ слоновой кости, деревянный саркофагъ и разрушило его еще въ то время, когда онъ стоялъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Въ этомъ саркофагѣ лежалъ роскошно убранный прахъ женщины, повидимому, жрицы Деметры. Множество золотыхъ вещей, отличающихся высоко-изящною работою, украшали покойницу. Судя по стилю, онѣ относятся къ самому цвѣтущему періоду греческаго искусства. Слѣва, у стѣны склепа, найдено было бронзовое складное зеркало, верхняя часть котораго украшена рельефными фигурами Афродиты и Эрота. Къ сожалѣнію, это превосходное изображеніе повреждено ржавчиною. Въ изголовьѣ покойницы, прямо противъ входа, стояла расписная ваза, на которой красною краскою по черному полю изображенъ Геркулесъ, поражающій кентавра. Далѣе, въ сѣверовосточномъ углу

склепа, сложены были въ кучу четыре, украшенныя превосходною чеканною работою, конскія сбруи.

Несмотря на богатство гробницы, заключавшей въ себѣ столько замѣчательныхъ предметовъ и по изяществу работы, и по своему археологическому значенію, незначительный размѣръ склепа, простота его отдѣлки и самое его положеніе въ огромной насыпи, надъ западною полою, почти у самаго основанія кургана, — все это заставляло предполагать, что упомянутая гробница есть собственно побочная, присыпная, и что главная должна находиться въ центрѣ кургана. Въ такомъ предположеніи проведено было къ центру нѣсколько минныхъ галлерей, изъ которыхъ одна прорѣзала курганъ насквозь. Но галлереи не привели ни къ какимъ открытіямъ.

Затѣмъ, по случаю отъѣзда г. Забѣлина, дальнѣйшее продолженіе раскопокъ принялъ на себя А. Е. Люценко. Ему сперва удалось открыть костеръ у подошвы кургана съ юго-западной стороны, рядомъ съ жженой гробницей, найденной г. Забѣлинымъ, но только нѣсколько ниже ея. Отсутствіе человѣческихъ костей заставляетъ думать, что здѣсь совершена была тризна въ память лица, схороненнаго въ вышеупомянутомъ склепѣ, или, быть можетъ, на этомъ кострѣ сожжены животныя, которыя при погребеніи принесены были въ жертву богамъ преисподней.

Дальнѣйшее разслѣдованіе курганной насыпи къ югозападу отъ упомянутаго склепа привело къ открытію, на разстояніи двухъ саженъ отъ него, другой каменной гробницы, превосходной конструкціи, но, къ несчастію, уже расхищенной и засыпанной землею почти до половины. Новооткрытая гробница состояла изъ двухъ отдѣленій: изъ корридора съ призматическимъ сводомъ и усыпальницы съ пирамидальнымъ, и была построена изъ тесаныхъ плитъ известковаго камня. Фресковая живопись, которою были покрыты различныя ея части, дурно сохранилась и мѣстами была разрушена, кромѣ плиты, замыкавшей пирамидальный сводъ погребальнаго склепа. На внѣшней сторонѣ этой плиты, яркими красками, прямо на камнѣ, найдена изображен-

ною женская голова колоссальныхъ размѣровъ, съ частью рукъ, приподнятыхъ къ верху: волоса ея убраны цвѣтами; на шеѣ — ожерелье; въ лѣвомъ ухѣ — серьга; въ правой рукѣ — букетъ изъ цвѣтовъ, въ лѣвой — покрывало, спускающееся съ головы. Эта замѣчательная живопись, по всей вѣроятности, относится къ IV вѣку до Р. Х. и нынѣ находится въ Керченскомъ музеѣ.

Дождливая осенняя погода заставила прекратить также начатую раскопку южной части Большой Близницы и разслѣдованіе другой, меньшей, гдѣ открыта была земляная дѣтская гробница.

Въ слѣдующемъ 1865 году А. Е. Люценко продолжалъ раскопки въ Большой Близницѣ, и именно въ юго-западной части кургана, рядомъ съ ограбленнымъ склепомъ, открытымъ въ 1864 году. Изслѣдованія привели сперва къ открытію большаго костра, возлѣ котораго найдено нѣчто въ родѣ жертвенника, а затѣмъ — каменной гробницы съ призматическимъ сводомъ, заложенной въ насыпи, на высотѣ $1\frac{3}{4}$ арш. отъ поверхности материка. Кромѣ остатковъ богато украшеннаго саркофага и различнаго оружія, въ гробницѣ были найдены превосходный оливковый вѣнокъ изъ золота, бронзовый шлемъ въ видѣ фригійской шапки, нѣсколько бронзовыхъ кусковъ отъ панцыря и наголенниковъ, два золотыхъ перстня и т. д. Ясно, что въ этой гробницѣ, тоже находившейся въ насыпи, а не въ материкѣ, похороненъ былъ прахъ богатаго воина со всѣми принадлежностями его вооруженія. Раскопки въ одномъ изъ небольшихъ кургановъ къ сѣверу отъ Близницъ и въ Малой Близницѣ снова не привели ни къ какимъ замѣчательнымъ открытіямъ.

Лѣтомъ 1866 года работы заключались въ окончательной срѣзкѣ верхней части «Большой Близницы», которая, вслѣдствіе образовавшихся въ ней трещинъ, угрожала крайне опасными обвалами. Для устраненія обваловъ насыпи этого громаднаго кургана пришлось срѣзать верхнюю часть его на 3 саж. вышины. Затѣмъ курганъ представлялъ видъ усѣченнаго конуса, вышиною въ 4, а шириною въ нижнемъ поперечникѣ болѣе

50 саженъ. Несмотря на то, что въ ней уже были открыты три склепа, и несмотря на множество разрѣзовъ и минъ, проведенныхъ въ разныхъ направленіяхъ, все-таки очень значительная часть ея, преимущественно съ сѣверной стороны, оставалась еще неразслѣдованною [192]).

Раскопки, произведенныя въ 1868 году въ Большой Близницѣ, привели къ новому, блестящему открытію. Въ южной части курганной насыпи, на высотѣ 2-хъ саженъ отъ поверхности материка, г. Люценко открылъ каменную гробницу, которая, вслѣдствіе обвала сгнившей деревянной крыши ея, вся была наполнена землею. Изъ вещей, украшавшихъ похороненную въ этой гробницѣ женщину, по художественному исполненію и новизнѣ формы, первое мѣсто безспорно принадлежитъ роскошному золотому ожерелью, представляющему въ горельефныхъ фигурахъ стадо отдыхающихъ, пасущихся и бодающихся коровъ и барановъ. Всѣ прочія украшенія были тоже золотыя: два ожерелья, серьга, начельникъ или стленгисъ, разныя пластинки, браслетъ, четыре перстня, пуговицы и т. д. Даже къ стѣнкамъ саркофага прикрѣплены были золотыя грифоньи головки. Такое изобиліе изящныхъ металлическихъ произведеній позволяло думать, что въ гробницѣ найдутся также богатые расписные сосуды; на дѣлѣ однакоже оказалась только весьма обыкновенная ваза. Но никогда еще ни въ одномъ мѣстѣ не встрѣчалось такого множества разнообразныхъ терракоттовыхъ статуэтокъ, какое открыто въ этой гробницѣ: ихъ было болѣе 30. Большую часть ихъ составляютъ чрезвычайно оригинальныя мужскія и женскія каррикатуры вакхически-эротическаго характера. На многихъ изъ нихъ сохранились слѣды пестрыхъ красокъ, которыми онѣ первоначально были покрыты [193]).

---

192) Болѣе подробныя свѣдѣнія о всѣхъ раскопкахъ и находкахъ въ Близницахъ см. въ Отчетахъ Имп. Археологической Коммиссіи за 1864, 65 и 66 годы. Спб. in 4, съ атласомъ in fol., гдѣ изображены всѣ найденные предметы и значеніе ихъ превосходно опредѣлено нашимъ знаменитымъ археологомъ, академикомъ Л. Э. Стефани.

193) В. Г. Тизенгаузенъ, Новѣйшія раскопки на Там. пол., стр. 44.

Къ сѣверу отъ Близнйцъ находится довольно обширная, окруженная валами, возвышенность, которая носитъ названіе древняго городища. Объ ней упоминается вскользь въ Отчетѣ Императ. Археологической Коммисіи [194]). Говорятъ, что размѣры городища не велики, но ближайшихъ о немъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

По дорогѣ между Таманью и станціею Сѣнною Кларкъ видѣлъ *три древніе каменные моста.* Онъ считалъ ихъ болѣе созданіями роскоши, чѣмъ необходимости, потому что они находились на мѣстахъ, гдѣ во всякое время было мало или вовсе не было воды. Подъ однимъ изъ нихъ текла мелкая рѣка, которую мѣстные жители проходили въ бродъ, потому что мостъ былъ слишкомъ высокъ и грозилъ опасностью разрушенія вслѣдствіе своей древности. Каждый мостъ состоялъ изъ одной арки, построенной съ большимъ тщаніемъ. Массивная солидность арокъ говорила объ ихъ отдаленной древности [195]). Нельзя не пожалѣть, что намъ неизвѣстно, въ какихъ мѣстахъ находились эти древніе мосты, видѣнные англійскимъ путешественникомъ еще въ 1800 году. Они могли бы намъ указать направленіе, по которому въ древности текли рукава Кубани въ Таманскій заливъ. Что мосты эти были не турецкаго происхожденія, доказывается всегдашнимъ жалкимъ положеніемъ путей сообщенія въ Турецкой имперіи. Они не могли быть также сооруженіями, воздвигнутыми послѣдними завоевателями этой страны. Самъ Кларкъ уже замѣтилъ, что обыкновенные мосты Черноморскаго края состоятъ изъ деревянныхъ брусьевъ, покрытыхъ хворостомъ. Хорошіе пути сообщенія суть признакъ цивилизаціи народа.

---

194) Отчетъ Имп. Археологической Коммиссіи за 1865 годъ. Спб. 1866, in 4°, стр. VI.

195) Clarke, Travels etc. Томъ I, стр. 402 [= Fourth ed. II, p. 77—8].

7.

КАРТА № 3.

Станція Сѣнная. — Значеніе этой мѣстности по мнѣнію старинныхъ путешественниковъ. — Предположеніе Дюбуа. — Насыпь и курганы, тянущіеся отъ хутора г-жи Бѣлой на станцію Сѣнную.—Городище между хуторами Боровика и Семеняки.—Описаніе этой мѣстности, сдѣланное Дюбуа.—Неточности этого писателя.

Проѣхавъ по Шимарданской низменности — древнему ложу Кубани — путешественникъ поднимается на высокій берегъ другаго острова и вступаетъ на почву самой замѣчательной мѣстности на всемъ Таманскомъ полуостровѣ. Это — окрестности *станціи Сѣнной*.

Значеніе этой мѣстности уже было понято старинными путешественниками. На дорогѣ между Таманью и Темрюкомъ Ламотре, въ 1711 году, видѣлъ развалины, которыя онъ называетъ «еще довольно значительными», но которыя ежедневно уменьшались вслѣдствіе того, что жители этихъ двухъ городовъ употребляли ихъ какъ матеріалъ для своихъ построекъ. Еще онъ замѣтилъ, что положеніе этихъ развалинъ соотвѣтствуетъ положенію Фанагоріи, древней столицы азіатскаго царства, «если она не лежала тамъ, гдѣ нынѣ находится Тамань», прибавляетъ Ламотре съ большою добросовѣстностью. Не находя здѣсь ни надписей, ни другихъ указаній, онъ не могъ узнать положительно древняго имени этой мѣстности [196]). Хотя французскій путешественникъ и не опредѣляетъ точно мѣстности, гдѣ находились видѣнныя имъ развалины, но такъ какъ онъ видѣлъ недалеко оттуда много небольшихъ возвышенностей, которыя и онъ считалъ курганами, то можно предположить, что Ламотре говоритъ объ окрестностяхъ нынѣшней станціи Сѣнной. — Числомъ и вышиною кургановъ, окружающихъ эту мѣстность, пораженъ былъ

196) Voyages du Sieur A. De la Motraye etc. Томъ II, стр. 61.

и Палласъ, хотя и онъ не называетъ имени этой станціи. Но что Палласъ говоритъ именно о курганахъ этой мѣстности, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Описавъ дорогу, ведущую вдоль Таманскаго залива отъ Тамани къ Темрюку, онъ говоритъ, что множество высокихъ кургановъ тянется на значительное пространство между заливомъ и почтовой дорогой. Нѣкоторые изъ нихъ лежатъ на самомъ берегу моря: затѣмъ видны слѣды [illegible] деревни, [illegible] *Шемар'ана*, а потомъ вдоль берега идутъ вновь значительные ряды кургановъ большой и средней величины, числомъ отъ [illegible] до [illegible]. Одни изъ нихъ рядами лежатъ [illegible] и между ними идетъ ровъ, а другіе расположены [illegible] на равнинѣ. Изъ послѣднихъ кургановъ два въ особенности значительны по своей величинѣ. Одинъ изъ нихъ былъ раскопанъ и въ немъ открытъ былъ каменный склепъ»[197]). Намъ положительно извѣстно, что эта раскопка была произведена генераломъ Вандерзейде въ одномъ изъ кургановъ станціи Сѣнной[198]). — И графъ Потоцкій тоже обратилъ вниманіе на эти курганы. «Затѣмъ, говоритъ онъ, мы прибыли къ станціи Сѣнной (онъ называетъ ее «Sennaia»), которая находится на заливѣ, образуемомъ Босфоромъ. Все это мѣсто наполнено возвышенностями, изъ которыхъ одни суть произведенія рукъ человѣческихъ, а другія — природы»[199]). Не удивительно, что Сѣнная почтовая станція обращала вниманіе всѣхъ путешественниковъ на окружающіе ее курганы: по словамъ Сумарокова, бывшаго тутъ въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія, станція состояла изъ двухъ землянокъ, *вырытыхъ внутри кургановъ*[200]).

Изъ всѣхъ старинныхъ путешественниковъ болѣе всѣхъ пораженъ былъ этою мѣстностью Кларкъ. «Окрестности почтовой

---

197) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 303. [Переведено съ нѣкоторыми сокращеніями].

198) См. Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ.

199) Le Comte Jean Potocki. Voyage etc. Томъ I, стр. 244.

200) Досуги крымскаго судьи. Томъ II, стр. 162. Это показаніе подтверждаетъ и Кларкъ. Travels etc. Томъ I, стр. 396 [= Fourth ed., II, p. 70].

станціи Сѣнной (которую Кларкъ называетъ Sienna),—говоритъ онъ, — совершенно покрыты курганами, которыхъ вышина и форма не могутъ не возбудить мгновенно удивленіе путешественника и не вызвать его на дальнѣйшія изслѣдованія [201]). Великіе размѣры и богатства гробницъ въ курганахъ на европейской и азіатской сторонахъ Киммерійскаго пролива, прибавляетъ онъ, возбуждаютъ мысли удивленія о богатствѣ и могуществѣ народа, ихъ соорудившаго. Громадный трудъ и огромныя издержки для погребенія одного человѣка»! Но Кларкъ полагалъ, что мѣстность станціи Сѣнной соотвѣтствуетъ положенію города Кепы Страбона или Cepae Milesiorum Плинія [202]), и даже Клапротъ раздѣляетъ это мнѣніе [203]).

Истинное значеніе этой мѣстности, по крайней мѣрѣ насколько можно судить до сихъ поръ, понялъ только Дюбуа. Онъ вывелъ его весьма логически изъ слѣдующаго предположенія: «Число кургановъ, окружающихъ городъ, говоритъ онъ, всегда находится въ прогрессивномъ отношеніи къ важности и богатству города. Приведу примѣръ. На Керченскомъ полуостровѣ курганы нигдѣ не встрѣчаются въ столь значительномъ числѣ, какъ вокругъ развалинъ Пантикапеи. Поэтому, если мы захотимъ приложить ту же мѣрку къ азіатской митрополіи и будемъ ее искать на Таманскомъ полуостровѣ, то мы должны остановиться на мѣстности, всего болѣе покрытой курганами. Посѣтивъ весь полуостровъ, мы должны признаться, что курганы, окружающіе станцію Сѣнную, суть самые значительные и многочисленные. Если ихъ счесть, то они превосходятъ числомъ всѣ прочія группы кургановъ Таманскаго полуострова, вмѣстѣ взятыя. Расположенные по всѣмъ возвышенностямъ, эти надгробные памятники образовали большой полукругъ около Фанагоріи, но они не переходятъ ни Шимарданскую низменность на западѣ, ни Киммерійскій валъ на сѣверѣ. Они стоятъ то по одиночкѣ, то

201) Clarke, Travels etc. Томъ I, стр. 396 [= Fourth ed., II, p. 70].
202) Тамъ же, стр. 402 [= Fourth ed., II, p. 77].
203) Klaproth, Commentaire etc., стр. 296.

группами и заразъ ихъ можно насчитать сотнями»[204]). Въ самомъ дѣлѣ, курганы и могилы на этой мѣстности считаются сотнями и расположены на протяженіи 5 или 6 верстъ. Но кромѣ остроумнаго и весьма возможнаго предположенія Дюбуа и извѣстныхъ словъ Страбона о положеніи Фанагоріи, у насъ, должно признаться, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ никакихъ другихъ *археологическихъ* доказательствъ, что на этой мѣстности лежалъ именно городъ Фанагорія. Во всякомъ случаѣ здѣсь находился весьма значительный, если не самый важный и богатый городъ всего азіатскаго Боспора. Это доказывается какъ громадною насыпью, городищемъ или пепелищемъ, составляющимъ единственный нынѣ видимый слѣдъ этого города, такъ и безчисленнымъ множествомъ кургановъ, окружающихъ городище. Къ трудному описанію этой во многихъ отношеніяхъ загадочной мѣстности мы приступимъ теперь.

Отъ Тамани до станціи Сѣнной — 22 версты.

Не доѣзжая четырехъ или пяти верстъ до станціи Сѣнной, выше хутора г-жи Бѣлой, гдѣ почтовая дорога нѣсколько уклоняется вправо, изумленный глазъ путешественника видитъ на лѣвой береговой возвышенности большое число кургановъ, правильно расположенныхъ въ нѣсколько рядовъ. Они идутъ въ одномъ направленіи съ холмообразными или сплошными насыпями, довольно значительной высоты, которыя, тѣснясь у хутора Боровика и описывая полукругъ, тянутся вплоть до хутора Семеняки. Къ сѣверу отъ этихъ холмовъ, по берегу моря, между двумя послѣдними хуторами простирается одна огромная и совершенно ровная насыпь древняго города, пепелище или городище. Холмообразныя насыпи, прорѣзанныя узкими ущельями, безпрестанно мѣняютъ свои очертанія. Ущелья, расширяясь, принимаютъ видъ дорогъ, которыя тянутся въ разныя направленія отъ одного центра. Наибольшей высоты сплошныя насыпи достигаютъ у хутора Боровика. На вершинахъ ихъ находятся

204) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 75—76.

обширныя площадки съ признаками жилищъ и возвышенія, своею внѣшностью похожія на курганы. Отъ хутора Семеняки мѣстность значительно измѣняется: холмообразныя насыпи прекращаются, и особенно около казеннаго домика вся мѣстность состоитъ изъ естественныхъ высокихъ песчаныхъ холмовъ, весьма разнообразныхъ формъ, съ плоскими вершинами, на которыхъ расположено огромное число настоящихъ кургановъ. Вмѣсто глинистой почвы, отличающей описанныя выше насыпи, здѣсь вездѣ преобладаетъ песокъ, слегка прикрытый слоемъ земли. Самые же холмы еще въ глубокой древности укрѣплены были пластами глины, перемѣшанной съ черепками разбитыхъ амфоръ. Отъ станціи Сѣнной эти естественные холмы, постепенно понижаясь, тянутся еще на полторы версты вдоль берега Таманскаго залива, и ряды правильно расположенныхъ кургановъ вѣнчаютъ ихъ вершины.

Такимъ образомъ ряды кургановъ, начинаясь отъ хутора г-жи Бѣлой, идутъ вдоль морскаго берега, опоясываютъ съ юга искусственныя холмообразныя или сплошныя насыпи, тянущіяся отъ хутора Боровика до хутора Семеняки, группируются около станціи Сѣнной и отсюда длинными рядами еще полторы версты идутъ по берегу залива.

Ясно, что центръ этого огромнаго міра кургановъ, тянущагося на протяженіи шести верстъ, есть громадная насыпь, пепелище или городище, лежащее между хуторами Боровика и Семеняки.

Эту-то насыпь объявилъ за развалины Фанагоріи французскій путешественникъ Дюбуа; но пылкое воображеніе его видѣло здѣсь болѣе, чѣмъ представляетъ дѣйствительность трезвому глазу. «Развалины города Фанагоріи — говоритъ онъ — начинаются на полуверстѣ отъ станціи [205]) и занимаютъ всю ширину холма, которая не превосходитъ 500 или 600 шаговъ. Онѣ покрываютъ пространство на протяженіи версты. Можно отлично

---

205) Дюбуа описываетъ, слѣдуя направленію отъ Темрюка въ Тамань, мы же—отъ Тамани въ Темрюкъ.

распознать слѣды стѣнъ, преимущественно кирпичныхъ, окружавшихъ городъ. Онъ имѣлъ форму длиннаго параллелограмма; нѣсколько лощинъ раздѣляютъ его въ длину, хотя нельзя утверждать, что первоначально это были улицы, соединявшія берегъ Корокондамитскаго лимана съ портомъ. Но мнѣ кажется это вѣроятнымъ, потому что отверстія въ окружной стѣнѣ имѣютъ видъ воротъ. Нѣсколько башенъ слегка видны на восточной окраинѣ, которая, можетъ быть, служила акрополемъ или цитаделью, потому что намъ извѣстно, что Фанагорія имѣла акрополь» [286]). Увѣренія Дюбуа, что онъ видѣлъ слѣды городскихъ стѣнъ и башенъ, едва ли основательны. Онъ находился на Таманскомъ полуостровѣ между 1832—34 гг., мы же изслѣдовали эту мѣстность въ 1859 году и нигдѣ не могли найдти слѣдовъ того, что видѣлъ французскій путешественникъ. Можно было бы предположить, что эти остатки древняго города исчезли въ промежутокъ между вышеозначенными годами, но старожилъ этой мѣстности, П. Д. Семеняка, на наши подробные разспросы отвѣчалъ утвердительно, что онъ ничего подобнаго не видалъ. Дюбуа, сверхъ того, не производилъ здѣсь раскопокъ. Вѣроятно, онъ принялъ за городскія стѣны тѣ холмообразныя или сплошныя насыпи, которыя опоясываютъ лежащую у сѣвернаго подножія ихъ ровную насыпь или городище, а лощины, находящіяся между ними, и ихъ продолженія — за ворота и улицы.

Именно городище, лежащее между хуторами Боровика и Семеняки, состоитъ изъ двухъ формъ поверхности: изъ цѣпи холмообразныхъ насыпей, обыкновенно называемыхъ *сплошными*, и обширной ровной площади или *городища*, простирающейся къ сѣверу отъ этихъ холмовъ. Эта площадь оканчивается къ морю отвѣснымъ обрывомъ въ 12½ сажени высоты. Прямая линія площади, отъ перваго обвалившагося въ море огромнаго кургана въ окрестностяхъ станціи Сѣнной до хутора Боровика, имѣетъ въ длину 1150 саженъ. Вотъ наименьшая длина древняго города, тутъ находившагося, въ сѣверной его оконечности. Въ

---

286) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 65.

высшей степени любопытенъ самый обрывъ. Проходя по узкой песчаной полосѣ земли, на самомъ берегу моря видишь передъ собой полный разрѣзъ древней насыпи, въ которомъ торчатъ обломки известковыхъ плитъ и колоннъ, кирпичи, черепки разбитыхъ сосудовъ и кости. Прибой морскихъ волнъ вымываетъ изъ обрыва бронзовыя боспорскія монеты и разные древніе предметы. Но что даже цѣлая сѣверная прибрежная часть древняго города нынѣ покрыта водами Таманскаго залива, — это доказывается, не говоря о какихъ-то колоннахъ, видѣнныхъ въ

Видъ городища съ берега Таманскаго залива.

морѣ по разсказамъ старожиловъ, слѣдующимъ обстоятельствомъ. Когда нѣсколько дней сряду дуетъ сильный южный вѣтеръ, то онъ отгоняетъ воду съ большаго пространства земли и обнажаетъ разбросанные куски строительнаго камня, въ разныхъ мѣстахъ лежащаго. Въ такіе дни дѣти, рабочіе и даже старухи казацкихъ семействъ отправляются на берегъ и въ пескѣ иногда находятъ, не говоря о множествѣ бронзовыхъ, даже золотыя монеты, статуэтки изъ терракотты и фрагменты греческихъ вазъ. Нѣкоторые изъ найденныхъ на этомъ берегу предметовъ пріобрѣтены Керченскимъ музеемъ и нынѣ тамъ сохраняются.

[illegible] лежав-
[illegible] хуторъ
[illegible] за
[illegible] половину
[illegible] были его
[illegible] образныхъ
[illegible] мѣстныхъ
[illegible] нѣсколькихъ
[illegible] идутъ
[illegible] вдругъ пре-
[illegible] по-
[illegible] города,
[illegible] Но, во
[illegible] посе-
[illegible] что зна-
[illegible] не отли-
[illegible] характеръ, вѣ-
[illegible] здѣсь на
[illegible] всей вѣ-
[illegible]

[illegible] древне-греческій
[illegible] изслѣдова-
[illegible] Но незначи-
[illegible] этими рас-
[illegible] потребовалось бы для
[illegible] не позволяли дать
[illegible] Мы скажемъ вкратцѣ
[illegible]

8.

Станція Сѣнная (продолженіе).—Городище.—Открытіе памятника Кассаліи.—Раскопки 1859 года.—Надпись памятника въ честь царицы Динамиды.—Надпись царя Реметалка въ память возстановленія храма богини Sol. — Другія надписи, открытыя на городищѣ. — Раскопки А. Е. Люценко на городищѣ близъ хутора Боровика.—Молъ древняго города.

Начнемъ съ огромнаго *городища*, лежащаго у сѣвернаго подножія холмообразныхъ или сплошныхъ насыпей.

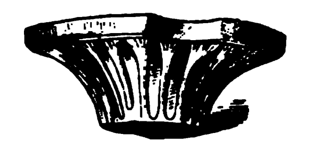
Мы уже знаемъ, что мѣстные жители всегда смотрѣли на насыпь близъ хутора Семеняки, какъ на каменоломню, откуда, безъ большихъ трудовъ, возможно добывать строительный матеріалъ. Уже Ламотре въ началѣ XVIII-го вѣка указывалъ на этотъ обычай, столь гибельный для развалинъ [207]). Мы видѣли, что отсюда шелъ матеріалъ для построенія Суворовской крѣпости Фанагоріи. Нынѣшніе обитатели этой мѣстности продолжаютъ прежнія преданія. Такимъ образомъ въ 1853 году одинъ изъ рабочихъ Семеняки, добывая строительный камень въ очень недальнемъ разстояніи отъ хутора, построеннаго на городищѣ, неожиданно открылъ большой мраморный пьедесталъ, служившій подножіемъ статуѣ Афродиты Ураніи. На пьедесталѣ начертана одна изъ драгоцѣннѣйшихъ надписей для исторіи Боспора Киммерійскаго. Надпись гласитъ, что Кассалія, дочь Посія, посвятила статую Афродитѣ Ураніи при Перисадѣ, правителѣ Боспора и Ѳеодосіи и царѣ Синдовъ, Меотовъ, Ѳатеевъ и Досховъ (349—310 г. до Р. Хр.) [208]). Эта счастливая находка побудила въ 1859 году Императорскую Археологическую Коммиссію произвесть раскопки на мѣстѣ открытія надписи, и это порученіе было возложено на пишущаго эти строки.

---

207) La Motraye, Voyages etc. Томъ II, стр. 61.

208) Древности Босфора Киммерійскаго, хранящіяся въ Имп. Эрмитажѣ. Спб. 1854. Томъ II, стр. 180. Köhne, Über eine Marmorbasis aus der Zeit des bosporanischen Königs Paerisades I. Sitzungsberichte der ph.-h. Classe der K. Akademie der Wissenschaften. Wien. 1853. XI, pag. 399 [= Inscr. o. s. P. Eux. II, № 347. *Ред.*].

Прибывъ на мѣсто, мы выбрали для раскопокъ то пространство, которое простирается отъ ямы, въ которой найдена была надпись Кассаліи, до подножія сѣвернаго ската самой большой

Мраморная капитель колонны.

Вышина: 4 вершка.

изъ сплошныхъ насыпей въ окрестностяхъ хутора Семеняки. Хотя площадь избраннаго пространства была не велика въ сравненіи съ объемомъ всей насыпи, но раскопки вездѣ доведены были до материка, который оказался состоящимъ изъ бѣлаго

Верхняя часть надгробной плиты, изъ известняка.

Вышина: $11\frac{1}{2}$ верш., ширина: $8\frac{1}{2}$ верш., толщина: $2\frac{1}{2}$ верш.

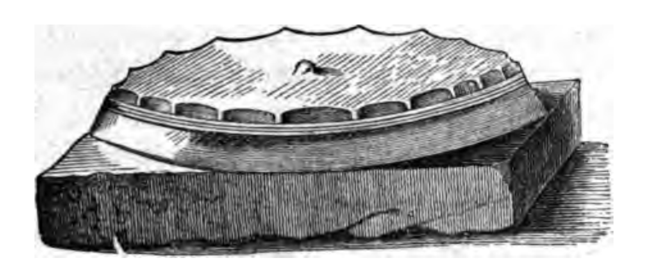

Акротерія изъ известняка.
Вышина: 8 верш., ширина: 7 верш.

песку, на что указываетъ и академикъ Абихъ [209]). Намъ было извѣстно, что въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ

209) H. Abich, Einleitende Grundzüge etc., стр. 72.

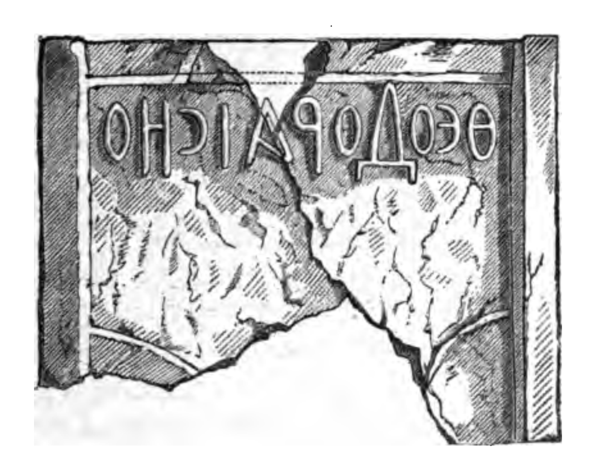
недалеко отъ этой мѣстности, Я. М. Лазаревскій открылъ торсъ какой-то мраморной женской статуи, разные архитектурные фрагменты и нѣсколько небольшихъ колоннъ, которыя указы-

База большой колонны съ каннелюрами, изъ известняка, найденная въ недальнемъ разстояніи отъ предыдущихъ раскопокъ.

Длина и ширина: 14½ верш., вышина: 5¼ верш., діаметръ: 11½ верш. Число каннелюръ: 20.

вали, что здѣсь въ древности существовалъ памятникъ или зданіе небольшихъ размѣровъ. Съ надеждою найдти другія его

Черепица.

Ширина: 7⅝ вершковъ, длина: 5½ верш., толщина: ½ верш.

части, было приступлено къ раскопкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ непродолжительномъ времени открыты были стержни и базы небольшихъ размѣровъ колоннъ и разные архитектурные фраг-

менты, указывающіе, что они принадлежали небольшому, воздвигнутому въ честь какого-либо божества или лица, памятнику. Этотъ памятникъ, вѣроятно, имѣлъ круглую форму и украшенъ былъ колоннами. Въ рединѣ его могла находиться статуя божества или знаменитаго лица.

Но сверхъ того, на этомъ же мѣстѣ найдены были архитектурные фрагменты, явно принадлежавшіе зданіямъ большихъ размѣровъ. Изъ нихъ въ особенности замѣчательны большія че-

Рельефъ изъ известняка.

Вышина: 1 арш. 9 верш., ширина: 15 верш., толщина: 3 верш.

репицы, покрывавшія неизвѣстное намъ зданіе. На всѣхъ находилась греческая надпись одинаковаго содержанія, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями: ΟΗϿΙΑϤΟΔΟЭΘ, указывающая, по формѣ буквъ, на византійскую эпоху, которой принадлежало это зданіе. Кромѣ того, найдена была нижняя часть рельефа, изображающаго мужскую фигуру, облеченную въ гиматіонъ.

Раскопки на этой мѣстности увѣнчаны были открытіемъ

двухъ мраморныхъ пьедесталовъ, на которыхъ находятся двѣ древне-греческія надписи. Они были найдены въ нѣсколькихъ саженяхъ разстоянія отъ мѣста находки надписи Кассаліи. Первая шестистрочная надпись принадлежала памятнику, воздвигнутому жителями неизвѣстнаго намъ города, потому что на мраморѣ сохранились только три предпослѣднія буквы его имени, въ честь царицы Динаміи, дочери царя Фарнака и внуки Митридата Евпатора. Слѣдовательно, надпись относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ перваго вѣка до Р. Х. [210]). Вотъ она съ пополненіями, сдѣланными академикомъ Л. Э. Стефани:

[Β]ασίλισσαν Δύναμιν φιλορώμ[αιον,
τὴν] ἐκ βασιλέω[ς μ]εγάλου Φα[ρνάκου
το]ῦ ἐκ βασιλέως βασιλέων Μιθ[ραδά-
το]υ Εὐπάτορος [Διο]νύσ[ο]υ,
τὴ]ν ἑαυτῶν σ[ώτειραν κ]αὶ εὐε[ργέ-
τι]ν [ὁ δ]ῆμ[ος ὁ Ἀγριπ]πέω[ν].

Царица Динамія до сихъ поръ извѣстна была по разсказу Діона Кассія [211]), по единственному экземпляру золотой монеты, находящемуся въ собраніи гр. А. С. Уварова [212]), и по надписи на мраморномъ пьедесталѣ статуи, которую она воздвигла своему покровителю императору Августу. Эту послѣднюю надпись впервые видѣлъ Кёлеръ въ 1804 году возлѣ церкви въ Тамани, куда свозили всѣ древности, находимыя на полуостровѣ. Вѣроятно, она была найдена на томъ же городищѣ, гдѣ открытъ нами мраморный пьедесталъ [213]).

При скудости источниковъ для исторіи Боспора Киммерій-

---

210) Б. фонъ-Кёне, Описаніе Музеума покойнаго Князя В. В. Кочубея. Спб. 1857. Томъ II, стр. 156. [См. надпись въ Inscr. o. s. P. Eux. II, № 356. Дополненія исправлены по этому послѣднему изданію. *Ред.*].

211) Dion Cass. LIV, 24.

212) Б. фонъ Кёне, Описаніе и т. д. Томъ II, стр. 156.

213) C. I. Gr. № 2122 [= Inscr. o. s. P. Eux. II, № 354. *Ред.*].

скаго, новая надпись является драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Единственное затрудненіе, которое она представляетъ, заключается въ опредѣленіи имени города, воздвигшаго Динаміи памятникъ, котораго лишь надпись дошла до нашего времени.

Академикъ Л. Э. Стефани, возстановляя пробѣлы этой надписи [214]), предполагалъ, что буквы ...ΠΕΩ... можно восполнить: Γοργιππέων. Но странно, говоритъ онъ, что жители Горгиппіи, желая почтить царицу памятникомъ, не воздвигли его въ своемъ отечественномъ городѣ. Потому ему казалось болѣе вѣроятнымъ, что памятникъ воздвигнутъ былъ жителями города Агриппіи, на томъ основаніи, что на Таманскомъ полуостровѣ въ 1829 или 30 году была открыта надпись, въ которой говорится объ архонтахъ города Агриппіи-Кесаріи [215]). Ясно, что Агриппія-Кесарія — имя не греческое, а римское. Неизвѣстно какой-то греческій городъ, находившійся на азіатскомъ Боспорѣ, обмѣнялъ, во времена римскія, свое прежнее имя на другое, льстившее самолюбію властителей міра. Это явленіе часто повторявшееся и хорошо извѣстное. Но какой городъ могъ поступить такимъ образомъ въ Боспорскомъ царствѣ?

Къ факту существованія на Таманскомъ полуостровѣ города, носившаго въ римскія времена имя Агриппіи-Кесаріи, что доказывается открытою тамъ надписью, слѣдуетъ принять въ соображеніе еще другой нумизматическій фактъ. Извѣстно, что по обѣимъ сторонамъ Боспорскаго пролива, но преимущественно на Таманскомъ полуостровѣ, очень часто находимы были бронзовыя монеты съ надписями ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ и ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ. Нумизматы давно уже предполагали, что монеты эти относятся къ городамъ одного какого-нибудь края, а не къ разнымъ городамъ Малой Азіи и Іудеи, носившимъ то же имя. Не говоря о совершенно одинаковомъ чеканѣ монетъ, это мнѣніе подтверждалось

---

214) Отчетъ И. Арх. Коммиссіи за 1860 г., стр. 99.

215) C. I. G. № 2129. В. Древности Босф. Кимм. Изданіе Имп. Эрмитажа. Томъ II, стр. 240. Надпись № 28. Извѣстіе о мѣстѣ находки этой надписи, по нашему мнѣнію, весьма неточно. [= Inscr. o. s. P. Eux. II, 363].

и тѣмъ, что рѣдко находимы были монеты съ надписью Кесаріи, не открывъ другихъ съ именемъ Агриппіи. Открытіе надписи, упоминающей о памятникѣ, посвященномъ архонтами Агриппіи-Кесаріи, доказываетъ, что эти наименованія принадлежали одному городу. Стемпковскій и Бёкъ давно высказали предположеніе, что они присвоены были какому-нибудь греческому поселенію на Таманскомъ полуостровѣ и всего вѣроятнѣе — Фанагоріи. «Если вспомнить, — говоритъ Ашикъ, передающій въ этомъ случаѣ мнѣніе Стемпковскаго, — какое сильное вліяніе имѣлъ Агриппа на дѣла Воспора, то не покажется страннымъ, что Фанагорія, которой Римляне даровали полную свободу тотчасъ послѣ смерти Митридата Великаго, получивъ, можетъ быть, еще новыя благодѣянія отъ Августа чрезъ посредство Агриппы, захотѣла доказать свою благодарность Кесарю и его помощнику, принявъ названіе Агриппіи и Кесареи» [216]). Сама Динамія въ надписи, списанной Кёлеромъ, называетъ Кесаря Августа «своимъ спасителемъ и благодѣтелемъ» [217]). Ясно, что подобное наименованіе могъ принять только городъ, вполнѣ преданный Римлянамъ, а такимъ является Фанагорія уже со временъ Митридата [218]). Не удивительно, что благодарные жители, сооружая дочери Фарнака памятникъ, назвались именемъ ей пріятнымъ. Гдѣ могли они приличнѣе воздвигнуть ей монументъ, какъ не въ Фанагоріи, гдѣ Динамія, повидимому, провела всю жизнь? Чтобы найденная въ 1859 году надпись, — что̀ также допускаетъ Л. Э. Стефани [219]), — принадлежала памятнику, воздвигнутому на Таманскомъ полуостровѣ жителями города Агриппіи въ Виѳиніи (Малая Азія), это едва ли мыслимо. Какъ могла быть Динамія ихъ «спасительницею и благодѣтельницею»? Фанагорія носила имя Агриппіи-Кесаріи, повидимому, даже въ IV ст. по

---

216) Ашикъ, Восп. Царство. Томъ I, стр. 41. Бёкъ полагаетъ, что принятіе новыхъ именъ случилось при Полемонѣ I. C. I. Gr. Томъ II, стр. 163.

217) C. I. G. № 2122 [= Inscr. o. s. P. E. II, № 354].

218) Б. фонъ Кёне, Описаніе Музеума и т. д. Томъ I, стр. 394.

219) Отчетъ Импер. Арх. Комм. за 1860 годъ, стр. 99.

Р. Х. [220]). Наконецъ, если бы новооткрытая надпись была единственною, найденною въ этой мѣстности, то можно было бы предположить, что она сюда завезена. Но такъ какъ на городищѣ найдено было нѣсколько пьедесталовъ съ древне-греческими надписями, относящимися къ исторіи Боспорскаго царства, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что огромная площадь, простирающаяся отъ хутора Семеняки до хутора Боровика, есть при томъ и первоначальное мѣсто сооруженія этихъ памятниковъ.

Что касается до времени сооруженія этого памятника, то всего вѣроятнѣе, что онъ воздвигнутъ былъ или послѣ смерти Асандра, когда Динамія стала самостоятельною царицею, или вскорѣ по вступленіи ея въ бракъ съ Полемономъ, когда граждане, сохраняя въ памяти благодѣянія, оказанныя имъ Динаміею во время ея единоправленія, пожелали увѣковѣчить ея заслуги особымъ памятникомъ. Эпоха ея единоправленія намъ точно извѣстна: это 281 годъ эры Ахеменидовъ, отъ осени 737 до осени 738 года отъ основанія Рима [221]). Слѣдовательно, памятникъ могъ быть воздвигнутъ около 16—14 года до Р. Х.

Вторая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ далеко не вполнѣ объясненная [222]) надпись, открытая въ раскопкахъ 1859 года, принадлежитъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ документовъ для исторіи культовъ на Боспорѣ Киммерійскомъ. Она начертана на мраморномъ пьедесталѣ, очень хорошо сохранилась и состоитъ изъ 12 строкъ.

Τιβέριος Ἰούλιος βασιλεὺς
Ῥοιμητάλκης, φιλόκαισαρ καὶ φι-
λορώμαιος, εὐσεβής, τὰς ὑπὸ
Λητοδώρου ἀνατεθείσας γέας
ἐν Θιαννέοις καὶ τοὺς πελάτας

---

220) Древн. Босф. Кимм. Изданіе Имп. Эрмитажа. Томъ II, стр. 242. [=Inscr. o. s. P. Eux. II, № 363].

221) Alfred von Sallet, Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Könige des Cimmerischen Bosporus und des Pontus. Berlin. 1866. Стр. 15. 29. 31.

222) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1860 годъ, стр. 100.

κατὰ τὸν παρακείμενον τελαμῶ-
να χρόνῳ μειωθέντα συναθροί-
σας ἅπαντα καὶ πλεονάσας ἀπε-
κατέστησε τῇ θεῷ σῶα δι' ἐπι-
μελείας Ἀλεξάνδρου Μυρείνου
τοῦ ἐπὶ τῶν ἱερῶν ημυ, μηνὶ
Ἀπελλαίῳ κ̄.

Боспорскій царь Тиверій Юлій Реметалкъ царствовалъ отъ 132 по 154 годъ по Р. Х. Надпись принадлежитъ 448 году Боспорской эры, соотвѣтствующему 151 году нашего лѣтосчисленія.

Царь Реметалкъ начерталъ надпись въ память возстановленія храма богини Sol [223]), который нѣкоторое время представлялъ собою видъ развалинъ. Главное значеніе настоящей надписи заключается въ упоминаніи культа богини, существованіе котораго на Киммерійскомъ Боспорѣ впервые открываетъ этотъ памятникъ.

[Для объясненія имени и происхожденія этой богини солнца нужно прежде всего обратиться къ древнему Востоку. Многочисленные и несомнѣнные факты доказали, какое глубокое вліяніе съ отдаленнѣйшихъ временъ имѣли на культы, распространенные на Боспорѣ, религіи древняго Востока и преимущественно Персіи. Извѣстно, что Персы обоготворяли солнце [224]). Но ни въ языкѣ, ни въ религіи Персовъ мы не встрѣчаемъ указаній, будто бы Персы представляли себѣ солнце въ видѣ богини. Знамени-

223) Чтеніе τῇ θεῷ Σῶλ, по мнѣнію гг. академиковъ Наука и Стефани, не подлежитъ сомнѣнію. [В. В. Латышевъ, списывая эту надпись для изданія въ Inscr. o. s. P. Eux., гдѣ она помѣщена во II томѣ подъ № 353, ясно увидѣлъ на камнѣ ΣΩΑ, а не ΣΩΛ, какъ прочиталъ первоначально и самъ Герцъ. Поэтому всѣ попытки объясненія загадочнаго имени Σῶλ являются совершенно излишними и, какъ таковыя, заключены въ текстѣ въ прямыя скобки. *Ред.*].

224) Herod. I. 131 глава и примѣчанія къ этой главѣ генерала Роулинсона въ англійскомъ переводѣ Исторіи Геродота, сдѣланномъ его братомъ проф. Роулинсономъ: History of Herodotus. London. Murray. 1862. Томъ 1, стр. 215.

тый знатокъ зендскаго языка Виндишманъ говоритъ [225]), что зендскіе тексты относительно слова солнце представляютъ замѣчательное явленіе: оно называется huare или hû. *Оба слова*, по его мнѣнію, первоначально были несклоняемыя существительныя средняго рода и соотвѣтствуютъ словамъ: sohr, suar. Только иногда встрѣчается родительный падежъ hûrô. Затѣмъ это простое huare соединяется со многими эпитетами (напр. amesem — безсмертный, aurvat — açpem — быстрыхъ коней имѣющій), но всегда остается средняго рода. Только въ одномъ мѣстѣ Зендъ-Авесты, и то сомнительномъ, оно встрѣчается въ мужескомъ родѣ. Отсюда ясно, что первобытнымъ зендскимъ текстамъ совершенно чуждъ образъ солнца въ видѣ женщины.

Совершенно иной вопросъ: не можетъ ли эта богиня солнца быть тою Митрою, о поклоненіи которой у Персовъ говоритъ Геродотъ? [226]) Не есть ли она женская сторона извѣстнаго бога Митры? не можетъ ли она въ этомъ смыслѣ быть понимаема, какъ богиня солнца? Въ самомъ дѣлѣ, Бюрнуфъ въ своемъ сочиненіи: Commentaire sur le Jaçna, стр. 351, говоритъ весьма опредѣленно о женскомъ божествѣ Митрѣ. Желая знать, не впалъ ли французскій ученый въ ошибку, мы обратились за разъясненіемъ вопроса къ нашему извѣстному зендисту К. А. Коссовичу. Онъ отвѣчалъ намъ, что текстъ, который Бюрнуфъ объясняетъ, нисколько не даетъ права принимать бога и богиню Митру. Во всѣхъ зендскихъ памятникахъ о Митрѣ говорится, какъ о божествѣ мужескомъ. [illegible] К. А. Коссовича, Бюрнуфъ, принимая въ Зендъ-Авестѣ богиню Митру, вовлеченъ былъ въ ошибку, не зная еще, что по законамъ зендскаго языка, когда упоминается о двухъ лицахъ, состоящихъ въ какихъ-либо отношеніяхъ, то имена обоихъ этихъ лицъ *непремѣнно* должны [illegible]. Такъ: ahuraêibyâ mi'tra-

---

[225]) [illegible] Д. Э. Стефани, которые [illegible] представилъ намъ. Передаемъ почти [illegible] ученаго о богинѣ солнца.

[226]) [illegible] къ этому мѣсту [illegible] стр. 217, примѣч. 3.

êibyâ, приводимое Бюрнуфомъ, не значитъ: *двумъ Агурамъ и двумъ Митрамъ*, а просто: *Агуръ и Митръ*. Слѣдовательно, зендскіе тексты не поясняютъ намъ Геродотову богиню Митру [227]). Поэтому на основаніи лингвистическихъ доводовъ и своихъ миѳологическихъ изслѣдованій о культѣ Митры Виндишманъ полагаетъ, что Персы не знали богини Митры [228]); допускать же тожество этой богини солнца съ персидскою богинею Anahita — рѣшительно немыслимо по существу послѣдней [229]). Наконецъ Виндишманъ полагаетъ, что если даже допустить, что Персы почитали богиню солнца подъ женскимъ именемъ Митры, то странно, что составитель надписи не употребилъ въ ней имя Митры, столь ходячее въ тѣ времена, а поставилъ латинское слово Sol въ надписи, начертанной на греческомъ языкѣ.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Виндишманъ предполагаетъ, что составитель надписи принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ народовъ, которые всегда представляли себѣ солнце женскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ древнихъ религіяхъ Сѣвера божество солнца часто называется Sol, которое всегда женскаго рода [230]). Также у Готѳовъ sâvîl, sunno; у Литовцевъ: saúle и т. д. Поэтому и въ культѣ ихъ воздавались божескія почести не богу, а богинѣ солнца. Какъ истый φιλορώμαιος, составитель надписи къ слову τῇ θεῷ прибавилъ латинское слово sol, потому что и на родномъ его языкѣ солнце называлось словомъ, весьма близко подходящимъ къ латинскому, а древне-сѣверное (altnordisch) Sôl съ нимъ совершенно тожественно. Бузбекъ свидѣтельствуетъ, что еще въ XVI столѣтіи въ Крыму, и именно въ Манкупѣ, жили остатки какого-то германскаго народа (Остъ-Готѳовъ?), называвшіе солнце — sune [231]).

227) Письменное сообщеніе К. А. Коссовича.

228) Dr. Fr. Windischmann, Mithra. Ein Beitrag zur Mythengeschichte des Orients. Leipzig. 1857, стр. 52—72.

229) *Его же*, Die persische Anahita oder Anaitis. Abh. der I Cl. d. K. Ak. der Wiss. München. Томъ VIII. Отд. I, стр. 88 сл.

230) Grimm, Deutsche Gramm. III, стр. 349—50.

231) A. G. Busbequii omnia quae exstant. Lugd. Bat. ex off. Elzevir. 1633. Стр. 323.

Не можетъ ли предположеніе Виндишмана послужить указаніемъ на національность самого Реметалка, столь уважавшаго святыню, основанную другимъ лицомъ, а именно неизвѣстнымъ намъ Летодоромъ? Впрочемъ, національность царя Реметалка уже прежде старались объяснить истолкованіемъ значенія его имени. Извѣстный нумизматъ П. Сабатье первый имѣлъ мысль, что многія имена боспорскихъ царей могутъ быть объяснены изъ персидскаго языка. Замѣчательно, что на основаніи этой мысли покойный профессоръ С.-Петербургскаго университета, Мирза Джеафаръ Топчибашевъ объяснялъ имя Реметалка слѣдующимъ образомъ: *Руи — мех — талекъ*, т. е., *лице луны обожающій* [282]. Такимъ образомъ имя царя, объясняемое изъ персидскаго языка, указываетъ на культъ одного изъ главныхъ небесныхъ свѣтилъ. Это толкованіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что царь Реметалкъ принадлежалъ ко второй династіи Ахеменидовъ, правившихъ на Боспорѣ. Можетъ быть, и самое имя Летодора есть имя, переведенное тоже съ персидскаго на греческій языкъ. Если же составитель надписи былъ сѣвернаго происхожденія, на что указываетъ введеніе въ надпись слова Sol, то возможно другое предположеніе: не занесенъ ли былъ культъ богини солнца въ Боспоръ Киммерійскій римскими легіонами съ сѣвера?

Таковы многочисленныя трудности, представляемыя этою надписью относительно божества, которому посвященъ былъ возстановленный храмъ. Географическіе и другіе, связанные съ ея истолкованіемъ, вопросы едва ли разрѣшимы и не могутъ найти мѣста для обсужденія въ настоящемъ сочиненіи, преслѣдующемъ совершенно иныя задачи.

Всѣ вышеупомянутые разнообразные предметы были найдены въ раскопкахъ 1859 года лежащими въ страшномъ безпорядкѣ: колонны были разбросаны, а мраморная база съ надписью царицы Динаміи, обращенная лицемъ къ землѣ, была

282 Сабатье, Керчь и Боспоръ. Спб. 1851, стр. 42.

положена такъ, что на ней лежали другіе античные фрагменты, и все это нагроможденное цѣлое, повидимому, образовало уголъ какого-нибудь зданія, котораго промежуточныя стѣны были сложены изъ жженаго или землянаго кирпича. Видно, что разрушеніе нѣсколько разъ пронеслось надъ этимъ мѣстомъ и одно поколѣніе созидало себѣ жилища изъ памятниковъ другаго, ему предшествовавшаго. Поэтому не удивительно, если въ раскопкахъ на пепелищѣ древне-греческаго города открыты были и еще откроются слѣды не только Грековъ, но и другихъ варварскихъ народовъ и наконецъ татаръ. Именно, на этой пустынной мѣстности во времена турецкаго владычества находился татарскій аулъ по имени *Кишла*, который велъ обширную вывозную торговлю хлѣбомъ [233]). Но такъ какъ татарскія жилища были построены изъ землянаго кирпича, то исчезли безъ слѣда и послужили къ возвышенію поверхности почвы [234]).

Наконецъ, въ раскопкахъ 1859 года на различныхъ пунктахъ городища открыты были 25 грубыхъ глиняныхъ амфоръ, нѣсколько такихъ же лампочекъ и пять большихъ глиняныхъ бочекъ, изъ которыхъ только двѣ найдены въ совершенной сохранности. Эти сосуды шаровидной формы, безъ ручекъ, съ широкимъ отверстіемъ, съуживающіеся книзу и остро оканчивающіеся, вѣроятно, предназначались для храненія большихъ запасовъ вина или пищи и назывались πίθος [235]). Отверстія ихъ накрывались большимъ круглымъ камнемъ. Величина ихъ отъ двухъ аршинъ до сажени и болѣе. И въ Пантикапеѣ часто находятъ подобнаго рода сосуды громадныхъ размѣровъ. Они даютъ выгодное понятіе о гончарномъ искусствѣ у древнихъ Грековъ. Надо полагать, что открытые нами образцы суть произведенія туземныя, потому что въ предѣлахъ древняго города,

---

233) Koch, Die Kaukasische Militärstrasse, стр. 204.

234) Во времена турецкаго владычества Таманскій полуостровъ находился сравнительно въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ нынѣ. Тамъ считалось 72 аула, земля была воздѣлана, покрыта садами и плодовыми деревьями и жители вели значительную торговлю.

235) Samuel Birch, History of ancient pottery. London. Томъ I, стр. 187.

въ раскопкахъ К. Р. Бѣгичева, найдены были слѣды существованія гончарнаго завода на этомъ городищѣ.

[illegible]

[illegible]

Обиліе мраморныхъ пьедесталовъ съ древне-греческими надписями свидѣтельствуетъ, что мы присутствуемъ на мѣстѣ, г[дѣ] въ древности, можетъ быть, находилась обширная площадь, укр[а]шенная памятниками и статуями. Это предположеніе подтве[р]ждается еще новыми находками. Въ 1866 году, случайно, въ т[ой] же мѣстности, гдѣ былъ открытъ мраморный пьедесталъ стату[и], воздвигнутой [illegible] въ честь Афродиты Ураніи, найде[нъ] былъ еще четвертый пьедесталъ, на которомъ воздвигнута был[а], вѣроятно, бронзовая, статуя Аполлону врачу какимъ-то Θеоф[и]ломъ во время правленія Спартока, сына Евмела (правилъ о[тъ] 304 по 284 г. до Р. Х.) [236].

236) Отчеты Императ. Археологической Коммиссіи за 1866, стр. XIV, и 1867 годъ, стр. 199 [= Inscr. o. s. P. Eux. II, № 34[illegible]].

Въ томъ же году одинъ изъ работниковъ на хуторѣ Боровика, ища камня для порога въ конюшню, нашелъ на этой площади мраморную базу съ древне-греческою надписью, относящеюся къ царствованію Фарнака. По распоряженію атамана кубанскихъ казаковъ, этотъ мраморъ былъ отобранъ отъ Боровика и долженъ былъ быть доставленъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію [237]).

Въ первой половинѣ 1869 года рабочіе П. Д. Семеняки отрыли на пепелищѣ при его хуторѣ нѣсколько известковыхъ плитъ въ основаніи какихъ-то старинныхъ зданій, находившихся на этомъ городищѣ. В. Г. Тизенгаузенъ, прибывъ на станцію Сѣнную лѣтомъ 1869 года, нашелъ эти плиты на дворѣ хутора Семеняки и тотчасъ узналъ въ нихъ надгробные памятники не греческаго характера, совершенно схожіе съ тѣми, которые были найдены въ 1866 году у подошвы Блевакъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. На одной изъ плитъ находится даже *еврейская* надпись. По распоряженію г. Тизенгаузена, со всѣхъ камней были сняты рисунки, а съ еврейской надписи — фотографическій снимокъ, который будетъ переданъ профессору С.-Петербургскаго университета Д. А. Хвольсону. Онъ, можетъ быть, рѣшитъ, къ какому времени слѣдуетъ отнести любопытные надгробные памятники, свидѣтельствующіе о племени, обитавшемъ тутъ послѣ Грековъ [238]).

Что городъ, лежавшій на мѣстѣ этого пепелища, простирался на западъ до хутора Боровика, какъ сказано выше, доказывается раскопками 1868 года. А. Е. Люценко осенью этого года изслѣдовалъ часть насыпи, лежащей по лѣвую сторону дороги, ведущей къ станціи Сѣнной, близъ вышеозначеннаго хутора. Эта раскопка привела къ открытію въ материкѣ довольно широкой водосточной канавы и четырехугольнаго колодезя, обложеннаго крупнымъ булыжникомъ и заваленнаго землею, костями и черепками битой посуды, а въ лежащей надъ

237) Письменное сообщеніе К. Е. Люценко.

238) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.

ними насыпи, имѣющей не менѣе трехъ саженъ толщины, найдены клейменыя амфорныя ручки, обломки отъ терракоттовыхъ статуэтокъ, покрытыя густою окисью бронзовыя монеты, бронзовое изображеніе быка и небольшой овальный корналинъ, на которомъ вырѣзанъ рогъ изобилія [239]). Вообще на огромномъ городищѣ древніе колодцы, нынѣ всѣ засыпанные землею, не рѣдкость: они были находимы какъ К. Р. Бѣгичевымъ, такъ и въ раскопкахъ 1859 года.

Наконецъ, городъ, находившійся на этомъ пепелищѣ, имѣлъ *молъ*, остатки котораго въ 1858 году еще видѣлъ покойный директоръ перваго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, г. Жиль. «Если, говоритъ онъ, отправляясь отъ хутора Семеняки, провести линію къ сѣверу на разстояніи 100 саженъ въ море, то получишь *линію направленія мола*, который я видѣлъ. Большіе камни верхней части или гребня мола около сорока лѣтъ тому назадъ (отъ 1819 по 1827) были взяты для построенія церкви св. Бориса и Глѣба въ Ахтанизовкѣ. Маіоръ Семеняка вспоминаетъ, что видѣлъ въ цѣлости эту верхнюю часть мола, имѣвшую 3 сажени ширины и около 150 длины. Нынѣ молъ видѣнъ только подъ поверхностью воды, а въ длину только на 100 саженъ. Старый священникъ Ахтанизовской церкви подтвердилъ мнѣ фактъ употребленія камней мола на сооруженіе церкви» [240]).

Сверхъ того тотъ же писатель предполагалъ, что городъ, лежавшій на мѣстѣ этого пепелища, имѣлъ кромѣ морскаго порта, огороженнаго вышеупомянутымъ моломъ, и рѣчной портъ на протекавшей въ недальнемъ отъ него разстояніи Кубани [241]).

---

239) В. Г. Тизенгаузенъ, Новѣйшія арх. раск. на Т. пол. стр. 46.
240) Lettres sur le Caucase et la Crimée, стр. 410.
241) Тамъ же.

9.

Станція Сѣнная (продолженіе).—Сплошныя насыпи между хуторами Семеняки и Боровика и вопросъ о ихъ происхожденіи.— Естественные холмы. — Открытіе катакомбы въ насыпи близъ хутора Семеняки въ 1866 году и описаніе вещей, въ ней найденныхъ. — Искусственныя насыпи въ центрѣ сплошныхъ насыпей между хуторами Семеняки и Боровика. — Развѣдка центральной насыпи въ 1859 году. — Необходимость изслѣдованія мѣстности между вышеозначенными хуторами.

Гораздо болѣе загадочный характеръ, чѣмъ городище, представляютъ изслѣдователю *холмообразныя насыпи*, тянущіяся у южной оконечности вышеописанной площади, отъ хутора Боровика до хутора Семеняки, извѣстныя также подъ именемъ *сплошныхъ насыпей*. Какъ высота, такъ и формы ихъ весьма разнообразны: иныя изъ нихъ имѣютъ продолговатую, другія — коническую форму. Самое большое число высокихъ холмовъ этого рода сгруппировано вокругъ хутора Боровика. Главный вопросъ относительно этихъ насыпей состоитъ въ томъ, суть ли онѣ произведенія природы, или искусственныя накопленія земли, въ теченіе вѣковъ образовавшіяся на этомъ мѣстѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что большая часть ихъ — естественныя возвышенія земной поверхности; другіе холмы, повидимому, состоятъ чисто изъ искусственныхъ накопленій строительныхъ матеріаловъ, перемежающихся слоями земли, золы и т. д.; по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе недостаточныхъ розысканій при раскопкѣ этихъ послѣднихъ насыпей, изслѣдователи нигдѣ не доходили до материка.

Къ первому роду принадлежатъ тѣ сплошныя насыпи, которыя окружаютъ хуторъ Боровика. Желая удостовѣриться въ этомъ предположеніи, мы, въ раскопкахъ 1859 года, сдѣлали развѣдку на вершинѣ одного изъ самыхъ высокихъ холмовъ близъ этого хутора. Тамъ найдена была древне-греческая гробница. — Слѣдующее случайное открытіе, сдѣланное въ 1866 году, доказало, что и сплошные холмы, находящіеся подлѣ казеннаго дома, между хуторомъ Семеняки и почтовою станціею, суть тоже

произведенія природы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ вышеозначеннаго года директору Керченскаго музея древностей, находившемуся близъ станціи Сѣнной, одинъ изъ сыновей П. Д. Семеняки сообщилъ, что на вершинѣ одного изъ крайнихъ холмовъ, лежащихъ при крутомъ съѣздѣ къ хутору его отца, въ старинной ямѣ раскопа, сдѣланнаго покойнымъ К. Р. Бѣгичевымъ, оказался воронкообразный провалъ, идущій въ какую-то значительной глубины пустоту, судя по звуку паденія камней, брошенныхъ имъ туда, и что изъ провала вылѣзаетъ много змѣй. Приказавъ расширить провалъ и бросить въ пустоту нѣсколько пучковъ зажженной соломы, чтобы задушить или, по крайней мѣрѣ, заставить оттуда удалиться змѣй, директоръ съ четырьмя рабочими прибылъ къ указанному мѣсту. Работа назначена была съ югозапада, съ половины покатости холма, раскопомъ по направленію къ провалу, и продолжалась четыре дня. Сначала почва была песчано-глинистая, перемѣшанная съ черепками битой посуды. Потомъ, по мѣрѣ приближенія къ материку, она дѣлалась тверже и не заключала въ себѣ никакихъ постороннихъ предметовъ. На третій день рабочіе, идя въ крѣпко-глинистомъ материкѣ холма, перерѣзали слѣва древній со ступенями спускъ, не болѣе 1½ аршина шириною, направленный съ вершины холма къ входу въ катакомбу. Въ спускѣ, забитомъ землею, найдено было нѣсколько человѣческихъ костей и простая глиняная лампочка, чисто-греческаго стиля. На четвертый день рабочіе нашли грубо-обдѣланный дикій камень, закрывавшій входъ въ катакомбу: онъ былъ разбитъ пополамъ и лежалъ на порогѣ. По очисткѣ входа и катокомбы отъ глины, обрушившейся съ потолка и засыпавшей внутренность, приступили къ ея разслѣдованію. Она имѣла въ длину 1¼ сажени, а въ ширину и высоту около одной: стѣны и полъ были проникнуты сыростью. Покойникъ лежалъ, судя по остаткамъ сохранившихся кусковъ кожаной его одежды, украшенной по двойнымъ швамъ и бортамъ мѣдными позолоченными пуговками, на полу вдоль катакомбы, ближе къ правой ея сторонѣ, головою на востокъ, ногами на западъ. Костей, кромѣ нѣсколькихъ ножныхъ, нигдѣ не

оказалось. Около того мѣста, гдѣ слѣдовало находиться черепу, разбросано было много стеклянной разбитой посуды, зеленоватаго цвѣта, съ выпуклыми узорами. Сверхъ того, въ катакомбѣ найдены были слѣдующіе предметы:

1. Золотая, тонкая и узенькая пластинка, длиною не болѣе одного вершка.

2. Золотой предметъ, въ видѣ полумѣсяца, съ выступомъ на внѣшней полукруглой части, покрытый съ лицевой стороны темно-розовою эмалью, длиною съ одного конца рожка до другаго не болѣе одного вершка.

3. Серебряная жертвенная ложка, ручка которой, оканчивающаяся шарикомъ, украшена въ трехъ мѣстахъ выступами, длиною около 5 вершковъ.

4. Нѣсколько (4 или 5) мѣдныхъ позолоченныхъ колокольчиковъ въ видѣ усѣченныхъ трехгранныхъ пирамидокъ, съ серебряными кольцами на верхнихъ концахъ ихъ. Въ этихъ кольцахъ находились остатки кожаныхъ ремней, которые, повидимому, были пришиты къ вышеозначенной одеждѣ; длина ремней четыре вершка.

5. Большая мѣдная, выпуклой формы, чаша или ваза, имѣющая въ діаметрѣ полъ-аршина, утвержденная на желѣзномъ (?) треножникѣ. Наполненная землею и бараньими костями, она стояла въ лѣвомъ переднемъ углу катакомбы; въ ней же лежалъ небольшой мѣдный сосудъ съ узкимъ горломъ, наполненный землею и птичьими костями.

6. Плоское блюдо изъ бѣлаго мрамора, безъ всякихъ украшеній, съ низкими, внутрь загнутыми краями, величиною въ діаметрѣ одинъ аршинъ и 3 вершка. Это блюдо, замѣчательное по тонкости своихъ стѣнокъ и отчетливой работѣ, найдено разбитымъ. Обломки его лежали подъ чашею и около нея, но вполнѣ сохранились.

Описанные предметы, исключая двухъ золотыхъ вещицъ и мраморнаго блюда, значительно пострадали отъ времени и сырости, бывшей въ катакомбѣ, но сохранили первоначальныя свои формы.

Такъ какъ обычай носить колокольчики, пришитые къ одеждѣ, встрѣчается у еврейскихъ первосвященниковъ, то А. Е. Люценко предположилъ, что означенная катакомба служила для погребенія подобному лицу или одному изъ начальниковъ еврейскихъ синагогъ. И на азіатской сторонѣ Боспора могла находиться синагога, потому что намъ положительно извѣстно, что въ Пантикапеѣ, въ I-мъ вѣкѣ по Р. Хр., находилась синагога [242]). Что Евреи жили въ древнемъ городѣ, здѣсь существовавшемъ, доказывается надписью на известковой плитѣ, недавно открытой на городищѣ близъ станціи Сѣнной [243]). Грубыя формы и неискусная работа большей части предметовъ, найденныхъ въ катакомбѣ, заставляютъ предполагать, что они принадлежатъ тому періоду, когда здѣсь поселились народы не греческаго происхожденія, т. е. къ VI-му или VII-му вѣку по Р. Х. Присутствіе же греческой лампы, найденной выброшенною изъ катакомбы, наводитъ на мысль, что при погребеніи вышеозначеннаго покойника воспользовались бывшею уже въ этомъ мѣстѣ древне-греческою катакомбою, изъ которой выбросили кости прежде погребеннаго лица, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лампочку [244]).

Какъ бы то ни было, это открытіе заслуживаетъ особаго вниманія и позволяетъ надѣяться, что въ холмообразныхъ насыпяхъ этого рода, которыхъ одни верхніе слои состоятъ изъ наносной земли, скрываются еще многія подобныя катакомбы.

Другія *сплошныя насыпи*, и преимущественно тѣ, которыя находятся въ центрѣ между хуторами Семеняки и Боровика, повидимому, суть чисто насыпи втораго рода. Изслѣдователи даже не могли достичь въ нихъ до материка: такъ глубокъ мусоръ, накопленный вѣками. Въ насыпи къ югу отъ мельницы Семеняки

242) См. надписи въ C. I. G. № 2114b и дополненіе къ ней на стр. 1004 и № 2114bb [= Inscr. o. s. P. Eux. II, №№ 53, 52].

243) См. предыдущій §.

244) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко. См. также Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1866 годъ.

производилъ раскопки въ 1853 году К. Р. Бѣгичевъ. Онъ прорѣзалъ въ иныхъ мѣстахъ насыпь на 5 саженъ высоты и все-таки не достигъ материка. По словамъ П. Д. Семеняки, въ обрѣзѣ насыпи видно было нѣсколько фундаментовъ бывшихъ здѣсь зданій, которые шли въ разныхъ направленіяхъ и на различныхъ высотахъ, — нижніе состояли изъ дикихъ камней, верхніе изъ обожженныхъ кирпичей. Далѣе же, къ концу пятой сажени, встрѣтились слои черепицъ и амфорныхъ черепковъ, перемѣшанныхъ съ золою и угольями.

Весь этотъ хаосъ бывшихъ здѣсь въ древности построекъ и пятисаженная высота насыпи положительно доказываютъ, что на этомъ мѣстѣ существовалъ какой-то большой городъ, который нѣсколько разъ подвергался конечному разрушенію и снова строился на развалинахъ прежняго. Такого рода насыпи могутъ образоваться только въ теченіе тысячелѣтій.

Желая убѣдиться въ характерѣ центральныхъ сплошныхъ насыпей, пишущій эти строки въ 1859 году сдѣлалъ небольшую развѣдку въ высокомъ холмѣ, у подножія котораго были произведены раскопки на городищѣ и найдены описанные выше архитектурные фрагменты и двѣ греческія надписи. Идя двумя узкими пробными канавами отъ подошвы насыпи къ ея вершинѣ, материкъ открытъ былъ на незначительной глубинѣ; въ иныхъ мѣстахъ онъ лежалъ не глубже шести четвертей. Въ насыпи найденъ былъ черепокъ разбитой небольшой вазы архаическаго стиля, съ черными фигурами на свѣтло-желтомъ полѣ, хорошо сохранившійся. На немъ изображенія: передъ женщиною (Аѳиною?) стоитъ колѣнопреклоненный воинъ, за которымъ видны ноги коня (преслѣдующаго его всадника?). Подобнаго рода находки здѣсь рѣдкость. Поэтому еще замѣчательнѣе была находка въ насыпи одного кургана двухъ фрагментовъ прекрасной расписной греческой вазы весьма архаическаго, такъ называемаго финикійскаго стиля, на которой очерки фигуръ были не написаны кистью, но въ глинѣ выцарапаны острымъ орудіемъ. Существованіе такихъ фрагментовъ на этой мѣстности служитъ доказа-

тельствомъ древности греческаго поселенія, здѣсь находившагося. На краю вершины центральной насыпи открыты были остатки стѣны, сложенной не изъ земляныхъ или жженыхъ кирпичей, а изъ слоевъ земли и глины, правильно перемежающихся другъ съ другомъ. Она имѣла въ толщину 1 сажень и 5 четвертей. Это ядро стѣны было въ прежнія времена, можетъ быть, обложено или тесанымъ камнемъ или жжеными кирпичами. Эта стѣна необыкновенной толщины, прослѣженная въ разныхъ пунктахъ, повидимому, служила окружною стѣною. Позднее время года, къ сожалѣнію, не позволило разслѣдовать ее вполнѣ. Въ

Въ натуральную величину.

верхнихъ слояхъ, на вершинѣ центральной насыпи, найдено было 8 татарскихъ кувшиновъ съ двумя ручками и нѣсколько самыхъ грубыхъ глиняныхъ лампъ. Затѣмъ слѣдовали слои, столь перемѣшанные и отличавшіеся такою сыростью, что рабочіе, достигнувъ до третьей сажени глубины отъ поверхности насыпи, отказались продолжать работу.

Всѣ эти попытки изслѣдованія мѣстности, на которой лежалъ большой древне-греческій городъ, указываютъ на необходимость окончательно изслѣдовать въ обширныхъ размѣрахъ все пространство, лежащее между хуторами Семеняки и Боровика. Сюда мы относимъ какъ городище, такъ и сплошныя насыпи. Правда, эти изслѣдованія, сопряженныя съ огромными денежными расхо-

дами, никогда не будутъ вознаграждены находками золотыхъ вещей, которыми окупаются затраты, дѣлаемыя для раскопокъ въ курганахъ, но они прольютъ значительный свѣтъ на топографію, исторію и религію Воспора Киммерійскаго. Можно почти безошибочно предсказать, что на огромномъ пространствѣ между хуторами Семеняки и Боровика непремѣнно открыты будутъ древнегреческія надписи, всегда неоцѣнимыя для новыхъ успѣховъ науки. Прежнія раскопки доказали возможность и будущихъ открытій.

10.

Станція Сѣнная (окончаніе).—Курганы и направленія, въ которыхъ они расположены.—Число кургановъ. — Изслѣдованія въ курганахъ станціи Сѣнной съ начала настоящаго столѣтія. — Раскопки 1859 года и вещи, при этомъ найденныя. — Открытіе скиеской катакомбы и описаніе заключавшихся въ ней предметовъ.—Раскопки 1865 и 1866 годовъ.—Гробницы и надгробный камень негреческаго характера.—Возможность открытія древностей варварскихъ народовъ на Таманскомъ полуостровѣ.

Курганы со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной, опоясывающіе пепелище древняго города, начинаются на 16-й верстѣ отъ города Тамани, у хутора г-жи Бѣлой, и идутъ двойною цѣпью, между которою извивается почтовая дорога. Сѣверная цѣпь остается у путешественника, ѣдущаго изъ Тамани, слѣва, а южная справа. Первая идетъ по берегу Таманскаго залива и, коснувшись его въ разныхъ мѣстахъ нѣкоторыми курганами, тянется почти въ прямой линіи къ станціи Сѣнной; тутъ поворачиваетъ влѣво, огибая бухту вышеупомянутаго залива. Здѣсь сѣверная цѣпь, тянувшаяся на шесть верстъ, съ пробѣлами, на городищѣ прерывается версты на двѣ. Другая цѣпь, идущая по южной сторонѣ дороги, тянется также до самой станціи Сѣнной, поворачиваетъ вправо и оканчивается у восточной бухты Ахтанизовскаго лимана [245]), Таковы, въ очень общихъ чертахъ, па-

---

245) Беккеръ, Керчь и Тамань. Пропилеи, изд. проф. Леонтьевымъ. Томъ III, стр. 380.

правленія, въ которыхъ представляется расположеніе кургановъ станціи Сѣнной взору путешественника. Но, всматриваясь ближе, мы замѣчаемъ въ ихъ расположеніи извѣстную систему группировки, выдержанную съ большею правильностью и довольно разнообразную. Курганы тянутся или длинными рядами вдоль берега залива, или идутъ, отправляясь отъ города, какъ отъ центра, въ разныхъ направленіяхъ *аллеями* къ другимъ заселеннымъ въ древности мѣстамъ. Въ послѣднемъ случаѣ они расположены по обѣимъ сторонамъ большихъ дорогъ, какъ каменныя и мраморныя гробницы на via Appia въ Римѣ или на *улицѣ гробницъ*, которая вела изъ Помпеи въ Геркуланумъ. Видно, что на Таманскомъ полуостровѣ, за предѣлами *города живыхъ*, начинается *городъ мертвыхъ*. Такими курганами обставлены, напр., дорога, ведущая отъ городища въ Ахтанизовскую станицу, и другая, которая шла на югъ къ какому-то пункту, котораго имя намъ неизвѣстно.

Кургановъ на шестиверстномъ вышеописанномъ пространствѣ насчитываютъ до 300. Число это относится только до искусственныхъ насыпей, имѣющихъ форму небольшихъ холмовъ, а не обозначаетъ числа могилъ, окружающихъ городъ. Высота и форма кургановъ чрезвычайно разнообразны. Одни возвышаются на аршинъ или два отъ поверхности земли, другіе доходятъ до трехъ и болѣе саженъ высоты. Самые замѣчательные по высотѣ и объему курганы расположены около почтовой станціи и на близлежащемъ берегу Таманскаго залива. Здѣсь-то, на берегу моря, Палласъ видѣлъ полуобрушившіеся въ воду курганы, обнаженная внутренность которыхъ состояла отчасти изъ правильно расположенныхъ слоевъ древне-греческихъ амфоръ, которыя, по его мнѣнію, были наполнены виномъ или другимъ напиткомъ, что́ впрочемъ едва ли вѣроятно. Человѣческаго праха или костей онъ въ нихъ не находилъ [246]).

Эти искусственныя холмообразныя насыпи станціи Сѣнной,

---

246) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 304.

вѣроятно, уже во времена классической древности служили цѣлью хищническаго грабежа. Мины, направленныя на главныя и самыя богатыя гробницы, въ то время какъ другія, и именно незначительныя, остаются нетронутыми, служатъ доказательствомъ, что грабители положительно знали, гдѣ скрыта главная добыча. Только со второй четверти настоящаго столѣтія въ нашемъ отечествѣ курганы начали изслѣдовать съ археологическою цѣлью. Не говоря о раскопкѣ генерала Вандервейде, изслѣдованіями этого рода занимались гг. Ашикъ, Карейша и Бѣгичевъ. Но поиски этихъ лицъ въ курганахъ станціи Сѣнной не привели къ блестящимъ открытіямъ, исключая находки, сдѣланной въ присутствіи графа Л. А. Перовскаго [247]). Въ раскопкахъ 1859 года было изслѣдовано, отчасти или совершенно, 34 кургана. Хотя бо̀льшая часть курга̄новъ оказались уже разграбленными, тѣмъ не менѣе въ боковыхъ, не тронутыхъ хищными руками, гробницахъ сдѣлано было нѣсколько любопытныхъ открытій. Сюда относятся: пара золотыхъ серегъ и золотыя бусы, принадлежавшія къ ожерелью; серебряный браслетъ и нѣсколько бронзовыхъ; глиняныя лампочки; стеклянныя слезницы; терракотта, изображающая черепаху, открытая въ минѣ расхищеннаго кургана; глиняныя патеры и чаши и т. д. Изъ предметовъ, найденныхъ въ раскопкахъ 1859 года, въ художественномъ отношеніи достойны вниманія: большая бронзовая урна, весьма изящной формы, и четыре расписанныя вазы, изъ которыхъ преимущественно замѣчательна одна, значительныхъ размѣровъ ($8\frac{1}{2}$ вершковъ вышины), съ тремя ручками. Она была открыта въ насыпи кургана, на $2\frac{1}{2}$ аршинахъ высоты отъ поверхности земли, наполнена жженымъ прахомъ и при открытіи сохраняла еще слѣды позолоты на браслетахъ, серьгахъ и другихъ украшеніяхъ женскихъ фигуръ. На этой вазѣ впервые изображена сцена освобожденія Ореста отъ суда на ареопагѣ въ Аѳинахъ [248]). Стиль живописи указываетъ,

---

247) См. обо всѣхъ упомянутыхъ раскопкахъ: Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ.

248) См. объясненіе этой картины, написанное академикомъ Л. Э. Стефани въ Отчетѣ Имп. Арх. Коммиссіи за 1860 годъ. Спб. 1862, стр. 93.

что ваза принадлежитъ ко II-му вѣку до Р. Х. По высокому значенію сюжета, она можетъ быть причислена къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ въ этомъ родѣ, найденнымъ на берегахъ Боспора Киммерійскаго.

Наконецъ, одно изъ самыхъ интересныхъ и рѣдкихъ открытій было сдѣлано въ расхищенной катакомбѣ весьма замѣчательнаго кургана, имѣющаго 3 саж. вышины. Именно, второй курганъ по правую руку въ первой аллеѣ кургановъ, тянущихся отъ хутора Боровика къ Шимарданской бухтѣ, между черноморскими

Синескій курганъ съ юго-западной стороны.

жителями, по преданіямъ, перешедшимъ къ нимъ отъ татаръ, пользуется славою, что хранитъ въ своихъ нѣдрахъ большія богатства. Казаки Стеблеевской станицы не разъ пытались его раскопать, но всѣ ихъ попытки были безуспѣшны. Лѣтъ двадцать тому назадъ песокъ (курганъ весь песчаный) задавилъ даже одного изъ этихъ кладоискателей. Первоначальная форма кургана весьма измѣнилась отъ многочисленныхъ раскопокъ, произведенныхъ въ немъ А. Б. Ашикомъ, рабочимъ Трубаревымъ и другими Черноморцами. Но уже до этихъ раскопокъ, по разсказамъ старожиловъ, на немъ были видны впадины, происшедшія отъ старинныхъ поисковъ въ курганѣ, можетъ быть современныхъ

его сооруженію. Кладоискатель Трубаревъ нашелъ въ насыпи его сѣдло, бронзовыя удила и стремена. Такъ какъ у Скиѳовъ былъ обычай хоронить вмѣстѣ съ покойникомъ его коней и конскую упряжь [249]), то курганъ могъ принадлежать какому-нибудь богатому семейству туземнаго населенія.

Вслѣдствіе этихъ соображеній приступлено было къ разрытію сѣверной и восточной нетронутыхъ сторонъ кургана, но многочисленныя мины, обнаружившіяся съ начала раскопокъ и проведенныя въ разныхъ направленіяхъ, предвѣщали, что успѣхъ работъ будетъ весьма сомнителенъ. Въ самомъ дѣлѣ, одна открытая боковая гробница, сложенная изъ бѣлыхъ камней, оказалась совершенно ограбленною. Тѣмъ не менѣе работы вскорѣ вознаграждены были находкою, сдѣланною на сѣверной сторонѣ кургана. Здѣсь открыта была катакомба, вырытая въ материкѣ. Къ ней велъ подземный ходъ или корридоръ, тоже вырубленный въ материкѣ. При удаленіи земли, наполнявшей корридоръ, тотчасъ обнаружилось, что подземная гробница давно расхищена, потому что каменная плита, первоначально закрывавшая входъ въ гробницу, лежала опрокинутою и разбитою.

Передъ корридоромъ, ведущимъ въ катакомбу, *поперекъ* входа, найденъ былъ человѣческій скелетъ, безъ всякихъ вещей. Вѣроятно, то былъ скиѳскій рабъ, задушенный послѣ смерти господина, котораго положили передъ входомъ въ гробницу, какъ прислужника и въ будущей жизни. Таковъ былъ обычай у Скиѳовъ, по словамъ Геродота [250]). Общественное положеніе насильственно погибшаго объясняетъ отсутствіе всякихъ вещей при скелетѣ.

Катакомба, высѣченная въ материкѣ, имѣла полукруглый сводъ, на которомъ еще были видны слѣды грубаго инструмента, которымъ вырублена эта усыпальница. Устройство ея требовало много практической ловкости и труда. Къ сожалѣнію, внутрен-

249) Herod. IV, 71.
250) См. предыдущее примѣчаніе.

ность катакомбы представляла видъ полнаго разрушенія. На восточной ея сторонѣ произошелъ обвалъ части потолка, наполнившій землею всю соотвѣтственную часть подземелья. Саркофаги изъ кипарисоваго дерева, по формѣ совершенно сходные съ употребляемыми въ настоящее время, сколоченные деревянными гвоздями и нѣкогда обтянутые какою-то матеріею, были сдвинуты съ первоначальныхъ своихъ мѣстъ и обращены къ восточной сторонѣ. Обвалъ, происшедшій въ катакомбѣ, покрылъ ихъ толстымъ слоемъ земли уже послѣ ограбленія. Повидимому, тутъ были схоронены мужъ, жена и ребенокъ, потому что найдены фрагменты трехъ деревянныхъ саркофаговъ; скелеты же усопшихъ отчасти истлѣли, отчасти кости ихъ были разбросаны хищниками по катакомбѣ.

По удаленіи обвалившейся земли, саркофаги оказались опрокинутыми вверхъ дномъ. Въ первомъ, находившемся ближе всѣхъ къ восточной стѣнкѣ гробницы, найдены два бронзовые браслета, зеркальце изъ того же металла, черепки разбитаго сосуда изъ весьма тонкаго и прозрачнаго стекла и сильно окисшая бронзовая монета. Гораздо болѣе замѣчательны были предметы, найденные во второмъ саркофагѣ. Въ головахъ находилась мужская шапка изъ верблюжьей шерсти, сшитая изъ нѣсколькихъ кусковъ. По формѣ своей она походитъ совершенно на тѣ, въ которыхъ изображены Скиѳы на знаменитомъ золотомъ сосудѣ, открытомъ въ Куль-Обо и хранящемся въ Императорскомъ Эрмитажѣ[251]). Это — колпакъ, къ которому сзади пришитъ широкій кусокъ изъ той же верблюжьей шерсти для прикрытія отъ непогодъ шеи и длинныхъ волосъ, которые имѣли обыкновеніе носить Скиѳы. Въ самомъ дѣлѣ, при открытіи катакомбы въ шапкѣ найдены были остатки волосъ покойника, чернаго цвѣта. Отъ сырости, господствовавшей въ катакомбѣ, шапка нѣкоторое время сохраняла мягкость, свойственную верблюжьей шерсти, но вскорѣ, къ со-

251) Древности Босфора Киммерійскаго. Изданіе Императорскаго Эрмитажа. Атласъ. Табл. XXXIII.

жалѣнію, куски, составлявшіе нижнюю ея часть, отпали. — Подъ шапкою усопшаго находился четвероугольный кусокъ матеріи, въ родѣ платка, сложенный вчетверо. Онъ очень хорошо сохранился и представляетъ весьма любопытный образчикъ древней шерстяной матеріи. Широкія полосы перемежаются другъ съ другомъ: одна — темно-коричневаго цвѣта, весьма похожая на нынѣшній бархатъ, другая — свѣтло-желтаго. Впрочемъ, оба цвѣта много потерпѣли отъ времени. Какъ шапка, такъ и этотъ кусокъ матеріи, послѣ открытія, были тщательно положены между двумя стеклами въ рамкахъ и нынѣ хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Кромѣ того въ саркофагѣ, гдѣ сдѣлано было это открытіе, найдено много кусковъ одежды, сдѣланной тоже изъ шерстяной матеріи, но они распадались въ прахъ при соприкосновеніи съ свѣжимъ воздухомъ. Тутъ же находились два небольшіе изъ черной глины сосуда, съ весьма простымъ орнаментомъ. По формамъ они походятъ на вышеозначенный золотой сосудъ, открытый въ Куль-Обо. Весьма замѣчательно обстоятельство, что катакомба входомъ была обращена на сѣверъ.

Наконецъ, время сооруженія этой катакомбы могло бы быть опредѣлено бронзовою монетою, въ ней открытою; къ сожалѣнію, она оказалась столь сильно окисшею, что всѣ средства очистить ее остались тщетными. Академикъ Л. Э. Стефани полагаетъ, что она принадлежитъ поздне-римскимъ временамъ, на что указываютъ и фрагменты стекляннаго сосуда, тамъ найденнаго.

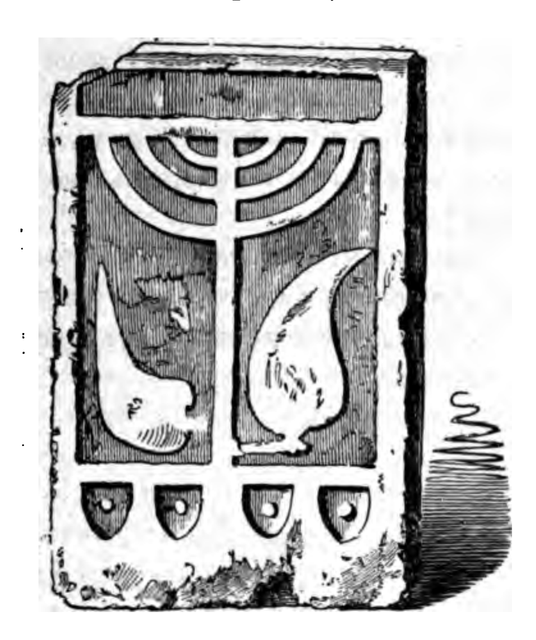
Раскопки въ курганахъ близъ станціи Сѣнной были возобновлены въ 1865 году директоромъ Керченскаго музея А. Е. Люценко. Къ юго-западу отъ станціи разслѣдованъ былъ такъ называемый *Острый курганъ*, въ одной верстѣ къ югу отъ хутора Семеняки, по правую сторону дороги, окаймленной двумя рядами могильныхъ насыпей. Съ западной стороны этого кургана открыты были двѣ земляныя катакомбы, устроенныя въ глубинѣ материка. Одна изъ нихъ оказалась разграбленною; въ другой было найдено нѣсколько золотыхъ и другихъ металлическихъ ве-

щей, въ томъ числѣ медальонъ изъ листоваго золота съ изображеніемъ Эрота. — При разслѣдованіи могильной насыпи, лежащей къ юго-востоку отъ грязной сопки Блеваки, были открыты двѣ гробницы, сложенныя изъ небольшихъ известковыхъ плитъ и покрытыя дикими камнями. Въ каждой изъ этихъ гробницъ лежалъ остовъ, обращенный лицемъ на западъ; въ прахѣ одного изъ нихъ найдено: около пояса простая серебряная пряжка и двѣ серебряныя монеты византійскихъ императоровъ Василія II и Константина IX, позволяющія отнести постройку этихъ гробницъ ко второй половинѣ XI-го вѣка [252]). Въ 1866 году было открыто пять довольно значительныхъ кургановъ, лежащихъ къ востоку и юго-западу отъ станціи Сѣнной. Къ сожалѣнію, въ четырехъ изъ нихъ найдены гробницы, уже расхищенныя въ прежнее время; пятый, окончательному разслѣдованію котораго помѣшала осенняя дурная погода, предположено было дослѣдовать въ будущемъ году, но въ 1867 году раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ не производилось [253]).

Въ заключеніе обзора мѣстности станціи Сѣнной и ея памятниковъ, мы должны упомянуть о замѣчательномъ открытіи, недавно сдѣланномъ. У подошвы грязнаго вулкана Блевакъ находится сплошная могильная насыпь, въ которой встрѣчаются особаго рода гробницы, покрытыя надгробными камнями съ какими-то странными, сильно вывѣтрившимися, изображеніями въ родѣ тѣхъ, которыя находятся на еврейскихъ надгробіяхъ. Именно, въ 1866 году А. Е. Люценко произвелъ небольшую раскопку у подошвы Блевакъ съ сѣверной стороны и при этомъ нашелъ нѣсколько гробницъ не греческаго характера и известковую плиту. На ней изображенъ семисвѣчникъ Іерусалимскаго храма и по обѣимъ сторонамъ его ствола — два древесные листа. Семисвѣчникъ встрѣчается изображеннымъ на надгробныхъ камняхъ еврейской катакомбы въ Vigna Rondanini въ Римѣ [254]). Но при-

252) Отчетъ И. Археологической Коммиссіи за 1865 годъ. Спб. 1866, стр. VII.
253) Отчетъ И. Археол. Коммиссіи за 1866 годъ. Спб. 1868, стр. XII.
254) Northcote and Brownlow, Roma sotteranea. London. 1869, стр. 58.

нявъ въ соображеніе, что на Таманскомъ полуостровѣ въ IX и X вѣкахъ жили Хозары, исповѣдывавшіе іудейскую религію, нѣкоторыя лица, видѣвшія новооткрытые предметы, высказали мнѣніе, что гробницы и надгробная плита, найденныя у подошвы Блевакъ, относятся къ Хозарамъ [255]). Но только дальнѣйшія из-

Надгробная плита изъ раковистаго известняка.

Вышина: 14 верш., ширина: 7 верш., толщина: $2^1/_2$ верш.

слѣдованія могутъ разъяснить, насколько достовѣрно высказанное предположеніе, и не суть ли найденныя гробницы чисто-іудейскія. Присутствіе этого народа на Боспорѣ Киммерійскомъ доказано греческими надписями; остается ожидать разбора еврейской надписи, открытой близъ хутора Семеняки, для дальнѣйшаго прогресса этого вопроса. Если на ней окажутся собственныя имена не еврейскія, то вопросъ получитъ совершенно иной оборотъ. Если принять въ соображеніе только по слухамъ извѣст-

255) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.

ные дольмены на полуостровѣ Фонтанѣ, катакомбу явно не греческаго происхожденія, случайно открытую въ 1866 году, и сейчасъ описанные памятники, то можно надѣяться, что дальнѣйшія раскопки на Таманскомъ полуостровѣ могутъ привести къ открытію различныхъ древностей *варварскихъ* народовъ.

Жаль также, что никому не пришло на мысль произвесть раскопки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почтовой дороги, противолежащихъ грязной сопкѣ Блевакамъ. Дорога, на протяженіи цѣлой версты, состоитъ изъ насыпи, смѣшанной съ вулканическою грязью, черепками битой посуды и множествомъ бронзовыхъ сильно окисшихъ монетъ [256]).

Таманскій заливъ въ юго-восточномъ углу годъ отъ году замѣтно подается въ материкъ и, конечно, въ недалекомъ будущемъ всѣ курганы, окаймляющіе эту часть его, исчезнутъ съ лица земли, поглощенные моремъ.

11.

Городище и курганы между хуторами Артюхова и вдовы Пивневой.—Упоминаніе этой мѣстности англійскимъ путешественникомъ Кларкомъ. — Мнѣніе В. Г. Тизенгаузена о городищѣ.

Покинувъ станцію Сѣнную, путешественникъ, огибая восточный берегъ Таманскаго полуострова, отправляется далѣе на сѣверъ, къ той части полуострова, которая, по предположенію Дюбуа, въ древности составляла особый островъ, названный имъ Киммерійскимъ [257]), по имени древнѣйшихъ обитателей этой мѣстности [258]).

Отъ станціи Сѣнной до хутора Артюхова четыре версты.

---

256) Письменное сообщеніе А. Е. Люценко.

257) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 34. Также: томъ I, стр. 61,—прим.; томъ II, стр. 26; томъ IV, стр. 327.

258) Strab. Geogr. XI, 2, 5.

Начиная отъ послѣдняго, вдоль берега залива къ сѣверу тянутся снова курганы до вала, отдѣляющаго Киммерійскій островъ отъ Фанагорійскаго.

Отъ хутора Артюхова, расположеннаго въ юго-восточномъ углу Таманскаго залива, между трехъ большихъ кургановъ, со срѣзанными вершинами и разрытыми боками, дорога постепенно поднимается въ гору. Эта пологая гора, одною стороною обращенная къ заливу, оканчивается у хутора вдовы Пивневой, имѣя протяженія около версты. Она не что иное, какъ обширное пепелище существовавшаго тутъ во времена классической древности города, погребеннаго подъ огромною массою разныхъ строительныхъ обломковъ, золы, углей, песку и глины. Эта насыпь заключаетъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ высотъ и ущелій или дорогъ, идущихъ къ морю. На одной изъ возвышенностей, ближайшей къ хутору Пивневой, видны валы какого-то укрѣпленія, отъ котораго идетъ пологій съѣздъ къ берегу, гдѣ находится обдѣланный камнями колодезь съ хорошею водою. Укрѣпленіе, построенное на одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ пунктовъ насыпи, владычествуетъ надъ всѣми ближайшими окрестностями и занимаетъ, вѣроятно, мѣсто акрополя древняго города. Говорятъ, что въ прежнее время около него находили много серебряныхъ боспорскихъ монетъ. Нынѣ это пепелище посѣщается одними пастухами и изрѣдка пріѣзжающими сюда за водой хуторянами. Раскопка этого мѣста можетъ повести къ открытію имени города, который находился на этомъ мѣстѣ въ древности. Выше пепелища находятся нѣсколько большихъ, но уже давно разрытыхъ кургановъ [259]).

Изъ всѣхъ путешественниковъ только одинъ Кларкъ видѣлъ и упоминаетъ эту мѣстность. Онъ ѣхалъ изъ Темрюка на станцію Сѣнную и, миновавъ крѣпость Адассъ и Островитянскіе хутора (Темрюцкій отсёлокъ), пріѣхалъ къ этому мѣсту, о которомъ говоритъ слѣдующее: «затѣмъ не появлялось никакихъ слѣдовъ

259) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.

древнихъ работъ, кромѣ кургановъ, до тѣхъ поръ пока мы не приблизились къ Таманскому заливу. Тутъ на берегу, непосредственно надъ нѣсколькими высокими утесами, мы встрѣтили остатки весьма обширной крѣпости и города, которые окружены со всѣхъ сторонъ гробницами и развалившимися земляными горами, явно носящими на себѣ слѣды работы рукъ человѣка»[260]). «Географія этихъ береговъ — прибавляетъ онъ — до такой степени темнэ, что читатель, вѣроятно, извинитъ упоминаніе каждой древности этого рода»[261]). Не есть ли городище, лежащее между хуторами Артюхова и Пивневой — древній Кепосъ?

В. Г. Тизенгаузенъ, посѣтившій эту мѣстность лѣтомъ 1869 года, сообщаетъ намъ, что пепелище имѣетъ огромные размѣры и окружено множествомъ кургановъ[262]). И онъ полагаетъ, что мѣстоположеніе древняго города Кепосъ гораздо вѣроятнѣе искать здѣсь, чѣмъ возлѣ Ахтанизовки, какъ думаетъ Дюбуа.

12.

Полуостровъ Фонтанъ; его величина, положеніе и возвышенности.— Валъ, отдѣляющій полуостровъ отъ острова Фанагоріи; его протяженіе, размѣръ, ровъ и проѣзды.—Время сооруженія вала.—Названіе, данное валу Дюбуа.—Описаніе вала Страбономъ.—Земляное укрѣпленіе на половинѣ дороги между Азовскимъ моремъ и Таманскимъ заливомъ.

Путешественникъ, отправляясь далѣе на сѣверъ, оставляетъ за собою хуторъ вдовы Пивневой и вскорѣ видитъ передъ собою валъ, отдѣляющій полуостровъ Киммерійскій или Фонтанъ отъ острова, на которомъ находилась Фанагорія, столица азіатскаго Боспора.

---

260) Ясно, что это были курганы.

261) Clarke, Travels etc. Томъ I, стр. 396 [= Fourth ed., II, p. 70].

262) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.

Полуостровъ Фонтанъ [263]) (или *Киммерійскій*, какъ его называетъ Дюбуа) представляетъ равнину, пространствомъ почти въ 250 квадратныхъ верстъ, приподнятую съ сѣвера и запада и понижающуюся на югъ и востокъ, гдѣ она замыкается валомъ, за которымъ находится Таманскій заливъ, вдающійся въ материкъ узкою полосою, при дождливой погодѣ, версты на двѣ. Съ сѣвера полуостровъ омывается Азовскимъ моремъ, съ запада — Керченскимъ проливомъ, который образуетъ довольно большую бухту, прикрытую съ запада длинною Сѣверною косою; съ юга— Таманскимъ заливомъ; съ востока онъ твердою землею соединяется съ Таманскимъ полуостровомъ. На юго-западѣ этой равнины находится возвышенность, называемая Горѣлою горою (по-татарски Куку-Обо), и хребетъ невысокихъ горъ, или правильнѣе возвышенность, тянущаяся съ запада на востокъ верстъ на двѣнадцать, почти отъ самой бухты до селенія Фонтанъ [264]).

Юго-восточную границу полуострова Фонтанъ образуетъ старинный валъ, который начинается отъ самаго крайняго сѣверо-восточнаго угла Таманскаго залива и кончается, какъ говорятъ, у Азовскаго моря, ниже станціи Пересыпной, что составляетъ протяженіе около семи верстъ [265]). Дюбуа ни слова не говоритъ о его протяженіи въ длину [266]). По его итинерарію должно заключить, что валъ едва ли можетъ имѣть это протяженіе. Французскій путешественникъ, ѣхавшій изъ Темрюка на станцію Сѣнную, говоритъ, что въ трехъ верстахъ за станціею Пересыпною начинается Киммерійскій островъ. Берегъ этого острова тянется нѣсколько верстъ. Затѣмъ, на полпути между Азовскимъ мо-

---

263) Лучшее описаніе этого полуострова принадлежитъ Я. М. Лазаревскому. Оно напечатано въ Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества. Спб. 1861. Томъ II, стр. 28. «Курганы Таманскаго полуострова».

264) Я. М. Лазаревскій, Курганы Таманскаго полуострова. Извѣстія И. Арх. Общества. Томъ II, стр. 29.

265) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.

266) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 34. [У Дюбуа сказано: «et qui suit toujours le bord du bas fond... jusqu'au liman de Taman». *Ред.*].

[illegible] островѣ [illegible] ленiемъ [illegible] ко- [illegible] должно [illegible] по- [illegible] не [illegible] увѣ- [illegible] йка. [illegible] га, [illegible] онъ [illegible] хъ [illegible]. [illegible] На- [illegible] наче- [illegible] нѣко- [illegible] силы

[illegible] и зе- [illegible] ить. [illegible] Стра- [illegible] Кимме- [illegible] го- [illegible] ромъ [illegible] очень [illegible] Скиѳы [illegible] Гре- [illegible] [illegible] и земляной [illegible] женiе Дю- [illegible] [illegible] на станцiю Сѣнную.

[illegible] —100 шаговъ. Dubois de Montpereux, [illegible]

[illegible]

какъ упомянуто выше, на половинѣ дороги между Азовскимъ моремъ и Таманскимъ заливомъ видѣлъ, не доѣзжая вала, на Киммерійскомъ островѣ довольно значительное земляное укрѣпленіе или крѣпость. Оно составляетъ правильный четвероугольникъ и не имѣетъ бастіоновъ. По его словамъ, съ перваго взгляда видно, что это очень древній памятникъ. Основываясь на словахъ Страбона [269]), Дюбуа полагаетъ, что это укрѣпленіе, можетъ быть, есть одна изъ сторожевыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Клазоменійцами [270]).

13.

Полуостровъ Фонтанъ (продолженіе). — Дорога отъ Киммерійскаго вала до селенія Фонтанъ.—Курганы на этомъ протяженіи и въ селеніи Фонтанъ.—Селеніе Фонтанъ.—Древній колодезь.—Курганы въ селеніи Фонтанъ.—Курганы у хутора Панабака. — Курганы на возвышенности, тянущейся по срединѣ полуострова.

Миновавъ одинъ изъ ближайшихъ къ хутору вдовы Пивневой проѣздовъ Киммерійскаго вала, путешественникъ слѣдуетъ по дорогѣ, ведущей къ казацкому селенію *Фонтанъ*. Дорога, идущая въ виду Таманскаго залива, почти по срединѣ полуострова, замѣчательна только своимъ пустыннымъ однообразіемъ. Не доѣзжая версты до селенія Фонтанъ, она спускается въ котловину, застроенную казацкими хатами и окруженную возвышенностями, на которыхъ кое-гдѣ виднѣются курганы [271]).

До шестнадцати кургановъ расположены разбросанно отъ Киммерійскаго вала до селенія и въ самомъ селеніи Фонтанъ. Они большею частію небольшіе и распаханы. Но по дорогѣ, не доѣзжая полторы версты до означеннаго селенія, стоятъ по правую и лѣвую сторону пути два кургана, замѣчательные по своей

269) Strab. Geogr. XI, 2, 4.
270) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 34 и 39.
271) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.

величинѣ. Изъ этихъ двухъ кургановъ лежащій съ лѣвой стороны поверхностно былъ раскопанъ А. Б. Ашикомъ; другой же, находящійся на правой, былъ подвергнутъ изслѣдованію въ 1853 году Я. М. Лазаревскимъ. Поводомъ къ послѣдней раскопкѣ послужило предположеніе, что несмотря на три впадины, по словамъ мѣстныхъ жителей не очень давно образовавшіяся на его вершинѣ, въ немъ могли быть найдены нетронутыя прежними хищниками гробницы. Недавній примѣръ убѣдилъ изслѣдователя, что подобныя впадины могли возникнуть не вслѣдствіе расхищенія гробницы, но сгніенія балокъ, поддерживавшихъ ея сводъ. Къ сожалѣнію, раскопка кургана на правой сторонѣ дороги не была доведена до конца.

Селеніе Фонтанъ, на мѣстѣ котораго существовалъ татарскій аулъ, получило свое имя отъ источника съ обильною водою, замѣчательнаго и въ геологическомъ отношеніи [272]). Онъ былъ обдѣланъ когда-то тесаными камнями, но теперь находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Можно предположить, что и этотъ колодезь принадлежитъ временамъ греческой древности, такъ какъ народы, обитавшіе на этой почвѣ, селились обыкновенно преимущественно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній о томъ, были ли находимы когда-либо слѣды греческой древности въ Фонтанѣ. Въ центрѣ острова, повидимому, находятся только курганы, а греческія поселенія располагались обыкновенно только по берегамъ. Дюбуа видѣлъ въ Фонтанѣ одни слѣды татарской мечети [273]).

Въ самомъ селеніи Фонтанъ есть три или четыре кургана, изъ которыхъ въ особенности достойны замѣчанія по величинѣ два: тотъ, на которомъ находится теперешнее кладбище, и другой внутри селенія у хутора отставнаго сотника Панабака. Послѣдній принадлежитъ къ числу самыхъ громадныхъ, видѣнныхъ нами на Таманскомъ полуостровѣ. Онъ вышиною въ центрѣ до

---

272) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 42.
273) Тамъ же, стр. 43.

5 и въ окружности до 93 саженъ. Этотъ курганъ былъ неоднократно и сильно копанъ, такъ что еще до раскопокъ 1853 г. въ немъ было сдѣлано болѣе 8 огромныхъ ямъ; поэтому курганъ представляетъ весьма обезображенный видъ. Разслѣдовать его было однимъ изъ любимѣйшихъ и постоянныхъ желаній графа Л. А. Перовскаго. По порученію графа, въ 1853 году въ немъ сдѣлано было нѣсколько раскопокъ Я. М. Лазаревскимъ, при чемъ въ насыпи открыто было 8 большихъ амфоръ. Но работы, по случаю наступившихъ холодовъ и дождей, были прекращены и съ тѣхъ поръ не возобновлялись [274]). По собственнымъ словамъ изслѣдователя, «курганъ еще далеко не разслѣдованъ, особенно съ восточной и сѣверной стороны» [275]). Едва ли изслѣдователь и новѣйшіе кладоискатели дошли въ какомъ-либо мѣстѣ до материка.

Много разныхъ толковъ ходитъ между казаками объ этомъ курганѣ. Говорятъ, что Панабакъ нашелъ въ немъ кладъ золотыхъ монетъ и что дѣдъ или отецъ его, разрывая подошву кургана, нечаянно открылъ какія-то известковыя печи, а потомъ стѣны, сложенныя изъ большихъ тесаныхъ камней. Не будучи въ состояніи разбить, онъ оставилъ ихъ неприкосновенными. Впрочемъ Панабахъ упорно отрицаетъ справедливость всѣхъ этихъ разсказовъ, но соглашается, что непремѣнно слѣдуетъ окончить раскопку этого кургана, самаго большаго на полуостровѣ Фонтанъ.

На возвышенности, тянущейся почти по срединѣ полуострова Фонтана, отъ запада къ востоку или отъ хутора Петренка за селеніе Фонтанъ, лежатъ 8 кургановъ; они почти всѣ со впадинами.

---

274) См. Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ.

275) Извѣстія И. Арх. Общества. Томъ II, стр. 28.

14.

Полуостровъ Фонтанъ (продолженіе). — Южный берегъ. — Татарскія селенія Адасъ.—Круглая насыпь.—Баттарея близъ хутора Рубана.—Курганъ Алтынъ-Дэюкъ.—Грязная сопка Куку-Обо.—Мнѣнія Палласа и Дюбуа, что на вершинѣ сопки находился курганъ царя Сатира I.—Мнѣнія о томъ же гг. Лазаревскаго и Тизенгаузена. — Развалины у подножія Куку-Обо. — Каменная баттарея.— Кладбище возлѣ хутора Петренка.

Оставивъ селеніе Фонтанъ, мы спустимся снова на югъ и, начиная отъ Киммерійскаго вала, осмотримъ памятники древности, лежащіе вдоль береговъ полуострова. Внутренность его, сколько до сихъ поръ извѣстно, кромѣ кургановъ, не представляетъ ничего замѣчательнаго для археолога.

Отъ сѣверо-восточнаго угла Таманскаго залива дорога проходитъ мимо двухъ покинутыхъ татарскихъ селеній: *Мужичій Адасъ* и *Дворянскій Адасъ*. Къ востоку отъ кордона, напротивъ хутора Семеняки, находится *круглая*, но плоская сверху *насыпь*, похожая болѣе на срѣзанный сверху курганъ, имѣющая въ поперечникѣ 17 саж., вышиною до 3 саж. [276]). Не доѣзжая хутора Рубана (нынѣ Орла), на берегу залива находится *баттарея* — свидѣтельство, что на этомъ мѣстѣ въ древности существовало поселеніе. Такихъ *баттарей* на полуостровѣ Фонтанѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо на Таманскомъ полуостровѣ. Этимъ именемъ мѣстные жители называютъ насыпь четырехугольной формы, приподнятую у краевъ; скорѣе можно было бы назвать этого рода земляныя сооруженія *редутами* [277]). Такую баттарею мы уже встрѣтили по дорогѣ къ Киммерійскому валу. Достойно замѣчанія, что ни одинъ изъ этихъ любопытныхъ памятниковъ древности до сихъ поръ

---

276) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.

277) Я. М. Лазаревскій, Курганы Таманскаго полуострова, стр. 29.

никѣмъ не былъ изслѣдованъ, хотя давно извѣстно, что баттареи служатъ обильнымъ мѣстомъ нахожденія боспорскихъ монетъ. — Баттарея около хутора Рубана — квадратная; стороны ея, изъ которыхъ южная уже упала въ море, имѣютъ до 30 саж. длины; высота до 4 саж. [278]). В. Г. Тизенгаузенъ, измѣрившій ее лѣтомъ 1869 года, сообщаетъ болѣе точныя мѣры. Онъ говоритъ, что со стороны моря, т. е. съ юга, она имѣетъ 40, а съ сѣвера, запада и востока по 30 саж. Хуторъ Рубана построенъ на поверхности самаго городища. Здѣсь часто находятъ монеты. Съ запада и сѣвера лежатъ нѣсколько невысокихъ кургановъ. Кромѣ того, тутъ встрѣчается повсюду множество черепковъ глиняной посуды [279]).

Между Дворянскимъ Адасомъ и баттареею хутора Рубана находятся два кургана; одинъ изъ нихъ, въ двухъ верстахъ отъ хутора къ востоку, извѣстенъ былъ у прежде жившихъ тутъ Татаръ подъ названіемъ *Алтынъ-Дэюкъ* (т. е. Золотая гора). О богатствахъ его ходитъ много слуховъ.

Далѣе, на западъ отъ хутора Рубана, въ срединѣ треугольника, который образуетъ югозападную оконечность Киммерійскаго полуострова, возвышается *грязная сопка Куку-Обо* (или, какъ правильнѣе пишетъ Палласъ, Куукъ-Обо), т. е. Синій холмъ. Такое названіе получила она отъ цвѣта, который имѣетъ, если смотрѣть съ Боспора. У казаковъ она извѣстна подъ именемъ *Пёклы, Горилки — Могилки* и *Горѣлой горы*. Куку-Обо знаменита по изверженію, бывшему 27 февраля 1794 года и столь подробно описанному Палласомъ [280]). Въ атласѣ къ путешествію Дюбуа, на картѣ № 2, возлѣ имени этой горы стоятъ слова: *Памятникъ Сатира*. Именно Дюбуа, слѣдуя догадкѣ, впервые высказанной Палласомъ, предполагаетъ, что при вышеупомянутомъ изверженіи подземные огни проложили себѣ путь черезъ огром-

---

278) Тамъ же.
279) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.
280) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 320 и сл.

ный курганъ, который воздвигнутъ былъ на вершинѣ горы надъ могилою Боспорскаго царя Сатира I, правившаго отъ 407 по 393 годъ до Р. Х. [281]).

Но это мнѣніе французскаго ученаго едва ли можетъ быть допущено. Вотъ что говоритъ о памятникѣ Сатира I греческій географъ Страбонъ: «Отъ мѣстечка Пароеніонъ до надгробнаго памятника Сатира—90 стадій. Это — курганъ одного изъ отличнѣйшихъ правителей, насыпанный на мысу (ἐπ' ἄκρας). Возлѣ лежитъ мѣстечко Патраей, отъ котораго до мѣстечка Корокондамы 130 стадій» [282]). Изъ словъ Страбона слѣдуетъ вывести заключеніе, что памятникъ находился на очень *видномъ* мѣстѣ. Палласъ такъ пораженъ былъ величественнымъ видомъ, который представляетъ гора Куку-Обо, имѣющая у подножія въ объемѣ болѣе трехъ съ половиною верстъ, что счелъ ее единственнымъ пунктомъ на всемъ полуостровѣ Фонтанѣ, который виденъ какъ съ европейскаго, такъ и азіатскаго береговъ. Поэтому онъ полагалъ, что памятникъ Сатира могъ находиться только на поверхности этой горы. Къ этому предположенію Дюбуа прибавилъ новую гипотезу. Комбинируя догадку Палласа съ свѣдѣніями, которыя сообщаетъ знаменитый академикъ объ изверженіи Шумукая, онъ вывелъ заключеніе, не основанное ни на какихъ фактахъ. Что̀ вѣрно относительно Шумукая, то чистое предположеніе относительно Куку-Обо. Именно, Шумукай при своихъ изверженіяхъ выбрасывалъ много фрагментовъ амфоръ. Это доказываетъ, что изверженіе разрушило какую-либо курганную насыпь, находившуюся на этой сопкѣ [283]). Но о подобномъ явленіи при изверженіи Куку-Обо намъ ничего неизвѣстно. Знаменитое изверженіе 1794 г. не обнаружило подобнаго археологическаго факта: оно не дало никакихъ указаній о существованіи на вершинѣ сопки кургана, заключавшаго въ себѣ *богатую* гроб-

---

281) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 48.
282) Strab. Geogr. XI, 2, 7 и 8.
283) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 56—57, примѣч. 1.

ницу. Поэтому курганную насыпь Сатира слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ.

Совершенно иное предположеніе было высказано Я. М. Лазаревскимъ. «До сихъ поръ принимали — говоритъ онъ — Горькую гору *) за монументъ Сатира; но во-первыхъ, она находится по крайней мѣрѣ въ 4 верстахъ отъ моря, и во-вторыхъ, на ней не видно и признаковъ насыпи (впрочемъ, можетъ быть, она скрыта подъ потоками вулканической грязи). По моему мнѣнію, гораздо вѣроятнѣе монументъ Сатира искать на Каменной баттареѣ. Это мѣсто имѣетъ видъ правильнаго мыса; на немъ совершенно явственна древняя насыпь, и это мѣсто удобно обозрѣваемо съ Европы и Азіи. Страбонъ, описывая монументъ Сатира, прибавляетъ: «тутъ же подлѣ него находится слобода *Патреусъ*», которой мѣстоположеніе съ большою достовѣрностью можно предположить между тѣми или около тѣхъ кургановъ, которые лежатъ сейчасъ же за баттареею, потому что по находимымъ здѣсь монетамъ, фундаментамъ и вещамъ несомнѣнно, что здѣсь находилось какое-нибудь поселеніе, и скорѣе всего сюда можно пріурочить слободу Патреусъ. Еще однимъ доказательствомъ болѣе въ пользу того мнѣнія, что монументъ Сатира находился на мѣстѣ Каменной баттареи» [284]).

То же говоритъ и В. Г. Тизенгаузенъ. «Послѣ осмотра мѣстности — пишетъ онъ намъ — заключеніе Я. М. Лазаревскаго, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію. Допустить, что Страбонъ могъ принять Горѣлую гору или Куку-Обо за насыпной холмъ, значило бы навязать Страбону одно изъ невозможнѣйшихъ предположеній; при томъ Горѣлая гора вовсе не лежитъ на мысѣ, какъ говоритъ Страбонъ о монументѣ Сатира» [285]).

Какъ трудно отожествлять древне-греческія поселенія съ нынѣшнею мѣстностью, столь измѣнившеюся вслѣдствіе много-

---

*) Слѣдуетъ читать Горѣлую. *Ред.*

284) Я. М. Лазаревскій, Курганы Там. пол., стр. 31.

285) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.

различныхъ вліяній, можно доказать новѣйшимъ истолкованіемъ вышеприведенныхъ словъ Страбона. Отъ Патраея до Корокондамы греческій географъ считаетъ 130 стадій. Дюбуа, а за нимъ и авторъ *Древностей Босфора Киммерійскаго* (изданіе И. Эрмитажа) принимаютъ, что Патраей находился у подошвы Куку-Обо, а Корокондама — на мѣстѣ нынѣшняго города Тамани. Авторъ *Древностей Босфора Киммерійскаго* въ томѣ I, на стр. CVIII, примѣч. 3, говоритъ: «130 стадій составляютъ $21\frac{1}{2}$ версту. Если слѣдовать вдоль извилинъ берега, то получится это разстояніе». Но отъ подошвы Куку-Обо до Сѣнной не менѣе 15 верстъ, а отъ Сѣнной до Тамани—23, слѣдовательно всего —39 верстъ, если слѣдовать самымъ кратчайшимъ путемъ между означенными пунктами, а не только «вдоль извилинъ берега» [286]).

У подошвы Куку-Обо Дюбуа видѣлъ развалины, впрочемъ имъ не описанныя подробно, которыя онъ признаетъ за остатки Патраея. По его увѣренію, здѣсь находили много боспорскихъ монетъ [287]). Хотя французскій путешественникъ и не опредѣлилъ точнѣе положенія этихъ развалинъ, но вѣроятно онъ разумѣетъ *баттарею*, находящуюся у подножія Куку-Обо.

Именно, къ сѣверу отъ хутора Артюхова (прежній Сайтали-Чумаковъ), на западномъ берегу, лежитъ на скалистомъ мысѣ, вдавшемся въ море сажени на четыре, *Каменная баттарея*. Названіе свое она получила отъ каменнаго своего основанія, т. е. скалистаго мыса, на которомъ находится большая пирамидальная насыпь, длиною въ 18, шириною — въ основаніи до 8, а сверху въ 3 сажени, вышиною до 5—6 саженъ [288]). Здѣсь замѣтна насыпь, густо перемѣшанная съ черепками большею частію грубой глины; но между ними попадаются, хотя рѣдко, и черепки сосудовъ изящной формы. Татаринъ Измаилъ Сайтали нашелъ на этой баттареѣ колодезь, шириною въ одинъ квадратный аршинъ, хорошо выложенный внутри камнемъ, но до дна этого колодца онъ

286) Рукописное замѣчаніе К. Р. Бѣгичева.
287) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 52.
288) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.

не дошелъ. Я. М. Лазаревскій на мѣстѣ этого колодца видѣлъ небольшую впадину. Въ полуверстѣ разстоянія отъ баттареи тѣмъ же Сайтали найденъ былъ фундаментъ, изъ котораго выбрано было двѣ кубическихъ сажени камня, употребленнаго на построеніе хутора. Кромѣ того, со словъ одного крестьянина Рубана Я. М. Лазаревскій передаетъ, что здѣсь найденъ былъ золотой медальонъ, который переплавленъ въ слитокъ и проданъ на вѣсъ чистаго золота [289]). О послѣдней находкѣ пишущему эти строки говорилъ также П. Д. Семеняка.

По дорогѣ отъ этой Каменной баттареи къ хутору Табанова нужно проѣзжать довольно глубокую балку, за которой находится *хуторъ бывшій Измайлова, нынѣ Петренка.* Подлѣ этого хутора, какъ разсказывалъ Я. М. Лазаревскому эсаулъ Дмитренко, жившій въ Фонтанѣ, на берегу моря находится много каменныхъ гробницъ, покрытыхъ каменными же плитами, украшенными крестами. Въ этихъ гробницахъ у покойниковъ ноги и руки какъ бы скованы; на пальцахъ видны стеклянныя кольца, а на рукахъ браслеты, часто позолоченные. Сайтали, копавшій на этомъ мѣстѣ, находилъ много слитковъ золота, впрочемъ не чистаго; оно, послѣ его смерти, досталось его сыновьямъ, жившимъ въ 1853 году въ Ейскомъ округѣ. На эти гробницы слѣдуетъ обратить особенное вниманіе [290]). Эти разсказы были подтверждены жителями на мѣстѣ и В. Г. Тизенгаузену. Здѣсь же ему удалось пріобрѣсть нѣсколько бронзовыхъ монетъ, найденныхъ на томъ же берегу, гдѣ встрѣчаются вышеназванныя гробницы.

---

289) Я. М. Лазаревскій, Курганы Таманскаго полуострова, стр. 29.
290) Тамъ же, стр. 30.

15.

Полуостровъ Фонтанъ (окончаніе).—Курганы вблизи хуторовъ Табанова и Панычовкова.—Три баттареи.—Курганы, видѣнные Палласомъ.—Баттареи возлѣ хутора Гервасія. — Плита, открытая въ 1869 г. возлѣ хутора Косенка. — Отдѣльно стоящіе камни возлѣ хутора Олещенка. — Сѣверная коса и мраморные колонны храма Ахиллеса.—Курганы около хуторовъ Олещенка и Жильмановскаго.—Баттарея около Кучугуръ.—Дольмены около Чокракъ-Кой.

Къ сѣверо-востоку отъ хутора Петренка, въ значительномъ отдаленіи отъ берега морскаго, группа кургановъ окружаетъ *хутора Табанова и Панычовкова, нынѣ Стригеля и Педенка.* Въ этой группѣ находится до 15 кургановъ. Половина изъ нихъ средней величины; два же, находящіеся подлѣ моря, довольно значительны.

Тутъ же находятся три баттареи: первую, лежащую между вышеупомянутыми хуторами, скорѣе можно принять за большой курганъ; въ ней при рытіи рва, перерѣзывающаго ее пополамъ, найденъ былъ большой кувшинъ. Длиною эта баттарея съ южной стороны: 29, съ сѣверной—25 саж. и шириною съ запада 18, а съ востока 20 саженъ; вышиною же сажени три [291]). Вторая находится въ полуверстѣ отъ морскаго берега. Длина ея съ западной стороны—24, съ вост.—20, съ сѣв.—17, съ южной до 10 саженъ; вышина до 5 саж.; по срединѣ углубленіе; кромѣ того нѣчто въ родѣ входа съ юго-западной стороны, т. е. со стороны моря [292]). Третья лежитъ на западъ отъ предыдущей, въ двухверстномъ разстояніи, надъ самымъ заливомъ. Западная сторона этой баттареи (длиною до 27 саженъ) на половину уже обвалилась въ море; насыпь густо перемѣшана съ черепками. Здѣсь на берегу, говорятъ, находятъ очень много монетъ. Длина цѣльной ея восточной стороны 20 саж.; сѣверная имѣетъ въ длину—19, а южная—5 саж.; высота—до 5 саж. [293]). Въ этомъ

---

291) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.
292) Тоже.
293) Тоже.

мѣстѣ находилась въ татарскія времена крѣпость *Бугугай*[294]). Древнее, нынѣ полуразрушенное укрѣпленіе, повидимому, въ состояніи полной сохранности видѣлъ Палласъ въ 1794 году. «Тотчасъ за развалинами деревни Бушукой — говоритъ онъ — находится, кромѣ многихъ кургановъ, очень возвышенное укрѣпленіе. Оно имѣетъ форму длиннаго четырехугольнаго редута, на углахъ съ боннетами, въ длину 65, а въ ширину 50 шаговъ; въѣздъ въ него находился со стороны моря. Вокругъ баттареи шелъ ровъ, весьма неглубокій и поросшій травою»[295]).

Чрезвычайно замѣчательно описаніе кургана, видѣннаго не въ дальнемъ разстояніи отсюда Палласомъ. «Съ высоты этой крѣпости — говоритъ онъ — вдали между двумя небольшими бухтами, образуемыми Таманскимъ заливомъ внутри (innerhalb) Сѣверной косы, виденъ былъ плоскій курганъ, вполовину упавшій въ море. Любопытство побудило меня пойдти къ нему, за что я и вознагражденъ былъ видомъ полнаго разрѣза подобнаго холма изъ урнъ древнихъ Боспорцевъ. Здѣсь ясно можно было видѣть, какъ клали глину послѣдовательно и выпуклыми (convexen) слоями. Внизу хранительницы праха стояли безъ всякаго порядка нагроможденныя одна на другой. На нихъ лежали болѣе или менѣе плотные слои земли. Кромѣ огромныхъ, не покрытыхъ глазурью, урнъ изъ красной жженой глины, здѣсь находились и короткія, толстыя глиняныя трубы, сверху и снизу покрытыя плоскимъ камнемъ. Неизвѣстно, съ какою цѣлью онѣ были поставлены въ курганъ. Общими хранительницами праха служили небольшія могилы, сложенныя изъ плоскихъ камней. Сверхъ того казалось, что трупы иныхъ покойниковъ лежали просто на ложѣ изъ морской травы, совершенно побѣлѣвшей, и были покрыты землею. Между человѣческими останками я видѣлъ также и лошадиныя кости. Далѣе отъ моря, почти около самаго кургана, находился другой, повидимому, только начатый курганъ. Недалеко были видны слѣды

294) Я. М. Лазаревскій, Курганы Таманскаго полуострова, стр. 30.

295) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 337. [Переводъ съ пропусками. *Ред.*].

нѣсколькихъ древнихъ водоемовъ» [296]). Вѣроятно, первый курганъ нынѣ совершенно упалъ въ море.

Въ сѣверо-западномъ направленіи отъ послѣдней *баттареи, возлѣ хутора Гервасія* (прежде Коваленка, нынѣ Чумакова), находится снова *баттарея*, почти квадратная, которой стороны имѣютъ до 17 саженъ длины и до 4 ширины. Но эти размѣры, показанные Я. М. Лазаревскимъ, не согласуются съ измѣреніями В. Г. Тизенгаузена, посѣтившаго ее лѣтомъ 1869 года. По свѣдѣніямъ, имъ сообщаемымъ, южная сторона этого четвероугольнаго возвышенія—3 саж., восточная 30, сѣверная 38 и западная 20 саж. Вышина городища отъ 4 до 5 саж. По срединѣ находится большое круглое углубленіе; со всѣхъ сторонъ рвы и валы; вдали курганы [297]). И эту баттарею тоже видѣлъ Палласъ. Вотъ какъ онъ описываетъ ее: «отъ послѣдняго мѣста (нами выше приведеннаго), огибая внутреннюю бухту и направляясь по дорогѣ къ сѣверу, недалеко отъ Сѣверной косы, между разными курганами, направо отъ дороги, встрѣчается другое сооруженіе, похожее на древнее укрѣпленіе. Именно это четвероугольникъ, совершенно схожій съ предыдущимъ, съ высоко насыпанными углами и заросшимъ рвомъ. Его окружаютъ 4 большихъ и столько же малыхъ кургановъ.... Здѣсь, кажется, было мѣстоположеніе Страбонова Vicus Achilleus; впрочемъ я не хочу прямо утверждать, что это укрѣпленіе обозначаетъ его мѣстоположеніе» [298]). Напротивъ, Дюбуа принимаетъ эту баттарею за городъ Керберіонъ или Киммериконъ Грековъ, основанный, по словамъ Скимна, тираннами боспорскими [299]). Восемь кургановъ окружаютъ эту баттарею; 4 кургана расположены по дорогѣ, идущей отъ нея на востокъ [300]).

---

296) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 337—38. [Переведено съ пропусками. *Ред.*].

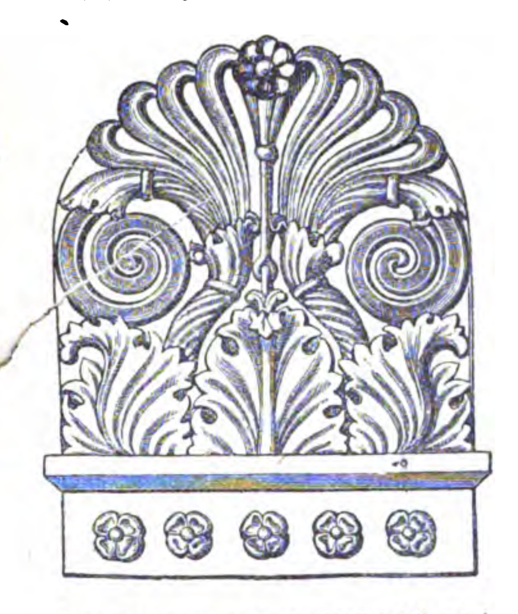
297) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.

298) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 338.

299) Dubois, Voyage etc. Томъ V, стр. 44.

300) Я. М. Лазаревскій, Курганы Таманскаго пол., стр. 30.

Къ югу отъ хутора Гервасія, между вышеописанною баттареею и кордономъ (таможеннымъ пикетомъ), въ полуверстѣ отъ послѣдняго, лежитъ *хуторъ казака Косенко.* Въ половинѣ іюля 1869 года В. Г. Тизенгаузенъ получилъ извѣстіе, что близъ хутора дождемъ вымытъ въ курганѣ большой камень съ рѣзными украшеніями. Прибывъ на мѣсто, онъ нашелъ, что камень этотъ— плита твердой известковой породы, съ изящными украшеніями коринѳскаго ордера, — служилъ нѣкогда для украшенія какого-

Орнаментъ, изваянный на известковой плитѣ.

нибудь древняго зданія и, вѣроятно, попалъ въ курганъ случайно. Небольшая раскопка, сдѣланная В. Г. Тизенгаузеномъ въ курганной насыпи, при помощи двухъ солдатъ кордонной стражи, въ томъ мѣстѣ, подъ которымъ лежалъ камень, привела къ открытію отёсковъ, т. е. признаковъ присутствія въ курганѣ каменной гробницы. Недостатокъ настоящихъ землекоповъ не позволилъ, однако, изслѣдователю заняться надлежащею раскопкою кургана [301]).

301) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.

Въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ хутора Гервасія, на сѣверномъ берегу полуострова, лежитъ *хуторъ Олсщенка* [302]). Около него въ степи, разсказывали, находятся отдѣльно стоящіе камни, отъ которыхъ одинъ изъ тамошнихъ кургановъ названъ *Каменной могилой*. В. Г. Тизенгаузенъ посѣтилъ это мѣсто лѣтомъ 1869 года. Возлѣ Каменной могилы онъ дѣйствительно нашелъ нѣсколько большихъ отдѣльныхъ дикарныхъ плитъ, торчащихъ изъ земли, но онѣ уже не стояли, а лежали на боку. Одна изъ этихъ плитъ длиною 2 арш. 13 верш., шириною—1 арш. 4 верш.; другая—длиною 1 арш. 8 верш., шириною—14 верш.; третья—длиною $2^1/_4$ арш. (ширину нельзя было измѣрить, потому что эта плита, равно какъ и четвертая, бокомъ осѣли въ землю); четвертая—длиною 1 арш. 4 верш.; толщиною онѣ въ 7 вершковъ. Бо́льшаго числа плитъ г. Тизенгаузенъ не нашелъ, вслѣдствіе высокой степной травы. «Мнѣ кажется,— пишетъ намъ изслѣдователь,— что это обнажившіяся части каменистой почвы. На вопросъ мой: не были ли эти камни нѣкогда перекрыты другими, горизонтально надъ ними лежавшими, которые впослѣдствіи мѣстными хуторянами увезены на постройки, я получилъ отъ старика Косенко отрицательный отвѣтъ» [303]).

Къ югу отъ баттареи близъ хутора Гервасія простирается *Сѣверная коса* или *Чушка*, съ которою связано слѣдующее археологическое преданіе. Говорятъ, что на ней находился храмъ, посвященный Ахиллу, котораго память чтилась во многихъ мѣстахъ Понта Евксинскаго. По словамъ Ф. Жиля [304]), въ запискахъ Дюбрюкса, извѣстнаго своими изслѣдованіями въ Керчи, подъ 1833 годомъ упоминается о *мраморныхъ колоннахъ*, будто бы видимыхъ въ тихую погоду на днѣ моря, вдоль внутренняго берега Сѣверной косы. На картѣ Боспора Киммерійскаго, со-

---

302) На картѣ къ Древностямъ Босфора Киммерійскаго (изд. Эрмитажа) онъ названъ Лищенко. Позднѣе онъ принадлежалъ Жильмановскому.

303) Письменное сообщеніе В. Г. Тизенгаузена.

304) Древности Босфора Киммерійскаго (изданіе И. Эрмитажа). Томъ I, стр. CIV, прим. 4.

ставленной Дюбрюксомъ и Бларамбергомъ, приложенной къ IV тому Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей (табл. I), близъ восточнаго берега Сѣверной косы, ближе къ южной оконечности, даже обозначено мѣсто, гдѣ изъ-подъ воды видны мраморныя колонны [305]). А. Б. Ашикъ увѣрялъ г. Жиля, что еще въ 1823 и 1824 годахъ какой-то г. Бибиковъ видѣлъ эти колонны и пробовалъ вытаскивать изъ воды одну изъ нихъ, но, по недостатку средствъ къ тому, принужденъ былъ отказаться отъ такого предпріятія. Съ тѣхъ поръ объ этихъ колоннахъ ничего не слышно.

Наконецъ, на сѣверномъ берегу полуострова Фонтана, около *хуторовъ Олещенка и Жильмановскаго*, находятся четыре кургана значительной высоты и три меньшей. Одинъ, около хутора Олещенка, особенно замѣчателенъ по своей величинѣ и правильному виду.

Около Кучугуръ находится баттарея [306]), размѣры которой намъ неизвѣстны.

Послѣднюю достопримѣчательность полуострова Фонтана въ археологическомъ отношеніи составляютъ *дольмены*, покрывающіе плато или плоскую возвышенность на сѣверо-востокъ отъ покинутой татарской деревни *Чокракъ-Кой*. Эти въ высшей степени любопытные и рѣдкіе въ нашемъ отечествѣ памятники не только никогда не были изслѣдованы, но даже весьма немногіе путешественники видѣли ихъ. Самъ Дюбуа сознается, что онъ ихъ почти не видалъ, потому что ночь уже сходила на землю, когда онъ мимо ихъ проѣзжалъ [307]). Поэтому онъ ссылается на Палласа, основательнѣе ихъ осмотрѣвшаго. Палласъ говоритъ,

---

305) На этой картѣ, сверхъ того, Дюбрюксъ обозначилъ много развалинъ, имъ видѣнныхъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія на Таманскомъ полуостровѣ. Не имѣя возможности пользоваться его журналомъ, остающимся до сихъ поръ въ рукописи, владѣлецъ которой намъ неизвѣстенъ, мы не могли воспользоваться матеріаломъ, столь важнымъ для познанія прошлой исторіи Таманскаго полуострова.

306) Я. М. Лазаревскій. Курганы Таманскаго пол., стр. 31.

307) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 46.

что это — многочисленныя гробницы, безпорядочно лежащія и простирающіяся то на востокъ и западъ, то на сѣверъ и югъ. Онѣ сложены изъ большихъ плоскихъ плитъ известковыхъ и песчаношиферныхъ, которыя поставлены были на край, въ формѣ продолговатаго четвероугольника; между ними замѣтна была пара узкихъ надгробныхъ столбовъ, вышиною болѣе сажени. Всѣ эти памятники походили на памятники близъ Токлука, описанные имъ въ томъ же томѣ, на стр. 231 [308]). Аналогическіе памятники изобразилъ Дюбуа въ атласѣ къ своему путешествію, 4-я серія, табл. 30, изображеніе 4. Здѣсь представлены памятники, извѣстные нынѣ подъ именемъ *дольменовъ;* столбы же, видѣнные Палласомъ, суть *менгиры* или *пельваны*. Дюбуа оба рода мегалитическихъ памятниковъ называетъ pierres levées. Извѣстно, что, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, дольмены и менгиры — памятники надгробные [309]). Замѣчательно, что матеріалъ, изъ котораго, по словамъ Палласа, сооружены дольмены полуострова Фонтана, привозный; онъ находится въ окрестностяхъ Керчи, на Бѣломъ мысѣ [310]).

Какому народу могутъ принадлежать эти загадочные памятники? По мнѣнію Палласа, ихъ должно отнести Черкесамъ, а не Татарамъ. Дюбуа по этому поводу справедливо замѣтилъ, что подобные же памятники, находящіеся въ ихъ странѣ, Черкесы приписываютъ не себѣ, но великанамъ. Самъ Дюбуа предполагаетъ, что они принадлежатъ Киммеріянамъ, древнѣйшимъ обитателямъ этого полуострова. Но только тщательныя археологическія изслѣдованія и сравненіе съ аналогическими памятниками, находящимися на Крымскомъ полуостровѣ [311]), могутъ пролить истинный свѣтъ на этотъ вопросъ. Со временъ Палласа ни одинъ русскій путе-

---

308) Pallas, Bemerkungen etc. Томъ II, стр. 319.

309) Le Baron A. de Bonstetten, Essai sur les dolmens. Genève. 1865. 4°.

310) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 47, прим. 1.

311) Н. Чекалевъ, Предполагаемые кельтійскіе жертвенники на южномъ берегу Крыма. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Томъ VI, стр. 516.

шественникъ не видалъ дольменовъ полуострова Фонтана. Мы не имѣемъ ни изображенія, ни точнаго ихъ описанія, и самый вопросъ о назначеніи этихъ памятниковъ, можетъ быть, подлежитъ сомнѣнію [312]).

16.

КАРТА № 4.

Почтовая станція Пересыпная. — Островъ, названный Дюбуа «Тирамбе». — Слѣды древняго поселенія возлѣ Темрюцкаго отсёлка; портъ, акрополь и курганы. — Суворовскій редутъ. — Слѣды другихъ поселеній. — Курганы Адассъ-Бурнутъ.—Островъ и крѣпость Адассъ.—Островъ Кандауръ и его курганы.— Курки или Курганская станція, ея земляное укрѣпленіе и курганы.

Если мы покинемъ предѣлы полуострова Фонтана, то, миновавъ Пересыпное гирло — древній истокъ Кубани въ Азовское море — по дорогѣ отъ станціи Сѣнной въ городъ Темрюкъ, приблизимся къ *почтовой станціи Пересыпной* или *Пересыпь*. Здѣсь снова мы вступаемъ на почву острова, имѣющаго шесть верстъ длины, которому Дюбуа далъ названіе *Тирамбы*, по имени города, какъ предполагаетъ французскій путешественникъ, существовавшаго на немъ въ древности [313]).

Именно, на сѣверномъ берегу острова, омываемомъ Азовскимъ моремъ, въ пяти верстахъ отъ вышеозначенной станціи и въ восьми отъ Темрюка, гдѣ нынѣ расположено нѣсколько рыбацкихъ хижинъ, извѣстныхъ подъ именами: *Темрюцкій отсёлокъ*, *Темрюцкіе хутора*, *Старый Темрюкъ*, *Островитянскіе хутора*,

---

312) А. Б. Ашикъ видѣлъ подобнаго же рода памятники на восточномъ берегу Чернаго моря близъ Новороссійска, въ мѣстечкѣ Пшадъ, и описалъ ихъ довольно подробно въ статьѣ подъ заглавіемъ: О послѣднихъ археологическихъ раскопкахъ въ Керчи (Ж. М. В. Д. 1846). Говорятъ, что пшадскіе дольмены сложены изъ огромныхъ камней.

313) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 29—30.

Бермезанъ, находятся несомнѣнные слѣды древняго и весьма значительнаго поселенія. Поселеніе имѣло портъ, еще до сихъ поръ признаваемый по молу, который, по увѣренію Дюбуа, простирался въ Азовское море и защищалъ гавань отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Странно, что французскій ученый не только не описываетъ матеріалъ, изъ котораго былъ сооруженъ видѣнный имъ молъ, но и о самой постройкѣ выражается весьма неопредѣленно: une espèce de môle. Невольно возникаетъ сомнѣніе, не представлялось ли живому воображенію путешественника болѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ? — Съ западной стороны портъ былъ защищаемъ небольшимъ мысомъ. Но уже во времена Дюбуа онъ былъ совершенно засыпанъ песками и поросъ камышемъ, такъ что, вѣроятно, теперь еще затруднительнѣе отыскать его слѣды.

По мнѣнію Дюбуа, часть древняго города Тирамбы была расположена у пристани, вдоль морскаго берега. За нею, ближе къ центру острова, поднималась плоская возвышенность, на которой лежалъ акрополь, окруженный курганами. Дюбуа говоритъ, что акрополь занималъ не только часть позднѣйшихъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ на этомъ мѣстѣ русскими войсками во время покоренія Черноморіи въ концѣ прошлаго столѣтія, но и распространялся болѣе на востокъ. Во времена французскаго путешественника еще существовали остатки рва, окружавшаго акрополь и раздѣлявшаго его отъ города мертвыхъ или кургановъ, составлявшихъ некрополь древняго поселенія. На мѣстѣ древняго кремля Суворовъ приказалъ воздвигнуть земляное укрѣпленіе, съ тѣхъ поръ извѣстное подъ именемъ *Суворовскаго редута*. Это — четвероугольный фортъ, съ четырьми бастіонами и рвомъ, имѣющій 130 шаговъ въ діаметрѣ. Странно, что на юго-восточномъ углу Суворовскаго редута находится курганъ. Какому времени принадлежитъ онъ, намъ неизвѣстно.

Множество кургановъ покрываетъ гористую часть этого острова. Они замѣчательны своею многочисленностью; высота нѣкоторыхъ достигаетъ 6—7 футовъ, за исключеніемъ одного, на-

ходящагося въ срединѣ острова, который гораздо выше. Производились ли въ нихъ когда-либо раскопки—намъ неизвѣстно.

По увѣренію Дюбуа, слѣды поселеній видны также и на южномъ берегу острова, омываемомъ Ахтанизовскимъ лиманомъ. Но французскій путешественникъ не сообщаетъ, какому времени они принадлежатъ.

Къ юго-западной оконечности острова примыкаетъ изолированный широкій холмъ, на которомъ, по словамъ Дюбуа, тоже могутъ существовать развалины. Неизвѣстно, основывается ли это предположеніе на какихъ-либо данныхъ, или оно есть плодъ топографическихъ соображеній автора.

Близъ станціи Пересыпной островъ оканчивается отлогимъ спускомъ. Вершина этого спуска увѣнчана двумя большими курганами, которые Ламотре называетъ *Адасъ-Бурнутъ* (мысы или концы острова) [314]).

Русскіе путешественники и археологи, за исключеніемъ гр. А. С. Уварова, описаніе путешествія котораго еще не вышло въ свѣтъ, до сихъ поръ не посѣщали этого острова. Карта Темрюцкаго отсёлка, приложенная къ настоящему сочиненію, есть уменьшенная копія съ неизданной карты, которая должна войдти въ составъ атласа къ *Изслѣдованіямъ о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря*, издаваемымъ гр. Уваровымъ. Она показываетъ, какъ интересна эта мало извѣстная мѣстность по обилію кургановъ, ожидающихъ будущаго изслѣдователя.

На юго-востокъ, по направленію къ Темрюку, въ трехъ верстахъ разстоянія отъ этого города, среди обширнаго рукава, соединявшаго воды Ахтанизовскаго и Курчапскаго лимановъ, въ прежнія времена возвышался небольшой островъ, на которомъ находилась турецкая крѣпость *Адассъ* (т. е. островъ), извѣстная у Русскихъ подъ именемъ *Каменной баттареи*. Ламотре, проѣзжавшій здѣсь въ 1711 году, видѣлъ ее еще въ совершенной цѣлости, но уже и онъ называетъ ее *старою* [315]). Во время путе-

314) Voyages du Sr. A. De la Motraye. Томъ II, стр. 61.
315) Тамъ же.

шествія Кларка (1800 годъ) она представляла хорошо сохранившіяся развалины, по выраженію автора, весьма замѣчательныя. По словамъ англійскаго путешественника, она имѣла видъ древнеримскаго зáмка. Крѣпость по плану была правильный четвероугольникъ, на каждомъ углу котораго находилась башня. Чтобы дать читателямъ правильное представленіе о наружномъ ея видѣ, Кларкъ, на 381 стр. *) перваго тома своего путешествія, сообщилъ изображеніе античной крѣпости, снятое съ серебряной медали, пріобрѣтенной имъ въ послѣдующемъ путешествіи въ Македонію. Онъ самъ не могъ рѣшить вопроса о времени, которому принадлежало ея построеніе [316]). Дюбуа, въ началѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, видѣлъ только слѣды крѣпости, потому что камни ея пошли на сооруженіе церкви и домовъ частныхъ лицъ въ Темрюкѣ; только кучи мусора свидѣтельствовали о ней. Онъ говоритъ, что крѣпость была построена изъ камня и кирпичей съ известью. Правильный четвероугольникъ, имѣвшій съ каждой стороны 120 футовъ длины, обведенъ былъ второю стѣною (rempart), неправильной формы съ башнями, которая была выведена сообразуясь съ очертаніями острова. Сравнивая показанія Дюбуа съ словами Кларка, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ противорѣчій между обоими писателями. Показанія Кларка заслуживаютъ болѣе вѣроятія, потому что въ 1800 году крѣпость существовала почти въ совершенной цѣлости, между тѣмъ какъ Дюбуа не встрѣтилъ на мѣстѣ даже ни одного годнаго кирпича; тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что она походила на всѣ турецкія крѣпости, существующія въ Сухумъ-Кале, Поти и др. мѣстахъ. Даже фундаментовъ домовъ, находившихся въ крѣпости, не было болѣе видно [317]). Были ли находимы на этомъ островѣ какія-либо древности греко-римскихъ временъ, намъ неизвѣстно.

Оставивъ за собою Темрюцкое гирло, мы вступаемъ на пятый

---

*) [= Fourth ed., II, p. 51. *Ред.*].

316) Clarke, Travels etc. Томъ I, стр. 394. [= Fourth ed., II, p. 69].

317) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 28.

островъ, которому Дюбуа далъ названіе: *Большой Кандауръ*, по имени центральнаго хребта, на немъ возвышающагося. Ни городъ Темрюкъ, ни его окрестности никогда не сохраняли никакихъ памятниковъ древности; только Ламотре пріобрѣлъ въ Темрюкѣ нѣсколько боспорскихъ монетъ, найденныхъ, можетъ быть, на другихъ пунктахъ Таманскаго полуострова [318]). По словамъ Дюбуа, на хребтѣ острова, безъ всякаго порядка, расположено нѣсколько небольшихъ кургановъ. Въ нихъ ничего не было найдено замѣчательнаго. Кто и когда производилъ эти раскопки, Дюбуа умалчиваетъ. Онъ весьма справедливо замѣчаетъ, что существованіе многихъ кургановъ на одномъ пунктѣ всегда есть признакъ того, что въ недальнемъ разстояніи расположено было древнее поселеніе, и потому совѣтуетъ искать слѣды этого поселенія въ томъ мѣстѣ, гдѣ существуютъ развалины, извѣстныя подъ именемъ *Чомакъ-Товсcси*, выше Смолянаго форта, нынѣ покинутаго. Эта мѣстность, сверхъ того, была весьма выгодна для торговыхъ сношеній по Кубани. Если всѣ прочіе острова Кубанской полинезіи были заселены густо, то вѣроятно и этотъ плодородный островъ былъ не менѣе другихъ обитаемъ въ древности [319]).

Курганская почтовая станція есть крайній юго-восточный пунктъ той части Кубанской полинезіи, которая образуетъ нынѣшній Таманскій полуостровъ. Станція получила свое имя отъ окружающихъ ее кургановъ. Она называется также *Курки*, по имени небольшаго рукава Кубани, впадающаго въ Курчанскій лиманъ. По словамъ Дюбуа, не въ дальнемъ разстояніи отъ станціи находится земляное укрѣпленіе, воздвигнутое въ формѣ параллелепипеда, котораго слѣды еще были видны во время его пребыванія на Таманскомъ полуостровѣ. Къ форту примыкало предмѣстье, тоже укрѣпленное [320]). Графъ Потоцкій, соображаясь съ планомъ укрѣпленія, сначала принялъ его за римскій лагерь.

318) Voyages du Sr. A. De la Motraye. Томъ II, стр. 61—62.
319) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 25.
320) Тамъ же, стр. 23.

Но такъ какъ, по его словамъ, внутри стѣнъ форта и укрѣпленнаго предмѣстья находимы были фрагменты глиняныхъ вазъ, — что всегда есть признакъ народонаселенія, постоянно живущаго на одномъ мѣстѣ, а не временнаго лагеря, — то графъ Потоцкій, основываясь на словахъ Страбона, полагалъ, что фортъ и его укрѣпленное предмѣстье — городъ Аспургіановъ [321]). Дюбуа, не излагая своихъ доводовъ, говоритъ, что не раздѣляетъ мнѣнія графа Потоцкаго, и приписываетъ форту турецкое происхожденіе. Что касается до Аспургіановъ (Ἀσπουργιανοί), то по Страбону, XI. 2. § 11, извѣстно, что они жили между Фанагоріею и Горгиппіею. Къ сожалѣнію, положеніе послѣдняго города до сихъ поръ остается совершенно неопредѣленнымъ. Впрочемъ, одинъ фактъ существованія кургановъ, окружающихъ станцію Курки, доказываетъ, что здѣсь до Турокъ должно было находиться поселеніе другаго, болѣе древняго народа, котораго мѣсто впослѣдствіи заняли Турки и Татары. Только раскопки и находки монетъ могутъ указать, какой народъ жилъ на мѣстѣ вышеназванныхъ земляныхъ укрѣпленій.

17.

Мѣстность между Ахтанизовскимъ и Кубанскимъ лиманами.—Берега Ахтанизовскаго лимана. — Ахтанизовка. — Гора свв. Бориса и Глѣба.—Надпись Ксеноклида.—Храмъ Артемиды-Агротеры и другіе слѣды древности.—Памятникъ царицы Комосаріи.—Русскій монастырь на Рахмановскомъ мысѣ.

Менѣе всего иностранными путешественниками и русскими археологами изслѣдована мѣстность, лежащая между Ахтанизовскимъ и Кубанскими лиманами. Это вполнѣ объясняется отсутствіемъ всякаго рода путей сообщенія на этомъ пространствѣ. Дюбуа, внимательно описавшій Таманскій полуостровъ, не посѣтилъ названной нами мѣстности, но говоритъ по слухамъ, что

---

321) Comte J. Potocki, Voyage. Томъ I, стр. 240.

тамъ находятся также развалины и были найдены различныя древности и надписи. Это обстоятельство, по его мнѣнію, должно возбудить въ изслѣдователяхъ желаніе посѣтить страну, которую не видалъ еще ни одинъ изъ любителей древностей [322]). Только берега Ахтанизовскаго лимана извѣстны нѣсколько лучше; внутренность же страны, и именно мѣста, гдѣ находились поселенія Некрасовцевъ, изъ новѣйшихъ путешественниковъ никѣмъ не посѣщались.

На сѣверномъ берегу Ахтанизовскаго лимана лежитъ казацкая станица *Ахтанизовка;* просёлочная дорога ведетъ къ ней со станціи Сѣнной. Прекрасное положеніе этого селенія на живописныхъ берегахъ лимана побудило Дюбуа предположить, что здѣсь лежалъ древне-греческій городъ *Кепы* (т. е. сады) [323]). «На плодородной здѣшней почвѣ — говоритъ онъ — древніе Фанагорійцы имѣли свои амфитеатрально расположенныя виллы; въ сосѣдствѣ находилось множество памятниковъ». Къ сожалѣнію, эта очаровательная картина мало оправдывается наблюденіями надъ мѣстностью: въ Ахтанизовкѣ не видно никакихъ развалинъ и никогда не было сдѣлано никакихъ археологическихъ открытій. Зато окрестности ея дѣйствительно обогатили науку боспорскихъ древностей нѣсколькими важными памятниками, о которыхъ мы теперь упомянемъ.

Въ пяти верстахъ отъ Ахтанизовской станицы къ югу, на горѣ свв. Бориса и Глѣба, на западномъ берегу лимана, мысообразно выдающейся въ воду, изверженіе сосѣдней, до того времени не дѣйствовавшей, грязной сопки обнаружило въ 1818 году фундаменты какого-то зданія, котораго каждая сторона имѣла 66 англійскихъ футовъ длины. Такъ разсказываетъ причину открытія Кёппенъ, бывшій на мѣстѣ спустя съ небольшимъ годъ, въ сентябрѣ 1819 года, и слышавшій разсказъ объ этомъ изверженіи изъ устъ мѣстныхъ жителей, слѣдовательно старѣйшій лѣ-

322) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 102.
323) Тамъ же, стр. 59.

тописецъ происшествія [324]).—Нѣсколько иначе разсказываетъ поводъ къ открытію неизвѣстный авторъ статьи: *О развалинахъ храма Діаны Ловитвы на островѣ Таманѣ*. «Въ 1819 году было на островѣ Таманѣ землетрясеніе, отъ котораго часть сего холма обрушилась въ лиманъ, а на остальной сдѣлались трещины» [325]). Вѣроятно, изверженіе сопровождалось легкимъ землетрясеніемъ, вслѣдствіе котораго на горѣ свв. Бориса и Глѣба обнаружились трещины. Два крестьянина, извлекая изъ нихъ на вершинѣ горы матеріалъ, годный для построекъ, открыли древне-греческую надпись, которая гласитъ, что здѣсь Ксеноклидъ, сынъ Посія, воздвигъ храмъ въ честь Артемиды-Агротеры, въ царствованіе Перисада I (349—311 до Р. Х.) [326]). Надпись первоначально сохранялась въ церкви свв. Бориса и Глѣба, гдѣ ее видѣли и списали Кёппенъ и Дюбуа, но Ф. Жиль тщетно отыскивалъ въ церкви двѣ мраморныя плиты съ этою важною надписью: приходскій священникъ, указывая ему на мѣсто близъ алтаря, гдѣ до того онѣ хранились, сообщилъ, что въ 1848 или 1850 годахъ онѣ увезены были черезъ Темрюкъ въ Екатеринодаръ [327]). Гдѣ нынѣ находится драгоцѣнный оригиналъ — намъ неизвѣстно *).

Камни фундамента новооткрытаго зданія пошли на сооруженіе церкви свв. Бориса и Глѣба въ Ахтанизовкѣ. Къ счастью, сохранился глазомѣрный планъ храма и его окрестностей, впервые изданный въ 1826 году, съ снимкомъ надписи Ксеноклида [328]). Когда мы посѣтили эту мѣстность въ 1859 году, то общій планъ

---

324) Koeppen, Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien. 1823, стр. 49—50.

325) Московскій Телеграфъ 1826. № 9. Май, стр. 6.

326) См. надпись въ C. I. G. № 2117 [= Inscr. o. s. P. Eux. II, 344].

327) Fr. Gilles, Lettres sur la Crimée et le Caucase. Paris. 1859, стр. 411—12.

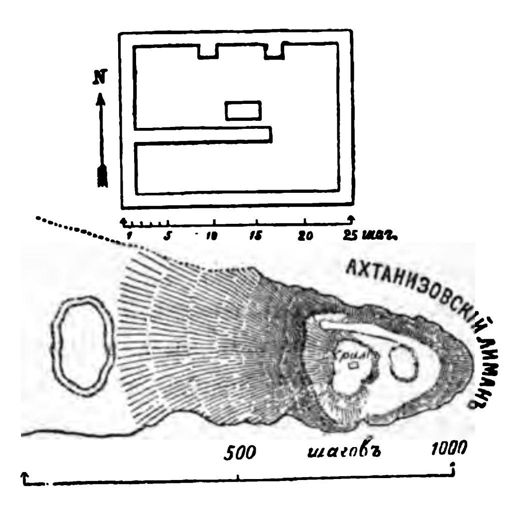
*) [Два фрагмента надписи до сихъ поръ находятся въ Екатеринодарѣ. Ср. Inscr. o. s. P. Eux. II, къ № 344. *Ред.*].

328) Московскій Телеграфъ 1826 года, № 9, май, въ статьѣ: О развалинахъ храма Діаны Ловитвы на островѣ Таманѣ. Отсюда перепечаталъ его А. Б. Ашикъ въ своемъ сочиненіи: Воспорское Царство. Томъ I, рис. X. Нашъ политипажъ взятъ съ гравюры, изданной въ Моск. Телеграфѣ.

зданія еще явственно обрисовывался валомъ, наброшеннымъ изъ земли, вынутой при извлеченіи камней фундамента, и образовавшимся вслѣдствіе того рвомъ. Во рву замѣтны были обломки тесаныхъ плитъ раковистаго известняка. Хотя надпись Ксенoклида ясно указываетъ, что зданіе, гдѣ она найдена, есть упомянутый въ надписи храмъ Артемиды-Агротеры, но Кёппенъ, изъ словъ рабочихъ, нашедшихъ надпись и единогласно увѣрявшихъ его, что плиты съ надписанною стороною обращены были внизъ, вывелъ заключеніе, что эти плиты съ надписью были употреблены для постройки зданія, принадлежащаго болѣе новому времени. Сверхъ того онъ сообщаетъ, что надпись была написана на двухъ плитахъ, изъ которыхъ вторая была открыта на противоположномъ южномъ углу, только годъ спустя (въ 1819 г.) по нахожденіи первой половины надписи, плита которой была разломана на двѣ части. Несмотря на эти весьма важные и достовѣрные факты, планъ зданія, впослѣдствіи можетъ быть не однажды реставрированнаго, указываетъ, что оно едва ли могло имѣть иное назначеніе. Какое зданіе могло приличнѣе вѣнчать вершину горы, у подножія которой стояли другіе религіозные памятники, статуи боговъ Санерга и Астары, какъ не храмъ? — Зданіе не имѣло большихъ размѣровъ: глазомѣрный планъ даетъ ему въ длину около 25 шаговъ. Повидимому, оно состояло изъ одной целлы, раздѣленной довольно длинною поперечною стѣною на двѣ неравной величины половины. Трудно объяснить значеніе двухъ выступовъ въ сѣверной стѣнѣ зданія. Въ срединѣ целлы виденъ продолговатый квадратъ, вѣроятно означающій пьедесталъ, на которомъ стояла статуя богини. Храмъ былъ правильно оріентированъ и дверь открывалась на востокъ, такъ что мореплаватели, при отверстыхъ дверяхъ храма, по мѣрѣ приближенія къ мысу, уже издали могли созерцать статую Артемиды.

Судя по картѣ мѣстности, окружающей храмъ, приложенной къ плану 1826 года, вершина горы свв. Бориса и Глѣба была планирована для сооруженія храма, а нѣсколько ниже къ востоку, передъ входомъ въ храмъ, земля была тоже сравнена для водру-

женія алтаря или сооруженія какого-либо памятника, что̀ можно было замѣтить еще въ эпоху начертанія вышеозначенной карты. Весьма странное явленіе представляетъ слѣдующее обстоятельство. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ храма, на западѣ, у подножія горы видны слѣды какого-то землянаго вала, продолговато-круглой формы и довольно большаго объема. Какое назначеніе имѣлъ этотъ окопъ — намъ неизвѣстно. Видъ съ вершины горы Бориса и Глѣба — очаровательный.

Планъ храма Артемиды-Агротеры и горы свв. Бориса и Глѣба.

Обвалъ части горы на Рахмановскомъ мысу, неизвѣстно когда происшедшій, обнаружилъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ боспорской древности. Волны лимана мало-по-малу подмывали гору и уносили съ собою землю, отчего часть берега обрушилась. Нынѣ, безъ помощи дневника путешествія Кёлера, нѣтъ возможности точно указать мѣсто, гдѣ на мысѣ знаменитый академикъ нашелъ торсы двухъ статуй боговъ Санерга и Астары и пьедесталъ съ греческою надписью, на которомъ воздвигнуты были эти статуи. Мы не знаемъ, гдѣ возвышался этотъ памятникъ, воздвигнутый царицею Комосаріею, супругою Перисада I,

— стоялъ ли онъ на вершинѣ горы, какъ предполагали одни[329]), или на берегу лимана, или на площадкѣ, которая находилась ниже храма, на восточномъ склонѣ горы. А. Е. Люценко въ 1867 году тщетно искалъ его мѣстоположеніе. Когда произошло разрушеніе памятника, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ и когда статуи лишены были головъ, — осталось тоже неизвѣстно. Но знаменитая надпись Комосаріи подала поводъ къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдованій о боспорскихъ древностяхъ. Нынѣ видъ горы свв. Бориса и Глѣба, съ южной стороны, обращенной къ лиману, поразителенъ. Здѣсь она представляется глазамъ какъ бы оторванною и опрокинутою въ лиманъ [330]).

Лѣтомъ въ 1867 году А. Е. Люценко, съ братомъ своимъ, посѣтилъ Ахтанизовскую станицу. Тамъ имъ сообщили, что у подошвы Борисоглѣбской горы, возлѣ Рахмановскаго мыса, находился нѣкогда русскій монастырь, слѣды котораго видны до сихъ поръ. Не имѣя проводника, имъ не удалось открыть его развалинъ. Говорятъ, что икона свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, находившаяся въ монастырѣ, по разрушеніи его Турками, была отыскана и хранится въ станичной церкви, но священникъ этой церкви, по неизвѣстнымъ причинамъ, не соизволилъ показать ее уважаемымъ нашимъ изслѣдователямъ [331]).

18.

Восточный берегъ Ахтанизовскаго лимана. — Титоровская станица. — Баттарея къ сѣверу отъ Титоровки и ея некрополь. — Окрестные курганы и раскопки А. Б. Ашика. — Имя пепелища въ древности. — Мысъ Дубовый рынокъ. Приложеніе: Кубанскіе курганы.

Послѣдняя замѣчательная въ археологическомъ отношеніи мѣстность Таманскаго полуострова лежитъ къ югу отъ Рахма-

---

329) Ашикъ, Боспорское Царство. Томъ I, стр. 51.
330) Письменное сообщеніе А. Е. Люценко.
331) Письменное сообщеніе А. Е. Люценко.

новскаго мыса. Гористая возвышенность, тянущаяся отъ Карабетовой горы на востокъ, длиннымъ полуостровомъ врѣзывается въ Ахтанизовскій лиманъ и оканчивается мысомъ, именуемымъ *Дубовый рынокъ*. На этомъ полуостровѣ, находящемся на западномъ берегу лимана, въ $2^1/_2$ верстахъ на сѣверъ отъ казацкой станицы *Титоровки*, за Дегтярною горою (такъ называемой по добываемой въ ней нефти), на берегу лимана видно татарское кладбище бывшей деревни Талактюпъ [332]). За кладбищемъ, надъ крутымъ обрывомъ берега Ахтанизовскаго лимана, имѣющимъ до 15 саж. вышины, лежитъ самое замѣчательное по красотѣ мѣстоположенія пепелище, мѣстными жителями называемое *баттареею*. Въ прежнія времена она имѣла видъ параллелограмма, со всѣхъ сторонъ окруженнаго землянымъ валомъ, съ двухъ—широкимъ рвомъ, слѣды котораго сохранились и по настоящее время. Въ настоящее время это укрѣпленное древнее поселеніе представляетъ грустный видъ разрушенія. Три стороны землянаго вала уже почти совершенно обрушились въ лиманъ и вмѣстѣ съ ними большая часть внутренняго ровнаго пространства, ими огороженнаго. Сохранившаяся четвертая сторона вала имѣетъ, по однимъ, до 20, а по другимъ—до 50 саж. въ длину, въ ширину 6 и въ вышину $1^1/_2$ саж. По срединѣ ея находится отверстіе, похожее на ворота или выходъ. Пепелище имѣетъ 4 сажени высоты. Казаки разсказываютъ, что баттарея лѣтъ тридцать тому назадъ была втрое болѣе нынѣшней. Примыкая плотно къ крутому берегу, валы постепенно подмываются волнами озера и ежегодно болѣе и болѣе обрушиваются въ лиманъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, и послѣдняя сторона землянаго вала въ непродолжительномъ времени исчезнетъ, потому что Ахтанизовскій лиманъ примѣтно подается къ здѣшнему хребту, ежегодно обрывая огромныя массы береговаго материка. Почти изъ средины этого городища къ берегу идетъ крутой, разрытый дождями, спускъ, гдѣ въ мелкой водѣ видно множество тесаныхъ камней, упавшихъ

---

332) Я. М. Лазаревскій, Курганы Таманскаго полуостр., стр. 31.

сверху во время обрушеній насыпи. Насыпь заключаетъ въ себѣ большое количество черепковъ битой и покрытой лакомъ посуды, амфоръ и другихъ обломковъ [333]). Но на всемъ городищѣ нѣтъ слѣдовъ или развалинъ какой-либо постройки [334]).

Въ обвалахъ насыпи этого городища жители Титоровской станицы находятъ хорошо сохранившіяся боспорскія монеты, куски металлическихъ зеркалъ и разныя мелкія древности. Особенно удобно собирать ихъ, когда спадетъ вода въ лиманѣ. По словамъ Я. М. Лазаревскаго, здѣсь встрѣчаются преимущественно автономныя пантикапейскія и фанагорійскія монеты, что̀ указываетъ на древность этого поселенія [335]). Е. Е. Люценко сообщаетъ намъ, что въ числѣ находокъ попадались иногда мѣдные дихалки Левкона, серебряные тетралептоны городовъ Пантикапеи и Фанагоріи и золотые статеры или хризосы, упоминаемые въ I томѣ «Описанія Музея князя Кочубея», на стр. 346, подъ № 25 [336]).

Ровная мѣстность противъ означеннаго вала, на разстояніи отъ него около 70 саженъ, усѣяна небольшими ямами и конусообразными буграми. Что же означаютъ эти углубленія въ почвѣ и возвышенія? Слѣды ли это, можетъ быть, существовавшей на этомъ мѣстѣ татарской деревни, или еще болѣе древняго поселенія? А. Е. Люценко, посѣтившій баттарею, говоритъ, что мѣстные жители не могли объяснить происхожденія этихъ заросшихъ травою ямъ и бугровъ [337]).

Отъ выхода или воротъ, находящихся въ срединѣ землянаго укрѣпленія, прямолинейное возвышеніе земли ведетъ въ некрополь этого древняго поселенія, лежащій у сѣвернаго подножія горнаго хребта. Онъ замѣчателенъ по многочисленности низкихъ кургановъ однообразной формы, скученныхъ на пространствѣ,

333) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.
334) Abich, Einleitende Grundzüge, стр. 76, прим. 1.
335) Я. М. Лазаревскій, Курганы Таманскаго полуостр., стр. 32.
336) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.
337) Тоже.

имѣющемъ форму правильнаго параллелограмма. Некрополь окруженъ небольшимъ землянымъ валомъ [338]). Въ высокомъ горномъ хребтѣ, подпимающемся за кладбищемъ, можетъ быть, заключаются катакомбы жителей древняго поселенія, которое необходимо изслѣдовать съ величайшимъ вниманіемъ до его окончательнаго исчезновенія. Однѣ находки монетъ уже указываютъ на его важность въ археологическомъ отношеніи.

Въ ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ окрестностяхъ этой мѣстности возвышается нѣсколько довольно значительныхъ, отдѣльно стоящихъ кургановъ, которые еще болѣе свидѣтельствуютъ, что тутъ находилось поселеніе Милезійскаго происхожденія. Въ числѣ ихъ на берегу, выше валовъ, есть довольно высокій курганъ; но далѣе къ Дубовому рынку, куда дорога идетъ по срединѣ полуострова, отчего горный хребетъ скрываетъ отъ глазъ путешественника видъ баттареи, они рѣдко встрѣчаются [339]). А. Б. Ашикъ разсказываетъ, что онъ производилъ раскопки въ курганахъ близъ станицы Титоровки. Именно, онъ началъ тамъ раскопку большаго кургана, называемаго *жидовскимъ*, потому что на вершинѣ его былъ нѣкогда погребенъ жидъ, но, по собственному сознанію, не довелъ своихъ изслѣдованій до конца. Въ недальнемъ разстояніи отъ этой насыпи онъ раскопалъ маленькій курганъ, имѣвшій въ центрѣ не болѣе сажени, и нашелъ въ немъ земляную гробницу, въ которой схоронена была женщина. Въ гробницѣ найдено было ожерелье, четыре золотыя бус履 и десять золотыхъ кружечковъ, съ выбитыми на нихъ звѣздочками: эти кружечки служили украшеніемъ обуви усопшей [340]).

Дюбуа, не посѣтившій и потому не описавшій баттарею, полагалъ, что на близлежащемъ мысѣ, называемомъ *Дубовый рынокъ*, лежалъ *Апатуронъ*, храмъ Афродиты, о которомъ упоминаетъ Страбонъ (XI, 2, 10). Ф. Жиль, авторъ карты и географическаго текста въ великолѣпномъ изданіи: *Древности Босфора Ким-*

338) Abich, Einleitende Grundzüge, стр. 76, прим. 1.
339) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.
340) Ашикъ, Воспорское Царство. Томъ II, стр. 22.

мерійскаго въ Императорскомъ Эрмитажѣ, старался исправить показаніе Дюбуа и перенесъ Апатуронъ на выше описанную нами баттарею [341]). Я. М. Лазаревскій думалъ, что баттарея — древняя Гермонасса [342]); г. Абихъ, наконецъ, полагаетъ, что это мѣсто города Горгиппіи. «Во всякомъ случаѣ — говоритъ онъ — положеніе древняго города было какъ нельзя болѣе выгодно. Онъ прислонялся къ постепенно возвышающемуся склону горнаго хребта. Съ одной стороны изолировала его глубокая долина, спускавшаяся съ горы. Передъ самымъ городомъ разстилался лиманъ, черезъ который тогда протекала Кубань. Налѣво высилась гора свв. Бориса и Глѣба съ памятникомъ Комосаріи и на вершинѣ съ храмомъ Артемиды-Агротеры *). Напротивъ лежалъ городъ Кепосъ и вдали на сѣверо-востокѣ виднѣлось Азовское море» [343]).

Мысъ, называемый *Дубовый рынокъ*, собственно довольно значительная гора, густо покрытая малорослымъ дубовымъ лѣсомъ. Вѣроятно, имя *рынка* дано было ему вслѣдствіе того, что растущій здѣсь дубъ составлялъ выгодный предметъ торговли. Къ сожалѣнію, въ настоящее время, вслѣдствіе безпечнаго хозяйства, вмѣсто прежняго крупнаго лѣса растутъ одни дубовые кустарники. Говорятъ, что на самомъ концѣ мыса есть слѣды какого-то пепелища, но это извѣстіе далеко не достовѣрно. Дубовый рынокъ окруженъ небольшими насыпями коническои формы. Мы только-что упоминали, что Дюбуа на оконечности Дубоваго рынка опредѣлилъ положеніе Апатурона, храма Афродиты [344]), но тамъ незамѣтно никакихъ слѣдовъ какого-либо зданія [345]). Въ виду неполныхъ свѣдѣній объ этой мѣстности, точное

341) Gilles, Lettres sur la Crimée et le Caucase, стр. 415.

342) Я. М. Лазаревскій, Курганы Таманскаго пол., стр. 81.

*) [Переводъ не точенъ: «Links sah er den Borissaberg mit dem Tempel der beiden Göttinnen, in weiterer Ferne den hohen Berg mit dem Tempel der Venus-Agrotera». *Ред.*].

343) Abich, Einleitende Grundzüge, стр. 76, прим. 1.

344) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. Томъ V, стр. 38, прим. 1.

345) Письменное сообщеніе А. Е. Люценко.

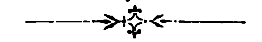
ея изслѣдованіе во всѣхъ отношеніяхъ было бы далеко не лишнимъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о *Кубанскихъ курганахъ*, лежащихъ на правомъ возвышенномъ берегу этой рѣки, гдѣ, по крайней мѣрѣ по ея низовьямъ, въ древности, вѣроятно, тоже существовали греческія поселенія. Въ настоящее время изслѣдованіе этихъ кургановъ можетъ привести къ блестящимъ открытіямъ. Должно предполагать, что они, благодаря воинственнымъ племенамъ, обитавшимъ здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, еще никогда не были тронуты хищническою рукою грабителей. Въ то время какъ большая часть кургановъ Керченскаго и Таманскаго полуострововъ, со временъ Венеціанцевъ и Генуэзцевъ, служили цѣлью поисковъ даже цѣлыхъ организованныхъ для подобныхъ предпріятій обществъ, кубанскіе курганы оставались въ совершенной неизвѣстности. Русскіе офицеры и другіе путешественники много разсказываютъ объ этихъ памятникахъ древности. Они встрѣчаются неожиданно, въ лѣсахъ, окруженные и обросшіе столѣтними деревьями; другіе обложены камнями сверху до подножія. Особенно замѣчателенъ курганъ, находящійся въ станицѣ Усть-Лабѣ, гдѣ есть обширное древнее пепелище. Въ 12 верстахъ отъ переправы черезъ Кубань, называемой *Джига*, на значительной возвышенности, окруженной дубовымъ лѣсомъ, нынѣ почти вырубленнымъ, въ полуверстѣ отъ рѣчки Чаконъ, находятся семь коническихъ кургановъ, стоящихъ въ одну линію по направленію къ востоку и совершенно обложенныхъ каменною бронею. Они извѣстны подъ названіемъ *Семи братьевъ*; высота ихъ отъ 8 до 9 саженъ [346]). Рабочіе директора Керченскаго музея, бывшіе тамъ въ 1866 году для рубки лѣса, увѣряли, что къ нимъ не прикасалась человѣческая рука. Впрочемъ, несмотря на привлекатель-

---

346) Отъ Тамани до станицы Титоровской считается 35 верстъ, отъ послѣдней до урочища Джиги — 15, отъ Джиги до Семи братьевъ — 12, всего — 62 версты.

ность разсказовъ, должно прибавить, что пребываніе въ этой мѣстности соединено съ большими затрудненіями. Кругомъ нѣтъ никакихъ жилищъ; жизненные припасы должно привозить съ Варениковой пристани, лежащей въ 15 верстахъ выше Джиги, по теченію Кубани. Близость кубанскихъ плавней порождаетъ миріады микроскопическихъ комаровъ, которые въ иное время года дѣлаютъ жизнь тамъ невыносимою. Англійскій путешественникъ Кларкъ живо изобразилъ мученія, испытанныя имъ отъ этихъ насѣкомыхъ. Понятно, съ какими лишеніями и страданіями сопряжено изслѣдованіе этихъ мѣстностей для будущаго археолога [347]).

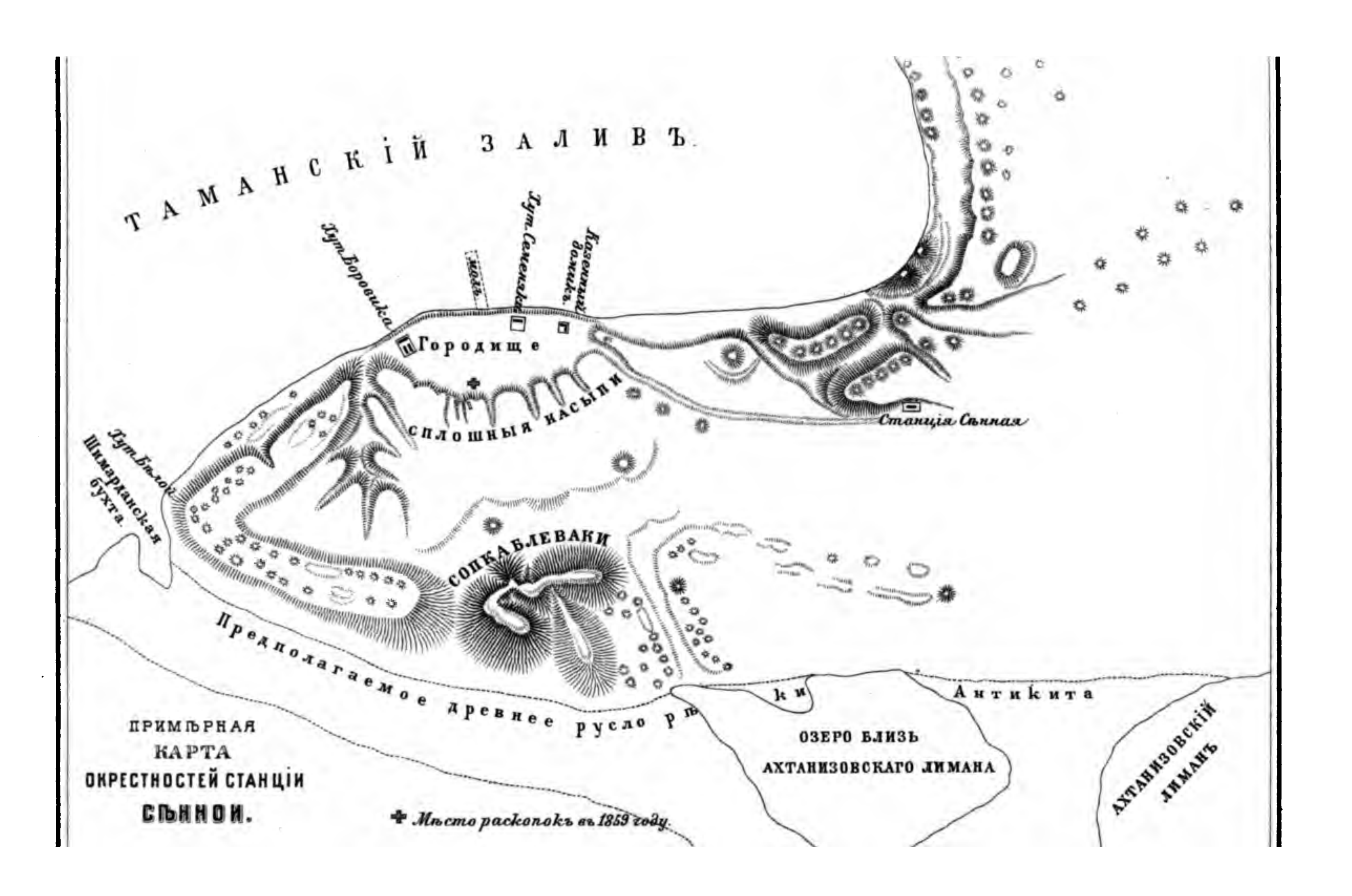
347) Письменное сообщеніе Е. Е. Люценко.

КАРТА
КУБАНСКОЙ ДЕЛЬТЫ.

АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Л. Ахтарскій
АЧУЕВЪ
Р. Протока
НИЗМЕННОСТЬ
КУБАНСКАЯ
Гирло Перекопское
Л. Курчанскій
Р. Кузука
Г. ТЕМРЮКЪ
ТАМАНСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ
Керченскій проливъ
Таманскій заливъ
Г. ТАМАНЬ
Л. Ахтанизовскій
Л. Цукуръ
Л. Кубанскій
Р. Кубань
Р. Протока
Р. Кубанка
Островъ Каракубанскій
П. СЛАВИНСКІЙ
Р. Кара кубань

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА, С.П.Б.

ТАМАНСКІЙ ЗАЛИВЪ
Хут. Боровика
моль
Хут. Семеняки
Казенный домикъ.
Городище
сплошныя насыпи
Станція Сѣнная
Хут. Бѣлой
Шимарданская бухта.
СОПКА БЛЕВАКИ
Предполагаемое древнее русло рѣки Антикита
ОЗЕРО БЛИЗЪ АХТАНИЗОВСКАГО ЛИМАНА
АХТАНИЗОВСКІЙ ЛИМАНЪ
ПРИМѢРНАЯ КАРТА ОКРЕСТНОСТЕЙ СТАНЦІИ СѢННОЙ.
✚ Мѣсто раскопокъ въ 1859 году.

№ 1.

КАРТА ТЕМРЮЦКАГО ОТСЁЛКА

N

S

Слобода Островская

Суворовскій редутъ

Почтовая дорога изъ станціи Пересыпной въ гор. Темрюкъ

КАРТОГР ЗАВ А. ИЛЬИНА. С.П.Б.

К. К. Гёрцъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ,

ИЗДАННОЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ

НА СРЕДСТВА

КАПИТАЛА ИМЕНИ ПРОФЕССОРА К. К. ГЁРЦА.

Выпускъ 2-й:

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ И ОТКРЫТІЙ НА ТАМАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1898.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

К. К. Гёрцъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ,

ИЗДАННОЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ

НА СРЕДСТВА

КАПИТАЛА ИМЕНИ ПРОФЕССОРА К. К. ГЁРЦА.

Выпускъ 2-й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1898.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ И ОТКРЫТІЙ
НА ТАМАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ
СЪ КОНЦА XVIII СТОЛѢТІЯ ДО 1859 г.

К. К. Гёрца.

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Съ картою окрестностей станици Сѣнной.

Изданіе 2-е.

Parlan le tombe ove la storia è muta.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1898.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и **Комп.** и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ;
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ;
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ;
Н. Киммеля въ Ригѣ; **Фоссъ (Г. Гессель)** въ Лейпцигѣ.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣля 1898 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предлагаемое въ настоящемъ выпускѣ изслѣдованіе К. К. Гёрца первоначально было издано Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ IV томѣ его періодическаго сборника „Древности. Труды Московскаго Археол. Общества“ и отдѣльно (Москва, въ синод. типографіи, 1876. II + 118 стр. 4°). Редакція настоящаго изданія принадлежитъ академику В. В. Латышеву.

Предисловіе автора.

Источниками для настоящаго труда послужили преимущественно оффиціальныя бумаги, хранящіяся въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи въ С.-Петербургѣ. Они поступили туда:

а) изъ Департамента общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

и б) изъ Канцеляріи Министра Удѣловъ, и состоятъ изъ отношеній, рапортовъ, отчетовъ и т. д.

Кромѣ того изъ архива Керченскаго музея древностей доставленъ былъ черновой журналъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1851—1855 г.г. покойнымъ помощникомъ директора Керченскаго музея, штабсъ-капитаномъ К. Р. Бѣгичевымъ, писанный имъ собственноручно карандашомъ (въ листѣ, 290 стр.).

Наконецъ письма, писанныя графомъ Л. А. Перовскимъ (или отъ его имени дѣлопроизводителемъ), К. Р. Бѣгичевымъ, Я. М. Лазаревскимъ и др.

За доставленіе этихъ матеріаловъ авторъ считаетъ долгомъ изъявить свою глубочайшую признательность В. Г. Тизенгаузену, Я. М. Лазаревскому и А. Е. Люценко.

ГЛАВА I.

Отъ исхода XVIII столѣтія до конца 1851 года.

1.

ВВЕДЕНІЕ.

Систематическія изслѣдованія Таманскаго полуострова въ археологическомъ отношеніи начались съ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія [1]). Хотя этимъ первымъ изслѣдованіямъ нельзя придать названія научныхъ, но въ нихъ по крайней мѣрѣ видна нѣкоторая послѣдовательность, какое-то стремленіе дѣйствовать не случайно, а по предначертанному плану. Всѣ раскопки, которыя производились на этой мѣстности до того времени, носятъ на себѣ характеръ отыскиванія зарытыхъ въ землѣ сокровищъ. Поиски новѣйшихъ изслѣдователей

[1]) Князь Сибирскій въ своемъ сочиненіи: Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien. St.-Pétersb. 1859. T. I, I-ère partie, стр. CCXXVII, говоритъ, что «только съ 1847 года начали заниматься раскопками на Таманскомъ полуостровѣ на пользу науки». (Les fouilles de Phanagorie promettent encore de brillants résultats, car ce n'est que depuis 1847 qu'on a commencé à s'en occuper au profit de la science). Не знаю, на какихъ фактахъ онъ основываетъ свое мнѣніе, столь положительно, даже съ обозначеніемъ года, высказанное. Послѣдующее наше изложеніе покажетъ, что эпоху систематическаго изслѣдованія Таманскаго полуострова съ этого года считать нельзя.

кургановъ Таманскаго полуострова, въ большей части случаевъ, оставались безуспѣшными: курганы оказывались расхищенными, повидимому, съ давняго времени. Малые результаты, добытые тутъ сравнительно съ пантикапейскими курганами [1]), отчасти были причиною, что раскопки на Таманскомъ полуостровѣ всегда производились съ большими перерывами, только на немногихъ пунктахъ и съ незначительными средствами. Неудачи раскопокъ охлаждали энергію дѣятелей. Иностранные писатели о боспорскихъ древностяхъ сожалѣютъ объ отсутствіи точныхъ указаній о мѣстѣ находки художественныхъ произведеній, открытыхъ на Таманскомъ полуостровѣ [2]). Вслѣдствіе необнародованія отчетовъ о раскопкахъ, произведенныхъ на Таманскомъ полуостровѣ, эти раскопки и ихъ научные результаты пользуются, даже между спеціалистами, меньшею извѣстностью, нежели раскопки пантикапейскія, а между тѣмъ блестящія открытія 1864—65 годовъ свидѣтельствуютъ, что результаты этихъ раскопокъ могутъ соперничать съ керченскими. Случайныя открытія, сдѣланныя на Таманскомъ полуостровѣ, обогатили науку важными фактами какъ для политической, такъ и, преимущественно, религіозной исторіи Боспора Киммерійскаго. Къ сожалѣнію, извѣстія наши о ходѣ первоначальныхъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ и о случайныхъ открытіяхъ, на немъ сдѣланныхъ, вообще, большею частію весьма скудны и неполны: мѣста случайныхъ находокъ часто вовсе неизвѣстны, а при первыхъ по времени раскопкахъ не вели ни точныхъ журналовъ, ни описей найденнымъ предметахъ, и не снимали рисунковъ съ открытыхъ предметовъ. Въ послѣдующихъ страницахъ мы сообщаемъ по возможности полную исторію археологическихъ изслѣдованій и случайныхъ открытій на этой мѣстности, въ главныхъ своихъ частяхъ основанную на оффиціальныхъ документахъ.

---

[1]) Neumann, Die Hellenen im Scythenlande. Berlin. 1855. I, 562.
[2]) Neumann, Die Hellenen. I, 560.

Расхищеніе гробницъ на Таманскихъ курганахъ, вѣроятно, началось еще во времена классической древности, можетъ быть, свидѣтелями погребальныхъ церемоній греческихъ и греко-скиѳскихъ населеній этого края. Хищники, которыми руководило одно корыстолюбіе, непремѣнно должны были быть знакомы какъ съ погребальными обычаями древнихъ, такъ и съ мѣстами, гдѣ были схоронены болѣе богатыя лица, гробницы которыхъ могли доставить обильную добычу и вознаградить тайный трудъ, иногда сопряженный съ опасностью для жизни. Иначе, безъ этого предположенія, нельзя себѣ объяснить тѣхъ явленій, которыя встрѣчаетъ изслѣдователь на каждомъ шагу при раскопкахъ на Таманскомъ полуостровѣ: центральныя гробницы въ курганахъ, преимущественно сложенныя изъ натуральнаго камня, почти безъ исключенія ограблены, также какъ и гробницы, сложенныя изъ кирпича, жженаго и не жженаго, если онѣ находятся даже въ бокахъ кургановъ, въ которыхъ трудно предположить ихъ существованіе [1]). Къ такого рода гробницамъ весьма искусно проведены мины, которыя почти безошибочно направлены къ предположенной цѣли. Напротивъ, жженыя и земляныя гробницы остаются нетронутыми хищниками,— не говоря о могилахъ рабовъ, погребенныхъ на голой землѣ, иногда возлѣ гробницы господина, безъ всякихъ вещей. Въ подобныхъ гробницахъ скелеты находятъ обыкновенно лежащими въ совершенномъ порядкѣ, съ тѣми предметами, которыми украшено было послѣднее простое жилище покойниковъ и ихъ прахъ. Безъ вышеозначеннаго предположенія еще невозможнѣе объяснить слѣдующій фактъ: мужская гробница, съ ея недорогими вазами, панцыремъ, стрѣлами и копьями,

---

[1]) Великолѣпное открытіе, сдѣланное И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкой могилѣ въ 1863 году, есть только остатокъ тѣхъ богатствъ, которыя найдены были хищниками въ гробницахъ скиѳскихъ. Обвалъ земли, задавившій одного изъ нихъ, который несъ серебряную вазу, сохранилъ для насъ одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній греческаго искусства IV вѣка до Р. Х. См. Отчетъ Имп. Археологической Коммисіи за 1864 годъ, стр. 5, атласъ, таблица XXXI. Древности Геродотовой Скиѳіи. Выпускъ II, стр. 101. Атласъ, табл. XXXI.

является нетронутою, сосѣдняя же женская гробница, въ которой, вѣроятно, находились золотыя вещи, до-чиста расхищена. Видно, что грабители, какъ говорятъ, шли навѣрняка, и могли дѣйствовать такимъ образомъ вслѣдствіе того, что знали, въ какомъ мѣстѣ находится та или другая богатая гробница. Впрочемъ, подобное расхищеніе богатыхъ гробницъ уже въ самой древности не есть черта, исключительно принадлежащая нашей мѣстности: оно подтверждается аналогическими примѣрами изъ финикійской, египетской и этрусской древности.

2.

Раскопки генерала Вандервейде.

Первыя по времени раскопки въ курганахъ Таманскаго полуострова, вскорѣ послѣ присоединенія его къ Россіи, были произведены въ концѣ прошлаго столѣтія начальникомъ инженеровъ въ Тамани, генераломъ Вандервейде [1]). Эти раскопки, вѣроятно, были произведены въ самыхъ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, потому что англичанинъ Кларке, находившійся на Таманскомъ полуостровѣ въ іюлѣ 1800 года, видѣлъ и передалъ намъ на рисункѣ каменный сводъ гробницы,

---

[1]) Самыя подробныя свѣдѣнія о раскопкахъ генерала Вандервейде сохранилъ англійскій путешественникъ Кларке въ сочиненіи своемъ: Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. 5 vol. Cambridge. 1810, 4°. [Fourth edition. London 1816—18, 6 vol. 8°]. Томъ I, стр. 396—399 [= 4 ed. II v., стр. 70—76]. Къ стр. 398 приложена тщательно исполненная на мѣди, какъ и всѣ находящіяся въ этомъ изданіи, гравюра, на которой изображены: 1) профильный видъ разрытаго генераломъ Вандервейде кургана, 2) разрѣзъ и видъ раскопки на восточной сторонѣ кургана, 3) изображеніе браслета изъ массивнаго чистаго золота, украшеннаго рубинами и представляющаго въ видѣ спирали змѣиное туловище, съ обоихъ концовъ имѣющее двѣ змѣиныя головы, и 4) изображеніе одной изъ змѣиныхъ головъ, для того, чтобы показать гравированные орнаменты, которыми она украшена. [Въ 4-мъ изд. этой гравюры нѣтъ. *Ред.*].— Нейманнъ (Die Hellenen im Scythenlande. I, стр. 562) предполагаетъ, что это—тотъ самый курганъ, который описанъ Палласомъ (II. 303, 304). Извѣстный антикварій графъ Потоцкій посѣтилъ этотъ курганъ до Кларке и написалъ свое имя на сводѣ (Clarke, Travels. I, стр. 397, примѣчаніе).

находившейся въ курганѣ [1]). Мѣстные жители имѣютъ обычай, при бѣдности страны въ натуральномъ строительномъ камнѣ, вскорѣ послѣ открытія каменныхъ гробницъ изъ насыпей брать камень для своихъ построекъ, на что даже иногда испрашиваютъ согласіе лицъ, завѣдывающихъ раскопками. Раскопки произведены были въ самомъ большомъ курганѣ, находящемся въ окрестностяхъ станціи Сѣнной (которой имя Кларке пишетъ Sienna), и генералъ употребилъ для этой работы гарнизонныхъ солдатъ. Курганъ имѣлъ видъ горы. Солдаты начали работы съ вершины кургана и долгое время работали безуспѣшно. Вотъ отчего вершина кургана на рисункѣ Кларке имѣетъ, повидимому, впадину, которая до этой раскопки, вѣроятно, не существовала. Наконецъ, измѣнивъ направленіе раскопокъ и сдѣлавъ пріемъ на восточной сторонѣ, работавшіе открыли входъ къ обширному своду (arched vault) превосходной кладки. Кларке спускался въ эту замѣчательную гробницу. Ея устье было на половину завалено землею, но за входнымъ отверстіемъ было достаточно пространства, чтобы стоять прямо. Далѣе во-внутрь весь полъ былъ не заваленъ землею, и внутренняя постройка сохранилась въ отличной цѣлости. Матеріалъ ея состоялъ изъ обыкновеннаго въ томъ краю бѣлаго хрупкаго известняка, наполненнаго частичками самыхъ мелкихъ раковинъ [2]). Боковые камни постройки были всѣ четвероуголь-

---

[1]) Князь Сибирскій (Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien. T. I. I-ère partie, стр. CCXXVII) ошибается, что Кларке въ своемъ путешествіи (Travels, etc.) представляетъ изображеніе кургана, разрытаго генераломъ Вандервейде, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ 1810 году (см. рисун. къ стр. 398). Князь Сибирскій взялъ этотъ годъ съ заглавнаго листа вышеупомянутаго изданія путешествія Кларке. Послѣдній посѣтилъ Таманскій полуостровъ въ началѣ іюля 1800 года, и тогда же были сдѣланы рисунки, приложенные къ его путешествію, — слѣдовательно и видъ кургана, раскопаннаго генераломъ Вандервейде. Что рисунокъ сдѣланъ вскорѣ послѣ раскопокъ, доказывается тѣмъ, что на немъ изображенъ каменный сводъ погребальнаго склепа въ курганѣ, камни котораго въ 1800 году еще не были расхищены мѣстными жителями.

[2]) Дюбуа (Voyage autour du Caucase. Paris. 1843. T. V, стр. 77) полагаетъ, что это былъ керченскій раковистый известнякъ. Этотъ камень для всѣхъ построекъ на Таманскомъ полуостровѣ привозится изъ Керчи.

ные, отлично распиленные, и сложены безъ всякаго цемента. Сводъ представлялъ превосходнѣйшую арку, какую только можно себѣ вообразить. Внутренній склепъ отдѣлялся отъ наружнаго двумя пилястрами, сильно утолщенными къ низу. Они стояли при входѣ, на каждой сторонѣ по одному. Внутренняя камера была пространнѣе входной. Непосредственно надъ сводомъ лежалъ слой земли, а надъ нимъ слой камки [1]), толщиною въ два дюйма, сжатый новымъ слоемъ земли, на немъ положеннымъ. Слой камки былъ бѣлъ, какъ снѣгъ; камка, взятая въ руки, распадалась въ прахъ. Очень трудно рѣшить, въ чемъ состояла польза этой травяной обкладки, но она встрѣчается во всѣхъ гробницахъ этой страны, впрочемъ при совершенно иныхъ обстоятельствахъ.

Уже Кларке не могъ собрать точныхъ свѣдѣній о вещахъ, открытыхъ въ этомъ курганѣ. Въ Тамани генералъ Вандервейде показывалъ ему одинъ предметъ, который могъ дать понятіе о званіи или санѣ погребеннаго въ немъ лица, — прибавимъ, и богатствѣ этой гробницы. Это поножа или поручень изъ чистаго массивнаго золота, сохраненный генераломъ для отсылки въ Петербургъ, въ Императорскій Кабинетъ [2]). Онъ изображалъ змѣю, согнутую въ кольцо и имѣвшую на каждой оконечности по головѣ. Эти головы, сходясь съ противоположныхъ сторонъ, оставляли въ промежуткѣ отверстіе для продѣванія руки или ноги. Онѣ были украшены рубинами, въ подобіе глазамъ этого животнаго, и сверхъ того, задняя часть каждой головы была осыпана двумя рядами этихъ камней (по четыре въ рядъ, итого всего восемь). Остальная часть браслета была украшена грубою рѣзьбою. Онъ собственно не былъ эластиченъ, но, вслѣдствіе гибкости чистаго золота, его, съ небольшимъ усиліемъ, можно было надѣть на руку или на ногу. По замѣчанію Дюбуа (V, стр. 77), браслетъ этотъ

---

[1]) Морская трава, по Палласу Zostera marina.

[2]) Вѣсъ браслета равнялся $^3/_4$ англ. фунта; самый большой діаметръ 3 дюйма, самый меньшій—2.

не отличается отъ тѣхъ, которые открыты были въ курганахъ Пантикапеи.

Солдаты, производившіе эту раскопку, покрали все, что сочли цѣннымъ, и успѣли скрыть; а уничтожили напротивъ то, что не казалось достойнымъ сохраненія. Въ числѣ послѣдняго рода вещей было нѣсколько черныхъ глиняныхъ вазъ, украшенныхъ орнаментами. По словамъ Кларке, мѣстные жители ему разсказывали, что немногія изъ этихъ вазъ были отосланы въ Москву, гдѣ, вѣроятно, исчезли безъ слѣда.

Архитектурныя формы внутренней постройки, и именно форма свода, побудили Дюбуа (V, стр. 78) предположить, что гробницу должно отнести къ эпохѣ довольно поздней, и именно—послѣ завоеванія этой страны Римлянами.

3.

Открытіе памятника царицы Комосаріи.

Началу настоящаго столѣтія принадлежитъ одно изъ важнѣйшихъ открытій для религіозной исторіи Воспора Киммерійскаго. Именно, въ 1804 году академикъ Г. К. Э. Кёлеръ, во время пребыванія своего на Таманскомъ полуостровѣ, на возвышенномъ берегу Темрюкскаго озера (Ахтанизовскій лиманъ), на оконечности небольшаго мыса, по имени Андри-Атамъ [1]), открылъ двѣ статуи и принадлежащій къ нимъ пьедесталъ изъ песчаника (шириною 2 арш. 2 верш., выс. 11 вершк.) [2]). На пьедесталѣ находилась надпись, говорящая, что

---

[1]) Во времена Дюбуа (V, стр. 59) этотъ мысъ носилъ названіе Рахмановскаго.

[2]) См. біографію Кёлера, написанную Моргенштерномъ въ Recueil des actes de l'Acad. des sciences de S.-Pétersbourg. 1838 г. стр. 83—81. Годъ открытія памятника не точно показанъ въ сочиненіи А. Ашика: Воспорское Царство. Одесса. 1848. Ч. I, стр. 51. Памятникъ не могъ быть найденъ въ 1805 году; правда, въ этомъ году Кёлеръ издалъ свое разсужденіе объ открытомъ имъ памятникѣ, но самый памятникъ открытъ былъ въ 1804 году, во время путешествія Кёлера по южной Россіи.

статуи были воздвигнуты Комосаріею, дочерью Горгиппа и супругою Боспорскаго царя Перисада, могущественнымъ божествамъ Санергу и Астарѣ. Кёлеръ разсказываетъ слѣдующія подробности о томъ положеніи, въ которомъ онъ открылъ этотъ памятникъ. Одна статуя съ пьедесталомъ была найдена имъ на берегу лимана, другая въ самомъ лиманѣ, но, вѣроятно, возлѣ самаго берега, потому что Кёлеръ видѣлъ ее. Была ли она вытащена изъ воды—намъ неизвѣстно. По предположенію Кёлера, памятникъ первоначально стоялъ на высокой горѣ, подошву которой омываетъ озеро. «Но какъ, говоритъ онъ, на Таманскомъ полуостровѣ нѣтъ такихъ цѣпей каменныхъ горъ, которыя защищали бы берега, и какъ вообще эти берега состоятъ изъ земли, то, мало по малу, подмываемые водою, они низвергаются въ море или въ озеро. Возвышенный берегъ Темрюкскаго лимана, подмытый волнами, также обрушился; а съ тѣмъ вмѣстѣ упалъ и памятникъ Комосаріи». Паденіе памятника, по предположенію Кёлера, случилось около конца прошлаго столѣтія, незадолго до завоеванія Таманскаго полуострова Россіею; вотъ почему одна статуя съ пьедесталомъ найдена на берегу лимана, а другая въ самомъ лиманѣ. «Если бы, продолжаетъ Кёлеръ, онѣ упали прежде обозначаемой мною эпохи, то конечно первая статуя, вмѣстѣ съ пьедесталомъ, была бы засыпана землею послѣдовательно обвалившагося материка, и другая статуя такъ погрузилась бы въ воду, что совершенно была бы невидима для глазъ, даже при самомъ низкомъ стояніи воды. Если бы разрушеніе случилось послѣ завоеваній Суворова, то, безъ сомнѣнія, существованіе памятника Комосаріи не было бы безъизвѣстно: его перенесли бы на мѣсто болѣе посѣщаемое, и честь открытія столь драгоцѣннаго памятника для исторіи царей Боспорскихъ не была бы предоставлена мнѣ».

Къ сожалѣнію, ученый антикварій, исключительно занятый надписями и монетами, обратилъ слишкомъ мало вниманія на обѣ статуи, хотя ему мы обязаны извѣстіемъ объ нихъ. Уже при открытіи, статуи были лишены головъ. Кёлеръ предпола-

гаетъ, что Татары, послѣдніе обладатели этой страны, отбили ихъ еще задолго до обрушенія горы. Судя по рисунку, мужская статуя уже во времена Кёлера находилась въ гораздо болѣе испорченномъ видѣ, чѣмъ женская: кромѣ головы, она лишена была рукъ и ногъ. Торсъ изображаетъ мужскую фигуру, облеченную въ длинный хитонъ, котораго одинъ конецъ переброшенъ черезъ лѣвое плечо. Женская фигура (размѣры обѣихъ намъ остались неизвѣстны) одѣта въ длинный хитонъ, подъ грудью перевязанный широкимъ поясомъ. Хитонъ падаетъ до земли, но оконечность лѣвой ноги, обутой въ башмакъ, выступаетъ изъ-подъ одежды. Мужская статуя пропала безъ вѣсти; женская перенесена въ неизвѣстное намъ время въ Тамань, гдѣ была поставлена подъ навѣсъ въ церкви, до недавняго времени служившій пріютомъ для столькихъ мѣстныхъ памятниковъ древности. Тамъ видѣлъ ее Дюбуа (V, 62), путешествовавшій на Таманскомъ полуостровѣ въ 1832 и 1834 г.г., рядомъ съ пьедесталомъ, на которомъ были сдѣланы выемки для утвержденія статуи, и изобразилъ ее въ атласѣ къ своему сочиненію [1]). Уже черезъ десятокъ лѣтъ, въ 1848 году, Ашикъ [2]) не зналъ, гдѣ она находится. Дюбуа ничего не могъ узнать о судьбѣ, постигшей мужскую статую, и предполагалъ, что она осталась погруженною въ водахъ Ахтанизовскаго лимана. Едва ли это возможно, потому что въ такомъ случаѣ Кёлеръ не могъ бы сохранить намъ ея изображенія. Пьедесталъ памятника Комосаріи, долгое время хранившійся въ Керченскомъ музеѣ [3]), нынѣ находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Дюбуа (V, стр. 59) находитъ, что драпировка женской статуи отличается изяществомъ, работа статуи превосходна и напоминаетъ рѣзецъ лучшихъ вѣковъ Греціи. Похвалы эти кажутся намъ преувеличенными. Правда, сравнительно, жен-

---

[1]) Atlas, 4-ème série, archéologie, pl. 17, fig. 2.

[2]) В. Ц. I, стр. 51.

[3]) Ашикъ, В. Ц. I. 51. [Inscript. orae sept. Ponti Euxini, ed. *B. Latyschev*, т. II (1890), № 346. *Ред.*].

ская статуя, сколько можно судить по рисунку, лучше мужской, въ которой вообще является несовершенною нижняя половина торса, но она далека, какъ по позѣ и пропорціямъ тѣла, такъ и по драпировкѣ одежды, отъ произведеній греческаго рѣзца, современныхъ Перисаду I. По всей вѣроятности, памятникъ былъ произведеніемъ туземныхъ гречески-воспитанныхъ художниковъ, да и самый матеріалъ, изъ котораго были сдѣланы статуи (песчаникъ по Дюбуа, V, стр. 59), не допускаетъ ни того совершенства въ технической отдѣлкѣ, ни той широты рѣзца, которыя отличаютъ истинно-греческія произведенія ваянія.

4.

Раскопки полковника Парокія. Открытіе надписи Ксеноклида. Надпись города Агриппіи Кесаріи.

Самыя скудныя извѣстія имѣемъ мы о раскопкахъ, произведенныхъ на Таманскомъ полуостровѣ въ 1817 году полковникомъ Парокія. Ашикъ въ сочиненіи своемъ «Воспорское Царство» нѣсколько разъ (II, стр. 15, 16, 27) упоминаетъ объ его раскопкахъ въ насыпяхъ, окружающихъ городъ Тамань, но не сообщаетъ никакихъ подробныхъ о томъ свѣдѣній. Только въ одномъ мѣстѣ (стр. 16) онъ прибавляетъ, что въ одномъ изъ кургановъ, въ означенномъ выше году, «полковникъ Парокія нашелъ значительныя древности, особенно золотыя». То же сообщаетъ, вѣроятно, по слухамъ, и Д. В. Карейша (Зап. Од. Об. Ист. и Др. I, стр. 618). Какого рода были эти древности и какая была ихъ судьба — намъ совершенно неизвѣстно.

Къ слѣдующему или послѣдующему году относится открытіе весьма важной надписи Ксеноклида, находящейся въ связи съ надписью Кассаліи, открытой въ 1852 году близъ станціи Сѣнной. О времени и обстоятельствахъ открытія этой надписи

Ашикъ (В. Ц. I, стр. 52) передаетъ разсказъ, отступающій отъ разсказа Дюбуа (V, p. 58), говоря, что не знаетъ, откуда французскій путешественникъ «почерпнулъ свѣдѣніе», что въ 1818 году сильное изверженіе грязнаго вулкана выбросило вмѣстѣ съ огромными кусками строеваго камня и камень съ означенною надписью. Старѣйшее извѣстіе объ этомъ открытіи находится въ сочиненіи академика П. Кёппена: Altcrthümer am Nordgestade des Pontus. Wien. 1823, p. 48, изъ котораго и заимствовалъ свое показаніе Дюбуа. Объ открытіи надписи Ксеноклида Кёппенъ, по своимъ путевымъ замѣткамъ, разсказываетъ слѣдующее. Во время пребыванія своего въ 1819 году въ Екатеринодарѣ, Кёппенъ узналъ, что за годъ передъ тѣмъ возлѣ Акъ-денгисскаго (Ахтанизовскаго) лимана было открыто нѣсколько камней съ надписями, которыя, вѣроятно, сохранялись еще въ близъ лежащей церкви, или возлѣ нея. Слѣдуя этому указанію, онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ тѣ камни на дорогѣ изъ Темрюка въ Тамань, въ деревнѣ Акденгисовкѣ (Ахтанизовкѣ), и узналъ тамъ слѣдующее. Въ 1818 году, въ страстную пятницу, а по другимъ — нѣсколько дней ранѣе, около полудня, одинъ изъ холмовъ, лежащій на самомъ берегу Акденгисскаго лимана, на которомъ до тѣхъ поръ никогда не замѣчали ни малѣйшей перемѣны, вдругъ превратился въ грязный вулканъ, высоко извергавшій грязь. Изверженіе продолжалось около получаса, и когда все окончилось, то на вершинѣ обнаружилась разсѣлина, шириною около двухъ футовъ, въ которой виднѣлись камни. Жители этой мѣстности, охотно употребляющіе каменныя гробницы въ курганахъ какъ матеріалъ для своихъ построекъ, очень обрадовались этой находкѣ, потому что въ то время требовался камень для постройки новой церкви во имя Бориса и Глѣба въ ихъ деревнѣ Акденгисовкѣ. Тогда двое крестьянъ, Денисъ Коваль и Андрей Лоянь, отправились на мѣсто, изслѣдовали его и дѣйствительно нашли фундаментъ, который лежалъ почти на сажень ниже поверхности земли. Говорятъ, что длина и ширина каждой стѣны,

окружавшей срединное пространство, составляли около 66 англ. футовъ. Въ числѣ вынутыхъ камней, на противоположныхъ концахъ стѣнъ, найдены были два камня съ надписями, которые, по единогласному увѣренію открывателей, надписями были обращены внизъ, — доказательство, что эти старинные камни употреблены были на этомъ мѣстѣ для зданія новѣйшаго времени. Одинъ изъ нихъ раздѣлился по срединѣ, что, по мнѣнію жителей, произошло во время изверженія. Это былъ камень, прежде всѣхъ вынутый изъ земли. По просьбѣ священника о. Тимоѳея, онъ перенесенъ былъ въ часовню. Другая, неповрежденная, часть надписи найдена была на противоположномъ, южномъ углу окружной стѣны только на слѣдующей Святой недѣлѣ и была поставлена возлѣ первой. Надпись, начертанная на трехъ камняхъ, находилась въ 1819 году въ церкви Акденгисовки, гдѣ Кёппенъ снялъ съ нея точную копію [1]).

Ашикъ, напротивъ, разсказываетъ обстоятельства открытія этой надписи слѣдующимъ образомъ (В. Ц. I, стр. 52). На берегу Ахтанизовскаго лимана, въ двухъ верстахъ отъ станціи Пересыпь и въ полутора верстахъ отъ селенія Ахтанизовки на югъ, находится холмъ, совершенно похожій на искусственный курганъ. Въ 1819 году, во время землетрясенія, часть холма упала въ лиманъ. Жители замѣтили подъ холмомъ камни, стали добывать ихъ и употреблять для построекъ Ахтанизовской церкви. Продолжая раскопку, они нашли фундаментъ древняго строенія и два камня известковаго свойства, на которыхъ начертана означенная надпись, доказывающая, что эти развалины принадлежали храму Діаны. Ашикъ приложилъ къ своему сочиненію глазомѣрный планъ этого храма (рис. X). Пишущій эти строки посѣтилъ эту мѣстность въ 1859 году, но не нашелъ здѣсь слѣдовъ каменной постройки, о которой говорятъ Кёппенъ и Ашикъ: всѣ камни ея пошли на построеніе Ахтанизовской церкви, но вслѣдствіе добыванія

[1]) [См. Inscr. o. s. P. Eux. II, № 344. *Ред.*].

камня оставались рвы, сохранявшіе первоначальное начертаніе фундамента храма. Относительно обстоятельствъ и времени нахожденія надписи показаніе Кёппена заслуживаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ слова Ашика, потому что Кёппенъ былъ на мѣстѣ открытія лѣтъ двадцать ранѣе русскаго писателя и изъ устъ самихъ открывателей, которыхъ онъ называетъ по именамъ, записанъ имъ весь разсказъ. Память объ изверженіи во времена Кёппена была гораздо живѣе, чѣмъ во времена Ашика. Это изверженіе сопровождалось легкимъ сотрясеніемъ земли, обнаружившимъ часть стѣны неизвѣстнаго зданія. О землетрясеніи, бывшемъ безъ изверженія въ означенной мѣстности, не упоминаетъ ни одинъ писатель. Наконецъ ясно, что оба писателя говорятъ о стѣнахъ одного зданія, только вѣроятно, что во времена Кёппена не все зданіе еще было открыто, иначе онъ обратилъ бы на него вниманіе. Что касается до назначенія этого зданія, то Кёппенъ, основываясь на увѣреніяхъ казаковъ, говорившихъ, что камни были надписью обращены внизъ, полагалъ, что зданіе принадлежало гораздо болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ времена Перисада; иначе надпись, не раздѣленная на двѣ части, находилась бы на своемъ первоначальномъ, одномъ мѣстѣ, и была бы обращена лицемъ къ зрителю. Итакъ, время построенія и назначеніе открытыхъ стѣнъ останется навсегда загадкою, вслѣдствіе исчезновенія развалинъ. Но весьма вѣроятно, что изъ античныхъ матеріаловъ здѣсь сооружено было новое зданіе на мѣстѣ, гдѣ Ксеноклидъ соорудилъ храмъ Артемидѣ-охотницѣ. Стѣна, находящаяся при входѣ на акрополь Аѳинскій и открытая профессоромъ Бёлэ, сложена также изъ древнихъ камней съ надписями, которыя обращены внизъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько.

Въ 1829 году, близъ города Тамани, была открыта на мраморной доскѣ надпись города Агриппіи Кесаріи, помѣщенная у Бёка, № 2126 *b.* и у Ашика, В. Ц. I. стр. 116, № 44 [1]).

[1]) [Inscr. o. s. P. Eux. II, № 363. *Ред.*].

5.

Правительственныя раскопки. Первыя раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика.

Рядъ раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ, производимыхъ на иждивеніе правительства, подъ наблюденіемъ лицъ, имъ назначаемыхъ, начинается съ 1836 года. Съ этого времени до конца сороковыхъ годовъ этими раскопками завѣдывали два лица: покойный директоръ Керченскаго музея древностей А. Б. Ашикъ и чиновникъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ вѣдомствѣ котораго находились археологическія изслѣдованія въ Россіи и Керченскій музей древностей, Д. В. Карейша. Эти лица смотрѣли на розысканія, производимыя ими на Таманскомъ полуостровѣ, какъ на случайныя и второстепенныя. Главная ихъ дѣятельность была сосредоточена въ Керчи: къ богатымъ открытіямъ, производимымъ ими въ области древней Пантикапеи, едва ли, по ихъ мнѣнію, могли какое-либо важное сокровище прибавить Таманскія раскопки. Почти постоянныя неудачи, сопровождавшія ихъ изслѣдованія на Таманскомъ полуостровѣ, породили въ нихъ эту мысль; отъ нихъ она перешла въ общее мнѣніе и въ литературу. Безуспѣшность этихъ раскопокъ объясняется отчасти небрежностью, съ которою онѣ производились означенными лицами. Этотъ фактъ извѣстенъ намъ не только изъ разсказовъ мѣстныхъ жителей, присутствовавшихъ при этихъ раскопкахъ, но и изъ разсказовъ рабочихъ, находившихся у нихъ въ услуженіи и работавшихъ подъ ихъ вѣдѣніемъ. Ашикъ жилъ постоянно въ Керчи и только по временамъ пріѣзжалъ на самое короткое время на Таманскій полуостровъ, когда тамъ производились работы. Надъ работами наблюдалъ, по его порученію, какой-то молодой грекъ, нѣчто въ родѣ слуги-надсмотрщика (самъ

г. Ашикъ по происхожденію былъ грекъ). Работали спѣшно и небрежно, начинали курганъ и послѣ первой неудачи оставляли его не изслѣдованнымъ вполнѣ; часто не доходили до материка и употребляли самыя экспедитивныя средства, чтобы скорѣйшимъ и дешевымъ образомъ достичь до гробницы. Раскопками руководила одна жажда къ золотымъ вещамъ. Близъ станціи Сѣнной намъ показывали курганъ нетронутый, въ которомъ искатели, предполагая присутствіе построенной изъ камня гробницы, повидимому не расхищенной, чтобы скорѣе и дешевѣйшимъ образомъ найти входъ въ нее, начали раскопку кургана сверху. Но каменный сводъ не выдержалъ натиска рабочихъ силъ и рухнулъ внутрь гробницы: деревянный саркофагъ съ позолотою, металлическія вазы, золотыя вещи — все было раздавлено и разбито въ куски. Ашикъ, проѣздомъ, быстро осматривалъ раскопки и снова удалялся. Иногда найденные предметы направляли свой путь въ заграничные музеи. О дѣйствіяхъ г. Карейши разсказы еще безотраднѣе. Этотъ первый періодъ правительственныхъ раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ есть, въ то же время, періодъ почти совершеннаго отсутствія правильныхъ журналовъ и отчетовъ въ раскопкахъ. Изъ долгаго періода служебной дѣятельности г. Ашика въ дѣлахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ [1]) сохранился только одинъ отчетъ объ его раскопкахъ на Таманскомъ полуостровѣ, перепечатанный имъ же въ его сочиненіи «Воспорское Царство» (часть II, стр. 11—27) [2]). Отчеты г. Карейши, весьма краткіе, напечатаны въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей и въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ [3]).

---

[1]) Всѣ дѣла по археологическимъ раскопкамъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ перешли въ Архивъ Императорской Археологической Коммиссіи.

[2]) Подлинники хранятся въ Архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи.

[3]) Подлинники послѣднихъ хранятся также въ Архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи.

Первыя попытки раскопки кургановъ на Таманскомъ полуостровѣ А. Б. Ашикъ [1]) произвелъ въ 1836 году (В. Ц. II, стр. 12). «Но, говоритъ онъ, трудность найти въ Черноморіи рабочихъ, отдаленность кургановъ отъ мѣстъ доставки жизненныхъ и другихъ припасовъ служитъ постоянно препятствіемъ къ археологическимъ поискамъ; при томъ же всѣ эти условія увеличиваютъ количество расходовъ на производство работъ». Какіе были результаты и въ чемъ состояли «первыя попытки раскопки кургановъ» на Таманскомъ полуостровѣ г. Ашика, осталось неизвѣстнымъ. Въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи хранится «дѣло канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 2 отдѣленія, по 2-му столу, за № 73 (30)». Въ этомъ дѣлѣ, на листѣ 1-мъ, есть отношеніе Министра Императорскаго Двора (князя Волконскаго) къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ отъ 19 Апрѣля 1838 года, за № 1640, слѣдующаго содержанія: «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: въ курганахъ полуострова Тамани производить археологическія розысканія, возложивъ сіе на правителя канцеляріи Керчь-Еникольскаго градоначальника коллежскаго ассе-

---

[1]) Въ Одесское Общество исторіи и древностей, основанное въ 1839 году, дѣйствительный членъ его А. Б. Ашикъ доставилъ, до изданія перваго тома Записокъ Общества, вышедшаго въ 1844 году, «Отчетъ объ археологическихъ розысканіяхъ, произведенныхъ въ 1828, 29, 34, 37, 40 и 41 годахъ въ Киммерійскомъ Воспорѣ». Въ этой рукописи 2-я глава содержитъ «Изслѣдованіе о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній на Таманскомъ полуостровѣ»; 7-я и 8-я «Объ открытіи древностей въ 1828 и 1829 годахъ» и 10, 11 и 12-я «Объ открытіи древностей въ 1837, 1840 и 1841 годахъ». См. Зап. Од. Общ. ист. и древн. I, стр. 609, примѣчаніе. По обширности сочиненія, Общество не могло помѣстить его въ первый томъ, а предполагало воспользоваться при будущихъ изданіяхъ. Въ дальнѣйшихъ томахъ Записокъ Общества оно не напечатано. Предполагая, что въ немъ могутъ находиться свѣдѣнія о первыхъ раскопкахъ А. Б. Ашика на Таманскомъ полуостровѣ, я обращался письменно къ секретарю Общества Н. Н. Мурзакевичу съ просьбою сообщить мнѣ на время эту рукопись для моего труда. Почтенный Н. Н. Мурзакевичъ, занимающій эту должность со времени учрежденія Общества, отвѣчалъ мнѣ, что рукописи А. Б. Ашика нѣтъ въ Обществѣ. [Въ мартѣ 1875 г. Н. Н. Мурзакевичъ былъ избранъ въ вице-президенты Общества и занималъ эту должность до своей кончины, послѣдовавшей 15 октября 1883 г. *Ред.*].

сора Карейшу, подъ главнымъ распоряженіемъ градоначальника, съ тѣмъ, чтобы о находимыхъ тамъ вещахъ онъ увѣдомлялъ меня для доклада Его Величеству». Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ никакихъ дальнѣйшихъ бумагъ, кромѣ вышеозначеннаго отношенія, не находится, то мы не знаемъ, приведено ли было Высочайшее повелѣніе г. Карейшею въ исполненіе въ 1838 году, тѣмъ болѣе что и печатныхъ извѣстій о раскопкахъ въ этомъ году мы не имѣемъ. Въ 1840 году г. Ашикъ «возобновлялъ работы въ Тамани» (В. Ц. ч. II, стр. 12), но и объ этихъ работахъ онъ не сообщаетъ въ своемъ отчетѣ никакихъ объяснительныхъ подробностей. Первыя извѣстія о раскопкахъ г. Карейши относятся къ работамъ, произведеннымъ имъ въ 1839 году, въ которомъ онъ слегка началъ огромную насыпь, окончательно раскопанную имъ въ 1842 — 43 годахъ. Затѣмъ онъ продолжалъ свои работы, по увѣренію г. Ашика (В. Ц. II, стр. 12), въ 1841 году, въ которомъ г. Карейша раскопалъ нѣсколько кургановъ близъ станціи Сѣнной. Повидимому, въ этомъ 1841 году и г. Ашикъ производилъ также раскопки на Таманскомъ полуостровѣ, потому что, упоминая о вышеназванныхъ работахъ г. Карейши, онъ прибавляетъ (II, стр. 12): «какъ мои, такъ и его работы ограничились открытіемъ нѣсколькихъ каменныхъ гробницъ, расхищенныхъ уже людьми, искавшими вещественной корысти; — нѣсколькихъ гробницъ, вырытыхъ въ землѣ, и находкою обломковъ разбитыхъ расписныхъ вазъ» [1]). Дальнѣйшихъ и болѣе подробныхъ извѣстій о раскопкахъ гг. Карейши или Ашика въ 1841 году мы не имѣемъ. Въ томъ же году г. Ашикъ тщательно обозрѣлъ Таманскій

---

[1]) Впрочемъ, сообщеніе Ашика о раскопкахъ г. Карейши, произведенныхъ будто въ 1841 году, есть, по всей вѣроятности, ошибка, потому что Ашикъ (тамъ же) прибавляетъ: «г. Карейша, сверхъ того, нашелъ кости слоновъ и три глиняныя статуи, изображающія Геркулеса и двухъ конныхъ Скиѳовъ». Это открытіе было сдѣлано г. Карейшею въ концѣ 1842 или въ началѣ 1843 года. (См. Зап. Од. Общ. ист. и древн. I, 619).

полуостровъ и составилъ оному карту, повѣривъ и исправивъ ее съ прежде изданными картами (В. Ц. II, стр. 12). Вѣроятно, она-то и приложена къ его сочиненію «Воспорское Царство».

6.

Раскопки Д. В. Карейши въ 1842 и 1843 годахъ.

Въ концѣ 1842 года Д. В. Карейша началъ производить свои работы первоначально въ окрестностяхъ Тамани. Онъ началъ поиски въ небольшомъ курганѣ на берегу моря, вблизи крѣпости Фанагоріи, потомъ перешелъ къ другому кургану, возлѣ предмѣстья Давыдовки, на югъ за Таманью, и, наконецъ, отъ этого мѣста перенесъ работы на востокъ. Всѣ эти розысканія были безуспѣшны: двѣ каменныя гробницы въ послѣдней мѣстности были уже расхищены. Въ большомъ курганѣ, насыпанномъ песчаной землей, найдена была жженая гробница, въ которой, въ сторонѣ за пепломъ и человѣческими костями, лежали кости лошади, и подлѣ — желѣзныя проржавѣвшія удила, да нѣсколько мѣдныхъ вещицъ, служившихъ вѣроятно украшеніемъ сбруѣ. Затѣмъ былъ раскопанъ небольшой смежный курганъ, въ которомъ найдено шесть кусочковъ отъ разбитой вазы. По близости къ горному возвышенію стоявшіе два порядочные кургана были тоже подвергнуты раскопкѣ: въ одномъ была найдена каменная разбитая прежде гробница; работы въ другомъ курганѣ, равно какъ и въ третьемъ маломъ, лежащемъ у подошвы возвышенія, не были приведены къ концу. Такимъ образомъ въ 1842 году Д. В. Карейшею изслѣдовано было 9 кургановъ, лежащихъ близъ города Тамани, отчасти вполнѣ, но безъ всякаго результата.

Эти неудачи заставили Д. В. Карейшу перенести розысканія къ Сѣнной станціи. Поиски начались съ огромной на-

сыпи, слегка имъ начатой въ 1839 году. Разсѣкая ее къ центру и углубившись на 4 сажени, онъ нашелъ надгробный камень, столь избитый, что съ трудомъ можно было разобрать на немъ изображеніе двухъ высѣченныхъ фигуръ. Затѣмъ, подвинувшись впередъ, найдена была мина, сдѣланная по направленію къ кургану и отчасти обвалившаяся. Предполагая вслѣдствіе того, что гробница этого кургана расхищена, Д. В. Карейша обратился къ другимъ насыпямъ. Въ одной изъ нихъ найдена была земляная гробница, въ которой у ногъ покойника лежали три глиняныя статуэтки: Геркулеса, въ кожѣ немейскаго льва, съ палицей, и двухъ конныхъ Скиѳовъ, въ башлыкахъ, подобныхъ употребляемымъ и теперь черкесами.

Въ другой небольшой насыпи, по совершенномъ ея разрытіи, найдена большая жженая земляная гробница, и въ ней между углями и костями два разбитые глиняные сосуда или вазы: одна, тонкой работы, съ превосходнымъ рисункомъ, покрытымъ позолотой и разными красками; другая особенной формы, не встрѣчавшейся прежде при розысканіяхъ на югѣ Россіи. Это — ὀξύβαφον, подъ закраиною коего, на черномъ полѣ, представленъ широкій лавровый вѣнокъ, а подъ нимъ съ одной стороны изображены три греческія фигуры въ мантіяхъ, съ разными жертвенными орудіями въ рукахъ, а съ другой — домашняя сцена, изъ нѣсколькихъ лицъ, возлежащихъ на пиру, на широкомъ ложѣ. Эту вазу, имѣющую три ушка, легко реставрировать.

Въ третьемъ курганѣ, ближе къ морю, оказалась жженая гробница съ костями и разбитымъ, простымъ глинянымъ сосудомъ. Въ четвертомъ и пятомъ курганахъ, въ сторонѣ хутора Герасимова, найдены двѣ жженыя гробницы: одна — разоренная; въ другой, кромѣ костей, углей и простой разбитой вазы, ничего болѣе не отыскано. Въ шестомъ и седьмомъ, по достиженіи до центра ихъ и вынутіи достаточнаго количества земли, оказались кости покойниковъ, расположенныя по материку, и слоновъ. По желанію, весьма свойственному

археологамъ, пріурочить каждую находку къ какому-либо извѣстному историческому факту, Д. В. Карейша предполагалъ, что эти кости, быть можетъ, слоновъ — изъ числа бывшихъ въ Римской арміи, которая шла къ Пантикапеѣ противъ Митридата Великаго. Кромѣ того, начаты были еще три кургана, замѣчательные своею формою и величиною, но ихъ нельзя было окончить, по случаю израсходованія денегъ, отпущенныхъ для розысканій въ Черноморьѣ. Впрочемъ, Д. В. Карейша оканчиваетъ отчетъ выраженіемъ надежды довершить начатое со временемъ [1]). Такимъ образомъ въ окрестностяхъ станціи Сѣнной Д. В. Карейша, съ перемѣннымъ счастьемъ, производилъ раскопки въ 8 курганахъ; три же кургана были имъ начаты, но, повидимому, далеко не доведены до окончанія. Это послѣднее обстоятельство весьма вредно дѣйствуетъ на послѣдующихъ изслѣдователей: находя поверхность кургана изрытою и не сохраняющею своего первоначальнаго вида, они предполагаютъ, что курганъ давно уже расхищенъ или изслѣдованъ, — и оставляютъ его въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что въ подобнаго рода отчетахъ вовсе не указано и не описано подробно мѣстное положеніе кургана.

Таковы были результаты раскопокъ Д. В. Карейши на Таманскомъ полуостровѣ въ концѣ 1842 и началѣ 1843 года. Продолжалъ ли онъ свои занятія тамъ во второй половинѣ 1843 года и въ 1844 году—намъ неизвѣстно. Судя по отношенію Кабинета Его Величества, отъ 5 августа 1846 года за № 3897, въ Департаментъ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ [2]), должно предполагать, что въ вышеозначенное время раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ не производилось. Въ вышеозначенномъ отношеніи исчисляются суммы, отпущенныя изъ Кабинета Его Величества Д. В. Карейшѣ,

---

[1]) Записки Од. Общ. ист. и др. I, стр. 609—620.
[2]) Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1 отдѣленія, по 3 столу, дѣло подъ № 100 (2855), листъ 1.

слѣдующимъ образомъ: «10 іюня 1841 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе отпускать на розысканія надворному совѣтнику Карейшѣ изъ Кабинета ежегодно 1700 р. сер., каковая сумма ассигнована въ его распоряженіе въ 1842 и 1845 годахъ. При представленіи Кабинета Его Величества въ февралѣ 1846 года объ отпускѣ таковой же суммы на этотъ годъ, для продолженія археологическихъ розысканій, Управляющій Кабинетомъ, разрѣшивъ отпускъ означенной суммы, приказать изволилъ: справиться, какой успѣхъ имѣютъ розысканія г. Карейши?» Такъ какъ означенная сумма ассигнована была до 1846 г. только дважды, а именно въ 1842 и 1845 годахъ, то должно предположить, что Д. В. Карейша, окончивъ на ассигнованную въ 1842 году сумму работы свои на Таманскомъ полуостровѣ въ январѣ 1843 г., какъ онъ это дѣлалъ и позже, въ теченіе остальнаго времени этого года и въ 1844 г. суммы этой не получалъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Можетъ быть, онъ не входилъ въ началѣ каждаго года съ представленіемъ о выдачѣ ассигнованной суммы, а такъ какъ отъ него не было требованій, то и сумма не высылалась. Въ 1845 году деньги были снова ассигнованы Кабинетомъ и работы производились, но въ Кабинетъ Его Величества не доставлялись никакіе отчеты. Когда въ февралѣ 1846 года, при отпускѣ ассигнованной суммы, наведена была справка объ успѣхѣ розысканій, Д. В. Карейша представилъ Записку о разрытіяхъ, произведенныхъ имъ близъ древней Пантикапеи, Фанагоріи и Херсонеса[1]). Вторая часть этой записки посвящена раскопкамъ, произведеннымъ на Таманскомъ полуостровѣ въ исходѣ 1845 и въ началѣ 1846 годовъ. Этотъ отчетъ, равно какъ и послѣдующій, по желанію тогдашняго Управляющаго Кабинетомъ Его Величества,

---

[1]) Подлинникъ хранится въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи. Департамента Общихъ Дѣлъ Мин. Внутр. Дѣлъ, 1 отдѣленія, по 3 столу, дѣло подъ № 100 (2855). Напечатано въ Журналѣ М. В. Д., часть XVI (годъ 1846), стр. 284—310.

былъ отосланъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ для напечатанія въ журналѣ Министерства. Вотъ всѣ отчеты Д. В. Карейши за означенные годы, существованіе которыхъ намъ извѣстно.

7.

Раскопки Д. В. Карейши въ 1845 и 1846 годахъ.

Въ ноябрѣ 1845 года Д. В. Карейша изъ Керчи переправился черезъ Боспорскій проливъ на Таманскій берегъ и достигъ станицы Титоровки. Въ курганахъ, окружающихъ эту станицу, онъ надѣялся сдѣлать замѣчательныя открытія, потому что возлѣ Титоровки, по общепринятому тогда предположенію Кёлера, Потоцкаго и др., находилась древняя Фанагорія. Поселившись временно въ этомъ мѣстѣ, Д. В. Карейша объѣхалъ всѣ лежащіе близъ Титоровки курганы и, избравъ нѣсколько изъ нихъ, сохранившихъ первобытную коническую форму, началъ производить разрытіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдругъ.

Раскопка перваго кургана [1]), значительной вышины, замѣчательна тѣмъ, что показываетъ, что уже въ древности одинъ и тотъ же курганъ, въ различныхъ слояхъ, служилъ мѣстомъ погребенія для нѣсколькихъ поколѣній. Раскопка этого кургана начата была съ болѣе отлогой стороны, отъ юго-востока, но въ боковыхъ шахтахъ ничего не оказалось. Напротивъ, въ главномъ разрѣзѣ, въ трехъ почти саженяхъ глубины и въ двухъ — разстояніемъ отъ центра обнаружился врѣзъ, пущенный сверху кургана до самаго материка. Курганъ былъ уже насыпанъ до извѣстной высоты, когда для новаго покойника потребовалось въ немъ сдѣлать новую яму или врѣзъ. Схоронивъ покойника, продолжали снова насыпать курганъ. Позднѣйшая гробница оказалась нетронутою, но безъ всякихъ

---

[1]) Мѣстоположеніе кургановъ нигдѣ въ отчетѣ не опредѣлено точнѣе.

вещей. Видя, по напластыванію слоевъ земли и по врѣзу сверху, что эта гробница не главная, для которой насыпанъ былъ курганъ, раскопку продолжали далѣе къ центру. Это предположеніе вскорѣ подтвердилось. На макушкѣ или темени кургана отрытъ былъ сначала полуистлѣвшій пень, углубленный на одинъ аршинъ. Остатокъ ли это былъ тутъ выросшаго дерева, или впущенъ былъ пень въ это мѣсто нарочно — трудно рѣшить, потому что отчетъ не высказываетъ о томъ никакихъ предположеній. Потомъ тамъ же, по вынутіи на аршинъ земли, оказался небольшой деревянный гробъ, въ коемъ близъ головы покойницы найдены двѣ золотыя, дутыя, витыя по концамъ сережки, съ кошачьими красиваго рисунка головками, держащими во рту по испорченной временемъ жемчужинѣ. Невдалекѣ отъ этого гроба была другая и третья деревянныя гробницы — и, хотя остовы лежали въ порядкѣ, но безъ всякихъ вещей. Углубившись еще ниже на $1^1/_2$ сажени отъ поверхности кургана, замѣченъ былъ слой мягкой земли и въ немъ найдена деревянная гробница въ одну сажень длины и одинъ аршинъ ширины. Въ ней у ногъ стоялъ простой изъ глины кувшинъ и бронзовая чашечка. На правой рукѣ скелета находился золотой, грубой работы, перстень съ сердоликомъ. Въ разныхъ мѣстахъ могилы были найдены: четыре золотыя розетки, три бляшки, которыя отчетъ по формѣ сравниваетъ съ эполетомъ, и четыре маленькихъ кружка; нѣсколько мелкихъ, изъ особенной, непрозрачной массы, голубоватыхъ зеренъ монисты, двѣ янтарныя полосатыя вещицы и одинъ халцедоновый шарикъ. Затѣмъ работы были углублены еще далѣе внизъ и, по достиженіи $3^1/_2$ саженъ глубины, въ уровень съ материкомъ, оказалась прикрытая камкою (морская трава) и досками могильная яма, стороны коей были обложены пластомъ камня въ три вершка толщины, покрывавшимъ также и самый деревянный гробъ, въ которомъ, кромѣ костей остова, ничего не оказалось.

Разбирая показанія отчета о раскопкѣ перваго кургана,

мы видимъ, что въ этомъ курганѣ находились три слоя или наслоенія гробницъ: на самомъ материкѣ былъ найденъ гробъ безъ вещей, на три съ половиною сажени выше—другой, съ разными вещами, выше коего еще на $1^1/_3$ сажени найдено было даже три гробницы. Такимъ образомъ курганъ этотъ служилъ гробницею нѣсколькимъ (тремъ) поколѣніямъ, и окончательная форма дана ему была уже тогда, когда на немъ успѣло вырости дерево, потому что надъ найденнымъ пнемъ, который едва ли могъ быть внесенъ на эту высоту преднамѣренно, курганъ возвышался на цѣлый аршинъ. Курганъ насыпанъ былъ, слѣдовательно, надъ фамильнымъ кладбищемъ; но такъ какъ курганъ насыпался въ теченіе цѣлыхъ поколѣній, то едва ли можно предполагать, чтобы гробница, найденная Д. В. Карейшею въ уровень съ материкомъ, была бы именно эта главная гробница кургана. Такъ какъ курганъ возникалъ постепенно, то первоначальная, главная гробница, для которой первоначально курганъ былъ насыпанъ, должна находиться гдѣ либо въ бокахъ кургана. Слѣдовательно, курганъ этотъ еще не окончательно изслѣдованъ.

Раскопка в т о р а г о кургана, не говоря о находкахъ, тѣмъ любопытна, что показываетъ, что и въ этой раскопкѣ главная гробница, находящаяся въ материкѣ, не была найдена. Курганъ имѣлъ въ діаметрѣ основанія до 15 саженъ и разрытъ былъ тоже съ юго-востока. По углубленіи на $1^1/_3$ сажени, почти въ центрѣ, оказался слой камки и подъ нимъ деревянный гробъ. Когда сняты были верхнія истлѣвшія его доски, то у ногъ обнаружился бронзовый сосудъ, въ полъ-аршина діаметра, съ окраинами. Въ серединѣ сосуда былъ найденъ, къ сожалѣнію, раздавленный землею, желѣзный (бронзовый?) шлемъ, и въ немъ простой глиняный, объ одной ручкѣ, кувшинчикъ; возлѣ него другой такой-же, и за нимъ—совершенно истребленная временемъ мѣдная (бронзовая?) вазочка съ ручкой. Тутъ же найдены два довольно большіе (3 вершка въ діаметрѣ) серебряные круга или бляхи, съ рельефнымъ изо-

браженіемъ головы Аполлона въ сіяніи, мѣстами позолоченномъ. Ближе къ ногамъ остова находилось въ разныхъ мѣстахъ шесть маленькихъ и три нѣсколько большей величины бляшекъ, посрединѣ выпуклыхъ (вѣроятно, украшавшихъ одежду покойника), и мѣдный кружокъ. Возлѣ правой руки лежалъ перержавленный кинжалъ и два халцедоновыхъ зерна, а у лѣвой — мечъ, въ пять четвертей длины, и около него халцедоновый шарикъ и стеклянная толстая о двухъ красивыхъ ручкахъ чашка; наконецъ, на груди отыскана золотая, осыпанная вокругъ пятью маленькими камешками, пряжка съ сердоликомъ посрединѣ, на которомъ грубовато вырѣзана парка, прядущая нить жизни. Повыше пряжки, на шеѣ виднѣлось золотое витое кольцо, а въ разныхъ мѣстахъ гробницы — восемь золотыхъ маленькихъ бляшекъ, украшавшихъ одежду покойника. Нѣтъ сомнѣнія, что усопшій былъ богатый воинъ. Такъ какъ до материка оставалось около $1^1/_2$ аршина, то средняя шахта была углублена далѣе, и когда достигли материка, то въ немъ, прямо подъ описаннымъ выше гробомъ, оказалась въ большой ямѣ, обложенной вокругъ на четверть камкой, деревянная дѣтская гробница, въ которой у плеча дитяти найденъ сдѣланный изъ мрамора (?) молотокъ. Другихъ вещей въ этой нерасхищенной гробницѣ не оказалось.

Раскопки въ остальныхъ семи большихъ курганахъ не представляютъ, судя по отчету, большаго интереса. Найденныя въ нихъ вещи: бронзовая урна, чашечки, весьма простыя мonисты, колечки и т. п. принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ. Гробницы, открытыя въ осьмомъ и девятомъ курганѣ, оказались даже татарскими, потому что въ одной изъ нихъ найдена была монетка, больше другихъ удобная къ очисткѣ. По очищеніи ея, она оказалась выбитою однимъ изъ крымскихъ хановъ. Кромѣ того, разрыто было ближе къ Титоровкѣ еще до пяти малыхъ кургановъ, но въ нихъ найдены были только скелеты умершихъ въ деревянныхъ гробахъ. Эта

малая успѣшность побудила Д. В. Карейшу перенесть раскопки въ другую мѣстность. Но раскопки титоровскихъ кургановъ нельзя считать совершенно оконченными. Изъ отчета 1845 года явствуетъ, что въ третьемъ небольшомъ курганѣ раскопки, вѣроятно, были прерваны вслѣдствіе большой твердости земли; въ четвертомъ не найдена главная гробница. Въ пятомъ и шестомъ курганахъ—авторъ говоритъ, что на материкѣ были открыты гробницы безъ вещей; въ осьмомъ и девятомъ — по увѣренію отчета, тоже на материкѣ въ центрѣ кургана—упомянутыя выше татарскія гробницы. Присутствіе татарскихъ могилъ въ центрѣ большихъ кургановъ на материкѣ едва ли вѣроятно. Правда, извѣстно, что татарскія могилы часто встрѣчаются въ верхнихъ частяхъ греческихъ насыпей, но могилы въ материкѣ подъ курганами на Боспорѣ Киммерійскомъ, сколько до сихъ поръ извѣстно, относятся къ болѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ татарская. Чтобы объяснить это странное явленіе, авторъ прибѣгъ къ слѣдующей гипотезѣ. «Должно думать, что кочевавшіе здѣсь въ прежнее время Татары воспользовались готовыми, въ древности еще насыпанными курганами, разрыли ихъ, и на мѣсто лежавшихъ тамъ покойниковъ похоронили своихъ». При глубокомъ уваженіи, которое питаютъ всѣ магометане ко всякаго рода гробницамъ, едва ли можно допустить подобное предположеніе, не говоря о громадномъ трудѣ—раскопать по срединѣ курганъ, имѣющій въ вышину нѣсколько саженъ, вынуть изъ него схороненный тамъ прахъ и снова насыпать столь же высокій курганъ. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что раскопки не были доведены до материка, а коснулись только одной поверхности кургана, гдѣ и были найдены означенныя татарскія гробницы. Въ седьмомъ, до половины обрушившемся въ Ахтанизовскій лиманъ, курганѣ гробница, подмытая водою, по предположенію отчета, сползла въ лиманъ.

Раскопки Д. В. Карейши въ курганахъ близъ станціи Сѣнной были еще незначительнѣе. Онѣ произведены были

только въ трехъ курганахъ. Въ первомъ, невысокомъ, но довольно широкомъ курганѣ, по близости къ морю, изслѣдователь, «къ удивленію, нашелъ въ курганѣ цѣлые ряды амфоръ, положенныхъ бокомъ однѣ на другія», но раздавленныхъ тяжестью земли. Количество ихъ заставило автора отчета предположить, что «здѣсь (въ курганѣ!) была фабрика для выдѣлки амфоръ (!).» Что о подобной системѣ построенія Боспорскихъ кургановъ уже упоминаетъ Палласъ, автору отчета не было извѣстно. Основываясь, вѣроятно, на своемъ предположеніи, онъ не счелъ нужнымъ отыскивать въ курганѣ присутствіе гробницъ. Во второмъ курганѣ, тоже не вдалекѣ отъ моря, была отыскана на материкѣ жженая гробница съ весьма незначительными вещами. Наконецъ, въ третьемъ курганѣ, гдѣ въ 1843 году найдена была вышеупомянутая гробница съ статуэтками конныхъ Скиѳовъ, раскопана была вся средина. По значительномъ углубленіи отысканъ былъ большой склепъ, сложенный изъ штучнаго раковинистаго камня, со сводомъ, устроеннымъ уступами. Склепъ оказался уже расхищеннымъ: грабители проникли въ него со стороны входа, но оставили частицы листиковъ отъ золотаго вѣнка, три глиняныя слезницы и нѣсколько алебастридъ. Этимъ оканчивается отчетъ. Напротивъ А. Б. Ашикъ, въ сочиненіи своемъ «Восп. Ц.» (II, стр. 19), прибавляетъ еще слѣдующее показаніе: «Предъ тѣмъ, какъ работы мои начаты были въ Черноморіи [А. Б. Ашикъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, началъ ихъ въ апрѣлѣ 1846 года], г. Карейша раскопалъ нѣсколько кургановъ на Сѣнной и близъ Титоревки и нашелъ нѣкоторыя незначительныя древнія вещи. При раскопкѣ одного средней величины кургана, на Сѣнной, г. Карейша открылъ на самой вершинѣ насыпи гробницу, вырытую въ землѣ, наполненную углями и золою, въ которой находился золотой перстень и ошейникъ [т. е. обручъ или кольцо, которое носилось на шеѣ] изъ тонкой золотой проволоки, на подобіе открытыхъ въ могилахъ скиѳскихъ и литовскихъ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ г. Карейша не

могъ продолжать розысковъ въ Черноморіи, и работы на курганѣ были пріостановлены при самомъ ихъ началѣ». Объ этой раскопкѣ и объ открытіи, сдѣланномъ въ курганѣ, отчетъ Д. В. Карейши совершенно умалчиваетъ. Можно предположить, что А. Б. Ашикъ смѣшалъ эту находку съ другою, сдѣланною Д. В. Карейшею во второмъ курганѣ близъ Титоровки, гдѣ тоже было найдено витое шейное кольцо, но онъ сообщаетъ подробности, совершенно не схожія съ описаніемъ второго кургана въ отчетѣ Д. В. Карейши. Когда А. Б. Ашикъ прибылъ, въ апрѣлѣ 1846 года, на Сѣнную станцію, открытіе, о которомъ онъ говоритъ, было сдѣлано только нѣсколько (два) мѣсяцевъ тому назадъ. Память о немъ должна была быть свѣжа или у мѣстныхъ жителей или у рабочихъ, нанятыхъ А. Б. Ашикомъ. Кто-нибудь изъ тѣхъ или другихъ указалъ ему тотчасъ на курганъ, въ которомъ сдѣлано было недавно столь замѣчательное въ бѣдной находками Черноморіи открытіе, и это указаніе возродило въ немъ желаніе продолжать раскопку того же самаго кургана. И онъ, въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ работу Д. В. Карейши. Если допустить это предположеніе, то молчаніе отчета должно имѣть особыя причины.

8.

Раскопки А. Б. Ашика въ 1846 году.

Въ томъ же 1846 году, съ 12-го апрѣля по 1-е іюня, по распоряженію Кавказскаго Намѣстника, на Таманскомъ полуостровѣ производилъ археологическія розысканія А. Б. Ашикъ. Раскопки были задуманы въ широкихъ размѣрахъ; къ сожалѣнію, отчетъ о нихъ страдаетъ всѣми уже указанными недостатками [1]). Раскопки производились разомъ на че-

---

[1]) Подлинный отчетъ хранится въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи. Напечатанъ въ его «Восп. Ц.» II, стр. 11—27, и въ «Журналѣ М. В. Д.».

тырехъ пунктахъ: на станціи Сѣнной, по берегу Ахтанизовскаго лимана, къ селенію Титоровкѣ и къ югу отъ Тамани. А. Б. Ашикъ самъ замѣтилъ, что такое распредѣленіе работъ по разнымъ далеко отстоящимъ пунктамъ было неудобно. «Сознаюсь, однако, говоритъ онъ (стр. 19), что я слишкомъ горячо принялся за дѣло. Я долженъ былъ безпрерывно переѣзжать съ одного мѣста на другое для наблюденія за ходомъ работъ, а это чрезмѣрно утомительно въ такомъ краѣ, какъ Черноморье.» Но этого недостаточно: приведенное имъ обстоятельство касается одного производителя работъ. Производство работъ на разныхъ пунктахъ въ одно время не гарантируетъ цѣлость находокъ, если даже опредѣленъ «къ каждой артели надзиратель». Важное открытіе можетъ быть совершенно утаено отъ глазъ производителя, который, находясь въ двадцати верстахъ отъ мѣста открытія, не можетъ давать ни точныхъ указаній для будущихъ работъ, ни даже имѣть полнаго понятія объ исторіи и объемѣ открытія, если оно, по добросовѣстности рабочихъ, ему будетъ объявлено.

На Сѣнной раскопано было болѣе тридцати кургановъ разной величины, но, кромѣ одной гробницы, другихъ цѣлыхъ не попадалось. Въ разрытыхъ же курганахъ найдено болѣе сорока земляныхъ, съ жжеными костями, гробницъ, наполненныхъ углями, золою и кусками сосудовъ. Каменныхъ разломанныхъ гробницъ найдено только три, изъ которыхъ одна съ египетскимъ сводомъ. Въ одной изъ жженыхъ гробницъ, между костями, золою и углями, нашли маленькую мѣдную крышку вазы, мѣдный браслетъ, мѣдную серьгу и серебряную, хорошо сохранившуюся пантикапейскую монету съ изображеніемъ головы Аполлона и на оборотѣ—грифона; внизу колосъ пшеницы и надпись: ПAN. Сверхъ того найденъ былъ небольшой надгробный камень съ изображеніемъ мужской фигуры, завернутой въ мантію; нижняя часть камня, отбитая, въ курганѣ не найдена.

А. Б. Ашикъ раскопалъ совершенно курганъ, въ кото-

ромъ было сдѣлано открытіе, не упомянутое въ отчетѣ Д. В. Карейши, но нашелъ въ немъ только разломанную каменную гробницу. Въ другомъ, смежномъ курганѣ онъ открылъ, на глубинѣ одного аршина, слой раздавленныхъ амфоръ, подъ которымъ встрѣтили другой слой амфоръ и такъ далѣе до самаго материка, гдѣ, какъ должно заключить по золѣ и истлѣвшимъ человѣческимъ костямъ, по словамъ отчета, вырыта была гробница. Къ сожалѣнію, отчетъ не описываетъ подробно эту гробницу, но прибавляетъ только, что весь курганъ составленъ былъ изъ огромныхъ, раздавленныхъ землею амфоръ; двѣ только сохранились въ цѣлости. Авторъ замѣчаетъ, что онъ не встрѣчалъ въ Керчи кургановъ, устроенныхъ подобно этому. Достойно замѣчанія, что онъ не сдѣлалъ предположенія, подобнаго сдѣланному Д. В. Карейшею, а дошелъ до гробницы, находившейся на материкѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ извѣстія о трехъ сложенныхъ изъ амфоръ курганахъ, находящихся на Таманскомъ полуостровѣ.

Самое замѣчательное открытіе было сдѣлано въ третьемъ курганѣ. Здѣсь, послѣ долгихъ усилій, найдена была гробница, устроенная въ материкѣ, на глубинѣ трехъ саженъ отъ вершины кургана, въ центрѣ его. Она сложена была изъ штукъ керченскаго пиленаго камня, длиною въ аршинъ и шириною и толщиною въ двѣнадцать вершковъ. Самая же гробница длиною сажень и 6 вершковъ, шириною аршинъ $4\frac{1}{2}$ вершка и глубиною два аршина. По недостатку въ Черноморьѣ камня, крыша этой гробницы была изъ толстой дубовой доски, которая сгнила и обрушилась вмѣстѣ со всею массою курганной земли, отъ чего бывшій въ гробницѣ деревянный гробъ и прекрасная ваза съ рисунками [1]), стоявшая у головы остова, раздавлены въ дребезги. Изъ собранныхъ кусковъ гроба видно, что онъ былъ токарной работы и украшенъ вызолоченными карнизами. На днѣ гробницы найдено въ разныхъ мѣстахъ

---

[1]) Сюжетъ вазы описанъ тамъ же, стр. 20.

десять поврежденныхъ алебастридъ. По твердости своей и по малости, онѣ не были раздавлены подобно вазѣ. Наконецъ, въ углу гробницы стояла маленькая глиняная лампочка. Въ просѣянной землѣ найденъ былъ большой мѣдный (?) перстень и довольно рѣдкая пантикапейская мѣдная монета, съ изображеніемъ головы Аполлона, увѣнчанной лаврами; на оборотѣ увѣнчанный олень и надпись: ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.

На берегу Ахтанизовскаго лимана раскопано было девять кургановъ; въ каждомъ изъ нихъ оказались слѣды старой раскопки. Въ этихъ насыпяхъ найдены двѣ каменныя гробницы, безъ верхнихъ плитъ, полуразрушенныя, и двѣ цѣлыя земляныя гробницы. Первая изъ нихъ, вырытая почти въ самомъ материкѣ, покрыта была каменною плитою, и въ ней оказались истлѣвшія кости скелета: у головы его стояла маленькая статуэтка, изображающая женскую фигуру, завернутую въ дѣтскую мантію, съ головнымъ уборомъ въ родѣ русскаго повойника; въ лѣвой рукѣ фигуры виноградная кисть, а на подножіи надпись: ΑΜΗΘΑ. У ногъ остова лежала маленькая амфора красивой формы, а возлѣ правой руки — патера, по срединѣ которой выбита надпись: ΕΡΜΑ. Другая гробница была безъ крыши и завалена землею, въ которой нашли маленькую глиняную вазочку, много бусъ изъ зеленой египетской массы (pâte); всѣ бусы съ дырочкою: онѣ нанизывались на проволоку и носились на шеѣ; бусы эти изображаютъ сложенныя руки, фаллусы, виноградныя кисти, лежащихъ египетскихъ львовъ и жуковъ; иныя продолговаты и ребристы. Въ пантикапейскихъ курганахъ тоже находили подобныя бусы. Кромѣ того, въ этой гробницѣ отысканы двѣ золотыя сережки въ видѣ крученаго прута и маленькая золотая подвѣсочка со вставленнымъ гранатикомъ.

Близъ селенія Титоровки начата была раскопка большаго кургана, называемаго жителями «Жидовскимъ», потому что на вершинѣ его былъ нѣкогда погребенъ жидъ. Для разработки этой насыпи было нужно много трудовъ и расходовъ. Въ ней

разрыли до 70 кубическихъ саженъ, но никакихъ признаковъ гробницы не оказалось. Слои земли, повидимому, цѣлы. Авторъ отчета сожалѣлъ, что долженъ былъ прекратить здѣсь свои поиски. Въ недальнемъ разстояніи отъ этой насыпи раскопанъ былъ маленькій курганъ, имѣющій въ центрѣ не болѣе сажени; въ немъ найдена была земляная гробница, въ которой погребена женщина. Въ этой гробницѣ найдено ожерелье изъ сердолика, четыре золотыя бусочки и десять маленькихъ золотыхъ кружечковъ, на которыхъ выбиты звѣздочки: эти кружечки служили украшеніемъ обуви усопшей.

Наконецъ въ самой Тамани, къ югу, по дорогѣ къ Тузлѣ (Южной косѣ), тоже начата была раскопка большаго кургана, въ которомъ оказались признаки склепа, потому что во многихъ мѣстахъ найдены куски пиленаго камня; но и здѣсь также работы были пріостановлены.

9.

Раскопки Д. В. Карейши въ 1846 и 1847 годахъ.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1846 и въ январѣ 1847 годовъ Д. В. Карейша продолжалъ раскопки на Таманскомъ полуостровѣ, начатыя имъ въ январѣ 1846 года. Это были послѣднія раскопки, произведенныя имъ въ этой мѣстности, сколько намъ извѣстно. Представленный имъ отчетъ объ этихъ раскопкахъ составленъ чрезвычайно кратко[1]. Нигдѣ не показано ни точное положеніе кургановъ, ни число найденныхъ въ нихъ гробницъ, ни глубина, на которой найдены были гробницы, — почему и всѣ наши показанія могутъ быть только приблизительныя. Во многихъ курганахъ даже не найдено было ни-

---

[1]) Подлинникъ находится въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутр. Дѣлъ, 1 отдѣленія, по 3 столу, дѣло подъ № 100 (2588), листъ 30. Напечатано также въ «Жур-

какихъ гробницъ и вещей. Все это заставляетъ предполагать, что раскопки были ведены весьма небрежно. Въ началѣ года мы видѣли, что авторъ, оставивъ раскопку кургановъ близъ Титоровки, гдѣ по предположенію Кёлера и др. находилась древняя Фанагорія, перенесъ раскопки къ станціи Сѣнной, потому что возлѣ нея находится большое число кургановъ. Въ теченіе 1846 года онъ познакомился съ путешествіемъ Дюбуа и, убѣдясь его доводами, что близъ станціи Сѣнной находилось пепелище древней Фанагоріи, началъ здѣсь работы. Желая извѣдать въ разныхъ мѣстахъ курганы, опоясывающіе этотъ городъ, исчезнувшій съ лица земли, онъ началъ поиски съ самой крайней могильной насыпи съ сѣвера, съ намѣреніемъ подвигаться отъ нея постепенно на югъ. На этомъ пространствѣ раскопки были произведены въ двадцати курганахъ. Дойдя, такимъ образомъ, постепенно до Сѣнной станціи, поиски были продолжены далѣе къ востоку, по берегу моря и возлѣ, вдоль почтовой дороги. «При слѣдованіи такому плану, говоритъ отчетъ, разрытія стали производиться въ нѣсколькихъ смежныхъ курганахъ».

Число всѣхъ разрытыхъ кургановъ простиралось до 34. Въ этихъ курганахъ найдено было гробницъ, сложенныхъ изъ штучнаго мягкаго керченскаго камня, 11, жженыхъ земляныхъ 10 и простыхъ земляныхъ 17. Въ этихъ 34 курганахъ было, сверхъ того, открыто гробницъ совершенно расхищенныхъ 10, гробницъ безъ всякихъ вещей 16, и въ трехъ курганахъ не было открыто ни гробницъ, ни вещей. Въ десяти гробницахъ были найдены разныя вещи, иногда совершенно незначительныя. Всѣ эти числа суть только весьма приблизительныя; они могутъ быть въ разныхъ пунктахъ болѣе или менѣе настоящихъ, потому что изъ отчета никакихъ точныхъ показаній нельзя вывести.

Найденныя въ этихъ раскопкахъ древности тоже описаны весьма небрежно. Въ статьѣ барона Б. В. фонъ-Кёне: Die letzten Erwerbungen des Kaiserlichen Museums der Eremi-

tage, помѣщенной въ «Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St.-Pétersbourg». Vol. II, p. 407—8, замѣчательнѣйшимъ результатомъ этихъ раскопокъ названъ деревянный гробъ, украшенный десятью глиняными вызолоченными розетками, въ которомъ найдены были: небольшое золотое шейное кольцо, кольца, стеклянные сосуды и т. д. Авторъ статьи предполагаетъ, что эти предметы не древнѣе перваго вѣка до Р. Х. Находка эта была сдѣлана въ курганѣ, который отчетъ считаетъ шестнадцатымъ. Всѣ предметы найдены были въ жженой гробницѣ, обставленной съ боковъ и прикрытой сверху каменными плитками и находившейся въ материкѣ. Такъ какъ отчетъ называетъ гробницу жженою, ни словомъ не упоминая о деревянномъ гробѣ, то можно предположить, что едва ли онъ могъ быть найденъ въ жженой гробницѣ. При сожиганіи покойника на кострѣ отъ гроба сохранились только глиняныя позолоченныя розетки. О золотомъ шейномъ кольцѣ и перстняхъ отчетъ совершенно молчитъ. Зато онъ болѣе точно исчисляетъ найденные въ этой гробницѣ сосуды: двѣ алебастриды, простой кувшинчикъ о двухъ ручкахъ, ваза съ ложбинками, разбитая при погребеніи въ куски, и патера, покрытая черною глазурью. О стеклянныхъ сосудахъ, упоминаемыхъ въ статьѣ барона фонъ-Кёне, отчетъ тоже не говоритъ ни слова. Но открытіе этой гробницы чрезвычайно важно тѣмъ, что въ ней найдены были два тонкіе золотые оттиска съ монеты ѳракійскаго царя Лисимаха (около 307 г. до Р. Х.), которые служатъ указаніемъ эпохи, къ которой относится эта гробница. Д-ръ Муральтъ[1]) весьма справедливо постановилъ, что монеты (или, какъ въ настоящемъ случаѣ, оттиски съ монетъ), находимыя въ гробницахъ, суть самые вѣрные указатели эпохи, къ которой относятся гроб-

---

[1]) Aperçu chronologique des tombeaux de deux côtés du Bosphore Cimmérien. Въ Mémoires de la Société impériale d'archéologie, publiés par le D-r B. de Köhne. Vol. IV, p. 17.

ницы. Основываясь на этомъ мнѣніи, жженая гробница кургана № 16, со всѣми открытыми въ ней вещами, двумя вѣками старше, чѣмъ предполагалъ баронъ фонъ-Кёне.

Вторая, весьма важная для опредѣленія эпохи гробницъ находка, а слѣдовательно и для указанія времени, къ которому относятся нѣкоторые изъ кургановъ, находящихся вблизи станціи Сѣнной, была сдѣлана въ курганѣ, который отчетъ считаетъ тридцатымъ. Здѣсь, въ земляной гробницѣ, у костей остова найдены были двѣ плошки (вѣроятно чашки) и двѣ мѣдныя монеты, изъ коихъ одна ясная, съ головою Пана, съ лукомъ и стрѣлой на оборотѣ, повыше литеръ «ПAN». Автономная монета Пантикапеи до Левконидовъ (около 393 г.) указываетъ на древность этой гробницы. Соображая, по описанію отчета, всѣ предметы, найденные въ этихъ двухъ гробницахъ, мы видимъ, что обѣ гробницы принадлежатъ къ древнѣйшимъ, до сихъ поръ, по вѣрнымъ признакамъ, найденнымъ на Таманскомъ полуостровѣ. Въ нихъ не было открыто стеклянныхъ сосудовъ, встрѣчаемыхъ въ гробницахъ со времени Римлянъ, напротивъ, много вазъ, въ особенности въ первой, изъ которыхъ одна была каннелированная, другія—болѣе рѣдкихъ и древнихъ формъ, сколько можно предположить по недостаточному описанію отчета.

Весьма замѣчательно также было открытіе нѣсколькихъ произведеній греческаго ваянія въ курганахъ, окружающихъ станцію Сѣнную. Такъ, въ семнадцатомъ курганѣ были найдены двѣ надгробныя плиты, искусно высѣченныя, съ изображеніемъ на одной скиѳскаго всадника на конѣ, на другой — головы мужской фигуры. Нижнихъ частей этихъ плитъ не отыскано, равно какъ и гробницы, которую они прикрывали и которая, какъ видно, была расхищена и камни даже вынуты. Въ двадцать первомъ курганѣ, гдѣ въ 1845 году отысканъ былъ Д. В. Карейшею большой склепъ, найдена была куча въ безпорядкѣ брошенныхъ камней, между коими находилась надгробная плита съ фронтономъ и весьма грубо изсѣ-

ченнымъ изображеніемъ стоящей въ пеплумѣ женщины, а возлѣ нея ребенка, держащаго въ рукахъ урну. Надписи на плитѣ не было. Фактъ нахожденія надгробныхъ камней съ изображеніями въ курганахъ, гдѣ они навѣкъ были скрыты отъ глазъ, весьма любопытенъ.

Къ прочимъ находкамъ, сдѣланнымъ въ этихъ раскопкахъ, принадлежатъ еще слѣдующіе предметы: въ пятомъ курганѣ были открыты куски разбитой, во время погребенія, обыкновенной греческой вазы съ ложбинками (каннелюрами); въ восемнадцатомъ — земляная гробница, въ которой справа у черепа стоялъ стаканъ (?), два глиняные узкіе, продолговатые кувшинчика, лампада и простой глиняный же сосудъ; въ девятнадцатомъ — въ земляной гробницѣ глиняный кувшинчикъ; въ двадцатомъ — въ такой же гробницѣ глиняный, очень грубой работы, сосудъ и желѣзная на поясѣ пряжка; наконецъ, въ двадцать седьмомъ курганѣ — въ маленькой гробницѣ, обложенной небольшими камнями, на скелетѣ два мѣдныя колечка и такая же пряжка.

Эти «неудачные» поиски побудили Д. В. Карейшу разрытія отъ Сѣнной станціи направить внутрь полуострова, къ сторонѣ Ахтанизовской станицы. Но и тамъ, въ девяти разработанныхъ имъ курганахъ, усилія его не были вознаграждены успѣхомъ, потому что только въ одномъ курганѣ найдены, въ земляной жженой гробницѣ, зеркало, оселокъ и большая амфора для вина; прочіе же курганы заключали однѣ разбитыя гробницы. Нахожденіе зеркала есть весьма любопытный фактъ: извѣстно, что зеркала до настоящаго времени рѣдко встрѣчаются въ греческихъ гробницахъ, и напротивъ — весьма часты въ этрусскихъ, въ которыхъ украшены прекрасными гравюрами. Каково было найденное зеркало, неизвѣстно.

10.

Открытіе Пуленцовскаго клада.

Къ половинѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія относится знаменитая въ нумизматическомъ мірѣ находка золотыхъ монетъ, извѣстная подъ именемъ Пуленцовскаго клада. О годѣ, въ которомъ было сдѣлано это открытіе, показанія писателей разногласны между собою. Баронъ Б. фонъ-Кёне, въ сочиненіи своемъ «Музей Князя В. В. Кочубея» (С.-Петербургъ, 1857, 4°), томъ I, стр. 340, говоритъ, что находка знаменитыхъ Пуленцовскихъ монетъ была сдѣлана въ 1844 году; письменные источники, которыми мы руководились, основанные на показаніяхъ таманскихъ жителей, но записанные нѣсколько лѣтъ послѣ нахожденія клада, относятъ находку къ 1845 году; наконецъ, князь Сибирскій говоритъ, что монеты эти были открыты Пуленцовымъ въ 1847 году [1]). Всего подробнѣе разсказана исторія находки этого клада въ сочиненіи А. Б. Ашика: «Восп. Царство», часть 2, стр. 17; но и этотъ разсказъ не точенъ и, главное, далеко не полонъ. Всю честь открытія авторъ приписываетъ есаулу Пуленцову, тогда

---

[1]) Это показаніе, вѣроятно, заимствовано изъ сочиненія А. Б. Ашика: «Воспорское Царство». Ашикъ (часть 2, стр. 18), разсказывая исторію этого клада, весьма неопредѣленно обозначаетъ годъ находки: «наконецъ, осенью прошедшаго года, Пуленцовъ возобновилъ поиски» и т. д. Взглянувъ на заглавія на годъ выхода въ свѣтъ (1848) сочиненія Ашика, князь Сибирскій отнесъ нахожденіе клада къ 1847 году, потому что Ашикъ говоритъ, что находка была сдѣлана «осенью прошедшаго года». Вторая часть сочиненія А. Б. Ашика была разрѣшена цензурою къ печати 23 февраля 1848 года. Въ этой части напечатанъ отчетъ Ашика о раскопкахъ, произведенныхъ имъ на Таманскомъ полуостровѣ въ половинѣ 1846 г., изъ котораго заимствована означенная фраза и который былъ представленъ имъ начальству въ сентябрѣ 1846 года. Слѣдовательно, опять основываясь на словахъ А. Б. Ашика, открытіе Пуленцовскихъ монетъ было сдѣлано осенью 1845 года, что говорятъ и наши письменные источники.

какъ Пуленцовъ былъ привлеченъ къ производству раскопокъ другимъ лицомъ. По оффиціальнымъ источникамъ, находка Пуленцова является только результатомъ давнихъ раскопокъ, о которыхъ А. Б. Ашикъ не имѣлъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Поэтому, основываясь на оффиціальныхъ документахъ, мы считаемъ долгомъ разсказать подробно исторію этихъ раскопокъ, тѣмъ болѣе, что изслѣдованія эти важны для археологическаго изученія мѣстности, на которую впослѣдствіи обратили новое вниманіе, но далеко еще не изслѣдовали вполнѣ [1]).

Извѣстно, что близъ города Тамани, на крутомъ берегу, находилась турецкая крѣпость, нынѣ лежащая въ развалинахъ. Огромная насыпь, на которой она нѣкогда была воздвигнута, не есть натуральная возвышенность, а составлена изъ золы, обломковъ черепицъ и кусковъ глиняныхъ сосудовъ: очевидно, что она была построена на развалинахъ античныхъ построекъ.

Въ 1819 году шестнадцатилѣтній казакъ Алексѣй Ивановъ Тарапенко, проживавшій въ станицѣ Темрюкѣ, въ сновидѣніи, трижды повторившемся, получилъ приказаніе «идти въ старую турецкую крѣпость, что̀ въ городѣ Тамани; тамъ, вчетверомъ, они должны были копать землю и познать вещи и деньги». Этотъ молодой казакъ, во все теченіе своей жизни, былъ визіонеромъ: видѣнія въ снахъ, въ которыя онъ глубоко вѣрилъ, чрезвычайно отчетливо указывали ему не только мѣста, на которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать, но и лицъ, которыя ему назначались въ сотрудники. Всю жизнь свою онъ оставался человѣкомъ честнымъ, трезвымъ и, по своему, глубоко религіознымъ. Повидимому, онъ не былъ вовсе корыстолюбивъ. Не жадность къ пріобрѣтенію богатствъ привела его къ производству раскопокъ, но повиновеніе волѣ высшей, которая говорила съ нимъ въ снахъ. Такъ и въ первомъ снѣ

[1]) См. ниже описаніе раскопокъ К. Р. Бѣгичева въ 1852 году.

Тарапенко видѣлъ и мѣсто, которое онъ долженъ былъ копать, и даже два склепа изъ тесаныхъ камней, которыхъ размѣры онъ запомнилъ, — наполненныхъ драгоцѣнными вещами. Обо всемъ онъ тогда же объявилъ своему отцу, проживавшему въ Тамани. Но несмотря на такъ часто повторявшіеся сны, Тарапенко къ работѣ не приступалъ до 1824 года. Въ этомъ году великимъ постомъ новое видѣніе, съ упреками, велѣло ему приступить къ работѣ. Тогда, послѣ Пасхи, Тарапенко съ отцемъ своимъ и двумя товарищами начали копать землю на мѣстѣ, показанномъ ему во снѣ. Недѣли двѣ спустя послѣ приступа къ работѣ, вслѣдствіе новыхъ видѣній, онъ открылъ сперва большой глиняный кувшинъ съ двумя ушками, потомъ, черезъ нѣсколько дней, три рѣзные камня (надгробные камни съ рельефами) и въ рединѣ ихъ статую, высотою въ $1^1/_4$ арш. Черезъ пять дней они дошли до площади земли, залитой известью, имѣвшей 6 арш. длины и 4 арш. ширины. По расчисткѣ извести, найденъ былъ подъ крѣпостью ходъ, въ началѣ засыпанный землею, перемѣшанною съ золою и обломками глиняной посуды. Отъ хода шли кверху отдушники, сіяющіе внутри, какъ будто бы обитые блестящимъ металломъ. На кускахъ попадавшейся глиняной посуды были вытиснуты литеры: Є Δ Ж Ѕ К. Ӣ. Ҿ [1]). Въ это время отецъ Тарапенка хотѣлъ было удалить двухъ товарищей, чтобы самому съ сыномъ воспользоваться богатствами, которыя онъ надѣялся открыть. Но въ это время пожелалъ осмотрѣть найденные отдушники командовавшій черноморскими войсками генералъ-маіоръ Власовъ. Повидимому, онъ осмотрѣлъ открытый подъ старою турецкою крѣпостью ходъ, остался весьма доволенъ открытіемъ и принялъ въ немъ живое участіе, потому что приказалъ Войсковому Атаману полковнику Матвѣеву прислать для помощи Тарапенку еще шесть

---

[1]) Само собою разумѣется, что за точность копіи буквъ на фрагментахъ битыхъ сосудовъ ручаться нельзя.

человѣкъ третьяго пѣшаго полка и надъ работами надсматривать есаулу Колодкову. Послѣдній долженъ былъ доносить генералу Власову о ходѣ работъ. Прикомандированные казаки, недовольные работою, позволили себѣ разныя богохульныя выраженія, и обиженный этимъ Тарапенко просилъ есаула Пуленцова, который принималъ живѣйшее участіе въ работахъ, удалить ихъ, потому что на показанномъ ему во снѣ мѣстѣ должны были копать только они вчетверомъ. Есаулъ Пуленцовъ, по увѣренію его современника А. Б. Ашика, вѣроятно знавшаго его лично, былъ человѣкъ религіозный, слѣпо вѣровавшій въ провидѣніе: въ снахъ Тарапенка онъ видѣлъ указаніе свыше. Повидимому, онъ пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ у генерала Власова, потому что прикомандированные казаки были удалены. По удаленіи ихъ, на слѣдующую же ночь, новое видѣніе, за корыстолюбивыя мысли одного изъ искателей и богохульство другихъ, велѣло Тарапенку прекратить работы и приняться за нихъ съ двумя товарищами только черезъ три года.

Новыя сновидѣнія въ 1827 году три раза побуждали Тарапенка приняться за дѣло, но онъ къ работѣ не приступалъ. Въ 1828 году Тарапенко, несмотря на повторившееся видѣніе, продолжалъ прежнюю бездѣятельность. Въ 1831 году, когда Тарапенко находился на службѣ на Джеминіанской косѣ, видѣніе высшаго рода не только повелѣло ему продолжать работы, но и указало на двухъ товарищей — Мирошниченка и Савву Чернаго — и объявило, что руководить будетъ ими есаулъ Пуленцовъ и Барилко. Несмотря на такое прямое указаніе, Тарапенко не приступалъ къ работамъ до 1836 года. Съ этого-то времени, повидимому, Пуленцовъ принялъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ. Описавъ сны Тарапенка и ходъ первоначальныхъ работъ, Пуленцовъ просилъ исправляющаго должность Черноморскаго казацкаго Атамана, генералъ-маіора Завадовскаго, уволить искателей отъ службы для продолженія работъ, начатыхъ еще въ 1824 году. Разрѣ-

шенія на это не послѣдовало. Послѣ, въ 1837 году, Пуленцовъ снова просилъ о томъ же Завадовскаго и, хотя и на вторичную просьбу тоже не получилъ разрѣшенія, однако 7-го апрѣля Тарапенко съ товарищами приступили къ работѣ—и вскорѣ показались тѣ самыя отдушины, которыя были открыты еще въ 1824 году. Въ это самое время искателей потребовали на службу. Есаулъ Пуленцовъ, какъ видно, интересовавшійся болѣе всѣхъ этими раскопками, снова обратился къ Завадовскому съ просьбою объ увольненіи ихъ отъ службы для продолженія начатыхъ работъ и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, обратился съ тою же просьбою къ видѣвшему въ 1824 г. отдушины командующему на кавказской линіи генералу Вельяминову. Послѣдній, поручивъ надзоръ за работами маіору Посыпкину, приказалъ уволить Тарапенка, Мирошниченка и Чернаго для продолженія начатыхъ ими работъ въ Тамани.

Въ іюлѣ того же года маіоръ Посыпкинъ, донеся, что на глубинѣ 9 саженъ отъ поверхности земли открыты Тарапенкомъ съ товарищами оловянная тарелка вѣсомъ въ одинъ фунтъ, съ литерами на днѣ ПΔ, и при ней куски глинянаго сосуда и, нѣсколько повыше, мѣдная проржавленная монета и плотничій глиняный отвѣсъ, препроводилъ при отчетѣ съ самыми вещами генералу Вельяминову. Послѣ, въ августѣ, онъ препроводилъ къ нему же найденную на глубинѣ 10 саженъ отъ поверхности земли и почти въ уровень съ водою Керченскаго пролива подобную же оловянную тарелку [1]), съ литерами на днѣ ПΔ, и подъ тарелкою проржавленный и испорченный ключъ. О каждой находкѣ предварительно было предсказано Тарапенку во снѣ.

---

[1]) Въ оффиціальныхъ бумагахъ сказано, что на второй тарелкѣ находилась слѣдующая надпись во все дно: «здѣсь положено золото въ длину и ширину саженъ и въ.... толщины Княземъ Павломъ Далматскимъ». А. Б. Ашикъ, В. Ц. часть II, стр. 18, говоритъ тоже объ этихъ оловянныхъ вещахъ «съ славянскою надписью», но прибавляетъ: «но я объ этомъ (кладѣ) не могъ узнать ничего положительнаго, и должно заключить, что находка эта была подложная».

Съ наступленіемъ холоднаго времени года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, работы были пріостановлены и вслѣдъ затѣмъ было получено предписаніе отъ командира Кавказскаго корпуса, генералъ-адъютанта Розена, чтобы работы вовсе прекратить и даже запретить копавшимъ, подъ опасеніемъ наказанія, разглашать о нихъ. Но Пуленцовъ, несмотря на строгое воспрещеніе, заявлялъ передъ начальствомъ, что Алексѣй Тарапенко, по своей воздержной жизни, могъ сподобиться божественнаго откровенія, и снова просилъ дозволить имъ продолжать работу, обѣщая представлять всѣ найденныя вещи и не требовать никакого за то вознагражденія. Въ отвѣтъ на это было строго подтверждено отъ новаго начальника, командовавшаго корпусомъ генерала Головина, не продолжать работъ, а Пуленцова, за неисполненіе приказаній начальства, приказано подвергнуть, кромѣ того, взысканію.

Послѣ этого о работахъ Пуленцова нѣтъ никакихъ оффиціальныхъ свѣдѣній. Мы дополнимъ этотъ разсказъ по слухамъ, собраннымъ на мѣстѣ Я. М. Лазаревскимъ въ 1852 году и мною во время пребыванія моего на Таманскомъ полуостровѣ въ 1859 году. Алексѣй Тарапенко умеръ, и начатое имъ дѣло взялся продолжать есаулъ Пуленцовъ. Урывками, скрываясь отъ бдительности начальства, часто принужденный оставлять, по дѣламъ службы, мѣсто раскопокъ, Пуленцовъ, принося въ жертву для отысканія клада все свое состояніе, продолжалъ работу до 1845 года. Въ этомъ году Пуленцовъ былъ на службѣ на линіи. А. Б. Ашикъ (стр. 18) говоритъ, что, поручивъ надзоръ за поисками станціонному писарю, самъ Пуленцовъ уѣхалъ въ Темрюкъ. Въ его отсутствіе, нанятые имъ рабочіе (по словамъ Ашика, на глубинѣ 5 (?) саженъ, у самаго материка, въ уровень съ поверхностью моря) нашли средней величины аттическую вазу съ рисунками, до верху наполненную золотыми монетами. Рабочіе тутъ же разбили вазу и раздѣлили между собою монеты. По словамъ А. Б. Ашика, золотыя монеты лежали просто въ кучѣ, безъ

всякаго сосуда. Вѣроятно, они скрыли бы совершенно свою находку отъ хозяина, если бы случай не предалъ ихъ: на краю обрыва, въ глубинѣ котораго производились раскопки, лежалъ какой-то казакъ и глядѣлъ на работы. Вдругъ онъ видитъ въ рукахъ рабочихъ что-то блестящее — и, угадавъ, что это золото, пошелъ тотчасъ на мѣсто находки, закричавъ рабочимъ, что видитъ ихъ находку. Но обрывъ былъ высокъ, и пока онъ обходилъ и спускался внизъ, рабочіе успѣли скрыть свою часть. Но клада скрыть уже нельзя было: его видѣлъ посторонній глазъ. Не извѣстно положительно, сколько найдено было золотыхъ монетъ, но рабочіе оставили Пуленцову только 21 монету, который, узнавъ объ этомъ происшествіи, пріѣхалъ въ Тамань и тотчасъ представилъ монеты намѣстнику кавказскому князю М. С. Воронцову. Въ вознагражденіе за нихъ Пуленцовъ получилъ: за четыре, вѣсомъ по $3^1/_2$ зол., по 10 руб. за каждую, и за 17 вѣсомъ въ 2 зол. — по два червонца за каждую. Вотъ единственное вознагражденіе, полученное Пуленцовымъ за свою дорогую находку, за тѣ труды и огорченія, которымъ онъ подвергался въ теченіе почти двадцати пяти лѣтъ, израсходовавъ на эти раскопки до 2 тысячъ руб. сер. Разсказываютъ, что большая часть скрытыхъ монетъ изъ рукъ рабочихъ перешла въ руки евреевъ, которые, по всей вѣроятности, переплавили ихъ; только нѣсколько монетъ были перепроданы въ постороннія руки. На мѣсто, гдѣ были найдены монеты, командированъ былъ отъ князя М. С. Воронцова губернскій секретарь Бларембергъ; но чтò онъ тамъ нашелъ, о томъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Несмотря на блестящее открытіе, есаулъ Пуленцовъ остался имъ недоволенъ: онъ былъ твердо убѣжденъ, что громадный кладъ, обѣщанный пророческими снами, еще не открытъ и его слѣдуетъ искать далѣе. Въ его глазахъ, описанная находка была только вѣрнымъ предзнаменованіемъ будущихъ открытій. Несмотря на разоренныя свои финансовыя обстоятельства, онъ продолжалъ свои поиски на томъ же мѣстѣ,

совершенно безъ всякихъ результатовъ, пока смерть, въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, не прекратила его тщетныхъ усилій.

Въ 1852 году министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, въ вѣдѣніи котораго находились тогда и археологическія изслѣдованія въ Россіи, письмомъ отъ 14-го января обратился къ генералу Н. С. Завадовскому съ просьбою разузнать и увѣдомить, куда дѣвались послѣ смерти генерала Вельяминова доставленные послѣднему оловянная тарелка съ надписью и желѣзный ключъ «особенной формы», открытые Тарапенкомъ близъ Тамани. Онъ спрашивалъ, поступили ли эти предметы къ наслѣдникамъ покойнаго генерала, или не остались ли они гдѣ-либо въ Ставрополѣ, и если послѣднее предположеніе вѣрно, то въ чьихъ именно рукахъ они находятся. До насъ не дошло никакихъ свѣдѣній, какой отвѣтъ на это письмо получилъ графъ Л. А. Перовскій.

11.

Раскопки въ 1850 г. Раскопки по порученію графа Л. А. Перовскаго въ 1851 году. Открытіе мраморнаго саркофага. Открытіе барельефа съ изображеніемъ гигантовъ.

Въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи хранится нѣсколько черновыхъ писемъ бывшаго помощника директора Керченскаго музея древностей, во время директорства А. Б. Ашика, штабсъ-капитана К. Р. Бѣгичева. Въ одномъ изъ нихъ, отъ 15-го апрѣля 1850 г. за № 39, онъ обращается къ исправляющему должность Керченскаго градоначальника Анастасьеву съ просьбой доставить ему вооруженное прикрытіе, состоящее изъ 5 конныхъ и человѣкъ 20 пѣшихъ казаковъ, для производства лѣтомъ означеннаго года работъ на Таманскомъ полуостровѣ. Археологическія изслѣдованія,

согласно волѣ его сіятельства г. министра внутреннихъ дѣлъ, должны были быть произведены въ усиленномъ противъ обыкновеннаго размѣрѣ, на мѣстахъ, лежащихъ на значительномъ одно отъ другаго разстояніи, занимающемъ протяженіе болѣе 40 верстъ. Произведены ли были эти изслѣдованія въ 1850 году, изъ сохранившихся документовъ не видно.

Въ 1851 году Таманскій полуостровъ посѣтилъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Л. А. Перовскій, самъ страстный любитель и собиратель древнихъ монетъ и разныхъ древностей вообще. Осмотрѣвъ курганы полуострова, онъ поручилъ тамошнему старожилу и любителю древностей, войсковому старшинѣ Петру Демьяновичу Семенякѣ произвесть, на его счетъ, раскопки въ курганахъ близъ Тамани. Эти раскопки, продолжавшіяся весьма короткое время, и именно — не болѣе нѣсколькихъ дней, по порученію графа, посѣтилъ К. Р. Бѣгичевъ, и вотъ что онъ пишетъ о нихъ въ письмѣ изъ Керчи отъ 28-го августа 1851 года: «Въ первомъ большомъ курганѣ, гдѣ найдены обломки меча, открыта на глубинѣ $1^1/_2$ саж. жженая гробница, устроенная въ видѣ домика, изъ большихъ штукъ глиняной черепицы. Въ гробницѣ этой все показывало, что она уже расхищена: нѣкоторыя черепицы, составлявшія крышу, были сброшены и разбиты, а внутри все перемѣшано. При томъ множество кусковъ глиняныхъ статуэтокъ и вазъ лучшаго греческаго стиля попадались на различной глубинѣ насыпи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ была гробница. Куски вазъ сильно обожжены, и потому рисунокъ на нихъ не явствененъ. По виду черепковъ здѣсь были двѣ вазы, изъ коихъ одна была очень большая и украшена позолотой. Всѣ куски, по возможности, собраны, и я постараюсь изъ нихъ составить что-нибудь. Въ этомъ курганѣ только половина ямы, видѣнной Вами, дойдена до материка. — Въ другомъ курганѣ, на глубинѣ $1^1/_2$ арш., видимъ слой отесковъ мягкаго камня, показывающій присутствіе каменной постройки въ курганѣ. Ниже отесковъ аршина на два былъ встрѣченъ рядъ толстыхъ, въ $^1/_2$ арш., деревян-

ныхъ брусьевъ,—конечно совершенно истлѣвшихъ,—а подъ нимъ еще на аршинъ показался другой рядъ такихъ же брусьевъ. Но на этомъ работы остановились. Есть надежда, что здѣсь ничего не тронуто, и что гробница будетъ непремѣнно цѣлая.— Кромѣ этихъ двухъ, начатъ еще третій курганъ; но онъ раскопанъ не болѣе аршина. Работы начнутся опять въ четвергъ, 30-го августа. Тогда я намѣренъ взять туда и своихъ рабочихъ, чтобы на этой недѣлѣ окончить всѣ курганы Петра Демьяновича, а потомъ начать разслѣдованіе по хребту, идущему вдоль Босфора отъ Тамани до мѣста знаменитой легенды о пещерѣ Осташева» [1]).

Въ письмѣ къ графу Л. А. Перовскому изъ Керчи отъ 21 сентября 1851 года К. Р. Бѣгичевъ пишетъ: «Работы въ Черноморіи всѣ окончены. Въ пяти курганахъ, разрытыхъ близъ Каменнаго Моста, всѣ гробницы оказались уже расхищенными. Въ томъ курганѣ, гдѣ былъ встрѣченъ слой отесковъ, а потомъ двойной рядъ деревянныхъ брусьевъ, открыта гробница, устроенная изъ нежженаго землянаго кирпича, сложеннаго насухо и совершенно такого, какой теперь дѣлается черноморцами для своихъ построекъ. Гробница эта оказалась пробитою съ боку и также расхищенною.—Другая гробница въ этомъ курганѣ была каменная и также разбитая. — Всего гробницъ открыто шесть: 4 каменныя, одна жженая, устроенная изъ черепицы, и одна сложенная изъ землянаго кирпича. Прилагаю имъ здѣсь маленькій топографическій планъ, съ показаніемъ, гдѣ какая была найдена» (нынѣ планъ потерянъ).

Сверхъ того, К. Р. Бѣгичевъ въ маѣ 1851 года производилъ, по порученію графа Л. А. Перовскаго, раскопки въ обрывѣ, на берегу Таманскаго залива, съ лѣвой стороны отъ пристани, гдѣ найдены были извѣстныя золотыя монеты Пуленцовымъ, изъ собственныхъ денегъ покойнаго графа

---

[1]) См. Археологическая топографія Таманскаго полуострова. Москва, 187[illegible] стр. 54 [= изд. 2-е, Спб. 1898, стр. 66].

отпущенныхъ на сей предметъ въ количествѣ 1000 р. Свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ записаны въ черновомъ журналѣ К. Р. Бѣгичева (на стр. 1-й) столь неразборчиво, что мы изъ нихъ ничего извлечь не могли.

Но К. Р. Бѣгичевъ не ограничился раскопкою кургановъ близъ Каменнаго Моста, начатыхъ П. Д. Семенякою, а произвелъ изслѣдованія еще въ двухъ мѣстахъ, о которыхъ онъ пишетъ въ томъ же письмѣ: «Близъ станціи Сѣнной окончена яма въ крайнемъ курганѣ по берегу залива и вырыты двѣ большія ямы, гдѣ найденъ мраморный саркофагъ; но всѣ онѣ оказались пустыми. — На Тузлѣ также, гдѣ В. Сіятельству показывали мѣсто пещеры (Осташева), произведены разслѣдованія въ четырехъ мѣстахъ; въ томъ числѣ разрытъ тотъ курганъ, гдѣ, какъ говорили, слышенъ подземный гулъ, но и тутъ, кромѣ гробницъ расхищенныхъ, ничего не открыто. Работы до времени были прекращены.»

Эти неудачные поиски сильно подѣйствовали на К. Р. Бѣгичева. «Продолжать розысканія въ курганахъ съ тѣмъ, пишетъ онъ графу въ томъ же письмѣ, чтобы найти какую-нибудь цѣлую гробницу, — рѣшительно не стôитъ. Ваше Сіятельство изволили видѣть сами, что всѣ курганы, какъ бы они ни были ничтожны, тайно или явно разрыты. Все, что можно сдѣлать, все, что необходимо сдѣлать,—это, во-первыхъ, разслѣдовать одну изъ тѣхъ огромныхъ насыпей, которыя идутъ почти непрерывными линіями близъ станціи Сѣнной, а во-вторыхъ, разрыть нѣкоторые значительнѣйшіе курганы, лежащіе отдѣльно, именно тѣ, которые имѣютъ впадины и которые, по причинѣ этихъ впадинъ, остаются до сихъ поръ неприкосновенными. Изъ опыта мы знаемъ, что древніе розыскатели уносили изъ кургановъ только золото. Все остальное, чтò бы то ни было, они, положимъ, разбивали, но оставляли на мѣстѣ. Почему не предположить, что въ одномъ изъ такихъ кургановъ, которые мы обходимъ по причинѣ ихъ впадинъ, заключается какой-либо превосходный мраморъ въ видѣ саркофага,

...ала, или чего-нибудь подобнаго? Вѣдь былъ же найденъ одинъ саркофагъ въ Черноморіи, другой въ Керчи. Не интереснѣе ли онъ въ тысячу разъ, даже разбитый въ куски, цѣлой коллекціи сережекъ и колечекъ, за которыми мы обыкновенно гоняемся и издерживаемъ цѣлыя суммы? Если допустить эту возможность, впрочемъ, весьма вѣроятную, то какое обширное поле открывается опять для розысканій, потому что бо́льшая часть кургановъ, имѣя впадины, остается нетронутою въ наше время?»

Но раскопки К. Р. Бѣгичева въ 1851 году замѣчательны тѣмъ, что въ одномъ изъ кургановъ близъ станціи Сѣнной, лежащихъ на возвышенности между Боспорскимъ заливомъ и Ахтанизовскимъ лиманомъ, открытъ былъ мраморный саркофагъ, о чемъ упомянуто въ вышеозначенномъ письмѣ его отъ 21 сентября. Рукописный черновой журналъ раскопокъ К. Р. Бѣгичева, въ которомъ мимоходомъ упоминается эта находка, профессоръ П. М. Леонтьевъ, видѣвшій ее, и свѣдѣнія, собранныя нами на мѣстѣ, говорятъ, что это былъ полный саркофагъ. Странно, что П. В. Беккеръ, посѣтившій Таманскій полуостровъ лѣтомъ 1852 года, утверждаетъ, что была открыта только мраморная крыша саркофага [1]. Саркофагъ, говорятъ, имѣлъ значительные размѣры, но найденъ былъ совершенно пустымъ. Грабители, вѣроятно еще въ древности, проникли въ склепъ миною и, встрѣтивъ саркофагъ, пробили въ немъ одну изъ сторонъ. Въ это отверстіе прошли они во внутренность саркофага и совершили свое дѣло. Саркофагъ, свидѣтельствующій о богатствѣ схороненнаго въ немъ лица, былъ въ высшей степени замѣчателенъ тѣмъ, что представлялъ образецъ античной полихроміи, единственный въ своемъ родѣ. На гладкихъ стѣнахъ его всѣ архитектурные орнаменты были писаны красками, — но показанія о томъ, какими именно, разногласятъ между собою. К. Р. Бѣгичевъ въ рукописномъ журналѣ говоритъ

[1] Пропилеи. Сборникъ, издаваемый Леонтьевымъ. Томъ III, стр. 380.

что «мраморный саркофагъ былъ изящной греческой работы, хотя всѣ украшенія его составляли карнизы, разрисованные красною краскою». Мѣстные жители разсказывали намъ, что они были писаны двумя красками, красною и голубою, и золотомъ. Судя по орнаментаціи, П. М. Леонтьевъ относилъ это произведеніе ко временамъ Фидія. Несмотря на нѣсколько потерпѣвшій видъ этого памятника, сохраненіе его было бы весьма желательно; къ сожалѣнію, онъ погибъ самымъ варварскимъ образомъ. К. Р. Бѣгичевъ, желая извлечь его изъ кургана самымъ экономическимъ способомъ, вознамѣрился не прорѣзать курганъ, а, привязавъ саркофагъ веревками къ воламъ, вытащить черезъ отверстіе вершины кургана. Но волы оказались не въ состояніи перетащить его черезъ высокую насыпь — и саркофагъ предоставленъ былъ судьбѣ. Праздношатающіеся черноморцы, отъ нечего дѣлать, разбили его въ куски камнемъ, выброшеннымъ изъ глубины кургана и составлявшимъ склепъ. Это разрушеніе совершилось вскорѣ послѣ открытія саркофага, потому что вотъ какъ описываетъ его гибель К. Р. Бѣгичевъ въ вышеупомянутомъ письмѣ отъ 21 сентября 1851 года: «Нельзя однако не пожалѣть, что мраморный саркофагъ, найденный въ послѣднее время въ Черноморіи, потерянъ для нашего музеума (въ Керчи); за неимѣніемъ необходимыхъ снарядовъ для подъема его изъ кургана, я оставилъ его на мѣстѣ и далъ знать о томъ градоначальнику (Керчи). Но градоначальникъ по письму моему не сдѣлалъ никакого распоряженія. По возвращеніи въ Керчь, я просилъ его опять лично; но и на этотъ разъ обѣщаніе его не было исполнено. Наконецъ, я обратился самъ къ начальнику адмиралтейства, и тотчасъ же получилъ все, что нужно, и отправился съ своими рабочими на Сѣнную. Но между этимъ временемъ нашелся какой-то варваръ, который до того побилъ углы и карнизы гробницы, что ее не стоило уже трогать съ мѣста».

Мраморные саркофаги составляютъ весьма рѣдкое явленіе

на Боспорѣ Киммерійскомъ. По дороговизнѣ матерьяла, который, вѣроятно, привозился издалека, мраморъ обработывался въ данную форму, вѣроятно, въ Пантикапеѣ и потомъ уже готовый саркофагъ перевозился на Таманскій полуостровъ. Подобные памятники могли составлять принадлежность только царскихъ гробницъ или весьма немногихъ богатыхъ лицъ. Впрочемъ, если вышеупомянутый памятникъ былъ единственнымъ образцомъ античной полихроміи, то онъ не былъ единственнымъ мраморнымъ саркофагомъ, открытымъ въ этой странѣ. Французскій путешественникъ Ла-Мотре [1]) видѣлъ нижнюю часть мраморнаго саркофага между Таманью и Темрюкомъ. Мѣстные жители разсказывали англійскому путешественнику Кларке, что крыша громаднаго саркофага, служившая водоемомъ близъ крѣпости въ Еникале, была привезена туда съ Таманскаго полуострова, гдѣ была открыта въ курганѣ, раскопанномъ генераломъ Вандервейде [2]). Кларке не вѣрилъ этому разсказу, потому что отверстіе въ курганѣ казалось ему слишкомъ узко для пронесенія такого громаднаго камня. Но, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, оно могло снова засыпаться землею. Во всякомъ случаѣ, въ курганахъ Таманскаго полуострова были находимы и мраморные саркофаги.

Потеря мраморнаго саркофага была отчасти вознаграждена открытіемъ новаго памятника. «Счастливый случай, пишетъ К. Р. Бѣгичевъ въ томъ же письмѣ, послалъ музеуму (въ Керчи) въ замѣнъ саркофага мраморъ, случайно открытый въ Тамани, въ той самой насыпи, гдѣ найдены Пуленцовымъ монеты. Мраморъ украшенъ барельефомъ, представляющимъ

---

[1]) Voyages du S. A. De La Motraye en Europe, Asie et Afrique. La Haye 1727. Томъ II, стр. 61. [La Motraye говоритъ только слѣдующее: «Il n'y a pas loin de là sur le chemin près d'un puits, une espèce de longue, et large caisse de pierre dure qui vaut bien du marbre, et sans couvercle. Elle est à peu près semblable aux tombeaux de Lampsaco, et sert d'abbreuvoir aux chevaux de voyageurs». *Примѣч. Ред.*].

[2]) Изображеніе ея въ сочиненіи Кларке, томъ I, стр. 413 [въ 4-мъ изд. нѣтъ. *Ред.*].

двѣ фигуры гигантовъ (géants), превосходной работы, но, къ сожалѣнію, сильно поврежденныя временемъ. Во всякомъ случаѣ, это — счастливое пріобрѣтеніе для музеума, тѣмъ болѣе, что подобныя изображенія встрѣчаются въ первый разъ на Боспорѣ». Въ отвѣтѣ на это письмо, отъ 7-го ноября 1851 г., графъ Л. А. Перовскій крайне сожалѣетъ, что всѣ поиски, сдѣланные въ Тамани какъ имъ самимъ [1]), такъ и К. Р. Бѣгичевымъ, остались безуспѣшными. Онъ одобрилъ распоряженіе остановить дальнѣйшую раскопку кургановъ, производимую на его собственный счетъ, и увѣдомилъ, что предположенныя К. Р. Бѣгичевымъ работы будутъ предприняты на счетъ правительства, о чемъ онъ въ свое время получитъ предписаніе чрезъ мѣстное начальство. Только на счетъ мраморнаго барельефа съ изображеніемъ гигантовъ, назначеннаго К. Р. Бѣгичевымъ для Керченскаго музея, отвѣтъ, писанный отъ имени графа Л. А. Перовскаго его секретаремъ, замѣчаетъ, «что такъ какъ мраморъ этотъ найденъ при розысканіяхъ на счетъ графа, то г. министръ замѣтилъ, что было бы нелишнимъ спросить предварительно его сіятельство, не пожелаетъ ли онъ оставить эту находку для себя». Гдѣ въ настоящее время находится этотъ барельефъ, намъ неизвѣстно.

---

[1]) Объ этихъ раскопкахъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній.

ГЛАВА II.

Раскопки 1852 года.

Новая эпоха въ исторіи раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ начинается со времени личнаго посѣщенія этой мѣстности графомъ Л. А. Перовскимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ цѣли раскопокъ становятся возвышеннѣе, такъ и самые методы изслѣдованія точнѣе, опредѣленнѣе и внимательнѣе. Не одно добываніе золотыхъ вещей составляетъ цѣль раскопокъ, но приступаютъ и къ рѣшенію нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ посредствомъ изслѣдованія извѣстныхъ мѣстностей. Съ этихъ поръ ведутся болѣе точные и подробные журналы всѣхъ раскопокъ, иногда съ приложеніемъ плановъ и рисунковъ, и на основаніи этихъ журналовъ составляются по временамъ отчеты, представляемые начальству. Инниціатива всѣхъ этихъ улучшеній и преобразованій принадлежитъ самому покойному министру. Назначенный министромъ Удѣловъ, графъ Л. А. Перовскій сохранилъ за собою надзоръ за тою вѣтвью своихъ прежнихъ обязанностей, какъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ которой онъ принималъ и прежде живѣйшее участіе. Высочайшимъ указомъ отъ 30 августа 1852 г. Государю Императору благоугодно было подчинить, между прочимъ, министру

Удѣловъ всѣ археологическія розысканія въ Россіи, и, по всеподданнѣйшему докладу графа, всѣ они причислены были къ Кабинету Его Императорскаго Величества. Многочисленныя доказательства глубокой преданности и любви къ археологіи покойнаго графа мы находимъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, изученныхъ нами съ глубокимъ сочувствіемъ къ лицу, котораго дѣятельность еще не была представлена съ этой стороны. Въ послѣдующихъ строкахъ мы желали бы отъ имени науки воздвигнуть памятникъ благодарности дѣятелю, котораго научились уважать въ его дѣйствіяхъ, хотя и не имѣли счастія знать его при жизни.

Среди многочисленныхъ и иногда чрезвычайно важныхъ археологическихъ изслѣдованій, которыя, по мысли графа Л. А. Перовскаго, производились въ Керчи и Өеодосіи, въ Ольвіи и на развалинахъ Херсониса, въ Недвиговкѣ и Александрополѣ, на берегахъ Айдара и на поляхъ битвъ въ средней Россіи, отъ вниманія его не ускользнулъ и малоизслѣдованный Таманскій полуостровъ, хотя курганы его, по словамъ прежнихъ изслѣдователей, являлись большею частію расхищенными и не подавали большихъ надеждъ на счастливыя и богатыя находки; но слава случайныхъ открытій, на немъ сдѣланныхъ въ послѣдніе годы, побуждала къ новой дѣятельности. Лица, въ дѣлѣ археологическихъ изслѣдованій окружавшія графа Льва Алексѣевича, указывали ему на важность изслѣдованій этихъ мѣстностей. Въ 1849 году посѣтилъ Таманскій полуостровъ графъ А. С. Уваровъ и, занимаясь преимущественно рѣшеніемъ связанныхъ съ нимъ топографическихъ вопросовъ, обратилъ особое вниманіе графа Л. А. Перовскаго на то, сколько бы желательно было археологическое изслѣдованіе полуострова для обогащенія науки боспорскихъ древностей положительными фактами. Уже при первомъ посѣщеніи города Тамани въ 1851 г., у графа Л. А. Перовскаго возникла мысль поручить производство раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ исправляющему должность директора

Керченскаго музея Кириллу Родіоновичу Бѣгичеву, который съ начала 1852 года и приступилъ къ этимъ работамъ. Еще болѣе живѣйшее участіе къ изслѣдованію этой мѣстности возродилось въ графѣ при второмъ личномъ посѣщеніи полуострова, при видѣ остатковъ древности, еще существующихъ на немъ, и его безчисленныхъ погребальныхъ памятниковъ. Графъ Л. А. Перовскій путешествовалъ по Кавказу въ 1852 году и, на обратномъ пути, посѣтилъ Таманскій полуостровъ и Керчь. Въ свитѣ его находилось нѣсколько лицъ, извѣстныхъ и въ области науки, каковы Н. И. Надеждинъ и князь А. А. Сибирскій. Графъ остановился близъ станціи Сѣнной, на хуторѣ столь хорошо извѣстнаго всѣмъ путешественникамъ гостепріимнаго черноморскаго старожила и страстнаго любителя мѣстныхъ древностей, войсковаго старшины П. Д. Семеняки. Къ пріѣзду его были подготовлены два кургана близъ станціи Сѣнной, и въ одномъ изъ нихъ, въ каменной гробницѣ, въ присутствіи графа, открыты были двѣ вазы, сдѣланныя въ формѣ статуэтокъ, о которыхъ будетъ упомянуто подробнѣе ниже. Графъ Л. А. Перовскій на хуторѣ Семеняки пробылъ не долго — два или три дня, не болѣе, — и потомъ отправился въ Керчь. Но кромѣ раскопокъ, произведенныхъ въ его присутствіи, онъ посѣтилъ и замѣчательныя окрестности Сѣнной, молъ древней Фанагоріи, Ахтанизовку, мѣстность т. н. храма Діаны и т. д. Посѣщеніе его глубоко сохранилось въ памяти мѣстныхъ жителей.

Съ этого-то времени начинается рядъ мѣръ и предписаній, показывающій, какое живое и теплое участіе принималъ графъ Л. А. Перовскій не только въ ходѣ археологическихъ раскопокъ, но и въ участи, въ благоденствіи и въ доставленіи жизненныхъ удобствъ лицамъ, которымъ онъ довѣрялъ раскопки въ этой безлюдной и пустынной странѣ, гдѣ труженикъ науки, окруженный могилами, ведетъ отшельническую жизнь. Мы коснемся только нѣкоторыхъ распоряженій, относящихся къ работамъ на Таманскомъ полуостровѣ: пусть другіе прослѣ-

дять мѣры, предпринятыя графомъ относительно работъ въ другихъ мѣстностяхъ. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ видна внимательность къ дѣлу, наблюдательность и даже столь широкіе виды, что должно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ еще не приведены въ исполненіе.

При археологическихъ раскопкахъ въ Керчи графъ Л. А. Перовскій замѣтилъ, что производители работъ не имѣютъ инструментовъ, необходимыхъ при окончательномъ разслѣдованіи содержанія открытыхъ гробницъ. Поэтому онъ препроводилъ въ Керчь и Тамань четыре комплекта подобныхъ инструментовъ [1]). Въ Керчи, при раскопкѣ кургановъ, толпа любопытныхъ имѣла обыкновеніе окружать работы. Прежде, чѣмъ разрытое мѣсто совершенно изслѣдовано, посторонніе люди приходили рыться въ землѣ. Такъ какъ отъ этого посторонняго вмѣшательства легко могли быть утрачены вещи, заслуживающія вниманія, то графъ Л. А. Перовскій предписалъ, чтобы никто изъ постороннихъ лицъ не былъ допускаемъ къ мѣсту раскопокъ, прежде чѣмъ могила будетъ оставлена производящими раскопку, какъ ничего уже болѣе не заключающая [2]). Вслѣдствіе необходимыхъ при археологическихъ розысканіяхъ на Таманскомъ полуостровѣ разъѣздовъ, онъ, послѣ продолжительной переписки, выхлопоталъ распоряженіе о предписаніи Екатеринодарской войсковой почтовой конторѣ, чтобы чиновникамъ, занимающимся археологическими розысканіями, безпрепятственно были отпускаемы почтовыя лошади для разъѣздовъ въ сторону отъ большой дороги [3]). При невозможности найти другіе пути сообщенія въ этой малонаселенной странѣ, мѣра эта была чрезвычайно важна. Наконецъ лица, производящія раскопки, не имѣли въ этой странѣ,

---

[1]) Дѣло Канцеляріи Министерства Удѣловъ за № 15, листъ 59. Отношеніе къ Керчь-Еникольскому Градоначальнику отъ 22 апрѣля 1853 года, за № 661.

[2]) Тамъ же, листъ 73. Отношеніе къ Керчь-Еникольскому Градоначальнику отъ 9-го мая 1853 г., за № 788.

[3]) Тамъ же, листъ 203. Отношеніе къ директору Керченскаго музея древностей отъ 25 декабря 1853 г., за № 2077.

гдѣ жилья отстоять иногда другъ отъ друга на нѣсколько верстъ, никакого помѣщенія ни для себя, ни для рабочихъ и инструментовъ, ни складочнаго мѣста для временнаго храненія открываемыхъ предметовъ, изъ которыхъ иные имѣли значительный объемъ, какъ напр. громадныя вазы, надгробные камни, колонны и разные архитектурные фрагменты. Правда, они находили всегда гостепріимный кровъ въ домѣ Семеняки, гдѣ часто жили по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, но нельзя было разсчитывать на дальнѣйшую продолжительность этого гостепріимства, потому что семейство хозяина росло, а въ намѣреніяхъ графа Л. А. Перовскаго лежало дать бо́льшее развитіе раскопкамъ на Таманскомъ полуостровѣ. Тогда, по представленію директора Керченскаго музея, онъ назначилъ особую сумму для постройки особаго дома, съ сараемъ и другими помѣщеніями, близъ станціи Сѣнной, въ центрѣ всѣхъ раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ. Домъ былъ выстроенъ и меблированъ подъ наблюденіемъ П. Д. Семеняки и съ тѣхъ поръ служитъ жилищемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ своимъ цѣлямъ [1]).

Но не только объ матеріальномъ улучшеніи быта подвѣдомственныхъ ему лицъ заботился графъ Л. А. Перовскій, но онъ и безпрерывно морально поддерживалъ ихъ въ работахъ, которыя, въ виду большихъ издержекъ, казались имъ совершенно безуспѣшными. Онъ поддерживалъ упадавшій отъ неуспѣховъ духъ, вселялъ надежды. «Считаю нужнымъ увѣдомить васъ», пишетъ онъ, «что при археологическихъ розысканіяхъ никогда не должно терять надежды и отъ первой неудачи отчаиваться въ возможности сдѣлать замѣчательныя открытія» [2]). Только теплое участіе къ дѣлу могло внушить ему подобныя одобрительныя слова. Это

---

[1]) Тамъ же, листъ 188. Отношеніе къ директору Керченскаго музея отъ 8-го декабря 1853 г., за № 1979.

[2]) Тамъ же. Отношеніе къ директору Керченскаго музея отъ 3-го сентября 1853 года, за № 1519.

не голосъ высокопоставленнаго сановника и начальника, а друга.

Наконецъ, при всѣхъ археологическихъ изслѣдованіяхъ графъ Л. А. Перовскій имѣлъ въ виду и дорожилъ всего болѣе интересами науки. Не добываніе дорогихъ античныхъ вещей было ихъ цѣлью, а обогащеніе науки новыми фактами о жизни, обычаяхъ и искусствѣ народовъ классической древности. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ шелъ даже впереди лицъ, которымъ поручалъ раскопки. Въ его предписаніяхъ встрѣчаются указанія, которыя поняты и приводятся въ дѣйствіе только въ настоящее время. Онъ ясно видѣлъ недостатки всѣхъ прежнихъ раскопокъ и указывалъ на мѣры къ усовершенствованію метода раскопокъ. «Въ прежнее время, пишетъ онъ, при разрытіи кургановъ не принимались мѣры къ предохраненію находимыхъ вещей отъ утраты и не обращалось должнаго вниманія на внутреннее расположеніе склепа и вещей, въ немъ заключавшихся, такъ что рисунокъ расположенія предметовъ, найденныхъ въ извѣстномъ Куль-обскомъ курганѣ, составленъ былъ уже послѣ, по однимъ воспоминаніямъ». Поэтому онъ предписалъ приставлять немедленно караулъ ко входу въ гробницу или катакомбу и никого не впускать, кромѣ самихъ производителей раскопокъ или лицъ, которыхъ послѣдніе признаютъ возможнымъ допустить. Затѣмъ, не трогая ни одного предмета, онъ предписалъ составлять архитектурный планъ внутренности склепа и рисунокъ расположенія каждой вещи въ отношеніи къ костяку. Если на гробѣ (мраморномъ, каменномъ или деревянномъ) встрѣтится рѣзьба или живопись, то онъ требовалъ, чтобы при вскрытіи или перенесеніи гроба наблюдать, чтобы не повреждены были имѣющіяся на немъ изображенія. Но, кромѣ того, и на внутреннихъ пространствахъ (стѣнахъ, потолкѣ, сводѣ) могутъ встрѣтиться живописныя и рельефныя изображенія, надписи и т. д. Въ такомъ случаѣ онъ предписывалъ снятіе точныхъ копій или слѣпковъ. Хотя въ тѣ времена только немногіе понимали важность антро-

пологіи и этнографіи въ связи съ археологическими изслѣдованіями, но графъ Л. А. Перовскій первый оцѣнилъ, какое важное значеніе имѣютъ костякъ и черепъ для опредѣленія народности покойника, а слѣдовательно, и предметовъ, открытыхъ въ гробницѣ. Поэтому онъ предписалъ, чтобы находимые въ гробницахъ костяки тоже тщательно сохранялись и присылались вмѣстѣ съ вещами въ Петербургъ. «По образованію черепа», пишетъ онъ, «можно заключить, къ какому племени принадлежалъ погребенный». Наконецъ, весьма замѣчательно, что для правильнаго и нагляднаго изученія цѣлаго устройства гробницъ Боспора Киммерійскаго онъ, въ случаѣ открытія какого-либо замѣчательнаго и еще не тронутаго древняго склепа или катакомбы, предполагалъ устроить въ Императорскомъ Эрмитажѣ совершенно подобный склепъ и расположить въ немъ всѣ предметы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они найдены. Остается пожалѣть, что ему не удалось привести въ исполненіе этотъ планъ: тогда посѣтители Императорскаго Музея могли бы получить столь же живое представленіе о гробницахъ боспорскихъ грековъ, какое имѣли на парижской всемірной выставкѣ 1867 года посѣтители при видѣ модели римскихъ катакомбъ въ натуральную величину, исполненной по указаніямъ Дж. Б. де Росси. Вотъ каковы были желанія и требованія, высказанныя графомъ Л. А. Перовскимъ относительно производства археологическихъ изысканій [1]). Если они не всѣ приведены были въ исполненіе, то это зависѣло отъ отсутствія въ тѣ времена лицъ, которыя могли бы понять все значеніе задачи, которую онъ на нихъ возлагалъ.

Раскопки, предпринятыя на Таманскомъ полуостровѣ графомъ Л. А. Перовскимъ въ 1852 году, были задуманы въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Хотя во время проѣзда его, осенью 1851 года, черезъ земли черноморскаго войска и была

---

[1]) Тамъ же, листъ 73. Отношеніе къ Керчь-Еникольскому Градоначальнику отъ 9-го мая 1853 г., за № 788.

произведена раскопка нѣсколькихъ кургановъ, которые оказались расхищенными, тѣмъ не менѣе эта неудача не охладила въ немъ намѣренія изслѣдовать основательнѣе этотъ малоизвѣстный край и его древности. Онъ остался убѣжденъ, что Таманскій полуостровъ представляетъ вообще весьма любопытную для науки мѣстность. Цѣлью этихъ изслѣдованій онъ постановилъ возможность опредѣлить настоящее положеніе древняго города Фанагоріи, которое оставалось неизвѣстнымъ ученому свѣту. Основываясь на предположеніи Дюбуа, что Фанагорія лежала близъ станціи Сѣнной, онъ предполагалъ разрыть непрерывную насыпь, которая тянется здѣсь вдоль берега Таманскаго залива. Онъ надѣялся, что при этихъ раскопкахъ откроется городская стѣна или отыщется какая-либо надпись, которая опредѣлитъ названіе города, стоявшаго на этомъ мѣстѣ. Онъ намѣревался также тщательно изслѣдовать одинъ или два изъ большихъ кургановъ, находящихся близъ станціи, сдѣлавъ поперечный имъ разрѣзъ до материка, чтобы опредѣлить, какимъ правиломъ древніе руководствовались при возведеніи насыпей надъ могилами усопшихъ. Съ этою цѣлью, испросивъ Высочайшее разрѣшеніе приступить къ разслѣдованіямъ на Таманскомъ полуостровѣ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, графъ Л. А. Перовскій исходатайствовалъ особую сумму для этихъ раскопокъ, которую намѣревался еще увеличить, если того потребуютъ обстоятельства. Желаніемъ его было, чтобы предположенныя работы лишь совершены были безостановочно. Затѣмъ онъ обратился къ Намѣстнику Кавказскому князю М. С. Воронцову, завѣдывавшему въ то время раскопками на югѣ Россіи, съ просьбою возложить раскопки на штабсъ-капитана К. Р. Бѣгичева. Послѣдній былъ уже знакомъ графу съ 1851 года, потому что вслѣдствіе приказанія кн. М. С. Воронцова былъ командированъ изъ Керчи въ Тамань для наблюденій за разрытіемъ кургановъ возлѣ послѣдняго города, производившимся въ присутствіи графа. Еще въ этомъ 1851 году графъ лично указывалъ послѣднему

на Таманскомъ полуостровѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ предполагалъ производить изслѣдованія. Кромѣ того, талантъ К. Р. Бѣгичева, какъ рисовальщика, могъ быть весьма полезенъ для передачи разрѣза кургановъ, которые должны были быть разрыты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился къ Керчь-Еникольскому градоначальнику, генералъ-маіору князю Д. Гагарину, непосредственно наблюдавшему за производствомъ работъ, съ просьбою содѣйствовать пріисканію способныхъ для этихъ занятій рабочихъ и о снабженіи ихъ необходимыми инструментами. Онъ просилъ его имѣть въ виду главнѣйшее—предотвращеніе всякой медленности и остановки въ работахъ. Онъ просилъ князя Д. Гагарина увѣдомлять его объ этихъ работахъ черезъ каждыя двѣ недѣли, а объ открытіяхъ особенно замѣчательныхъ немедленно доносить ему; производящему же работы предписалъ вести самый подробный и отчетливый журналъ раскопкамъ. Сколь живое участіе онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ, видно изъ того, что въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи сохранилась цѣлая переписка о желаніи графа получить самую подробную карту Таманскаго полуострова. Это желаніе наконецъ исполнилъ генералъ Н. С. Завадовскій и препроводилъ ему изъ Ставрополя 8 листовъ подлинной и инструментальной съемки Таманскаго полуострова, въ масштабѣ двухъ верстъ въ англійскомъ дюймѣ, съ сборнымъ листомъ. Карта была разбита на квадраты, изъ которыхъ каждый былъ означенъ особою цифрою и подраздѣленъ еще на четыре меньшіе квадрата, отмѣченные первыми четырьмя буквами латинскаго алфавита [1]). Съ этой карты снята была копія, которая была отправлена къ лицу, которое должно было производить раскопки. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему предписано было въ донесеніяхъ своихъ о производимыхъ работахъ каждый разъ означать нумеръ и букву той мѣстности, гдѣ работы производятся. Другой экземпляръ этой карты

[1]) Департамента Общихъ Дѣлъ М. В. Д. 1-го отдѣленія, по 3-му столу, дѣла № 111, листы: 1, 13, 20, 21, 24, 51.

находился въ рукахъ графа и онъ такимъ образомъ могъ провѣрить весь ходъ работъ. Наконецъ, имѣя въ виду, что эти розысканія имѣютъ исключительною цѣлью разъясненіе любопытнаго для науки вопроса, графъ Л. А. Перовскій обратился въ Одесское Общество исторіи и древностей съ предложеніемъ отправить кого-либо изъ своихъ членовъ для присутствованія при раскопкахъ [1]). Какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ Общества, намъ неизвѣстно.

По полученіи согласія князя М. С. Воронцова, производство археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ въ 1852 году поручено было исправляющему должность директора Керченскаго музея К. Р. Бѣгичеву. Въ этомъ году розысканія произведены были на четырехъ отдѣльныхъ пунктахъ, занимающихъ собою протяженія более 45 верстъ, а именно: 1) близъ южнаго кордона, лежащаго на южной оконечности азіатскаго берега пролива; 2) близъ города Тамани, на мѣстѣ, гдѣ была старая турецкая крѣпость; 3) близъ станціи Сѣнной и 4) въ селеніи «Фонтанъ», лежащемъ на полуостровѣ, называемомъ Киммерійскимъ [2]). Мы разскажемъ ходъ и результаты каждой изъ этихъ раскопокъ.

1.

Раскопки близъ южнаго кордона, лежащаго на южной оконечности азіатскаго берега пролива.

Раскопки на Тузлѣ, близъ южнаго кордона, производились съ 17-го по 29 апрѣля 1852 года. Въ нѣкоторыхъ кур-

---

[1]) Дѣло за тѣмъ же №, листъ 5. Письмо Его Сіятельству кн. М. С. Воронцову отъ 21 января 1852 г., за № 261, листъ 16. Предложеніе г. Керчь-Еникольскому градоначальнику отъ 14 марта 1852 г., за № 918, листъ 23. Предложеніе испр. д. директора Керченск. музея отъ 7 апрѣля 1852 г., за № 1139.

[2]) Дѣло Канцеляріи Министра Удѣловъ, за № 15 (214), листъ 44. Рапортъ испр. должность директора Керченскаго музея, за № 113.

ганахъ, лежащихъ отдѣльно, на незначительномъ разстояніи отъ сплошныхъ насыпей, открыты были гробницы, обложенныя камнями неправильной формы и различной величины и покрытыя такими же камнями бо̀льшаго размѣра. Въ одной изъ таковыхъ гробницъ, на днѣ ея, найдены были два совершенно истлѣвшіе скелета, лежавшіе рядомъ одинъ возлѣ другаго. У ногъ покойника съ лѣвой стороны оказались четыре простыхъ вазы, изъ которыхъ одна покрыта была грубымъ рисункомъ, полинявшимъ отъ времени, и одинъ простой глиняный кувшинчикъ; возлѣ рукъ — двѣ глиняныя чашечки, два простые кувшинчика и мѣдная небольшая монета; у головы—еще одна такая же монета и три стеклянныя монисты. Въ другой гробницѣ, устроенной также изъ обломковъ дикаго камня, найдено только на пальцѣ лѣвой руки покойника мѣдное колечко и возлѣ него двѣ мѣдныя небольшія пантикапейскія монеты. Это устройство гробницъ изъ остатковъ камня, употребленнаго на устройство гробницы, назначенной для важнаго лица, указываетъ, что покойники принадлежали къ классу небогатыхъ людей, а присутствіе вещей изъ стекла—что они относятся къ римскимъ временамъ.

Разслѣдованіе прочихъ насыпей не имѣло большаго успѣха; однѣ гробницы оказались уже расхищенными, другія представили слѣдующіе неважные предметы: нѣсколько штукъ обломанной мелкой посуды, двѣ-три мѣдныя пряжки, одна глиняная амфора съ неясной надписью на ручкѣ, обломки меча, мѣдныя острія стрѣлъ. Лучшею находкою были украшенія отъ бронзовыхъ уздечекъ; изъ нихъ одни представляли головки барановъ, барса, фигуры грифоновъ и проч. Эти узды были открыты въ курганѣ ($\frac{c}{202}$ на картѣ) на глубинѣ $1^1/_2$ саж., въ земляной гробницѣ, въ которой были зарыты вмѣстѣ скелеты двухъ лошадей покойника, вѣроятно ихъ хозяина, оказавшейся уже расхищенною. Гробницы, въ которыхъ найдены были всѣ эти вещи, были вырыты просто въ землѣ и покрыты однимъ слоемъ камки или рядомъ деревянныхъ брусьевъ, со-

вершенно истлѣвшихъ; другія — небольшими плитами изъ мягкаго известковаго камня. Наконецъ въ одной насыпи открыты были, одна возлѣ другой, три каменныя гробницы, устроенныя изъ небольшихъ штукъ мягкаго пиленаго камня, съ каменными же крышами, составленными изъ небольшихъ плитъ; на одной изъ нихъ, на сторонѣ, обращенной внутрь гробницы, находилась надпись въ двѣ строки:

ΟΣΤΡΑΚΙΟΙ
ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ [1])

Въ работахъ, произведенныхъ близъ южнаго кордона, въ тридцати шести мѣстахъ, разслѣдованныхъ вообще, вырыто было 74 ямы; изъ нихъ 58 оказались совершенно пустыми. Въ разныхъ мѣстахъ сплошныхъ насыпей рыли ямы, въ которыхъ ничего не оказалось. Въ остальныхъ 16 ямахъ отрыто 23 гробницы, въ томъ числѣ 8, — и вѣроятно самыхъ богатыхъ, — расхищенныхъ. Такъ какъ дальнѣйшія изслѣдованія близъ южнаго кордона не представляли никакой надежды на открытіе сколько нибудь замѣчательное, то работы были перенесены въ окрестность города Тамани [2]).

Къ этимъ свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, слѣдуетъ прибавить показанія извѣстнаго нашего ученаго П. В. Беккера, посѣтившаго эти раскопки лѣтомъ 1852 года въ сообществѣ К. Р. Бѣгичева. Онъ говоритъ [3]), что были открыты нѣсколько амфоръ съ ручками и два надгробные камня изъ песчаника. На одной изъ амфоръ, вышиною въ одинъ аршинъ съ вершкомъ, на крышкѣ была

---

[1]) П. В. Беккеръ принимаетъ этотъ камень, вышиною 1 арш., а шириною въ 11 вершковъ, за надгробный и говоритъ, что на немъ находилось крышеобразное украшеніе и трехстрочная надпись, въ которой первая строка совершенно изгладилась. Во второй онъ прочелъ только ΟΣΤΡΑ; чтеніе третьей совершенно согласно съ нашимъ. См. Пропилеи, т. 3, стр. 379 (изд. 2).

[2]) Дѣло № 111, листъ 53 и 56. Рапорты № 45 и 46. Черновой журналъ раскопокъ К. Р. Бѣгичева, стр. 107—113.

[3]) См. Пропилеи, сборникъ, издаваемый П. М. Леонтьевымъ. Т. 3-й, стр. 379

двухстрочная надпись, которой нельзя было разобрать; это должно было быть просто имя фабриканта, и отъ этого имени въ первой строкѣ П. В. Беккеръ прочиталъ ФІΛΟΥ. Что касается до двухъ надгробныхъ камней, то они были найдены въ различныхъ могилахъ. Одинъ изъ нихъ былъ разбитъ и въ этомъ видѣ имѣлъ 14 вершковъ въ вышину и $9^1/_2$ въ ширину. На лицевой сторонѣ, въ верхней ея части, обведенной каймою въ $1^1/_2$ вершка, изображена была въ грубомъ рельефѣ мужская фигура на лошади, пущенной въ галопъ; о второмъ надгробномъ камнѣ сказано выше въ примѣчаніи. Работа обоихъ камней гораздо грубѣе работы на камняхъ, найденныхъ въ Керчи.

2.

Раскопки близъ города Тамани.

а) Раскопки въ насыпи, видимой въ Тамани, на берегу пролива, гдѣ была старая турецкая крѣпость.

Въ этой насыпи, въ разстояніи 40 саженъ отъ берега моря, случайно, при добываніи камня тамошними жителями, на глубинѣ аршина ниже поверхности насыпи, были отрыты каменныя стѣны, имѣвшія въ ширину до $2^1/_2$ арш., устроенныя изъ мягкаго и дикарнаго камня на извести. Наружность этихъ стѣнъ была обтесана; внутренность же наполнена щебнемъ, залитымъ известью, которая отъ времени получила необыкновенную прочность и составила какъ бы сплошную массу, болѣе крѣпкую, чѣмъ камень. Съ перваго взгляда эти стѣны представляли безобразныя груды камня, жалкіе остатки постройки, нѣкогда, можетъ быть, замѣчательной; онѣ носили на себѣ всѣ признаки насильственнаго разрушенія со стороны здѣшнихъ жителей, которые воспользовались ими, какъ готовою каменоломнею.

Одна изъ этихъ стѣнъ, длиною 5 саж. 1 арш., шла по прямому направленію вдоль восточной стороны крѣпостнаго рва, устроеннаго, вѣроятно, Турками. Двѣ другія, длиною 4 саж. $2^1/_2$ арш., примыкали къ ней подъ прямыми углами, составляя такимъ образомъ квадратъ, четвертая сторона котораго скрывалась подъ насыпью, образующею западную сторону крѣпостнаго вала, возвышающеюся съ внѣшней стороны вала до 2 саженъ надъ ложемъ обводной канавы или рва, имѣющемъ болѣе сажени въ основаніи. Ровъ этотъ проходилъ такимъ образомъ черезъ середину этой постройки, отчего обѣ поперечныя стѣны ея оказались уже разобранными настолько, сколько того требовала глубина рва. Это доказываетъ, что стѣны эти, по происхожденію своему, болѣе древни, чѣмъ ровъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были разобраны, стѣны имѣли въ поперечникѣ по три квадратныхъ отверстія, въ $2^1/_2$ арш. каждое, образовавшихся, какъ замѣтно по стѣнкамъ самыхъ отверстій, отъ деревянныхъ брусковъ, отъ времени совершенно истлѣвшихъ, положенныхъ при сооруженіи стѣнъ для равномѣрной осадки камня.

При разслѣдованіи этихъ стѣнъ, съ 30 апрѣля по 2 мая, онѣ не представили ничего замѣчательнаго. Онѣ большею частію оказались уже разрушенными и, мѣстами, даже разобранными до основанія. Къ сожалѣнію должно прибавить, что пространство, которое заключаютъ эти стѣны, вовсе не было изслѣдовано. Самъ К. Р. Бѣгичевъ, въ черновомъ своемъ журналѣ, изъявляетъ желаніе, чтобы во всякомъ случаѣ внутренность этой постройки была очищена отъ земли, чтобы удостовѣриться въ ея происхожденіи и назначеніи, которыя могутъ быть важны для заключенія объ основаніи и происхожденіи всей насыпи вообще, которая своею громадностью обращаетъ на себя постоянное вниманіе ученыхъ.

Вслѣдъ затѣмъ однимъ изъ Таманскихъ жителей въ этой самой насыпи К. Р. Бѣгичеву указано было другое мѣсто, въ разстояніи отъ перваго до 100 саж. и отъ берега моря на

50 саж., близъ фонтана, находящагося у подошвы крѣпости,— въ 8 саженяхъ отъ берега моря. Мѣсто это лежитъ уже внѣ предѣловъ турецкой крѣпости, хотя составляетъ продолженіе общей насыпи, внизу идущей вдоль берега пролива и имѣющей здѣсь до 2 саж. высоты. Здѣсь, какъ и тамъ, проходила огромная канава, построеніе которой надобно отнести къ эпохѣ построенія самой крѣпости. Вдоль этой канавы, идущей перпендикулярно къ морю, отъ юго-запада къ сѣверовостоку, по разсказамъ жителей, тоже случайно, два года передъ тѣмъ, была отрыта каменная стѣна, имѣвшая нѣсколько круглыхъ отверстій, устроенныхъ вертикально, на одинаковомъ одно отъ другого разстояніи и по четыре вмѣстѣ. Эти отверстія, по словамъ очевидцевъ, не были замѣтны на поверхности земли, но ясно обозначались по мѣрѣ того, какъ стѣна была разбираема здѣшними жителями для своихъ построекъ, и шли постоянно во всю глубину стѣны, до основанія которой, будто бы, въ то время не добрались. Нѣкоторые изъ жителей пытались опустить въ эти отверстія щупы, желая узнать ихъ глубину, но до дна ихъ не доставали, что и заставило предполагать, что отверстія эти суть ничто иное, какъ продушины, имѣющія сообщеніе съ подземными погребами, устроенными въ глубинѣ насыпи. Это предположеніе тѣмъ болѣе интересно, что, по преданію, сохранившемуся въ народѣ и перешедшему отъ Турокъ, въ Тамани непремѣнно существуютъ такіе погреба. Разслѣдованіе этого мѣста не представило однако ничего подобнаго. Была ли уже эта стѣна вовсе разобрана, что можетъ быть не всѣ знали, или К. Р. Бѣгичеву было указано не то мѣсто, но, по самомъ обширномъ разслѣдованіи его, никакихъ признаковъ такой стѣны или постройки не открыто [1]).

в) Раскопки въ обрывѣ, на берегу Таманскаго

---

[1]) Дѣло за № 111, листъ 59. Черновой рукописный журналъ раскопокъ К. Р. Бѣгичева, стр. 115—117.

залива, съ лѣвой стороны отъ пристани, гдѣ были найдены Пуленцовскія золотыя монеты.

Эти раскопки, продолжавшіяся съ различными перерывами отъ 2-го мая до сентября, въ высшей степени интересны въ археологическомъ отношеніи. Онѣ показываютъ, какъ постепенно одинъ народъ селился на пепелищѣ жилищъ другого, болѣе древняго народа. Эта насыпь вообще состоитъ изъ трехъ слоевъ, рѣзко отдѣляющихся одинъ отъ другого цвѣтомъ и составомъ частей наносной земли.

Верхній слой, толщиною до двухъ саженъ, представляетъ смѣсь чернозема, камки, золы и всякаго мусора, показывающаго его недавнее образованіе. Средній, почти такой же толщины, состоитъ преимущественно изъ наноснаго ила, смѣшаннаго съ золою, и отдѣляется отъ верхняго неправильнымъ слоемъ камня, образовавшимся отъ развалинъ бывшихъ на немъ построекъ. Слой этотъ, по формѣ сосудовъ, въ немъ найденныхъ во время изслѣдованій, а также по устройству гробницъ, которыя всѣ земляныя и безъ всякой покрышки, очевидно, турецкаго происхожденія.—Подъ нимъ лежитъ слой древней насыпи, собственно греческой, отличающейся цвѣтомъ ровнымъ сѣроватой глины, перемѣшанной съ черепками битыхъ сосудовъ греческой работы. Въ этой насыпи мѣстами прорѣзываются тонкіе слои камки, показывающіе присутствіе древнихъ гробницъ.

Раскопки произведены были въ томъ мѣстѣ этой насыпи, гдѣ, съ внѣшней стороны, она казалась наиболѣе возвышенною сверху и наиболѣе углубленною снизу. Общая высота обрыва простиралась въ этомъ мѣстѣ до 10 саженъ; собственная же насыпь занимала отъ 5 до 6 саж. толщины. Здѣсь-то было занято протяженіе по обрыву на $15^1/_2$ саж. въ длину и $8^1/_2$ въ ширину и произведены изслѣдованія, которыя привели къ слѣдующимъ результатамъ.

Въ верхнемъ слоѣ насыпи найдены были двѣ мѣдныя монеты, изъ которыхъ одна оказалась русская, а другая была

слишкомъ затерта и неясна для опредѣленія: три глиняные, обезображенные временемъ и сыростью, кувшина объ одной ручкѣ, формы турецкой, отрытые на глубинѣ отъ 2 до 3 саж. На такой же глубинѣ въ другомъ мѣстѣ этой насыпи отрыты были одна совершенно покрытая ржавчиною мѣдная монета и нѣсколько окаменѣлыхъ (?) частицъ скелета, заключавшихся въ гробницѣ, вырытой просто въ землѣ, безъ всякой покрышки и весьма неглубокой. Встрѣчавшіеся въ этомъ слоѣ черепки принадлежали простымъ сосудамъ грубой работы, изъ грубой глины. По углубленіи въ насыпь на четыре сажени, открыто еще нѣсколько турецкихъ сосудовъ, также поврежденныхъ и разбитыхъ; два обломка стеклянныхъ браслетовъ, голубаго и бѣлаго цвѣта; нѣсколько мѣдныхъ, совершенно окисшихъ, монетъ и костяная палочка въ $^1/_4$ арш. длины, обдѣланная съ одного конца въ видѣ змѣиной головки.

На высотѣ двухъ саженъ отъ поверхности материка, въ насыпи, которую, по отличительнымъ признакамъ, слѣдуетъ называть собственно древнею или греческою, между грудами камней и остатками каменныхъ стѣнъ отъ бывшихъ на этомъ мѣстѣ построекъ, открытъ былъ обломокъ нижней части мраморной статуи небольшаго размѣра, покрытый драпировкою, по показанію П. В. Беккера, работы довольно грубой [1]). На глубинѣ $4^1/_2$ саж., между стѣнами зданій и камнемъ, котораго здѣсь встрѣчаютъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, была найдена небольшая мраморная плита, обезображенная временемъ, безъ всякой надписи и изображеній. Еще ниже на полсажени, въ другомъ мѣстѣ, былъ найденъ большой остроконечный сосудъ, въ видѣ амфоры, поврежденный сыростью, съ обломанными горломъ и ручками; внутри сосуда ничего не находилось. Между обломками мелкихъ греческихъ сосудовъ въ этомъ нижнемъ слоѣ открыто было до семи амфоръ разной величины и формы, большею частію подавленныхъ тяжестью земли, и,

---

[1]) См. Пропилеи, томъ III, стр. 376.

наконецъ, нѣсколько мѣдныхъ монетъ, сильно покрытыхъ окисью, принадлежавшихъ, судя по типу, къ монетамъ боспорскимъ.

По углубленіи на семь саженъ отъ поверхности земли, въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ производились раскопки, наконецъ дошли до материка. Надобно полагать, что въ обрывѣ поверхность матерой земли была неровная. Сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ она оказалась изрытою продолговатыми углубленіями, въ родѣ канавъ, и круглыми ямами различнаго объема. Вѣроятно, эти углубленія были сдѣланы въ древности мѣстными жителями для какихъ-либо домашнихъ потребностей, какъ-то: погребовъ, винохранилищъ и т. д. На самомъ материкѣ лежала чистая насыпь, состоявшая изъ слоевъ чернозема, сланца и песку. Выше этого чистаго слоя, въ древнѣйшей насыпи, и преимущественно въ одной части ея, срытой въ обрывѣ, собрано было значительное количество черепковъ разбитыхъ греческихъ вазъ, превосходной работы, до тѣхъ поръ рѣдко встрѣчавшейся на Тамани. Нѣкоторые фрагменты этихъ сосудовъ были покрыты рисунками; на другихъ замѣтны были, большею частію на днѣ, нарѣзанныя слова и монограммы, на подобіе монограммъ, встрѣчаемыхъ на греческихъ монетахъ. Между фрагментами сосудовъ отыскана была небольшая ваза съ чернымъ рисункомъ по красному полю, изображавшимъ битву съ животными (вѣроятнѣе, охоту). Рисунокъ этой вазочки, по увѣренію рукописнаго журнала раскопокъ, былъ весьма замѣчательнаго характера и относился къ древнѣйшей эпохѣ греческаго искусства. Сверхъ того, найденъ былъ фрагментъ верхней части небольшой вазы, покрытой чернымъ лакомъ, на которомъ замѣтны были слова:

ΜΕΝΕΥΘΥΜΗΤΕΡ

Всѣ эти обломки были представлены графу Л. А. Перовскому, лично присутствовавшему при окончательныхъ работахъ въ обрывѣ 13 августа 1852 г. Видя, что материкъ въ

обрывѣ не находился на равномъ углубленіи отъ поверхности земли, графъ приказалъ углубиться еще на сажень въ материкъ, который хотя и былъ обнаруженъ тогда на всемъ пространствѣ срытой площади, на глубинѣ уже $6^1/_2$ саж., но мѣстами скрывался еще подъ наносною землею. Эта окончательная работа продолжалась еще до двухъ недѣль, въ теченіе которыхъ материкъ былъ срытъ болѣе, чѣмъ на полсажени. Но какъ на поверхности материка, такъ и въ самомъ материкѣ не оказалось рѣшительно никакихъ предметовъ древности. Послѣ этого работа въ обрывѣ, составлявшая всего до 925 куб. саж., была прекращена [1]).

Въ различныхъ мѣстахъ Греціи, и преимущественно на островахъ Архипелага и Средиземнаго моря, гдѣ въ новѣйшее время произведены были археологическія изслѣдованія г. Зальцманомъ, встрѣчаются подобные же примѣры историческаго наслоенія народовъ, обитавшихъ одинъ за другимъ на той же мѣстности. За Византійцами и Римлянами слѣдуютъ постепенно углубляясь, гробницы Грековъ. На многихъ островахъ Греціи самый нижній слой принадлежитъ даже Финикіянамъ. Подобнаго явленія мы не встрѣчаемъ на мѣстности, находящейся не далеко отъ города Тамани. Нижній слой насыпи въ обрывѣ принадлежитъ Грекамъ: они были первыми поселенцами, жившими на этой мѣстности. Само собою разумѣется, что это замѣчаніе относится именно только къ этой мѣстности, а не ко всему Таманскому полуострову. Будущія изслѣдованія можетъ быть укажутъ, что ниже греческаго слоя, въ другихъ мѣстахъ, лежитъ слой, свидѣтельствующій о древнихъ, болѣе отдаленныхъ по времени народахъ, обитавшихъ на этой почвѣ. Можетъ быть будутъ найдены древности, относящіяся къ первымъ жителямъ Боспора, къ каменному вѣку,

---

[1]) Дѣло подъ № 111, листъ 59, 62 и 65. Рапорты испр. д. директора Керченскаго музея древностей за №№ 52, 58, 65. Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15 (214), листъ 44. Рапортъ его же за № 113. Рукописный черновой журналъ К. Р. Бѣгичева, стр. 115—126 и 165 и 166.

котораго существованіе обнаружено и въ самой Греціи. Археологія будетъ говорить языкомъ памятниковъ тамъ, гдѣ молчитъ исторія. Во всякомъ случаѣ, древнѣйшій слой въ обрывѣ, лежащій на материкѣ, есть слой чисто-еллинскій, свидѣтельствующій о значительномъ поселеніи, находившемся на этомъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ въ VI столѣтіи до Р. Х. Значительность его свидѣтельствуется развалинами множества каменныхъ построекъ и присутствіемъ въ нихъ мрамора и даже мраморныхъ статуэтокъ; древность—архаическимъ, но уже развитымъ стилемъ живописи на вазахъ, тутъ найденныхъ. Остатки народовъ, поселявшихся тутъ, на развалинахъ греческихъ жилищъ, говорятъ сами за себя. Но нельзя не выразить желанія, чтобы вся мѣстность, на которой стояла турецкая крѣпость, и вся окрестность ея, были изслѣдованы точнымъ образомъ. Правда, расходы подобныхъ раскопокъ никогда, по всей вѣроятности, не окупятся цѣнностью находокъ, но открытіемъ надписей, произведеній ваянія и т. д. онѣ прольютъ свѣтъ на исторію народовъ и опредѣлятъ мѣста ихъ жительства точнѣе, чѣмъ догадки, основанныя на шаткомъ толкованіи мѣстъ древнихъ писателей.

3.

Раскопки близъ станціи Сѣнной.

Изъ всѣхъ мѣстъ, изслѣдованныхъ въ 1852 году, самыя обширныя раскопки были произведены въ курганахъ близъ станціи Сѣнной. Тамъ было разработано 17 кургановъ, изъ коихъ восемь изслѣдованы окончательно. Въ курганахъ этихъ открыто 35 разнаго рода гробницъ; въ томъ числѣ 23 цѣлыхъ и 12 расхищенныхъ. Изъ числа первыхъ только въ восьми открыты болѣе или менѣе замѣчательные предметы древности; другія же 15 не заключали въ себѣ ничего, кромѣ

истлѣвшихъ костей покойниковъ [1]). Работы начаты были 29 іюля и окончены въ ноябрѣ, по случаю наступившей ненастной погоды. Изслѣдованные курганы лежали по слѣдующимъ направленіямъ: на возвышенности между Боспорскимъ заливомъ и Ахтанизовскимъ лиманомъ; на вулканической горѣ въ томъ же направленіи; по берегу Боспорскаго залива; возлѣ самаго хутора Семеняки, на низменности, составляющей прибрежье Боспорскаго залива, и, наконецъ, на аллеѣ кургановъ, идущей у Ахтанизовскаго лимана. Мы сперва разсмотримъ главныя характеристическія черты внѣшняго вида кургановъ и устройства гробницъ, вытекающія изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ этихъ раскопкахъ, и затѣмъ исчислимъ и опишемъ подробно открытыя древности.

Начнемъ съ внѣшняго вида кургановъ. Извѣстно, что на боковыхъ сторонахъ и на вершинахъ ихъ весьма часто встрѣчаются впадины. Причины появленія этихъ впадинъ до тѣхъ поръ объяснялись обыкновенно тѣмъ, что онѣ образовывались вслѣдствіе расхищенія гробницъ посредствомъ минъ. Впадина на курганѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что находящаяся въ немъ гробница уже пуста: оттого изслѣдователи обыкновенно не приступаютъ къ раскопкѣ подобныхъ кургановъ, а ищутъ кургановъ цѣлыхъ, сохранившихъ свой первоначальный видъ и потому обѣщающихъ вознаградить труды изслѣдователя. Открытіе, сдѣланное въ курганѣ съ впадиною, привело къ другому предположенію о происхожденіи впадинъ. Именно, раскопки были начаты съ самаго большаго кургана, лежащаго въ вышеназванномъ первомъ направленіи. Этотъ курганъ, правильной конической формы, имѣвшій въ центрѣ до четырехъ саж. высоты и до 60 въ окрестности у подошвы, имѣлъ большую впа-

---

[1]) Обзоръ археологическихъ розысканій, произведенныхъ въ окрестностяхъ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ съ августа 1852 г. по настоящее время, и образованіе новаго штата Керченскаго музея. Рукопись изъ собранія Я. М. Лазаревскаго.

дину съ западной стороны, и раскопки были именно начаты съ самой впадины. Какъ значительный объемъ кургана, такъ и сосѣдство съ курганомъ, гдѣ найденъ былъ мраморный саркофагъ, обѣщали открытіе замѣчательныхъ предметовъ древности. Ожиданіе это оправдалось: сперва показался толстый, въ полъ-аршина, слой отесковъ изъ мягкаго керченскаго камня, свидѣтельствовавшій, что въ курганѣ находится каменная постройка. Оставивъ на время разслѣдованіе этого слоя, продолжали раскопку далѣе, и въ разстояніи $4^1/_2$ саж. отъ подошвы и на глубинѣ 2 саженъ отъ поверхности кургана обнаружена была постройка изъ землянаго кирпича, имѣющая 5 арш. длины, $4^1/_2$ ширины и $2^1/_2$ высоты. Толстые деревянные брусья, перекрывавшіе эти стѣны, составляли крышу этой постройки. Съ теченіемъ времени они сгнили и, отъ давленія насыпи сверху, рушились внутрь гробницы. При открытіи брусья оказались совершенно истлѣвшими. Подъ ними была открыта нетронутая похитителями гробница съ разными вещами. Отсюда вывели слѣдствіе, что впадины вовсе не суть слѣдствія прежняго разрытія, но происходятъ отъ обрушившейся внутрь кургана постройки. Это предположеніе К. Р. Бѣгичевъ передалъ П. В. Бекеру, въ іюлѣ мѣсяцѣ видѣвшему эту раскопку. И онъ раздѣлялъ сангвиническія надежды изслѣдователя. «Можетъ быть, углубленія и на всѣхъ другихъ курганахъ, пишетъ онъ, происходятъ отъ той же причины, и, допустивши это, мы можемъ ожидать находокъ» [1]). Изслѣдователь заключилъ, что сохраненіемъ гробницы, въ которой найдены были прекрасныя золотыя вещи, мы обязаны, конечно, впадинѣ, которая образовалась сама собою отъ провала земли внутрь гробницы. Провалъ земли вмѣстѣ съ сгнившею крышею образовалъ на поверхности кургана впадину, принятую всѣми за углубленіе, происшедшее отъ тайной раскопки кургана. Обстоятельство это казалось тѣмъ болѣе важно, что близъ станціи Сѣнной нахо-

---

[1]) Пропилеи, т. III, стр. 380.

дится весьма много большихъ кургановъ съ подобными впадинами. Для бо́льшаго удостовѣренія въ томъ, что впадины, видимыя на этихъ курганахъ, одинаковаго образованія, тѣмъ болѣе, что гробницы, устроенныя изъ кирпичныхъ стѣнъ съ деревянною крышкою — одна изъ самыхъ распространенныхъ формъ гробницъ на Таманскомъ полуостровѣ, приступлено было къ разрытію нѣсколькихъ кургановъ съ впадинами на боковыхъ сторонахъ или на вершинѣ; но предположенія эти во всѣхъ раскопкахъ 1852 года не оправдались: всѣ гробницы оказались расхищенными до основанія, и въ одномъ изъ кургановъ, подъ самой впадиной, не найдено и малѣйшаго признака существованія постройки, такъ что сдѣланное открытіе нетронутой гробницы подъ впадиной оказалось исключеніемъ, а не правиломъ. Это побудило К. Р. Бѣгичева въ письмѣ къ графу Л. А. Перовскому сказать: «Курганы въ Черноморіи, какъ съ правильною, нетронутою поверхностью, такъ и со впадинами, представляютъ собою загадку, неразрѣшенную до тѣхъ поръ, пока они стоятъ на мѣстѣ». Вѣроятно, эта загадка разрѣшится не скоро, потому что эти насыпи—безъ числа: каждый шагъ земли — могила [1]).

Для познанія метода насыпанія кургановъ, бывшаго въ употребленіи у древнихъ, весьма поучительно было изслѣдованіе одного кургана на берегу Боспорскаго залива, лежащаго нѣсколько ближе къ станціи и обозначеннаго въ журналѣ раскопокъ подъ № 10. Курганъ этотъ, имѣвшій въ центрѣ до 4 саж. высоты и до 70 въ окружности, былъ прорѣзанъ накрестъ, при чемъ въ центрѣ его, на половинѣ высоты отъ поверхности кургана, найдена была вѣха, стоящая вертикально. Одинъ разрѣзъ шелъ отъ сѣвера къ югу, другой отъ востока къ западу. Въ сѣверномъ и южномъ концахъ этого кургана открыты были двѣ гробницы, устроенныя изъ нежженаго кирпича и оказавшіяся нерасхищенными. Въ срединѣ же кургана,

---

[1]) Дѣло за № 111, листъ 69.

несмотря на бывшую тамъ деревянную вѣху, показывавшую, по предположенію изслѣдователя и надсмотрщиковъ надъ работами, центръ кургана, гдѣ должна находиться главная гробница, по углубленіи до материка ничего не открыто. Вслѣдствіе этого должно сдѣлать предположеніе, что первоначально здѣсь было два кургана, принадлежавшіе, быть можетъ, одному семейству и заключавшіе въ центрѣ своемъ каждый упомянутыя выше двѣ гробницы. Впослѣдствіи оба кургана были соединены въ одинъ, при чемъ вѣха, открытая при раскопкѣ, вѣроятно поставлена рабочими при слитіи двухъ кургановъ въ одинъ, чтобы показать центръ ихъ соединенія. Замѣчательно, что курганъ этотъ имѣлъ присыпь, идущую на значительное протяженіе, въ которой тоже найдено нѣсколько гробницъ, что еще болѣе подтверждаетъ догадку, что онъ служилъ кладбищемъ одному семейству въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній [1]).

Особое явленіе представляла поверхность материка въ другомъ курганѣ, находившемся въ недальнемъ разстояніи отъ сейчасъ описаннаго. Въ этомъ курганѣ, разрытомъ совершенно до основанія, и гдѣ нашлась только одна незначительная гробница, открыли нѣсколько круглыхъ ямъ отъ $1^{1}/_{2}$ до $2^{1}/_{2}$ арш. въ діаметрѣ и почти такой же глубины. Эти ямы были всѣ наполнены золою, но безъ всякаго признака погребенія въ нихъ человѣка. Такихъ ямъ открыто было въ этомъ курганѣ семь; изъ нихъ только двѣ наполнены были золою, перемѣшанною съ мелкими раковинами; остальныя пять заключали чистую золу. Гробница же, находившаяся въ этомъ курганѣ, устроена была на насыпи, которою были прикрыты всѣ эти ямы. Случайное ли онѣ явленіе, или въ нихъ сложена была, какъ нѣчто свя-

---

[1]) Совершенно характеръ фамильной гробницы носитъ на себѣ одна земляная гробница, найденная въ присыпѣ этого кургана (№ 10). Въ этой гробницѣ находилось шесть скелетовъ, различнаго пола и возраста. Одинъ, женскій, лежалъ въ деревянномъ гробѣ; два дѣтскіе находились у ногъ его, поперекъ гробницы; третій, дѣтскій, лежалъ въ изголовьѣ и два остальные скелета лежали съ боку гроба.

щенное, зола отъ другихъ костровъ, такъ какъ въ нежженыхъ гробницахъ сохраняется большею частію только небольшое количество золы, и именно съ того мѣста, гдѣ лежалъ сожженный покойникъ?

Другое явленіе, которое археологи не въ состояніи объяснить, есть крѣпость земли, которую иные курганы получаютъ, вѣроятно, вслѣдствіе времени и свойства земли, служившей для насыпки такихъ кургановъ. Земля дѣлается столь тверда, что рабочіе не только не въ состояніи дѣлать разрѣзъ желѣзными заступами, но принуждены колоть землю желѣзными кирками и ломами. Таково было разслѣдованіе насыпи, видимой на вершинѣ вулканической горы, лежащей по направленію между Боспорскимъ заливомъ и Ахтанизовскимъ лиманомъ, и кургана, лежащаго близъ этой же горы. Земля въ обоихъ случаяхъ была солонцеватая, но была ли она взята съ окружности кургановъ, или привезена издали? Для насыпанія компактнаго кургана, даже небольшихъ размѣровъ, нужно огромное количество ея. Откуда брали эту землю? Безъ сомнѣнія, ее привозили съ разныхъ мѣстъ, иначе нельзя себѣ представить построеніе такого огромнаго кладбища, каково то, которое окружаетъ Сѣнную станцію. Здѣсь около 300 кургановъ, тѣсно стоящихъ другъ возлѣ друга, изъ которыхъ множество—цѣлыя горы. Изслѣдованіе этого археологическаго вопроса естествоиспытателемъ было бы весьма интересно для науки, иначе нельзя объяснить себѣ, почему на одной и той же мѣстности стоятъ иногда рядомъ курганы изъ рыхлой и изъ твердой земли. Рабочіе неохотно приступаютъ къ изслѣдованію такихъ кургановъ, и сланецъ вышеупомянутаго втораго кургана былъ столь крѣпокъ, что рабочіе отказались отъ раскопки этого кургана до наступленія осени, полагая, что земля въ это время отсырѣетъ и сдѣлается болѣе мягкою.

Наконецъ, говоря объ устройствѣ кургановъ, слѣдуетъ сказать о многочисленныхъ минахъ, открытыхъ въ раскопкахъ 1852 года. Всѣ мины вели прямо къ цѣли, т. е. къ какой-

либо гробницѣ, найденной и расхищенной, и въ одномъ курганѣ (№ 11) ихъ было даже три. Опытъ научилъ изслѣдователей покидать разработку кургана при открытіи минъ. Что онѣ проведены были людьми, знавшими положительно, гдѣ съ покойникомъ схоронено много золота, было ясно. Мины были найдены проведенными не только къ гробницамъ, сложеннымъ изъ кирпича или камня, но даже къ простымъ землянымъ гробницамъ. Такъ, въ одномъ курганѣ, обозначенномъ № 13, найдена была значительная мина, ведущая прямо къ гробницѣ, вырытой просто въ материкѣ и покрытой нѣсколькими слоями камки. Очевидно, что на существованіе ея не могли указать ни отески, ни какіе-либо другіе признаки.

Что касается до гробницъ, открытыхъ въ этихъ раскопкахъ, то, по устройству, онѣ принадлежали къ извѣстнымъ видамъ. Особенно часты были находки земляныхъ гробницъ, которыхъ стѣны были сложены изъ нежженаго кирпича, а крыша состояла изъ толстыхъ деревянныхъ брусьевъ. Послѣдній родъ особенно часто встрѣчается на Таманскомъ полуостровѣ и составляетъ здѣсь признакъ богатаго класса умершихъ, точно такъ, какъ въ Керчи гробницы, сложенныя изъ штукъ мягкаго раковистаго керченскаго камня. При отсутствіи на Таманскомъ полуостровѣ подобнаго рода дешеваго и въ изобиліи находящагося въ Керчи матеріала, мѣстные жители употребляли для гробницъ (и, вѣроятно, и для жилищъ) кирпичъ, высушенный на солнцѣ. Только одна подобная гробница въ курганѣ на берегу Боспорскаго залива, обозначенномъ № 11, имѣла также и круглый кирпичный сводъ, впрочемъ найденный уже обрушившимся, вѣроятно, вслѣдствіе давленія на него насыпи. — Каменная гробница была открыта только одна, на южной сторонѣ кургана, лежащаго на берегу Боспорскаго залива, нѣсколько ближе къ станціи, и обозначеннаго № 10, необыкновенно замѣчательная по конструкціи. Она была устроена изъ небольшихъ (привозныхъ) штукъ мягкаго керченскаго камня и была длиною 2 арш. и 14 вершк., ши-

риною 1 арш. 5 вершк. и вышиною 2 арш. и $2^1/_2$ вершка, съ крышею подъ прямымъ угломъ, вершина коего сведена надъ центромъ гробницы и основанія на ея продольныхъ стѣнкахъ. Этотъ родъ постройки, крытой на подобіе остроконечной кровли дома, былъ первымъ примѣромъ какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ берегахъ Боспора. Стѣнки гробницы, устроенныя параллельно въ основаніи, нѣсколько съуживаются къ верху, такъ что въ основаніи имѣли между собою разстоянія 1 арш. 5 вершк., а вверху только $15^1/_2$ вершковъ. Плиты крыши, длиною 10 вершковъ, сходились съ своими вершинами подъ прямымъ угломъ надъ центромъ гробницы, образуя высоту гробницы въ 2 арш. и $2^1/_2$ вершка, тогда какъ боковыя стѣнки ея имѣли 1 арш. и 12 вершковъ.—Входъ въ эту гробницу былъ устроенъ въ одной изъ поперечныхъ стѣнокъ гробницы съ западной ея стороны и лежалъ на второмъ ряду камня снизу, имѣя въ ширину 12 вершк. внизу и 9 вершк. вверху, и 1 арш. 6 вершк. высоты, представляя собою срѣзанный конусъ. Входъ этотъ, заложенный небольшими штуками камня, проходилъ не по срединѣ гробницы, а прилегалъ къ одной изъ боковыхъ стѣнокъ гробницы, къ южной сторонѣ, приходясь вверху, съ другой своей стороны, противъ вершины крыши. Гробница эта лежала на материкѣ (на четыре арш. ниже поверхности кургана), имѣя отъ своей вершины до поверхности кургана около полутора арш. Къ сожалѣнію, гробница эта, сосѣдняя съ той, въ которой открыты были вазы въ видѣ статуй, — о которыхъ мы будемъ сейчасъ говорить,—оказалась уже расхищенною. Двѣ плиты ея крыши были сняты и все, что въ ней могло быть драгоцѣннаго, унесено похитителями, оставившими въ ней только нѣсколько остріевъ мѣдныхъ стрѣлъ, одну маленькую мѣдную монету типа Пантикапеи и нѣсколько черепковъ сосудовъ простой греческой работы.

Изъ погребальныхъ обычаевъ мѣстныхъ жителей, свѣдѣнія о которыхъ можно извлечь изъ этихъ раскопокъ, нѣкоторые, безъ сомнѣнія, указываютъ на обычаи скиѳскіе, варварскіе.

Такъ, въ курганѣ № 1, на ряду съ гробницами воиновъ, одѣтыхъ въ полномъ воинскомъ костюмѣ того времени, открыта была устроенная также изъ нежженаго кирпича гробница, занимавшая болѣе 3 квадр. саж. плоскости, гдѣ найдено четыре скелета лошадей, лежавшихъ головами въ одну сторону—на юго-востокъ. Возлѣ гробницы другихъ двухъ воиновъ, лежавшихъ въ панцыряхъ, въ курганѣ № 2, открыто было пять скелетовъ лошадей съ уздами. Скелеты эти лежали не въ одну сторону, какъ въ предыдущей гробницѣ, но были расположены слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: одна лошадь лежала головою къ хвосту другой, другая хвостомъ къ головѣ третьей и т. д. Съ другой стороны гробницы двухъ воиновъ найдено было еще отдѣленіе, въ которомъ открыты были также шесть скелетовъ лошадей, лежавшихъ попарно, одна къ другой хребтами и головами вмѣстѣ. На головахъ ихъ также находились мѣдныя узды. Вся постройка съ двумя отдѣленіями для лошадей занимала до 12 квадр. саженъ. Такое положеніе ясно указываетъ, что лошади положены были сюда не вслѣдствіе ихъ естественной смерти, но убиты, по обычаю Скиѳовъ, о которомъ упоминаетъ Геродотъ, при погребеніи ихъ властелина. Вотъ почему кони, товарищи походовъ, лежатъ возлѣ могилы самого воина. Подобное же предположеніе о перенесеніи чисто-скиѳскихъ обычаевъ на почву, гдѣ жило смѣшанное населеніе, мы позволяемъ себѣ вывести изъ другого факта. Передъ входомъ въ гробницу въ курганѣ № 7 открытъ былъ человѣческій скелетъ, лежавшій бокомъ просто на землѣ, безъ всякихъ вещей. Ясно, что это былъ рабъ, умерщвленный, по обычаю Скиѳовъ, при похоронахъ господина. Къ числу странныхъ явленій должно отнести, что въ одномъ курганѣ найдена была, къ центру кургана, съ южной его стороны, земляная гробница, занимавшая не болѣе квадратнаго аршина. Въ ней прахъ покойника, совершенно истлѣвшій, находился въ скорченномъ положеніи. Возлѣ костей ничего не найдено.

Переходя къ описанію предметовъ древности, открытыхъ въ раскопкахъ 1852 года, мы должны сперва устранить нѣсколько турецкихъ гробницъ, которыя открыты были въ курганѣ, лежащемъ возлѣ хутора Семеняки, на низменности, составляющей прибрежье Боспорскаго залива, и имѣющемъ въ центрѣ болѣе 8 саж. высоты. По углубленіи на 1½ саж., встрѣченъ былъ материкъ, состоящій изъ чистаго бѣлаго песка, перемѣшаннаго съ слоями мелкаго морскаго камня. Въ насыпи же открыта, на глубинѣ одной сажени, гробница, устроенная изъ небольшихъ штукъ мягкаго камня, въ коей находилось два покойника, между костями коихъ, весьма хорошо сохранившимися, никакихъ вещей не найдено. Въ другомъ мѣстѣ этого кургана оказались, на незначительной глубинѣ насыпи, такія же гробницы. Почему изслѣдователь назвалъ ихъ турецкими, трудно рѣшить; можно предположить, что вслѣдствіе устройства ихъ на незначительной глубинѣ въ насыпи. По всему видно, что, по нахожденіи этихъ гробницъ, работы въ этомъ курганѣ были прекращены, потому что курганъ въ центрѣ имѣлъ 5 саж. высоты. Вѣроятно рабочіе, дошедъ до слоя песка, не пожелали продолжать работы: античныя гробницы, вѣроятно, лежали ниже этого слоя (подобный курганъ былъ раскопанъ и въ 1859 году). Единственными предметами древности, открытыми въ насыпи этого кургана, были двѣ мѣдныя монеты, изъ коихъ одна принадлежала городу Амису, а другая Синопу. Нахожденіе этихъ античныхъ монетъ въ насыпи свидѣтельствуетъ, что по происхожденію своему она принадлежитъ не новѣйшей эпохѣ, напр. турецкаго владычества, но насыпана во времена существованія Боспорскаго царства. Четыре мѣдныя небольшія монеты типа Пантикапеи были открыты также въ насыпи, видимой на вершинѣ вулканической и не разрытой окончательно вслѣдствіе крѣпости грунта, о чемъ сказано выше.

Самыя интересныя и замѣчательныя находки предметовъ древности были сдѣланы въ двухъ курганахъ: №№ 1 и 10. Разсмотримъ сперва находки, сдѣланныя въ курганѣ № 1, ле-

жавшемъ на возвышенности между Боспорскимъ заливомъ и Ахтанизовскимъ лиманомъ. Подъ впадиною, находившеюся на этомъ курганѣ, открыта была описанная выше постройка или склепъ изъ нежженаго кирпича, который имѣлъ крышу изъ деревянныхъ брусьевъ. Въ правомъ углу этой постройки отрыты были въ землѣ два глиняные сосуда въ видѣ амфоръ, съ двумя ручками, уже раздавленные землею. Внутри каждаго изъ нихъ найдено по одной золотой подвѣскѣ, сдѣланной въ видѣ продолговатыхъ, остроконечныхъ шариковъ, съ вытиснутыми на нихъ украшеніями, изображавшими: подвѣску, звѣздочку, змѣйку и большую муху. По очисткѣ земли, сосуды распались на части. Возлѣ сосудовъ собрано было нѣсколько мѣдныхъ остріевъ стрѣлъ, сильно окисшихъ и большею частію поломанныхъ, и, наконецъ, желѣзное копье, тоже окисшее и поломанное.

На днѣ постройки открыты были два совершенно истлѣвшіе скелета, обращенные головою на востокъ, оба въ деревянныхъ гробахъ, стоявшихъ одинъ возлѣ другаго. Доски гробовъ такъ сгнили, что нельзя было судить ни объ величинѣ его, ни о наружномъ видѣ. Первый скелетъ былъ мужской. Желѣзный панцырь съ мѣдными связями, въ видѣ листковъ, покрывалъ верхнюю часть корпуса. Множество стрѣлъ, мѣдныхъ болѣе ста и желѣзныхъ до сорока, обломки меча и копье были найдены возлѣ лѣваго бока покойника, но все до такой степени было покрыто ржавчиною и поломано, что едва можно было составить себѣ понятіе о прежнемъ видѣ этихъ предметовъ. Гробъ мужчины былъ украшенъ мѣдными скобами и стоялъ на мѣдныхъ ножкахъ, изящно отдѣланныхъ.

Другой гробъ заключалъ прахъ женщины, можетъ быть, жены воина, погребеннаго съ нею рядомъ. Кромѣ хрупкой бѣлой массы, въ гробѣ женщины ничего не сохранилось изъ костей. На прахѣ ея были найдены слѣдующіе предметы:

1) Нѣсколько золотыхъ бляшекъ, съ выпуклыми изображеніями, служившихъ, вѣроятно, украшеніемъ, которое на-

шито было, по обычаю боспорскихъ Грековъ, на верхнюю одежду покойницы. Подобныя легкія, но съ большимъ вкусомъ сдѣланныя украшенія часто встрѣчаются въ пантикапейскихъ гробницахъ и недавно найдены также въ значительномъ количествѣ въ прекрасной гробницѣ въ Таманскомъ курганѣ «Близницы». Вытиснутые на этихъ золотыхъ листочкахъ предметы изображали: двѣ звѣздочки, двѣ птички, три мухи (по Беккеру—жуковъ) и три оленя (по Беккеру, лежащихъ козъ).

2) Пара (золотыхъ) подвѣсокъ въ видѣ змѣекъ, съ пирамидальными оконечностями.

3) Нѣсколько (по Беккеру 8) продолговатыхъ, въ видѣ подвѣсокъ, золотыхъ шариковъ съ ушками. Эти два номера составляли часть ожерелья.

4) Пара серегъ массивнаго золота, сдѣланныхъ въ видѣ змѣекъ, съ пирамидальными оконечностями, совершенно схожихъ съ тѣми, которыя были найдены весною 1852 года въ Керчи при розысканіяхъ, произведенныхъ К. Р. Бѣгичевымъ въ курганахъ возлѣ татарской слободки.

У входа въ гробницу лежали, одинъ возлѣ другаго, два большіе остроконечные глиняные сосуда, въ родѣ амфоръ, уже раздавленные землею, въ которыхъ найдено по одной подвѣскѣ въ родѣ выше упомянутыхъ. Третій сосудъ, малаго размѣра, находился нѣсколько далѣе отъ входа и тоже былъ раздавленъ землею.

Послѣ этого открытія раскопки перенесены были на южную сторону того же кургана. Здѣсь, по углубленіи не болѣе одного аршина къ внутренней сторонѣ кургана, слѣдовательно въ насыпи, были отысканы слѣдующіе сосуды, раздавленные тяжестью земли: простая глиняная чашечка, чашечка съ двумя горизонтальными ручками, покрытая чернымъ лакомъ, и маленькій сосудъ, покрытый чернымъ лакомъ, особаго устройства и формы, съ пыпкомъ съ боку и съ ручкою черезъ верхъ. Подобные сосуды часто находятъ въ насыпи, гдѣ ихъ часто разбивали при поминкахъ, во время насыпанія кургана.

Наконецъ въ разрѣзѣ, взятомъ съ сѣверной стороны кургана, отъ самой его подошвы къ центру, открыта была устроенная въ насыпи, на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности кургана и почти столько же отъ материка, гробница, боковыя стѣнки которой, сложенныя изъ нежженаго кирпича, возвышались не болѣе полъ-аршина. Мужской скелетъ, лежавшій въ этой гробницѣ, головою обращенъ былъ на востокъ. Съ правой стороны его лежалъ проржавленный и поломанный мечъ безъ всякихъ украшеній. Подлѣ меча найдена серебряная чашечка съ нарѣзанными на ней украшеніями, отъ времени почти совершенно истлѣвшая. Возлѣ лѣваго плеча находилась простая глиняная чашечка и другая, покрытая чернымъ лакомъ, съ двумя ручками; возлѣ лѣвой руки—бронзовый сосудъ въ видѣ ложки съ длинною вертикальною ручкою. Нѣсколько мѣдныхъ стрѣлъ были разбросаны по гробницѣ.

Въ насыпи на восточной сторонѣ былъ найденъ глиняный кувшинчикъ.

Въ курганѣ № 2, лежащемъ по близости перваго, въ гробницѣ, сложенной изъ нежженаго кирпича и покрытой брусьями, найденъ былъ почти исчезнувшій скелетъ человѣка, возлѣ лѣвой стороны котораго находился пукъ мѣдныхъ острій стрѣлъ, числомъ болѣе 160, сильно окисшихъ и большею частію слипшихся вмѣстѣ. Немного далѣе найдена была золотая круглая бляшка съ вытиснутымъ на ней изображеніемъ звѣздочки. Лѣвѣе перваго скелета лежалъ другой, тоже совершенно истлѣвшій, возлѣ котораго находилась другая связка такихъ же стрѣлъ, еще въ большемъ противъ перваго количествѣ. Оба скелета были облечены въ стальные (?) панцыри чешуйчатообразнаго устройства. Возлѣ стрѣлъ оказались еще двѣ золотыя бляшки, представляющія: одна—изображеніе мухи, другая—мужскую комическую маску. Подлѣ панцыря, съ боку перваго покойника, найдены были обломки желѣзныхъ копій, обыкновеннаго устройства и величины, и обломки меча, совершенно перержавленные и подавленные землею, также какъ

6*

и самый панцырь, отъ котораго уцѣлѣли только весьма незначительныя частицы. На нѣкоторомъ разстояніи влѣво открытъ былъ третій скелетъ, облеченный въ такой же панцырь, но безъ всякаго оружія. У ногъ его найдена была небольшая чашка простой работы и маленькая чашечка, покрытая чернымъ лакомъ, съ ручками, обѣ раздавленныя. Другая гробница въ этомъ курганѣ, отрытая съ западной его стороны, ближе къ подошвѣ кургана, была каменная, но совершенно расхищенная и разломанная до основанія. Должно предполагать, что эта гробница, по величинѣ своей тоже вмѣщавшая нѣкогда нѣсколько скелетовъ, была женская: она-то привлекла своими богатствами грабителей, которые оставили въ покоѣ мужскія, зная, что въ нихъ однѣ мѣдныя вещи, на отысканіе которыхъ не стоитъ тратить труда, какъ-то: панцыри, мечи, копья, стрѣлы и т. д.

Въ небольшомъ курганѣ № 4, лежащемъ на возвышенности, по берегу Боспорскаго залива, по близости почтовой станціи, найдена была земляная гробница, въ которой, возлѣ истлѣвшаго скелета, найдены были: одинъ простой глины кувшинчикъ, такой же маленькій сосудецъ и глиняная лампочка, черной глины, простой работы; на головѣ покойника собрано нѣсколько золотыхъ листочковъ отъ погребальнаго вѣнца.

Въ курганѣ № 5, лежащемъ тоже на берегу Боспорскаго залива, при самомъ материкѣ, открыто было нѣсколько большихъ глиняныхъ амфоръ, лежавшихъ одна на другой, совершенно подавленныхъ землею, въ которыхъ ничего не было.

Въ курганѣ № 8, лежащемъ по аллеѣ, идущей отъ Ахтанизовскаго лимана, въ центрѣ, на материкѣ, отрыта была земляная гробница, наполненная золою и углемъ, между которыми отысканы были кое-какія мелочи, нѣсколько обломковъ сосудовъ, одна каменная съ рѣзьбою мониста, серебряное колечко, — все сильно поврежденное огнемъ при сожженіи покойника. Ясно, что въ вырытую земляную гробницу сложено было все содержаніе погорѣвшаго съ покойникомъ костра. Эта

гробница была открыта Н. И. Надеждинымъ, по порученію Л. А. Перовскаго, въ бытность графа 13-го августа 1852 г.

Переходимъ къ описанію одной изъ самыхъ замѣчательныхъ находокъ, сдѣланныхъ на Таманскомъ полуостровѣ. Въ курганѣ № 10, лежащемъ на берегу Боспорскаго залива, нѣсколько ближе къ станціи, имѣвшемъ въ центрѣ до 4 саж. высоты и до 70 въ окружности, съ сѣверной стороны, на глубинѣ 4 арш. отъ поверхности кургана, въ насыпи, а не на материкѣ, открыта была гробница, устроенная изъ нежженаго кирпича и перекрытая брусьями, внутреннія стѣны которой были обшиты сосновыми досками. На днѣ ея, наполненномъ землею, отрыты были два скелета, лежавшіе въ одномъ деревянномъ гробѣ, головою на востокъ, рядомъ одинъ возлѣ другаго. Возлѣ головы одного изъ нихъ найдены обломки маленькой вазочки, украшенной пальметкой и простая глиняная чашечка. На пальцѣ лѣвой руки скелета было небольшое золотое колечко безъ камней, простой работы, а возлѣ ногъ разбитая алебастрида. Возлѣ костей другаго скелета ничего не найдено. Бѣдное содержаніе гробницы тѣсно связано съ ея положеніемъ въ насыпи. Гробницы, вырытыя на материкѣ, болѣе богаты по содержанію.

Съ южной стороны того же кургана открыта была на материкѣ, 14 августа 1852 года, въ присутствіи графа Л. А. Перовскаго, гробница, которой разслѣдованіе поручено было имъ князю А. А. Сибирскому. По словамъ рукописнаго черноваго журнала К. Р. Бѣгичева, писаннаго карандашемъ и котораго, слѣдовательно, нельзя заподозрить въ лести, «князь А. Сибирскій исполнилъ это дѣло съ удивительнымъ искусствомъ». Этому же ученому нумизмату и археологу мы обязаны описаніемъ этой раскопки, которое передаемъ здѣсь во всей полнотѣ.

Гробница находилась на материкѣ, на глубинѣ 8 арш. и 8 вершковъ отъ поверхности кургана. По сдѣланному измѣренію, длина ея оказалась 3 арш. и $^1/_2$ вершка, ширина 1

арш. $1^1/_2$ вершка, глубина же полтора аршина и полтора вершка. Она была, по показанію К. Р. Бѣгичева, сложена изъ нежженаго кирпича и выложена внутри обшивкой изъ досокъ. Внутренность гробницы была совершенно плотно наполнена землею, насыпавшеюся сюда послѣ разрушенія истлѣвшей деревянной покрышки гробницы. Обстоятельство это мало подавало надежды на сохраненіе всѣхъ не металлическихъ вещей, которыя могли находиться въ гробницѣ; однакоже, при осторожномъ разрытіи земли, въ ней найдены прекрасно сохранившіеся глиняные сосуды въ видѣ статуэтокъ. Землею раздавлены были только два арибалла, находившіеся по обѣимъ сторонамъ изголовья, и одинъ изъ двухъ алавастровъ (ἀλάβαστρον), лежавшихъ у правой и лѣвой руки.

Въ этой гробницѣ, на днѣ, открытъ былъ скелетъ женщины, лежавшей въ деревянномъ гробѣ, головою на востокъ. На черепѣ умершей найдены: 1) два золотыя змѣевидныя согнутыя спирально украшенія, съ пирамидальными оконечностями, въ видѣ фибулъ, аграфъ, или пряжекъ; 2) 43 кружка изъ тонкаго листа золота, одни съ оттискомъ Медузиной маски впрямь (en face), въ четырехъ варіантахъ, другіе — съ профильнымъ женскимъ изображеніемъ. Головной уборъ этого женскаго профиля, согласно съ мѣстомъ, гдѣ найдены упомянутыя золотыя украшенія, можетъ послужить къ объясненію того, какъ распредѣлены были найденныя вещи на головѣ покойницы. На этомъ изображеніи видна повязка съ украшеніями, расположенными или нашитыми на ткани звѣздообразно; повязка эта шире сзади, спереди же она съужена и стянута на челѣ двухконечнымъ аграфомъ, который кажется совершенно схожимъ съ фигурою найденныхъ золотыхъ фибулъ. На изображеніи другое, совершенно подобное украшеніе, продѣто въ волосахъ, на вершинѣ головы: вотъ, повидимому, объясненіе назначенія спиральныхъ украшеній, совершенно подобныя которымъ найдены, также парно, въ двухъ женскихъ гробницахъ, одной — въ Керчи, другой — у Сѣнной станціи.

Еще одинъ кружокъ самаго тонкаго листоваго золота найденъ въ черепѣ; судя по встрѣчавшимся примѣрамъ, онъ находился, вѣроятно, во рту. Листокъ этотъ представляетъ женскій же профиль, прекрасной отдѣлки, но самаго древняго характера, какъ свидѣтельствуетъ особенно очертаніе глаза. Мечъ, представленный позади этого изображенія, совершенно сходный съ обыкновеннымъ представленіемъ Персеева меча (арпа), какъ то видно, между прочимъ, на такъ называемыхъ Евмеловыхъ монетахъ,—даетъ поводъ думать, что это есть профильное изображеніе той же Медузы.

У шеи и у груди найдено: 18 золотыхъ бусинокъ овальной формы, львиная головка, съ ушкомъ для привѣски и круглая золотая пуговка. Всѣ эти вещи составляли, очевидно, шейное ожерелье. Серебряная пряжка на поясѣ, серебряные же браслеты въ видѣ согнутаго обода, съ львиными головками по концамъ, и колечко изъ тонкой золотой проволоки дополняли убранство умершей.

У ногъ, съ правой стороны, найденъ желѣзный (бронзовый?) стригиль, крючекъ желѣзный и три глиняныя чашечки, въ видѣ патеръ или блюдцевъ. Съ лѣвой стороны: кусокъ деревяннаго гребня, нѣсколько мѣдныхъ булавокъ, мѣдное (?) круглое зеркало съ деревянной ручкой, глиняная чашечка въ видѣ стакана, расписанная вокругъ вѣнкомъ изъ листьевъ, и четыре глиняныя раскрашенныя статуэтки.

Послѣдніе четыре предмета, и изъ нихъ въ особенности два, составляютъ лучшую находку гробницы. Всѣ четыре статуэтки превосходно сохранились, но двѣ изъ нихъ замѣчательны еще своимъ превосходнымъ сочиненіемъ, тщательной отдѣлкой и разрисовкой, что все прямо относитъ ихъ къ самой цвѣтущей эпохѣ керамическаго искусства. На геніи даже сохранились слѣды позолоты. Первая изъ этихъ статуэтокъ, образующая сосудъ съ тонкимъ горлышкомъ, представляетъ крылатаго генія. Голова его увѣнчана вѣнкомъ изъ виноградныхъ листьевъ; горло сосуда образуетъ родъ модіуса на го-

ловѣ генія. Въ рукахъ его два одинаковые предмета въ родѣ песочныхъ часовъ или клепсидръ. Съ правой стороны—алтарь. Геній кажется только слетѣвшимъ къ алтарю; крылья его еще широко распущены и не потеряли еще своего напряженія отъ полета. Нижняя часть его женскаго дорическаго хитона отлетѣла влѣво и составляетъ складки, еще волнующіяся отъ вѣтра. Это изображеніе представляетъ, повидимому, генія жизни или смерти, если оно не есть только особое представленіе Гермеса-Психопомпа, т. е. Меркурія, путеводителя душъ и воскресителя мертвыхъ.

Другая статуэтка представляетъ мужчину съ волосами, убранными по-женски и украшенными вѣнкомъ виноградныхъ листьевъ, съ сосудомъ (οἰνοχόη) въ правой рукѣ и барсовой или львиной шкурой въ лѣвой. Эта статуэтка въ высшей степени изящнаго созданія, по всѣмъ признакамъ, есть изображеніе соннаго Вакха, или, еще вѣроятнѣе, его виночерпія—Ампелоса [1]). Внутренняя пустота, широкое отверстіе, сверху образующее пространное горло, и ручка позади составляютъ изъ этой статуэтки кружку, подходящую къ разряду ритоновъ (ῥυτὸν), сосудовъ для питья.—То же значеніе кружекъ или сосудовъ имѣютъ и двѣ остальныя, меньшія статуэтки, представляющія пляшущихъ Вакханокъ.

Вмѣстѣ съ этими четырьмя статуэтками найдена пара глиняныхъ крыльевъ, окрашенныхъ голубою краскою и нарочно разломанныхъ на четыре части. Крылья эти не представляютъ никакихъ слѣдовъ излома на тѣхъ своихъ оконечностяхъ, которыми они могли бы быть прикрѣплены къ статуэткамъ или

---

[1]) Ампелосъ, хотя изъ числа сатировъ, представляется всегда въ видѣ юноши благородныхъ и прекрасныхъ формъ тѣла; иногда только остроконечныя уши указываютъ на его происхожденіе. Образецъ подобнаго происхожденія находится въ прекрасной статуѣ Дрезденскаго музея. Изящной работы изваяніе въ собраніи лорда Эгремонта представляетъ ту же позу οἰνοχόος'а, съ прибавкою хвоста и надписью: Απολλωνιος εποιει. Здѣсь также можетъ быть упомянутъ подходящій къ тому же разряду Коссуціевъ сатиръ Британскаго музея. Ampelos intonsus, Ovid. F. III, 49.

какимъ-либо другимъ предметамъ. Ихъ отдѣльное положеніе, вмѣстѣ съ нарочнымъ симметрическимъ изломомъ каждаго на двѣ части, ясно указываютъ на ихъ аллегорическое значеніе въ погребальномъ обрядѣ. Значеніе это, вѣроятно, имѣетъ связь съ орфической идеей о превращеніяхъ души, давшей начало миѳу о Психеѣ, означеніемъ которой служила часто бабочка или крылья оной [1]).

Мѣдная, покрытая окисью монета, двѣ монисты (одна въ головахъ, другая у ногъ), орѣхи въ головахъ и ногахъ составляли остальныя принадлежности этой замѣчательной гробницы, которая должна быть отнесена къ глубокой древности и къ лучшимъ временамъ искусства, судя по красотѣ статуэтокъ и по работѣ золотыхъ вещей. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ, т. е. золотые круглые оттиски съ изображеніемъ ужасающаго идеала Горгонеона или Медузиной маски и, особенно, самый тонкій листокъ съ профильнымъ изображеніемъ и арпою, при всей тщательности отдѣлки, носятъ несомнѣнные признаки той эпохи, когда искусство, достигнувъ совершенства въ формахъ, не всегда еще было свободно отъ воспоминанія прежнихъ гіератическихъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ полное изящество въ созданіи статуэтокъ указываетъ на то время, когда были современны и живы въ памяти лучшіе образцы греческаго ваянія, когда подобныя статуэтки создавались художнически, а не ремесленно, такъ сказать, не грубо и иногда совершенно варварски, какъ то видно во множествѣ статуэтокъ позднѣйшаго времени Боспорскаго царства, найденныхъ въ Керчи.

По отъѣздѣ гр. Л. А. Перовскаго земля, находившаяся въ гробницѣ, была еще разъ изслѣдована (просѣяніемъ) и въ ней найдена одна золотая буса и двѣ круглыя золотыя бляшки

---

[1]) По орфическимъ идеямъ, тѣло есть темница души. Душа проводитъ жизнь свою на землѣ въ воспоминаніи своего полнаго блаженства первобытнаго соединенія съ Эротомъ. Но, отвергнутая имъ, она горитъ напрасной къ нему страстью, пока смерть не соединитъ ее снова съ богомъ любви.

съ вытиснутыми на нихъ изображеніями масокъ. Свѣдѣніе это сообщаетъ рапортъ К. Р. Бѣгичева подъ № 89 [1]).

Наконецъ, въ этомъ курганѣ были найдены еще слѣдующія древности: въ расхищенной гробницѣ, устроенной въ материкѣ, отыскано было нѣсколько рельефныхъ глиняныхъ украшеній отъ деревяннаго гроба, большею частію раздавленныхъ землею, представляющихъ раскрашенныя изображенія головы Медузы. Подобные орнаменты часто встрѣчались въ керченскихъ гробницахъ. Въ земляной гробницѣ, находившейся въ присыпи этого кургана, идущей на значительное протяженіе къ западу, найдено было пять скелетовъ различнаго пола и возраста, описанныхъ выше. Въ гробѣ, возлѣ костей покойницы, найдены двѣ сережки; изъ нихъ одна простая, сдѣланная изъ золотой проволоки, другая — изъ крученой золотой проволоки, съ подвѣскою, въ видѣ вазочки, и съ филигранными украшеніями, вазочка же убрана голубыми и зелеными камешками; наконецъ, одно золотое колечко съ двумя такими же камешками. Возлѣ костей другихъ скелетовъ отысканы еще четыре простенькихъ колечка съ простыми камешками и глиняная лампочка [2]).

4.

Раскопки кургана въ селеніи «Фонтанъ».

Раскопки огромнаго кургана, лежащаго въ селеніи «Фонтанъ», начаты были 27 іюня и окончены 7-го августа 1852 года. К. Р. Бѣгичевъ имѣлъ въ виду окончательно изслѣдовать курганъ, но онъ не успѣлъ исполнить своего намѣренія: огромный и сильно раскопанный курганъ остается не вполнѣ изслѣдованнымъ и до настоящаго времени, несмотря и на

---

[1]) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ подъ № 15 (214), листъ 2.

[2]) Черновой рукописный журналъ раскопокъ К. Р. Бѣгичева, писанный имъ собственноручно карандашемъ и хранящійся въ архивѣ Керченскаго музея древностей.

позднѣйшія раскопки Я. М. Лазаревскаго. Тѣмъ не менѣе раскопки 1852 года въ высшей степени интересны, потому что знакомятъ насъ съ устройствомъ одной изъ самыхъ большихъ и загадочныхъ насыпей Таманскаго полуострова. Мы назвали курганъ селенія «Фонтанъ» загадочнымъ на томъ основаніи, что во всѣхъ курганахъ этой мѣстности находимы были, кромѣ центральной гробницы, обыкновенно и боковыя гробницы, иногда многочисленныя и богатыя по содержанію. Въ курганѣ селенія «Фонтанъ», несмотря на многочисленныя раскопки, боковыхъ гробницъ не найдено. Повидимому, онъ былъ насыпанъ для одной центральной гробницы, вырытой глубоко въ материкѣ, и въ этомъ отношеніи представляетъ замѣчательное сходство съ чисто-скиѳскими курганами, каковъ напр. Чартомлыкскій курганъ. Съ устройствомъ этой насыпи знакомятъ насъ именно раскопки 1852 года.

Работы въ этомъ курганѣ начаты были съ самой подошвы, съ тѣмъ, чтобы, идя по материку, можно было удобно разслѣдовать курганъ. При этомъ обнаружилось, что прежнія раскопки далеко не доходили до материка. Такъ какъ сѣверо-восточная сторона кургана являлась раскопанною менѣе прочихъ, то и работы были начаты именно съ этой стороны. Первый разрѣзъ, проведенный въ этомъ направленіи отъ подошвы къ центру, по углубленіи до самаго материка, хотя привелъ только къ открытію одной мѣдной окисшей монеты, но указалъ на свойство насыпи. Она вообще состояла изъ глины, безъ всякой примѣси черепковъ или камней, и представлялась одною сплошною массою отъ самой поверхности до материка. Разработка кургана, по причинѣ мягкой земли, была весьма удобна. Вышеозначенная мѣдная монета, столь важная для опредѣленія эпохи насыпи и найденная на глубинѣ одного аршина отъ поверхности кургана, къ сожалѣнію, ни въ рапортахъ, ни въ рукописномъ журналѣ раскопокъ К. Р. Бѣгичева не опредѣлена подробнѣе: рапортъ говоритъ только, что она была типа монетъ боспорскихъ. Несмотря на

разницу въ показаніи глубины, на которой найдена была монета [1]), я полагаю, что это та же монета, о которой говоритъ П. Беккеръ. Она принадлежала временамъ Рескупориса II, принадлежитъ къ извѣстнымъ и не рѣдкимъ монетамъ. Вотъ ея описаніе: голова Рескупориса вправо, съ монограммою: ВАР за головою и съ буквами I В ниже лица; точки по каемкамъ. ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Голова Калигулы вправо. Ясно, что насыпь кургана въ селеніи «Фонтанъ» не позднѣе I-го вѣка по Р. Х.

Несмотря на сплошную массу глинозема, изъ котораго насыпанъ этотъ курганъ, уже въ первомъ разрѣзѣ, на глубинѣ 4 арш. отъ поверхности кургана, обнаружился съ правой стороны обрѣза тонкій слой мягкаго каменнаго мусора, а съ противоположной — слой мелкаго дикарнаго камня въ сажень длины и аршина два шириною. Изслѣдователь не счелъ этихъ признаковъ за указаніе существованія въ курганѣ гробницы или другой какой-либо постройки. Странно, что онъ не рѣшился продолжать идти далѣе къ центру, хотя это былъ бы единственный и лучшій способъ удостовѣриться въ своемъ предположеніи, а счелъ за лучшее начать работу съ другаго конца кургана. Онъ полагалъ изслѣдованіе центра кургана безполезнымъ на томъ основаніи, что тамъ уже находилась глубокая яма прежней раскопки, хотя самъ зналъ, что эти раскопки не доходили до материка. Очевидцы разсказывали ему, что на материкѣ отрыты были три штуки пиленаго мягкаго керченскаго камня, величиною обыкновеннаго пятерика, положенныя въ видѣ буквы П. Этотъ очень темный и недостовѣрный разсказъ, вѣроятно, возбудилъ въ немъ мысль, что центральная гробница давно открыта и расхищена. Считая поэтому безполезнымъ продолжать работу въ томъ же направленіи, К. Р. Бѣгичевъ началъ второй разрѣзъ въ курганѣ, съ сѣверо-западной его части, остававшейся тоже еще не раз-

---

[1]) По рапорту № 113, она найдена была на глубинѣ одного аршина отъ поверхности кургана; по Беккеру (стр. 882), на двухъ саженяхъ глубины.

рытою, такъ что она показывалась наиболѣе возвышенною, какъ будто бы это была присыпь. Вѣроятно, этотъ видъ ея происходилъ только оттого, что она была менѣе тронута заступомъ копателей. Въ этомъ второмъ разрѣзѣ, гораздо значительнѣйшемъ противъ перваго, насыпь составляла ту же сплошную массу земли, въ которой незамѣтно почти никакихъ слоевъ, черепковъ, камня и т. д. Это отсутствіе черепковъ и прочаго мусора показывало, что курганъ былъ насыпанъ изъ свѣжей земли, взятой по близости и въ одно время. Только въ этомъ разрѣзѣ, къ срединѣ кургана, обозначались двѣ полосы земли, возвышающіяся къ центру. Эти полосы, по мнѣнію К. Р. Бѣгичева, показывали первоначальное образованіе кургана. По его мнѣнію, за основаніе его была принята природная возвышенность, въ видѣ небольшаго бугра. И въ этомъ разрѣзѣ изслѣдователь имѣлъ цѣлью идти, по направленію основныхъ слоевъ кургана, къ его центру, гдѣ предполагалось существованіе постройки. Идя по материку, онъ убѣдился, что ямы, сдѣланныя прежними раскопками (въ 1846 г.), не доходили на 5 арш. до материка. Это открытіе убѣдило въ необходимости окончательно раскопать всѣ прежнія ямы, видимыя на курганѣ, до материка, что составляетъ необходимое условіе всякой находки древностей въ курганахъ. Въ началѣ разрѣза, на материкѣ, найдены были двѣ мѣдныя монеты неодинаковаго типа; но дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этой важной находкѣ мы опять не имѣемъ. Страннымъ явленіемъ въ постройкѣ этого кургана было слѣдующее открытіе. Ближе къ центру кургана, на глубинѣ одной сажени отъ его поверхности, отрыта была каменная стѣна, шириною 2 арш. и вышиною въ 1 арш., сложенная изъ мягкаго и дикарнаго камня. Между кусками камня найденъ былъ обломокъ надгробнаго камня съ изображеніемъ бюста женщины, обезображеннаго временемъ или рукою человѣка. Стѣна эта шла, по направленію отъ запада къ востоку, на протяженіи почти четырехъ саженъ и съ обоихъ концовъ оказалась разобранною. По по-

ГЛАВА III.

Раскопки 1853 года.

1-го апрѣля 1853 года рабочіе войсковаго старшины П. Д. Семеняки, добывая камень для домашнихъ построекъ, въ полверстѣ отъ хутора на низменности, лежащей у подножія сплошныхъ насыпей, идущихъ по берегу Таманскаго залива, въ выкопанной ими квадратной ямѣ случайно открыли три мраморныя плиты довольно значительной величины. Первая изъ этихъ плитъ найдена была на глубинѣ $1^1/_2$ сажени, въ сѣверо-восточномъ углу вышеупомянутой ямы. По начертанной на ней греческой надписи видно, что она служила пьедесталомъ памятнику, воздвигнутому Кассаліею, дочерью Посія, въ честь Афродиты-Ураніи. Этотъ пьедесталъ, имѣющій $1^1/_2$ арш. въ длину и ширину и $^3/_4$ арш. въ толщину, сдѣланъ изъ бѣлаго паросскаго мрамора и съ трехъ сторонъ украшенъ карнизомъ. Надпись, какъ и самый пьедесталъ, на которомъ она вырѣзана, вообще весьма хорошо сохранились.—Вторая, обезображенная, плита служила базой для колонны; она была сѣраго цвѣта и не имѣла никакихъ украшеній. Наконецъ, третій кусокъ мрамора имѣлъ форму четырехсторонняго столба, въ два аршина длиною и 6 вершковъ толщиною, и былъ

нижнею частію гермеса неизвѣстнаго божества, котораго головы недоставало. На верхней оконечности гермеса была видна часть шеи и два локона волосъ, вьющихся по плечамъ. Гермесъ былъ изваянъ изъ бѣлаго мрамора и отличался чистотою и правильностью отдѣлки. Всѣ стороны его были полированы, но не имѣли никакихъ аттрибутовъ. Онъ найденъ былъ на глубинѣ одной сажени въ сѣверо-западномъ углу ямы, на разстояніи двухъ аршинъ отъ пьедестала памятника Кассаліи. Рабочіе тотчасъ донесли объ этой находкѣ своему хозяину, который, догадываясь о важномъ значеніи, которое можетъ имѣть новооткрытая древне-греческая надпись, письмомъ отъ 9-го іюня 1853 года увѣдомилъ объ этомъ открытіи К. Р. Бѣгичева, препровождая при письмѣ своемъ снимокъ съ надписи, сдѣланный въ натуральную величину и довольно вѣрно передающій характеръ буквъ, хотя въ изображеніи ихъ были нѣкоторыя погрѣшности. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, мраморы оставлены были на дворѣ хутора Семеняки, подъ личнымъ охраненіемъ хозяина.

Между тѣмъ въ судьбахъ Керченскаго музея древностей и въ составѣ его лицъ въ это самое время произошли новыя перемѣны [1]. 8-го апрѣля 1853 года Высочайше утвержденъ былъ новый штатъ Керченскаго музея. Министръ Удѣловъ графъ Л. А. Перовскій должность директора музея возложилъ на А. Е. Люценко, а въ помощники ему назначилъ К. Р. Бѣгичева, за которымъ сверхъ того, въ видахъ экономіи, оставлены были прежде имъ исполняемыя обязанности рисовальщика и скульптора музея. Сверхъ того, по новому положенію, при музеѣ назначено было состоять еще двумъ чиновникамъ; на эти должности опредѣлены были Я. М. Лазаревскій и А. С. Линевичъ. 31 апрѣля новый директоръ прибылъ къ мѣсту своего назначенія и вступилъ въ должность [2].

---

[1] Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 37 (236); безъ обозначенія листа.
[2] Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 83.

Въ лѣтніе мѣсяцы въ тѣ времена археологическія изслѣдованія какъ въ окрестностяхъ Керчи, такъ и на Таманскомъ полуостровѣ обыкновенно пріостанавливались. Мѣстное населеніе вообще было занято собственными своими полевыми работами; пришельцевъ изъ сѣверныхъ губерній не было. Иногда, для обширныхъ работъ, приходилось прибѣгать къ помощи гарнизонныхъ командъ. Въ послѣдствіи времени многое и въ этихъ отношеніяхъ измѣнилось. Кромѣ того, водяныя сообщенія Керчи съ Таманью были трудны и единственный пароходъ, ходившій между обоими городами, иногда отправлялся далѣе. Этимъ промежуткомъ невольнаго бездѣйствія новый директоръ рѣшился воспользоваться для осмотра Таманскаго полуострова и находящихся на немъ замѣчательныхъ мѣстностей, кургановъ и насыпей. 2-го іюля, вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ и чиновникомъ Линевичемъ, директоръ музея переправился на лодкѣ черезъ проливъ и въ теченіе пяти дней осмотрѣлъ почти всѣ мѣста бывшихъ и предполагаемыхъ разслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ, именно—въ Тамани, на Сѣнной, на Фонтанѣ, въ Ахтанизовкѣ, въ Титоровкѣ и въ Дубовомъ рынкѣ. Другія мѣстности Таманскаго полуострова, гдѣ производились раскопки въ 1852 году, напр. Тузлу, ему не удалось посѣтить вслѣдствіе отказа на станціяхъ въ почтовыхъ лошадяхъ для поѣздокъ въ сторону. На хуторѣ Семеняки онъ имѣлъ случай изслѣдовать новооткрытую надпись Кассаліи, которая подала ему поводъ препроводить къ графу Л. А. Перовскому обстоятельную записку объ этомъ открытіи [1]), въ которой онъ указалъ на важное значеніе этого памятника для науки Боспорскихъ древностей. Министръ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ новому открытію: по его докладу, надпись Кассаліи была пріобрѣтена для Императорскаго Эрмитажа, гдѣ и нынѣ находится, и счастливый владѣлецъ награжденъ былъ отъ Государя Императора бриллiантовымъ перстнемъ.

---

[1]) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 37 (236); безъ обозначенія листа.

По перенесеніи этого памятника въ Петербургъ, ученые опредѣлили его значеніе [1]).

Личный обзоръ нѣкоторыхъ изъ главныхъ мѣстностей, преимущественно въ сопровожденіи лица, во многихъ изъ нихъ производившаго раскопки, привелъ А. Е. Люценко къ убѣжденію, что разслѣдованіе насыпей въ Тамани, на берегу пролива, гдѣ была старая турецкая крѣпость, слѣдуетъ считать совершенно оконченнымъ и не подающимъ никакихъ надеждъ на открытія. Подобное же мнѣніе имѣлъ и К. Р. Бѣгичевъ о разслѣдованіи кургановъ на Тузлѣ, близъ южнаго кордона. Зато большія надежды возбудили въ немъ курганы, находящіеся въ окрестностяхъ станціи Сѣнной, и видъ мѣстности, окружающей хуторъ Семеняки, на которой, по предположенію Дюбуа, лежала древняя Фанагорія. Находки, сдѣланныя за нѣсколько мѣсяцевъ на этихъ двухъ пунктахъ, поддерживали эти надежды. Правда, курганы Сѣнной представляли несомнительные признаки старинныхъ раскопокъ, а другіе были уже раскопаны до основанія въ послѣднее время, но блестящая находка, сдѣланная 14 августа 1852 года, указывала, что въ нѣдрахъ ихъ могутъ скрываться еще многія сокровища, оставленныя древностью. Но въ особенности поразили его вниманіе «сплошныя насыпи» и самая мѣстность Фанагоріи. Находка памятника Кассаліи, базы колонны и гермеса возбуждали предположеніе о достовѣрности догадокъ Дюбуа. Изслѣдованіе послѣднихъ пунктовъ тѣсно связано между собою и должно было подтвердить одно и то же предположеніе. Поэтому въ этомъ смыслѣ директоръ изложилъ въ особомъ письмѣ къ

---

[1]) См. Древности Боспора Киммерійскаго, изданіе Имп. Эрмитажа. Томъ II. Надпись VI.—Ueber eine Marmorbasis aus der Zeit des bosporanischen Königs Paerisades I. Von H. Köhne. Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften. Wien. 1853. XI B., S. 399 ff. Нѣкоторыя топографическія неточности этой статьи извинительны, потому что авторъ не посѣщалъ упоминаемыхъ имъ мѣстностей. [Вновь издана надпись въ Inscr. orae sept. P. Eux. ed. Latyschev, v. II, № 347. *Ред.*].

графу Л. А. Перовскому планъ раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ въ 1853 году [1]).

Утверждая предположенныя директоромъ работы на Таманскомъ полуостровѣ, графъ Л. А. Перовскій въ письмѣ своемъ отъ 28 іюля 1853 г. [2]) замѣтилъ, что розысканія насыпей въ Тамани отнюдь нельзя считать совершенно оконченными и не подающими никакихъ надеждъ. «Никто, пишетъ онъ, не можетъ утвердительно сказать, что не встрѣтится никакой находки, если начать раскопки отступая нѣсколько шаговъ отъ изслѣдованныхъ уже пунктовъ». Поэтому, не произнося рѣшительнаго приговора относительно сказанныхъ мѣстностей, графъ Л. А. Перовскій думалъ, что разслѣдованіе ихъ слѣдуетъ только отложить до болѣе удобнаго времени. То же самое замѣчаніе, по его мнѣнію, относилось и къ нѣкоторымъ курганамъ близъ станціи Сѣнной. Несмотря на всѣ раскопки, «нельзя положительно сказать, пишетъ онъ, чтобы эти курганы были пусты, потому что весьма немногіе изъ нихъ окончательно изслѣдованы. По опыту дознано, что главная гробница нерѣдко бываетъ опущена довольно глубоко въ материкѣ и что, кромѣ этой главной, имѣются въ курганѣ еще нѣсколько другихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ гробницъ.»

Получивъ утвержденіе плана раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ въ 1853 году, директоръ музея поручилъ производство ихъ своему помощнику К. Р. Бѣгичеву. Имѣя въ виду желаніе министра, чтобы раскопки производились систематически, директоръ музея изъявлялъ послѣднему желаніе, чтобы разслѣдованія были предпринимаемы въ возможно ограниченныхъ размѣрахъ, но были бы вполнѣ окончены. Всѣ раскопки 1853 года должны были сосредоточиться на трехъ пунктахъ: во-первыхъ, изслѣдованіе одной изъ сплошныхъ

---

[1]) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 90. Отношеніе за № 7, отъ 9 іюля 1853 г.

[2]) То же дѣло, листъ 94. Отношеніе за № 1317.

насыпей въ окрестностяхъ станціи Сѣнной; во-вторыхъ, въ мѣстности, тянущейся къ западу отъ хутора Семеняки, и, въ-третьихъ, въ нѣкоторыхъ курганахъ, окружающихъ хуторъ Семеняки и станцію Сѣнную. Дальнѣйшій ходъ этихъ раскопокъ долженъ былъ показать, слѣдуетъ ли ограничиться ими, или предпринять другія разслѣдованія, частію остающіяся не совершенно оконченными, частію же вовсе не начатыми. Къ такимъ работамъ принадлежали: 1) окончательное изслѣдованіе кургана въ селеніи Фонтанъ, 2) разрѣзъ Киммерійскаго вала близъ хутора Артюхова и 3) изслѣдованіе двухъ кургановъ, называемыхъ Близнецами. Въ помощь для наблюденія за производствомъ археологическихъ работъ на Таманскомъ полуостровѣ къ К. Р. Бѣгичеву назначенъ былъ Я. М. Лазаревскій, которому мы обязаны чрезвычайно точнымъ журналомъ этихъ раскопокъ [1]).

5-го августа, въ 2 часа пополудни, К. Р. Бѣгичевъ и Я. М. Лазаревскій съ 20 рабочими, нанятыми въ Керчи, на лодкѣ отправились на Таманскій полуостровъ, но по причинѣ противныхъ вѣтровъ, встрѣченныхъ ими въ проливѣ, съ большимъ трудомъ могли добраться къ ночи только до Тамани. На другой день, 6-го августа, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, рано утромъ снялись они изъ Тамани, по направленію къ Таманскому заливу, чтобы достигнуть водою станціи Сѣнной. Проходя возлѣ Маркитантской косы, около 6½ часовъ утра, они были свидѣтелями изверженія одного изъ грязныхъ волкановъ Таманскаго полуострова, котораго описаніе мы передаемъ словами отчета [2]).

«На вершинѣ горы, называемой Карабетка, въ верстахъ 3—4 разстояніемъ отъ Тамани, показалось мгновенно вспыхнувшее пламя, быстро увеличившееся въ объемѣ, сопро-

---

[1]) Дѣло по археологическимъ розысканіямъ на Таманскомъ полуостровѣ 1853 г., хранящееся въ архивѣ Керченскаго музея древностей, листъ 19.

[2]) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 106. Письмо К. Р. Бѣгичева къ министру отъ 12 августа 1853 г.

вождаемое густыми клубами чернаго дыма. Рабочіе, увидѣвъ пламя, вскричали: «Сѣно вспыхнуло! Сѣно горитъ.» Но въ то же время огромныя массы земли, взорванныя на воздухъ вмѣстѣ съ дымомъ, прорвавшимся по разнымъ направленіямъ, представили намъ полное изверженіе волкана. Дѣйствительно, то было изверженіе волкана, пробудившагося на этомъ самомъ мѣстѣ черезъ 35 лѣтъ. Первымъ нашимъ движеніемъ было приказать держаться къ берегу, чтобы отправиться поближе къ волкану. Между тѣмъ мы принялись внимательно слѣдить за ходомъ изверженія, бывшаго передъ нашими глазами, хотя и въ дальнемъ отъ насъ разстояніи (6—7 верстъ), записывая всѣ подробности въ такомъ порядкѣ дѣйствія и времени, въ какомъ онѣ совершались.

Дѣйствіе волкана обнаружилось въ 6 часовъ и 36 минутъ утра, при весьма спокойномъ состояніи атмосферы, безоблачномъ небѣ и безъ всякихъ ощутительныхъ для насъ признаковъ.

Первоначально выброшенное пламя, сопровождаемое клубами дыма и, вслѣдъ затѣмъ, изверженіями земли, въ нѣсколько секундъ достигло высоты отъ 15 до 20 саженъ надъ поверхностью горы и оставалось въ такомъ положеніи 5—6 минутъ; потомъ, быстро измѣняясь въ объемѣ, исчезло. Черезъ нѣсколько минутъ послѣдовалъ второй и третій подобные же взрывы, но уже съ меньшею противъ прежняго силой и съ бо̀льшими промежутками одинъ послѣ другаго. Изверженіе земли, съ небольшими промежутками, видимо было въ теченіе 26 минутъ, хотя дѣйствіе его было неравномѣрно: за болѣе сильнымъ изверженіемъ слѣдовалъ большій промежутокъ времени и наоборотъ; слабое дѣйствіе волкана повторялось одно за другимъ почти непрерывно. Черезъ 12 минутъ, въ продолженіе которыхъ поверхность горы оставалась совершенно спокойною, показалось слабое изверженіе или, вѣрнѣе, изліяніе какой-то жидкой массы, продолжавшееся около 3 минутъ и казавшееся какъ бы послѣднимъ усиліемъ волкана.

Въ это время лодка наша причалила къ берегу; мы вышли въ сопровожденіи одного изъ расторопнѣйшихъ нашихъ рабочихъ и тотчасъ отправились къ волкану, казавшемуся намъ уже совершенно потухшимъ и не представляющимъ никакой опасности. Дѣйствительно, черезъ 8 минутъ, на вершинѣ горы показались три человѣческія фигуры, стоящія не въ дальнемъ разстояніи отъ волкана, въ самомъ спокойномъ созерцаніи. Но послѣ этого черезъ двадцать минутъ дѣйствіе волкана обнаружилось снова довольно сильнымъ изверженіемъ земли, продолжавшимся болѣе 3 минутъ. Мы осторожно слѣдили за вершиною горы, скрывавшеюся подъ горизонтъ по мѣрѣ нашего приближенія къ ней, но не замѣтили болѣе никакого на ней дѣйствія.

Въ исходѣ девятаго часа мы взошли на гору. Изумленнымъ глазамъ нашимъ представилась обширная сплошная масса густой, черной грязи, покрывающая поверхность горы около 700 шаговъ въ окружности, мѣстами на сажень, мѣстами болѣе въ толщину. Посрединѣ этой массы замѣтно было еще небольшое колебаніе, продолжавшееся около часу, въ теченіе коего, въ присутствіи нашемъ, послѣдовали три легкіе взрыва газовъ, сопровождаемые изверженіями грязи и глухими подземными ударами. Изнутри кратера слышался постоянный ревъ, на подобіе паровъ, выпускаемыхъ пароходомъ, усиливавшійся иногда до того, что мы невольно отбѣгали прочь. Къ сторонѣ сѣвера, откуда мы взошли, масса грязи была болѣе въ жидкомъ состояніи, нежели со стороны противоположной, гдѣ, повидимому, она была выброшена прежде и успѣла засохнуть.

Внѣ пространства, занимаемаго этою массою, на поверхности горы, въ особенности съ южной стороны кратера, замѣтны были сильные всплески жидкой грязи, по направленію отъ центра къ окружности, и камни, выброшенные изъ кратера. Поверхность горы, также болѣе съ южной стороны кратера, была изрыта глубокими трещинами, бѣжавшими по разнымъ направленіямъ, то отъ центра къ окружности, то парал-

лельно окружности, на протяженіи 200 — 300 шаговъ. Съ этой же стороны цѣлыя глыбы земли были взорваны на поверхность, и самая поверхность мѣстами казалась значительно приподнятою, мѣстами провалившеюся. По окраинамъ трещинъ, почти на всемъ ихъ протяженіи, трава была обожжена и находившійся тутъ коровій пометъ горѣлъ еще при насъ во многихъ мѣстахъ. Въ воздухѣ былъ чувствуемъ запахъ нефти, но слегка, и то по направленію вѣтра.

Очевидно, что первоначальный и самый сильный взрывъ газовъ дѣйствовалъ по направленію отъ сѣвера къ югу, какъ это можно заключить по глыбамъ взорванной по тому направленію земли, по полету брошенныхъ изъ кратера камней, оставившихъ на поверхности грязи широкія борозды, видимыя отъ средины массы до окраинъ, гдѣ онѣ остановились увядшими, и, наконецъ, по положенію самыхъ трещинъ, имѣющихъ чисто облическое положеніе.

Всѣ описанныя дѣйствія происходили при весьма спокойномъ состояніи воздуха. Замѣчательно однако, что передъ началомъ изверженія, быть можетъ, за четверть часа, бывшій до того свѣжій сѣверо-западный вѣтеръ вдругъ затихъ, такъ что наши лодочники должны были взяться за весла.

Здѣшніе жители разсказываютъ, что наканунѣ изверженія, 5 августа, во весь день былъ слышенъ громъ по направленію отъ горы, и что нѣкоторые изъ нихъ, проѣзжая по дорогѣ мимо этой горы, приходили въ изумленіе, не видя на небѣ громовыхъ тучъ, и даже никакихъ тучъ.

Видимое дѣйствіе волкана продолжалось всего около трехъ часовъ».

Раскопки въ окрестностяхъ станціи Сѣнной начаты были 7 августа и окончены 30 октября. Здѣсь разрыто было болѣе 20 насыпей, изъ коихъ нѣкоторыя оказались натуральными возвышенностями, и сдѣлано до 60 разрѣзовъ, составляющихъ кубическое содержаніе до 620 саженъ.

Раскопки въ сплошныхъ насыпяхъ около станціи Сѣнной.

Соображаясь съ мнѣніемъ директора музея, К. Р. Бѣгичевъ сперва началъ разрѣзъ сплошной насыпи, имѣющей до 8 саженъ высоты и лежащей по правую сторону спуска къ хутору Семеняки, именно на сѣверной ея покатости и почти у самой вершины. Разслѣдованіе этой, повидимому, огромной насыпи было окончено въ тотъ же день, потому что собственной насыпи, т. е. чернозема, смѣшаннаго съ черепками битыхъ сосудовъ, мусора и т. д , въ ней оказалось не больше четверти и до 1 аршина высоты. Такимъ же образомъ разслѣдована была и вторая насыпь, лежащая по лѣвую сторону вышесказаннаго спуска и почти одинаковой высоты съ первой. Въ этой насыпи сдѣланы были два разрѣза: одинъ вверху, другой внизу. Въ обоихъ показался вскорѣ материкъ, съ тою только разницею, что во второй насыпи онъ открытъ на глубинѣ болѣе значительной,—отъ полутора до двухъ саженъ. При этихъ разрытіяхъ, кромѣ большаго числа черепковъ битой посуды, найдено было до 20 мелкихъ мѣдныхъ, сильно окисшихъ, монетъ и разныя незначительныя вещи, напр. оселокъ для точенія оружія и лампочки черной глины, грубой работы.

Изслѣдованіе материка, столь близко лежащаго отъ поверхности земли, убѣдило К. Р. Бѣгичева, что эти насыпи суть натуральныя возвышенности. Материкъ состоялъ изъ чистаго бѣлаго песку, глины и хряща, параллельно перемежающихся между собою и идущихъ наклонно внизъ, подъ угломъ въ 50°. Слои эти доказываютъ, что эти натуральныя возвышенности до тѣхъ поръ ошибочно принимались за сплошныя насыпи. Онѣ покрыты только болѣе или менѣе толстымъ слоемъ земли, образовавшимся, вѣроятно, случайно, вслѣдствіе заселенія этихъ мѣстъ.

Такимъ образомъ можно было бы предположить, что на этихъ природныхъ возвышенностяхъ, которыхъ цѣпь такъ ясно

рисуется глазу путешественника, находилось, судя по множеству черепковъ битой посуды, древнее греческое поселеніе. Но это оказывается сомнительнымъ, потому что въ материкѣ этихъ «сплошныхъ насыпей» найдены были К. Р. Бѣгичевымъ гробницы. Такъ въ первой насыпи, на глубинѣ двухъ аршинъ, оказалась разоренная земляная гробница, вырытая просто въ материкѣ, по направленію отъ юга къ сѣверу, въ которой, кромѣ слезницы, уцѣлѣвшей возлѣ костей отъ ногъ покойника, ничего не открыто.

На второй насыпи хозяиномъ близлежащаго хутора была прорыта канава для ограды находящагося здѣсь мѣста складки хлѣба. При рытьѣ канавы имъ тоже замѣчено было большое количество черепковъ глиняной древней посуды и вырыто нѣсколько штукъ пиленаго строеваго камня. Трудно рѣшить, происходитъ ли этотъ камень отъ древняго зданія, или отъ гробничной, разоренной, постройки. Кромѣ того, эта вторая насыпь, кромѣ находокъ, общихъ ей съ первою, исчисленныхъ выше, представила находки, заслуживающія особаго упоминанія. По углубленіи на сажень были найдены: большая агатовая мониста, желѣзный мечъ, торчавшій въ насыпи вертикально, но поломанный на нѣсколько частей, и глиняная статуэтка хорошаго стиля, изображавшая мужскую фигуру безъ головы, опирающуюся на колонну. 18 августа на всѣхъ пунктахъ разрѣза этой насыпи дошли до материка, который лежалъ на самой большой глубинѣ — на 2 саж. $^3/_4$ арш., и работы были прекращены въ этой насыпи.

Наибольшій интересъ представило разслѣдованіе третьей сплошной насыпи, лежащей къ западу отъ предыдущихъ, возлѣ дороги, служившей, повидимому, главнымъ сообщеніемъ города Фанагоріи съ портомъ. Эта третья насыпь, находящаяся на разстояніи 200 саж. отъ хутора Семеняки, имѣетъ обширную возвышенность съ сѣверо-восточной стороны и до 7 саж. высоты. У подошвы этой насыпи, къ сторонѣ Воспорскаго залива и въ 75 саж. разстоянія отъ него, найдены были три

мраморныя плиты, изъ которыхъ одна — съ надписью Кассаліи. Эта находка возбудила тогда же мнѣніе, что вблизи этого мѣста въ древности находился храмъ или какое-либо другое сооруженіе, можетъ быть, въ честь Діаны Агротеры. Это мнѣніе, по словамъ К. Р. Бѣгичева, подтверждалось также многими мраморными обломками различнаго свойства и остатками древней штукатурки, находимыми на этомъ мѣстѣ въ большомъ количествѣ при добываніи камня здѣшними жителями для своихъ построекъ.

Основываясь на этихъ указаніяхъ, К. Р. Бѣгичевъ счелъ необходимымъ разслѣдовать эту насыпь въ обширныхъ размѣрахъ. Разслѣдованіе представило большой и загадочный интересъ, по свойству самой насыпи. Вся она, отъ вершины до основанія, которое, по первоначальному предположенію изслѣдователя, могло лежать даже ниже уровня моря, состояла изъ наносной земли, перемѣшанной со множествомъ черепковъ битыхъ амфоръ и всякаго рода греческихъ сосудовъ, простыхъ и расписанныхъ, иногда идущихъ почти сплошною массою или слоемъ, также обломковъ черепицы, мрамора и камня, песка и золы,—несомнѣнныхъ признаковъ, что здѣсь въ древности существовали обширныя постройки.

Въ этой насыпи сдѣлано было три главныхъ разрѣза: первый—со стороны дороги, у подошвы насыпи, на восточной ея покатости, постоянно называемый въ журналѣ боковымъ; второй — со стороны Боспорскаго залива, почти на ровномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ были найдены мраморы рабочими П. Д. Семеняки, по направленію отъ мѣста находки къ подошвѣ насыпи, и третій — по тому же направленію, на сѣверной покатости насыпи, сверху. По мѣрѣ открытія материка въ этихъ разрѣзахъ, дѣлались къ нимъ новыя пріемки, такъ что описаніе этихъ работъ въ журналѣ К. Р. Бѣгичева составляетъ истинный лабиринтъ, въ которомъ долженъ заблудиться каждый археологъ, вслѣдствіе отсутствія плана раскопокъ, который долженъ былъ бы сопровождать журналъ. Тѣмъ не менѣе,

мы постараемся дать сколь возможно ясное описаніе результатовъ этихъ раскопокъ, къ сожалѣнію, не доведенныхъ до конца.

Всѣхъ менѣе интереса представило разслѣдованіе перваго или боковаго разрѣза. Здѣсь, кромѣ черепковъ и множества крѣпкаго и мелкаго камня, открыты были обломки древней черепицы розоваго въ изломѣ цвѣта, необыкновенно крѣпкой, и незамѣчательный мѣдный перстень, слабо окисшій. На глубинѣ 2 саж. и 2 аршинъ отрытъ былъ материкъ, состоящій изъ сухаго, желтаго, разсыпчатаго песку.

Гораздо интереснѣе были открытія, сдѣланныя во второмъ разрѣзѣ, по направленію отъ мѣста находки памятника Кассаліи къ подошвѣ насыпи. Эта раскопка состояла собственно изъ четырехъ смежныхъ разрѣзовъ, но, для большей ясности, опуская мелкія находки мѣдныхъ окисшихъ монетъ, острій стрѣлъ или обломка бронзовой ручки, открытія, сдѣланныя въ этихъ смежныхъ разрѣзахъ, мы соединимъ въ одно описаніе.

При расширеніи небольшой ямы, гдѣ рабочими П. Д. Семеняки открыты были три мраморныя плиты, на глубинѣ двухъ аршинъ ниже поверхности земли отрытъ былъ огромный колодецъ, изсѣченный въ песчано-каменистомъ грунтѣ. Онъ имѣлъ до 4 кв. аршинъ плоскости и засыпанъ былъ до верху землею, камнемъ и золою. На этомъ слоѣ изъ золы и найденъ былъ памятникъ Кассаліи. Глубина колодца была изслѣдована только на два аршина; пущенный въ немъ щупъ до дна, повидимому, не досталъ. Въ колодцѣ этомъ открыто множество камня особеннаго свойства, краснаго въ изломѣ цвѣта (кремнистый мергель?), который до тѣхъ поръ не встрѣчался на Таманскомъ полуостровѣ. Стѣнки колодца были выложены этимъ камнемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнокъ онъ вываливался самъ собою. Вблизи колодца найдены были стѣны въ аршинъ толщиною, сложенныя на материкѣ изъ этого же камня, одна ниже другой, безъ всякаго порядка или цѣли.

Въ другомъ мѣстѣ втораго разрѣза найдено было, на каменистомъ пласту, углубленіе, простиравшееся въ длину почти

на сажень. По предположенію К. Р. Бѣгичева, оно составляло родъ печи, служившей для выжиганія глиняной посуды и черепицы, обломки которыхъ тамъ находились во множествѣ. Въ числѣ обломковъ черепицъ, открытыхъ въ этомъ разрѣзѣ лежащими то отдѣльно, то вмѣстѣ—большимъ количествомъ, найдено было нѣсколько весьма замѣчательныхъ, на которыхъ были видны остатки слѣдующихъ греческихъ буквъ: СНО, АР, ФАРІ, (NAKOY?) ОСО. Буквы, исполненныя рельефно, по формѣ своей представляли совершенно особый стиль, не встрѣчавшійся на прочихъ греческихъ сосудахъ [1]). Множество мраморныхъ плитъ, различной величины, которыя могли составлять только часть построекъ, свидѣтельствовали о зданіяхъ, здѣсь существовавшихъ. Справедливость этого предположенія доказывается также остатками штукатурки, густо покрытыми красною краскою, и наконецъ многочисленными фрагментами архитектурныхъ частей какого-то зданія, о которыхъ мы имѣемъ подробное свѣдѣніе. Три отломка мраморной колонны, найденные лежащими въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга, составили одну цѣльную колонну, въ одиннадцать четвертей высотою и шириною, въ діаметрѣ—5 вершк. вверху и внизу. Низъ этой колонны украшенъ былъ одною рельефною полоскою. Возлѣ колонны найдена была база какой-то колонны изъ известняка, $4\frac{1}{2}$ вершка высоты и въ діаметрѣ 7 вершк., на верху имѣющая, для вставки колонны, впадину, въ которой видѣнъ вбитый гвоздь и остатки извести. База была украшена 20 углубленіями въ видѣ ложекъ. Нѣсколько влѣво отъ базы найдена была поврежденная акротерія изъ известняка, сдѣланная на подобіе пальметки. Ширина ея $\frac{3}{4}$, высота 10 вершковъ. Вправо же отъ обломковъ колонны найдена была капитель колонны изъ известняка, шириною въ 11 вершк., высотою въ четверть, толщиною въ 7 вершковъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ нея лежала другая мраморная ка-

---

[1]) Я. М. Лазаревскій называетъ почеркъ ихъ древнимъ; но едва ли это справедливо. Сверхъ того, два черепка имѣли слѣдующее рельефное изображеніе: Ѧ.

питель, длиною 9 вершк., шир. $7^1/_2$, выс. $4^1/_2$, простой отдѣлки, греческаго стиля. Капители принадлежали колоннамъ орденовъ коринѳскаго и іоническаго. Въ другомъ мѣстѣ этого разрѣза, на самомъ материкѣ, найденъ былъ обломокъ колонны изъ зеленаго мрамора, длиною 1 арш. 3 вершка и шириною въ діаметрѣ 5 вершковъ, какъ сверху, такъ и снизу. На противоположной сторонѣ разрѣза открытъ былъ обломокъ мраморнаго пьедестала, украшеннаго карнизомъ, имѣвшій высоты полъ-аршина и 2 вершка. Наконецъ, ближе къ горѣ найденъ былъ еще одинъ обломокъ мраморной колонны, длиною три четверти арш. и 2 вершка, шириною въ діаметрѣ, въ верхнемъ концѣ, украшенномъ карнизомъ, $4^1/_4$ вершк., въ нижнемъ, гдѣ видѣнъ изломъ, 4 вершка, и мраморный обломокъ отъ какой-то постройки, съ тремя углубленіями. Кромѣ того, въ верхней части разрѣза, ближе къ горѣ, найдено было много кусковъ мрамора. Все это свидѣтельствуетъ, что близъ этого мѣста была въ древности постройка, судя по величинѣ колоннъ, небольшихъ размѣровъ. Наконецъ, весьма важною находкою въ этомъ разрѣзѣ, въ мѣстѣ, прилегающемъ къ подошвѣ «сплошной насыпи» или горы, гдѣ были отрыты бóльшая часть архитектурныхъ украшеній и черепицы съ надписями, была найдена мраморная плита, величиною съ полъаршина, грубо отесанная, на которой находилась слѣдующая, легко начертанная, греческая надпись [1]) христіанскихъ временъ:

C
ΥΕΒΟΕΘΗΤΟΝ
ΔΟΥΔΟΝϹΟΥΚΥΡΗΑ
ΚΟΝΝΑΥΚΔΕ Ο ΚΑΙ
ΟΝΝΑΥΤΟΜΩΔΟΜ·Ι·
ΓΕΩΡΓ·ΗΕΥ·ʽΡΤΟΛΑ
Ρ

---

[1]) За вѣрность списка мы не ручаемся. [Надпись перепечатана В. В. Латышевымъ въ «Сборникѣ греч. надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи», Спб. 1896, № 104. *Ред.*].

κύριε βοήθει τὸν
δοῦλόν σου κυριακὸν
τὸν ναύκληρον καὶ τὸν
ναύτην...

Материкъ, тоже состоявшій изъ песка, шелъ уступами, понижаясь къ сторонѣ моря. Ближе къ насыпи, онъ отрытъ былъ по углубленіи на $2^1/_2$ арш., но, повидимому, на всемъ пространствѣ разрѣза, равно какъ и въ боковомъ разрѣзѣ, обнаруженъ не былъ.

Наконецъ, послѣдній разрѣзъ въ третьей насыпи былъ сдѣланъ со стороны моря, по направленію втораго разрѣза, но только на самой вершинѣ насыпи. Едва рабочіе углубились на $1^1/_2$ арш., какъ встрѣтили, на протяженіи одной сажени, рядъ тесаныхъ камней, шириною въ $7^1/_2$ вершк. и длиною около 1 арш., съ выдѣланнымъ на нихъ сверху углубленіемъ. Камни эти, вѣроятно, составляли водосточный жолобокъ, имѣющій легкое наклоненіе къ востоку. Стѣна эта шла далѣе къ насыпи, но болѣе не была разслѣдована. При концѣ этого жолоба, на $^1/_4$ арш. съ боку, находился большой сосудъ изъ простой глины, остроконечной формы, съ широкимъ горломъ, совершенно раздавленный землею. На нѣкоторыхъ кускахъ его видны были свинцовыя пластинки, служившія для скрѣпокъ сломанныхъ частей кувшина. Эти закрѣпы показываютъ, что кувшинъ былъ сломанъ и реставрированъ еще въ древности. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности земли, найдены были поломанная серебряная пряжка и мѣдная монета, приписываемая Евбіоту, съ годомъ Z; глубже на 1 арш.—лампы, весьма грубо сдѣланныя изъ простой глины, одна съ отбитою подставкою и о семи свѣтильняхъ, а другая о пяти. На глубинѣ пяти четвертей показались двѣ ямы, наполненныя золою; но подъ ними снова открылась насыпь. На восточной сторонѣ этого разрѣза найдены были двѣ жженыя гробницы, выложенныя изъ землянаго кир-

нича. Вся насыпь состояла изъ безпорядочно перемѣшанной камки, золы, древеснаго угля, черепковъ, разной посуды и черепицы и простаго, дикаго и мягкаго, камня и земли. На материкѣ, въ высшей точкѣ насыпи лежавшемъ на 2 саж., найдено было пять пашенныхъ ямъ.

По прекращеніи разслѣдованія первой «сплошной насыпи» приступлено было къ раскопкѣ насыпи подобнаго же вида, но меньшаго размѣра, въ журналѣ обозначенной № 4. Она лежитъ неподалеку отъ первой, ближе къ почтовой дорогѣ и, казалось, еще никѣмъ не была тронута. При самомъ началѣ раскопки, съ западной отлогой стороны насыпи, найдена была небольшая плита изъ мягкаго камня. Кромѣ того, въ насыпи, на 1 арш. глубины, лежали разныя плиты и разбросаны были нѣсколько отесковъ того же камня и черепки глиняной простой посуды. Тутъ же найдены были двѣ земляныя гробницы съ истлѣвшими костями покойниковъ, но безъ вещей; земляная гробница, въ которой возлѣ ногъ истлѣвшаго скелета были два разной величины простыхъ глиняныхъ кувшинчика; дѣтская земляная гробница, въ которой возлѣ черепа найдена маленькая пантикапейская монета съ изображеніемъ колчана и лука съ надписью: ΠΑΝ. Итакъ, уже во времена автономіи Пантикапеи, греки на этомъ мѣстѣ хоронили въ насыпи, а не въ материкѣ, въ которомъ, слѣдовательно, должны находиться (если вообще находятся) гробницы еще болѣе древнія, потому что монеты суть почти единственно вѣрное указаніе на эпоху гробницъ. Нѣсколько глубже предыдущихъ находокъ, опять въ насыпи, отрыты были еще глиняный простой кувшинчикъ и небольшая чашечка изъ простой глины. Наконецъ, въ глубинѣ $2^1/_2$ арш. открытъ былъ материкъ песчанаго свойства, на которомъ ничего не оказалось. Затѣмъ работы перенесены были на другую сторону той же насыпи, имѣющую болѣе крутую поверхность. Черепки и отески попадались въ насыпи рѣдко, но на глубинѣ $1^1/_2$ арш. найдена была небольшая гробница, обложенная каменными плитками, заключавшая въ себѣ два человѣ-

ческіе скелета, почти совершенно истлѣвшіе, но лежавшіе въ такомъ порядкѣ, что голова одного изъ нихъ приходилась къ ногамъ другаго. Вещей въ гробницѣ не было. Затѣмъ тутъ же открыты были двѣ земляныя гробницы, изъ которыхъ въ одной найдена была маленькая мѣдная монета. На глубинѣ $3^1/_2$ саж. въ насыпи найдено было изломанное мѣдное зеркальце, мѣдная монетка и маленькій поврежденный флаконъ. Наконецъ показался материкъ глинянаго свойства, на которомъ открыта была, съ западной стороны разрѣза, катакомба, вырытая въ немъ на глубинѣ одной сажени ниже поверхности насыпи. Она имѣла одну сажень ширины и $1^1/_4$ длины, при вышинѣ одной сажени. Къ сожалѣнію, она оказалась совершенно расхищенною. Не въ дальнемъ разстояніи отъ входа въ нее найдены были три каменныя плиты, по всей вѣроятности, служившія для закладки входа. Тутъ же замѣтны были три сгнившія частицы деревяннаго гроба и найдено нѣсколько вазочекъ, украшенныхъ мелкими квадратами. Въ самой катакомбѣ, кромѣ поломанныхъ мѣдныхъ браслетовъ и двухъ простыхъ монистъ, ничего не оказалось. На этомъ разслѣдованіе четвертой «сплошной насыпи» было прекращено.

Рядомъ съ третьею «сплошною насыпью», раскопанною въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ всѣ прочія, находится насыпь, изслѣдованіе которой, веденное одновременно съ третьею, привело къ любопытному факту, который, въ комбинаціи съ другими и преимущественно съ историческими указаніями древнихъ писателей, указываетъ на судьбу, постигшую описываемую нами мѣстность въ древнія времена. Эта насыпь, гораздо меньшаго объема, чѣмъ предыдущая и въ журналѣ раскопокъ обозначенная подъ № 5, лежитъ клинообразно по тому же направленію между насыпью № 3 и другою, ей совершенно подобною. Съ самаго начала раскопки и до самой большой глубины она состояла изъ чистой золы, слегка перемѣшанной съ черепками битыхъ амфоръ и другихъ простыхъ сосудовъ. Даже на глубинѣ 5 аршинъ, въ широкомъ разрѣзѣ, въ ней сдѣланномъ по

направленію Таманскаго залива, отъ самой подошвы насыпи до ея центра, повсюду встрѣчалась одна чистая зола, въ которой, между прочимъ, попадались и довольно хорошо сохранившіяся кости животныхъ, напр. бычачьи. Только на вышеозначенной глубинѣ начала показываться сплошная масса битаго перегорѣлаго кирпича, перемѣшаннаго съ кирпичною пылью. Наконецъ, на глубинѣ $5^3/_4$ арш. отъ поверхности насыпи, въ центрѣ ея, въ уровень съ поверхностью материка, лежавшаго на глубинѣ почти трехъ саженъ, открыта была кирпичная постройка, сложенная изъ сырцоваго кирпича, въ одинъ рядъ, въ видѣ правильнаго круга, имѣющаго въ діаметрѣ двѣ сажени. Только половина круга этой постройки была отрыта, на аршинъ въ глубину. Стѣны этой центральной постройки были сильно обожжены изнутри и мѣстами почти прогорѣли насквозь отъ продолжительнаго дѣйствія огня. Внѣшняя сторона этой постройки отдѣлялась отъ материка широкимъ прорѣзомъ, въ видѣ канавы, наполненнымъ землею иловатаго свойства, совершенно различною отъ окружнаго грунта. Въ серединѣ центральной постройки находилась другая кирпичная кладка, имѣвшая форму параллелепипеда, лучше сохранившаяся, нежели кладка круга. Чтобы разслѣдовать всю постройку, начата была новая пріемка. Верхніе слои новаго разрѣза представили то же явленіе, какъ и предыдущій разрѣзъ насыпи: они состояли изъ чистой золы, гдѣ, между прочимъ, найдены были два человѣческіе скелета, разбросанные въ безпорядкѣ, но хорошо сохранившіеся. Изъ послѣдняго обстоятельства изслѣдователь вывелъ предположеніе, что скелеты, вѣроятно, принадлежали позднѣйшему населенію. Затѣмъ начали появляться слои кирпича и кирпичной пыли, схожіе съ тѣми, которые находились въ предыдущемъ разрѣзѣ; на глубинѣ же двухъ саженъ отъ поверхности земли насыпь состояла изъ черной глины, почти мокрой, и наконецъ столь вязкой, что трудно отдѣлялась отъ лопаты. Тогда, какъ и во всѣхъ трехъ первыхъ сплошныхъ насыпяхъ, оказалось для

продолженія работъ необходимымъ вывозить изъ ямъ выброшенную землю; но для того не было тачекъ, и такимъ образомъ, за неимѣніемъ необходимыхъ инструментовъ, разслѣдованіе «сплошныхъ насыпей», не приведенное къ концу, было прервано. Оно болѣе не возобновлялось.

Разслѣдованіе «сплошныхъ насыпей» и связанной съ ними мѣстности, лежащей къ западу отъ хутора Семеняки, было предпринято съ надеждою открыть тамъ слѣды древней Фанагоріи. Гряда огромныхъ насыпей, правильною линіею тянущихся, состояла—что было извѣстно изъ случайныхъ копаній—изъ обломковъ древнихъ сосудовъ, красной краски кирпичей, черепицъ и камней, которые въ такой массѣ собираются только тамъ, гдѣ было древнее поселеніе. Они—лучшій признакъ, что на извѣстномъ мѣстѣ жили древніе Греки. Сверхъ того, тамъ часто находили мраморные обломки отъ древнихъ сооруженій. Слѣды мола указывали на древнее, тутъ находившееся, поселеніе. Между «сплошными насыпями» былъ проходъ, который указывалъ на направленіе древней дороги, которая вела отъ пристани къ воротамъ города. Воображеніе Дюбуа рисовало остатки городовыхъ стѣнъ и башенъ, скрытыхъ подъ «сплошными насыпями». Все это подтверждалось открытіемъ на ровной мѣстности, тянущейся къ западу отъ хутора Семеняки, памятника Кассаліи. Эта мѣстность не могла быть однимъ некрополемъ древнихъ Фанагоритовъ. Если бы надпись Кассаліи была надгробнаго содержанія, то послѣднее предположеніе становилось бы вѣроятнѣе. Но надпись указывала на памятникъ, который, по обычаю Грековъ, сооружался въ городахъ, возлѣ храмовъ.

Результаты, которые мы можемъ извлечь изъ этихъ розысканій, не разъяснили, а даже вызвали еще болѣе сомнѣній въ нашемъ умѣ о назначеніи этой мѣстности. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, гдѣ на этой мѣстности граница, раздѣ-

8*

ляющая городъ живыхъ отъ города мертвыхъ?—Дюбуа, а за нимъ и наши изслѣдователи приняли, что этою границею служатъ «сплошныя насыпи». Подъ ними погребены городскія стѣны и башни. Площадь, распространяющаяся передъ ними, есть area города; за ними начинаются курганы и могилы, или городъ мертвыхъ. Но разслѣдованіе «сплошныхъ насыпей» обнаружило такіе странные факты, которые нѣтъ возможности разъяснить себѣ.

Можно признать за аксіому, что тамъ, гдѣ въ большомъ количествѣ встрѣчаются монеты, черепки битыхъ греческихъ вазъ, обломки мрамора и кирпича, находилось древне-греческое поселеніе. Всѣ эти признаки, и въ громадномъ количествѣ, мы находимъ и на этой мѣстности. Монеты, здѣсь находимыя, принадлежали къ боспорскимъ. Замѣчательно, что въ верхнихъ слояхъ насыпи ихъ было болѣе, чѣмъ въ нижнихъ. То же самое должно замѣтить и о черепкахъ битыхъ греческихъ сосудовъ. Вся почва покрыта множествомъ остатковъ разныхъ зданій, представляющихъ цѣлый хаосъ. Отъ многихъ остались стѣны и отъ одного даже значительная часть; но назначеніе этого зданія трудно опредѣлить. Найденныя колонны и разные архитектурные фрагменты указываютъ, что гдѣ-то здѣсь существовало зданіе, небольшихъ размѣровъ, принадлежащее еще классическимъ временамъ. Много черепицъ съ остатками греческихъ штемпелей указываютъ опять на древне-греческое поселеніе. По находкамъ видно, что на этой мѣстности, послѣ языческихъ Грековъ, жили христіане, употреблявшіе греческій языкъ, а потомъ другіе народы, клавшіе своихъ покойниковъ уже въ верхніе слои этой насыпи. Что всѣ зданія этой мѣстности погибли отъ пожара—нѣтъ никакого сомнѣнія: это свидѣтельствуется множествомъ древеснаго угля и золы, существующихъ въ «сплошныхъ насыпяхъ». Это количество такъ велико, что изъ золы состоитъ цѣлая насыпь. Необъяснимый фактъ составляетъ только то явленіе, что тутъ на материкѣ, среди греческихъ жилищъ, въ «сплошныхъ насыпяхъ», а не на

ровной поверхности къ западу отъ хутора Семеняки (что должно строго различать), встрѣчаются, правда немногія, но тѣмъ не менѣе древне-греческія гробницы. Это сосѣдство жилищъ съ гробницами трудно себѣ объяснить. Греки не допускали, чтобы въ городахъ, среди жилищъ живыхъ людей, хоронились усопшіе. Только весьма рѣдко дѣлали они исключеніе изъ этого правила. Если археологическія розысканія и подтверждаютъ показаніе исторіи о гибели древней Фанагоріи посредствомъ пожара, то все-таки должно сознаться, что раскопки 1853 года не указали намъ на черту, раздѣлявшую городъ живыхъ отъ города мертвыхъ. Правда, онѣ нѣсколько охладили ожиданія найти въ «сплошныхъ насыпяхъ» хорошо сохранившіеся остатки древне-греческихъ городовыхъ стѣнъ и башенъ, но онѣ подтвердили мнѣніе, что на этомъ мѣстѣ были древне-греческія жилища, древне-греческое поселеніе. Окончательной разгадки, что скрывается подъ этими «сплошными насыпями», должно ожидать отъ будущихъ раскопокъ, несравненно болѣе обширныхъ размѣровъ, чѣмъ раскопки 1853 года [1]).

Раскопки въ курганахъ близъ станціи Сѣнной.

Послѣ прекращенія разслѣдованій въ сплошныхъ насыпяхъ, которыхъ результаты, въ глазахъ тогдашнихъ изслѣдователей, были такъ неутѣшительны, приступлено было къ раскопкѣ кургановъ, гдѣ ожидаемыя богатыя находки могли вознаградить издержки, сопряженныя съ этими изслѣдованіями. Но и тутъ выборъ кургановъ, которые предстояло изслѣдовать, представлялъ затрудненія: по опыту было извѣстно, что бо́льшая часть могилъ расхищена, а другіе курганы были изслѣдованы

---

[1]) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 119, рапортъ 53, листъ 128, рапортъ № 62. Рукописный черновой журналъ раскопокъ К. Р. Бѣгичева, стр. 175—198. Рукописный черновой журналъ раскопокъ Я. М. Лазаревскаго, стр. 1—3.

въ новѣйшее время. Тѣмъ не менѣе, выборъ сперва остановился на курганахъ послѣдняго рода. 26 августа работы перенесены были на мѣстность, лежащую надъ берегомъ Таманскаго залива, по правую сторону хутора Семеняки. Тамъ, за хуторомъ Семеняки, къ станціи Сѣнной идетъ плоская возвышенность вдоль морскаго берега, длиною до 200 саж., шириною же ближе къ хутору до 20 саж.; далѣе же она расширяется. Вся эта мѣстность обозначена въ черновомъ журналѣ раскопокъ Я. М. Лазаревскаго подъ № 6. На концахъ плоской возвышенности возвышаются два кургана, замѣчательные по своей величинѣ, и кромѣ того, къ сторонѣ дороги, идущей отъ хутора Семеняки къ Сѣнной станціи, и надъ берегомъ моря замѣтны небольшія возвышенія, на подобіе присыпей. Два изъ этихъ возвышеній, находящіяся надъ берегомъ, и курганъ, замыкающій эту возвышенность, который по величинѣ можетъ считаться между главными, были уже разрыты въ новѣйшее время гг. Ашикомъ и Карейшею. Но боковыя части этихъ насыпей, остававшіяся не изслѣдованными, представляли еще нѣкоторую надежду, что въ нихъ можно найти не расхищенныя боковыя гробницы. О нахожденіи нетронутой центральной гробницы изслѣдователи уже болѣе не помышляли.

Раскопки начаты были съ разслѣдованія большаго кургана, лежащаго близъ хутора Семеняки. Въ немъ сдѣлано было 6 разрѣзовъ; въ насыпи, не представлявшей никакихъ особенностей, найдены были слѣдующіе предметы: обломокъ черепицы съ остаткомъ надписи: ΙΑΙΚΟΣ; нѣсколько перержавленныхъ монетъ, типа которыхъ нельзя было опредѣлить; женская головка отъ статуэтки изъ бѣлой глины и отломокъ карниза изъ алебастра, вѣроятно, отъ склепа. Въ одномъ изъ боковыхъ разрѣзовъ этого кургана открыта была жженая гробница, покрытая морскою травою, въ которой найдено было нѣсколько монистъ (изъ нихъ одна янтарная) и нѣсколько кусковъ листоваго золота. Но самымъ замѣчательнымъ открытіемъ въ этомъ курганѣ оказалась, на глубинѣ двухъ саженъ,

каменная постройка изъ двухъ отдѣленій, совершенно ограбленная и разломанная до основанія. Отъ этой постройки уцѣлѣли только четыре плиты: двѣ, величиною въ квадратный аршинъ, составлявшія порога у входовъ наружнаго и внутренняго, и другія двѣ, лежащія по обѣ стороны внутренняго порога, раздѣляющаго вмѣстѣ съ ними всю постройку на двѣ равныя части. Полъ этой гробницы состоялъ изъ кусковъ мягкаго камня, залитаго растворомъ извести, и окрашенъ былъ блѣдною розовою краскою, которая, какъ видно, составлена была изъ толченаго кирпича, смѣшаннаго съ известью. При очисткѣ пола отъ земли, которая пропущена была черезъ грохотъ, найдены были слѣдующія вещи: лампочка, покрытая краснымъ лакомъ, на поверхности которой находилось рельефное изображеніе вазочки, изъ которой выходятъ виноградные гроздья; нѣсколько измятыхъ золотыхъ листковъ обыкновеннаго издѣлія; нѣсколько обломковъ бронзовыхъ вещей, куски битой посуды изъ стекла и глины, грубой работы. По присутствію стекла можно предположить, что гробница принадлежала римскому періоду.

Въ заднемъ отдѣленіи гробницы, у наружной стѣны, противъ входа, полъ былъ проломленъ и глазамъ представилась яма, наполненная землею. Когда яма была разслѣдована, то она оказалась земляною гробницею, вырытою въ материкѣ подъ поломъ, на глубинѣ одного аршина ниже его поверхности. Крышею этой земляной гробницѣ служилъ этотъ полъ. По очисткѣ земли, въ гробницѣ этой оказались два истлѣвшіе скелета: одинъ — дѣтскій, другой — взрослаго мужчины. Кости лежали въ безпорядкѣ, но можно полагать по положенію черепа, что голова взрослаго была обращена на востокъ. Землю этой гробницы пропустили черезъ грохотъ, и въ ней найдены слѣдующія вещи, вѣроятно, не замѣченныя грабителями, составлявшія украшенія покойниковъ:

нѣсколько обыкновенныхъ золотыхъ листиковъ;

восемь бронзовыхъ, обтянутыхъ золотомъ, пуговокъ;

двѣ четвероугольныя золотыя пластинки;

двѣ золотыя продолговатыя пластинки, съ вытиснутыми на нихъ полосками и рѣшетками;

двѣ круглыя маленькія пластинки, привѣшанныя къ трубочкамъ;

золотое дѣтское колечко;

нѣсколько простыхъ мелкихъ монистъ;

обломки разныхъ стеклянныхъ сосудовъ;

бронзовый браслетъ, съ продѣтымъ въ него такимъ же кольцомъ;

бронзовая большая поломанная запонка;

обломки желѣзнаго меча и таковой же кольчуги, сдѣланной изъ колецъ, болѣе крупныхъ противъ обыкновеннаго;

золотое украшеніе рукоятки меча, филигранной работы, съ вставленными въ него гранатовыми камешками;

два большіе камня изъ халцедона, составлявшіе также украшеніе рукоятки;

8 небольшихъ, почти одинаковыхъ, мѣдныхъ пряжекъ, вѣроятно отъ вооруженія покойника.

Изъ этихъ вещей наибольшаго вниманія заслуживали: два халцедоновые камня и золотое украшеніе рукоятки меча по превосходству филигранной работы. Для опредѣленія же эпохи, къ которой относилась эта разграбленная гробница, всего важнѣе былъ золотой кружокъ, изъ листоваго золота, висѣвшій на маленькомъ цилиндрѣ. На этомъ кружкѣ была выбита мужская голова, увѣшанная лавровымъ вѣнкомъ и обращенная вправо. Вокругъ ея видна была надпись: ANTO (ninus — дополненіе изслѣдователя), — что доказываетъ, что гробница принадлежала временамъ Антониновъ. Ясно, что это былъ оттискъ съ римской монеты той эпохи.

Обстоятельство, что такое значительное число золотыхъ небольшихъ вещицъ оставлено было безъ всякаго вниманія грабителями, въ гробницѣ, вырытой подъ поломъ другой гробницы, заставляетъ предполагать, что два отдѣленія и под-

земная гробница принадлежали къ богатѣйшимъ боспорскимъ гробницамъ.

По устройству своему этотъ семейный склепъ принадлежалъ къ самымъ замѣчательнымъ и рѣдкимъ образцамъ. Верхняя гробница состояла изъ двухъ отдѣленій, совершенно одинаковыхъ по величинѣ и устройству. Подъ поломъ одного изъ этихъ отдѣленій устроена гробница въ материкѣ, точно также, какъ въ курганѣ Куль-Обо, гдѣ подъ поломъ богатой царской гробницы, открытой Дюбрюксомъ, грабителями отыскана была еще другая гробница. Замѣчателенъ способъ ограбленія этого склепа: грабители, ограбивъ два верхнія отдѣленія, отъ которыхъ намъ, къ сожалѣнію, ровно ничего не осталось, проломали полъ въ томъ самомъ отдѣленіи и именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ подъ поломъ устроена была гробница. Въ другихъ же мѣстахъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣленіи, полъ оставался нетронутымъ, но это потому, что подъ нимъ не было гробницъ. Изъ этихъ указаній уже изслѣдователи вывели заключеніе, что подпольная гробница подобнымъ образомъ могла быть расхищена только тѣми, кому навѣрно были извѣстны положеніе и мѣсто гробницы, т. е. самими древними [1]).

Прочія раскопки, сдѣланныя въ возвышенности № 6, не представляютъ интереса предыдущаго открытія. Тѣмъ не менѣе, для полноты обзора археологическихъ изслѣдованій 1853 года, мы считаемъ необходимымъ упомянуть и о нихъ. Въ журналѣ раскопокъ Лазаревскаго онѣ описаны всѣ подъ тѣмъ же №.

Вдоль морскаго берега возвышенность № 6 имѣетъ до семи выступовъ, похожихъ на присыпи; на нѣкоторыхъ замѣтны небольшія возвышенія. Три изъ этихъ выступовъ, лежащихъ ближе къ хутору Семеняки, значительнѣе прочихъ.

---

[1]) Самое помѣщеніе гробницы было такого рода, что она могла быть расхищена только тѣми, кому вѣрно было извѣстно ея существованіе. Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 128. Рапортъ за № 62. Рукописный журналъ раскопокъ Я. М. Лазаревскаго.

Изъ нихъ два были прежде разслѣдованы, а одинъ остался не разслѣдованнымъ. Въ послѣднемъ найдена была въ насыпи земляная гробница, въ которой костякъ лежалъ въ порядкѣ, головою на сѣверъ; при немъ найдена слезница, отломокъ оселка и двѣ желѣзныя пряжки. На глубинѣ $5^1/_4$ арш. найдены были два деревянные гроба, опущенные въ материкъ на 2 аршина, совершенно истлѣвшіе. Покойники въ обоихъ гробахъ лежали головою на востокъ. Надъ гробницею, лежащею вправо, найдена была чашка конической формы, изъ простой глины и простой работы, лежавшая отверстіемъ внизъ. При разслѣдованіи гробницы, лежащей вправо, въ ногахъ найдены двѣ лампочки съ рельефными украшеніями и желѣзный небольшой ножикъ, а въ ногахъ гробницы, влѣво лежавшей, бронзовая пряжка и около бедеръ желѣзный ножикъ. Въ головахъ гробницъ найдены были золотой кружокъ и три маленькіе кусочка, все изъ листоваго золота.—Здѣсь же найдены были еще одна расхищенная деревянная гробница, въ которой изъ вещей найденъ былъ только маленькій листочекъ золота, и земляная гробница безъ вещей.

Подлѣ большаго кургана, занимающаго возвышенность № 6, къ сторонѣ дороги, идущей отъ хутора Семеняки къ почтовой станціи, въ довольно замѣтной насыпи, открыта была впущенная въ материкъ каменная гробница, сложенная изъ хорошо тесанныхъ плитъ мягкаго камня, совершенно расхищенная.

На краю возвышенности № 6 находится курганъ, который по величинѣ своей можетъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ. Въ немъ видѣнъ довольно большой разрѣзъ отъ моря къ дорогѣ, проведенный Карейшею, который, напавъ на мину, прекратилъ работы, такъ что даже не дошелъ до материка. Такъ какъ двѣ четверти этого кургана были не тронуты, то въ немъ сдѣланъ былъ разрѣзъ, въ которомъ на глубинѣ $2^1/_2$ арш. открыта была деревянная гробница, въ которой костякъ лежалъ въ порядкѣ, головою на востокъ, гдѣ была постлана камка. По нѣжности костей и по вещамъ,

здѣсь найденнымъ, явственно, что въ гробницѣ похоронена была женщина. Въ ногахъ у ней найденъ былъ обломокъ бронзоваго зеркала и глиняный флакончикъ; въ головахъ — до 15 монистъ, изъ которыхъ двѣ изъ сердолика, а прочія изъ смѣси, золотой листочекъ и серебряная серьга. На глубинѣ одной сажени открыта была дѣтская гробница, въ 3/4 арш. длины, на 1/4 арш. кругомъ обмазанная желтою глиною, которая въ свою очередь была обложена камкою. Головою младенецъ лежалъ на сѣверъ; вещей при немъ никакихъ не было. Мина, о которой выше упомянуто, вѣроятно, не была приведена грабителями къ концу, потому что окончанія ея не оказалось.

Наконецъ, сдѣланъ былъ разрѣзъ съ юговосточной стороны, у подошвы большаго кургана, занимающаго возвышенность № 6. Здѣсь въ насыпи найдены были: двѣ черепицы съ греческимъ клеймомъ ΜΙΚΚΟΥ [1]) и маленькій сосудъ изъ простой глины, довольно хорошей работы. Наконецъ на глубинѣ 8 аршинъ найдена была земляная катакомба. Камень, закрывавшій входъ въ нее, былъ обдѣланъ съ трехъ сторонъ карнизомъ и украшенъ рустикою. Поддерживающій его камень былъ не на мѣстѣ, что̀ тотчасъ послужило показаніемъ, что катакомба была расхищена. Отваливъ камень, закрывавшій входъ, открыли катакомбу и въ ней два деревянные гроба, стоявшіе вдоль катакомбы, близъ ея боковыхъ стѣнокъ. Правый гробъ стоялъ на мѣстѣ и былъ покрытъ крышею, сдѣланною на два ската; лѣвый же былъ опрокинутъ на правую сторону, и крыши при немъ не было. Оба гроба были сдѣланы изъ досокъ можжевельнаго дерева, толщиною въ 1/2 вершка. Ящики гробовъ представляли правильные параллелопипеды, правый длиною $2^3/_4$ арш., лѣвый 2 арш. 9 вершковъ. Высоту можно было измѣрить только лѣваго: она была въ 6 вершк. Боковыя его стороны были по краямъ украшены тремя углубленными

---

[1]) Обѣ черепицы были разбиты, но одну изъ нихъ удалось составить. Въ этомъ видѣ она имѣла 13 вершк. въ длину и 12 въ ширину. Съ трехъ сторонъ въ ней закраины были загнуты; четвертая сторона была совершенно гладкая.

полосками. Доски гробовъ были сколочены между собою деревянными гвоздями. Нижняя доска гробовъ была скрѣплена тремя поперечными планками, изъ которыхъ одна была посрединѣ, а крайнія по 7 вершковъ отъ краевъ; внутри у боковыхъ досокъ было прибито тоже по двѣ планки. Кромѣ того, въ правомъ замѣтно было, что онъ былъ обитъ какою-то матеріею.

Величина катакомбы: основаніе—квадратная сажень; высота—пять четвертей и 2 вершка. Она была наполнена на одну четверть землею, потрескавшеюся въ разныхъ направленіяхъ; вѣроятно, при разграбленіи она была наполнена водою.

Землю изъ катакомбы пропустили сквозь грохотъ и нашли только нѣсколько бронзовыхъ пряжекъ, одну синюю монисту и гранатъ, оправленный въ бронзу.

Сверхъ того, въ одномъ разрѣзѣ найдено было мѣдное остріе стрѣлы; въ другомъ, въ разоренной каменной гробницѣ, двѣ золотыя монисты филигранной работы. Въ томъ же разрѣзѣ найденъ былъ деревянный гробикъ, въ которомъ костякъ младенца лежалъ головою на востокъ. При костякѣ были найдены слѣдующія вещи: кувшинчикъ, на подобіе гидріи, блюдечко, ламночка хорошей работы, украшенная разными рельефными изображеніями; посрединѣ ея изображена мужская фигура въ петасѣ, съ сложенными назадъ руками, какъ бы связанными; нѣсколько монетъ и мѣдный колокольчикъ. Въ ногахъ стояла только ламночка; прочія вещи найдены подлѣ головы.

Вслѣдствіе пробѣловъ, находящихся въ журналѣ Я. М. Лазаревскаго, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о направленіи, въ которомъ лежали насыпи, обозначенныя въ его журналѣ №№ 7, 8, 9 и 10, ни о результатахъ розысканій, произведенныхъ въ этихъ насыпяхъ. Изъ отрывочныхъ показаній только видно, что въ насыпи, обозначенной № 10, открыты были двѣ гробницы. Первая была земляная гробница, въ

которой покойникъ лежалъ головою на юго-востокъ, но въ ней кромѣ нѣсколькихъ кусковъ совершенно перержавленнаго желѣза ничего не найдено; вторая же была сложена изъ сырцоваго кирпича. Покойникъ лежалъ въ ней головою на сѣверо-востокъ; въ ногахъ его находились два маленькіе кувшинчика Сверхъ того, въ насыпи найдены были три глиняные сосуда небольшаго размѣра.

Перейдемъ къ описанію разслѣдованій, произведенныхъ въ возвышенности, обозначенной въ журналѣ № 11.

Вслѣдъ за возвышенностью № 6 идетъ, вдоль берега залива, другая природная возвышенность, отдѣляющаяся отъ первой довольно глубокой балкой, по которой пролегаетъ дорога, идущая отъ почтовой станціи къ колодцу. Упомянутая возвышенность, имѣющая въ высоту, надъ уровнемъ моря, отъ 5 до 6 саженъ, довольна обширна: длина ея до 160 саж., ширина же противъ почты, гдѣ она почти сливается съ смежно лежащими возвышенностями, до 50 саж. Далѣе къ хутору Артюхова она суживается и отдѣляется отъ другихъ возвышенностей довольно значительною балкою. На ней лежатъ 9 кургановъ средней величины; три изъ нихъ, лежащіе ближе къ колодцу, расположены неправильнымъ треугольникомъ, а другіе, вдоль по хребту надъ балкою, расположены почти на прямой линіи и въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи. Всѣ эти курганы разслѣдованы.

За этою возвышенностью идетъ третья, выдающаяся къ морскому берегу клиномъ, а далѣе, идя къ большой дорогѣ, сливающаяся съ общею возвышенностью. На ней къ сторонѣ моря видны три кургана средней величины, тоже разслѣдованные.

За этою возвышенностью идетъ параллельно берегу залива четвертая, довольно узкая, отдѣляющаяся отъ предыдущей значительною балкою и имѣющая въ длину 60 саж. Высота ея надъ уровнемъ моря до 5 саж. На этой послѣдней возвышенности, стороны которой и часть противолежащей обвалились,

видны три кургана средней величины. Они расположены слѣдующимъ образомъ: одинъ (не разслѣдованный) лежитъ почти на самомъ краю возвышенности; далѣе къ хутору Артюхова, въ разстояніи отъ перваго въ 8 саж., лежитъ другой (не разслѣдованный) и затѣмъ въ разстояніи 17 саж. лежитъ третій (разслѣдованный). По сторонамъ послѣдняго видны еще два, весьма незначительной величины.

Раскопки начаты были со втораго, не изслѣдованнаго кургана. Въ насыпи его былъ найденъ костеръ или мѣста, на которыхъ сожжены были покойники. Костры приготовлялись слѣдующимъ образомъ: на назначенномъ для костра мѣстѣ, имѣвшемъ въ длину 1 саж., въ ширину отъ 1 до $2^1/_2$ арш., насыпь сравнивалась, утрамбовывалась и заливалась растворомъ извести. На приготовленномъ такимъ образомъ мѣстѣ совершалось сожженіе, послѣ котораго въ насыпи находять слой древеснаго угля, иногда въ вершокъ толщины, золу, куски разбитой посуды и т. д. Точно такой же костеръ найденъ былъ и на материкѣ, съ подобнымъ же содержаніемъ. Изъ кусковъ маленькихъ вазъ можно было заключить, что это были вазочки съ длинною, узкою шейкою, расширяющеюся ко дну въ видѣ шара; онѣ украшены были пальметками и квадратиками. Въ другомъ мѣстѣ найдены были, на глубинѣ 1 арш., черепки отъ большихъ сосудовъ простой глины, съ надписью въ двухъ строкахъ. На одномъ черепкѣ находилась совершенно явственная надпись:

АПОΛΛΩΝΙΟ
ΕΠΑΛΚΕΤΑ

На двухъ другихъ кускахъ такихъ же сосудовъ надписи нельзя было разобрать. Наконецъ, на материкѣ была найдена деревянная гробница, въ которой костякъ лежалъ въ порядкѣ, головою на сѣверо-востокъ. При немъ найдено было 3 кусочка листоваго золота и до 20 монистъ изъ смѣси.

Затѣмъ перешли къ разслѣдованію кургана, который вид-

нѣется на краю этой возвышенности и въ которомъ открыта была расхищенная уже деревянная гробница. Кости человѣчьи и лошадиныя были въ ней совершенно перемѣшаны. Въ гробницѣ были найдены: нѣсколько обломковъ желѣзнаго меча; нѣсколько кусковъ стекла, по формѣ и толщинѣ которыхъ можно заключить, что сосудовъ было три, изъ коихъ одинъ былъ въ видѣ чашки; замковая бляха, вѣроятно, отъ деревянной шкатулки; мѣдный пруть; двѣ монисты изъ смѣси; одна жемчужина; ламночка глиняная, грубой работы, и нѣсколько черепковъ глиняной посуды.

Въ разрѣзѣ, сдѣланномъ у подошвы этого кургана, въ насыпи найдены были разбросанными мѣдный колокольчикъ и нѣсколько монистъ, между коими и фаллусъ. На материкѣ ничего не оказалось.

Въ курганѣ, обозначенномъ въ журналѣ Я. М. Лазаревскаго подъ № 12, который былъ очень изрытъ, но не представилъ ни одной гробницы, на материкѣ ничего не было открыто.

Затѣмъ раскопки перенесены были на возвышенность, которая выдается къ морю клиномъ и на которой замѣтны 9 разрытыхъ кургановъ. Здѣсь находится курганъ уже разрытый, но съ двумя значительными присыпями. Здѣсь была открыта земляная гробница, въ которой костякъ лежалъ въ порядкѣ, головою на сѣверо-востокъ. Въ головахъ найдены были: простой глины кувшинчикъ, блюдечко, покрытое краснымъ лакомъ и раздавленное землею, и небольшой золотой листочекъ. Подъ этою гробницею найдена была другая, перекрытая большими дубовыми брусьями, но совершенно ограбленная. Такъ какъ эта послѣдняя гробница находилась подъ другою, несомнѣнно греческою, что доказывается найденными въ ней зещами, то ясно, что гробницы были ограбливаемы самими Греками вскорѣ послѣ погребенія. Въ насыпи найдена была плита мягкаго камня, съ одной стороны которой находилось рельефное изображеніе стоящей женщины. Длина плиты была пять

четвертей, шир. $^1/_2$ арш.; ясно, что это былъ надгробный камень.

Послѣдній изъ разрытыхъ въ 1853 году кургановъ находился близъ кургана № 13 и обозначенъ въ журналѣ подъ № 14. Въ насыпи этого небольшаго кургана найдены были черепки большой греческой вазы, покрытой чернымъ лакомъ извнѣ и изнутри. По оставшимся черепкамъ видно, что ваза, съ маленькими ручками по бокамъ, была довольно большая. Въ діаметрѣ имѣла она въ верхнемъ отверстіи $5^1/_2$ вершковъ. Сверху она украшена была вѣнкомъ, а съ боковъ двумя рисунками. На лицевой сторонѣ были представлены двѣ мужскія фигуры и между ними женщина, полулежащая на ложѣ; всѣ три оперлись на лѣвый локоть и до пояса обнажены. Женщина держитъ въ правой рукѣ, которая приподнята, нитку монистъ. Весь рисунокъ разрисованъ красною краскою, кромѣ фигуры женщины, обнаженное тѣло которой покрыто бѣлою краскою. На противоположной сторонѣ видна только задняя часть человѣческой фигуры, одѣтой въ хорошій pallium, который закрываетъ и шею, какъ носятъ посвященные въ таинства Цереры. Этотъ рисунокъ по исполненію хуже, чѣмъ лицевой.

На материкѣ этого кургана найдено было нѣсколько кусковъ мягкаго камня, сложенныхъ дугою. По мнѣнію изслѣдователей, это былъ, вѣроятно, остатокъ каменной круглой катакомбы, впущенной на одну сажень въ материкъ, ограбленной и совершенно разоренной. Человѣческія кости попадались по всей ямѣ, и сверхъ того найдено было два горлышка отъ стеклянныхъ слезницъ.

Въ одномъ изъ рапортовъ К. Р. Бѣгичева о раскопкахъ 1853 года [1]) мы находимъ описаніе открытія, о которомъ не упомянуто въ журналѣ раскопокъ Я. М. Лазаревскаго, и потому приводимъ это извѣстіе во всей полнотѣ.

---

[1]) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 146, рапортъ № 71.

Въ 1853 году возобновлено было разслѣдованіе кургана, лежащаго на обрывѣ Таманскаго залива, далѣе къ хутору Артюхова, въ которомъ, во время пребыванія графа Л. А. Перовскаго въ предыдущемъ году, открыты были на материкѣ, въ центрѣ кургана, раздавленныя землею амфоры. Впослѣдствіи времени этотъ курганъ разрѣзанъ былъ широкими разрѣзами накрестъ К. Р. Бѣгичевымъ, но гробница все-таки не была имъ найдена, хотя по отескамъ, оказавшимся въ обрѣзѣ насыпи ко внѣшней сторонѣ кургана, можно было убѣдиться, что въ курганѣ непремѣнно должна находиться каменная гробница. Дѣйствительно, она и была открыта при раскопкахъ въ 1853 году. При разслѣдованіи одного изъ оставшихся угловъ кургана, была обнаружена каменная гробница, съ круглымъ сводомъ, устроенная въ материкѣ, на глубинѣ четырехъ саженъ отъ поверхности кургана, но, къ несчастію, пробитая уже со стороны входа и расхищенная. Въ ней, кромѣ нѣсколькихъ черепковъ расписанныхъ вазъ и двухъ скелетовъ небольшихъ животныхъ, повидимому молодыхъ барашковъ, ничего не найдено. Къ дверямъ этой гробницы примыкала галлерея изъ нежженаго кирпича, покрытая деревянными брусьями. Внутренность гробницы до плечъ свода была оштукатурена и украшена двумя широкими горизонтальными полосками, сверху бѣлой, снизу красной, густо-темнаго цвѣта. Сводъ гробницы, сложенный изъ 12 рядовъ камня, хорошо обтесаннаго, оставленъ въ натуральномъ его видѣ.

Длина гробницы 3 арш. 11 вершк., ширина 2 арш. $^3/_4$ вершка и высота 3 арш. $10^1/_2$ вершковъ.

Длина галлереи: $10^1/_2$ арш., ширина $1^1/_2$ арш. Толщина стѣнъ галлереи: 1 арш., высота $2^1/_2$ аршина.

Въ исходѣ октября 1853 г. оказалось необходимымъ прекратить археологическія работы близъ станціи Сѣнной вслѣдствіе ненастной погоды и холодныхъ ночей, не дозволявшихъ рабочимъ проводить ночи на открытомъ воздухѣ, близъ мѣстъ

раскопокъ. Другаго помѣщенія они тогда тамъ не имѣли. Результаты этихъ изслѣдованій, въ глазахъ тогдашнихъ изслѣдователей, были весьма печальны. Въ 60 разрѣзахъ не было открыто ни одной гробницы съ замѣчательными вещами; найденныя вещи, за исключеніемъ двухъ-трехъ, принадлежали къ самымъ обыкновеннымъ находкамъ. Въ открытыхъ нетронутыхъ гробницахъ находки были ничтожны. Замѣчательныя по своему устройству или по какимъ другимъ признакамъ гробницы давно были расхищены. Грустно читать слѣдующее мѣсто въ рапортѣ К. Р. Бѣгичева [1]): «Находки наши на Сѣнной», пишетъ онъ, «были весьма незначительны, несмотря на то, что съ нашей стороны было сдѣлано все для успѣшнаго исполненія возложеннаго на насъ порученія. Выборъ мѣста для работъ и направленіе самыхъ работъ согласовалось съ предположеніями, объ нихъ составленными, и характеромъ самыхъ мѣстностей. Недоставало только счастія».... Но нельзя сказать, чтобы для археологической науки раскопки въ курганахъ близъ станціи Сѣнной 1853 года прошли совершенно даромъ: мы познакомились съ нѣсколькими гробницами, замѣчательными по своему устройству. Во-первыхъ, съ каменною расписанною гробницею, съ круглымъ сводомъ и примыкавшею къ ней галлереею изъ нежженаго кирпича, покрытою деревянными брусьями; во-вторыхъ, съ каменною гробницею, состоявшею изъ двухъ отдѣленій, въ которой, подъ поломъ одного изъ отдѣленій, находилась еще гробница. Послѣдняя, найденная расхищенною, убѣдила насъ, что это расхищеніе произведено было самими древними. Фактъ этотъ подтверждается еще другою гробницею, тоже расхищенною и лежавшею подъ небогатою греческою гробницею. Сверхъ того, раскопки 1853 года познакомили насъ съ устройствомъ земляной катакомбы, въ которой найдены были два довольно хо-

---

1) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 40 (239), листъ 111, рапортъ № 10.

рошо сохранившіеся деревянные гроба, и съ устройствомъ костровъ или мѣстъ, на которыхъ сожигались тѣла усопшихъ.

По окончаніи раскопокъ на Сѣнной, работы, несмотря на позднее время года, были перенесены къ селенію «Фонтанъ», лежащему на Киммерійскомъ полуостровѣ. Здѣсь можно было производить ихъ еще нѣкоторое время, потому что рабочіе могли найти себѣ помѣщеніе и запастись провіантомъ въ самомъ селеніи. Сверхъ того надлежало окончить раскопки, начатыя въ прошломъ году.

Раскопки на Киммерійскомъ полуостровѣ.

Раскопки на Киммерійскомъ полуостровѣ, продолжавшіяся отъ 4 ноября по 4 декабря, когда прекращены были вслѣдствіе наступленія холодовъ, производились на трехъ пунктахъ: 1) въ курганѣ, лежащемъ по правую руку на дорогѣ въ селеніе Фонтанъ; 2) въ большомъ курганѣ, лежащемъ въ самомъ селеніи Фонтанъ, и 3) небольшомъ курганѣ, лежащемъ въ недальнемъ разстояніи отъ селенія Фонтанъ, по направленію къ проливу. Мы разсмотримъ каждую изъ этихъ раскопокъ отдѣльно.

По обѣ стороны дороги, ведущей отъ станціи Сѣнной къ селенію Фонтанъ, не доѣзжая послѣдняго селенія, лежатъ два кургана. Одинъ изъ нихъ, съ лѣвой стороны, поверхностно раскопанъ былъ А. Б. Ашикомъ; другой, лежащій на противоположной сторонѣ, не былъ изслѣдованъ въ новѣйшее время.

Объ этомъ курганѣ, лежащемъ по правой сторонѣ большой дороги, мѣстные жители разсказывали, что огромная впадина, находящаяся на вершинѣ его, недавняго происхожденія, что первоначально, сколько помнятъ тамошніе старожилы, на этомъ курганѣ была только едва примѣтная впадина, но что она увеличивалась постепенно и приняла огромные размѣры уже на ихъ глазахъ. Изъ этого постепеннаго увеличенія объема впадины они вывели заключеніе, что въ курганѣ дол-

женъ быть обширный склепъ съ пустотою внутри, въ которую земля какимъ-либо образомъ начала просыпаться и, уходя туда мало-по-малу, образовала постепенно на поверхности кургана огромную впадину. Это предположеніе мѣстныхъ жителей казалось весьма правдоподобнымъ К. Р. Бѣгичеву: опытъ 1852 года убѣдилъ его однажды, что деревянная крыша надгробной постройки, сгнивъ отъ времени, уступила давленію насыпи сверху и обрушилась вмѣстѣ съ нею во внутреннюю пустоту курганной постройки. На поверхности кургана, вслѣдствіе паденія насыпи внутрь, образовалась впадина—и, несмотря на существованіе впадины, гробница оказалась не расхищенною. Выведенное имъ изъ этого явленія мнѣніе, что курганы съ впадинами не всегда могутъ считаться разоренными, возбудило въ немъ желаніе изслѣдовать и курганъ, лежащій по правую сторону дороги въ селеніе Фонтанъ. Это желаніе подкрѣплялось мыслью, что въ пользу его говорило и самое позднее образованіе впадины на этомъ курганѣ. Сверхъ того, по его мнѣнію, слѣдовало разслѣдовать такого рода курганъ на Киммерійскомъ полуостровѣ, гдѣ до тѣхъ поръ не сдѣлано было еще никакихъ открытій.

Но уже при началѣ раскопокъ изслѣдователи, судя по разрѣзу, сдѣланному въ курганѣ, увидѣли, что впадина, состоящая изъ трехъ углубленій, скорѣе произошла отъ предшествовавшихъ раскопокъ кургана, чѣмъ отъ постепеннаго провала насыпи внутрь предполагаемой въ немъ постройки. Дальнѣйшія разслѣдованія еще болѣе въ томъ убѣдили. Въ этомъ курганѣ работы производились слѣдующимъ порядкомъ. Первый разрѣзъ сдѣланъ былъ у подошвы кургана, на южной его покатости, по сторонѣ дороги; въ немъ, по достиженіи материка, лежавшаго на глубинѣ двухъ саженъ, ничего не было найдено. Слои насыпи, безъ черепковъ и отесковъ, обозначались довольно явственно и казались нетронутыми.

Слѣдующій разрѣзъ, взятый непосредственно за первымъ къ центру кургана, по достиженіи материка обнаружилъ

вырытую въ материкѣ дѣтскую гробницу, въ которой возлѣ истлѣвшаго скелета, лежавшаго, повидимому, въ деревянномъ гробѣ, найденъ простой кувшинъ изъ черной глины, раздавленный землею.

Третій разрѣзъ, начатый непосредственно за предыдущимъ, поведенъ былъ на самую средину кургана и, съ тѣмъ вмѣстѣ, на самую средину главной впадины. Но разрѣзъ этотъ, по причинѣ ненастной погоды, не могъ быть доведенъ до материка, который, по предположенію изслѣдователей, долженъ лежать здѣсь на глубинѣ 4 или 5 саженъ. Итакъ, разслѣдованіе этого кургана не было доведено до конца.

Изъ этихъ раскопокъ можно вывести слѣдующія заключенія: такъ какъ слои земли въ разрѣзахъ показались не перебитыми, то можно предполагать, что курганъ не тронутъ. Присутствіе постройки въ курганѣ, служившей, какъ предполагали, причиною образованія на немъ впадины, кажется сомнительнымъ, потому что отъ основанія послѣдняго разрѣза до материка оставалось слишкомъ мало пространства для вмѣщенія достойной величины кургана постройки. Иначе эта постройка должна была быть значительно углублена въ материкъ. Такъ какъ намъ неизвѣстно устройство кургановъ на Киммерійскомъ полуостровѣ, то рѣшенія этихъ вопросовъ должно ожидать отъ времени и будущихъ раскопокъ.

Въ большомъ курганѣ, лежащемъ въ селеніи Фонтанъ, работы были начаты съ двухъ сторонъ, южной и западной, по направленію разрѣзовъ 1852 года, такъ, чтобы общее ихъ протяженіе пересѣкало курганъ накресть. Съ первыхъ дней въ западномъ разрѣзѣ было сдѣлано любопытное и странное открытіе. Въ разстояніи отъ подошвы кургана на $8^1/_2$ саж. и отъ поверхности его на 1 арш. и $1^1/_4$ арш. открыто было въ насыпи 8 огромныхъ глиняныхъ сосудовъ, стоявшихъ одинъ возлѣ другаго въ шахматномъ порядкѣ, на разстояніи одной четверти аршина или менѣе. Пять изъ нихъ были вы-

шиною до $1^1/_2$ арш. и 2 верш. и шириною въ наружности $4^1/_4$ арш., діаметръ отверстія $^1/_2$ арш. Всѣ эти кувшины, кромѣ одного, были раздавлены землею; тѣмъ не менѣе содержаніе ихъ было тщательно пересмотрѣно, но въ нихъ рѣшительно ничего не найдено. Въ уцѣлѣвшемъ же, котораго отверстіе закрыто было черепкомъ, съ самаго верху на $^1/_4$ арш. шла земля мягкая, изрѣдка перемѣшанная черепками; затѣмъ показался пластъ камки, подъ которою были, какъ бы изрубленныя, лошадиныя кости; между ними попадались впрочемъ и человѣчьи. Подъ этими костями земля въ кувшинѣ была твердая, перемѣшанная черепками и рѣчными раковинами, а на самомъ днѣ сосуда лежала трава. По свойству глины и формѣ, сосуды эти были греческіе. Присутствіе ихъ въ насыпи, въ довольно правильномъ порядкѣ, объяснить трудно, въ особенности смѣшеніе человѣческихъ и животныхъ костей, прикрытыхъ камкою. Во всякомъ случаѣ, здѣсь видны слѣды обычаевъ народа полуварварскаго, несмотря на употребленіе имъ греческихъ издѣлій.

На разстояніи отъ подошвы кургана въ 12 саженяхъ, а отъ поверхности кургана на три четверти аршина, открыта была стѣна, дурно сложенная изъ кусковъ листоваго гипсу. Ширина ея до 10 четвертей, высота ея полъ-аршина; длины же нельзя было опредѣлить, потому что оба конца остались скрытыми въ стѣнкѣ кургана. Высота ея, отъ четверти арш. до вершка, въ разныхъ мѣстахъ была неровная, направленіе же перпендикулярное къ сторонамъ разрѣза.

Несмотря на продолжительное ненастье, западный разрѣзъ, проведенный отъ самой подошвы къ центру кургана на протяженіи 18 саженъ, соединенъ былъ съ разрѣзомъ 1852 г., сдѣланнымъ съ противоположной стороны кургана. Такимъ образомъ по этому направленію проведенъ былъ одинъ сквозной разрѣзъ, имѣвшій до 5 саженъ высоты въ центрѣ.

Въ этомъ громадномъ разрѣзѣ слои земли представлялись весьма неявственно и большею частію сбивчиво, такъ что

по положенію и направленію ихъ нельзя было опредѣлить основнаго пункта, гдѣ должна находиться главная гробница, надъ которой возведенъ курганъ. Исключая верхнихъ слоевъ, изрытыхъ, вѣроятно, впослѣдствіи, вся насыпь этого кургана вообще не представляла никакого разнообразія въ своемъ составѣ: она вся состоитъ изъ сплошной массы земли, взятой изъ материка, безъ всякой почти примѣси постороннихъ предметовъ, характеризующихъ обыкновенно прочіе древніе курганы.

По величинѣ своей этотъ курганъ, повидимому, часто возбуждалъ корыстолюбивые виды. Въ западномъ разрѣзѣ открыты были двѣ мины, шириною въ сажень и на разстояніи $2^1/_2$ арш. одна отъ другой. Онѣ шли на высотѣ одной слишкомъ сажени отъ поверхности материка, параллельно между собою. Обѣ мины наполнены были землею. Одна изъ нихъ не привела ни къ чему, хотя и изслѣдована была до конца; другая не была разслѣдована, потому что скрывалась подъ стѣной разрѣза и, слѣдовательно, нужно было сдѣлать новую пріемку для ея разслѣдованія, чего уже не позволяло позднее время года. Неподалеку отъ этихъ минъ найдено было въ насыпи бронзовое шейное кольцо простой работы, слегка окисшее; а нѣсколько выше, на глубинѣ $1^1/_2$ саж. отъ поверхности кургана, открытъ былъ слой праха, окрашеннаго мѣстами зеленымъ цвѣтомъ мѣдной окиси, показывающій, что здѣсь былъ погребенъ какой-то покойникъ; но ни костей его, ни мѣди отыскано не было.

Другой разрѣзъ на южной сторонѣ кургана не былъ оконченъ, т. е. доведенъ до соединенія съ разрѣзомъ на противоположной сторонѣ. Онъ весь состоялъ только изъ одной ямы, въ 9 квадр. саж. плоскости, взятой у самой подошвы кургана. Яма раскопана была до материка; но кромѣ нѣсколькихъ частицъ гнилаго дерева, находившагося здѣсь, вѣроятно, случайно, въ ней ничего не открыто.

Вообще при разслѣдованіи этого кургана въ 1853 году не обнаружено было никакихъ признаковъ, обѣщающихъ въ

номъ присутствіе какой-либо каменной постройки или склепа. Не скрыта ли главная гробница этого кургана глубоко въ материкѣ, по образцу скиѳскихъ кургановъ?

Наконецъ, одновременно произведены были изслѣдованія въ небольшомъ курганѣ, лежащемъ въ ряду кургановъ, тянущихся отъ деревни Фонтанъ къ проливу, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ деревни. Хотя въ насыпи на глубинѣ $^1/_2$ арш. начали попадаться въ большомъ количествѣ отески мягкаго камня, но на материкѣ, оказавшемся па глубинѣ $3^1/_2$ арш., гробницы открыто не было. Всѣ признаки указывали, что въ курганѣ находилась нѣкогда каменная гробница, но она была не только расхищена, но даже и камень, изъ котораго она была сложена, былъ вытащенъ изъ кургана. Такъ какъ по долинѣ, гдѣ находится до 12 кургановъ, бо́льшая часть ихъ съ впадинами, а тѣ, которые безъ впадинъ, незначительной вышины и служатъ подъ пахатнымъ полемъ, то изслѣдователи съ большою вѣроятностью вывели изъ этихъ явленій заключеніе, что всѣ они расхищены.

Такимъ образомъ работы въ двухъ курганахъ на Киммерійскомъ полуостровѣ остались не оконченными. Въ особенности достойно сожалѣнія, что раскопка большаго кургана въ селеніи Фонтанъ не была доведена къ концу: устройство самаго замѣчательнаго и высокаго кургана на Киммерійскомъ полуостровѣ остается для насъ до сихъ поръ загадкою.

Археологическія открытія въ 1854 году.

Въ январѣ 1854 года директоръ Керченскаго музея А. Е. Люценко донесъ министру Удѣловъ, что онъ осмотрѣлъ всѣ предпринятыя на Таманскомъ полуостровѣ съ археологическою цѣлью работы и нашелъ ихъ произведенными сообразно предначертанному плану. Въ то же время онъ обратился къ К. Р.

Бѣгичеву съ предложеніемъ представить свои соображенія о работахъ, предполагаемыхъ на этой мѣстности въ 1854 году. Въ отвѣтѣ своемъ К. Р. Бѣгичевъ предлагалъ возобновить подробное изслѣдованіе мѣстности близъ хутора Семеняки, гдѣ открытъ былъ пьедесталъ съ надписью Кассаліи, и окончить разслѣдованіе трехъ кургановъ на Киммерійскомъ полуостровѣ. Наконецъ, если позволитъ время, онъ предполагалъ произвести разрѣзъ Киммерійскаго вала, который былъ назначенъ предписаніемъ министра отъ 16 августа 1852 года, но до тѣхъ поръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Не ограничиваясь этими изслѣдованіями, которыя, при всѣхъ видимыхъ условіяхъ, обѣщающихъ болѣе или менѣе важные результаты, могли однакоже остаться безплодными, онъ выразилъ желаніе, чтобы, сверхъ вышеозначенныхъ мѣстностей, ему предоставлено было сдѣлать нѣсколько попытокъ въ другихъ мѣстахъ, кажущихся обѣщающими какое-либо значительное открытіе или по наружнымъ признакамъ или по свойству насыпей, наиболѣе надежныхъ. Онъ желалъ произвести раскопки также въ курганахъ, принадлежащихъ древней Фанагоріи, видимыхъ въ разныхъ направленіяхъ между Таманскимъ и Ахтанизовскимъ лиманами, еще не тронутыхъ въ настоящемъ столѣтіи, которые, если, по примѣру Керченскихъ кургановъ, имѣютъ боковыя гробницы, уцѣлѣвшія при всеобщемъ расхищеніи, о которомъ свидѣтельствуютъ находящіяся на курганахъ впадины, то открытія въ нихъ могутъ быть многочисленны, судя по множеству такихъ кургановъ въ этой части Таманскаго полуострова.

Эти соображенія, утвержденныя директоромъ музея, были представлены имъ министру Удѣловъ. Послѣдній, отношеніемъ отъ 23 марта 1854 года, признавая нужнымъ, чтобы самъ директоръ лично обозрѣлъ мѣстности, въ которыхъ лѣтомъ того года могутъ быть произведены археологическія розысканія, поручилъ ему объѣхать эти мѣстности и донести о своихъ наблюденіяхъ. Но уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года начались

военныя дѣйствія въ Крыму, не оставшіяся безъ глубокаго вліянія и на мирныя археологическія занятія. Отъ 27 апрѣля К. Р. Бѣгичевъ изъ Керчи увѣдомилъ министра, что наканунѣ четыре непріятельскихъ фрегата, изъ которыхъ два винтовыхъ, показались на высотѣ Таманскаго маяка. При такихъ предзнаменованіяхъ Крымской войны нельзя было думать о производствѣ раскопокъ; вслѣдствіе тогдашнихъ обстоятельствъ, лѣтомъ 1854 года всѣ археологическія розысканія въ Крыму и на Таманскомъ полуостровѣ были остановлены. Тѣмъ не менѣе графъ Л. А. Перовскій, испросивъ разрѣшеніе Государя Императора, предписалъ директору Керченскаго музея вновь приступить къ археологическимъ розысканіямъ осенью 1854 года. Предписаніе это было приведено въ исполненіе только въ окрестностяхъ Керчи; на Таманскомъ же полуостровѣ археологическія розысканія во все теченіе 1854 г. не производились.

Тѣмъ не менѣе и этотъ годъ не прошелъ совершенно безъ слѣда въ исторіи открытій, сдѣланныхъ на Таманскомъ полуостровѣ. Въ началѣ лѣта этого года, въ одномъ изъ кургановъ древней Фанагоріи, лежащихъ по близости хутора Чижевскаго, между берегомъ Таманскаго залива и почтовой дорогой, въ курганѣ средней величины, полуразрытомъ въ прежнее время, рабочій П. Д. Семеняки, добывая камень для домашнихъ построекъ своего хозяина, отрылъ случайно, на глубинѣ $2^1/_4$ саженъ отъ поверхности кургана, земляную гробницу, вырытую въ насыпи на половинѣ высоты кургана и накрытую небольшими каменными плитами. Въ гробницѣ этой, по словамъ П. Д. Семеняки, кромѣ частицъ гнилаго дерева отъ гроба, вещей никакихъ не было и самыхъ костей покойника имъ не замѣчено. Но съ боку гробницы съ одной стороны оказался скелетъ лошади и при немъ перержавленныя удила и обломки желѣзнаго копья; съ другой же стороны, въ углубленіи на подобіе ниши, вырытомъ съ боку гробницы, найдены были остатки древняго сѣдла, представляющія полу-

истлѣвшій деревянный ленчикъ, замѣчательнаго устройства и формы. Этотъ ленчикъ, какъ открытіе оригинальное, еще не встрѣчавшееся, былъ тотчасъ отправленъ къ графу Л. А. Перовскому, который, по полученіи его, изъявилъ желаніе, чтобы ему были представлены и перержавленныя удила и обломки желѣзнаго копья. Но предметы эти, по незначительности своей, были брошены на мѣстѣ своего открытія. Поэтому, вслѣдствіе желанія министра Удѣловъ, К. Р. Бѣгичевъ изъ Керчи отправился на станцію Сѣнную для отысканія этихъ вещей. Къ несчастію, наканунѣ его пріѣзда на мѣсто шелъ сильный дождь. Яма, въ которой была открыта гробница, наполнилась грязью, и онъ едва могъ отыскать только нѣкоторыя, весьма мелкія частицы копья и мѣдныхъ пряжекъ отъ узды, которыя и были отправлены въ С.-Петербургъ [1]).

Въ сентябрѣ 1854 года Керченскій житель, грекъ Герасимъ Аббатіелло доставилъ К. Р. Бѣгичеву рѣзной сердоликъ, изображающій въ профилѣ женскій бюстикъ, пріобрѣтенный имъ въ Тамани, гдѣ онъ будто-бы былъ найденъ при раскопкахъ, произведенныхъ тамошними жителями для добыванія камня. Этотъ сердоликъ тоже былъ представленъ графу Л. А. Перовскому. Хотя рѣзьба этого камня была весьма обыкновенная и непредставляла ничего замѣчательнаго, но сердоликъ былъ пріобрѣтенъ для Императорскаго Эрмитажа, какъ памятникъ, любопытный по мѣсту находки [2]).

Археологическія изслѣдованія въ 1855 году.

Съ наступленіемъ весны 1855 года военныя дѣйствія Крымской кампаніи стали принимать болѣе и болѣе угрожающій характеръ для всѣхъ русскихъ владѣній, лежащихъ по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Обстоятельства сдѣлались не только неблагопріятными для археологическихъ розы-

---

[1]) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 40 (239); листы 142 и 146.

[2]) То же дѣло, листы 153 и 154.

сканій, но даже и самое пребываніе лицъ, завѣдывающихъ археологическими раскопками, стало небезопаснымъ въ Керчи, этомъ центрѣ археологической дѣятельности на югѣ Россіи. Еще бо̀льшая опасность грозила художественнымъ коллекціямъ Керченскаго музея. Возлѣ Камышъ-Буруна, въ Керченскомъ проливѣ, постоянно стояли непріятельскіе пароходы, блокирующіе Керченскій портъ. Нерѣдко они подходили къ русскимъ баттареямъ и завязывали съ ними дѣло, слѣдствіемъ котораго была обыкновенно тревога между Керченскими жителями, не позволявшая болѣе думать о занятіяхъ мирныхъ. Нѣкоторые пункты по сосѣдству Керчи, напр. Южная коса, противъ Павловской баттареи, и Бугазъ, на Таманскомъ полуостровѣ, также подвергались нападеніямъ непріятеля.

Эти обстоятельства заставили многихъ жителей Керчи выѣхать изъ города. Оставались только одни служащіе чиновники, готовые уѣхать тоже при первой необходимости. Поэтому директоръ музея А. Е. Люценко, въ интересномъ письмѣ отъ 3 марта, обратился къ министру Удѣловъ съ просьбою, въ случаѣ могущихъ наступить крайне затруднительныхъ и даже опасныхъ обстоятельствъ, дать новое назначеніе чиновникамъ музея. Еще въ 1854 году всѣ художественные предметы Керченскаго музея, кромѣ тяжело грузныхъ, и въ особенности всѣ золотыя вещи, были тщательно уложены въ ящики и отправлены въ Бердянскъ для храненія въ тамошней таможнѣ. За этими вещами въ мартѣ 1855 года отправлены были туда же нѣкоторые предметы, заслуживающіе болѣе вниманія изъ числа открытыхъ въ Керчи въ послѣднее время.

Вслѣдствіе предписанія графа Л. А. Перовскаго директоръ Керченскаго музея въ маѣ мѣсяцѣ отправился въ Екатеринославскую губернію для производства археологическихъ изслѣдованій въ Александропольскомъ курганѣ. Помощникъ его К. Р. Бѣгичевъ командированъ былъ на Таманскій полуостровъ для производства тамъ розысканій «по мѣрѣ возможности». «Если же», писалъ графъ Л. А. Перовскій къ Керчь-

Еникольскому градоначальнику, «по обстоятельствамъ нельзя будетъ оставаться въ Тамани, то я разрѣшаю, чтобы чиновники Музеума переѣхали на другое мѣсто, куда Вы признаете наиболѣе удобнымъ». Въ то же время, по распоряженію градоначальника, К. Р. Бѣгичеву переданы были всѣ дѣла Керченскаго музея, чтобы онъ, находясь на Таманскомъ полуостровѣ, завѣдывалъ также, на время отсутствія директора изъ Керчи, и самымъ музеемъ. 4 мая 1855 года К. Р. Бѣгичевъ и чиновники Я. М. Лазаревскій и Мазировъ переѣхали на Таманскій полуостровъ и остановились во вновь выстроенномъ и меблированномъ казенномъ домѣ близъ станціи Сѣнной.

— —·—·—

Между тѣмъ 13 апрѣля 1854 года однимъ изъ рабочихъ П. Д. Семеняки, Иваномъ Беденко, снова сдѣлано было случайное открытіе, имѣвшее нѣкоторое вліяніе на выборъ мѣста для производства археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ въ 1855 году. У подошвы небольшаго кургана, лежащаго на полянѣ между почтовою дорогою, идущею къ станціи Сѣнной, противъ хутора Семеняки, и двумя большими курганами, разрытыми въ 1852 году въ присутствіи графа Л. А. Перовскаго, Иванъ Беденко открылъ жженую гробницу. Несмотря на то, что она была уже разорена, онъ нашелъ въ ней двѣ золотыя застежки изящной филигранной работы. Онѣ были сдѣланы въ видѣ пуговокъ или розетокъ, разнимающихся надвое посредствомъ трубочекъ, входящихъ одна въ другую. Сверхъ того, тутъ же найдено было нѣсколько глиняныхъ статуэтокъ особеннаго египетскаго (архаическаго?) стиля, большею частію поломанныхъ и поврежденныхъ огнемъ, и глиняная урна съ двумя ручками и краснымъ рисункомъ по черному полю, разбитая на мелкія части.

Открытіе это сдѣлано было во время краткаго пребыванія К. Р. Бѣгичева на Таманскомъ полуостровѣ въ апрѣлѣ 1854 года. Онъ окончательно разслѣдовалъ мѣсто, гдѣ открыта была жженая гробница, и тщательно собралъ малѣйшіе фраг-

грубой работы, перевязанная мѣдною проволокою; перегорѣвшіе обломки желѣзнаго стригиля и другія мелочи изъ алебастра, не имѣющія значенія. Всѣ эти вещи были сильно повреждены огнемъ. Возлѣ урны снаружи лежала глиняная статуэтка грубой работы, представляющая уродливую мужескую фигуру въ лежащемъ положеніи, и обломокъ другой статуэтки, повидимому женской, отъ которой уцѣлѣла только часть пьедестала и на немъ ступня ноги.

Разслѣдованіе второй гробницы, открытой нѣсколько далѣе къ центру кургана, не представило никакихъ открытій. Эта гробница, величиною около 3 арш. длины и болѣе аршина глубины и ширины, была устроена въ материкѣ, на $3^{3}/_{12}$ арш. отъ поверхности насыпи, и составляла, повидимому, главную гробницу кургана. Стѣнки ея, сильно обожженныя и красныя какъ кирпичъ, были сдѣланы со всѣхъ четырехъ сторонъ уступомъ внутрь, раздѣлявшимъ гробницу почти на двѣ равныя части, верхнюю и нижнюю, и отличались особенною чистотою и правильностью отдѣлки. Въ землѣ, наполнявшей гробницу, попадались куски битой глиняной посуды, служившей, вѣроятно, при погребальной трапезѣ. По достиженіи дна гробницы, на которомъ лежалъ едва замѣтный слой земли, изрѣдка перемѣшанный съ древеснымъ углемъ, не было найдено никакихъ признаковъ человѣческихъ костей. Отсюда можно заключить, что кости покойника, здѣсь сожженнаго, были собраны въ урнѣ и зарыты въ другомъ мѣстѣ.

Далѣе отрыты: на глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. отъ поверхности насыпи, другая земляная гробница, въ которой возлѣ скелета покойника, совершенно истлѣвшаго и обращеннаго головою на востокъ, собрано шесть небольшихъ лакированныхъ вазочекъ, большею частію побитыхъ и поврежденныхъ сыростью.

На глубинѣ $5^{1}/_{2}$ арш. глиняная урна, покрытая чернымъ лакомъ, съ двумя ручками, интересной формы, но совершенно раздавленная землею. Внутри ея заключались жженыя кости покойника, перемѣшанныя съ золою, повидимому, отъ бурь-

яна, на которомъ былъ сожженъ покойникъ. Эти кости составили сплошную твердую бѣловатую массу, которую съ трудомъ можно было разламывать на части. Между ними отысканы только обломки вещицы изъ слоновой кости, сдѣланной на подобіе игольника, украшенныя узоромъ, но сильно перегорѣвшія и почти разсыпавшіяся на мелкія части. Неподалеку отъ урны, на одинаковой глубинѣ съ нею, отрыта въ насыпи простая глиняная амфора, полураздавленная и наполненная землею, внутри которой находилась глиняная чашечка съ ручкой, покрытая чернымъ лакомъ, слегка поврежденная, и, наконецъ, двѣ простыя земляныя гробницы, отрытыя уже внѣ центра насыпи, въ которыхъ, кромѣ истлѣвшихъ человѣческихъ костей и нѣсколькихъ простыхъ мелкихъ глиняныхъ сосудовъ, ничего не отыскано.

РАЗРѢЗЪ ВТОРОЙ.

Въ первой ямѣ, у подошвы, равномѣрно по достиженіи материка, ничего не оказалось. Насыпь земли была одинаковаго свойства съ первымъ разрѣзомъ, т. е. сланцеватая, перемѣшанная изрѣдка черепками простой глиняной посуды.

Во второй ямѣ, далѣе къ срединѣ насыпи, отрыты: простая земляная гробница на глубинѣ $^{5}/_{4}$ арш., въ которой, возлѣ скелета покойника, лежавшаго головою на востокъ, отыскана возлѣ правой руки небольшая продолговатая вазочка, раздавленная землею и испорченная сыростью, и возлѣ пояса мѣдное колечко отъ пряжки.

Такая же земляная гробница, устроенная на материкѣ, на глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. отъ поверхности насыпи. На днѣ ея лежалъ истлѣвшій скелетъ воина, головою на юго-востокъ; у ногъ его, поперекъ гробницы, находилась глиняная амфора, раздавленная землею; возлѣ амфоры—глиняная чашка, покрытая чернымъ лакомъ, тонкой работы, съ двумя ручками, равномѣрно раздавленная землею. Съ лѣваго бока колчанъ, напол-

ненный мѣдными и желѣзными стрѣлами, сильно поврежденными окисью; желѣзный широкій мечъ въ ножнахъ, весь изломанный, лежавшій наискось отъ праваго бедра къ лѣвой рукѣ, поверхъ покойника. На лѣвой рукѣ—никакого перстня. Съ правой стороны, по длинѣ скелета, лежали три копья съ желѣзными наконечниками, прикрѣпленными къ древкамъ мѣдными кольцами; въ правой рукѣ стригиль, сильно окисшій и поломанный, и мѣдное орудіе на подобіе ложки, также испорченное окисью и поломанное. Въ изголовьѣ покойника собрано болѣе 30 штукъ бараньихъ костей, называемыхъ кознами, употребляемыхъ для дѣтской игры.

Земляная гробница, устроенная на материкѣ, около семи четвертей аршина отъ поверхности насыпи, со скелетомъ, обращеннымъ головою на востокъ, возлѣ лѣвой руки котораго отыскана маленькая ваза съ узкимъ горломъ, объ одной ручкѣ, хорошо сохранившаяся, съ рисункомъ на черномъ полѣ, изображающимъ женскую фигуру съ корзиною въ рукахъ и другими аттрибутами въ полѣ, и мѣдное орудіе, сильно перержавленное и въ обломкахъ, по которымъ нельзя было опредѣлить его назначеніе.

Двѣ такія же, устроенныя на материкѣ, гробницы, около 2 аршинъ отъ поверхности насыпи: одна разоренная, другая совершенно пустая. Въ первой, по положенію костей скелета, видно, что покойникъ въ ней былъ погребенъ головою на востокъ; голова же, выброшенная изъ гробницы, найдена возлѣ насыпи. Въ этой расхищенной гробницѣ уцѣлѣли только возлѣ ногъ скелета простой глиняный кувшинчикъ и у локтя правой руки—простая глиняная лампочка, въ видѣ горшечка съ ручкой. Въ другой же гробницѣ, кромѣ костей покойника, лежавшаго головою на востокъ, ничего не найдено.

Еще двѣ земляныя гробницы, расположенныя одинаково на материкѣ, на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности насыпи, съ истлѣвшими покойниками, обращенными головами на востокъ. Въ первой, возлѣ рукъ скелета, собрано нѣсколько

раздавленныхъ землею маленькихъ вазъ, украшенныхъ пальметками и квадратиками, изъ коихъ только двѣ цѣлыхъ, и алебастровый поврежденный унгвентарій. Въ другой скелетъ покойника, замѣчательнаго роста, хорошо сохранившійся, былъ, повидимому, втиснутъ въ гробницу, которая была не по его величинѣ, хотя и занимала около сажени въ длину. Ноги покойника въ колѣнахъ были подогнуты и свернуты въ одну сторону. Дно гробницы было усыпано бѣлымъ пескомъ, почти на палецъ толщины. Возлѣ ногъ стояла большая глиняная чашка простой работы, раздавленная землею. Возлѣ лѣвой руки найденъ унгвентарій изъ стеклянной массы, украшенный разноцвѣтными полосками въ зигзагѣ, съ ушками и горлышкомъ обыкновеннаго устройства, а возлѣ лѣваго бедра — два желѣзные меча, различной величины, перержавленные и поломанные.

РАЗРѢЗЪ ТРЕТІЙ.

Въ первыхъ ямахъ этого разрѣза, начатаго отъ самой подошвы насыпи, по достиженіи материка, не обнаружено никакихъ признаковъ гробницъ. Верхній слой насыпи составлялъ глинистый черноземъ, очень твердый и крѣпкій, въ которомъ только изрѣдка попадались черепки глиняной простой посуды; нижній же слой, на глубинѣ аршина, былъ сланцеватаго свойства, безъ всякой примѣси и безъ замѣтнаго наслоенія.

По приближеніи къ центру кургана, въ разрѣзѣ замѣченъ былъ наконецъ обрѣзъ гробницы, вырытой на материкѣ на $^3/_4$ арш. и на глубинѣ $2^1/_4$ арш. отъ поверхности насыпи, на днѣ которой, по очисткѣ земли, оказались кости женскаго скелета, довольно хорошо сохранившагося. Покойница была обращена головою къ востоку. Весь скелетъ ея казался окрашеннымъ какъ бы краснымъ цвѣтомъ, что, по мнѣнію рабочихъ и въ особенности болѣе опытнаго въ этомъ дѣлѣ Дмитрія Семенова, показывало присутствіе въ гробницѣ золота. Дѣйствительно, перебирая землю возлѣ костей покойницы, начи-

ная съ головы, найдены были: серебряная серьга, змѣевидной формы, съ пирамидальными оконечностями, сильно окисшая и поломанная; на шеѣ—золотая львиная головка, дутая, съ ушкомъ сверху; на груди—золотая четвероугольная пластинка съ вытиснутымъ изображеніемъ крылатаго сфинкса о трехъ туловищахъ и двѣ пестрыя монисты изъ египетской массы; на безыменномъ пальцѣ лѣвой руки—золотое колечко съ вырѣзанною на немъ крылатою мужскою фигурою, съ вѣнкомъ и съ повязкою въ рукахъ; возлѣ ногъ—бронзовое небольшое зеркало въ обломкахъ и въ изголовьѣ—алебастрида. Покойница лежала въ деревянномъ гробѣ, остатки котораго замѣтны были при очисткѣ земли вдоль стѣнокъ гробницы. Сверху же гробница была покрыта слоемъ морской травы, древесной коры или чего-либо подобнаго.

Во время пребыванія на Таманскомъ полуостровѣ К. Р. Бѣгичевъ пріобрѣлъ покупкою обломокъ серебрянаго перстня съ рѣзнымъ изображеніемъ двухъ головъ, мужской и женской, найденный случайно однимъ черноморскимъ казакомъ на берегу пролива въ Тамани. Онъ тоже былъ имъ отосланъ, вмѣстѣ съ другими вещами, къ графу Л. А. Перовскому.

---

12 мая 1855 года непріятельскій флотъ, въ числѣ 80 судовъ, съ десантомъ отъ 25 до 30,000 человѣкъ войска, внезапно появился у Керченскаго пролива и началъ высаживать войска въ Камышъ-Бурунѣ. Баттареи наши не могли держаться и были взорваны одна за другою. Вслѣдъ затѣмъ непріятель овладѣлъ проливомъ и городами Керчью и Еникале. Утромъ 13 мая 34 непріятельскіе парохода вошли въ Азовское море... Положеніе лицъ, занимавшихся археологическими изслѣдованіями на Таманскомъ полуостровѣ, сдѣлалось критическимъ. Опасность, угрожавшая странѣ, вынудила ихъ прекратить раскопки, оставить полуостровъ и переѣхать на другія мѣста. Я. М. Лазаревскій, еще до взятія непріяте-

лемъ Керчи, переѣхалъ туда; чиновникъ Мазировъ отправился въ г. Ростовъ, а К. Р. Бѣгичевъ—въ Ставрополь. Всѣ дѣла и казенное имущество, за исключеніемъ рабочаго инструмента и хозяйственныхъ принадлежностей, были вывезены послѣднимъ частію въ Ставрополь на перекладныхъ, частію на особыхъ обывательскихъ подводахъ въ станицу Полтавскую. Послѣднія отправлены были при обозѣ войсковаго старшины П. Д. Семеняки съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ новой, дальнѣйшей опасности онѣ были отправлены имъ далѣе, въ безопасное мѣсто.

При переѣздѣ въ Ставрополь К. Р. Бѣгичевъ встрѣчалъ по дорогѣ во многихъ мѣстахъ, въ особенности по берегу Кубани, большіе и малые курганы, съ виду похожіе на керченскіе и таманскіе, между которыми есть много совершенно не тронутыхъ. Вообще курганы, лежащіе по Кубани, въ Ставропольской губерніи, никѣмъ еще не были разслѣдованы съ ученою цѣлью.

По окончаніи Крымской войны К. Р. Бѣгичевъ возвратился въ Керчь. Въ 1856—58 годахъ на Таманскомъ полуостровѣ археологическихъ изслѣдованій не производилось. О случайныхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ этотъ промежутокъ времени на этой мѣстности, намъ ничего не извѣстно. Археологическія изслѣдованія на Таманскомъ полуостровѣ съ 1859 года описаны въ Отчетахъ Императорской Археологической Коммиссіи.

КОНЕЦЪ.

Дополненіе къ стр. 10.

Изъ дѣла Инженернаго Департамента 1817 года за № 202 видно, что въ 1817 году на Таманскомъ полуостровѣ, близъ Фанагорійской крѣпости, «при рытіи каменныхъ плитъ съ косогора земли при берегѣ Воспорскаго пролива открыты были инженеръ-подполковникомъ Парокья двѣ гробницы, одна длиною 8 футъ 1 дюймъ, шириною 3 фута 2 дюйма, глубиною 2 фута 7 дюймовъ; другая—длиною 6 футъ 3 дюйма, шириною 3 фута 2 дюйма, глубиною 2 фута 7 дюймовъ». Въ первой лежали однѣ кости «въ натуральномъ положеніи», головою къ востоку, безъ правой ноги; ростъ покойника оказался 7 футъ 3 дюйма 9 линій. Во второй гробницѣ «покойнаго праху только и существовало, что гдѣ была голова, найдена чаша неизвѣстнаго металла, къ коей былъ припаянъ лавровый вѣнокъ изъ кованной мѣди съ позолотою, двѣ неизвѣстныя монеты, двѣ медали мѣдныя, золотой перстень, украшенный неизвѣстнымъ металломъ, глиняная миска и такихъ же пять вазиковъ, въ коихъ находился пепелъ; гвозди съ позолоченными шляпками, золотая пряжка отъ пояса съ каменьями, маленькій ножикъ изъ металла, частичка перевитаго золота да поддонки глиняной посуды съ нѣкоторыми греческими буквами и посреди съ неизвѣстнымъ значкомъ».

Вещи эти, по соизволенію Его Императорскаго Высочества тогдашняго Генералъ-Инспектора по инженерной части, переданы были въ Публичную Библіотеку (см. Отчетъ Публ. Библ. за 1817 г. стр. 78).

Затѣмъ на слѣдующій 1818 годъ, для дѣланія землянаго кирпича, продолжалось рытье означеннаго кургана, и въ центрѣ его, ниже обыкновеннаго горизонта земли на 6 футовъ и 4 дюйма, открыты двѣ гробницы такого же совершенно расположенія, построенія и камня, какъ найденныя въ 1817 году; въ первой изъ нихъ лежалъ человѣческій остовъ въ длину 6 футовъ и около 10 дюймовъ, съ головою къ востоку, какъ остовы, найденные въ 1817 году; коронованъ золотыми лаврами; на лбу, въ самой коронѣ, была золотая монета; подъ головою— часть глинянаго блюда въ мелкихъ частяхъ; руки лежали прямо по длинѣ тѣла, а въ правой найденъ золотой перстень съ круглымъ подвижнымъ камнемъ; по обѣимъ сторонамъ отъ плечъ до окончанія рукъ лежали серебряные сосуды съ украшеніями, съ правой стороны три, а съ лѣвой четыре; отъ рукъ до ногъ, также по обѣимъ сторонамъ, глиняные, но почти всѣ разбитые, сосуды и одинъ мраморный; къ ногамъ на лѣвую сторону мѣдный подносикъ съ мѣдною чашкою; въ головѣ, въ склепномъ камнѣ, вырѣзана буква Λ, а за нею въ землѣ было много черепковъ отъ глиняной посуды. Въ другой гробницѣ настланы были уголья на 13 дюймовъ въ толщину; между ними найдены золотыя зерна и маленькая статуэтка (№ 17) и сѣрый испорченный камень отъ перстня, съ частичкою въ немъ золота, коимъ камень былъ укрѣпленъ.

Вещи эти также переданы были въ Публичную Библіотеку, изъ которой впослѣдствіи, послѣ открытій, сдѣланныхъ въ Кульобскомъ курганѣ, поступили въ Императорскій Эрмитажъ [1]).

---

[1]) Вышезначащался записка составлена на основаніи упомянутаго дѣла, препровожденнаго въ Арх. Коммиссію, вслѣдствіе ея отношенія отъ 25 февр. 1869 г. за № 83, изъ Инженернаго Департамента 22 марта 1869 г., за № 3112, членомъ Коммиссіи В. Г. Тизенгаузеномъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

К. К. Гёрцъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ,

ИЗДАННОЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ

НА СРЕДСТВА

КАПИТАЛА ИМЕНИ ПРОФЕССОРА К. К. ГЁРЦА.

Выпускъ 3-й:

ПИСЬМА ИЗЪ ИТАЛІИ И СИЦИЛІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1899.

Цѣна 1 руб. 10 коп. 3 Mk. 50 Pf.

К. К. Гёрцъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ,

ИЗДАННОЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ

НА СРЕДСТВА

КАПИТАЛА ИМЕНИ ПРОФЕССОРА К. К. ГЁРЦА.

Выпускъ 3-й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1899.

ПИСЬМА

ИЗЪ

ИТАЛІИ И СИЦИЛІИ.

1871—1872.

К. К. Гёрца.

Изданіе 2-е.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1899.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ;
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ;
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ;
Н. Киммеля въ Ригѣ; **Фоссъ (Г. Гессель)** въ Лейпцигѣ.

Цѣна 1 руб. 40 коп. = 3 Mk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣля 1899 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Издаваемыя въ настоящемъ выпускѣ „Письма изъ Италіи и Сициліи" представляютъ собою корреспонденціи изъ второго заграничнаго путешествія К. К. Гёрца, напечатанныя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1871—1872 годовъ и затѣмъ вышедшія отдѣльною книгою въ 1873 г. (Москва, тип. Синод., 190 стр. 12°). Для настоящаго изданія „Письма" пересмотрѣны А. Н. Щукаревымъ, примѣчанія котораго отмѣчены буквою *Щ*.

Въ бумагахъ К. К. Гёрца, переданныхъ въ Императорскую Академію Наукъ покойною сестрою его Э. К. Гёрцъ, имѣется рядъ записныхъ книжекъ съ путевыми замѣтками и матеріалами изъ его перваго путешествія по Западной Европѣ (1851—1856 гг.) и четыре письма изъ Берлина, Дрездена и Эмса, написанныя лѣтомъ 1851 г. и, повидимому, приготовлявшіяся къ печати, но обработанныя далеко не въ одинаковой мѣрѣ, а также нашелся вполнѣ законченный и собственноручно написанный Гёрцомъ очеркъ подъ заглавіемъ „Осенній день въ Венеціи". Этотъ очеркъ редакція признала не лишнимъ присоединить въ видѣ приложенія къ „Письмамъ" изъ второго путешествія.

В. Латышевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

На пути въ Италію.

Изъ Италіи и Сициліи.

НА ПУТИ ВЪ ИТАЛІЮ.

I.

ИЗЪ БЕРЛИНА.

Недавнія военныя побѣды Пруссіи украсили столицу ея новымъ монументальнымъ памятникомъ, возвышающимся предъ королевскимъ дворцомъ. Это — колоссальная группа Германіи съ Эльзасомъ и Лотарингіей, на цилиндрической базѣ, покрытой рельефами. Цѣлое изваяно изъ бѣлаго песчаника. Германія изображена въ видѣ прекрасной женщины, возсѣдающей на престолѣ. Грудь ея облечена въ панцырь; нижнюю часть тѣла покрываетъ широкая драпировка. Въ правой рукѣ держитъ она имперскій скипетръ, оканчивающійся золотымъ орломъ; лѣвую положила на плечо Лотарингіи. На головѣ ея императорская корона, по формѣ слишкомъ тяжелая. Вся фигура имѣетъ 19 футовъ вышины. Прижимаясь къ колѣну ея, стоитъ, по лѣвую руку отъ зрителя, женская фигура, олицетворяющая Эльзасъ, со стѣнною короной на головѣ. Въ правой рукѣ держитъ она арфу; взглядъ ея обращенъ на Германію: она стала довѣрчивѣе. Съ другой стороны «великой матери» (Германіи) стоитъ Лотарингія, лѣвой рукой опираясь на щитъ съ ея гербомъ. Она нѣсколько отодвинулась отъ Германіи: эта дочь еще не покорна. Группа исполнена художникомъ Гропіусомъ и извѣстнымъ ваятелемъ Вольфомъ.

Чрезвычайно богато изукрашена рельефами высокая база цилиндрической формы, на которой возвышается означенная

группа. Двѣ полосы раздѣляютъ ее на три части. Въ верхней находятся гербы различныхъ частей Германской имперіи, перемежающіеся орлами. Въ срединномъ, и самомъ замѣчательномъ, рельефѣ изображенъ королевскій призывъ народа къ войнѣ съ врагомъ отечества. Герольдъ трубитъ, и на звукъ воинственной трубы съ двухъ сторонъ поспѣшаютъ вполнѣ вооруженные. Тутъ идутъ сцены прощанія: покидаются невѣста и супруга, родители и дѣти. Всѣ возрасты, всѣ различныя призванія жизни берутся за оружіе; тутъ земледѣлецъ и ремесленникъ, купецъ и мужъ науки, юноша и зрѣлый человѣкъ. Весь рельефъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ 30 фигуръ, исполненныхъ въ натуральную величину, и дѣлаетъ честь своему исполнителю, художнику Зимерингу. Нижній рельефъ представляетъ олицетвореніе нѣмецкихъ рѣкъ—Рейна, Мозеля, Одера, Эльбы, Вислы, Ногата, Дуная и Майна. Трудно понять присутствіе божествъ этихъ рѣкъ на памятникѣ, воздвигнутомъ въ прославленіе послѣдней войны: на водахъ нѣмецкихъ рѣкъ не происходило никакихъ военныхъ событій. Цѣлое свидѣтельствуетъ, что берлинская школа ваянія, давно уже славящаяся въ Германіи, прилежно изучаетъ лучшіе образцы классической эпохи греческаго ваянія. Необходимо вспомнить, что это многосложное произведеніе колоссальныхъ размѣровъ исполнено было въ весьма краткій срокъ, ко дню торжественнаго вступленія нѣмецкой арміи въ Берлинъ, 16-го іюня 1871 года [1]).

Впрочемъ, этотъ памятникъ не останется одиночнымъ: въ настоящее время въ Тиргартенѣ, за Бранденбургскими воротами, воздвигается громадная колонна, вся еще заставленная лѣсами [2]). Даже театральная сцена многократно пользуется

---

[1]) [Этотъ памятникъ нынѣ не существуетъ: онъ возведенъ былъ только какъ декоративное украшеніе и затѣмъ разобранъ. Рельефъ Зимеринга, о которомъ упоминается въ текстѣ, хранится въ настоящее время въ городѣ Герлицѣ; изданъ въ «Kunst für Alle» 1895—96 года, т. XI. *Щ.*].

[2]) [Siegessäule, о которой здѣсь идетъ рѣчь, открыта въ 1873 г. и, несмотря на свое безвкусіе, составляетъ предметъ гордости берлинцевъ. Она стоитъ какъ разъ противъ главнаго фасада новаго зданія рейхстага. *Щ.*].

военными событіями послѣдняго времени и, не говоря о патріотической піесѣ, даваемой на театрѣ Кролля, подъ заглавіемъ: Rückblicke, oder von Berlin bis Versailles, въ 3 актахъ, тамъ же посредствомъ агіоскопа, въ 40 картинахъ громаднаго размѣра, прекрасно исполненныхъ и освѣщенныхъ, предъ глазами зрителей проводятся интереснѣйшія событія въ Парижѣ во время правленія коммуны. Здѣсь видны кровавыя мѣста событій вокругъ Парижа: Аньеръ, Нёльи, Отель и т. д.; постройка баррикадъ и постановка баттарей; Тюльери, Городская Дума, министерство финансовъ, Вандомская колонна, площадь Согласія и множество другихъ историческихъ зданій и памятниковъ до пожара, въ пламени и въ развалинахъ; казнь заложниковъ: парижскаго архіепископа, президента Бонжана, доминиканцевъ и, наконецъ, зрѣлище петролейщицъ, совершающихъ свое гнусное дѣло. Необыкновенно интересны портреты замѣчательнѣйшихъ дѣятелей коммуны: Асси, Домбровскаго, Флуранса, Рауля Риго и т. д. Что совершалось вчера, фиксировано на бумагѣ солнечнымъ лучомъ и карандашомъ художника, и кровавая драма нашихъ дней развертывается предъ вами еще ужаснѣе, чѣмъ на летучихъ листкахъ газеты.

Въ тотъ же день торжественнаго вступленія нѣмецкихъ войскъ въ Берлинъ, въ Лустгартенѣ открыта была конная статуя Прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, работы Драке[1]), а 10-го ноября настоящаго года ожидаютъ открытія статуи Шиллера. Исторія этого послѣдняго произведенія весьма печальна: центръ нѣмецкой интеллигенціи до сихъ подъ оставался безъ памятника одному изъ величайшихъ поэтовъ, — тогда какъ нѣкоторые изъ второстепенныхъ городовъ Германіи давно украшены его изображеніями, — потому только, что король не любитъ Шиллера. Долго не давалось разрѣшенія на

---

[1]) [Это ошибка: упоминаемая статуя—работы А. Вольфа. Драке изваялъ мраморную статую того же короля въ Тиргартенѣ. *Щ.*].

постановку памятника; долго отыскивали ему какое-либо приличное мѣсто; шесть лѣтъ тянутся пренія о немъ, и наконецъ теперь, въ минуту полнѣйшаго отсутствія всякихъ революціонныхъ стремленій, послѣ грома безчисленныхъ побѣдъ, рѣшились воздать долгъ бѣдному великому поэту. Рѣшились, именно какимъ же образомъ? Безъ всякой церемоніи. Подъ самымъ пустѣйшимъ предлогомъ памятникъ Шиллера будетъ открытъ безъ всякаго торжества, и юмористическій листокъ «Kladderadtasch» даже повѣствуетъ, что открытіе памятника послѣдуетъ въ ночь съ 9-го на 10-ое ноября, между 12 и 1 часомъ пополуночи, чрезъ посредство околоточнаго ночнаго сторожа. Судя по рисунку, памятникъ работы Бегаса превосходенъ.

Въ послѣдніе годы Берлинъ украсился множествомъ какъ частныхъ, такъ и общественныхъ построекъ, весьма замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи. Къ числу ихъ принадлежатъ: новая биржа, оконченная въ 1864 году по плану архитектора Гитцига, ратуша, сооруженная подъ вѣдѣніемъ Веземана, и синагога, построенная Кноблохомъ. Эти обширныя зданія могутъ служить образцомъ нашимъ строителямъ при изученіи новѣйшей архитектуры и лучшихъ способовъ для удовлетворенія современнымъ потребностямъ. Ратуша не только великолѣпно украшена внутри, но даже винный погребъ или ресторація (Rathskeller), находящійся въ самыхъ нижнихъ частяхъ зданія, украшенъ рядомъ фресокъ, изображающихъ прославленіе вина у разныхъ народовъ міра. Обширная синагога, построенная въ мавританскомъ вкусѣ съ куполами, производитъ магическое дѣйствіе при вечернемъ освѣщеніи. Цѣлые ряды громаднѣйшихъ частныхъ домовъ и изящныхъ виллъ, образцы построекъ въ новѣйшемъ вкусѣ, украшаютъ южный край Тиргартена и примыкающихъ къ нему улицъ Lenné-Strasse, Bellevuestrasse и Victoriastrasse. Изъ частныхъ домовъ внутри города особенное вниманіе обращаетъ на себя домъ извѣстнаго богача Струсберга, котораго фасадъ, однако,

вслѣдствіе желанія выказать великолѣпіе, слишкомъ тяжелъ. Но въ то время, какъ такимъ образомъ въ Берлинѣ одинъ дворецъ возникаетъ возлѣ другаго, поземельная цѣна участковъ на главной улицѣ Unter den Linden доходитъ до баснословныхъ размѣровъ; народонаселеніе города увеличилось до 950 т. человѣкъ; богатства стекаются со всѣхъ сторонъ, а бѣдный классъ жителей, ремесленники и рабочіе, болѣе и болѣе страдаютъ. Цѣны на мелкія квартиры поднялись на недосягаемую для рабочаго класса высоту. Квартира для семейства, прежде стоившая въ годъ 60 талеровъ, теперь отдается за 120. Недостатокъ въ помѣщеніяхъ для бѣднаго класса (Wohnungsnoth) есть въ настоящее время одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ общественной жизни въ Берлинѣ. Онъ началъ принимать даже угрожающій характеръ, такъ что правительство увидѣло себя въ необходимости предписать разныя мѣры, потому что прежде этотъ вопросъ порождалъ уже въ легко воспламеняемой толпѣ уличные безпорядки, весьма непріятные для домовладѣльцевъ. Семейства, оставшіяся безъ квартиръ вслѣдствіе ихъ дороговизны, кочевали въ полѣ. Эти нужды содѣйствуютъ распространенію соціалистическихъ идей въ нѣмецкомъ народѣ, до сихъ поръ ими мало зараженномъ. Въ воскресенье, 24-го сентября, въ Альказарѣ, на Дрезденской улицѣ, отъ 10 до 2 часовъ происходило *соціально-демократическое собраніе*, на которомъ присутствовала весьма многочисленная публика. Собраніе обсуждало вопросъ о квартирахъ и постановило, что «онъ есть слѣдствіе дурнаго соціальнаго устройства: землевладѣльцы выжимаютъ рабочій людъ, а мѣра правительства—укрыть бездомныя семейства въ рабочемъ домѣ, — есть оскорбленіе народу». Эти явленія—дурные признаки для будущности.

30-го сентября н. ст. 1871.

[*Моск. Вѣд.* 12 окт. 1871, № 221].

II.

ИЗЪ БЕРЛИНА

Берлинскій музей въ послѣдніе годы обогатился новыми замѣчательными приращеніями. Не говоря о разныхъ античныхъ статуяхъ, въ составъ его вошло нѣсколько коллекцій, которыя найдутъ мѣсто на страницахъ исторіи искусства. Въ числѣ ихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ большой кладъ серебряныхъ сосудовъ, извѣстный подъ именемъ Hildesheimer Silberfund. Въ 1868 году близъ ганноверскаго города Гильдесгейма, на возвышеніи, извѣстномъ подъ именемъ Galgenberg, случайно открытъ былъ кладъ, состоящій болѣе чѣмъ изъ 80 сосудовъ различной величины, превосходной римской работы, несомнѣнно относящійся ко временамъ императора Августа. Сосуды, всѣ отчеканенные изъ чистаго серебра, составляли столовый сервизъ какого-нибудь знатнаго римскаго вельможи и состоятъ изъ различной формы и величины чашъ, блюдъ, кратеровъ, покаловъ и т. д. Многіе изъ нихъ прекрасно сохранились; на другихъ видны явные слѣды тяжелаго давленія лежавшей на нихъ земли; третьи дошли до насъ въ очень испорченномъ видѣ. Особенно замѣчательна орнаментація большей части этихъ сосудовъ, ука-

зывающая на лучшую эпоху римскаго искусства. Одно блюдо украшено изображеніемъ сидящей Минервы; другое — головой малютки Геркулеса, задушающаго змѣй; на третьемъ находится голова Кибелы; на четвертомъ — голова бога луны. Эти изображенія сдѣланы рельефно, и въ особенности замѣчательна головка Геркулеса въ горельефѣ — самаго натуралистическаго характера. Чаши и другіе сосуды украшены рельефными изображеніями виноградныхъ лозъ и хмѣля. Весьма замѣчателенъ большой кратеръ (сосудъ, въ которомъ древніе мѣшали вино съ водой), на которомъ находятся маски головъ старыхъ сатировъ. Античныя серебряныя вещи, составляющія рѣдкость въ европейскихъ собраніяхъ, были не разъ находимы въ Италіи и Франціи, но бо́льшая часть изъ нихъ принадлежитъ позднимъ временамъ и, слѣдовательно, временамъ упадка римскаго искусства. Настоящій же кладъ явно есть произведеніе золотыхъ дѣлъ мастеровъ не только превосходныхъ въ техническомъ отношеніи, но и работавшихъ по образцамъ, указывающимъ на греческое происхожденіе. Нѣкоторыя вещи, можетъ быть, вышли даже изъ греческихъ рукъ, потому что число греческихъ художниковъ, переселившихся въ Римъ въ указанную эпоху, было весьма значительно. Разсматривая эти сосуды, украшавшіе пиршественный столъ римскаго вельможи, видишь, на какой высокой степени совершенства находились у древнихъ художественныя ремесла. Поэтому понятно, что въ наши дни, когда не только въ Западной Европѣ, но и у насъ поняли значеніе изящныхъ образцовъ для ремесленниковъ, тотчасъ по нахожденіи этого клада съ него сняты были слѣпки, прекрасно передающіе оригиналы. Подобные слѣпки всей коллекціи, въ величину оригинала, изъ желѣза, изготовляетъ фабрика графа Штольберга-Вернигероде въ Гарцѣ. Они точно передаютъ подлинникъ, разумѣется, кромѣ цвѣта металла, и по цѣнѣ доступны всякому публичному собранію (около 100 талеровъ). Но какимъ образомъ подобный кладъ зашелъ на отдаленный сѣверъ Германіи? Здѣсь археологи расходятся во

мнѣніяхъ; иные думаютъ, что это столовый сервизъ римскаго полководца Вара, доставшійся въ добычу германскимъ войскамъ послѣ извѣстнаго пораженія Римлянъ въ Тевтобургскомъ лѣсу. Поле обширное для остроумныхъ предположеній [1]).

Необыкновенный интересъ для знатока исторіи древняго греческаго искусства представляетъ новопріобрѣтенное собраніе кипрскихъ древностей: это совершенно новыя страницы въ исторіи искусства. По порученію правительства ихъ пріобрѣлъ на островѣ Кипрѣ профессоръ Берлинскаго университета К. Фридрихсъ, нарочно посланный туда съ этою цѣлью. Кипрскія древности еще не открыты для публики, и только благодаря содѣйствію директора нумизматическаго кабинета, г. Фридлендера, пишущему эти строки удалось видѣть ихъ въ особой залѣ, гдѣ онѣ временно помѣщаются. Самъ профессоръ Фридрихсъ, къ сожалѣнію, боленъ весьма изнурительною болѣзнію [2]), такъ что мнѣ невозможно было узнать мѣста, гдѣ эти вещи найдены. Древности состоятъ изъ статуй и статуэтокъ, головъ, терракотъ, стеклянныхъ произведеній и весьма замѣчательнаго собранія вазъ. Въ особенности достойны вниманія произведенія, принадлежащія эпохѣ до преобладанія и распространенія греческаго вкуса на островѣ. Кипрская школа была тогда самостоятельна и весьма оригинальна. О характерѣ этого искусства я уже сообщалъ русской публикѣ краткія свѣдѣнія *); новыя пріобрѣтенія весьма расширяютъ наши познанія о первоначальной эпохѣ греческаго искусства.

---

¹) [Въ недавнее время гильдесгеймскій кладъ вновь тщательно изученъ, причемъ оказалось возможнымъ поставить нѣкоторые фрагменты на надлежащее мѣсто и даже собрать изъ нихъ новые сосуды почти цѣликомъ. Администрація берлинскаго музея выставила кладъ въ отдѣльномъ небольшомъ кабинетѣ и приготовляетъ фототипическое его изданіе. Результаты послѣднихъ изслѣдованій и реставраціи клада изложены *Винтеромъ* въ «Archäolog. Anzeiger» 1897 г., стр. 115—130 съ 18 рисунками. *Щ*].

²) [Умеръ въ концѣ 1871 г. *Щ*.]

*) См. статью: *Восточное и древне-греческое искусство*, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, апрѣль 1871, стр. 260.

Кипрскія древности Берлинскаго музея суть результаты раскопокъ въ разныхъ мѣстностяхъ острова Кипра, произведенныхъ до 1869 года тамошнимъ американскимъ консуломъ де-Чеснола. Вмѣстѣ съ профессоромъ Фридрихсомъ онъ сдѣлалъ путешествіе вокругъ острова, при чемъ г. Фридрихсъ указалъ ему на мѣстность, гдѣ, по его предположенію, должны были находиться развалины знаменитаго въ древности храма Афродиты въ Гольгахъ (нынѣ Athienu)[1]. Г. де-Чеснола имѣлъ счастіе открыть подземныя пространства этого храма, въ которыхъ нашелъ до 200 статуй, начиная съ колоссальныхъ до малыхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ находками въ другихъ мѣстностяхъ острова у него образовалась вторая коллекція кипрскихъ древностей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ собраніе надписей на финикійскомъ и кипрскомъ языкахъ[2]. Это собраніе г. де-Чеснола предложилъ для покупки Императорскому Эрмитажу въ С.-Петербургѣ. Начальство этого учрежденія нашло необходимымъ отправить на мѣсто, для подробнаго осмотра, оцѣнки и каталогизаціи предлагаемыхъ древностей, спеціалиста по этому дѣлу и возложило это порученіе на помощника хранителя отдѣленія древностей въ Эрмитажѣ, И. Д. Дёля. Я имѣлъ случай, во время кратковременнаго моего пребыванія въ Петербургѣ, благодаря благосклонному вниманію автора, разсмотрѣть этотъ каталогъ и приложенныя къ нему фотографіи и былъ изумленъ обиліемъ и важностію новооткрытыхъ памятниковъ, разумѣется болѣе въ научномъ, нежели въ артистическомъ отношеніи. Каталогъ, вѣроятно, скоро будетъ напечатанъ въ Запискахъ Император-

---

[1]) [Мнѣніе о тождественности Athienu съ древними Голгами въ настоящее время многими не раздѣляется. Первый поколебалъ его *Нейбауеръ* въ статьѣ: Der angebliche Aphrodite-tempel zu Golgoi (въ Commentationes philologicae in honorem Th. Mommseni, 1877). Ему слѣдуютъ Перро, Онефальшъ-Рихтеръ и др. *Щ.*].

[2]) [Очевидно, авторъ имѣлъ въ виду кипрскій діалектъ, или кипрскую слогопись. *Щ.*].

ской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ [1]). Переговоры о пріобрѣтеніи всего собранія Эрмитажемъ были вскорѣ прерваны, потому что владѣлецъ запросилъ за него слишкомъ громадную сумму (62,000 р. с.). Говорятъ, что покупка его Британскимъ музеемъ въ Лондонѣ тоже не состоялась, и г. де-Чеснола намѣренъ показывать его въ разныхъ городахъ Сѣверной Америки. Страннѣе всего то обстоятельство, что султанъ въ послѣднее время запретилъ производство раскопокъ на островѣ Кипрѣ.

Изъ археологовъ Берлинскаго университета въ настоящее время профессоръ Курціусъ находится въ Малой Азіи, гдѣ изслѣдуетъ мѣстность древней Трои.

Къ числу новыхъ учрежденій въ Берлинѣ принадлежитъ художественно-промышленный музей (Kunstgewerbe-Museum), устроенный по образцу Кенсингтонскаго въ Лондонѣ. Пока собранія его еще весьма незначительны и помѣщаются въ трехъ залахъ. Но къ учрежденію примыкаетъ школа рисованія для лицъ ремесленнаго класса обоего пола. Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ нововведеній этого рода, потому что рисованіе преподается въ школѣ по новымъ методамъ, совершенно отвергающимъ всякое механическое копированіе, которое еще въ такомъ большомъ ходу у насъ. Преподаваніе производится въ вечернее, свободное для рабочихъ время, отъ $7\frac{1}{2}$ до $9\frac{1}{2}$ часовъ. Рабочій, цѣлый день проведшій за работою въ мастерской, долженъ сохранить еще столько умственной и тѣлесной энергіи, чтобъ отправиться съ работы въ школу и два часа посвятить самообразованію. Одно желаніе отдать себя подобному труду, оторвать себя отъ отдыха и семейства, уже достойно похвалы, и тѣмъ не менѣе число рабочихъ, учащихся рисованію, послѣ двѣнадцати-часоваго труда,

---

[1]) [Описаніе Деля появилось въ «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg» VII série, n. 4 (1873), подъ заглавіемъ: «Die Sammlung Cesnola, beschrieben von Joh. Doell», съ 17 литогр. таблицами. *Щ.*].

простирается ежегодно до 500 человѣкъ. Музей и школа находятся въ завѣдываніи директора г. Грунова, одного изъ компетентнѣйшихъ въ дѣлѣ искусства лицъ въ Берлинѣ [1]).

Мнѣ было весьма пріятно познакомиться въ Берлинѣ съ нѣкоторыми изъ нашихъ молодыхъ соотечественниковъ, оканчивающихъ курсъ наукъ въ здѣшнемъ университетѣ. Всѣ они спеціально занимаются науками, мало у насъ разработываемыми. Одинъ изучаетъ римскую исторію подъ руководствомъ Моммсена, другой занимается сравнительной миѳологіей у Адальберта Куна, третій — греческой исторіей. Все это будущіе дѣятели для нашихъ университетовъ, которые весьма нуждаются въ расширеніи кадровъ преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, если мы желаемъ идти въ уровень съ современными требованіями.

1-го октября н. ст. 1871.

[*М. Вѣд.* 16 окт. 1871, № 226].

---

[1]) [Kunstgewerbe-Museum помѣщается теперь въ великолѣпномъ зданіи на Prinz-Albert Strasse, построенномъ по проекту Гропіуса и Шмидена въ 1877—81 г.г. По расположенію и внутреннему устройству зданіе напоминаетъ музей Штиглица въ С.-Петербургѣ. Директоромъ музея нынѣ состоитъ проф. І. Лессингъ. *Щ.*].

III.

ИЗЪ ДРЕЗДЕНА.

Съ 15-го августа по 15-е октября въ Дрезденѣ происходитъ одна изъ рѣдчайшихъ и замѣчательнѣйшихъ художественныхъ выставокъ, когда-либо бывшихъ. Въ особенности достоинъ вниманія поводъ, вызвавшій ее на свѣтъ. Всему міру извѣстна слава Дрезденской картинной галлереи. Перломъ ея считается *Сикстинская Мадонна* Рафаэля; второю картиною — *Мадонна бургомистра Мейера* Гольбейна. Обѣ картины находятся въ такомъ почитаніи, что при сооруженіи новаго зданія картинной галлереи для нихъ выстроены были, на двухъ концахъ зданія, въ отдѣленіяхъ италіанской и нѣмецкой школъ живописи, два особые кабинета, гдѣ каждая Мадонна безмятежно царила, благоговѣйно созерцаемая безмолвною толпою. Исторія *Сикстинской Мадонны* извѣстна, и даже у насъ о ней много писали, начиная съ Жуковскаго. Каждый туристъ считаетъ долгомъ поклониться ей. Гораздо менѣе извѣстна исторія *Мадонны* Гольбейна, слывущей лучшимъ произведеніемъ этого великаго художника. Она пріобрѣтена для Дрезденской галлереи въ 1743 году въ Венеціи извѣстнымъ графомъ Франческо Альгаротти, остроумнымъ дру-

гомъ Фридриха Великаго, по порученію Саксонскаго короля Августа III (1733 — 1763). Ему и его всемогущему министру, графу Брюлю, галлерея обязана своими главными сокровищами. Но въ XVIII столѣтіи пріобрѣтеніе картинъ въ Италіи было сопряжено не только съ денежными издержками, но и съ затрудненіями, нынѣ совершенно неизвѣстными. Нужно было прибѣгать къ тайному посредничеству множества лицъ, вести переговоры посредствомъ условныхъ письменъ (криптографія) и возлагать пріобрѣтеніе художественныхъ произведеній на дипломатовъ и дипломатическихъ агентовъ. Такимъ посредникомъ въ настоящемъ дѣлѣ является графъ Альгаротти. Во владѣніи старшаго члена венеціанской фамиліи Дольфино, мессера Zuane (Giovanni) Dolfino (или Delfino), онъ увидалъ картину Гольбейна, понялъ ея значеніе и пріобрѣлъ за 28,000 венеціанскихъ лиръ (болѣе 4,000 талеровъ). Картина изображаетъ семейство базельскаго бургомистра Мейера, находящееся подъ покровительствомъ Мадонны. Посрединѣ картины стоитъ въ нишѣ Предвѣчная Дѣва съ Младенцемъ-Спасителемъ на рукахъ; по правую руку отъ нея находится колѣнопреклоненный бургомистръ съ своими двумя сыновьями; по лѣвую — его супруга, урожденная Анна Чекенпюрлинъ, съ матерью и дочерью. Пріобрѣтеніе этого произведенія для Саксонскаго короля надѣлало въ свое время много шума въ Венеціи. До тѣхъ поръ великое произведеніе, повидимому, оставалось тамъ почти неизвѣстнымъ. Графъ Альгаротти въ письмахъ своихъ весьма живо описываетъ, какъ стекались къ нему венеціанскіе художники взглянуть на картину, писанную во вкусѣ тогда устарѣвшемъ. Альгаротти не показывалъ имъ тотчасъ Гольбейна; онъ угощалъ ихъ сперва зрѣлищемъ своихъ картинъ Карло Маратти и Бассано, а уже въ заключеніе показывалъ произведеніе стариннаго нѣмецкаго живописца *). Въ

*) Гольбейнъ родился въ Аугсбургѣ, а по другимъ въ Базелѣ, въ 1497 году, умеръ въ Лондонѣ въ 1543 году.

самомъ дѣлѣ, пріобрѣтеніе этой картины есть большая заслуга со стороны Альгаротти. Въ вѣкъ господства сладкой манеры Карло Маратти онъ умѣлъ понять и оцѣнить достоинства произведенія возвышеннаго, но необыкновенно простаго по мысли и исполненію. 10-го апрѣля 1744 года *Мадонна* Гольбейна прибыла въ Дрезденъ и съ тѣхъ поръ составляетъ одно изъ главныхъ украшеній знаменитой галлереи. Этюды головъ къ этой картинѣ, сдѣланные Гольбейномъ карандашомъ, хранятся въ Базельскомъ музеѣ. По возможности прослѣжена была вся ея предыдущая исторія. Въ 1633 году ее пріобрѣлъ впервые у одного изъ потомковъ фамиліи Мейеръ, въ Базелѣ, за 1,000 талеровъ, Михаилъ Леблонъ, агентъ шведскій въ Амстердамѣ, извѣстный любитель живописи, часто упоминаемый историкомъ Сандрартомъ. Позднѣе онъ продалъ ее за 3,000 гульденовъ богатому купцу Лессерту въ Амстердамѣ. Вслѣдствіе банкротства этого коммерческаго дома *Мадонна* Гольбейна перешла въ руки банкира Авогадро въ Венеціи, который въ своемъ духовномъ завѣщаніи предоставилъ ее семейству Дольфино. У одного изъ членовъ этой послѣдней фамиліи, какъ мы видѣли выше, пріобрѣлъ ее для Августа III графъ Альгаротти. Такимъ образомъ самую исторію *Мадонны* Гольбейна можно прослѣдить по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ до самаго источника ея происхожденія, и все, повидимому, обстояло благополучно до послѣдняго времени. *Мадонна* Гольбейна въ Дрезденской галлереѣ безмятежно пользовалась громадной славой, какъ вдругъ, сперва въ тѣсномъ кружку знатоковъ искусства, а потомъ и въ публикѣ, и въ особенности въ средѣ жителей Дрездена, коихъ гордость она составляла, разнесся слухъ, что она вовсе не картина Гольбейна, даже не повтореніе, писанное рукою самого художника, а просто копія, сдѣланная гораздо позже; истинное же, оригинальное произведеніе великаго живописца находится въ Дармштадтѣ, во владѣніи ея королевскаго высочества принцессы Карлъ von Hessen und bei Rhein. Понятенъ ударъ, нанесенный самолюбію саксон-

скихъ патріотовъ, любителей живописи и обитателей «при-Эльбской Флоренціи». Подтвердить или опровергнуть слухъ могло только сопоставленіе двухъ экземпляровъ Гольбейновой *Мадонны*. Вотъ источникъ происхожденія *выставки произведеній Гольбейна* (Holbein - Ausstellung), въ настоящее время открытой въ Дрезденѣ и привлекающей многочисленныхъ посѣтителей. Художественно-критическій и историческій вопросъ, повидимому интересующій только спеціалистовъ, сдѣлался предметомъ общихъ толковъ.

Исторія Дармштадтской Мадонны Гольбейна весьма мало извѣстна. Эта картина появилась на свѣтъ совершенно неожиданнымъ образомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Какой-то парижскій торговецъ картинами Делагантъ (Delahante) привезъ ее для продажи въ Берлинъ. Судя по запискѣ, наклеенной сзади, должно полагать, что до того она находилась въ какой-либо галлереѣ въ Англіи. Въ 1822 году принцъ Вильгельмъ Прусскій купилъ ее для своей супруги за 2,800 талеровъ. Долгое время картина оставалась въ Берлинѣ, пока въ 1852 году не перенесена была во дворецъ вышеупомянутой принцессы, въ настоящее время владѣющей этимъ произведеніемъ. Впервые обратилъ на нее вниманіе знатоковъ искусства въ 1830 году извѣстный директоръ Берлинской картинной галлереи Гиртъ и указалъ на то важное значеніе, на которое она имѣетъ право въ виду дрезденской картины. За нимъ цѣлый рядъ знатоковъ, а именно Куглеръ, Ваагенъ, фонъ-Цанъ, Вольтманъ (самый уважаемый біографъ Гольбейна), высказали свои мнѣнія въ пользу подлинности Дармштадтскаго экземпляра и указали на великія, даже громадныя преимущества его, свидѣтельствующія въ пользу исполненія его рукою самого великаго художника. Другіе писатели, какъ напримѣръ англичанинъ Ворнумъ (тоже біографъ Гольбейна), Кинкель, Бруно Мейеръ, рѣзко объявили Дрезденскую Мадонну копіей. Но всѣ сужденія знатоковъ основаны были не на личномъ сличеніи двухъ картинъ, стоящихъ другъ возлѣ друга, но на

сравненіяхъ одной какой-либо съ гравюрами и фотографіями, основаны на сравненіяхъ, произведенныхъ въ различные промежутки времени, и поэтому на воспоминаніяхъ и замѣткахъ. Необходимо было сопоставить оба экземпляра въ одномъ мѣстѣ и въ одно время, чтобы достигнуть какихъ-либо положительныхъ убѣжденій. Такъ возникла настоящая выставка. Къ двумъ знаменитымъ картинамъ пришло на мысль учредителямъ выставки присоединить всѣ произведенія великаго художника, гдѣ-либо находящіяся. Выставка вышла единственная въ своемъ родѣ; она едва ли когда-либо повторится. Хотя мысль о ней возникла уже весною 1869 года, но военныя событія послѣдняго времени воспрепятствовали приступить къ ея осуществленію ранѣе половины нынѣшняго года. Въ будущихъ біографіяхъ великаго художника она займетъ необыкновенно важное мѣсто.

Нельзя не радоваться участію, которое приняла въ этомъ дѣлѣ бо́льшая часть общественныхъ и частныхъ коллекцій не только Германіи, но даже и другихъ странъ Европы. Оригинальныя картины и рисунки Гольбейна доставлены были на Дрезденскую выставку изъ городовъ Аахена, Аугсбурга, Берлина, Брауншвейга, Готы, Нюренберга и т. д. Что̀ нельзя было получить въ оригиналѣ, то представлено въ фотографіяхъ, какъ напримѣръ произведенія Гольбейна, находящіяся въ Лиссабонѣ, Парижѣ, Миланѣ, Базелѣ и другихъ городахъ. Въ особенности отрадно участіе, которое приняла Англія. Королева Викторія прислала изъ Виндзорскаго за̀мка четыре портрета и множество собственноручныхъ рисунковъ, которые даютъ полное понятіе о дѣятельности художника во время его пребыванія въ Англіи, а изъ собранія въ Гамптонъ-Кортѣ— два портрета; вице-король Ирландскій, лордъ Спенсеръ — женскій портретъ; гг. Милле, Пирси, Малькольмъ — какъ картины, такъ и рисунки. Выставка помѣщается въ залахъ, прилегающихъ къ знаменитой картинной галлереѣ, откуда легко и безопасно можно было перенести *Мадонну* и превосходный

портретъ золотыхъ дѣлъ мастера короля Генриха VIII — Губерта Моретта. Разсматривая все здѣсь собранное, нельзя не изумляться правдивости великаго художника, достигшей высшаго своего развитія въ послѣдніе годы его жизни. Хотя многое, что̀ носитъ имя Гольбейна въ этихъ залахъ, не его руки, въ чемъ комитетъ, устроивавшій выставку, неповиненъ, но мы получаемъ возможно-полное понятіе о развитіи художника и о многихъ произведеніяхъ, которыя, безъ этого повода, едва-ли удалось бы видѣть и самому прилежному изслѣдователю Гольбейна.

Но главный интересъ выставки, разумѣется, сосредоточивается на двухъ экземплярахъ *Мадонны* Гольбейна. Между ними есть существенная разница. Дармштадтскій экземпляръ носитъ на себѣ печать большей древности. Онъ покрытъ еще первоначальнымъ лакомъ и въ теченіе столѣтій до настоящей минуты до него не касалась рука реставратора; Дрезденскій реставрированъ и производитъ впечатлѣніе, что происхожденіе его, по времени, гораздо юнѣе. Первый относительно всѣхъ размѣровъ менѣе, отчего въ обѣихъ картинахъ произошла значительная разница въ архитектурныхъ деталяхъ. Одежда на Дармштадской Мадоннѣ свѣтло-голубая; на Дрезденской, пропорціи которой стройнѣе, темно-зеленая. Выраженіе лица Дармштадтской Мадонны исполнено величія, строгости и торжественности; Дрезденская лишена этого характера и отличается болѣе привлекательностью. Малютка-Спаситель на первой картинѣ улыбается, на второй имѣетъ какое-то болѣзненное выраженіе, что̀ подало поводъ къ различнѣйшимъ толкованіямъ. Даже лицо бургомистра Мейера имѣетъ въ Дармштадтскомъ экземплярѣ болѣе торжественный характеръ, чѣмъ въ Дрезденскомъ. Опуская множество другихъ подробностей, о которыхъ мы не имѣемъ возможности распространяться, обѣ картины сильно различествуютъ и въ исполненіи. Колоритъ Дармштадтскаго экземляра, болѣе коричневатый и схожій съ другими произведеніями Гольбейна, темнѣе и кисть шире. Вообще сличеніе обѣихъ Мадоннъ убѣ-

ждаетъ, что *Дармштадтскій экземпляръ, по времени, возникъ гораздо раньше Дрезденскаго и весь писанъ рукою Гольбейна.* Это убѣжденіе пишущій эти строки вынесъ при разсматриваніи его во дворцѣ принцессы Карлъ въ Дармштадтѣ еще въ 1855 году, и настоящая выставка еще болѣе укрѣпила въ немъ это сознаніе. Если не ошибаюсь, оно даже сдѣлалось въ настоящее время мнѣніемъ общепринятымъ.

При такихъ обстоятельствахъ невольно рождается вопросъ: какое же отношеніе занимаетъ Дрезденская Мадонна къ истинному произведенію Гольбейна? Есть ли она позднѣе сдѣланное, съ разными измѣненіями, повтореніе, но исполненное самимъ художникомъ съ помощію учениковъ, или просто копія? Здѣсь мнѣнія расходятся даже между спеціалистами. Саксонскіе патріоты, желая спасти подлинность драгоцѣннаго украшенія ихъ галлереи, изобрѣли даже теорію, по которой Дармштадтскій экземпляръ былъ будто-бы написанъ Гольбейномъ для алтаря какой-либо церкви, а Дрезденскій есть повтореніе, сдѣланное имъ же для семейства самого бургомистра. Этими различными назначеніями они стараются объяснить и различія, существующія между двумя картинами. Само собою разумѣется, что это только остроумное предположеніе и не имѣетъ другаго вѣса. Выяснился только одинъ фактъ: Мадонна бургомистра Мейера въ Дармштадтѣ есть истинное и несомнѣнное произведеніе кисти Гольбейна; подлинность же Дрезденской подлежитъ сомнѣніямъ [1]).

6-го октября н. ст. 1871.

[*М. Вѣд.* 20 окт. 1871, № 228].

---

[1]) [Въ настоящее время всѣ спеціалисты признаютъ дармштадтскую картину оригиналомъ, а дрезденскую—копіей вѣроятно XVIII-го в. См. *Wolltmann-Woermann*, Gesch. d. Malerei, II (1882), стр. 469 слл.; *Knackfuss*, Holbein d. Jüngere (въ серіи Künstlermonographien), стр. 84 слл. Въ письмѣ невѣрно утвержденіе о неприкосновенности дармштадтской картины и реставраціи дрезденской. Какъ разъ наоборотъ: дармштадтская была такъ подновлена, что лишь по снятіи позднѣйшихъ слоевъ ея оригинальность стала внѣ всякаго сомнѣнія, дрезденская же не была подновляема, такъ какъ написана сравнительно недавно и находилась все время въ выгодныхъ для сохранности условіяхъ, чему и обязана своимъ свѣжимъ видомъ. *Щ*.].

IV.

ИЗЪ ВѢНЫ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Вѣна была старинный, большой и некрасивый городъ. Она заключалась въ собственномъ такъ называемомъ *городѣ* (die Stadt), окруженномъ стѣнами съ воротами и глубокимъ и широкимъ рвомъ. За предѣлами рва начинались громадныя предмѣстья, которыхъ Вѣна считаетъ до 36. Цѣлое носило еще отпечатокъ среднихъ вѣковъ, напоминало времена, видѣвшія подъ стѣнами этого города нашествіе Турокъ. Теперь многое такъ измѣнилось, что Вѣна кажется совершенно новымъ городомъ и, кромѣ того, изящнымъ и чрезвычайно великолѣпнымъ. Столица Австрійской имперіи стала eine Weltstadt. Правда, внутренній городъ сохранилъ свои узкія и кривыя улицы, застроенныя громадными домами, въ окна которыхъ едва проникаетъ свѣтъ Божій, но окружавшія его средневѣковыя стѣны съ воротами пали и громадный ровъ засыпанъ. Въ 1858 году императоръ Австрійскій издалъ предписаніе, совершенно измѣнившее прежнюю физіономію Вѣны и сдѣлавшее ее однимъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Европы. Мѣсто стѣнъ и рва заняло широкое пространство, въ видѣ кольца облегающее городъ. Воз-

2*

никла новая, широкая улица, которую можно сравнить только съ бульварами Парижа; она получила названіе: der Ring. Посрединѣ ея оставлено широкое пространство для экипажей и конной желѣзной дороги. Съ двухъ сторонъ этого пространства по двѣ аллеи, изъ которыхъ одна назначена для верховой ѣзды, а другая для пѣшеходовъ. Аллеи отдѣлены другъ отъ друга деревьями и уставлены скамьями. Все это окаймлено двумя рядами домовъ, которые по справедливости слѣдовало бы назвать дворцами. Предъ ними разстилается широкій и превосходный гранитный тротуаръ, украшенный бронзовыми столбами для уличныхъ фонарей. Многія пространства этой громадной улицы нынѣ застроиваются, другія лежатъ еще пустопорожнія, но и имъ дано уже назначеніе; все это, созданное въ немногіе годы, возбуждаетъ изумленіе и часто удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ вкуса и искусства.

Исчислять и описывать зданія, находящіяся на этомъ огромномъ пространствѣ, опоясывающемъ старый городъ Вѣну, было бы слишкомъ утомительно, но нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ. Уже у Аспернскаго моста, откуда начинается Рингъ, взоры поражаются громадными казармами, имѣющими видъ средневѣковой крѣпости съ башнями по угламъ. Пройдя зданіе таможни, налѣво встрѣчаешь Австрійскій Художественно-Промышленный Музей, о которомъ я скажу ниже нѣсколько словъ. Затѣмъ тянется очень красивый городской паркъ, коего дворецъ-павильйонъ есть самая изящная зала для баловъ и концертовъ. Нѣсколько эрцгерцоговъ и аристократовъ, напримѣръ князь Шварценбергъ, соорудили себѣ на Рингѣ дворцы, фасады коихъ роскошно украшены скульптурой. Вообще на украшеніе фасадовъ даже частныхъ домовъ употреблена величайшая работа: вездѣ статуи, каріатиды и рельефныя декораціи. Фасадъ одного дома украшенъ даже фресками, писанными на золотомъ фонѣ извѣстнымъ живописцемъ Ралемъ. Дома не только отличаются вышиной надъ поверхностью земли, но нѣкоторые даже имѣютъ три подземные этажа, служащіе для

складовъ. Кромѣ зданія центральнаго рынка, замѣчательно по удобству и простотѣ архитектуры зданіе мелочнаго рынка детальной продажи. Общество садоводства соорудило весьма изящный павильйонъ и теплицы, а домъ художниковъ (das Künstlerhaus) имѣетъ, кромѣ залъ, назначенныхъ для собраній, и залы для постоянной выставки картинъ. Но центральнымъ и самымъ изящнымъ пунктомъ всего Ринга служитъ громадный оперный театръ; трудно найти въ Европѣ зданіе подобнаго рода, которое могло бы соперничать съ нимъ, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутренней отдѣлкѣ. Оно построено по плану архитекторовъ Ванъ-деръ-Нюлля и Сиккардсбурга *). Церковь въ готическомъ вкусѣ, сооружаемая на томъ мѣстѣ, гдѣ императоръ Австрійскій едва не сдѣлался жертвой злодѣйскаго покушенія (die Votivkirche), заканчиваетъ рядъ монументальныхъ построекъ на Рингѣ въ сторонѣ канала Дуная. Много участковъ еще не застроено, но въ настоящую минуту уже приступаютъ къ закладкѣ громаднаго зданія императорскихъ музеевъ, въ которомъ будутъ соединены всѣ богатыя художественныя коллекціи Вѣны и театръ для драматическихъ представленій, который, съежась, помѣщается до сихъ поръ во дворцѣ (der Burgtheater) [1]).

Австрійскій Художественно-Промышленный Музей въ короткое время своего существованія обнаружилъ замѣчательную и весьма полезную дѣятельность для развитія отечественной промышленности: онъ собралъ прекрасную коллекцію художественно-промышленныхъ образцовъ и предметовъ искус-

---

*) При оперномъ театрѣ служатъ болѣе 11.000 человѣкъ.

[1]) [Вотъ нѣсколько точныхъ данныхъ относительно упомянутыхъ въ текстѣ монументальныхъ зданій: оперный театръ (Opernhaus) построенъ въ 1861—69 г.г. Votivkirche воздвигнута по планамъ Фёрстеля въ 1856 — 79 г.г. Для музеевъ построено два отдѣльныхъ зданія — Naturhistorische и Kunsthistorische, оба съ совершенно одинаковыми фасадами въ обремененномъ орнаментами стилѣ поздняго итальянскаго ренессанса. Они стоятъ другъ противъ друга на площади Маріи Терезіи, посреди которой возвышается памятникъ этой императрицѣ. Оба музея сооружены по проектамъ Газенауера и Земпера въ 1872—89 г.г. Hofburgtheater сооруженъ въ 1876—89 г.г. по проектамъ Фёрстеля. *Щ*.].

ства прошлыхъ вѣковъ, обширную библіотеку по части искусствъ, и основалъ школу рисованія. Сверхъ того, онъ издаетъ журналъ, посвященный преимущественно обзору дѣятельности этого учрежденія. Руководители этой полезной и обширной дѣятельности — директоръ Музея г. Эйтельбергеръ и хранитель г. Фальке, оба извѣстные въ ученомъ мірѣ своими археологическими трудами. Музей до послѣдняго времени помѣщался весьма тѣсно въ зданіи дворца (die Burg). Нынѣ, по плану архитектора Ферстеля, для него сооружено особое, весьма изящное зданіе на Рингѣ. Завтра, въ присутствіи императора, должно послѣдовать его торжественное открытіе, къ которому прибыло въ Вѣну нѣсколько депутацій и прислано много адресовъ, въ томъ числѣ и изъ Москвы. Открытіе соединено съ выставкой австрійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, которая будетъ продолжаться три мѣсяца. По окончаніи выставки, въ зданіи будутъ размѣщены всѣ коллекціи Музея, его библіотека и школа рисованія. Зданіе во внутренности отличается изящною простотой [1]).

Въ то время, какъ такимъ образомъ въ Вѣнѣ одна монументальная постройка возникаетъ за другою, здѣсь дѣлаются самыя обширныя приготовленія къ всемірной выставкѣ, которая откроется въ 1873 году. Зданіе для выставки предположено воздвигнуть въ прекрасномъ паркѣ, извѣстномъ подъ именемъ Пратеръ. Спекуляція частныхъ лицъ сильно разыгралась по этому поводу, и въ предмѣстьѣ Леопольдштадтъ, ближайшемъ къ мѣсту будущей выставки, одна громадная гостинница возникаетъ возлѣ другой. Вѣроятно и у насъ въ Москвѣ будутъ приняты всѣ мѣры для помѣщенія массы посѣтителей, которыхъ привлечетъ будущая Политехническая выставка.

Событіемъ въ художественномъ мірѣ Вѣны можно считать въ настоящее время выставку новой картины знаменитаго живописца

---

[1]) [Зданіе Австрійскаго музея построено Ферстелемъ въ 1868 — 71 г.г. и затѣмъ расширено въ 1875—77. *Щ*.].

В. Каульбаха въ Австрійскомъ Обществѣ Любителей Художествъ. Выставка этого Общества помѣщается въ старомъ городѣ; нельзя себѣ представить болѣе неудобнаго помѣщенія для художественныхъ произведеній. Но всѣ неудобства забываешь при видѣ произведенія главы нѣмецкихъ живописцевъ-идеалистовъ. Его сюжетъ: *Испанскій инквизиторъ Петръ Арбуесъ въ Сарагоссѣ приговариваетъ еретиковъ къ сожженію.* Картина большихъ размѣровъ, имѣетъ болѣе 30 фигуръ въ натуральную величину и написана, въ видѣ картона, сѣрыми и коричневыми масляными красками на полотнѣ. Страшный старецъ, удрученный годами и лишенный зрѣнія, выходитъ изъ портала дворца инквизиціи. Онъ высокаго роста, но такъ слабъ, что два монаха поддерживаютъ его. Угловатыя черты его исхудалаго лица дышатъ фанатизмомъ. Посохомъ въ правой рукѣ указываетъ онъ на жертвы, скученныя у подножія лѣстницы, на которой онъ остановился. Одно прикосновеніе посоха, и несчастные погибнутъ въ пламени. На первомъ планѣ цѣлое семейство еретиковъ; благородныя черты ихъ лицъ невольно поражаютъ; отецъ и мать, сыновья и дочери, ищущіе спасенія въ лонѣ родителей. Они пали на колѣна, но всякія мольбы тщетны. Мать обезумѣла отъ горя, и въ то время, какъ отецъ со всею энергіей мужчины выслушиваетъ страшный приговоръ, кровь закипѣла въ старшемъ сынѣ и, во имя оскорбленнаго чувства человѣчества, онъ мечетъ проклятіе безчеловѣчному инквизитору. Но Арбуеса не трогаютъ ни гнѣвъ юноши, ни вопли дѣтей, ни крики о пощадѣ колѣнопреклоненныхъ предъ нимъ мусульманъ и евреевъ, тоже обреченныхъ огненной смерти. Густой дымъ валитъ отъ костровъ, на которыхъ въ страшныхъ мученіяхъ испускаютъ потрясающіе крики уже умирающія жертвы. Этихъ криковъ не слышно; ихъ заглушаетъ пѣніе псалмовъ, потому что костры, на которыхъ огонь поддерживаетъ францисканецъ, обходитъ торжественная процессія монаховъ съ горящими свѣчами въ рукахъ и съ Распятіемъ впереди. На ступеняхъ лѣстницы разбросано

конфискованное во имя церкви имущество осужденныхъ, и какой-то жадный монахъ сгребаетъ въ полу своей одежды золото и серебро. На эту сцену ужаса только одно лицо, благородное и серіозное, смотритъ съ нѣмымъ, но безсильнымъ негодованіемъ; это тоже монахъ, держащій концы веревокъ, которыми связана несчастная мать; изъ него, можетъ-быть, выйдетъ одинъ изъ будущихъ реформаторовъ католицизма. И при всемъ этомъ гнусномъ и отвратительномъ зрѣлищѣ присутствуетъ еще одинъ зритель; это — мраморная статуя Мадонны на зданіи Инквизиціи; сердце страдалицы матери (Mater dolorosa) пронизано семью мечами...

Картина Каульбаха исполнена тѣхъ достоинствъ, которыя такъ свойственны этому художнику; событіе разсказано съ большою ясностью и драматичностью, и типы дѣйствующихъ лицъ созданы весьма характеристично; особенно фигуры монаховъ поражаютъ или тупоуміемъ, или фанатическою преданностію, или корыстолюбіемъ. Въ особенности счастливо создана фигура стараго, изступленнаго Арбуеса, вся дышащая неумолимою непреклонностью воли. Тѣмъ не менѣе эта картина не историческая, а, какъ все, что создаетъ Каульбахъ, *символическая*. Она олицетворяетъ *вообще* дѣятельность инквизиціи, а не дѣятельность именно Арбуеса, потому что Арбуесъ до такой глубокой старости, какъ на картинѣ Каульбаха, никогда не достигалъ. Петръ Арбуесъ родился въ 1441 году. Его ученость и католическія добродѣтели обратили на него вниманіе знаменитаго главы инквизиціи Торквемады, который ввѣрилъ ему округъ Сарагоссы. Но инквизиторская дѣятельность Арбуеса продолжалась только 16 мѣсяцевъ, потому что ужасъ, возбужденный его приговорами, вызвалъ къ мести двухъ молодыхъ людей, которые и поразили Арбуеса кинжалами предъ алтаремъ въ 1485 году. Итакъ, Арбуесъ умеръ на 44 году жизни. Ясно, что Каульбахъ не имѣлъ въ виду изобразить *историческаго* Арбуеса, а хотѣлъ *вообще* характеризовать кровавую дѣятельность инквизиціи. Говорятъ, что худож-

никъ, узнавъ, что римская церковь недавно канонизировала это чудовище, былъ такъ разгнѣванъ, что углемъ на стѣнѣ начертилъ первую идею своей композиціи. Вотъ легенда объ ея происхожденіи [1]).

Въ Вѣнѣ я имѣлъ случай посѣтить мастерскія двухъ замѣчательныхъ художниковъ. Во главѣ современныхъ живописцевъ въ этомъ городѣ стоитъ Гансъ Макартъ, родившійся въ Зальцбургѣ въ 1840 году [2]). Онъ былъ ученикомъ Пилоти въ Мюнхенѣ, но собственно его образовала Италія и преимущественно воспитала венеціанская школа живописи. Г. Макартъ такой колористъ, какихъ рѣдко встрѣтишь, и это качество позволяетъ ему теперь посвятить себя въ особенности декораціонной живописи въ лучшемъ смыслѣ. Картины его извѣстны во всей Германіи. *Семь смертныхъ грѣховъ* находятся у банкира Ландауера во Флоренціи; императорская галлерея въ Бельведерѣ владѣетъ его *Ромео и Юліей* [3]). Въ мастерской художника стоитъ на мольбертѣ еще неоконченная *Офелія*. Но въ особенности замѣчательны плафонъ и стѣнныя картины, которыя художникъ исполняетъ теперь для украшенія кабинета въ домѣ г. Думба, богатаго негоціанта и любителя искусствъ. Плафонъ изображаетъ въ аллегорическихъ фигурахъ музыку въ ея четырехъ родахъ: церковную, военную, танцовальную и охотничью. Въ простѣночныхъ картинахъ изображены: земледѣліе и промышленность, искусство и науки. Кто видѣлъ стѣнную живопись въ венеціанскихъ дворцахъ, тотъ пойметъ и характеръ произведеній г. Макарта.

Другой современный художникъ, съ замѣчательными произведеніями котораго я познакомился въ Вѣнѣ, есть профессоръ гравированія въ Вѣнской Академіи Художествъ Луи

---

[1]) [Картина находится теперь, повидимому, въ одномъ частномъ американскомъ собраніи. *Щ.*]

[2]) [Умеръ въ 1884 г. *Щ.*].

[3]) [Теперь въ Kunsthist. Hofmuseum, № 314. *Щ.*].

Якоби. Исполненные имъ два портрета императорской четы [1]) суть одно изъ лучшихъ созданій этого, нынѣ почти забытаго, искусства. Г. Якоби въ настоящее время занятъ гравированіемъ *Аѳинской школы* Рафаеля. Гравюра его не только будетъ достойно соперничать съ *Диспутою* Келлера, но, вѣроятно, превзойдетъ ее.

3-го ноября н. ст. 1871 г.

---

[1]) [Съ оригиналовъ Винтергальтера. *Щ.*].

ИЗЪ ИТАЛIИ И СИЦИЛIИ.

V.

ИЗЪ ВЕНЕЦIИ И РАВЕННЫ.

Еслибы кто пожелалъ воскресить предъ собою послѣднія времена Римской имперіи, эпоху владычества Остготовъ въ Италіи и вліяніе Византіи на Западъ и его искусство, тотъ долженъ посѣтить Равенну, одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ, запущенныхъ и обнищавшихъ городовъ Италіи, обыкновенно минуемый толпой праздныхъ туристовъ. Нигдѣ въ западной Европѣ не сохранилось столько памятниковъ искусства V и VI вѣковъ, этихъ темныхъ и тяжелыхъ переходныхъ временъ, какъ на этомъ забытомъ клочкѣ земли. Нѣкогда Римъ, этотъ центръ жизни античнаго міра, былъ еще болѣе богатъ современными равенскимъ памятниками искусства, но одни изъ нихъ погибли, другіе, вслѣдствіе несмѣтныхъ богатствъ римскаго духовенства, подверглись столь значительнымъ передѣлкамъ, что невозможно распознать ихъ первоначальную физіономію. Правда, и памятники Равенны подверглись многочисленнымъ реставраціямъ, но многіе еще до такой степени сохранились въ первобытной чистотѣ, что во-

ображеніе живо переноситъ въ эпоху Гонорія, Галлы Плацидіи и Валентиніана III, Остгота Теодориха, и ко двору Юстиніана и его супруги Өеодоры. Всѣ эти памятники принадлежатъ *древне-христіанскому* искусству, которое въ своихъ храмахъ, саркофагахъ, алтаряхъ, амвонахъ и безчисленныхъ мозаикахъ оставило нерушимыхъ свидѣтелей чистоты и простоты своихъ убѣжденій.

Рядъ этихъ памятниковъ начинается съ самаго начала V столѣтія. Когда императоръ Гонорій перенесъ въ 404 году свою резиденцію изъ Милана въ Равенну, то уже весь городъ исповѣдывалъ христіанскую вѣру, между тѣмъ какъ въ Римѣ христіанство еще должно было бороться съ сильнымъ языческимъ элементомъ. Уже въ 400 году епископъ Ursus основалъ въ Равеннѣ названную по его имени церковь, Ecclesia Ursiana, нынѣшній соборъ, и близъ него баптистерій, почти цѣликомъ дошедшій до нашихъ дней. Вся внутренность послѣдняго зданія покрыта мозаиками, въ которыхъ античныя персонификаціи рѣкъ и другихъ предметовъ допускаются въ чисто-христіанскихъ сюжетахъ. Еще болѣе глубокое впечатлѣніе производитъ надгробная церковь Галлы Плацидіи, дочери Өеодосія Великаго, сестры Гонорія и Аркадія, двадцать пять лѣтъ управлявшей Западною Римскою имперіей за своего сына Валентиніана III. Въ этой церкви, имѣющей весьма небольшіе размѣры, до настоящаго дня стоятъ на первобытныхъ мѣстахъ своихъ громадные мраморные саркофаги Галлы Плацидіи († 450), императора Гонорія († 423) и Констанція III Августа († 421), отца Валентиніана III и супруга Галлы Плацидіи. Мозаики этой церкви принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ древне-христіанскаго искусства, и въ особенности изображеніе «добраго пастыря» есть одинъ изъ перловъ этого искусства. Не менѣе замѣчательны мозаики капеллы въ епископскомъ дворцѣ (около 450 года).

Другой рядъ памятниковъ Равенны принадлежитъ Теодориху, царю Остготовъ, который въ 489 году предпринялъ

свой походъ въ Италію. Онъ избралъ тоже этотъ городъ своею резиденціей и возвелъ здѣсь рядъ зданій, которыя до сихъ поръ изумляютъ путешественника. Аріанскій соборъ и аріанскій баптистерій, дворецъ и придворная базилика S. Apollinare nuovo, наконецъ мавзолей великаго остготскаго царя суть памятники единственные по своему значенію и исполненію. Мозаики придворной церкви Теодориха служили источникомъ вдохновенія одному изъ лучшихъ современныхъ религіозныхъ живописцевъ, и, въ самомъ дѣлѣ, нельзя себѣ представить ничего возвышеннѣе, какъ эти длинные ряды святыхъ мужей и женъ, несущихъ свои мученическіе вѣнцы къ подножію престола Спасителя. Эти же мозаики сохранили для насъ два драгоцѣнныя изображенія: одно—дворца Теодориха, другое—Classis, того предмѣстья Равенны, которое лежало на берегу Адріатическаго моря, гдѣ стоялъ римскій флотъ.

Послѣдніе великіе памятники Равенны принадлежатъ эпохѣ императора Юстиніана (около 550 г.). Церковь св. Виталія и ея мозаики—необыкновенной красоты. Въ числѣ этихъ картинъ два изображенія привлекаютъ на себя особое вниманіе по своей исторической и археологической важности. Одна мозаика изображаетъ императора Юстиніана, окруженнаго придворными и гвардіей. Онъ передаетъ золотой сосудъ, даръ для церкви, архіепископу Максиміану, котораго сопровождаютъ два священнослужителя. На другой мозаикѣ представлена, тоже съ золотымъ сосудомъ въ рукахъ, Ѳеодора, супруга Юстиніана, окруженная придворными. Въ этихъ мозаикахъ сохранены потомству портреты важныхъ дѣятелей и византійскіе костюмы VI вѣка. Другая базилика, сооруженная въ эту же эпоху, S. Apollinare in Classe, сохранила всѣ мозаики трибуны и драгоцѣнный рядъ древне-христіанскихъ мраморныхъ саркофаговъ [1]). Внутреннее ея устройство представляетъ самую пол-

---

[1]) [По крайней мѣрѣ часть этихъ мозаикъ несомнѣнно VII вѣка, времени императора Константина Погоната. См. *Е. К. Рѣдинъ*, Мозаики равеннскихъ церквей, СПБ. 1896, стр. 193. *Щ.*].

ную картину устройства древне-христіанскихъ базиликъ. Это—послѣднее великое зданіе Равенны. Затѣмъ для города наступаетъ эпоха постепеннаго упадка, и прежнее значеніе къ нему болѣе не возвращается.

Древнѣйшія зданія Венеціи принадлежатъ гораздо болѣе позднимъ эпохамъ. Церковь св. Марка была начата въ 976 году и вполнѣ отстроена въ XI и XII вѣкахъ, изукрашать же ее продолжали еще въ XVII столѣтіи. Трудно опредѣлить, принимали ли участіе въ ея построеніи византійскіе художники, но во всякомъ случаѣ она возникла подъ вліяніемъ византійскихъ построекъ. Богатое мозаичное украшеніе этой церкви, относящееся къ вышеупомянутымъ періодамъ, также указываетъ на вліяніе, которое имѣла въ тѣ времена Византія на западное искусство, хотя вопросъ, на сколько участвовали византійскіе художники въ созданіи этихъ мозаикъ, до сихъ поръ не разъясненъ окончательно. Ясно, что между памятниками Равенны и Венеціи лежатъ цѣлыя столѣтія, въ теченіе которыхъ византійскій стиль живописи, еще только зарождающійся въ Равеннѣ, успѣлъ созрѣть и даже начиналъ замирать, когда возникаетъ древнѣйшее зданіе Венеціи. Вообще Венеція богата византійскими памятниками искусства; въ Константинополѣ художники изготовили, по заказу ея дожей, то чудное алтарное облаченіе, которое извѣстно подъ именемъ Pala d'oro, ніеллированныя двери главнаго входа и т. д. Двойное разграбленіе Константинополя, впервые Латинцами, во второй разъ Турками, обогатило сокровищницу и библіотеку св. Марка несравненными и неоцѣнимыми произведеніями византійскаго искусства. Но если Равенна со второй половины VI вѣка болѣе не подымалась, то Венеція, съ эпохи сооруженія св. Марка, начала тотъ блестящій рядъ памятниковъ, который придалъ ей названіе *царицы Адріатическаго моря*. Съ этого времени начинается безконечный рядъ дворцовъ и церквей, украшенныхъ скульптурой и живописью, возникаетъ богатая и оригинальная школа живописи, которая превосходитъ всѣ

школы Италіи своимъ неподражаемымъ колоритомъ. Длинный рядъ вѣковъ блестящихъ историческихъ судебъ составляетъ все достояніе Венеціи; Равенна занимаетъ въ исторіи только одну страницу, но страница эта начертана монументальными буквами неописанной красоты.

Венеція и Равенна представляютъ много аналогій какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Оба города заложены были въ лагунахъ Адріатическаго моря, и если Венеція сохранила свой первоначальный видъ до нынѣшняго дня, то Равенна потеряла его, потому что море отступило отъ нея на большое пространство. Наружный видъ Равенны можно возсоздать, только зная Венецію. Оба города имѣли въ прошломъ блестящіе дни, отъ которыхъ оба сохранили памятники, драгоцѣнные не только для историковъ, археологовъ и любителей искусства, но любопытные даже для простыхъ туристовъ, которыми наполнена Италія.

Что́ же сходнаго въ настоящемъ положеніи обоихъ городовъ? Оба — обнищавшіе потомки, живущіе отъ богатствъ, оставленныхъ въ видѣ зданій, скульптуръ и картинъ несмѣтно богатыми предками. Венеція, потерявшая свое торговое значеніе, живетъ иностранцами-путешественниками; они содержатъ отели, блестящіе магазины, фотографовъ, толпы гидовъ, витающихъ около памятниковъ, и гондольеровъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ перваго посѣщенія Венеціи, я не нашелъ почти никакихъ улучшеній во внѣшнемъ видѣ города; прибавилось развѣ число запустѣлыхъ дворцовъ и домовъ съ заколоченными окнами. Штукатурка валится громадными кусками со старыхъ стѣнъ. Нищенство страшное!

Правда, итальянское правительство понемногу реставрируетъ историческіе памятники Венеціи, напримѣръ церковь св. Марка и дворецъ дожей, но и эта реставрація не всегда исполняется со вкусомъ. Видно, что эти мраморныя зданія были воздвигнуты для совершенно другихъ поколѣній, болѣе здоровыхъ и могучихъ. Равенна еще печальнѣе. Нынѣшніе

дома ея напоминаютъ бѣдненькіе провинціальные города; улицы тихи, и порядочно одѣтый человѣкъ въ нихъ рѣдкость. Нищенствуетъ, до возможности, все. Прекрасные памятники прошлаго, какъ напримѣръ S. Apollinare in Classe, гибнутъ непростительнымъ образомъ, и даже заѣзжіе иностранцы не оживляютъ сонной жизни забытаго города. Въ теченіе нѣсколькихъ дней пишущій эти строки былъ единственнымъ путешественникомъ въ Равеннѣ. Одни памятники стоятъ нерушимые и говорятъ краснорѣчивымъ языкомъ. Да, видѣть Равенну и Венецію — счастіе въ жизни!

29-го ноября н. ст. 1871 года.

[*М. Вѣд.* 10 дек. 1871, № 270].

VI.

ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Въ то время, какъ одни города Италіи представляютъ печальный видъ упадка, другіе, столь же древніе и со столь же славнымъ прошедшимъ, пріятно поражаютъ путешественника своимъ настоящимъ процвѣтаніемъ. Вездѣ, на улицахъ, во внѣшнемъ видѣ зданій, въ роскошныхъ экипажахъ, въ блестящихъ туалетахъ жителей видны не только довольство, но и богатство, а во множествѣ новыхъ учрежденій — прогрессъ. Къ числу такихъ городовъ принадлежатъ: Болонья, искони носившая названіе la grassa, и Флоренція, эти Аѳины прекрасной Италіи. Недавняя столица Итальянскаго королевства еще не сложила съ себя своей царственной одежды, напротивъ, съ каждымъ днемъ она хорошѣетъ болѣе и болѣе. Въ другихъ странахъ, если городъ пересталъ быть резиденціей властителя, то онъ приходитъ постепенно въ запущеніе и превращается въ скучный провинціальный уголъ. Ничего подобнаго не видно во Флоренціи. Если пребываніе двора было ей дѣйствительно въ пользу, то его отъѣздъ не повредилъ ей. По прежнему улицы кипятъ живою толпой, длинная вереница щегольскихъ экипажей тянется на вечер-

немъ гулянье, и магазины блестятъ всѣми чудесами роскоши и моды. Изящный городъ, съ его восхитительнымъ положеніемъ и безчисленными произведеніями искусства, такъ и привлекаетъ толпы чужестранцевъ. Ему вездѣ становится узко; средневѣковыя стѣны, его окружавшія, падаютъ, и возникаетъ новая Флоренція, построенная со всѣмъ комфортомъ нашихъ дней и изящнымъ величіемъ старой.

Эта *новая Флоренція* простирается вдоль рѣки Арно къ любимому мѣсту прогулокъ флорентійцевъ — Кашинамъ (le Cascine), обширному парку, коего часть занялъ теперь впервые учрежденный Зоологическій садъ. Улицы ея широки, но дома не отличаются тою высотой, которую встрѣчаешь въ Парижѣ или Вѣнѣ. Они построены не только богатыми туземными владѣльцами, но и многими иностранцами. Пріятно видѣть, что они находятся въ полной архитектурной гармоніи со стариннымъ городомъ. Именно, дворцы *новой* Флоренціи построены не въ какомъ-либо чужомъ, заимствованномъ, перенесенномъ стилѣ, а въ стилѣ временъ процвѣтанія архитектуры въ самой Флоренціи, въ стилѣ дворцовъ Строцци, Рикарди и т. д. Это стиль, исполненный простоты и величія, и новыя зданія составляютъ со старыми гармоническое цѣлое, которое носитъ на себѣ одну печать, одну физіономію, а не платье арлекина.

Впрочемъ и старый городъ, улицы и площади котораго наполнены безчисленными художественными, первоклассными произведеніями, безпрерывно украшается новыми памятниками, создаваемыми архитектурой и скульптурой. Церковь S. Croce, этотъ пантеонъ великихъ людей Флоренціи, получила весьма изящный и стильный фасадъ, котораго все еще не достаетъ величественному собору S. Maria del Fiore, построенному въ XIII столѣтіи Арнольфомъ ди-Камбіо. Но и соборъ со внѣшней стороны тщательно реставрируется, и есть надежда, что правительство рѣшится утвердить одинъ изъ плановъ, пред-

ложенныхъ для фасада [1]). Предъ площадью церкви S. Croce сооружена, по случаю недавняго юбилея, статуя великому Данте, произведеніе весьма серіозное. Для насъ, Русскихъ, любопытно, что во Флоренціи поставленъ памятникъ одному изъ нашихъ соотечественниковъ. Открытіе происходило во время моего пребыванія въ этомъ городѣ, 6-го декабря 1871 года. Воздвигнутъ этотъ памятникъ Анатоліемъ Демидовымъ въ честь своего отца Николая Демидова, основавшаго во Флоренціи во дворцѣ, въ которомъ онъ жилъ, сиротскій домъ и назначившаго значительную сумму на его содержаніе. Памятникъ колоссальныхъ размѣровъ, изъ бѣлаго мрамора, возвышается на набережной рѣки Арно, за Ponte delle Grazie, на площади, которая получила названіе «Piazza Demidoff», противъ самаго сиротскаго дома, въ приходѣ церкви св. Николая. Идея этого произведенія принадлежитъ знаменитому итальянскому ваятелю Бартолини; но такъ какъ онъ умеръ уже болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ, то памятникъ исполненъ, по его эскизамъ, его учениками.

Главная группа изображаетъ Николая Демидова въ античной позѣ, на сѣдалищѣ, между двумя фигурами, олицетворяющими сыновнюю и народную благодарность. Юношѣ-сыну (Анатолію), стоящему направо, передаетъ онъ дарственную запись основаннаго имъ благотворительнаго учрежденія. Налѣво отъ него Благодарность, исполненная радости, кладетъ вѣнецъ къ ногамъ благотворителя. На четырехъ углахъ базы памятника находятся другія колоссальныя группы и фигуры. Одна изъ нихъ изображаетъ Сибирь, которая, съ молоткомъ рудокопа въ рукахъ, держитъ малютку Плутоса (Сибирь—источникъ богатства Демидовыхъ); другая олицетворяетъ въ видѣ матроны, несущей на рукахъ умирающаго ребенка, чело-

---

[1]) [Въ настоящее время соборъ имѣетъ изящный фасадъ, проектированный архитекторомъ Emilio de Fabris и открытый въ 1887 г. Фасадъ этотъ въ значительной степени пользуется деталями боковыхъ фасадовъ и колокольни. *Щ.*].

вѣколюбіе Демидовыхъ. Два другіе угла украшены фигурами музы веселья и пляски и музы изящныхъ искусствъ. Фасадъ базы, на которой покоится главная группа, украшенъ слѣдующею надписью, начертанною бронзовыми буквами:

Perchè — Il popolo di S. Niccolò —
Avesse ognora dinanzi memoria viva—
Del commendatore Niccola Demidoff—
Indefesso benefattore munifico — Il
figlio principe Anatolio — Al Comune
di Firenze — Questo monumento —
Donò — 1870.

Если общая идея и исполненіе памятника достойны похвалы, то нельзя не сдѣлать нѣсколькихъ замѣчаній преимущественно о стилѣ, въ которомъ изображены дѣйствующія лица главной группы. Стиль этотъ, примѣненный къ дѣйствительности, совершенно ложный. Кто въ этомъ сидящемъ, полуобнаженномъ старцѣ узнаетъ Николая Демидова? Кто въ этомъ нагомъ юношѣ станетъ подозрѣвать Анатолія Демидова? Не зная надписи памятника, скорѣе подумаешь, что представленъ Сенека, передающій внуку какое-либо свое сочиненіе. Нельзя также не замѣтить, что присутствіе на одномъ изъ угловъ памятника какой-то музы «della festa e della danza» нѣсколько странно.

Во Флоренціи, этомъ городѣ музеевъ, въ послѣдніе годы возникло нѣсколько новыхъ учрежденій этого рода, необыкновенно богатыхъ и въ высшей степени замѣчательныхъ. Но какъ говорить о новыхъ музеяхъ въ городѣ, который весь — музей, одинъ громадный музей, гдѣ подъ открытымъ небомъ, на площадяхъ, преданныя всѣмъ непогодамъ, стоятъ безсмертныя произведенія Микель-Анджело [1]), Бенвенуто Челлини,

---

[1]) [«Давидъ» Микель-Анжело, стоявшій до 1873 года дѣйствительно подъ открытымъ небомъ на Piazza della Signoria, въ настоящее время находится въ Академіи Художествъ, гдѣ для него построенъ особый круглый залъ съ стекляннымъ куполомъ. Вокругъ «Давида» собраны гипсы со всѣхъ извѣстныхъ произведеній Микель-Анжело. *Щ.*].

Баччіо Бандинелли, Джіотто и т. д.? Какое-либо изъ этихъ созданій рѣзца, перенесенное на сѣверъ, подъ наше угрюмое небо, могло бы прославить на весь міръ любой нашъ музей. Нельзя не подивиться богатству этой неистощимой почвы, столько разъ ограбленной остальною Европой, и дозволяющей открывать новые музеи тамъ, гдѣ нѣтъ возможности обнять богатства старыхъ. Въ числѣ новыхъ учрежденій этого рода два въ особенности привлекаютъ на себя вниманіе. Первое изъ нихъ есть Museo Nazionale, состоящій подъ завѣдываніемъ г. Кавальказелле, автора лучшей исторіи итальянской живописи, до сихъ поръ вышедшей въ пяти громадныхъ томахъ [1]). Національный музей помѣщается въ одномъ изъ древнѣйшихъ и удивительнѣйшихъ зданій Флоренціи, въ Palazzo del Podestà (или del Bargello), построенномъ въ половинѣ XIII вѣка. Зданіе это, долгое время бывшее въ пренебреженіи и служившее даже тюрьмой, реставрировано для своего новаго назначенія, и эта реставрація произведена съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ. Особой похвалы достойна архитектоническая живопись. Внутренній дворъ, съ широкою и высокою лѣстницей, необыкновенно живописенъ. Внутренніе покои — средневѣковыя залы, величественныя и свѣтлыя. Какъ архитектурное цѣлое, онѣ производятъ необыкновенно успокоительное дѣйствіе. Національный музей, до настоящаго времени безпрерывно обогащаемый, назначенъ для храненія отечественныхъ произведеній искусства, преимущественно средневѣковыхъ. Нижній этажъ занятъ превосходнымъ собраніемъ средневѣковыхъ вооруженій. Въ большой залѣ перваго этажа

---

[1]) [Кавальказелле († 1897 г.) написалъ свою исторію итальянской живописи въ сотрудничествѣ съ англичаниномъ Крау (Crowe). Первое изданіе (которое имѣетъ въ виду авторъ)—History of painting in Italy, 5 тт., L. 1864—71; нѣм. пер. Іордана—Leipz. 1869—74; новое итальянское изданіе, обработанное однимъ К.,—Storia della pittura in Italia, 4 тома, Флор. 1882—88. Кромѣ этого сочиненія К. написалъ подробныя монографіи о Рафаэлѣ (Life of Rafael, 1883; итальянская обработка — 3 тома, 1884—1891) и Тиціанѣ (Life of Titian, 1877; ит. изд.—2 т. 1877—78), не вошедшихъ въ «Исторію». *Щ.*].

выставлены скульптурныя произведенія, въ числѣ коихъ мнѣ было въ особенности пріятно видѣть три произведенія Микель-Анджело: «Умирающій Адонисъ», «Побѣда», группа не оконченная и, можетъ быть, предназначавшаяся для памятника папы Юлія II, и бюстъ «Брута», тоже не оконченный. Затѣмъ слѣдуетъ зала, назначенная для храненія фаянсовъ и рѣзьбы изъ слоновой кости. Величина и рисунокъ находящихся здѣсь сосудовъ изумительны; сохранность—единственная. Зала съ бронзами, содержащая въ себѣ «Летящаго Меркурія» Джіованни де-Болонья и два барельефа, представленные на конкурсъ Гиберти и Брунеллески, кромѣ того представляетъ двѣ весьма замѣчательныя модели, одну изъ воска, другую изъ бронзы, знаменитаго *Персея* Бенвенуто Челлини. По нимъ любопытно прослѣдить, какъ вырабатывалось въ рукахъ художника это славное произведеніе. Затѣмъ интересенъ въ историческомъ отношеніи залъ съ колоссальными портретными фресками Данта, Петрарки, Бокаччіо и другихъ, работы Андрея дель Кастаньйо (около 1450), прежде находившимися на виллѣ Пандольфини въ Legnaia. Не менѣе интересенъ залъ съ работами изъ терракотты Луки делла Роббіа и его школы. Въ послѣднихъ двухъ залахъ хранится опять превосходное средневѣковое оружіе и замѣчательнѣйшія церковныя вещи, какъ-то: большіе эмальированные кресты, чаши, литургическія одежды и т. д. Каталога собраніе еще не имѣетъ [1]).

Первымъ поводомъ къ основанію Національнаго музея, вѣроятно, послужило то обстоятельство, что лѣтъ тридцать тому назадъ англичанинъ Киркупъ открылъ въ бывшей капеллѣ этого стариннаго зданія рядъ фресокъ Джіотто, нынѣ очень попорченныхъ. Точно такимъ же образомъ въ одной изъ самыхъ невзрачныхъ улицъ Флоренціи, Via Faenza, около того же времени въ мастерской каретника на стѣнѣ открыта

---

[1]) [Теперь имѣется хорошій «Guide du visiteur au Musée Royal National de Florence», составленный хранителемъ A. Campani въ 1884 г. *Щ*.].

была превосходно сохранившаяся фреска, изображающая *Тайную Вечерю*, которую тотчасъ приписали Рафаэлю. Оказалось, что зданіе принадлежало уничтоженному монастырю S. Onofrio. Правительство рѣшилось пріобрѣсти его, и нынѣ въ немъ устроенъ превосходный музей египетскихъ и этрусскихъ древностей. Фреска находится въ особой залѣ, всѣ стѣны которой покрыты рисунками и гравюрами, изображающими тотъ же сюжетъ, исполненный разными художниками всѣхъ временъ. Египетскій музей составленъ изъ древностей, добытыхъ экспедиціей Шампольйона и Росселини въ эту страну, а этрусскій—изъ предметовъ, хранившихся прежде въ музеѣ Уффицій, и изъ новопріобрѣтенныхъ. Послѣднее собраніе необыкновенно богато, потому что почва древней Этруріи неистощима. Во Флоренціи учреждена особая коммиссія, имѣющая цѣлью открытіе этрусскихъ древностей на тосканской почвѣ; во главѣ ея стоитъ достойный предсѣдатель ея, маркизъ Карло Строцци, самъ владѣлецъ замѣчательныхъ коллекцій. Хранителемъ музея этрусскихъ древностей назначенъ г. Гамуррини, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этого дѣла, систематически расположившій это богатое собраніе. Характеристическою чертой музея служитъ то, что здѣсь собраны предметы, открытые только на мѣстѣ этрусскихъ поселеній въ Тосканѣ [1]).

Кромѣ этихъ двухъ новыхъ музеевъ, знаменитый монастырь San Marco, коего всѣ стѣны покрыты безсмертными фресками Фра-Беато-Анджелико, изъ казармы для австрійскихъ солдатъ превращенъ тоже въ музей, свято хранящій небесныя созданія этого великаго живописца и библіотеку монастыря. Домъ Микель-Анджело, въ которомъ жилъ и работалъ великій геній, со всѣми его произведеніями и автографами великаго художника принесенъ послѣднимъ его потомкомъ въ даръ го-

---

[1]) [Впослѣдствіи египетскій и этрусскій музей перенесены въ обширный Palazzo della Crocetta, гдѣ нынѣ прекрасно размѣщены. Этрусскій музей теперь представляетъ собою наибольшее изъ существующихъ собраній. См. *Amelung*, Führer durch die antiken in Florenz (Münch. 1897), стр. 152—280. *Щ.*].

роду Флоренціи и нынѣ тоже обращенъ въ музей, — и во всѣхъ этихъ музеяхъ вы встрѣчаете порядокъ, чистоту, удобство, легкій доступъ и вѣжливыхъ кустодовъ, готовыхъ объяснить каждое сомнѣніе или недоразумѣніе. Однимъ словомъ, Флоренція—городъ искусствъ.

Во время моего пребыванія въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ, въ немъ произошли два событія: Флоренцію посѣтилъ донъ Педро II, императоръ Бразильскій, оставившій по себѣ самое пріятное впечатлѣніе простотой обращенія, высокимъ образованіемъ и любовью къ искусствамъ. Свита его и его супруги состояла только изъ девяти человѣкъ. Какъ туристъ, онъ вставалъ въ пять часовъ утра и начиналъ свой дневной трудъ обзора съ шести. Другое событіе было—снѣгъ. Послѣ теплыхъ дней вдругъ подулъ холодный вѣтеръ и выпалъ снѣгъ, столь глубокій, что Флоренція нѣсколько дней походила на Москву. Муниципалитету снѣгъ доставлялъ много хлопотъ и издержекъ. Онъ затруднилъ всѣ сообщенія, по улицамъ трудно было пройти, а экипажи не могли двигаться. Призвано было 700 рабочихъ и 400 телѣгъ съ ослами и лошадьми для очистки города, которые работали днемъ и ночью. Такой жестокой зимы не было уже тридцать лѣтъ; термометръ (по Цельсію) показывалъ 11 градусовъ. Мнѣ пора было далѣе на югъ, въ Римъ...

12-го декабря н. ст. 1871 года.

[*М. Вѣд.* 28 дек. 1871, приб. къ № 283].

VII.

ИЗЪ РИМА.

1.

Кто зналъ Римъ прежнихъ, папскихъ временъ, тотъ едва ли узнаетъ въ нынѣшнемъ суетливомъ, шумящемъ и многолюдномъ городѣ своего прежняго тихаго любимца. Столица Итальянскаго королевства, по крайней мѣрѣ, центръ ея жизни—Корсо начинаетъ принимать другую физіономію. Повсюду возникаютъ великолѣпные магазины, но исчезаютъ прежніе обычаи и костюмы. Къ сумеркамъ Корсо наполняется такою густою толпой гуляющихъ и зѣвакъ, что трудно пройти; вереницамъ блестящихъ экипажей, возвращающихся съ прогулки по Монте Пинчіо, нѣтъ конца. Но эта новая жизнь бьетъ пока только въ одной главной артеріи; прочія части города, чѣмъ болѣе отдаляются отъ центра, тѣмъ болѣе сохраняютъ свой прежній пустынный и меланхолическій характеръ. Таковъ Трастевере, такова та часть города, которая прилегаетъ къ Латерану, таковы окрестности S. Pietro in Vincoli. Тутъ тихо, спокойно, даже мертвенно; это — Римъ папскихъ временъ.

Новому правительству будетъ стоить много усилій, чтобы передѣлать или, лучше сказать, исправить внѣшнюю физіономію Рима. Городъ грязенъ, по обычаю жителей, а привычки народа не передѣлаешь полицейскими предписаніями въ одинъ годъ. Кто пріѣдетъ сюда прямо изъ нарядной Флоренціи, глазъ и обоняніе того не разъ будутъ оскорблены. Дома съ обвалившеюся штукатуркой встрѣчаются часто; что они полвѣка, если не болѣе, не были окрашены, разумѣется само собою. Тротуаровъ почти нѣтъ; каждую минуту, при нынѣшнемъ движеніи экипажей, жизнь проходящихъ подвергается опасности. Городъ плохо освѣщенъ; въ Римѣ только 1,500 газовыхъ рожковъ, тогда какъ въ Туринѣ 3,000. Улицы рѣдко, слишкомъ рѣдко метутся. Внутренность иныхъ палаццо представляетъ видъ готовящихся развалинъ. Комфортабельно устроенный домъ — рѣдкость, и нужно желать, чтобы строительныя общества, начинающія теперь свою дѣятельность въ Римѣ, позаботились какъ о богатыхъ, такъ и о бѣдныхъ класахъ, нынѣ работающихъ въ какихъ-то мрачныхъ подземельяхъ или погребахъ.

Тяжелое впечатлѣніе на посторонняго человѣка производитъ вражда двухъ властей, свѣтской и духовной, господствующихъ въ Римѣ. Журналы обѣихъ партій ежедневно ведутъ между собою ожесточенную полемику, и языкъ клерикальныхъ органовъ исполненъ желчи и яда. Стѣны домовъ покрыты надписями враждующихъ. Причины каждаго событія отыскиваются въ противоположномъ лагерѣ. Во время моего пребыванія въ Римѣ, въ первые три дня новаго года произошла стачка извощиковъ. Разомъ исчезли общественные экипажи. Нельзя было ни осматривать его древности, ни ѣхать на желѣзную дорогу. Стачники обрѣзывали даже постромки у омнибусовъ. Въ городѣ господствовала отрадная тишина, и прогулка по городу не была болѣе сопряжена съ опасностью для жизни. Причины стачки заключались въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ муниципалитета, строгихъ, но весьма разумныхъ. Тотчасъ стали

обвинять клерикальную партію, что она деньгами поддерживаетъ стачку. Клерикалы же распускаютъ самые нелѣпые слухи о своихъ противникахъ. Говорятъ, что какой-то гарибальдіецъ пришелъ въ Римъ, заболѣлъ и, умирая, сообщилъ на исповѣди духовнику, что для всего духовенства готовится Варѳоломеевская ночь на 6-е января, и что онъ съ этою цѣлью пришелъ въ Римъ. Трусливые не спали нѣсколько ночей сряду. Но 6-е января прошло совершенно благополучно, и многочисленныя одежды св. Франциска и св. Доминика прогуливались безъ всякой помѣхи по «вѣчному городу».

Этотъ антагонизмъ враждебныхъ властей отражается даже въ безмятежной области искусства и древностей, при чемъ всего болѣе, разумѣется, страдаетъ иностранецъ-путешественникъ. Новое итальянское правительство, занявъ Римъ, оставило за папою Ватиканъ и его безчисленныя собранія, катакомбы и Латеранскій музей, и доступъ въ папскія художественныя собранія, преимущественно въ Ватиканъ—резиденцію папы – весьма затрудненъ. Нужно имѣть дозволеніе (permesso), которое выдаетъ или кардиналъ, или посольство, или консульство. Множество драгоцѣннаго времени теряется въ поискахъ того или другаго монсиньйора, завѣдующаго тѣмъ или другимъ собраніемъ; безпокоить же посольство для такихъ мелочей не всякому пріятно. Къ несчастію, каждый пропускной билетъ годенъ только на одинъ разъ, а что́ можно видѣть въ ватиканскихъ собраніяхъ въ *два* часа? Получивъ послѣ долгихъ, утомительныхъ и скучныхъ хлопотъ доступъ въ *Sacri Palazzi Apostolici* (оффиціальное названіе Ватикана на билетахъ), спѣшишь обѣжать безконечныя залы и наконецъ приближаешься къ выходу съ печальною мыслью, что въ Ватиканскомъ музеѣ удалось побывать только *одинъ* разъ. Но при выходной двери васъ ожидаетъ нечаянное счастіе; вы *легко* можете получить вашъ билетъ назадъ. Сотни рукъ протягиваются за нимъ, и на другой день вы снова являетесь въ Ватиканъ. Внѣшняя строгость была—оптическій обманъ.

Впрочемъ, несмотря на всѣ permessi, множество отдѣленій Ватиканскихъ музеевъ закрыты, и Богу вѣдомо, какія усилія нужны, чтобы проникнуть въ нихъ. Открыты собственно только залы съ произведеніями античнаго ваянія; въ прочія отдѣленія не пускаютъ на томъ основаніи, что залы ихъ смежны съ папскими аппартаментами, и изъ опасенія, чтобы «святому отцу» не было нанесено оскорбленіе... Такимъ образомъ недоступны египетскій музей, этрусскій музей, библіотека, древне-христіанскій музей, географическая галлерея, Рафаэлевы ковры и т. д. Долго ли будетъ держаться этотъ порядокъ вещей, трудно предсказать; но нельзя не пожелать отъ всего сердца, чтобъ онъ, для пользы науки и искусства, прекратился какъ можно скорѣе. Съ нимъ всякое серіозное изученіе какого-либо предмета становится рѣшительно невозможнымъ. Драгоцѣннѣйшія рукописи въ свѣтѣ находятся за бо́льшимъ числомъ замковъ, чѣмъ прежде, а музей древне-христіанскаго искусства, столь важный для познанія римскихъ катакомбъ, прежде доступный каждому, нынѣ совершенно закрытъ [1]). Это явленіе чрезвычайно грустное!

Въ Ватиканскомъ музеѣ есть нѣсколько новыхъ приращеній, поступившихъ въ это собраніе вслѣдствіе случайныхъ открытій, сдѣланныхъ на римской почвѣ. Изъ нихъ въ особенности замѣчательна мраморная статуя Августа, открытая въ 1863 году близъ Prima porta. Императоръ представленъ стоящимъ и облеченнымъ въ панцырь, богато украшенный рельефными, весьма важными изображеніями. При открытіи эта статуя весьма явно сохраняла слѣды красокъ, которыми была вся расписана. Къ сожалѣнію, это новое доказательство въ пользу полихроміи античной скульптуры, по обычаю, существующему въ римскихъ собраніяхъ, было уничтожено при

---

[1]) [Въ настоящее время доступъ во всѣ отдѣленія Ватикана, имѣющія художественный или научный интересъ, равно какъ и въ библіотеку и въ Латеранскій музей весьма легокъ. *Щ.*].

реставраціи [1]). Другое замѣчательное пріобрѣтеніе послѣдняго времени есть колоссальная бронзовая статуя Геркулеса, найденная въ 1864 году близъ театра Помпеева. Это есть самое громадное произведеніе изъ бронзы, какое дошло до насъ отъ древности. Оно было найдено весьма тщательно скрытымъ отъ похитителей, но ногъ и пальцевъ уже не было и задняя часть головы тоже пострадала въ неизвѣстное время. Папа Пій IX поручилъ реставрацію этого произведенія извѣстному ваятелю Тенерани, который исполнилъ ее съ помощью своего ученика г. Лукетти столь искусно, что нынѣ едва замѣтишь приставленныя части. Въ древности вся статуя была позолочена, но позолота во многихъ мѣстахъ исчезла. Реставрація поступила точно также. Къ сожалѣнію, эта колоссальная статуя, которой ни время и мѣсто изготовленія, ни художникъ намъ не извѣстны, не производитъ отраднаго впечатлѣнія. По моему мнѣнію, она принадлежитъ поздней эпохѣ и, безъ сомнѣнія, римскаго происхожденія.

Языческое отдѣленіе Латеранскаго музея въ послѣдніе годы очень увеличилось новыми открытіями, сдѣланными въ раскопкахъ Остіи, производившихся подъ руководствомъ г. Висконти, нынѣ удаленнаго отъ службы [2]). Найденное въ Остіи капище Митры, этого восточнаго божества, поклоненіе которому было распространено по всей имперіи римскими легіонами, обогатило музей нѣсколькими любопытными изображеніями жрецовъ и служителей Митры. Христіанское отдѣленіе Латеранскаго музея необыкновенно богато древне-христіанскими саркофагами, перенесенными изъ катакомбъ и церквей. Древне-христіанскія надписи расположены на стѣнахъ подъ наблюденіемъ извѣстнаго знатока древне-христіанскаго искус-

---

[1]) [Статуя выставлена въ Braccio nuovo (№ 14). Слѣды красокъ до сихъ поръ видны на ней и подробно отмѣчены въ составленномъ *Helbig*'омъ превосходномъ «Führer durch die öffentlichen Sammlungen klassischer Alterthümer in Rom. Томъ I (Leipz. 1891; англ. изд. ibid. 1895), № 5. *Щ*.].

[2]) [Умеръ въ 1880 г. *Щ*.].

ства Дж. Б. де-Росси. Къ сожалѣнію, для этого отдѣленія до сихъ поръ не составлено каталога, между тѣмъ какъ языческое отдѣленіе въ прекрасномъ трудѣ нѣмецкихъ археологовъ Бенндорфа и Шёне имѣетъ образцовый описательный каталогъ [1]).

Особое permesso открываетъ двери въ ложи и станцы Рафаэля и въ Сикстинскую капеллу. Стѣны залы, смежной съ безсмертными фресками Рафаэля, покрыты современными фресками, прославляющими установленіе папою Піемъ IX догмата «*Безпорочнаго зачатія*» (Immaculata Conceptio). Лучшая похвала имъ—совершенное молчаніе.

10-го января н. ст. 1872 г.

[*М. Вѣд.* 21 янв. 1872, № 18].

---

[1]) [Научное описаніе христіанскаго музея Латерана давно издано: *R. Garucci*, Monumenti del museo Lateraneuse, R. 1861, fol. 2 тома съ 51 таблицей. *Щ.*].

VII.

ИЗЪ РИМА.

2.

Какимъ бы отдѣломъ исторіи искусства прошлыхъ временъ вы ни занимались, всякая работа по памятникамъ, существующимъ въ Римѣ, будетъ требовать большихъ усилій воображенія. Отъ огромнаго наслѣдства, оставленнаго намъ древностью, ничего не сохранилось въ цѣлости; все разрушено, лежитъ въ развалинахъ, перестроено, передѣлано, расхищено или размѣщено по церквамъ и музеямъ. Дворцы Цезарей были разрушены варварами, термы—папами, Колизей—средневѣковыми партіями. Чтобы возстановить какое-либо зданіе античнаго Рима, нужно имѣть обширную память; необходимо знать, гдѣ разбросаны его фрагменты; необходимо имѣть и художественную фантазію, почти творческую. Термы Константина Великаго разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ; архитектурные фрагменты—въ саду дворца Колонны, скульптурные—на Квириналѣ и въ Латеранскомъ соборѣ; фрески, украшавшія стѣны этого зданія,—во дворцѣ Роспильйози. Фундаменты этихъ термъ, весь ихъ планъ, остались, вѣроятно, подъ землей. Ра-

бота мозаичная; нужно составлять по кускамъ, чтобы вышло нѣчто цѣлое.

И это замѣчаніе относится не къ однимъ памятникамъ языческаго искусства: оно столь же справедливо и относительно памятниковъ искусства древне-христіанскаго. Катакомбы расхищены; ихъ надписи или погибли въ огромномъ числѣ, или перенесены въ церкви и музеи; древностей, въ нихъ найденныхъ, дошло до насъ небольшое число. Церкви первыхъ временъ христіанства въ Римѣ такъ передѣланы позднѣйшими перестройками, что первоначальной формы и характера не сохранила ни одна. Страсть къ великолѣпному изукрашенію церквей, отличавшая папъ и богатыя духовныя корпораціи, погубила всѣ памятники, сооруженные Константиномъ Великимъ. Ей-то мы обязаны снесеніемъ древней базилики св. Петра. Рука реставраторовъ прошла и надъ мозаиками римскихъ церквей. Нужно посѣщать забытыя, отдаленныя и бѣдныя церкви, чтобы найти что-либо нетронутое, первобытное.

Впрочемъ эти затрудненія и составляютъ всю прелесть научныхъ изслѣдованій въ Римѣ; еслибы мы имѣли дѣло съ памятниками вполнѣ сохранившимися, то роль археолога ограничивалась бы описаніями. Здѣсь же, предъ лицомъ этихъ безконечныхъ обломковъ прошлаго, пытливому уму открывается обширное поле догадокъ. Изслѣдованія, произведенныя въ Римѣ въ послѣдніе годы, познакомили насъ съ новыми памятниками, въ высшей степени замѣчательными; въ настоящее время новыя открытія производятся почти ежедневно, и есть надежда, что въ близкомъ будущемъ число ихъ еще увеличится, Обо всемъ этомъ я сообщу въ настоящемъ и слѣдующемъ письмахъ нѣсколько подробностей.

Изъ семи холмовъ, на которыхъ построенъ былъ древній Римъ, Палатинскій, смежный съ Капитолійскимъ, былъ занятъ дворцами Цезарей. Сильно потерпѣвъ во время нашествія сѣверныхъ варваровъ, они частями стояли еще невредимые долгое время. Говорятъ, что въ нихъ жили остготскій царь

Геодорихъ и Карлъ Великій. Въ болѣе позднія времена на развалинахъ ихъ возникли прекрасные сады съ павильономъ, принадлежавшіе фамиліи Фарнезе и потомъ по наслѣдству перешедшіе къ неаполитанскому королю, далѣе монастыри женскій и мужской. Послѣдній король неаполитанскій, потерявъ престолъ, продалъ принадлежавшую ему часть Палатина бывшему императору Наполеону III, который поручилъ раскопки г. Пьетро де-Роза, подвергавшемуся въ Римѣ сильнымъ преслѣдованіямъ за либеральный образъ мыслей. Г. де-Роза весьма умно повелъ дѣло, и топографія античнаго Рима вслѣдствіе его трудовъ получила нѣсколько положительныхъ результатовъ. Развалины, уже на открытомъ до сихъ поръ пространствѣ весьма обширныя, принадлежатъ зданіямъ самыхъ разнообразныхъ назначеній, но каждому дано названіе, которое основывается на словахъ и авторитетѣ какого-либо древняго писателя, напр. Веррона, Ливія, Овидія, Светонія и т. д. На главныхъ улицахъ, площадкахъ, въ залахъ и т. д., поставлены большіе щиты, на которыхъ съ одной стороны имя мѣстности, съ другой — подтверждающее названіе мѣсто писателя. Самыя развалины состоятъ изъ одного, двухъ и болѣе этажей, но эти массы кирпича лишены мраморовъ, ихъ покрывавшихъ. Декоративныя детали давно исчезли; рѣдко встрѣтишь колонну — и то сломанную — на первоначальномъ мѣстѣ. Обломковъ статуй и архитектурныхъ деталей найдена бездна; видно, что дворцы цезарей не разъ подвергались опустошеніямъ. Важно, что эти раскопки привели къ двумъ открытіямъ: во-первыхъ, ясно обозначился объемъ древнѣйшаго зародыша Рима, такъ называемой Roma quadrata, которой основаніе относили къ баснословнымъ временамъ Ромула. Этотъ вышгородъ былъ обнесенъ стѣнами, сложенными изъ колоссальныхъ, правильно отесанныхъ камней, безъ цемента. Во-вторыхъ, въ этой массѣ царственныхъ зданій сохранились остатки дома, принадлежавшаго частному лицу, котораго г. де-Роза считаетъ отцомъ императора Тиберія. Нѣтъ никакого

сомнѣнія, что это зданіе принадлежитъ первому вѣку послѣ Р. Х. и, конечно, эпохѣ Августа. Три небольшія залы этого дома покрыты фресками вродѣ помпейскихъ, но исполненію стоящими выше послѣднихъ. Къ сожалѣнію, фрески много пострадали, но сюжеты ихъ можно различить. Изъ нихъ три картины имѣютъ болѣе, а двѣ менѣе значительные размѣры. Три первыя изображаютъ: Іо, Аргуса и Меркурія, Галатею и Полифема и сцену на улицѣ. На двухъ малыхъ представлены занятія домашней жизни. Другія залы украшены гирляндами и разными декоративными изображеніями. Нельзя не удивляться свѣжести и живости красокъ, переживших двѣ тысячи лѣтъ, и художественной фантазіи древнихъ живописцевъ, создававшихъ съ такою легкостью свои, дышавшія жизнію, произведенія.

Не стану описывать и перечислять зданія, находившіяся въ разрытыхъ доселѣ частяхъ Палатинскаго холма; это было бы слишкомъ утомительно и непонятно для читателя, не имѣющаго предъ глазами плана раскопокъ г. де-Розы. Въ половинѣ 1870 года онъ снялъ имъ подробный планъ, снабдилъ его объяснительными подписями, и съ него, въ свою очередь, сняты были фотографическіе снимки, которые нынѣ продаются по 4 франка за экземпляръ. Планъ необходимъ при посѣщеніи развалинъ Палатина.

При входѣ на Палатинскій холмъ, по правую руку находится небольшой музей, составленный изъ предметовъ, открытыхъ въ раскопкахъ [1]). Хотя раскопки далеко не окончены, но музей уже весь полонъ, и тѣмъ не менѣе множество архитектурныхъ и скульптурныхъ фрагментовъ разсѣяно въ различныхъ мѣстахъ. Замѣчательнѣйшія въ художественномъ отношеніи статуи суть два мраморные торса, оригиналы коихъ отпра-

---

[1]) [Этотъ музей (въ бывшемъ casino Nussiner) служитъ лишь складомъ, въ которомъ временно хранятся не водворенныя окончательно въ тотъ или другой музей находки. Публикѣ онъ недоступенъ. *Щ*.].

влены были въ свое время въ Парижъ къ Наполеону III, а слѣпки остались въ музеѣ. Одинъ изъ нихъ изображаетъ Эрота съ большими крыльями; другой есть торсъ, который, вѣроятно, принадлежалъ юному сатиру [1]). Среди множества мелкихъ вещей замѣчательно большое собраніе письменныхъ орудій. Здѣсь же собраны образцы всѣхъ сортовъ мраморовъ, открытыхъ при раскопкахъ.

Новое итальянское правительство, занявъ Римъ, пріобрѣло за значительную сумму у Наполеона III эту часть Палатинскаго холма, возвело г. де-Роза въ званіе сенатора и назначило, если не ошибаюсь, ежегодно 60,000 франковъ для продолженія раскопокъ. 10-го января недалеко отъ зданія, названнаго г. де-Розою Auguratorium, на незначительной глубинѣ отъ поверхности земли открытъ былъ колоссальный торсъ женщины, возсѣдающей на престолѣ, хорошей работы. Къ сожалѣнію, отсутствіе всякихъ аттрибутовъ и головы не позволяетъ опредѣлить, кто была изображенная фигура.

Съ большою ревностью производятся также раскопки на римскомъ форумѣ, близь базилики Julia, гдѣ открыто направленіе *священной дороги* (Via sacra). Она была уставлена двойнымъ рядомъ пьедесталовъ съ почетными статуями, нынѣ исчезнувшими. Раскопки показали, что извѣстная колонна византійскаго императора Фоки стояла не одиноко на форумѣ, а во второмъ ряду этихъ почетныхъ памятниковъ.

Въ лѣтнее время производятся раскопки въ термахъ Каракаллы, гдѣ найдено много фрагментовъ мозаичныхъ половъ съ разными изображеніями морскихъ чудовищъ, гимнастическихъ игръ и т. д.

11-го января н. ст. 1872 г.

[*М. Вѣд.* 7 февр. 1872, № 34].

---

[1]) [Обѣ статуи нынѣ находятся въ Луврѣ, первая подъ № 2266, вторая подъ № 664. *Щ.*].

IX.

ИЗЪ РИМА.

3.

Римскія *катакомбы*, мѣста погребенія первыхъ послѣдователей христіанской вѣры на Западѣ, столь славныя съ древнѣйшихъ временъ, сдѣлались предметомъ научныхъ изслѣдованій съ XVI вѣка. Первоначальная простота ихъ украшеній существовала неприкосновенною только въ вѣка преслѣдованія христіанства. Съ торжествомъ его, при Константинѣ Великомъ, катакомбы стали мѣстомъ, куда стекались благочестивые для поклоненія останкамъ мучениковъ, въ нихъ погребенныхъ. Тогда-то началось и новое художественное изукрашеніе катакомбъ. Папа Дамазій извѣстенъ тѣмъ, что обозначилъ гробницы знаменитыхъ мучениковъ мраморными досками, на которыхъ въ стихахъ, имъ написанныхъ, прославилъ ихъ вѣру во Христа. Стѣны, смежныя съ подобными гробницами, стали покрывать изображеніями святыхъ. Постепенно простой символическій языкъ искусства въ вѣка преслѣдованія сталъ замѣняться языкомъ торжественнымъ и церемоннымъ, созданнымъ подъ вліяніемъ византійскаго искусства. Затѣмъ и для

катакомбъ наступила печальная пора: ихъ стали грабить враги Рима и друзья Рима, а именно слишкомъ ревностные почитатели реликвій. Въ средніе вѣка онѣ пришли почти въ совершенное забвеніе. Неожиданный обвалъ открылъ ихъ существованіе, и тогда-то Бозіо впервые научнымъ образомъ изслѣдовалъ и описалъ ихъ. Съ тѣхъ поръ онѣ не переставали быть предметомъ весьма замѣчательныхъ трудовъ, но только въ наши дни изслѣдованіе этихъ памятниковъ христіанской древности получило вполнѣ научный характеръ. Архитектуру ихъ изучилъ іезуитъ падре Марки, двадцать лѣтъ своей жизни проведшій въ этихъ подземельяхъ. Но ученѣйшій изслѣдователь римскихъ катакомбъ въ настоящее время есть извѣстный знатокъ христіанскихъ древностей Джіованни Баттиста де-Росси. Съ практическимъ знаніемъ предмета онъ соединяетъ изумительную литературную дѣятельность. Ему ученый міръ обязанъ изданіемъ *Христіанскихъ надписей города Рима* и двумя томами in 4⁰ *Описанія римскихъ катакомбъ*, къ коему дополненіемъ служитъ его *Бюллетень христіанской археологіи*, нынѣ выходящій четырьмя тетрадями въ годъ. Въ то же время онъ занимается устройствомъ разныхъ музеевъ, напримѣръ христіанскаго отдѣла Латеранскаго музея, и постоянно наблюдаетъ за раскопками въ римскихъ катакомбахъ [1]).

Такъ какъ ватиканскія катакомбы, древнѣйшія въ Римѣ, были разрушены при заложеніи фундаментовъ нынѣшней гигантской церкви св. Петра, то естественнымъ желаніемъ г. де-Росси было открыть древнѣйшія по времени катакомбы.

---

[1]) [Росси умеръ $^{8}/_{20}$ сентября 1894 г. Ср. о немъ *Е. К. Рѣдина*, Памяти Дж. Б. де-Росси, основателя христіанской археологіи (Харьк. 1894). Вотъ полныя заглавія его сочиненій: Inscriptiones christianae urbis Romae septimo saeculo antiquiores, 2 тома R. 1857—61 и 1888. — Roma sotterranea cristiana, 3 тома, R. 1864—77.—Bulletino di archeologia cristiana, съ 1863 до смерти. (Росси завѣщалъ не продолжать этого изданія, но несмотря на это его племянникъ Michele de Rossi издаетъ его, измѣнивъ нѣсколько заглавіе: Nuovo Bulletino и т. д.).—Musaici cristiani e saggi dei pavimenti delle chiese di Roma anteriori al secolo XV, R. 1872—94.—Piante iconografiche e prospettiche di Roma anteriori al secolo XVI, 3 тома, R. 1876—85. *Щ*.].

Вслѣдствіе различныхъ соображеній, которыхъ исторію было бы слишкомъ длинно разсказывать, ему пришло на мысль, что недалеко отъ Аппіевой дороги должны находиться катакомбы, гдѣ погребены были римскіе папы III вѣка и св. Цецилія. Античное зданіе, сооруженное на поверхности земли, привело его къ открытію *катакомбъ св. Каликста*, нынѣ одной изъ главныхъ достопримѣчательностей Рима. Но и эти катакомбы найдены были г. де-Росси уже въ состояніи почти полнаго разрушенія: гробницы были пусты, мраморныя надгробныя доски съ современными и болѣе поздними надписями разбиты въ куски, алтари разрушены и т. д. Эти надписи, весьма краткія и простыя, часто на греческомъ языкѣ, въ которыхъ папы называются *епископами*, указали ему на папскую усыпальницу III вѣка. По ново-сдѣланной лѣстницѣ сходишь въ катакомбы св. Каликста, и черезъ нѣсколько минутъ вступаешь въ эту подземную залу, гдѣ покоится прахъ первыхъ папъ-мучениковъ, въ чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ надписи, имъ современныя. Не въ дальнемъ разстояніи отъ папской усыпальницы покоилась св. Цецилія, которая сочтена достойною покоиться вѣчнымъ сномъ только возлѣ гробницъ папъ. На стѣнѣ находится ея изображеніе, но принадлежащее болѣе позднему времени, писанное al fresco. Множество graffiti или надписей, выцарапанныхъ на штукатуркѣ стѣны, свидѣтельствуетъ о высокомъ почитаніи, которымъ пользовалась ея гробница. При дальнѣйшемъ посѣщеніи этого лабиринта подземныхъ ходовъ, вамъ показываютъ въ одномъ мѣстѣ мраморную доску съ надписью папы Дамазія, начертанною на оборотѣ доски, на которой находится языческая надпись; въ другомъ — два скелета первыхъ христіанъ, изъ которыхъ одинъ еще спеленанъ, какъ мумія. Возлѣ одной гробницы виденъ вдѣланный въ стѣну стеклянный сосудъ, въ которомъ, по преданію римской церкви, сохранялась собранная на мѣстѣ кровь мучениковъ. Наконецъ кустодъ приводитъ васъ въ небольшую комнату, стѣны и потолокъ которой украшены фресками. Центръ

всей живописной композиціи составляетъ *добрый пастырь*. Этимъ оканчивается обзоръ двухъ этажей катакомбъ св. Каликста. Никакія просьбы, обращенныя къ кустоду, не спѣшить и показать другія комнаты съ живописью и остальные этажи, не помогаютъ: въ этихъ душныхъ подземельяхъ, гдѣ вы лишены всякой руководящей нити для входа и выхода, вы находитесь совершенно во власти этихъ корыстолюбивыхъ людей, которые спѣшатъ справиться поскорѣе съ одною партіей путешественниковъ, взять свою плату и повести по катакомбамъ другую. Толпы англичанъ-туристовъ, вѣчно спѣшащихъ, пріучили ихъ къ тому.

Правительство короля Виктора-Эммануила, занявъ Римъ, передало римскія катакомбы въ завѣдываніе папы. Съ тѣхъ поръ въ нихъ не производятъ болѣе раскопокъ; сочиненіе же г. де-Росси о нихъ, говорятъ, будетъ продолжать печататься на иждивеніе папы. Нельзя не желать, чтобъ этотъ слухъ оправдался.

Вторымъ замѣчательнымъ фактомъ въ области древне-христіанскаго искусства было въ послѣднее время открытіе *подземной базилики св. Климента.* Церковь св. Климента, лежащая по дорогѣ отъ Колизея къ Латеранскому собору, давно извѣстна всѣмъ любителямъ археологіи: ее считали одною изъ немногихъ церквей, хорошо сохранившихъ первоначальное устройство древнехристіанскихъ базиликъ. Но новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что построеніе ея относится не къ ранней, а напротивъ къ весьма поздней эпохѣ, именно къ XII вѣку, внутреннее же украшеніе хора перенесено изъ подземной, болѣе древней, базилики. Открытіемъ этой послѣдней ученый міръ обязанъ пріору прилегающаго къ церкви монастыря ирландскихъ доминиканцевъ, ученому о. Мулули. Его трудами очищена вся подземная базилика, можетъ быть, древнѣйшее церковное зданіе Рима. Величиною оно значительно превосходитъ церковь, сооруженную на его развалинахъ. Стѣны этой подземной церкви св. Климента покрыты

фресками, по большей части весьма грубой работы, исполненными въ вѣка глубокаго паденія Рима. Однѣ относятся къ VIII и IX, другія къ X и XI вѣкамъ. Сюжеты ихъ весьма разнообразны: это легенда св. Екатерины, сцены изъ жизни св. Алексія и св. Климента, новозавѣтныя сцены, Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, изображенія соборовъ и первыхъ папъ и т. д. Почему же эта церковь была оставлена и на ея развалинахъ въ XII ст. построена новая? О. Мулули предполагаетъ, что это произошло вслѣдствіе разрушенія всей примыкающей къ церкви части Рима войсками Роберта Гвискара (въ 1084 году). Разрушеніе такъ возвысило почву, что скрыло подъ грудами мусора первоначальную базилику св. Климента. Но новыя изслѣдованія открыли еще болѣе интересный фактъ: эта первоначальная базилика, въ свою очередь, построена на развалинахъ какого-то зданія императорскихъ и республиканскихъ временъ, котораго остатки видны до сихъ поръ. Въ Италіи одна цивилизація ложится на другую, и это наслоеніе открываетъ наукѣ совершенно новые горизонты.

О. Мулули изложилъ свои открытія и описалъ подземную базилику св. Климента въ прекрасно изданной книгѣ на англійскомъ языкѣ, весьма недавно вышедшей въ свѣтъ [1]). Нынѣ и это сочиненіе требуетъ дополненія, потому что послѣднія открытія еще изумительнѣе. За апсидою подземной базилики онъ нашелъ небольшую залу, сооруженную въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, съ прекрасно изукрашеннымъ потолкомъ, на которомъ изображены разныя миѳологическія сцены. Онъ считаетъ эту комнатуораторіумомъ св. Климента. Въ ней открыта была нѣсколько попорченная мраморная статуя св. Петра, представляющая его въ видѣ *добраго пастыря*: изображеніе, единственное въ своемъ родѣ. Изъ этой комнаты

---

[1]) [*Jos Mullooly*, Saint-Clement Pope and Martyr, and his Basilica in Rome. 2 ed. Rome 1873. *Щ.*].

узкій проходъ ведетъ въ еще болѣе странное подземное пространство: это — капище Митры, съ одиннадцатью отверстіями въ потолкѣ, первоначально пропускавшими свѣтъ. Сооруженіе храма этому восточному божеству относятъ ко II вѣку по Рождествѣ Христовѣ. Нѣкогда онъ былъ очень украшенъ, чтò доказываютъ слѣды мозаики на потолкѣ. Внутри его о. Мулули открылъ четвероугольный алтарь бога, украшенный рельефами, изображающими Митру, убивающаго быка, змѣй и двухъ юношей со свѣточами въ рукахъ. Далѣе, тутъ же найдены были мраморная голова Аполлона или Геліоса, съ бронзовыми лучами, и статуэтка, изображающая рожденіе Митры. Извѣстно, что древніе писатели разсказываютъ, что этотъ богъ родился изъ камня. Статуэтка, лишенная рукъ, въ которыхъ богъ, вѣроятно, держалъ факелы, изображаетъ Митру въ видѣ прекраснаго юноши съ фригійскою шапкой на головѣ, выходящаго изъ груды камней. Два послѣдніе предмета ученый пріоръ хранитъ въ своей кельѣ, но онъ показалъ ихъ пишущему эти строки съ большою готовностью и вообще сообщилъ множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній о своихъ изысканіяхъ.

Что подъ настоящимъ Римомъ схороненъ другой Римъ, болѣе древній, это доказываетъ не только подземная базилика св. Климента, но и множество другихъ зданій. Подъ церковью св. Пуденціаны, которой мозаика есть одинъ изъ превосходнѣйшихъ памятниковъ древне-христіанскаго искусства въ Римѣ, открытъ дворецъ отца Пуденціаны, сенатора Пуденса, современника апостола Петра. Подвалы домовъ квартала, гдѣ находится Пантеонъ Агриппы, наполнены античными фрагментами, вѣроятно, принадлежавшими термамъ Агриппы. Одинъ продавецъ дичи на рынкѣ св. Евстахія имѣетъ погребъ, въ которомъ, по его словамъ, вдоль стѣнъ кучами лежатъ фрагменты античныхъ статуй и архитектурныхъ орнаментовъ. Еслибъ открыть древній уровень Пантеона и сломать тѣснящія его зданія, выиграла бы не одна наука, но и величе-

X.

ИЗЪ НЕАПОЛЯ.

Неаполь попрежнему многолюденъ, живъ, суетливъ и шуменъ. И, Боже мой, какъ любитъ этотъ городъ шумъ! Я не знаю втораго мѣста въ мірѣ, гдѣ жизнь на улицѣ отличалась бы такою шумливостью, какъ въ Неаполѣ. Впятеро болѣе населенные города, каковы Лондонъ и Парижъ, молчаливѣе Неаполя. Здѣсь все шумитъ и кричитъ, не по необходимости, а по любви къ шуму и крику,—кучера и уличные продавцы, дѣти и женщины, ослы и всякая тварь. Городъ сталъ многолюднѣе и еще шумнѣе. Выстроились новыя улицы съ громадными домами и съ живописнѣйшими видами на море, Везувій и отдаленные острова. Таковы Corso Vittorio Emmanuele и Strada nuova di Posilippo съ ея очаровательными ландшафтами, виллами и загородными дворцами неаполитанской знати. Въ городѣ сооружено нѣсколько новыхъ памятниковъ, производящихъ болѣе отрадное впечатлѣніе, чѣмъ прежніе смѣшные и отвратительные обелиски. На восхитительномъ мѣстѣ общественныхъ прогулокъ, извѣстномъ подъ именемъ Villa Reale, нынѣ nazionale, по лѣвую руку имѣешь Неаполитанскій заливъ и островъ Капри, по правую—пятиэтажные

дома Неаполя, а предъ собою хребетъ Позилиппо съ его виллами. Непривычный глазъ сѣвернаго жителя съ изумленіемъ видитъ здѣсь южную флору: величественныя пальмы и широко-раскинутое перцовое дерево. Въ январѣ, на воздухѣ, цвѣтутъ розы и камеліи. И надъ всею этой шумною, суетливою и кипучею жизнью царитъ южное солнце, дающее небу, морю и горамъ такой колоритъ, который даже во снѣ не снится нашимъ живописцамъ.

Для чужестранца нѣтъ зданія въ Неаполѣ болѣе интереснаго, чѣмъ его знаменитый музей. Посѣщеніе его—одно изъ величайшихъ удовольствій, которое только можетъ доставить городъ, столь бѣдный памятниками прошлаго. Въ немъ нѣтъ ни античныхъ развалинъ, ни церквей первыхъ временъ христіанства. Путешественникъ спѣшитъ въ музей. Правда, это старое, неудобное и плохо освѣщенное зданіе. Ко всѣмъ бѣдамъ, оно въ настоящее время находится въ періодѣ передѣлокъ и переустройства, и этотъ періодъ еще долго не кончится. Мы можемъ это положительно утверждать, несмотря на всю энергію лица, стоящаго во главѣ этого учрежденія. Это лицо—г. Джузеппе Фіорелли [1]), нынѣ сенаторъ Итальянскаго королевства и начальникъ всѣхъ раскопокъ древностей. Ученому міру онъ извѣстенъ какъ нумизматъ и весьма плодовитый писатель. Но съ ученостью онъ соединяетъ изумительный талантъ практическаго администратора. Ему-то наблюденіе и сохраненіе древностей въ бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ обязано тѣмъ образцовымъ порядкомъ, который такъ радуетъ каждаго иностранца-путешественника. Развалины и коллекціи содержатся въ величайшей чистотѣ. За входъ взимается небольшая плата, за которую вы получаете гида, учтиво поясняющаго вамъ всякій предметъ. Гиды содержатся подъ военною дисциплиною: они не принимаютъ ни малѣйшаго денежнаго вознагражденія. Такой порядокъ введенъ въ

---

[1]) [† 29 января 1896. *Щ.*].

музеѣ, въ Геркуланумѣ и Помпеѣ, въ катакомбахъ и т. д. Гдѣ нѣтъ надзора, введеннаго правительствомъ, тамъ господствуетъ совершенный произволъ.

Успѣхи, сдѣланные современною наукой древностей, побудили приступить къ переустройству музея. Оказалось необходимымъ переставить цѣлыя собранія и выставить на свѣтъ Божій произведенія, до тѣхъ поръ скрывавшіяся во мракѣ. Эта перестановка повлекла за собой передѣлку зданія. Но эта передѣлка сопряжена съ значительными издержками, и начальство музея, получающее отъ правительства на содержаніе музея и раскопки 100,000 франковъ, можетъ удѣлять для передѣлки музея только такую сумму, на которую можно реставрировать одну или двѣ залы въ годъ. Реставрація каждой залы обходится отъ 15 до 20 тысячъ франковъ. Ясно, что съ этими средствами реставрація зданія можетъ подвигаться только медленно, и вотъ почему пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ музей будетъ совершенно готовъ. Теперь отдѣланы помѣщенія нумизматическаго кабинета, собранія надписей, отдѣленія египетскихъ древностей и нѣкоторыя залы отдѣленія бронзъ. Нельзя не радоваться изящной отдѣлкѣ новыхъ помѣщеній, исполненной простоты и вкуса, но нельзя не пожалѣть и о публикѣ, наполняющей новыя и старыя залы: она не имѣетъ никакого руководства для осмотра этого удивительно богатаго собранія. Всѣ прежнія описанія — будь то отдѣльныя сочиненія, или гиды — устарѣли. Перестановка выдвинула на первый планъ памятники, на которые прежде никто не обращалъ вниманія; новѣйшія ученыя изслѣдованія точнѣе опредѣлили содержаніе произведеній, носившихъ прежде совершенно общія названія. Что прежде называлось, напримѣръ, *статуи двухъ атлетовъ*, то теперь называется *группа Гармодія и Аристогитона*, убійцъ Гиппарха, сына Писистрата, воздвигнутая въ честь ихъ народомъ въ Аѳинахъ. Въ этихъ прекрасныхъ залахъ публика блуждаетъ во тьмѣ, и эта тьма, повидимому, не скоро разсѣется. Правда, г. Фіорелли

издалъ превосходные каталоги надписей и нумизматическаго отдѣленія, но они-то всего менѣе нужны большинству посѣтителей. Ему нуженъ краткій указатель мозаикъ, фрескъ, бронзовыхъ и мраморныхъ произведеній [1]).

Перестановка музея произвела всего болѣе измѣненій въ отдѣленіи античныхъ мраморныхъ изваяній. Одинъ изъ длинныхъ корридоровъ получилъ названіе *историческаго отдѣла*, потому что въ немъ выставлены, въ хронологическомъ порядкѣ, лучшія произведенія античнаго и преимущественно греческаго ваянія. Здѣсь встрѣчаемъ мы образцы архаическаго стиля, какова вышеназванная группа *Гармодія и Аристогитона*, и архаизирующаго направленія, каковы *Аѳина Промахосъ и шествующая Артемида*, столь замѣчательная по сохранившимся на ней слѣдамъ полихроміи. Здѣсь бюстъ Геры— копія съ знаменитаго произведенія Поликлета, и другая съ дорифора того же художника. Здѣсь группы павшихъ Галловъ, произведенія Пергамской школы; здѣсь загадочная Афродита изъ Капуи и Психея, найденная въ той же мѣстности... Но безчисленныя произведенія античнаго рѣзца тогда только будутъ понятны, когда значеніе ихъ будетъ разъяснено взирающему на нихъ: иначе намъ, людямъ другихъ воззрѣній, они останутся навсегда нѣмы.

Въ прочихъ залахъ этого отдѣла произведенія группированы по сюжетамъ, и цѣлый длинный корридоръ посвященъ статуямъ и бюстамъ римскихъ императорскихъ временъ. Нельзя не радоваться тому, что въ этомъ отдѣлѣ, въ числѣ рельефовъ, есть столько прекрасныхъ произведеній греческаго рѣзца.

Гордость Неаполитанскаго музея составляетъ отдѣленіе произведеній ваянія изъ бронзы, открытыхъ въ Геркуланумѣ и

---

[1]) [Такой указатель, хотя и не вполнѣ удовлетворительный, теперь существуетъ: *Dom. Monaco*, Guide général du musée de Naples, 6 éd. 1893. Изъ спеціальныхъ каталоговъ, кромѣ упомянутыхъ въ текстѣ, слѣдуетъ назвать еще очень подробный каталогъ вазъ: *H. Heydemann*, Die Vasensammlungen des Mus. Naz. zu Neapel, Berlin 1872. *Щ.*].

Помпеѣ[1]). Оно размѣщено въ четырехъ залахъ. Въ первой находятся изображенія животныхъ, во второй—малыя, въ третьей—большія бронзовыя статуи и, наконецъ, въ четвертой—бронзовыя оружія, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ парадныя вооруженія гладіаторовъ. Въ залѣ малыхъ бронзъ особенное вниманіе обращаютъ на себя три статуэтки, въ послѣдніе годы найденныя въ Помпеѣ; это —*пляшущій Фавнъ, Силенъ, несущій подставку, и Нарциссъ, слушающій эхо.* Первая превосходно передаетъ весь оргіастическій характеръ баснословныхъ обитателей лѣсовъ, вторая—все напряженіе тѣла человѣка преклонныхъ лѣтъ, несущаго тяжесть, третья—прислушиваніе къ какому-то странному звуку. Нельзя себѣ представить болѣе граціознаго юношескаго тѣла, какъ этотъ Нарциссъ. Правда, въ позѣ своей онъ немного рисуется, но это согласно съ натурой Нарцисса. Зала большихъ бронзовыхъ статуй, на ряду съ дюжинными изображеніями римскихъ императорскихъ временъ, содержитъ столько великихъ мастерскихъ произведеній, что нельзя не быть пораженнымъ пластическимъ геніемъ древнихъ народовъ. Если вспомнишь, что всѣ эти чудеса искусства открыты на небольшомъ клочкѣ земли, составлявшемъ менѣе чѣмъ десятую часть Геркуланума,—то сколько мастерскихъ произведеній должно еще скрываться подъ слоями лавы, на которыхъ построены Портичи и Резина! Больно, что съ прошлаго столѣтія ничего не дѣлается для отысканія ихъ.

Не стану говорить о другихъ отдѣленіяхъ музея, напримѣръ античныхъ фресокъ и мозаикъ, золотыхъ вещей, вазъ и т. д. Каждое изъ нихъ въ послѣдніе годы получило значительныя приращенія, описаніе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Неаполитанскій музей такъ богатъ, что его нельзя довольно часто посѣщать[2]).

---

[1]) [Авторъ вездѣ пишетъ это названіе въ единств. числѣ, хотя правильнѣе было бы писать въ множественномъ: Помпеи, лат. Pompeii. *Ред.*].

[2]) [Не совсѣмъ ясно, что хочетъ сказать этимъ авторъ. *Ред.*].

Инспекторъ картинной галлереи Неаполитанскаго музея г. Деметріо Салазаро предпринялъ, съ помощью правительства, великолѣпное изданіе, весьма важное для исторіи живописи въ южной Италіи. Оно озаглавлено: *Studi sui monumenti della Italia meridionale dal IV al XIII secolo*. Два выпуска in fol. съ четырьмя хромолитографированными рисунками уже вышли въ свѣтъ [1]). Архитектура и ваяніе въ южной Италіи были уже предметомъ глубокихъ изслѣдованій незабвеннаго Шульца изъ Дрездена. Нынѣ г. Салазаро стремится доказать, съ помощью прекрасныхъ снимковъ, что и живопись никогда не пресѣкалась въ южной Италіи въ темную эпоху отъ IV до XIII вѣка и оставила намъ замѣчательные памятники. Онъ начинаетъ съ катакомбъ Неаполя, которыя я посѣтилъ въ нынѣшнее мое пребываніе въ этомъ городѣ и о которыхъ могу сказать, что онѣ ожидаютъ своего Д. Б. де-Росси. Трудъ г. Салазаро весьма замѣчателенъ.

15 февраля н. ст. 1872 года.

[*М. Вѣд.* 19 марта 1872, № 70].

---

[1]) [Въ полномъ видѣ трудъ Салазаро состоитъ изъ двухъ частей по 24 таблицы (хромолитографіи и фотографіи) въ каждой и Appendix'а съ 16-ю таблицами. *Щ.*].

XI.

ИЗЪ ПОМПЕИ.

Мимо Портичи, Торре-дель-Греко, Торре-дель-Аннунціата быстро пролетаетъ поѣздъ желѣзной дороги; еще нѣсколько минутъ —и вы останавливаетесь у станціи *Помпея.* Чье сердце не забьется при мысли, что наконецъ осуществились желанія стольких лѣтъ жизни, и нога сейчасъ ступитъ на почву, по которой ступалъ и гордый Римлянинъ, и веселый обыватель «счастливой Кампаніи» (Campania felix). Но, выйдя изъ вагона, воскресшаго города не видишь: высокая насыпь, какъ стѣна, скрываетъ его. Нѣсколько шаговъ по пыльной дорогѣ приводятъ къ гостиницѣ нашихъ дней, носящей имя одного изъ самыхъ зажиточныхъ жителей Помпеи. Дорога уставлена нищими и пѣвцами съ дребезжащими голосами и разстроенною гитарой. Миновавъ слѣпаго Орфея, спѣшишь перейти насыпь. На вершинѣ ея выстроено небольшое зданіе, гдѣ производится продажа билетовъ для посѣщенія Помпеи. Только однажды въ недѣлю, по воскресеньямъ, городъ открытъ безплатно для всѣхъ. Въ прочіе дни взимается съ каждаго лица два франка; но за эту незначительную цѣну получаешь гида, который не покидаетъ васъ ни на шагъ во

все время посѣщенія Помпеи, объясняетъ всѣ развалины и весьма учтиво отвѣчаетъ на всѣ вопросы и недоумѣнія. Помпейскіе гиды дисциплинированы по военному и даже носятъ какой-то мундиръ. Число ихъ простирается до 32. Нельзя не поблагодарить за это превосходное учрежденіе г. Фіорелли, директора Неаполитанскаго музея. Правда, за посѣщеніе Помпеи взимается плата, но эта плата, доставившая въ 1869 году 4.000 франковъ, идетъ на содержаніе присмотра въ Помпеѣ, не дозволяющаго исписывать стѣны именами невѣжественныхъ посѣтителей или портить и даже снимать фрески, что̀, какъ намъ положительно извѣстно, дѣлали прежде нѣкоторые... любители живописи. По воскресеньямъ Помпею посѣщаютъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ, преимущественно итальянцевъ. Безлюдный городъ вдругъ на одинъ день оживаетъ, но каждый долженъ обходиться безъ оффиціальнаго руководителя, которые въ эти дни разставлены на извѣстныхъ пунктахъ. Всякому, вѣроятно, пріятнѣе бродить по молчаливому городу, чѣмъ видѣть улицы его профанированными шумною толпой. Развалинамъ приличествуетъ тишина и уединеніе.

Получивъ билетъ и гида, путешественникъ вступаетъ въ Помпею античными воротами, обращенными къ морю и потому названными Porta della Marina. Нѣкогда городъ былъ окруженъ стѣнами, еще до сихъ поръ не раскопанными; во внутренность его вели восемь воротъ. Съ удивленіемъ замѣчаешь, что, вступая въ ворота, имѣющія длинный коробовой сводъ, должно по античной мостовой подниматься вверхъ: Помпея лежитъ на возвышенности. На половинѣ подворотнаго пространства, по правую руку, находятся двѣ новоотдѣланныя залы, назначенныя служить музеемъ для храненія тѣхъ предметовъ, которые по своей маловажности, или составляя дубликаты, не переносятся въ Неаполитанскій музей. Главный предметъ этого собранія—гипсовыя фигуры Помпеянцевъ, погибшихъ въ страшной катастрофѣ, схоронившей ихъ

городъ. Фигуры эти не суть куклы, созданныя фантазіей досужаго художника. Напротивъ, онѣ—страшная дѣйствительность, и простая, но остроумная система открытія ихъ есть одна изъ многочисленныхъ заслугъ г. Фіорелли. Въ прежнія времена полагали, что число жертвъ, погибшихъ при разрушеніи Помпеи, было весьма незначительно: жители, говорили, присутствуя при театральномъ зрѣлищѣ и видя приближеніе изверженія Везувія, имѣли время спастись бѣгствомъ въ поле. Въ раскопкахъ, производимыхъ безъ всякихъ научныхъ наблюденій, съ одною цѣлью находокъ художественныхъ предметовъ, весьма рѣдко встрѣчались скелеты: факты подтверждали, повидимому, предположеніе. Но уже неоднократно замѣчали, что при раскопкѣ домовъ, засыпанныхъ пепломъ, рабочіе отрывали отверстія, которыя нѣкогда что-то содержали. Дальнѣйшаго вниманія на эти пустоты въ пеплѣ, засыпавшемъ дома, не обращали, и заступъ рабочаго уничтожалъ всякій слѣдъ. Г. Фіорелли первому пришло на мысль — влить въ подобное пустое пространство въ пеплѣ гипсъ. Когда гипсъ отвердѣетъ, то съ него сметаютъ пепелъ, окружающій неизвѣстный предметъ, и тогда можно узнать, чтó находилось въ этой пустотѣ въ минуту изверженія. Оказалось, что первый предметъ, найденный этимъ способомъ, былъ человѣкъ, умершій въ страшной агоніи. Эти слѣпки, которыхъ въ настоящее время шесть въ Помпейскомъ музеѣ, съ изумительною вѣрностію передаютъ полъ и возрастъ, костюмъ и родъ смерти несчастныхъ Помпеянцевъ. На иныхъ еще видны кольца на пальцахъ. Они умерли, удушенные газами, въ страшныхъ судорогахъ, кто упавъ навзничь, кто лежа на боку, кто падая лицомъ на землю. Скелетъ и одежда, покрывавшая несчастныхъ, давно истлѣли, и пространство, которое они занимали въ пеплѣ, оставалось пустымъ. Залить его гипсомъ было геніальною мыслію г. Фіорелли. Но находки этого рода рѣдки, потому что онѣ могутъ быть сдѣланы только въ домахъ и мѣстахъ, засыпанныхъ пепломъ. Тамъ, гдѣ домъ заваленъ грубыми ла-

pilli (камешки изъ пемзы), онѣ невозможны. Но, кромѣ того, въ послѣднихъ находкахъ найдено и болѣе двухсотъ человѣческихъ череповъ, такъ что исчислено, что въ открытыхъ донынѣ частяхъ Помпеи число жертвъ должно было простираться до 600, и всего погибло, можетъ быть, до 1,500 человѣкъ. Но и это послѣднее число едва ли доходитъ до истины.

Счастливая мысль всегда можетъ имѣть многочисленныя примѣненія. Г. Фіорелли примѣнилъ ее къ воспроизведенію всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые, по своей природѣ, какъ напримѣръ дерево, подвержены тлѣнію. Такимъ образомъ онъ возстановилъ формы помпеянскихъ дверей, оконъ, кроватей и т. д. Изученіе этихъ слѣпковъ особенно интересно для спеціалистовъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Porta della Marina путешественникъ находится въ сердцѣ древней Помпеи; предъ нимъ форумъ съ пьедесталами, на которыхъ стояли статуи знаменитыхъ людей и рядъ публичныхъ зданій и храмовъ, безъ сомнѣнія, составлявшихъ гордость этого городка. Здѣсь, вокругъ этой площади, по которой не ѣздили въ экипажахъ, сгруппированы: базилика, храмъ Венеры, Хальцидикумъ, храмы Меркурія и Юпитера. По пустыннымъ улицамъ переходишь отъ одного зданія къ другому, заходишь въ одинъ частный домъ за другимъ, изучаешь расположеніе комнатъ, стараешься проникнуть во всѣ тайны домашней жизни древнихъ. Лавокъ въ этомъ городкѣ безчисленное множество. Заходишь въ лавку винопродавца, хлѣбника, мыльнаго фабриканта. Помпея былъ торговый городъ: въ торговлѣ лежало его главное значеніе. Но народъ любилъ и зрѣлища, чему свидѣтельствомъ служатъ амфитеатръ и два театра. Въ послѣдній вѣкъ республики сюда стали вторгаться и чужеземные культы, что́ доказываетъ храмъ Исиды, столь интересный во всѣхъ своихъ деталяхъ. Самая бо́льшая заботливость Помпеянцевъ обращена была на всѣ потребности практической жизни: улицы вымощены, вездѣ тротуары и камни для перехода съ одной стороны улицы на

другую, водопроводы, садики при каждомъ домѣ, много термъ для бѣдныхъ и богатыхъ. И все это находится на пространствѣ, составлявшемъ двѣ пятыхъ древняго города; остальная часть его покрыта пепломъ Везувія, и, Богъ знаетъ, сколько пройдетъ времени, пока и она освободится отъ савана, 1,800 лѣтъ ее покрывающаго.

Въ настоящее время раскопки въ Помпеѣ производятся весьма дѣятельнымъ образомъ: около 200 человѣкъ занято ими подъ наблюденіемъ особыхъ надсмотрщиковъ, которые ведутъ журналъ работамъ. Устроена желѣзная дорога для своза массы пепла и камней, которые подымаются вверхъ особою машиной. При открытіи каждая стѣна тщательно осматривается, и если грозитъ паденіемъ, то немедленно реставрируется. Раскопки производятся въ ряду домовъ, тянущихся вдоль городской стѣны отъ Porta della Marina къ Геркуланскимъ воротамъ. Надѣются, что весь этотъ рядъ зданій будетъ раскрытъ къ будущему году. Но ждать значительныхъ открытій на этомъ пространствѣ, кажется, нельзя: у городской стѣны, вѣроятно, жили классы небогатые. Тѣмъ не менѣе вновь открытые дома весьма любопытны: краски, покрывающія ихъ стѣны, ихъ фрески, еще весьма живы и блестятъ, какъ будто вчера писаны. Въ одной комнатѣ на темномъ фонѣ изображены летящія или пляшущія фигуры вродѣ геркуланскихъ; на стѣнахъ другой, безъ всякой перспективы, въ большихъ размѣрахъ, разныя животныя, напримѣръ: слонъ, левъ, быкъ, лошадь и т. п. Эти послѣднія стѣны похожи на колоссальную дѣтскую азбуку съ иллюминованными изображеніями животныхъ. Обо всѣхъ новыхъ открытіяхъ отдается отчетъ въ повременномъ изданіи, выходящемъ подъ заглавіемъ: *Giornale dei scavi di Pompei* [1]).

[1]) [Это изданіе превратилось въ 1877 году. Лучшимъ руководствомъ для изученія древнихъ Помпей въ настоящее время является *Overbeck*, Pompeii, 4-е изд. въ переработкѣ *Mau*, Leipz. 1884, а затѣмъ — краткіе путеводители *Fiorelli* (1888) и *Mau* (1893). О новѣйшихъ открытіяхъ — отчеты *Mau* въ «Römische Mitteilungen», примыкающіе къ упомянутому изданію Овербека. *Щ*.].

Имѣя рекомендательное письмо къ инспектору Неаполитанскаго музея, г. Джуліо де-Петра, главному помощнику г. Фіорелли, молодому человѣку, уже извѣстному въ ученомъ мірѣ, я условился съ нимъ 22-го января отправиться вмѣстѣ въ Помпею. День былъ совершенно лѣтній, потому что въ Помпеѣ значительно теплѣе, чѣмъ въ Неаполѣ. Ступая на античную мостовую, я обратился къ г. де-Петра съ просьбой, не найдетъ ли онъ возможнымъ произвести раскопки въ моемъ присутствіи. Я самъ производилъ раскопки въ греческихъ колоніяхъ южной Россіи; я знаю по опыту, какъ волнуетъ археолога каждая находка. Я такъ много читалъ о раскопкахъ въ Помпеѣ и способахъ ихъ производства, что имѣлъ сильное желаніе видѣть ихъ собственными глазами. Но извѣстно, что счастіе присутствовать при открытіяхъ въ Помпеѣ выпадаетъ только на долю высокопоставленныхъ и преимущественно коронованныхъ лицъ. Вотъ какъ это дѣлается. Домъ, назначенный для раскопокъ, очищается отъ пепла весьма постепенно сверху. При этомъ очищеніи постепенно же открываются фрески, которыми украшены стѣны. Съ нихъ тотчасъ снимаютъ акварельныя копіи, а если фрески важны по исполненію или сюжету, то ихъ снимаютъ со стѣны и переносятъ въ Неаполитанскій музей. Такимъ образомъ доходятъ до нижней части комнаты: она остается еще наполненною пепломъ, аршина въ два вышины. Въ этомъ-то послѣднемъ слоѣ лежатъ вещи, избѣгшія гибели при разрушеніи Помпеи. Этотъ-то нижній слой остается нетронутымъ заступомъ рабочихъ до прибытія какого-либо высокаго лица въ Неаполь. При посѣщеніи имъ Помпеи, въ его присутствіи, нижній слой снимается, и открываются разные предметы, какъ художественные, такъ и относящіеся къ домашней жизни древнихъ. Въ прежнее время Бурбоны имѣли обычай дарить высокимъ посѣтителямъ отрытыя въ ихъ присутствіи вещи; теперь все безъ исключенія поступаетъ въ Неаполитанскій музей.

Г. де-Петра, сверхъ ожиданія, весьма благосклонно изъявилъ согласіе на мою просьбу. Тотчасъ отданы были всѣ нужныя распоряженія. Узкимъ проходомъ прошли мы въ атріумъ дома, гдѣ должны были быть произведены раскопки. Нѣсколько дней тому назадъ часть атріума была открыта, и въ ней найденъ бронзовый ларъ. Остальная часть комнаты была покрыта отъ полу до двухъ аршинъ вышины слоемъ lapilli; рабочіе начали отгребать его съ необыкновенною легкостью. Находка одного лара указывала, что непремѣнно будетъ найденъ второй вблизи того же мѣста. Такъ и случилось. Рабочіе, начавъ раскопку съ лѣвой стороны атріума, въ одномъ мѣстѣ въ теченіе полуторыхъ часовъ нашли столько предметовъ, что ихъ не успѣвали даже записывать. Открытія слѣдовали другъ за другомъ съ необыкновенною быстротой. Большой бронзовый замокъ, двѣ петли и слѣды дыма на стѣнѣ показывали, что на этомъ мѣстѣ стоялъ деревянный шкафъ, хранившій найденныя тутъ вещи. Найдено было нѣсколько бронзовыхъ монетъ, нѣсколько глиняныхъ, весьма разнообразныхъ формъ и величины, простыхъ сосудовъ, большое число стеклянныхъ сосудовъ, нѣсколько бронзовыхъ статуэтокъ, напримѣръ Геркулеса, опирающагося на палицу, Фавна съ сосудомъ въ рукахъ, маленькаго амура и т. п. Всего замѣчательнѣе было открытіе нѣсколькихъ золотыхъ вещей, столь рѣдко находимыхъ въ Помпеѣ. Найдено было нѣсколько золотыхъ колецъ, въ томъ числѣ одно весьма массивное, пара серегъ и маленькій браслетъ. Надсмотрщики, всякій разъ когда появлялись золотыя вещи, хлопали въ ладоши и радостно восклицали: ого! ого! Когда весь уголъ былъ отрытъ, раскопки были пріостановлены, и мы отправились бродить по городу, развалины котораго доставили мнѣ столько пріятныхъ ощущеній.

Уже выше было замѣчено, что, входя въ различныя ворота Помпеи, поднимаешься на возвышенность, на которой построенъ городъ. Эту возвышенность образуетъ потокъ лавы,

который на томъ же самомъ мѣстѣ схоронилъ подъ Помпеей, въ неизвѣстныя времена, другой доисторическій городъ. Слѣды его были уже найдены и, безъ вреда для римской Помпеи, могутъ быть открываемы далѣе. Но что обѣщаютъ дальнѣйшія раскопки Помпеи? Можно ли ожидать открытія замѣчательныхъ произведеній античнаго искусства? Едва ли. Лучшая и самая богатая часть города, съ ея форумомъ, храмами, театрами и публичными зданіями, уже открыта. Въ этомъ полузасыпанномъ изверженіемъ Везувія въ 79 году по Р. Х. городѣ сами его обитатели, послѣ постигшей ихъ катастрофы, вырыли все цѣнное. Напротивъ, есть другой пунктъ, который обѣщаетъ богатую жатву художественныхъ сокровищъ—это Геркуланумъ. Уже раскопки прошлаго вѣка, производившіяся самымъ варварскимъ способомъ, доказали, сколько великихъ произведеній искусства находилось въ этомъ городѣ. Но, говорятъ, пишутъ и полагаютъ, что раскопки въ Геркуланумѣ весьма трудны, потому что городъ залитъ былъ лавой, въ которой надобно прорубаться, чтобы достичь до какого-либо предмета. Все это совершенно невѣрно. Я собственными глазами убѣдился, что Геркуланумъ былъ покрытъ пепломъ и lapilli, но только такимъ слоемъ, который былъ гораздо значительнѣе слоя, покрывшаго Помпею. Нынѣшнія раскопки въ Геркуланумѣ, производимыя десяткомъ людей, могутъ убѣдить въ томъ каждаго. Гораздо болѣе значительные результаты получились бы, еслибы сумма въ нѣсколько тысячъ франковъ, ежегодно употребляемая на раскопки въ Помпеѣ, обращена была на Геркуланумъ. Но тутъ встрѣчается другое затрудненіе. На развалинахъ этого города построены Портичи и Резина, и каждый аршинъ земли нужно отчуждать у частныхъ владѣльцевъ. Вотъ вся тайна.

18-го февраля н. ст. 1872.

[*М. Вѣд.* 20 марта 1872, № 71].

арабскихъ. Города, мѣстечки, деревни и улицы носятъ арабскія названія. Особенно много арабскихъ техническихъ выраженій перешло въ сферы садоводства и хлѣбопашества. Это явленіе объясняется тою степенью совершенства, на которую успѣли Арабы возвести эти двѣ вѣтви. То же самое разнообразіе происхожденія замѣчаешь и въ вещественныхъ памятникахъ Сициліи, которыхъ число очень значительно, а величіе и красоты составляютъ одну изъ притягательныхъ силъ, влекущихъ на этотъ очарованный островъ всякаго любителя древности и искусства.

Живя въ Палермо, невольно обращаешь вниманіе на внѣшній видъ, который имѣлъ этотъ городъ въ различные періоды своего существованія. Но изученіе топографіи древняго Палермо соединяется съ многими трудностями. Не говоря о временахъ глубокой древности, онъ даже во времена владычества Арабовъ имѣлъ видъ совершенно отличный отъ нынѣшняго. Море входило во внутренность города двумя рукавами, которые образовывали превосходныя бухты для мелкихъ судовъ. Нынѣ не видно и слѣдовъ этихъ рукавовъ; мѣсто ихъ занимаютъ улицы. Нынѣшняя физіономія города дана была ему испанцами. Временамъ ихъ владычества принадлежатъ разныя монументальныя городскія ворота, церкви, дворцы и публичныя зданія. Уже издали, приближаясь къ городу съ моря, поражаютъ взоръ многочисленные куполы странной, до тѣхъ поръ невиданной формы, и зданія съ зубчатыми стѣнами. Эти купола и зубчатыя стѣны суть памятники, предшествующіе временамъ испанскаго владычества; это остатки временъ арабскихъ и норманскихъ, изученіе которыхъ составляло главную прелесть моего пребыванія въ Палермо. Что̀ лежитъ за предѣлами этихъ временъ,—не оставило по себѣ почти никакихъ слѣдовъ въ городѣ. Тщетно археологъ будетъ искать памятниковъ Финикіянъ, Грековъ и Римлянъ въ Палермо: они исчезли безъ слѣда, и только въ новѣйшія времена удалось открыть остатки римскаго зданія, которые доказываютъ, что и на этой

почвѣ Римляне умѣли оставить по себѣ памятникъ, достойный ихъ славнаго имени.

Но покинемъ на мгновеніе памятники Палермо и посѣтимъ сперва его музей, въ высшей степени замѣчательный. Моимъ руководителемъ по нему былъ высокообразованный профессоръ Палермскаго университета А. Салинасъ, извѣстный своимъ прекраснымъ сочиненіемъ о сицилійскихъ монетахъ. Музей не великъ, особенно послѣ музеевъ Рима и Неаполя, но въ немъ хранятся нѣсколько драгоцѣнныхъ произведеній искусства. Отличительная черта его состоитъ въ томъ, что эти сокровища — чисто мѣстнаго происхожденія. Они были найдены на почвѣ Сициліи и свидѣтельствуютъ о состояніи пластическихъ искусствъ на этомъ островѣ въ эпохи, предшествующія памятникамъ Палермо. Въ настоящее время эти памятники искусства разставляются по назначеннымъ имъ мѣстамъ; многое еще сложено въ ящикахъ и не можетъ быть разсматриваемо: музей находится въ переходномъ состояніи. Онъ помѣщался сперва въ зданіи университета, но теперь перенесенъ въ упраздненный монастырь dei Filippini all' Olivella. Это помѣщеніе не совсѣмъ пригодно для храненія памятниковъ искусства, но всѣ неудобства забываешь въ виду сокровищъ, находящихся передъ глазами. Многое не размѣщено также съ надлежащимъ вкусомъ и умѣньемъ; вѣроятно, послѣдующая администрація исправитъ эти недостатки. Особенно это замѣчаніе относится къ двумъ греко-финикійскимъ саркофагамъ изъ мрамора, найденнымъ въ концѣ XVII вѣка недалеко отъ Палермо, въ мѣстечкѣ, которое теперь называется Cannita. Тамъ нѣкогда находилось финикійское поселеніе, а позднѣе выстроенъ былъ сарацинскій зáмокъ, называвшійся Kasr-Sâd. Форму своихъ саркофаговъ Финикіяне заимствовали у Египтянъ, но позднѣе, подъ вліяніемъ греческаго искусства, стали сохранять черты покойниковъ, изображенныхъ на крышахъ этихъ саркофаговъ. Невольно сравниваешь эти рѣдкіе памятники съ финикійскими саркофагами Луврскаго музея,

привезенными г. Ренаномъ изъ Сиріи *). Тотъ же народъ на различныхъ пунктахъ, въ метрополіи и колоніяхъ, вращается въ одинаковыхъ формахъ.—Древнѣйшими памятниками греческаго ваянія, послѣ Микенскихъ львовъ, являются метопы трехъ храмовъ, развалины которыхъ принадлежатъ одному изъ древнѣйшихъ греческихъ поселеній въ Сициліи — Селинунту. Эти метопы настояніями Коммиссіи Древностей достойнымъ образомъ поставлены въ большой залѣ, въ архитектурной рамкѣ, первоначально ихъ окружавшей. Въ такомъ видѣ они производятъ то впечатлѣніе, которое имѣли въ виду художники, ихъ создавшіе. Три храма Селинунта, которыхъ они служили украшеніемъ, принадлежатъ различнымъ временамъ первой эпохи греческаго ваянія. Въ древнѣйшихъ трехъ метопахъ хотя есть художественное чувство, но цѣлое еще дѣтски не развито, формы безобразны и раскраска сильно помогаетъ ваянію. Въ метопахъ третьяго храма (второй слишкомъ плохо сохранился) уже виденъ неимовѣрный шагъ впередъ; фигуры почти уже изящны, и чтобы подойти еще ближе къ идеалу красоты, ваятель у женскихъ фигуръ всѣ обнаженныя части тѣла, какъ-то: голову, руки, ноги, приставилъ и изваялъ изъ мрамора [1]). Затѣмъ въ Палермскомъ музеѣ достойныхъ образцовъ временъ высшаго развитія греческаго ваянія со временъ Фидія, Скопаса, Праксителя и Лисиппа изъ Сициліи нѣтъ. Но реалистической школѣ скульптуры лучшихъ временъ греческаго искусства принадлежитъ бронзовый баранъ, какъ говорятъ, украшавшій портъ города Сиракузъ. Я не знаю изображенія животнаго въ древнемъ искусствѣ, кромѣ коня Ночи въ Парѳенонѣ, которое стояло бы выше его. Затѣмъ въ музеѣ находится собраніе статуй и рельефовъ, большею частію рим-

*) См. объ этомъ предметѣ мою статью: *Восточное и древне-греческое искусство*, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Апрѣль, 1871 г.

[1]) [Все остальное изваяно изъ менѣе благороднаго туфоваго известняка, обыкновенно употреблявшагося древнѣйшими ваятелями. *Щ*.].

скаго происхожденія, прекрасныхъ вазъ, открытыхъ въ Сициліи, монетъ и т. д. [1]).

Картинная галлерея музея состоитъ преимущественно изъ произведеній туземныхъ художниковъ, каковы: Bartolomeo Camilio, Vincenzo Anemolo, Novelli и т. д. Никто въ этомъ собраніи, конечно, не станетъ отыскивать мастерскихъ произведеній школъ живописи сѣверной Европы, а между тѣмъ она содержитъ перлъ старинной фламанской школы. Это — триптихъ, изумительный по исполненію и сохранности, который изображаетъ Мадонну съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, окруженныхъ музицирующими ангелами, свв. Екатерину и Елисавету. Всѣ эти лица сидятъ въ превосходныхъ ландшафтахъ подъ богатыми готическими балдахинами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ баронъ Мальванья, въ фамиліи котораго картина сохранялась нѣсколько столѣтій, принесъ ее въ даръ музею, полагая, что она — произведеніе Alberto Duro (Дюрера), не высоко уважаемаго въ Италіи. Боннскій профессоръ Шпрингеръ первый обратилъ вниманіе на ея достоинства, и съ тѣхъ поръ она составляетъ предметъ удивленія всѣхъ посѣтителей музея. Но Шпрингеръ ошибочно приписалъ ее Ванъ-Эйку: она позже временъ этого великаго живописца, но, безъ сомнѣнія, вышла изъ его школы. Авторъ ея остается до сихъ поръ неизвѣстенъ. Антверпенская или Брюссельская картинныя галлереи покрыли бы ее золотомъ, если бы она могла поступить въ ихъ владѣніе.

Изъ памятниковъ римскихъ временъ въ Палермо сохранились основанія какого-то зданія, недавно открытыя на площади противъ королевскаго дворца, гдѣ въ древности находился акрополь этого города. Въ этой загадочной постройкѣ двѣ комнаты украшены мозаичными полами съ многочисленными изображеніями, изъ коихъ нѣкоторыя могутъ соперничать съ извѣстною «Битвою Александра Великаго съ Персами»,

---

[1]) [*A. Salinas*, Guida popolare del Museo Nazionale di Palermo, P. 1882. *Щ.*].

найденною въ Помпеѣ. Этотъ скудный остатокъ — единственный слѣдъ Римлянъ въ Палермо. Напротивъ, городъ сохранилъ еще многочисленные памятники сарацинскихъ и норманскихъ временъ. Правда, вопросъ о сарацинскомъ или норманскомъ времени происхожденія нѣкоторыхъ памятниковъ— спорный, но цѣлый рядъ зданій носитъ на себѣ яркую печать арабскаго вліянія. Таковы замки Циза, Куба съ ея павильономъ Кубола, Ла Фавара или Mardolce съ восточными банями, и, наконецъ, зáмокъ въ мѣстечкѣ Altarello di Baidà. Сюда должно также отнести дворецъ, находящійся въ нынѣшнемъ зданіи Академіи художествъ. Съ особымъ любопытствомъ отыскивалъ я слѣды мусульманскаго владычества въ Палермо, но это отыскиваніе было сопряжено со множествомъ затрудненій. Веттурины не знали дорогъ къ этимъ памятникамъ, а жители Altarello di Baidà даже долгое время совѣщались о томъ, гдѣ лежитъ арабскій зáмокъ, пока не явился старикъ, тридцать лѣтъ тому назадъ посѣщавшій эти развалины съ герцогомъ Серра ди Фалько, авторомъ извѣстнаго сочиненія: Antichità di Sicilia. Я глубоко огорченъ тѣмъ страшнымъ запущеніемъ, въ которомъ находятся нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ. Такъ прекрасный зáмокъ Куба, любимое мѣстопребываніе Вильгельма Добраго и Фридриха II, превращенъ въ темницу для нижнихъ военныхъ чиновъ, и зловоніе, господствующее во внутреннемъ дворѣ, не позволяетъ разсматривать детали мавританской архитектуры, здѣсь сохранившіеся. Ла Фавара и зáмокъ въ Altarello di Baidà будутъ скоро представлять груду камней... Если правительственная Коммиссія Древностей въ надлежащую пору не обратитъ на нихъ вниманія, то Палермо лишится самыхъ характеристическихъ памятниковъ своего прошлаго.

Стиль сицилійско-норманскихъ памятниковъ представляетъ странное смѣшеніе элементовъ византійскихъ, арабскихъ и норманскихъ. Все, чтò только искусство этого періода могло изобрѣсти великолѣпнаго, пошло на сооруженіе трехъ церквей:

Марторины, капеллы Палатинской и собора въ Монреале. Мозаики на золотомъ фонѣ, покрывающія ихъ стѣны, исполненныя большею частію византійскими художниками, драгоцѣнны для исторіи византійскаго искусства. Но я боюсь затрогивать этотъ предметъ, иначе письмо мое утомитъ читателей.

Палермо нашихъ дней есть городъ процвѣтающій и безпрерывно прогрессирующій: прежнія стѣны, стѣснявшія его, пали; новые и весьма красивые кварталы возникаютъ со всѣхъ сторонъ. Въ нихъ строятся частныя зданія, окруженныя прелестными садами. Желѣзныя дороги скоро соединятъ городъ со всѣми значительными пунктами острова. Путешественники, пріѣзжающіе сюда на зиму, которую по всей справедливости слѣдуетъ назвать сѣвернымъ лѣтомъ, такъ многочисленны, что намѣреваются построить новую громадную гостиницу. Съ матеріальнымъ процвѣтаніемъ города идутъ рука объ руку и высшіе интересы науки и литературы. Число изданій, вышедшихъ въ Палермо въ послѣднее время и касающихся исторіи, народной поэзіи и древностей Сициліи, весьма значительно. Услуги, оказываемыя патріотизмомъ книгопродавца Педоне-Лауріель, не могутъ быть обойдены молчаніемъ.

Одною изъ интереснѣйшихъ экскурсій, сдѣланныхъ мною въ окрестностяхъ Палермо, было посѣщеніе развалинъ римскаго города Солунта. Онѣ лежатъ на В. отъ Палермо, въ 10 миляхъ отъ города, на высокой горѣ Катальфано. Нѣкогда на этомъ мѣстѣ возвышалось финикійское поселеніе, затѣмъ греческій городъ Soleis и наконецъ римскій Солунтъ. Часть развалинъ послѣдняго разрыта въ послѣдніе годы стараніями Коммиссіи Древностей. По древней дорогѣ входишь на вершину горы, откуда открывается великолѣпный ландшафтъ, и съ удивленіемъ находишься среди развалинъ, которыя палермцы не безъ гордости называютъ «своею Помпеею». Длинныя и отлично вымощенныя улицы и переулки, дома съ мозаичными полами и фресками, общественныя зданія, — все находится здѣсь, все носитъ печать римскихъ временъ; но

вмѣстѣ съ тѣмъ частныя жилища построены по иному плану, чѣмъ помпейскія. Фрески на стѣнѣ одного дома — удивительной силы и блеска красокъ. Но въ особенности я былъ пораженъ крутизною поперечныхъ улицъ, тянущихся со скатовъ горы къ продольнымъ улицамъ: спускъ съ нихъ сопряженъ съ опасностью жизни. Исторія Солунта почти неизвѣстна: когда и кѣмъ разрушенъ городъ — не знаютъ, и даже какому времени принадлежатъ настоящія развалины—точно не опредѣлено.

Намѣреваясь объѣхать вокругъ Сициліи, я изъ Палермо хотѣлъ посѣтить развалины городовъ Сегесты и Селинунта, но неожиданно встрѣтилъ непріятное препятствіе. Какъ въ солнцѣ, такъ и въ Сициліи есть свои пятна. Такое пятно — разбойничество. Особенною небезопасностью дорогъ отличаются провинціи Палермо, Трапани и Джирдженти. Проникать въ столь безлюдныя пустыни, какъ окрестности двухъ вышеназванныхъ городовъ, мнѣ сильно отсовѣтывали въ Палермо. Года три-четыре тому назадъ даже ближайшія окрестности Палермо были такъ небезопасны отъ разбойничества, что нельзя было посѣщать ни Монреале, ни Монте Пеллегрино. Съ глубокимъ сожалѣніемъ пришлось мнѣ отказаться отъ задуманной мысли видѣть греческія развалины двухъ интереснѣйшихъ городовъ Сициліи и ѣхать на пароходѣ моремъ въ древній Акрагантъ (Агригентъ, нынѣ Джирдженти). Это сожалѣніе усилено было еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ настоящее время извѣстный археологъ Каваллари производитъ въ Селинунтѣ раскопки, гдѣ ему посчастливилось открыть сотни греческихъ вазъ и остатки театра.

9-го Марта н. ст. 1872.

XIII.

ИЗЪ ДЖИРДЖЕНТИ.

Рано утромъ, въ прекрасную погоду, оставилъ я Палермо. По мѣрѣ того какъ пароходъ огибалъ сѣверо-западный берегъ Сициліи, горы становились менѣе громадны, а берегъ болѣе и болѣе плоскимъ. Чѣмъ далѣе ѣхали мы, тѣмъ сильнѣе дулъ восточный вѣтеръ, здѣсь называемый греко-ливанскимъ. Въ три часа послѣ обѣда мы прибыли въ большую превосходную гавань города Трапани. Этотъ городокъ (древній Дрепанонъ) простирается у подножія одиноко стоящей громадной горы Монте-Санъ-Джуліано, которая въ древности называлась Эриксъ и славилась храмомъ Афродиты, возвышавшимся на ея вершинѣ. Въ Трапани капитанъ парохода получилъ телеграмму, извѣщавшую его, что море у южнаго берега Сициліи очень безпокойно и нѣтъ возможности пристать къ какому-либо пункту. На всемъ означенномъ пространствѣ, отъ Трапани до Сиракузъ, въ настоящее время нѣтъ столь обширной и безопасной гавани, куда могъ бы войти пароходъ. При хорошей погодѣ пароходы останавливаются въ виду разныхъ мѣстъ южнаго берега, къ нимъ приближаются лодки и принимаютъ пассажировъ и товары. При

дурной погодѣ поступаютъ совершенно иначе: пароходъ останавливается въ вѣрной пристани и пережидаетъ. Такъ поступилъ и капитанъ нашего парохода. Вы видите, что итальянскіе мореплаватели нашихъ дней очень осторожны... Два дня мы стояли въ гавани Трапани: море очень волновалось, дулъ сильный вѣтеръ и по временамъ шелъ дождь. Въ ясныя минуты мы съ палубы смотрѣли, какъ въ гавани нагружаютъ барки съ солью, добываемою въ окрестностяхъ Трапани. Съ сожалѣніемъ глядѣлъ я въ даль: густой туманъ скрывалъ отъ взоровъ гору Эриксъ, которая достойна посѣщенія. На вершинѣ ея еще видны остатки славнаго храма и древнихъ городскихъ стѣнъ, изумительныхъ по конструкціи. Погода мѣшала всякой экскурсіи. На третье утро пароходъ опять пошелъ въ море, и послѣ обѣда мы прибыли въ «Портъ Эмпедокла», мѣстечко, лежащее въ пяти миляхъ отъ города Джирдженти— цѣли нынѣшняго моего путешествія. Складочные магазины хлѣба и сѣры составляютъ значительную часть его зданій. Только на другое утро могъ я найти экипажъ, который долженъ былъ употребить цѣлый часъ, чтобы взобраться на страшно высокую гору, на которой построенъ нынѣшній Джирдженти (у Грековъ—Акрагантъ, у Римлянъ—Агригентъ).

Если кто-либо, не посѣтившій Греціи, желаетъ ознакомиться съ древне-греческимъ искусствомъ и произведеніями высшихъ эпохъ его процвѣтанія, тотъ долженъ посѣтить Акрагантъ и Сиракузы. Развалины этихъ двухъ сицилійскихъ городовъ составляютъ одно цѣлое, потому что взаимно пополняютъ другъ друга. Въ одномъ видны остатки храмовъ и частныхъ домовъ, въ другомъ—остатки единственной въ своемъ родѣ крѣпости, театра и безчисленное множество гробницъ. И надъ всѣмъ этимъ міромъ развалинъ паритъ геній чисто еллинской красоты, запечатлѣвающій дивною простотой и величіемъ каждое произведеніе.

Впрочемъ городъ Джирдженти далеко не занимаетъ всего мѣстоположенія древняго Акраганта. Онъ построенъ тамъ, гдѣ

находился акрополь древняго города, то-есть на самой значительной изъ горныхъ возвышенностей, на которыхъ расположенъ былъ Акрагантъ. У южнаго подножія акрополя простирается обширная плоская возвышенность, съ трехъ сторонъ круто спускающаяся въ низменность. На этой-то возвышенности, нынѣ покрытой полями и цвѣтущими садами, лежалъ собственно греческій городъ. На неприступной высотѣ стояла крѣпость со священными храмами Зевса Атабирія и Аѳины; внизу, но тоже на значительной высотѣ, раскинутъ былъ городъ гражданъ необыкновенно богатыхъ, пышныхъ и сластолюбивыхъ. Когда античный міръ погибъ, то въ воинственные вѣка вся жизнь сосредоточилась на акрополѣ. Тамъ находился арабскій городъ Джирджентъ и до сегодняшняго дня стоитъ тамъ Джирдженти. Слѣдовъ греческаго акрополя тамъ осталось мало: сохранились только основанія одного весьма древняго дорическаго храма. Самый городъ Акрагантъ былъ преданъ забвенію; его развалины покрыла земля, по которой началъ ходить плугъ земледѣльца. Только на южной окраинѣ города возвышается рядъ храмовыхъ построекъ, свидѣтельствующихъ о благочестіи, богатствѣ и художественномъ вкусѣ жителей Акраганта. Этотъ рядъ храмовъ выстроенъ въ строгомъ дорическомъ стилѣ почти одновременно, въ высшую эпоху процвѣтанія Акраганта, въ V столѣтіи до Рождества Христова, послѣ блестящей побѣды, одержанной надъ Карѳагенянами. Имена, подъ которыми они нынѣ извѣстны, даны имъ въ новѣйшее время совершенно произвольно и безъ всякаго основанія, за исключеніемъ лишь одного изъ нихъ. Рядъ ихъ начинается съ юго-восточнаго угла города живописными развалинами храма Юноны Лацинійской; 16 колоннъ съ частью архитрава стоятъ еще на своихъ мѣстахъ. Внутри зданія есть слѣды пожара, а чего не разрушила рука человѣка, то повергли землетрясенія. На восточной сторонѣ предъ храмомъ видны остатки громаднаго алтаря, на которомъ, вѣроятно, приносились гекатомбы богинѣ. Подобнаго сооруженія

я не встрѣчалъ нигдѣ. Далѣе, по направленію къ западу, стоитъ прекрасный храмъ Конкордіи, чудесно сохранившійся. Недостаетъ только крыши, а то въ немъ можно было бы совершать богослуженіе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ и былъ превращенъ въ христіанскую церковь, которая сперва посвящена была св. Петру, а потомъ св. Григорію delle Rape. Только недавно ему возвращенъ былъ прежній видъ. Но потребности христіанскаго культа произвели въ его архитектурѣ измѣненія: въ стѣнахъ целлы пробитъ былъ рядъ аркадъ, совершенно не соотвѣтствующихъ первоначальному плану языческаго храма. Даже простой туристъ будетъ пораженъ гармоніей пропорцій этого зданія, спокойнымъ величіемъ и красотой его формъ. Само собою разумѣется, что греческій храмъ не имѣетъ ничего общаго съ римскимъ божествомъ, котораго имя дали ему новѣйшіе мѣстные ученые; но какому божеству посвятили его Греки, мы не знаемъ. Затѣмъ далѣе лежатъ развалины величественнаго храма Геркулеса. Только одна колонна его стоитъ на мѣстѣ; другія, какъ гиганты, лежатъ одна возлѣ другой, поваленныя рукою человѣка. За этою чудесною развалиной, въ скалѣ, на которой стоятъ храмы, вырублены были ворота, которыя вели изъ города къ морю. Обогнувъ ихъ, снова подымаешься на плоскую возвышенность, на которой стоялъ древній городъ, и тотчасъ глазу представляется зрѣлище, единственное въ мірѣ: это развалины громаднѣйшаго храма древности послѣ храма Артемиды въ Ефесѣ, — развалины храма Зевса Олимпійскаго въ Акрагантѣ. Ничто не можетъ дать представленія о величинѣ этихъ развалинъ: обломки архитравовъ, триглифовъ съ метопами и полуколоннъ нагромождены подобно утесамъ. Цѣлыя поля заняты камнями этой постройки, несмотря на то, что громадная часть матеріала пошла на устройство мола Джирдженти. Посреди целлы лежитъ одинъ изъ теламоновъ, поддерживавшихъ крышу этого зданія: ростъ его колоссаленъ. Но, кромѣ гигантскихъ своихъ размѣровъ, храмъ Зевса замѣчателенъ и въ архитектурномъ

отношеніи: онъ былъ весь обнесенъ стѣной, которая снаружи была украшена полуколоннами, а внутри пилястрами. Много трудностей представляетъ вопросъ объ устройствѣ его целлы; о томъ спорили многіе ученые. За храмомъ Зевса Олимпійскаго въ небольшомъ разстояніи находится изящный остатокъ храма Кастора и Поллукса. Городская стѣна со множествомъ гробницъ, находящихся на внутренней ея сторонѣ, опоясываетъ этотъ рядъ храмовъ, выстроенныхъ въ одномъ направленіи, и ничто не можетъ быть живописнѣе того вида, который они представляютъ снизу, въ долинѣ, омываемой двумя рѣками. И это далеко не всѣ храмы древняго Акраганта; много другихъ небольшихъ разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ города. Таковы храмы Цереры и Прозерпины, Вулкана, Эскулапа и т. д. Каждый, посѣщающій развалины Акраганта, вынесетъ что-либо для себя поучительное, а тѣмъ болѣе спеціалистъ-архитекторъ будетъ изучать ихъ формы и размѣры, археологъ—устройство целлъ. Недавно, въ 1864 году, среди этихъ развалинъ были открыты даже остатки древне-греческаго частнаго дома; вотъ новое средство для сравнительнаго изученія устройства частныхъ жилищъ у древнихъ по развалинамъ въ Помпеѣ, Геркуланумѣ, Солунтѣ и Акрагантѣ.

На западъ отъ города живыхъ простирался некрополь или «городъ мертвыхъ», имѣвшій весьма значительные размѣры. Множество художественныхъ сокровищъ хранятъ нѣдра земли въ этомъ мѣстѣ. Одно высшее духовное лицо семь лѣтъ производило раскопки въ некрополѣ Акраганта, и собраніе вазъ, здѣсь найденныхъ, продано покойному Людвигу, королю Баварскому, для Мюнхенскаго музея. Именно, гробницы Акраганта очень богаты превосходными вазами, обыкновенно называемыми этрусскими. Говорятъ, что въ Джирдженти нѣтъ богатаго дома, который не имѣлъ бы древностей, найденныхъ въ этихъ гробницахъ. Рѣдкій случай къ открытію множества новыхъ гробницъ представился недавно. По некрополю проводили желѣзную дорогу. Пять мѣсяцевъ работали рабочіе, пока

до правительственныхъ лицъ дошли слухи, что рабочіе продаютъ тайкомъ множество вещей, открытыхъ въ гробницахъ. Приставили надсмотрщиковъ за раскопками, но такъ какъ имъ не назначили жалованья, то они были заодно съ находчиками и помогали имъ сбывать найденное. Въ Джирдженти разсказываютъ, что множество вещей раскуплено иностранцами-путешественниками и своими; въ городской музей поступила только весьма незначительная часть. Говорятъ о какомъ-то конѣ изъ золота, вѣсившемъ два фунта. Вѣроятно это былъ портретъ одного изъ коней-побѣдителей на скачкахъ, которымъ такъ гордились Акрагантинцы. Я самъ видѣлъ большую расписную вазу превосходной сохранности, которая могла бы служить украшеніемъ любому музею. Всего болѣе жаль, что эти раскопки пропали безъ всякой пользы для науки: никто не записалъ ни числа открытыхъ гробницъ, ни особенностей погребальныхъ обрядовъ жителей Акраганта, ни даже въ какомъ порядкѣ найдены были открытыя вещи, и драгоцѣнные факты потеряны безвозвратно. Это равнодушіе мѣстныхъ ученыхъ изумительно.

Такъ древній Акрагантъ сохранилъ для насъ храмы и жилища древнихъ Грековъ и, можетъ быть, много остатковъ ихъ домовъ и дворцовъ скрыто подъ землей. Иначе въ Сиракузахъ.

24 Марта н. ст. 1872.

[*М. Вѣд.* 29 апр. 1872, № 105].

XIV.

ИЗЪ СИРАКУЗЪ.

Переѣхать изъ Джирдженти въ Сиракузы—не легкое дѣло. Море въ настоящее время очень бурно, и пароходъ не приходитъ въ назначенный день; ѣзда въ почтовомъ дилижансѣ или нанятой коляскѣ утомительна, потому что экипажи, дороги и гостинницы внутри Сициліи носятъ на себѣ еще весьма первобытный характеръ. Нечего было дѣлать; нужно было рѣшиться на этотъ второй способъ передвиженія. Въ дождливую погоду, рано утромъ, оставилъ я Джирдженти и въ почтовой каретѣ, гдѣ съ трудомъ помѣщаются шесть человѣкъ, пустился въ путь. Великолѣпные горные ландшафты смѣнялись одинъ другимъ, но постепенно становились диче и печальнѣе: мы приближались къ округамъ, гдѣ находятся богатыя сѣрныя копи. По всей дорогѣ встрѣчаешь караваны муловъ, запряженныхъ въ двухколесныя телѣжки, на которыхъ лежитъ сѣра въ большихъ четвероугольныхъ кускахъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ городъ Кальтанизетту, остановились въ лучшей, но не совершенно чистой гостиницѣ, вели долгіе переговоры съ веттуринами и ночью, въ два часа, въ нанятой коляскѣ снова отправились въ путь. Природа внутри

Сициліи величественна. Шоссейная дорога идетъ безпрерывно по горамъ, то подымаясь, то спускаясь по нимъ. Крутые обрывы безчисленны. По мѣрѣ приближенія къ какому-либо мѣстечку, окрестность становится пріятнѣе и веселѣе; вездѣ сады и виллы; растительность самая роскошная. Но всего болѣе поразила меня конической формы гора въ 884 метра высоты, на вершинѣ которой лежитъ городъ Кастроджіованни (у древнихъ Энна). На этой страшной высотѣ нѣкогда находился великолѣпный храмъ Деметры, но отъ него, равно какъ и отъ греческаго города, не осталось слѣдовъ; теперь тамъ еще живутъ около 15,000 человѣкъ. По трудной дорогѣ спускаешься въ долину и наконецъ достигаешь станціи Леонфорте, гдѣ спокойный вагонъ восточной желѣзной дороги принимаетъ путешественника и везетъ къ цѣли давнихъ мечтаній, къ развалинамъ Сиракузъ.

Въ древности Сиракузы имѣли огромный объемъ и состояли изъ пяти городовъ: Ортигіи, лежавшей на островѣ, и четырехъ другихъ, находившихся на твердой землѣ, а именно: Ахрадины, Тихи, Неаполя и Эпиполъ. Могущество этого громаднаго города, роль, которую онъ игралъ въ исторіи, характеръ тиранновъ, имъ управлявшихъ, всѣмъ извѣстны. Этому историческому значенію соотвѣтствуютъ и памятники, послѣ него оставшіеся. Они доказываютъ, что Сиракузы были обширнымъ и многолюднымъ городомъ не только въ греческую эпоху, но и подъ владычествомъ Римлянъ и въ первыя времена христіанства. Только большую часть этихъ памятниковъ должно отыскивать не на поверхности земли, а подъ землей глубоко въ ея нѣдрахъ. Именно, городъ живыхъ исчезъ почти безъ всякихъ слѣдовъ. Тщетно по цѣлымъ часамъ будешь ходить по пустыннымъ полямъ и искать остатковъ храмовъ и публичныхъ зданій. Отъ нихъ не уцѣлѣло и камня. Глазъ встрѣчаетъ только одну каменистую степь. Не знающій даже не догадается, что ходитъ по исторической почвѣ. Цицеронъ оставилъ намъ прекрасное описаніе города въ римскую эпоху:

ни одно изъ зданій, имъ упоминаемыхъ, ни храмы, ни дворецъ преторовъ, ни пританей, ни курія, ни гимназія не существуютъ. Исчезновеніе непонятное, необъяснимое! Пусть говорятъ, что матеріалы древнихъ Сиракузъ пошли на построеніе разныхъ новыхъ сосѣднихъ городовъ и крѣпостей, сооруженныхъ Карломъ V на островѣ Ортигіи; но что городъ, для сооруженія котораго были изсѣчены громадныя латоміи, поражающія каждаго посѣтителя Сиракузъ, не оставилъ по себѣ даже фундаментовъ главнѣйшихъ зданій—истинно непонятно. Въ другихъ мѣстахъ есть надежда найти развалины древнихъ зданій подъ поверхностью земли. Въ Сиракузахъ и этой надежды не можетъ быть: утесъ, на которомъ построенъ былъ городъ, лежитъ теперь обнаженный подъ открытымъ небомъ, и на немъ нѣтъ камня на камнѣ.

Нынѣшній городъ Сиракузы весь съежился и помѣстился на небольшомъ островѣ Ортигіи, колыбели древнихъ Сиракузъ. Здѣсь сохранились еще два греческіе храма, Аѳины и Артемиды. Первый обязанъ своимъ сохраненіемъ тому обстоятельству, что рано превращенъ былъ въ христіанскую церковь (нынѣ каѳедральный соборъ), но при этомъ сильно передѣланъ. Развалины другого весьма незначительны. Грустное впечатлѣніе производятъ эти двѣ величественныя колонны, жалкіе остатки храма Зевса Олимпійскаго, лежавшаго за предѣлами города на возвышенности, у подножія которой течетъ рѣка Анапъ, славящаяся до сихъ поръ дико растущимъ на ней папирусомъ. Но за то два изумительные памятника греческаго города сохранились въ древней крѣпости и театрѣ Сиракузъ. Крѣпость Эвріалъ, образующая крайнюю сѣверозападную оконечность самой возвышенной части древняго города, есть чудо античнаго военнаго искусства. Она имѣетъ форму продолговатаго четвероугольника съ четырьмя башнями по угламъ, два глубокіе рва, четыре магазина и множество подземныхъ ходовъ, вырубленныхъ въ скалѣ и поддерживавшихъ сообщенія крѣпости съ городомъ. Отсюда тираннъ Діонисій I окружилъ Сира-

кузы громадными стѣнами, которыхъ направленіе еще можно прослѣдить на всемъ ихъ протяженіи. Театръ, по древне-греческому обычаю, устроенъ подъ открытымъ небомъ, и зрительскія мѣста, отчасти отлично сохранившіяся, вырублены въ скалѣ. Греческія надписи называютъ имена разныхъ отдѣленій театра. Зданіе сцены было совершенно разрушено при Карлѣ V и матеріалы его пошли на построеніе крѣпости, нынѣ столь безполезной. Но и самый планъ этой разрушенной сцены поучителенъ для археолога. Весьма интересны также остатки сооруженія, извѣстнаго подъ именемъ «алтарь Гіерона». Даже отъ Сиракузъ римскихъ временъ сохранились остатки. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ амфитеатръ весьма значительныхъ размѣровъ, за тѣмъ писцина, термы и другія сооруженія подобнаго рода.

Но что̀ по истинѣ составляетъ изумленіе всѣхъ путешественниковъ нашихъ дней, посѣщающихъ Сиракузы, такъ это остатки подземнаго города, созданнаго Греками, но имъ незнакомаго. Эти остатки извѣстны подъ именемъ «латомій». Такъ называются подземныя каменоломни, изъ которыхъ Греки брали камни для всѣхъ своихъ построекъ. Глубоко въ нѣдрахъ земли вырубали они громадные залы и корридоры и изъ добытаго такимъ образомъ превосходнаго камня строили свои храмы, публичныя зданія и дома. Военноплѣнные и преступники производили эту трудную работу. Два или три столѣтія тому назадъ сильныя землетрясенія обрушили потолки этихъ подземныхъ залъ и обнаружили Божьему свѣту зіяющія пропасти изумительной обширности, находившіяся подъ ногами древнихъ Грековъ. Рука человѣческая воспользовалась этими пропастями и развела въ нихъ сады, чарующіе каждаго путешественника. Такихъ латомій въ Сиракузахъ много. Однѣ изъ нихъ славятся обширностью и живописностью, какъ напримѣръ латомія капуциновъ; другія, какъ латомія del Paradiso, своими акустическими особенностями. «Ухо Діонисія» извѣстно всему міру.

Другое чудо подземныхъ Сиракузъ суть христіанскія катакомбы, свидѣтельствующія о раннемъ распространеніи христіанской вѣры въ этомъ многолюдномъ городѣ. Устройствомъ своимъ онѣ во многомъ различествуютъ отъ римскихъ: онѣ заложены по болѣе обширному плану и имѣютъ весьма значительные размѣры. Объемъ ихъ далеко не извѣстенъ, потому что дальніе корридоры завалены землей. Въ доселѣ доступныхъ частяхъ памятники живописи весьма немногочисленны. Нельзя не пожалѣть, что сиракузскія катакомбы до сихъ поръ не нашли своего Дж. Б. де-Росси.

Столь же изумительно число языческихъ гробницъ, покрывающихъ почву Сиракузъ. Двѣ улицы гробницъ, изъ которыхъ одна тянулась между Ахрадиною и Неаполемъ, а другая шла къ театру, усѣяны ими. Но этого не достаточно. На каждомъ шагу встрѣчаешь гробницу. Онѣ вырублены въ каждомъ выступѣ скалы. Подъ каждымъ домомъ въ нижней Ахрадинѣ находится семейный склепъ, надъ которымъ возвышалось жилище живыхъ. Сиракузы — громаднѣйшее кладбище въ мірѣ, хотя множество гробницъ уничтожено въ новѣйшее время. Такъ, при постройкѣ шоссейной дороги въ Катанію срубили всѣ гробницы, мѣшавшія проложенію дороги.

Какъ Джирдженти, такъ и Сиракузы имѣютъ музеи. Каждый изъ нихъ помѣщается въ одной залѣ. Первый еще очень не богатъ, но второму уже тѣсно въ его настоящемъ помѣщеніи. Славу послѣдняго составляетъ мраморная статуя Венеры — варіантъ Медицейской. Необыкновенный интересъ изученію послѣдняго придаетъ множество неописанныхъ и неизданныхъ памятниковъ, въ немъ находящихся. Онъ очень богатъ терракотами, и собраніе лампъ какъ языческихъ, такъ и христіанскихъ, въ немъ превосходное. Число послѣднихъ доходитъ до 200.

Нынѣшніе города Джирдженти и Сиракузы представляютъ большую противоположность. Джирдженти прогрессируетъ, и весьма замѣтно. Въ немъ идетъ значительная торговля. Городъ

строитъ громадную гавань, проводитъ дорогу, устраиваетъ газовое освѣщеніе, общественную прогулку и т. п. Сиракузы, кажется, обречены на тихую смерть. Желѣзная дорога не подняла значенія города; громадный и превосходный портъ, нѣкогда вмѣщавшій въ себѣ цѣлые флоты, стоитъ пустымъ. Все тихо, какъ въ могилѣ. Не стѣсняютъ города крѣпостныя стѣны; иначе онъ, какъ прадѣдъ, переселился бы на твердую землю: тамъ много мѣста. Съ великимъ прошлымъ и печальнымъ настоящимъ удивительно гармонируетъ природа Сиракузъ: линіи ея ландшафта просты и величественны, и когда глядишь на этотъ міръ гробницъ, душою овладѣваетъ безконечная грусть...

8-го Апрѣля н. ст. 1872 г.

[*Моск. Вѣд.* 15 мая 1872, № 120].

XV.

ИЗЪ КАТАНІИ И МЕССИНЫ.

Отъ Сиракузъ до Мессины, вдоль всего восточнаго берега Сициліи, въ настоящее время сооружена желѣзная дорога, которая принадлежитъ къ числу живописнѣйшихъ въ мірѣ. Съ одной стороны простирается прекрасно-голубое и необъятное Средиземное море, съ другой возвышаются горы, въ числѣ которыхъ грозная и могучая Этна, одинокая, подобно колоссу, возвышаетъ свою снѣжную главу. Желѣзная дорога и соединенныя съ нею удобства привлекаютъ много путешественниковъ въ восточную Сицилію. Туристы обыкновенно изъ Неаполя ѣдутъ въ Палермо, а изъ Палермо на пароходѣ въ Мессину, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть желѣзная дорога. Они выносятъ впечатлѣнія, схожія съ впечатлѣніями остальныхъ частей Европы. Греческія древности Сициліи и оригинальныя черты этой страны въ ея природѣ, нравахъ и обычаяхъ остаются имъ неизвѣстны.

Странно, послѣ всего видѣннаго въ Сициліи, встрѣтить на этомъ концѣ ея два самые многолюдные, богатые и кра-

сивые послѣ Палермо города, на которыхъ лежитъ печать новаго времени. Революціи природы и людей такъ измѣнили ихъ физіономіи, что въ Катаніи и Мессинѣ почти не найдешь слѣдовъ прошлой ихъ жизни. Археологъ можетъ безъ зазрѣнія совѣсти оставить ихъ въ сторонѣ и развѣ только для отдыха отъ совершеннаго пути провести въ нихъ нѣсколько дней.

Особенно Катанія носитъ на себѣ печать города, всѣ главнѣйшія зданія котораго выстроены въ прошломъ столѣтіи. Городъ сильно потерпѣлъ отъ страшнаго изверженія Этны въ 1669 году, отчасти залившаго его лавой, которая потекла въ море и сузила портъ, а еще болѣе отъ гибельнаго землетрянія 1693 года. Катанію пришлось перестроить, и въ самомъ дѣлѣ ее перестроили, сообразуясь съ господствовавшимъ тогда вычурнымъ вкусомъ. Къ величественнымъ зданіямъ норманскихъ временъ приставили уродливѣйшіе фасады. Богатыя средства города позволили произвести эту перестройку въ обширныхъ размѣрахъ, хотя многое осталось недоконченнымъ. Катанія есть любимое мѣстопребываніе мѣстной аристократіи и богатыхъ землевладѣльцевъ, въ рукахъ которыхъ находится Piano di Catania. Прекрасные экипажи и роскошные туалеты указываютъ на это довольство жителей. Одна главная улица, имѣющая пять площадей, раздѣляетъ городъ на двѣ половины и представляетъ необыкновенную перспективу: съ одной стороны она оканчивается моремъ, съ другой—Этною, величественно рисующеюся на горизонтѣ. Послѣ страшныхъ переворотовъ природы на этомъ мѣстѣ тщетно было бы искать слѣдовъ античной «Катаны», основанной Греками за 730 лѣтъ до Р. Х. Что не погибло отъ рукъ человѣческихъ, то покрыла лава. Даже сохранившееся такъ застроено новѣйшими домами, что виденъ, напримѣръ, только кусокъ театра. Каждый путешественникъ по Италіи видѣлъ лучше сохранившіеся амфитеатръ и термы, чѣмъ тѣ, которые показываются въ Катаніи. Самое замѣчательное собраніе мѣстныхъ древностей, сдѣлан-

ное въ прошломъ столѣтіи княземъ Бискари, ревностно изслѣдовавшимъ памятники роднаго города, въ настоящее время недоступно. Оно дѣлится между наслѣдниками этой фамиліи и поступитъ въ продажу [1]. По моему мнѣнію, самая замѣчательная древность Катаніи—Этна. Ничто не можетъ быть величественнѣе вида, который представляетъ этотъ вулканъ съ верхней террасы виллы Беллини: на первомъ планѣ—предмѣстья Катаніи съ ихъ роскошными садами; далѣе веселыя зеленыя поля, на которыхъ постепенно возвышаются гигантскія массы вулкана. Верхняя половина горы блещетъ на голубомъ небѣ: она покрыта массивною снѣжною пеленою, которая растаяла вокругъ жерла. Густой дымъ валитъ изъ него и длиннымъ облакомъ тянется по небу. Везувій предъ Этной—дитя. Лава, разрушившая часть Катаніи въ 1669 году, съ вулкана достигла города только въ сорокъ дней. Такъ велико разстояніе Этны отъ Катаніи, хотя и кажется, что она лежитъ на ладони.

Несмотря на этотъ новый видъ Катаніи, въ ней сохранилось еще много старыхъ обычаевъ. Такъ, женщины средняго класса носятъ черныя шелковыя мантильи совершенно особаго покроя, вѣроятно унаслѣдованныя изъ временъ испанскаго владычества. Религіозныя торжества на улицахъ производятся еще съ такою пышностью, какой не встрѣтишь болѣе въ большихъ городахъ Италіи. Мнѣ удалось видѣть оригинальныя вещи въ этомъ родѣ. Въ Джирдженти, въ день св. Іосифа, я видѣлъ на улицахъ слѣдующую процессію: св. Іосифъ велъ ослицу, на которой сидѣлъ Младенецъ Спаситель; возлѣ шли Богоматерь и пара ангеловъ съ крыльями. Въ Катаніи мнѣ случилось провести страстную недѣлю. Въ страстную пятницу городъ былъ великолѣпно иллюминованъ; въ безконечно длинной процессіи несли расписанную статую мертваго Спасителя, снятаго со креста. Спереди шла военная музыка, играв-

[1] [Нынѣ уже не существуетъ. *Щ.*].

шая траурные марши, затѣмъ — погребальныя братства и духовенство съ канониками собора и архіепископомъ. Служители несли длинные шлейфы мантій высшаго духовенства. Шествіе заключалось большою и тоже ярко расписанною статуей Богоматери. Она была изображена стоящею на колѣнахъ въ черной мантіи, съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, взирающею со слезами на глазахъ на Сына. Затѣмъ попарно шли дѣвушки и женщины съ вуалемъ на лицѣ. У всѣхъ въ рукахъ были длинныя зажженныя свѣчи. Торжественное шествіе вышло изъ собора и обошло главнѣйшія улицы города. Подобныя религіозныя церемоніи уже исчезли на материкѣ Италіи, и ихъ можно найти только въ нѣкоторыхъ забытыхъ углахъ Сициліи.

Мессина, живописно лежащая въ сѣверо-восточномъ углу острова, не имѣетъ древностей изъ классической эпохи на поверхности земли: античная *Мессана* исчезла безъ слѣда, и только отъ средневѣковаго города остался соборъ съ весьма замѣчательными мозаиками. Нынѣшній городъ совершенно новый. Узкій проливъ со Сциллой и Харибдой отдѣляетъ его отъ Калабріи съ ея горами, вершины коихъ покрыты снѣгомъ. На противоположномъ берегу виденъ Реджіо съ его виллами. Портъ Мессинскій, весьма обширный и превосходный, очень оживленъ: здѣсь стоятъ суда различныхъ націй, потому что Мессина производитъ весьма дѣятельную торговлю, что сообщаетъ городу живую и хлопотливую физіономію. Сосѣдство и торговыя сношенія съ Греціей и Востокомъ наложили даже особую печать на портовую жизнь; многія лавки на пристани имѣютъ вывѣски съ длинными надписями на ново-греческомъ языкѣ. Когда сѣть желѣзныхъ дорогъ Калабріи будетъ, окончена, что́ случится года черезъ два, то Мессина поднимется еще болѣе: тысячи путешественниковъ, не любящихъ длинныхъ морскихъ переѣздовъ, направятся въ Сицилію черезъ Калабрію, и при этомъ измѣненіи географическихъ путей Мессина безконечно выиграетъ.

Изъ Мессины я предпринималъ поѣздку въ Таормину,

лежащую на югъ, на разстояніи почти двухъ часовъ пути по желѣзной дорогѣ. Таормина славится развалинами греко-римскаго театра, въ которомъ зданіе античной сцены сохранилось какъ нигдѣ въ Европѣ. Вопросъ объ устройствѣ древне-греческаго театра, долгое время меня занимавшій, долженъ былъ найти въ Таорминѣ окончательное рѣшеніе. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я стремился къ этому мѣсту, славящемуся, сверхъ того, какъ одинъ изъ живописнѣйшихъ пунктовъ въ Европѣ. Но какъ велико было мое разочарованіе, когда, разсмотрѣвъ развалины, я нашелъ, что Римляне совершенно перестроили греческое зданіе. Я готовъ думать, что въ римскія времена на этомъ мѣстѣ никогда не давались театральныя представленія, а одни амфитеатральныя зрѣлища. Римлянамъ были нужны не трагедіи Софокла или комедіи Аристофана, а битвы съ животными и гладіаторскія игры. Для этихъ кровавыхъ забавъ они построили надъ сценой обширную галлерею, откуда и можно было съ удобствомъ взирать на предсмертныя судороги, чего не было бы, еслибъ это зданіе предназначалось для драматическихъ представленій. Гдѣ тутъ мѣсто для декорацій, машинъ, полетовъ и т. д., если часть зрителей помѣщалась надъ сценой? Неужели послѣдніе смотрѣли только на спины актеровъ? Долго разсматривая это зданіе, я пришелъ къ убѣжденію, что Римляне перестроили греческій театръ въ любимый ими амфитеатръ, хотя и сохранили три двери, которыя у Грековъ вели на сцену. Старый кустодъ даже показываетъ залу, изъ которой въѣзжали на сцену тріумфальныя колесницы и выходили другія шествія. Онъ разсказываетъ еще много другихъ странныхъ вещей объ устройствѣ комической и трагической сценъ и мѣстѣ казней осужденныхъ на смерть. Все это невинныя росказни.

Но видъ, открывающійся съ развалинъ этого театра, принадлежитъ къ восхитительнѣйшимъ въ мірѣ. Таормина, древній Тавромецій, лежитъ на страшной горѣ. Со станціи желѣзной дороги въѣзжаешь по шоссе, идущему зигзагомъ, на такую

высоту, что голова начинаетъ кружиться. На краю древняго города, отъ котораго сохранились еще другіе остатки, заложенъ былъ театръ. Со зрительскихъ мѣстъ, обращенныхъ на югъ, развертывается панорама, единственная въ мірѣ. За зданіемъ сцены разстилается смарагдовый заливъ Таормины. Направо виденъ полуостровъ, на которомъ лежалъ древній Наксъ. За нимъ возвышается могущественная Этна, на половину покрытая снѣгами. Налѣво простирается безконечное море, направо подымаются голые утесы. На одномъ изъ нихъ находился акрополь Тавроменія, а нынѣ стоятъ развалины сарацинской крѣпости. Ничто нельзя сравнить съ красотой этого ландшафта, освѣщеннаго яркимъ блескомъ южнаго солнца: это вѣнецъ всего путешествія по Сициліи.

И съ этими чудесами природы и искусства надо разстаться, можетъ-быть, навсегда... Глазъ не будетъ болѣе наслаждаться величественными развалинами храмовъ и театровъ, проникать въ тайны частныхъ жилищъ и гробницъ. Этотъ волшебный островъ исчезнетъ для меня въ волнахъ морскихъ, какъ сказочная страна. Сердце сжимается, и уста шепчутъ: прощай, Сицилія!

18-го Апрѣля н. ст. 1872 года.

[*М. Вѣд.* 25 мая 1872, № 130].

XVI.

ИЗЪ ОКРЕСТНОСТЕЙ РИМА.

Весеннимъ пребываніемъ въ Римѣ всего лучше пользоваться для осмотра замѣчательныхъ его окрестностей. Въ эту пору года природа является во всей красѣ и покрываетъ развалины свѣжею зеленою одеждой. Меланхолическій характеръ, лежащій на римской Кампаньѣ, нѣсколько оживляется: все дышетъ весной и новою жизнью. Теплая погода дозволяетъ расширить кругъ странствованій, и что зимой казалось недоступнымъ, теперь становится пріятною прогулкой. Но этого не достаточно. Не только въ Римѣ, но и въ его окрестностяхъ безпрерывно дѣлается множество новыхъ археологическихъ открытій, необыкновенно важныхъ, потому что Римъ былъ центромъ античнаго міра. Знаніе Рима не полно безъ знанія его окрестностей. Со времени моего перваго пребыванія въ Римѣ, много лѣтъ тому назадъ, число сдѣланныхъ открытій и изслѣдованій значительно увеличилось. Желаніе видѣть ихъ побудило меня, покинувъ Сицилію и оставивъ въ сторонѣ Неаполь, поспѣшить въ Римъ. Я былъ вполнѣ вознагражденъ видѣннымъ, и если перо не въ состояніи передать вполнѣ видѣнное, то вина въ высокомъ его значеніи.

Каждый путешественникъ посѣщаетъ Альбано, Ариччію, Кастель-Гандольфо и Тиволи. Тѣнистыя галлереи изъ вѣковыхъ деревьевъ и шумные водопады влекутъ туда всякаго. Оставимъ эти избитыя дороги и отправимся чрезъ Понте-Молле, по древней Фламиніевой дорогѣ, къ виллѣ императрицы Ливіи, супруги Августа, отстоящей отъ Рима въ семи съ половиной миляхъ. Здѣсь въ 1863 году открыта была знаменитая мраморная статуя Августа, облеченнаго въ чудно изваянный панцырь, которая составляетъ теперь одно изъ главнѣйшихъ украшеній Ватиканскаго музея [1]). Мнѣ хотѣлось видѣть мѣсто находки этой статуи, но вмѣсто одной замѣчательной мѣстности я нашелъ здѣсь еще другое художественное произведеніе древности, въ высшей степени интересное. Именно: статуя Августа была найдена въ продолговатой четвероугольной залѣ, потолокъ которой былъ нѣкогда украшенъ расписанными орнаментами изъ stucco, а стѣны покрыты фресковою живописью. Эта живопись изображаетъ садъ, наполненный пальмовыми, лимонными, апельсинными и другими деревьями. Зрѣлые плоды висятъ на сучьяхъ. Множество птицъ оживляютъ ландшафтъ: онѣ качаются на вѣтвяхъ или летаютъ по воздуху. Размѣры этого ландшафта, окружающаго васъ на четырехъ стѣнахъ, такъ велики, что садъ производитъ оптическій обманъ, который увеличивается тѣмъ, что живописецъ былъ реалистъ. Онъ не передаетъ природу условно, какъ помпейскіе живописцы, а копируетъ ее точно, сохраняя всѣ оттѣнки дѣйствительности. И птицы переданы съ тою же истиной, только размѣры ихъ грѣшатъ противъ дѣйствительности. Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный образчикъ античной живописи сильно пострадалъ въ послѣднее время отъ сырости и грозитъ скорою гибелью, если не примутъ какихъ-либо мѣръ. Открытая зала съ двумя каморками далеко не составляетъ всей виллы императрицы Ливіи; большая часть ея еще покрыта

---

[1]) [См. выше стр. 44].

землей. Ударяя въ стѣны, слышишь глухой звукъ, издаваемый пустыми пространствами, лежащими за недавно открытыми комнатами. Подземныя сокровища Рима такъ велики, что здѣсь нѣтъ средствъ для раскопокъ на громадномъ числѣ замѣчательныхъ мѣстностей, окружающихъ «вѣчный городъ» [1]).

Несмотря на это отсутствіе средствъ, теперь приступили къ новымъ раскопкамъ на знаменитой виллѣ императора Адріана близъ Тиволи, уже доставившей галлереямъ Ватикана столько прекрасныхъ произведеній искусства. Герцогъ Браски, бывшій владѣлецъ весьма значительной части территоріи, занимаемой этою виллою, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ продалъ принадлежавшую ему собственность итальянскому правительству, которое передало ее въ завѣдываніе директору раскопокъ, сенатору Пьетро де-Роза. Онъ тотчасъ приступилъ къ изслѣдованію огромнаго комплекса зданій, образующихъ виллу Адріана, и въ мое посѣщеніе расчищали странное зданіе, извѣстное подъ именемъ *Teatro marittimo*. Нельзя не отдать должной похвалы системѣ раскопокъ г. де-Роза: онъ очищаетъ всякое античное зданіе отъ вѣковыхъ наростовъ земли вплоть до самаго основанія, сохраняя малѣйшіе архитектурные или скульптурные фрагменты, найденные при раскопкахъ. Правда, онъ часто реставрируетъ, и иногда слишкомъ много, но эти и другіе недостатки управленія простительны при его неутомимой ревности къ дѣлу. Не думаю, чтобы при раскопкахъ въ виллѣ Адріана можно было надѣяться найти много художественныхъ сокровищъ, но одна очистка этой виллы отъ земли уже будетъ большою услугой [2]).

Къ числу прекраснѣйшихъ открытій въ области античнаго искусства принадлежитъ изслѣдованіе двухъ гробницъ, лежа-

---

[1]) [Упомянутая живопись издана по рисункамъ Сиккара, исполненнымъ въ 1886 году, въ «Antike Denkmäler herausg. vom Kaiserl Deutschen Archaeolog. Institut», томъ I, табл. 11, 24 и 60. *Щ.*].

[2]) [См. *H. Winnefeld*, Die Villa des Hadrian bei Tivoli, Berl. 1895 (=Ergänzungsheft III zum Jahrbuch d. Kais. Deutsch. Arch. Instituts.). *Щ.*].

щихъ въ двухъ миляхъ отъ воротъ Санъ-Джіованни, по древней Латинской дорогѣ, близь Tenuta del Corvo. Эти раскопки произведены были г. Фортунати въ 1858 году на землѣ, принадлежащей князьямъ Барберини. Остаешься пораженнымъ при видѣ этихъ живыхъ и граціозныхъ созданій художественной фантазіи, скрытыхъ подъ землей, вдали отъ шума міра, въ пустынѣ римской Кампаньи, посѣщаемой одними стадами и ихъ пастухами. Время этихъ гробницъ точно извѣстно: на одномъ кирпичѣ найденъ штемпель съ обозначеніемъ 159 года по Р. X. Въ двухъ подземныхъ погребальныхъ камерахъ, на потолкахъ, раздѣленныхъ на много небольшихъ полей, находятся рельефныя изображенія, изумляющія своею легкостью, живостью и пріятностью. Въ первой гробницѣ представлены попарно парящія фигуры нереидъ, кентавровъ и геніевъ; во второй миѳологическія личности и сцены, преимущественно изъ Троянской войны, перемежающіяся пейзажами. Древность не передала намъ болѣе изящныхъ декоративныхъ украшеній, и въ виду этого міра граціозныхъ фигуръ жилище смерти теряетъ свои ужасы. Къ сожалѣнію, гробницы Латинской дороги, составляя частную собственность, не оставлены были въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально были открыты. Саркофаги, въ нихъ найденные, были отчасти проданы, отчасти, вмѣстѣ съ лампами, перенесены во дворецъ Барберини. Даже мраморная оболочка стѣнъ была снята. .

Но ни однѣ раскопки въ окрестностяхъ Рима не могутъ сравниться по своей громадности съ раскопками Остіи. Въ древности этотъ городъ лежалъ на лѣвомъ берегу Тибра, при впаденіи этой рѣки въ море. Съ тѣхъ поръ море постепенно отступало отъ него и нынѣ отстоитъ почти на три мили. Въ республиканскія времена эта гавань древняго Рима вела большую торговлю и служила пристанью для военныхъ кораблей. Она имѣла, говорятъ, 80.000 жителей. Но уже во времена Августа устье Тибра начало засоряться и корабли принуждены были останавливаться въ открытомъ морѣ. Заложеніе новой

гавани въ Порто при императорѣ Клавдіи лишило Остію ея торговаго значенія. Тѣмъ не менѣе она еще долго процвѣтала въ императорскія времена и даже украшалась новыми зданіями. Но вмѣстѣ съ упадкомъ Рима падала и Остія. Перенесеніе столицы въ Константинополь, вторженіе варваровъ и паденіе Западной Римской имперіи почти совершенно ее уничтожили. Историкъ Прокопій, въ VI столѣтіи по Р. Х., разсказываетъ, что улицы ея поросли травой. Въ средніе вѣка Остія была совершенно оставлена, и новый городокъ, носившій другое имя, возникъ на разстояніи полумили отъ нея. Живописный зàмокъ, построенный Джуліаномъ де-Санъ-Галло по повелѣнію кардинала делла Ровере (позднѣе папа Юлій II) — единственное украшеніе новой Остіи.

Раскопки древней Остіи были начаты въ концѣ прошлаго столѣтія англичанами Гамильтономъ и Фаганомъ, въ началѣ нынѣшняго продолжаемы Піемъ VII, а въ 1855 году, по повелѣнію Пія IX, возобновлены подъ руководствомъ Висконти. Къ какимъ блестящимъ результатамъ привели послѣднія изслѣдованія—можно заключить изъ того, что двѣ залы Латеранскаго музея наполнены найденными въ Остіи мозаиками, рельефами, статуями и фресками. Но несмотря на эту продолжительность раскопокъ, глазъ изумляется при видѣ громадныхъ пространствъ древняго города, еще покрытыхъ высокими насыпями. Подъ каждымъ возвышеніемъ почвы скрыто какое-либо зданіе. Иногда своды выходятъ изъ-подъ земли наружу и указываютъ, что здѣсь лежитъ какой-либо храмъ или термы. Прежнія раскопки велись совершенно не систематично. Копали, гдѣ надѣялись открыть статуи или какія-либо другія художественныя произведенія. Оттого теперь ходишь отъ одной ямы къ другой. Откопавъ, часто даже засыпали снова землей откопанное. Такъ поступили съ одною изъ открытыхъ въ Остіи улицей гробницъ. Должно надѣяться, что новое управленіе, подъ руководствомъ г. де-Роза. поведетъ дѣло систематичнѣе

и покажетъ намъ Остію въ томъ видѣ, какъ мы разсматриваемъ Помпею.

Открытое — изумительно. Здѣсь встрѣчаешь храмъ, посвященный, по однимъ, Юпитеру, по другимъ Вулкану, правда, лишенный своей мраморной оболочки, но тѣмъ не менѣе изумительныхъ размѣровъ; термы съ очень интересными мозаиками; обширное зданіе, извѣстное подъ именемъ «дворца Антонина Пія», съ храмомъ Митры, въ которомъ открыты были любопытныя статуи этого бога; магазинъ, извѣстный у древнихъ подъ именемъ horrea. Гробницы многочисленны. Новая дирекція раскопокъ намѣрена изслѣдовать преимущественно зданія, лежащія на берегахъ Тибра, потому что они укажутъ, какъ были расположены и устроены у древнихъ складочныя мѣста и магазины. Остія можетъ разъяснить устройство древняго приморскаго города, и въ этомъ лежитъ главное значеніе ея. Поэтому г. де-Роза началъ изслѣдованія съ берега Тибра, и здѣсь открыта широкая улица съ портиками, дальнѣйшее протяженіе которой, вѣроятно, приведетъ къ храму Юпитера.

Столь же важныя открытія въ послѣдніе годы были совершены въ области древне-христіанскаго искусства и археологіи. Во главѣ ихъ стоитъ изслѣдованіе катакомбъ св. Каллиста, лежащихъ по Аппіевой дорогѣ, начатое г. Джіованни Баптиста де-Росси въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія и описанное имъ въ его знаменитомъ сочиненіи: *Roma soterranea*[1]). Уже въ 1844 году онъ сдѣлалъ предположеніе, что возлѣ ораторіума свв. Сикста и Цециліи должны находиться подземныя гробницы, въ которыхъ схоронены были тѣла папъ III вѣка. Дальнѣйшія изслѣдованія оправдали его предположенія. Въ 1852 году онъ открылъ крипту св. Корнелія, въ 1854 году — гробницу папъ и вскорѣ — крипту св. Цециліи. Группа этихъ подземныхъ пространствъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ этажей,

---

1) [Полное заглавіе см. выше на стр. 53, прим. 1].

извѣстна подъ именемъ «катакомбъ св. Каллиста», который завѣдывалъ этимъ христіанскимъ кладбищемъ въ концѣ II столѣтія по Р. Х. Ознакомиться подробнѣе съ живописью катакомбъ было главнымъ моимъ желаніемъ при нынѣшнемъ посѣщеніи Рима и, къ величайшему моему счастью, я нашелъ путеводителя по нимъ въ лицѣ самого г. де-Росси. Знакомство съ этимъ первокласснымъ ученымъ я причисляю къ замѣчательнѣйшимъ событіямъ моей жизни. Не зная его лично, нельзя составить себѣ понятіе о геніальныхъ способностяхъ его ума, оригинальности и точности его комбинацій, положительности изслѣдованій и вѣрности критическаго и историческаго метода. Подъ его руководствомъ провелъ я полтора часа въ этихъ подземельяхъ, и мы разсмотрѣли крипты папъ, св. Цециліи, свв. таинъ и разныя пространства втораго и третьяго этажа этихъ катакомбъ. Число видѣнныхъ мною фресокъ превзошло мои ожиданія, и г. де-Росси указалъ мнѣ на многія, снимки съ которыхъ будутъ изданы въ третьемъ томѣ его сочиненія. Предметъ этотъ такъ обширенъ, что, къ сожалѣнію, я могу здѣсь только указать на него, не входя ни въ какія подробности.

Недалеко отъ катакомбъ св. Каллиста, на той же Аппіевой дорогѣ, въ виллѣ Ронданини, въ 1860 году открыты были въ высшей степени интересныя еврейскія катакомбы. Устройствомъ своимъ онѣ очень схожи съ христіанскими, а по времени относятся тоже къ III столѣтію по Р. Х. И въ нихъ есть комнаты, украшенныя фресковою живописью, только содержаніе этихъ фресокъ иное. Надгробныя надписи, очень многочисленныя, писаны преимущественно на греческомъ языкѣ, а нѣкоторыя на латинскомъ. Надписей на еврейскомъ языкѣ нѣтъ. Главнымъ символомъ на саркофагахъ, надписяхъ, камняхъ и т. д. является семисвѣчникъ. Еврейскія катакомбы въ виллѣ Ронданини подробно описаны іезуитомъ падре Гаруччи. Этотъ замѣчательный ученый сообщилъ мнѣ, что въ городѣ Венозѣ (въ Апуліи) открыты еврейскія катакомбы съ надписями

на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, которыя онъ вскорѣ издастъ въ свѣтъ. Онъ же готовитъ къ изданію большое сочиненіе о древне-христіанскомъ искусствѣ съ обширнымъ атласомъ [1]).

Я посѣтилъ также катакомбы св. папы Александра, лежащія на 7-й милѣ по Номентанской дорогѣ. Здѣсь благочестивая жена Северина схоронила мучениковъ папу Александра († въ 129 году по Р. Х.), Эвенція и Өеодула, и возлѣ этихъ катакомбъ, заложенныхъ въ аренаріи, построенъ былъ въ V столѣтіи по Р. Х. ораторіумъ, который превосходно передаетъ намъ устройство небольшой базилики въ эту эпоху. Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ г. Гвиди произвелъ раскопку катакомбъ и ораторіума, которые и были оставлены въ томъ видѣ, какъ найдены. Вотъ что составляетъ главный интересъ этихъ памятниковъ. Надгробные камни, надписи, лампы — все еще на своемъ первоначальномъ мѣстѣ. Объ ораторіумѣ нельзя сказать того же. Папа Пій IX, обрадованный открытіемъ, повелѣлъ воздвигнуть надъ ораторіумомъ громадную базилику, постройка которой и была начата. Заложены были стѣны и столбы, но при возведеніи ихъ многія части древняго зданія потерпѣли. За недостаткомъ средствъ постройка была остановлена, и теперь ораторіумъ лежитъ, въ глуши римской Кампаньи, не изслѣдованный и не описанный. Я не могъ узнать даже, существуетъ ли планъ его, снятый тотчасъ по открытіи этого интереснаго памятника, безъ обозначенія новѣйшихъ пристроекъ, его испортившихъ [2]).

Такой же точно интересъ представляютъ развалины базилики св. Стефана діакона, тоже относящейся къ V вѣку по Р. Х. Онѣ находятся не въ дальнемъ разстояніи отъ вышеописанныхъ античныхъ гробницъ на Латинской дорогѣ, но осмотръ ихъ нынѣ невозможенъ. По распоряженію высшаго

---

[1]) [*R. Garrucci*, Storia della arte cristiana nei primi otto secoli della chiesa. 6 томовъ folio. Prato 1877—80. *Щ*.].

[2]) [См. *Kraus*, Roma Sotterranea (1873), стр. 86. *Щ*.].

духовнаго правительства онѣ по открытіи были обнесены высокою каменною стѣной, въ которой оставлена была дверь. Нынѣ, говорятъ, вслѣдствіе пропажи какихъ-то мраморныхъ капителей, эта дверь накрѣпко замуравлена, и глазъ съ трудомъ открываетъ слѣды древняго зданія въ крошечныя отверстія, оставленныя въ стѣнѣ для воздуха [1]). Новое распоряженіе духовнаго правительства чрезвычайно странно, но оно вполнѣ понятно, если сопоставить его съ распоряженіями, господствующими въ Ватиканскомъ языческомъ и христіанскомъ музеяхъ и въ изумительно богатой библіотекѣ. Это — порядки давно отжившіе, и окончательной агоніи ихъ должно ожидать съ нетерпѣніемъ.

21 Мая н. ст. 1872.

[*М. Вѣд.* 2 іюля 1872, № 165].

---

[1]) [Нынѣ эти развалины открыты для посѣщенія. См. *Kraus*, Gesch. d. christl. Kunst I, стр. 317. *Щ*.].

XVII.

ИЗЪ УМБРІИ.

Въ Римѣ теплая погода наступаетъ рано; уже во второй половинѣ мая становится такъ жарко, что сѣверному жителю нѣтъ возможности осматривать достопримѣчательности города. Подобно перелетнымъ птицамъ, туристы спѣшатъ на сѣверъ; вагоны желѣзныхъ дорогъ переполнены дѣтьми Альбіона и бѣлокурыми сынами Германіи, а станціи загромождены багажемъ. Какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, улицы пустѣютъ, иностранцевъ не видно, космополитическій Римъ становится городомъ съ чисто итальянскою физіономіею. Путешественники, ища прохлады, спѣшатъ на сѣверъ. Но они забываютъ, что на половинѣ дороги отъ Рима къ Флоренціи раскинута страна, гдѣ на горныхъ вершинахъ даже въ лѣтній зной царствуетъ прохлада, льются быстрые ручьи и зеленѣютъ деревья болѣе сѣверной полосы. Путешественникъ, утомленный жаромъ Рима, можетъ тамъ отдохнуть. Эта страна — Умбрія. Но красы природы не составляютъ единственнаго ея достоинства. Каждый клочокъ ея, каждое мѣстечко, каждый городъ наполнены художественными произведеніями. Въ XV столѣтіи здѣсь процвѣтала особая школа живописи, извѣстная

подъ именемъ Умбрійской. Среди различныхъ живописныхъ итальянскихъ школъ она занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ уже потому, что изъ ея лона вышелъ величайшій геній живописи. Весьма дѣятельная, она не ограничивала своей дѣятельности одной родиной, но успѣла распространить свое вліяніе даже на Марку Анконы. Сюжеты этой школы живописи весьма немногосложны: она не разсказываетъ ни патетическихъ, ни драматическихъ событій. Весь кругъ ея дѣятельности сосредоточенъ на изображеніи немногихъ личностей. Одушевленіе, живущее въ этихъ личностяхъ, такъ глубоко, что овладѣваетъ зрителемъ самымъ могущественнымъ образомъ. Юношескіе прекрасные и чистые типы этой школы живутъ такою глубокою внутреннею жизнью, что картина души вполнѣ замѣняетъ отсутствіе событій внѣшняго міра. Главными представителями Умбрійской школы были: Никколо Алунно, Пьетро Перуджино, Пинтуриккіо, Джіованни Ло Спанья, Тиберіо д' Ассизи, Адоне Дони, Джіанникола Манни и т. д. Наконецъ изъ этой школы вышелъ Рафаэль; здѣсь была колыбель его творчества, здѣсь сохранились первые опыты его кисти. Уже Гете сказалъ, что каждаго поэта слѣдуетъ изучать на его родинѣ, и нигдѣ эти слова не примѣняются съ большею истиною, какъ въ Италіи. Каждый изъ ея великихъ живописцевъ долженъ быть изучаемъ на родинѣ, гдѣ большею частію находилось и главное поприще его дѣятельности. Венеціанскіе живописцы могутъ быть изучаемы только въ Венеціи, флорентійскіе—во Флоренціи. Такъ и живописцы Умбрійской школы оставили оригинальнѣйшія произведенія на родинѣ, на стѣнахъ и алтаряхъ церквей и капеллъ, во дворцахъ и публичныхъ зданіяхъ. Искусство есть мѣстное произрастеніе, для полной оцѣнки котораго нужно изучать окружающій его воздухъ и питающую его почву.

Я посѣтилъ главныя мѣста дѣятельности Умбрійской школы живописи: Перуджію, Ассизи, Спелло и Сполето. Одна черта характеризуетъ всѣ эти города. Во времена глубокой древ-

ности они, въ видахъ самосохраненія и лучшей защиты, всѣ были заложены на горныхъ возвышенностяхъ, мѣняли своихъ властителей и до сихъ поръ стоятъ на своихъ прежнихъ мѣстахъ, что вовсе неудобно для процвѣтанія города въ наши дни. Перуджія высится на громадной высотѣ. Ассизи и Спелло расположены на скатахъ горъ, Сполето властвуетъ надъ долиной Клитумна. Въ эпоху процвѣтанія Умбрійской школы, въ XV столѣтіи, эти города отличались глубокимъ религіознымъ настроеніемъ жизни, слѣды коего еще живутъ до сихъ поръ. Это явленіе легко объясняется изъ того факта, что городъ Ассизи былъ родиной св. Франциска, которато культъ создалъ итальянскую живопись. Жители этихъ горныхъ и удаленныхъ отъ свѣта городовъ и мѣстечекъ мало были въ сообщеніи съ другими городами Италіи, гдѣ въ это время уже господствовалъ пропитанный изученіемъ языческаго міра духъ эпохи возрожденія. Ихъ умъ, наивный и религіозный, требовалъ сюжетовъ простыхъ, но исполненныхъ благоговѣйнымъ чувствомъ, и живописцы писали свои картины, сообразуясь съ требованіями заказчиковъ. Характеръ искусства каждой эпохи зависитъ отъ порученій, на него возлагаемыхъ. Вотъ какъ объясняется существованіе религіозной Умбрійской школы живописи въ язычествующей Италіи XV вѣка.

Мимо городовъ Нарни, мрачно взирающаго съ утеса, и Терни, столь славнаго водопадомъ, мчится поѣздъ желѣзной дороги. Первый городъ, на который мы взбираемся,—Сполето. Онъ былъ силенъ уже во время Аннибала, котораго сполетинцы отразили отъ своихъ стѣнъ послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ римскія ворота, до сихъ поръ извѣстныя подъ именемъ «вратъ бѣгства». О могущественныхъ временахъ лонгобардскихъ говоритъ другой памятникъ — гигантскій водопроводъ, заложенный въ необыкновенно живописной мѣстности. Нынѣшній городъ имѣетъ совершенно новый видъ. Въ Сполето я нашелъ прекрасныя фрески флорентійскаго живописца Фра-Филиппо Липпи уже

близкими къ окончательной гибели, и даже цѣлый возникающій музей, составляемый изъ произведеній, перенесенныхъ изъ закрытыхъ церквей и монастырей. Въ музеѣ въ особенности восхитила меня фреска Спаньи, одного изъ лучшихъ учениковъ Перуджино. Болѣе прекрасныхъ и ангельскихъ лицъ нельзя себѣ представить. Къ сожалѣнію, при перенесеніи фрески со стѣны въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе неумѣнья, она сильно пострадала.

Очаровательный по своему живописному положенію городокъ Спелло, также извѣстный уже въ римскія времена, полонъ произведеніями Пинтуриккіо, не ученика, но помощника Перуджино въ многочисленныхъ трудахъ. Наивный, но въ то же время исполненный религіознаго одушевленія, онъ однако, вслѣдствіе вліянія флорентійскаго, гораздо богаче и разнообразнѣе другихъ умбрійскихъ живописцевъ. Онъ разсказываетъ библейскія событія, обстанавливая ихъ своею мѣстною природою, зданіями и костюмами. Такъ, въ Спелло онъ расписалъ цѣлую капеллу въ церкви S. Maria Maggiore, гдѣ Благовѣщеніе происходитъ въ мѣстности, изображающей горы Спелло. Не только другія церкви этого города, но даже фасады домовъ украшены его произведеніями, прелесть коихъ можно созерцать только здѣсь, на мѣстѣ долгой его дѣятельности.

Въ Ассизи работаетъ уже не исключительно одна школа, а вся итальянская живопись въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Церковь св. Франциска есть ея колыбель. Безъ знакомства съ этою церковью невозможно полное знаніе итальянской живописи. Не одна или нѣсколько замѣчательныхъ картинъ украшаютъ эту церковь: она вся—громадная картинная галлерея. Нѣтъ зданія, въ которомъ архитектура и живопись сливались бы столь гармонически въ одно цѣлое, какъ въ этомъ санктуаріи. Формы готической архитектуры, впервые перенесенныя въ немъ на почву Италіи, всего лучше выражаютъ горячія стремленія къ небу святаго. Но каждая архитектурная форма еще яснѣе обрисовывается вслѣдствіе изу-

крашенія ея живописнымъ орнаментомъ. Гладкія ровныя пространства, лежащія между этими формами, сплошь покрыты живописью. Длинный рядъ живописцевъ работалъ здѣсь. Древнѣйшими, по сказанію, были византійскіе Греки, которые перенесли искусство изъ Византіи въ Италію, затѣмъ Джіунта Пизанскій, Чимабуэ и Джіотто. Имъ принадлежать фрески верхней церкви. Время почти совершенно уничтожило многія изъ нихъ, или сохранило только нѣкоторыя головы изъ цѣлыхъ картинъ. Никогда кисть реставратора не касалась этихъ фресокъ. Но во время моего посѣщенія Ассизи, я въ верхней церкви нашелъ большіе подмостки и художника, на нихъ работающаго. Я узналъ, что это кавальере Ботти изъ Пизы, который владѣетъ изобрѣтеннымъ имъ способомъ вызывать на свѣтъ ушедшія отъ сырости зданія въ камень краски и такимъ образомъ регенерировать фрески, не касаясь до нихъ кистью. Упавшихъ со стѣнъ кусковъ фресокъ онъ, разумѣется, не можетъ оживить: фрески, оживая, остаются въ томъ фрагментированномъ видѣ, въ которомъ существуютъ нынѣ. Магистратъ города Ассизи поручилъ г. Ботти возстановленіе фресокъ верхней церкви, и онъ началъ свою работу четыре мѣсяца тому назадъ. Если онъ поступитъ честно, то окажетъ большую услугу наукѣ и искусству.

Нижняя церковь расписана еще бо̀льшимъ числомъ художниковъ. Здѣсь великій Джіотто является творцомъ искусства новаго, основаннаго на изученіи природы и пониманіи красокъ. Но онъ вмѣстѣ и глубокій мыслитель: отвлеченныя идеи подъ его кистью становятся живыми личностями. Онъ выражаетъ съ ясностью и драматическимъ чувствомъ все что желаетъ, хотя и не вполнѣ владѣетъ живописными средствами и знаніемъ. Кромѣ того, цѣлый рядъ флорентійскихъ и сіенскихъ живописцевъ украсили нижнюю церковь: Джіоттино и Таддео Гадди, Симмоне Мемми и Буффалмако [1]), Пьетро Ло-

[1]) [Спеціалисты сомнѣваются въ существованіи этого художника, которому Вазари и другіе источники приписываютъ самыя разнородныя произведенія, въ

ренцетти и др. Чтобъ описать содержаніе этихъ фресокъ, потребовался бы цѣлый томъ.

Въ виду этихъ художественныхъ сокровищъ забываешь немногочисленные слѣды собственно Умбрійской школы, сохранившіеся въ Ассизи. Ихъ можно упомянуть развѣ въ специальномъ сочиненіи объ этомъ предметѣ. Но городъ хранитъ не только средневѣковые памятники, но и другіе, говорящіе объ его славномъ прошломъ въ римскія времена. Въ числѣ ихъ храмъ Минервы, относящійся ко временамъ императора Августа, сохранилъ свой фасадъ удивительнымъ образомъ. Самый городъ со времени уничтоженія монастырей въ Италіи представляетъ печальное зрѣлище упадка. Время религіознаго одушевленія прошло, а взамѣнъ его въ Ассизи нѣтъ ни торговли, ни фабричной или какой-либо другой промышленности.

Гордо высится «царственная Перуджія» (Augusta Perusia) на крутой горѣ. Громадныя средневѣковыя зданія, построенныя изъ камня темнаго цвѣта, придаютъ ей строгій и величественный видъ. Здѣсь главный центръ дѣятельности Умбрійской школы живописи, и въ особенности главы ея Пьетро Перуджино. На стѣнахъ Камбіо, въ темной и небольшой залѣ, его совершеннѣйшія произведенія; въ картинной галлереѣ Академіи Художествъ—безчисленныя картины его самого и учениковъ. Въ церквахъ Перуджіи, изъ которыхъ иныя огромныхъ размѣровъ, тоже много замѣчательныхъ картинъ. Здѣсь можно изучить Перуджино въ различныя эпохи его дѣятельности. Многіе отдаютъ пальму первенства его фрескамъ въ Камбіо. Признавая эти олицетворенія правосудія, умѣренности, силы и ума за произведенія мастерскія относительно формы и выраженія, я всетаки ставлю въ немъ выше живописца религіознаго. Его *Преображеніе*, тоже находящееся въ Камбіо,

---

то же время приписывающіяся и другимъ мастерамъ. Буффальмакко—одинъ изъ типовъ Боккаччьо и, по всей вѣроятности, изъ его новеллъ попалъ въ художественную традицію того времени. *Щ.*].

не говоря о колоритѣ и рисункѣ, изумительно по глубинѣ чувства и новымъ мотивамъ, внесеннымъ художникомъ въ это событіе. Для полнаго знакомства съ Умбрійскою школой живописи необходимо изученіе картинной галлереи Академіи Художествъ. Въ новѣйшее время туда перенесено много знаменитыхъ картинъ изъ закрытыхъ церквей и монастырей, что даетъ возможность обозрѣть Умбрійскую школу въ такомъ объемѣ, какъ нигдѣ въ мірѣ. Но въ особенности интересно слѣдить за развитіемъ Рафаэля въ дѣтскіе и юношескіе года, во время его пребыванія въ Перуджіи. Онъ помогаетъ учителю въ разныхъ заказахъ, копируетъ его и наконецъ творитъ самостоятельно. Фреска его въ небольшой капеллѣ монастыря Санъ-Северо есть изумительное произведеніе двадцатидвухлѣтняго юноши. Это—аккорды, которые беретъ великій геній, прелюдирующій къ могущественному созданію. Въ ней предчувствуется созданіе *Спора о св. Причащеніи.*

30-го мая н. ст. 1872 г.

[*М. Вѣд.* 3 іюля 1872, № 166].

XVIII.

ИЗЪ ЭТРУРІИ.

Перуджія не только центръ Умбрійской школы живописи, но и въ высшей степени замѣчательный этрусскій городъ. Искусство древнихъ Этрусковъ у насъ почти неизвѣстно. Подъ этимъ именемъ разумѣютъ все угловатое, неподвижное и мертвенное, схожее съ египетскими памятниками искусства. Глиняныя расписанныя вазы, открытыя въ этрусскихъ гробницахъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно содѣйствовали распространенію ложныхъ представленій объ искусствѣ этого народа. Разсматриваемое внимательнѣе, оно представляетъ весьма интересный предметъ для изученія. Особенно этотъ интересъ увеличивается на мѣстѣ дѣятельности этого народа. Какъ происхожденіе и языкъ, такъ и начало искусства Этрусковъ до сихъ поръ остаются загадочными. Задолго до владычества Римлянъ они занимаютъ всю среднюю Италію и являются народомъ, стоящимъ на высокой степени образованности. Первые цари римскіе у нихъ заимствуютъ религіозные обряды и искусство. Этрусскіе художники обносятъ Римъ стѣнами, строятъ храмы и украшаютъ ихъ статуями. Сами Римляне не были художественнымъ народомъ и въ дѣлѣ искус-

ства всегда прибѣгали къ посредству другихъ, болѣе одаренныхъ природою народовъ. Этрусское искусство преобладало въ Римѣ до тѣхъ самыхъ поръ, пока Римляне, взявъ Коринѳъ, не познакомились съ греческимъ. Древнѣйшія святилища Рима, напримѣръ храмъ Капитолійскаго Юпитера, были построены по этрусскому плану художниками этого народа. Всѣ дошедшіе до насъ древнѣйшіе памятники Рима, напримѣръ большая клоака, стѣны Сервія Туллія, Капитолійская волчица—этрусскаго происхожденія. Въ Этруріи съ удивленіемъ замѣчаешь, что памятники одной мѣстности совершенно отличаются отъ памятниковъ другой какъ по формамъ, такъ и по исполненію. Каждый городъ имѣетъ некрополь, и находимые въ немъ предметы особаго рода, не свойственные другимъ. Находясь въ Италіи, можно совершить путешествіе по однимъ городамъ древней Этруріи, и это путешествіе, по своему разнообразію, будетъ представлять необыкновенный интересъ. Одного только будемъ искать почти всегда тщетно: это—памятниковъ этрусскаго искусства на поверхности земли, напримѣръ храмовъ, дворцовъ, частныхъ жилищъ и т. д. Время, разрушительная рука человѣка и послѣдующія цивилизаціи уничтожили ихъ. Пишущій эти строки, стѣсненный временемъ пребыванія въ Италіи, не имѣлъ возможности предпринять это спеціальное странствованіе, но уже видѣнное въ немногихъ этрусскихъ городахъ даетъ понятіе о богатствѣ, которое представляетъ цѣлое.

Перуджія, одинъ изъ главнѣйшихъ центровъ этрусской жизни, замѣчательна тѣмъ, что, не говоря объ остаткахъ древнихъ стѣнъ, даетъ намъ понятіе и объ архитектурѣ этого народа. Именно, здѣсь сохранились этрусскія городскія ворота, изумительныя по монументальному впечатлѣнію, которое они производятъ. Отдѣляя собственный городъ, расположенный на вершинѣ громадной горы, отъ предмѣстій, лежавшихъ по скатамъ ея, они представляютъ цѣлое, не только поражающее силой, но и умно расчлененное и архитектурно орнаментован-

ное. Сравнить по впечатлѣнію съ ними можно только римскія ворота въ Трирѣ. Другія этрусскія ворота древней Перуджіи, къ сожалѣнію, были включены архитекторами XVI вѣка въ военныя укрѣпленія этого города. Чрезвычайно интересный остатокъ храмовой постройки древнихъ Этрусковъ, съ большою надписью, находится въ окрестностяхъ Перуджіи, въ подземельѣ церкви св. Манно. Всѣ прочіе памятники этрусскаго искусства, открытые какъ въ Перуджіи, такъ и въ ея территоріи, хранятся въ музеѣ, который находится подъ завѣдываніемъ графа Дж. Конестабиле, ученаго, извѣстнаго своими изслѣдованіями о древностяхъ и языкѣ этого народа [1]). Съ необыкновенною внимательностью объяснилъ онъ мнѣ значеніе собранныхъ тутъ памятниковъ. Интересъ музея состоитъ въ томъ, что характеръ его чисто мѣстный: памятники, въ немъ находящіеся, всѣ принадлежатъ этой почвѣ. Надгробные камни имѣютъ странную форму: это — небольшая колонна, иногда съ надписью, стоящая на круглой базѣ, похожей на жерновъ. Базы украшались рельефами, изображающими различные моменты погребальной церемоніи. Другіе памятники музея представляютъ образчики развитія этрусскаго искусства въ различные періоды. Въ особенности интересны тѣ, которые ясно свидѣтельствуютъ о первоначальной связи этрусскаго искусства съ Востокомъ. Повидимому, оно развилось не подъ вліяніемъ Египта, а заимствовало свои образцы изъ Передней и Малой Азіи. Наконецъ, въ трехъ миляхъ отъ Перуджіи сохраняется въ первобытномъ видѣ этрусскій некрополь этого города, извѣстный подъ именемъ «гробницы Волумніевъ». Собственно это имя принадлежитъ погребальному подземному склепу одной знатной фамиліи, его устроившей. Но въ него перешли всѣ погребальныя урны, найден-

[1]) [Гр. Конестабиле умеръ въ 1877 г. Каталогъ музея: Indicazione degli oggetti più importanti che si trovano nei musei di antichita.. esistenti nella Universita di Perugia. Con un' appendice sull' ipogeo Etrusco dei Volunni. Perugia, 1882 (вѣроятно имѣются и болѣе новыя изданія). *Щ.*].

ныя въ склонѣ горы, въ которой вырубленъ этотъ памятникъ. «Гробница Волумніевъ» состоитъ изъ 9 комнатъ, украшенныхъ рельефами, принадлежащими къ лучшимъ произведеніямъ искусства. Но это не единственный некрополь Перуджіи; въ сѣверной части города открытъ другой, котораго изслѣдованіе еще не приведено къ концу.

Изъ Перуджіи я отправился на берега Арно, въ «прекрасную Флоренцію» (Firenze la Bella), столь богатую художественными сокровищами. Этрусскій музей этого города, находящійся въ Via Faenza, принадлежитъ къ числу новѣйшихъ учрежденій, о которыхъ я упоминалъ въ моемъ письмѣ изъ Флоренціи [1]). Новое собраніе, благодаря дѣятельности консерватора музея, г. Гамуррини, одного изъ лучшихъ знатоковъ этого предмета, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Южной Италіи и Сициліи, такъ увеличилось, что я нашелъ въ немъ множество новыхъ предметовъ, въ высшей степени интересныхъ. Таково единственное собраніе издѣлій изъ стекла, каковы: чаши, амфоры, унгвентаріи и т. д., доказывающія, что въ искусствѣ обработывать стекло, которому Этруски научились у Финикіянъ, они не уступали знаменитымъ фабрикамъ Мурано. Цѣлое собраніе орудій изъ бронзы и желѣза поясняетъ обычаи и занятія Этрусковъ на войнѣ, въ домашней и земледѣльческой жизни. Единственнымъ предметомъ по изяществу исполненія является бронзовая ваза, открытая въ Больсенѣ (древній Volsinium), на которой въ рельефѣ изображено возвращеніе Вулкана на Олимпъ. Новый музей разростается такъ быстро, что уже теперь въ немъ нѣтъ мѣста для вазъ, поступившихъ въ кускахъ изъ собранія маркиза Кампаны и теперь возстановляемыхъ искуснымъ реставраторомъ. А между тѣмъ безпрерывно приходятъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ на почвѣ древней Этруріи. Такъ, между Тразименскимъ озеромъ и Кіузи открыта бо-

---

[1]) [См. стр. 39].

гатая гробница съ золотыми вещами и бронзовыми вазами и канделябрами. Возлѣ Монтефіасконе найдена другая гробница, въ которой оказалось пятнадцать надгробныхъ урнъ, изъ коихъ десять украшены колоссальными расписанными статуями. Почва Италіи неистощима.

Находясь во Флоренціи, нельзя не посѣтить древняго этрусскаго города Фьезоле, лежащаго на горѣ, на разстояніи часа ѣзды. Къ сожалѣнію, древности его мало изслѣдованы. Городскія стѣны по конструкціи схожи съ такъ называемою стѣной Сервія Туллія въ Римѣ. Амфитеатръ, древнѣйшій въ Италіи, почти весь покрытъ землею. Судя по расчищеннымъ его частямъ, я готовъ предположить, что первоначальное зданіе чисто этрусскаго происхожденія, потому что гладіаторскія игры перешли къ Римлянамъ отъ Этрусковъ [1]). Но послѣ завоеванія Этруріи Римляне къ этому первоначальному зданію пристроили помѣщенія для дикихъ животныхъ, сраженія съ которыми были введены ими въ число амфитеатральныхъ игръ. Различія въ кладкѣ стѣнъ подтверждаютъ это предположеніе. Въ одномъ частномъ саду видны также фундаменты какого-то древняго зданія, можетъ быть храма, но и они почти совершенно покрыты землей.

Но самыя замѣчательныя новѣйшія открытія въ области этрусскихъ древностей мнѣ посчастливилось видѣть въ Болоньѣ. Уже во Флоренціи мнѣ совѣтовали посѣтить новосозданный болонскій музей, а одинъ нѣмецкій путешественникъ, съ которымъ я встрѣтился въ Пизѣ, съ жаромъ отзывался о немъ. Все это возбудило мое вниманіе, и изъ Флоренціи я поспѣшилъ въ Болонью. Случай навелъ на открытіе этрусскаго кладбища въ Болоньѣ. Въ 1869 году могильщикъ, приготовляя могилу на городскомъ кладбищѣ, называемомъ Чертоза (Certosa), наткнулся на этрусскую цисту съ прахомъ. Эта находка побудила г. Заннони, инженера болонскаго ма-

[1]) [Амфитеатръ раскопанъ въ 1873 г. См. *Dütschke*, Das antike Theater von Fiesole въ *Arch. Zeit.* XXXIV (1877), стр. 93 слл. *Щ.*].

гистрата, обратиться къ послѣднему съ просьбою дать ему 50 франковъ для производства раскопокъ на мѣстѣ первоначальной находки. Успѣхъ его изслѣдованій побудилъ просвѣщенный магистратъ назначить на дальнѣйшіе поиски 5,000 франковъ. Въ теченіе года Чертоза Болоньи была изслѣдована на нѣсколькихъ пунктахъ, и когда въ октябрѣ 1871 года въ Болоньѣ происходилъ съѣздъ археологовъ, занимающихся доисторическими древностями, то они могли видѣть всѣ открытые предметы на своихъ первоначальныхъ мѣстахъ. По окончаніи съѣзда предметы перенесены были въ музей, помѣщающійся въ старомъ зданіи университета (Antico Archiginnasio), и разставлены въ двухъ залахъ. Въ музеѣ, открытомъ для публики восемь мѣсяцевъ тому назадъ, вещи расположены превосходно: на стѣнахъ висятъ отлично исполненные планы Болоньи и Чертозы, съ точнымъ показаніемъ мѣстъ, гдѣ производились раскопки, подробные планы раскопокъ и фотографіи гробницъ въ минуту ихъ открытія. Въ залахъ разставлены надгробные камни, замѣчательнѣйшія изъ открытыхъ гробницъ съ полными костяками и найденными при нихъ вещами и цисты съ сожженными трупами. Болѣе тщательно, добросовѣстно и съ умѣніемъ произведенныхъ раскопокъ гробницъ въ Италіи я не видалъ, и г. Заннони, научившійся методу изслѣдованія въ русскихъ археологическихъ отчетахъ, подалъ другимъ изслѣдователямъ примѣръ, который, вѣроятно, не останется безъ благихъ послѣдствій. Его внимательному расположенію я обязанъ подробнымъ знакомствомъ съ открытыми имъ памятниками.

Въ Чертозѣ г. Заннони производилъ раскопки въ четырехъ мѣстахъ. Эти четыре этрусскія кладбища лежали по обѣимъ сторонамъ большой дороги, которая вела съ запада въ городъ Фельзину (древнее имя Болоньи). Эти кладбища дали различное число гробницъ; въ другихъ близъ лежащихъ мѣстахъ случайныя открытія доказываютъ, что и тамъ находятся подобныя же кладбища. Такимъ образомъ дорога, вед-

шая съ запада въ Фельзину, была окаймлена гробницами подобно Аппіевой дорогѣ въ Римѣ и улицѣ гробницъ въ Помпеѣ. Чѣмъ ближе къ дорогѣ, тѣмъ гробницы богаче по надгробнымъ камнямъ и найденнымъ въ могилѣ вещамъ. Надгробные камни имѣютъ весьма странныя формы: или сферическую, или форму стелы, и въ обоихъ случаяхъ иногда украшены рельефными изображеніями и орнаментами. Какъ произведенія туземныхъ художниковъ, они весьма важны, потому что изваянныя на нихъ изображенія даютъ намъ ясное понятіе объ этрусскихъ представленіяхъ о загробной жизни. Всѣ эти стелы лицомъ были обращены къ дорогѣ, скелеты же къ городу. Покойники смотрѣли на мѣсто, въ которомъ провели всю жизнь: и за гробомъ они не желали съ нимъ разстаться. По лѣвую сторону скелета и у ногъ всегда находились разныя вещи. Въ правой рукѣ скелеты постоянно держали кусокъ aes rude, древнѣйшей грубой монеты италійскихъ народовъ, которой употребленіе относилось къ глубокой древности. Но раскопки г. Заннони доказали, при сравненіи съ другими вещами, найденными въ этихъ гробницахъ, что эта монета была въ употребленіи и въ позднія времена, по крайней мѣрѣ въ погребальныхъ обрядахъ. Покойники лежали въ длинныхъ четвероугольныхъ деревянныхъ ящикахъ, сколоченныхъ большими гвоздями.

Все, что я говорилъ до сихъ поръ, касается только обычаевъ погребенія тѣлъ несожженныхъ. Но и сожженіе труповъ было одновременно въ употребленіи у Этрусковъ, однако число сожженныхъ труповъ на половину менѣе несожженныхъ. Пепелъ, иногда съ вещами, клали въ сосудъ глиняный или бронзовый. Глиняныхъ сосудовъ большое разнообразіе, начиная отъ самыхъ простыхъ до привозныхъ расписанныхъ. Бронзовые сосуды или цисты имѣютъ форму ведра. Одна изъ бронзовыхъ урнъ въ высшей степени интересна по рельефно изображенной на ней церемоніи: это перлъ всего собранія. Подобный сосудъ съ прахомъ обкладывался

кругомъ голышами и накрывался однимъ большимъ и плоскимъ камнемъ. Множество вещей, найденныхъ во всѣхъ гробницахъ, указываетъ на высокую степень образованности древнихъ Этрусковъ. Такъ, кромѣ золотыхъ серегъ, перстней и т. п., въ женскихъ гробницахъ найдены деревянные ящики, инкрустованные рельефами изъ слоновой кости. Но бронзовыя зеркала, открытыя въ Чертозѣ, не украшены рисунками, что доказываетъ, что этрусскій некрополь Болоньи относится къ эпохѣ, когда еще не было въ обычаѣ покрывать зеркала миѳологическими сюжетами. Вообще можно предположить, что онъ относится къ III вѣку до Р. Х. Раскопки г. Заннони лучше всего показываютъ, какъ умно веденныя археологическія изслѣдованія глубоко знакомятъ васъ съ религіей, нравами, обычаями и искусствомъ древнихъ народовъ [1]).

18 Іюня н. ст. 1872 года.

---

[1]) [О раскопкахъ Заннони см. его «Scavi della Certosa di Bologna», Bol. 1876, 2 тома съ 150 табл. Музей находится въ настоящее время въ специальномъ помѣщеніи и имѣетъ каталогъ: Guida del museo civico di Bologna, Bol. 1887. *Щ.*].

XIX.

ИЗЪ СѢВЕРНОЙ ИТАЛІИ.

1.

Города сѣверной Италіи не менѣе южной богаты художественными сокровищами, только эти богатства другаго рода. Южная Италія и Сицилія наполнены развалинами классическаго міра; подобныхъ имъ развалинъ въ сѣверной половинѣ Италіи незначительное число. Древне-христіанское искусство оставило глубокіе слѣды въ катакомбахъ Рима, Неаполя и Сиракузъ. Сравнительно, число древне-христіанскихъ памятниковъ въ сѣверной Италіи очень не велико. Но на этомъ рубежѣ историческихъ временъ и оканчиваются различія между двумя частями Италіи. Подъ вліяніемъ византійскаго искусства созданы были мозаики Палермо и Монреале; но и сѣверная Италія обладаетъ мозаиками Венеціи и Равенны. Затѣмъ начинается рядъ памятниковъ, дающихъ сѣверной Италіи даже большой перевѣсъ надъ остальною частію. Нигдѣ средневѣковое искусство не оставило столько изумительныхъ созданій, какъ здѣсь. Не говоря о произведеніяхъ архитектуры, дающихъ физіономію мѣсту, города сѣверной Италіи, сверхъ того, обезсмертили себя въ области скульптуры и живописи.

Почти съ каждымъ изъ нихъ связано имя какого-либо великаго ваятеля или живописца. За Римомъ оканчивается всякая самостоятельная дѣятельность въ сферѣ живописи. Даже самъ онъ въ исторіи живописи является городомъ не производительнымъ, а живущимъ чужими талантами. Вся южная Италія и Сицилія въ этой сферѣ является почти какъ tabula rasa. Напротивъ, итальянская живопись создана сѣверною и среднею Италіей, и величайшіе ея колористы даже родились въ самомъ сѣверномъ ея уголкѣ. Каждый городъ, каждое мѣстечко наполнены художественными произведеніями генія, получившаго въ немъ рожденіе. Живописцы, о которыхъ европейскія галлереи даютъ весьма неудовлетворительныя представленія, являются здѣсь неожиданно въ такомъ блескѣ, что остаешься пораженнымъ ихъ значеніемъ. И это впечатлѣніе испытываешь не однажды, а въ каждомъ городѣ, церкви и музеѣ.

Эту богатую страну я долженъ былъ проѣхать быстро, останавливая вниманіе только на нѣкоторыхъ главныхъ пунктахъ. Становилось такъ жарко, что всякое серіозное занятіе казалось тягостнымъ. Даже въ верхней Италіи солнце во второй половинѣ іюня такъ жжетъ, что трудно ходить по улицамъ. Съ нетерпѣніемъ ждешь вечера и его прохладныхъ тѣней. Ночь такъ тепла, что отличается отъ дня только отсутствіемъ солнца. Напротивъ, «итальянскія ночи», даваемыя въ увеселительныхъ садахъ Москвы и Петербурга, обыкновенно переносятся только въ ваточномъ пальто.

Еще находясь во Флоренціи, я сдѣлалъ экскурсію въ Пизу. Кто не слыхалъ о средневѣковыхъ памятникахъ этого города и въ особенности о знаменитой кривой башнѣ? Въ самомъ дѣлѣ, эти четыре зданія, стоящія другъ возлѣ друга, соборъ, баптистерій, Campo Santo и кривая башня, составляютъ такое гармоническое цѣлое, которому трудно найти что-либо подобное. Особенно Campo Santo (кладбище жителей Пизы въ средніе вѣка) является цѣлымъ музеемъ. Стѣны его покрыты фресками лучшихъ флорентійскихъ и сіенскихъ живописцевъ

XIV и XV вѣка, а корридоры наполнены произведеніями скульптуры древнихъ и новыхъ временъ. Пиза не прославилась живописцами, но съ ея именемъ связано имя одного изъ величайшихъ ваятелей Италіи, это — Никколо Пизано, жившій въ XIII вѣкѣ, котораго лучшія произведенія находятся на мѣстѣ родины. Среди грубыхъ среднихъ вѣковъ вдругъ, безъ предшественниковъ, появляется художникъ, котораго произведенія проникнуты античною красотой. Какими образцами вдохновляется этотъ геній? Изучая скульптуры, находящіяся въ корридорахъ Campo Santo, получаемъ разрѣшеніе этой загадки. Здѣсь стоятъ тѣ обломки изъ великаго кораблекрушенія античнаго міра, которыхъ мотивы и формы Никколо Пизано перенесъ на христіанскія представленія. Рельефы каѳедры Баптистерія, славные въ исторіи искусства, вполнѣ объясняются только на мѣстѣ, при сравненіи съ античными саркофагами, кратерами и рельефами, которые имѣлъ предъ глазами великій художникъ. Новыя идеи облечены въ античныя формы, что придаетъ имъ величіе, имѣющее болѣе языческій, чѣмъ христіанскій характеръ. Не потому ли этотъ художникъ остался явленіемъ одиноко стоящимъ въ новомъ искусствѣ?

Изъ Флоренціи я отправился въ Болонью, объ этрусскомъ музеѣ которой говорилъ въ прошломъ письмѣ. Но кромѣ того Болонья создала извѣстную школу живописи, которой въ прежнія времена такъ много удивлялись и которой я мало симпатизирую. Картинная галлерея наполнена произведеніями Каррачей, Гвидо Рени, Доменикино, Гверчино и т. д., но среди этихъ громкихъ именъ есть только одно великое произведеніе живописи, это — *св. Цецилія* Рафаэля. По моему мнѣнію, Болонья произвела только одного великаго живописца — Франческо Франчія, золотыхъ дѣлъ мастера, ваятеля и живописца XV вѣка. Въ Болоньѣ много его мастерскихъ и глубоко прочувствованныхъ произведеній, но выше всѣхъ *Мадонна, окруженная ангелами и святыми*, въ капеллѣ фамиліи Бентиволіо, въ церкви С. Джіаккомо-Мажжоре.

Парма, находящаяся въ упадкѣ со временъ Маріи-Луизы и съ признательностію вспоминающая о своей благодѣтельницѣ, хотя и ограбленная прошлыми правителями, еще очень богата художественными сокровищами. Карлъ I Фарнезе въ прошломъ столѣтіи перевезъ изъ Пармы въ Неаполь лучшія сокровища, составляющія славу послѣдняго города, а именно: 27 античныхъ статуй, 39 бронзъ, 10,000 монетъ и 100 картинъ, въ томъ числѣ пять картинъ Рафаэля, одну Микель-Анджело, одну Корреджіо и девять Тиціана, не говоря о миніатюрахъ и другихъ рѣдкостяхъ. Но знаменитый министръ Дю-Тилло, управлявшій Пармою до 1771 года, умѣлъ отчасти залѣчить эти раны. При немъ основанъ былъ музей, увеличенный въ наши дни, собранія котораго должны изумить каждаго посѣтителя. Здѣсь находится богатая коллекція доисторическихъ древностей, относящихся къ каменному и бронзовому періодамъ провинціи Эмиліи (Aemilia), составленная преимущественно трудами хранителя музея г. Пигорини, ученаго, сообщающаго весьма подробные отчеты объ успѣхахъ доисторической археологіи въ Италіи въ ежегодникѣ, выходящемъ подъ заглавіемъ *Annuario scientifico*. Отдѣленіе классическихъ древностей состоитъ изъ результатовъ раскопокъ, произведенныхъ, съ промежутками, отъ 1760 по 1781 годъ въ развалинахъ римскаго города Веллея (Velleja), въ 40 миляхъ отъ Пармы. Хотя найденныя въ нихъ произведенія принадлежатъ римскимъ императорскимъ временамъ, тѣмъ не менѣе небольшія бронзовыя статуэтки, найденныя въ Веллеѣ, относятся къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ античнаго искусства. Въ особенности статуэтка, изображающая пьянаго Геркулеса, Ercole Bibace, есть верхъ комизма. Представьте себѣ полубога, съ формами фарнезскаго исполина, невѣрная походка котораго указываетъ на избытокъ вкушенныхъ даровъ Вакха. Эта пародія безсмертнаго бога достойна Лукіана [1]).

[1]) [Музей описанъ упомянутымъ Пигорини: Il R. Museo d'antichità di Parma e gli scavi di Velleja, Parma 1872. Кромѣ того см. *Dütschke*, Antike Bildwerke aus Oberitalien, V, стр. 356. *Щ*.].

Но съ Пармою нераздѣльно связано имя одного изъ величайшихъ геніевъ живописи—Корреджіо. Ни дрезденская, ни луврская картинныя галлереи не могутъ дать полнаго понятія объ этомъ живописцѣ. Корреджіо необходимо видѣть на мѣстѣ его дѣятельности, въ Пармѣ. Здѣсь онъ со всѣми своими великими достоинствами и недостатками. Церкви и картинная галлерея Пармы полны его произведеніями. Въ другіе города перенесены одна—двѣ его картины; въ Пармѣ его безсмертныя фрески и лучшія картины, писанныя масляными красками. Въ соборѣ его громадная фреска *Вознесеніе Богородицы*; въ церкви св. Іоанна Евангелиста, въ куполѣ, его фреска *Вознесеніе Спасителя*, а надъ дверью въ монастырскій дворъ—*св. Іоаннъ Евангелистъ;* въ публичной библіотекѣ—*Коронованіе Божіей Матери*, перенесенное изъ сломанной трибуны послѣдней церкви; въ монастырѣ Санъ Паоло— его очаровательный плафонъ съ миѳологическими сюжетами. Наконецъ въ картинной галлереѣ пять превосходнѣйшихъ его картинъ, въ томъ числѣ неподражаемая *Мадонна св. Іеронима*, извѣстная подъ именемъ *Дня*. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, въ особенности фрески, сильно пострадали и ихъ трудно разсматривать, но и этому въ Пармѣ есть помога. Въ картинной галлереѣ есть рядъ акварельныхъ снимковъ съ фресокъ Корреджіо, исполненныхъ знаменитымъ граверомъ Тоски, передавшимъ на мѣди всѣ его произведенія. Если выраженіе головъ въ этихъ снимкахъ нѣсколько переслащено, то коррективъ можно найти, разсматривая оригиналы. Нигдѣ волшебство кисти Корреджіо не проявляется въ такомъ блескѣ и полнотѣ, какъ въ Пармѣ.

Корреджіо, какъ художникъ, одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ, первоклассный колористъ и рисовальщикъ; онъ въ знаніи ракурса даже заходитъ за предѣлы искусства. Сфера его— изображеніе свѣтлыхъ радостей жизни; въ ней онъ не имѣетъ соперниковъ. Никто не изображалъ такъ какъ онъ счастья, упоенія любовью, избытка радостныхъ чувствъ. Страданій ни

физическихъ, ни духовныхъ онъ не умѣлъ представлять. Онъ также не живописецъ ни религіознаго одушевленія, ни міра глубокихъ христіанскихъ чувствъ. Кто подойдетъ къ нему съ надеждою найти въ немъ цѣлый циклъ христіанскихъ идей, какія мы встрѣчаемъ у флорентійскихъ живописцевъ XIV—XV вѣковъ, тотъ ошибется и даже разочаруется въ немъ. Корреджіо былъ сыномъ уже другой эпохи. Но кто въ искусствѣ желаетъ видѣть отраженіе всѣхъ сторонъ жизни, тотъ всегда оцѣнитъ его по достоинству.

20-го іюня н. ст. 1872 года.

[*М. Вѣд*. 31 іюля 1872, № 191].

XX.

ИЗЪ СѢВЕРНОЙ ИТАЛІИ.

2.

Несмотря на всѣ политическія перемѣны, Миланъ сохранилъ за собой характеръ столицы Ломбардіи. Въ то время, какъ другіе города пустѣютъ, дома въ нихъ приходятъ въ упадокъ и жизнь течетъ медленнѣе по заростающимъ травою улицамъ, Миланъ расширяется и возникаютъ новые кварталы и громадныя постройки. Даже въ мертвую пору, въ которую я посѣтилъ этотъ городъ, жизнь кипѣла на улицахъ и прекращалась только поздно ночью. Безъ сомнѣнія, причины этого явленія заключаются въ дѣятельномъ характерѣ ломбардцевъ. Со времени моего перваго пребыванія въ Миланѣ новый городъ возникъ близъ станціи желѣзной дороги и Миланъ украсился зданіемъ, которому подобнаго нѣтъ въ Европѣ. Это — *галлерея Виктора Эммануила*, соединяющая соборную площадь съ другою, на которой стоитъ театръ della Scala. Произнося слово «галлерея», прошу читателей забыть московскую постройку, носящую это имя. Она относится къ миланской не только по величинѣ, но и по архитектурному стилю и изяществу отдѣлки, какъ карликъ къ исполину. Архитекторомъ ея былъ Менгони изъ Болоньи. Галлерея имѣетъ

форму креста, центръ котораго образуетъ осмиугольникъ, надъ которымъ возвышается изящнѣйшій стеклянный куполъ. Въ нижнемъ этажѣ этого зданія помѣщаются безчисленные магазины и кофейни. Живопись и ваяніе оживили созданіе архитектуры: 24 статуи знаменитыхъ итальянцевъ и 8 фресокъ украшаютъ его. Въ особенности вечеромъ галлерея представляетъ волшебное зрѣлище, когда освѣщается 2000 газовыхъ рожковъ. Веселая толпа наполняетъ самое оживленное мѣсто Милана, и каждый день кажется праздникомъ.

Центръ Милана составляетъ знаменитый бѣломраморный готическій соборъ. Чудный фасадъ его теперь намѣреваются окружить зданіями, тоже имѣющими монументальный характеръ, достойно соотвѣтствующій фасаду собора. Къ постройкѣ одного изъ нихъ уже приступили, и если проектированныя зданія будутъ возведены, то Миланъ будетъ имѣть одну изъ великолѣпнѣйшихъ площадей въ Европѣ. Другая знаменитость Милана – театръ della Scala — тоже имѣетъ площадь, на которой въ настоящее время сооружается памятникъ Леонардо да-Винчи. Памятникъ будетъ открытъ въ августѣ и съ открытіемъ его будетъ соединена художественная выставка, къ которой дѣлаются большія приготовленія. Поздно Италія приступаетъ къ уплатѣ долга великимъ людямъ, ее прославившимъ; только теперь Миланъ воздвигаетъ памятникъ Леонардо да-Винчи, а Флоренція — Микель-Анджело [1]). Множество великихъ поэтовъ, мыслителей и художниковъ ждутъ этой поздней чести, и должно надѣяться, что современное итальянское ваяніе въ задачахъ, заимствованныхъ изъ реальнаго міра, найдетъ ту силу и крѣпость, которыя нужны для продолжительной и здоровой жизни.

---

[1]) [Памятникъ Леонардо дѣйствительно открытъ въ Миланѣ въ годъ посѣщенія этого города авторомъ, но что касается памятника М. Анджело во Флоренціи, таковаго не существуетъ, кромѣ надгробнаго памятника, поставленнаго въ 1570 году. Быть можетъ, автора ввела въ заблужденіе постановка бронзовой копіи колоссальнаго «Давида» (см. стр. 36, прим. 1) на т. наз. Piazza le Michelangelo, находящейся въ загородномъ мѣстѣ прогулокъ Viale dei Colli. *Щ*].

Художественныя сокровища Милана весьма многочисленны. Въ музеѣ мѣстныхъ классическихъ и средневѣковыхъ древностей, находящихся подъ завѣдываніемъ г. Біонделли, есть неизданные любопытные памятники. Въ церквахъ св. Амвросія и св. Лаврентія много важныхъ произведеній древне-христіанскаго искусства, съ которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ фотографическихъ снимковъ. Таковы древне-христіанскія мозаики и саркофаги въ церкви св. Амвросія, которыхъ полное значеніе станетъ понятнымъ тогда, когда нынѣшняя реставрація церкви будетъ приведена къ концу [1]).

Амвросіанская библіотека, славная въ лѣтописяхъ науки, владѣетъ однимъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ античнаго искусства: это — рукопись Иліады Гомера IV вѣка по Р. Х., украшенная миніатюрами. Въ то время какъ всѣ прочія рукописи даются посѣтителямъ въ руки, эту рукопись весьма немногимъ показываетъ только самъ префектъ библіотеки, знаменитый оріенталистъ Черіани, человѣкъ проницательнаго ума и обширныхъ свѣдѣній. Какой-то варваръ вырѣзалъ 58 миніатюръ изъ полнаго кодекса Иліады, такъ что до насъ дошли только миніатюры, его украшавшія, и весьма мало текста. Несмотря на весьма печальное положеніе большей части миніатюръ, онѣ даютъ превосходное понятіе о композиціи и стилѣ античныхъ картинъ. Вѣроятно, онѣ воспроизводятъ еще болѣе древній оригиналъ. Извѣстное изданіе кардинала Анджело Маи далеко не даетъ о нихъ понятія, и нельзя не пожелать, чтобы для ознакомленія съ ними были примѣнены къ воспроизведенію наилучше сохранившихся миніатюръ новѣйшіе процессы.

---

[1]) [Нѣкоторыя изъ этихъ вещей впослѣдствіи сфотографированы флорентійскою фирмою Alinari (см. каталогъ: Lombardia. Foglietto n. 2, Firenze 1894), вѣроятно и мѣстными фотографами. Новѣйшія спеціальныя изслѣдованія объ этихъ базиликахъ: Landriani, La basilica Ambrogiana fino alla sua transformazione in chiesa lombarda a solta, Mil. 1889. Rotta, Sette antiche basiliche stazionali di Milano. S. Lorenzo. Mil. 1882. *Щ*.].

Какъ съ Пармою связано имя Корреджіо, такъ съ Миланомъ—имя Леонардо да-Винчи. Правда, величайшее его произведеніе, *Тайная Вечеря*, находящаяся въ рефекторіумѣ монастыря S. Maria delle Grazie, почти погибла, но въ Миланѣ хранится еще нѣсколько другихъ произведеній его кисти, дающихъ понятіе объ его геніи. Въ особенности же здѣсь представляется возможность познакомиться съ его многочисленными учениками, въ числѣ которыхъ иные, напримѣръ Луини, были весьма замѣчательные художники. Въ картинной галлереѣ Брера, въ Амвросіанской библіотекѣ и въ частныхъ собраніяхъ, напримѣръ г. Фриццони, множество ихъ произведеній, и кто съ этой точки зрѣнія захотѣлъ бы изучать Миланъ, тотъ долженъ посвятить ему много дней.

Въ двадцати минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, къ сѣверу отъ Милана, лежитъ городъ Монца, нѣкогда резиденція лонгобардскихъ королей. Къ сожалѣнію, она не сохранила никакихъ архитектурныхъ памятниковъ этого времени. Но любителя древностей привлекаютъ въ этотъ городъ драгоцѣнныя вещи, принесенныя въ даръ собору лонгобардскою королевой Теодолиндой. Это важные памятники искусства VI вѣка, изъ которыхъ иные чисто византійскаго происхожденія. Вмѣстѣ съ этимъ даромъ въ сакристіи собора хранятся нѣсколько драгоцѣнныхъ диптиховъ. Нельзя не сказать двухъ словъ о сбереженіи этихъ памятниковъ; всѣ эти драгоцѣнности даются въ руки каждому посѣтителю для разсматриванія. Правда, это очень пріятно знатоку; однако должно сознаться, что подобная передача въ руки тысячѣ невѣжественныхъ туристовъ можетъ оказаться гибельною для самихъ предметовъ. Къ сожалѣнію, то же встрѣчается и въ другихъ, правда немногихъ, мѣстахъ Италіи [2]).

---

[2]) [Въ настоящее время за посѣщеніе сокровищницы Монцы взимается съ туристовъ довольно высокая контрибуція: 5 лиръ за входъ и отдѣльно 5 лиръ за обозрѣніе знаменитой желѣзной короны. Вещи, конечно, теперь не даются въ руки. *Щ.*].

Въ Бресчіи я нашелъ живописнѣйшія развалины римскаго храма, котораго постройка относится къ первому вѣку по Р. Х. По надписи, въ нихъ найденной, онъ былъ сооруженъ при императорѣ Веспасіанѣ въ 72 году. Эти развалины были открыты въ 1820 году на частной землѣ. Въ саду семейства де-Луццати долгое время античная римская капитель, надъ которою устроена была бесѣдка, служила столикомъ. Владѣтелю пришло на мысль произвесть раскопки на этомъ мѣстѣ. Тогда открыли нижнюю часть стѣнъ большаго храма съ тремя целлами и тремя огромными базами для колоссальныхъ статуй боговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ найдены были надписи, колонны, архитравы, капитель, рельефы, часть аттики и т. д. Въ 1826 году въ одномъ корридорѣ храма открыто было множество античныхъ скульптуръ изъ бронзы, высокаго художественнаго достоинства. Все это побудило магистратъ пріобрѣсть въ свое владѣніе этотъ памятникъ и устроить въ немъ музей для храненія мѣстныхъ древностей. Музей принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ въ Италіи. Римскій храмъ, прислоненный къ возвышенности, на которой въ древности, можетъ быть, находилась крѣпость, лежалъ, вѣроятно, на сѣверной части форума, рядомъ съ театромъ, котораго остатки, къ сожалѣнію, еще покрыты землей. По высокой лѣстницѣ вступаешь въ предхраміе, которое нѣкогда украшали 14 коринѳскихъ колоннъ, еще донынѣ отчасти хорошо сохранившихся. Три целлы превращены въ помѣщеніе для музея. Въ срединной хранятся надписи и другія древности, найденныя въ Бресчіи и ея окрестностяхъ. Въ целлѣ или залѣ налѣво, посрединѣ стоитъ знаменитая бронзовая статуя, изображающая Викторію, которая чертитъ на щитѣ геройскія дѣла. Голова ея украшена серебряной повязкой. Статуя была найдена въ вышеупомянутомъ корридорѣ храма, тщательно сбереженная. Ничто лучше этого обстоятельства не указываетъ на цѣну, которую ей придавали въ древности. Въ самомъ дѣлѣ, ее слѣдуетъ причислить къ благороднѣйшимъ

произведеніямъ греческаго искусства. Сходство этой Викторіи съ типомъ Венеры Милосской опредѣляетъ время ея происхожденія. Въ третьей целлѣ находятся преимущественно произведенія средневѣковаго искусства.

Другое замѣчательное собраніе древностей хранится въ публичной библіотекѣ (Bibliotеca Queriniana). Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ нѣсколько древнихъ диптиховъ, большой крестъ императрицы Галлы Плацидіи и реликварій изъ слоновой кости, котораго рельефы, по моему мнѣнію, относятся къ IV вѣку по Р. Х. Болѣе замѣчательнаго произведенія древне-христіанскаго ваянія я не знаю.

И съ Бресчіей связано имя одного изъ великихъ художниковъ Италіи. Это—Моретто, живописецъ XVI вѣка и воспитанникъ венеціанской школы. Церкви и картинная галлерея Бресчіи полны его произведеніями. Съ колоритомъ Венеціанцевъ онъ соединяетъ такую величавость, что его произведенія должны быть причислены къ благороднѣйшимъ созданіямъ итальянскаго искусства.

Но дни бѣгутъ, жаръ растетъ, и все торопитъ къ сѣверу. Вотъ Верона съ ея римскими древностями и превосходно сохранившимся амфитеатромъ. Вотъ рядъ городовъ, связанныхъ съ исторіей живописи, которые должно миновать, даже не бросивъ взгляда на сокровища, въ нихъ хранящіяся. Вотъ Тревизо, гдѣ хранится превосходная картина Джіорджіоне[1]); вотъ Конеліано—родина знаменитаго Чимы, вотъ Порденоне—родина соперника Тиціана — Джіованни Антоніо Порденоне. Наконецъ, вотъ Удине – родина славнаго помощника Рафаэля, Джіованни да Удине. Поѣздъ мчится, неся множество гостей...

---

[1]) [«Положеніе во гробъ Спасителя»—въ городскомъ ломбардѣ (Monte di Pieta). Спеціалисты, однако, отрицаютъ принадлежность этого произведенія Джіорджіоне. Уже Крау и Кавальказелле (см. стр. 37, прим.) приписывали его Порденоне. Боде (въ новѣйшемъ седьмомъ изданіи Cicerone Буркгардта, Leipz. 1898, стр. 831, прим. 1) приписываетъ ее даже просто «мѣстному подражателю Порденоне». *Щ.*].

Среди этихъ веселыхъ лицъ сердце обливается кровью. Вотъ рѣка, образующая границу между Италіей и Австріей. На этомъ рубежѣ слѣдуетъ сказать *прости* странѣ, доставившей безконечныя художественныя наслажденія. Въ ней я нашелъ не одни безцѣнные памятники искусства, но и людей, соединяющихъ съ высокимъ умомъ теплое сердце. Ихъ знанія и завѣдуемыя ими сокровища всегда были открыты путешественнику. И съ этимъ богатымъ міромъ высшихъ созданій искусства, съ этими благородными людьми должно разстаться... Горько! Прощай Италія, дорогая страна!

7 Іюля н. ст. 1872 года.

[*М. Вѣд.* 2 авг. 1872, № 193].

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОСЕННІЙ ДЕНЬ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

(Отрывокъ изъ писемъ объ Италіи къ Кн. Н. С.).

Въ ноябрѣ 1851 года.

Венеція не имѣетъ настоящаго: она
она вся живетъ воспоминаніями.

Знаете ли вы, что такое осенній день въ Венеціи? Рано утромъ открылъ я сегодня ставни моихъ оконъ и увидѣлъ темноголубое небо и на немъ яркое солнце. Теплый утренній воздухъ пахнулъ въ мою комнату. Въ эту позднюю пору года природа здѣсь еще такъ хороша, что у меня нѣтъ охоты сегодня разсказывать вамъ о чудесахъ искусства въ Венеціи, объяснять мозаичные труды братьевъ Цуккати или развертывать лѣтопись блестящихъ подвиговъ Андрея Дандоло, Себастіана Веліери и Франческо Морозини, краснорѣчиво написанную на великолѣпныхъ стѣнахъ дожескаго дворца кистью Тиціана, Веронезе и Тинторетто. Пойдемте лучше любоваться въ ясный и теплый осенній день, подобный сегодняшнему, видомъ красавицы Венеціи, множества ея островові, спокойною поверхностью лагунъ и близкаго моря; посмотримъ лучше на жизнь венеціанцевъ, вѣчно шумную и подвижную, и при видѣ памятниковъ ихъ величія вспомнимъ также ихъ прошлую

жизнь. Сегодня небо такъ ясно, солнце играетъ такою яркою игрою на морѣ, въ прозрачномъ воздухѣ такъ рѣзко рисуются контуры отдаленныхъ горъ и острововъ, что было бы непростительно провести такой день въ четырехъ стѣнахъ какого нибудь палаццо. Вся природа манитъ сегодня на открытый воздухъ: она, кажется, говоритъ, чтобы мы пошли упиться настоящею минутою на пиру, который она даетъ сегодня. Пойдемте же наслаждаться итальянскимъ осеннимъ днемъ, любоваться Венеціею и вспоминать ея прошлый блескъ.

Откуда ни пріѣзжалъ бы путешественникъ, въ первый или десятый разъ посѣщающій Венецію, онъ тотчасъ идетъ на площадь св. Марка; усталый отъ сухопутной или морской поѣздки, онъ забываетъ перенесенныя безпокойства, спѣшитъ къ гостинницѣ отдать свои вещи и, ежеминутно сбиваясь въ узкихъ и безчисленныхъ переулкахъ, спрашиваетъ у каждаго встрѣчнаго, гдѣ Piazza di S. Marco. Онъ горитъ нетерпѣніемъ увидѣть знаменитую площадь: ее столько разъ прославляли въ стихахъ, описывали въ прозѣ; онъ читалъ о ней безчисленное множество путевыхъ впечатлѣній; въ головѣ его жужжитъ, какъ припѣвъ какой-нибудь часто слышанной пѣсни, знаменитая фраза о ней Наполеона и ему хочется поскорѣе собственными глазами удостовѣриться въ ея справедливости. Востроглазый и плутоватый уличный мальчишка, съ перваго взгляда узнавшій въ немъ чужестранца, предлагаетъ ему проводить его; онъ спѣшитъ принять его услуги, повидимому столь безкорыстныя, и ему кажется, что проводникъ идетъ слишкомъ медленно: такъ велико его любопытство.

Начнемъ и мы сегодняшнюю нашу прогулку съ площади св. Марка. Иначе и нельзя: въ Венеціи нужно прежде всего видѣть Піаццу; это — ея сердце, куда притекаетъ и откуда разливается вся ея жизнь. Изъ нашего отеля по узенькой улицѣ, оканчивающейся канавой, чрезъ которую ведетъ каменный мостъ, пойдемте подъ своды этого длиннаго зданія.

Несмотря на раннюю пору дня, съ удивленіемъ замѣчаемъ,

что сотни людей движутся здѣсь взадъ и впередъ. Крикъ продавцовъ, шумныя восклицанія, быстрыя движенія, мелодическая рѣчь или голосъ, все это ново, все поражаетъ: вы чувствуете, что находитесь среди народа южнаго, не любящаго оковывать свои движенія условной маской свѣтскаго тона. Но едва успѣли вы сдѣлать шагъ подъ этими сводами, бросить взглядъ на пеструю толпу, проходящую передъ вами, какъ къ вамъ подбѣгаетъ, съ улыбкою на устахъ, черноволосая дѣвушка съ корзиною цвѣтовъ и вручаетъ вамъ букетъ. Воткните его въ петлицу вашего пальто. Еще шагъ — и мы подъ открытымъ небомъ, мы на площади св. Марка: любуйтесь же!

Въ самомъ дѣлѣ, она достойна своей всемірной славы, или, такъ какъ я принадлежу къ числу ея поклонниковъ, то мнѣ хочется сказать, что она выше своей славы. Съ перваго дня основанія Венеціи всѣ вѣка содѣйствовали ея украшенію. Есть площади, которыя поражаютъ своею строгою правильностью и громадностью, другія—красотою своихъ памятниковъ. Piazza di S. Marco соединяетъ тѣ и другія качества: ея громадные размѣры удивляютъ красотою своихъ линій; единственные въ мірѣ памятники искусства составляютъ ея внѣшнюю декорацію. Краеугольный камень ея красоты — это церковь или базилика св. Марка, патрона Венеціи. Съ перваго взгляда, брошеннаго на этотъ странный и до сихъ поръ еще не объясненный памятникъ искусства, русскій путешественникъ узнаетъ въ базиликѣ св. Марка что-то знакомое, напоминающее ему храмы его родины, храмы златоглавой Москвы. Въ самомъ дѣлѣ, восточная внѣшность и внутренное расположеніе этой базилики происходятъ оттого, что первые ея строители были византійскіе греки, призванные дожами въ Венецію. Но въ теченіе ряда столѣтій она не осталась дѣломъ однихъ рукъ: благочестивое усердіе всѣхъ вѣковъ хотѣло оставить на этомъ памятникѣ, воздвигнутомъ на прославленіе великаго патрона города, свой слѣдъ—и вотъ объясненіе происхожденія смѣси его внѣшнихъ и внутреннихъ украшеній, принадлежащихъ

самымъ разнообразнымъ эпохамъ и народамъ, но составляющихъ цѣлое гармоническое и въ высшей степени оригинальное. Трофеи безчисленныхъ побѣдъ венеціанцевъ, а эти трофеи состояли изъ драгоцѣнныхъ мраморныхъ колоннъ и лучшихъ произведеній искусствъ, плоды самаго жестокосерднаго грабежа, по обыкновенію назначались для украшенія базилики. Взгляните на эти колонны: онѣ взяты при осадѣ Сенъ-Жанъ д'Акра; эти барельефы съ символами египетскаго культа, можетъ быть, нѣкогда украшали какой-нибудь храмъ языческой Цереры; эти бронзовыя двери служили входомъ въ храмъ св. Софіи въ Константинополѣ; этихъ четырехъ мѣдныхъ коней, стоящихъ надъ главнымъ порталомъ, старый герой Дандоло взялъ съ константинопольскаго ипподрома и съ торжествомъ привезъ въ Венецію, какъ лучшіе трофеи знаменитаго взятія столицы Византійскаго царства. Каждый венеціанскій корабль возвращался въ отечество съ даромъ для св. Марка и, можетъ быть, нѣтъ памятника въ свѣтѣ, котораго составныя части и происхожденіе было бы труднѣе объяснить. Но эта самая смѣсь украшеній, эти византійскія формы, эта драгоцѣнность матеріаловъ дѣлаетъ базилику св. Марка чрезвычайно интереснымъ предметомъ изученія для археолога и любителя исторіи искусствъ.

Противъ базилики возвышаются три мачты на прекрасныхъ бронзовыхъ пьедесталахъ: на нихъ нѣкогда развѣвались флаги подвластныхъ Венеціи государствъ: Кипра, Кандіи и Мореи. Глядя на нихъ ежедневно, венеціанецъ гордился этими внѣшними знаками своего далеко распространеннаго могущества. Одновременно съ базиликою св. Марка начата была и находящаяся недалеко отъ нея колокольня или кампанилла св. Марка, оконченная тоже черезъ нѣсколько столѣтій, именно въ началѣ 16-го вѣка. Это поражающее своею громадностью четыреугольное зданіе, поставленное на столь зыбкомъ фундаментѣ, какова почва Венеціи, было еще не окончено во времена знаменитаго Альберта Дюрера, который, путешествуя по Италіи,

сдѣлалъ планъ Венеціи въ 1500 году. У подножія кампаниллы знаменитый архитекторъ и скульпторъ Джакопо Сансовино, котораго труды безчисленны въ этомъ городѣ, построилъ очень изящный домъ, богато украшенный мраморомъ и скульптурными произведеніями изъ бронзы, который называется у итальянцевъ общимъ именемъ Loggia или Loggieta, т. е. домъ, крытое жилище. Во время засѣданій великаго совѣта въ дожескомъ дворцѣ лоджіету занималъ прокураторъ св. Марка, начальствовавшій надъ гвардіей: онъ наблюдалъ надъ внѣшнею неприкосновенностью этихъ засѣданій.

Кромѣ базилики св. Марка, которой фасадъ образуетъ одну сторону площади, три прочія стороны піаццы обставлены не менѣе замѣчательными и превосходными зданіями. Это суть часовая башня въ три этажа, построенная другимъ знаменитымъ архитекторомъ XV вѣка Петромъ Ломбардскимъ, украшенная греческими мраморами, позолотою, съ великолѣпнымъ кадраномъ и съ искусною механическою игрушкою, и старыя и новыя прокураціи. Эти обширныя зданія, построенныя на аркадахъ, подъ которыми нынѣ находится блестящій рядъ магазиновъ и кофеенъ, служили прежде жилищами прокураторамъ св. Марка, второстепеннымъ великимъ сановникамъ Венеціи, учрежденнымъ еще въ первые дни основанія государства. Построеніе этихъ прокурацій принадлежитъ разнымъ временамъ: старыя прокураціи выстроены были въ XV ст., находящіяся противъ ихъ новыя воздвигнуты были въ концѣ XVI стол., а такъ называемая Новая галлерея, Fabbrica nuova, составляющая фасадъ, противоположный базиликѣ св. Марка, есть произведеніе, не совершенно удачное, нашего вѣка.

Съ площади св. Марка пройдемъ на вторую площадь Венеціи, гораздо меньшую и поэтому называемую Піаццетта, т. е. площадка. Если характеръ первой есть стройное величіе, то вторая отличается какою-то особенною миловидною и кокетливою красотою. Если вы хотите полюбоваться Піаццеттой, то взгляните на нее съ моря: вы увидите, какъ на

небольшомъ пространствѣ, въ прекрасной перспективѣ, здѣсь столпились всѣ зданія, которыми вы любовались на піаццѣ. Въ самомъ углубленіи находятся башня часовъ и старыя прокураціи; ближе къ вамъ — кампанилла съ лоджіетою и базилика св. Марка. Но какъ краеугольный камень красоты площади св. Марка составляла церковь, такъ главное украшеніе Піаццетты есть дожескій дворецъ. Послѣ базилики, съ которою онъ соединяется прекрасными воротами, называемыми Porta della Carta, это второй замѣчательный памятникъ искусства въ Венеціи. Какъ на базиликѣ св. Марка оставило неизгладимые слѣды искусство византійское, такъ на внѣшней сторонѣ Palazzo ducale среди многихъ стилей преобладаетъ характеръ арабскій. Какъ базилику св. Марка, такъ и дожескій дворецъ строили также въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Исторія его постепеннаго построенія, объясненіе произведеній искусствъ, въ немъ сохраняющихся, описаніе событій, въ немъ происходившихъ, составили бы очень полную и любопытную книгу, въ которую вошла бы большая часть исторіи Венеціи. Печальна была участь первыхъ его строителей. Древнѣйшій фасадъ его, выходящій на набережную, былъ начатъ геніальнымъ архитекторомъ Филиппомъ Календаріемъ во время правленія дожа Марино Фаліери, въ половинѣ XIV вѣка. Взгляните на эти два ряда портиковъ, находящихся одинъ подъ другимъ: какая разнообразная и поэтическая фантазія видна въ капителяхъ колоннъ перваго ряда. Изъ соединенія аркадъ втораго ряда происходитъ чрезвычайно изящный фризъ à jour, черезъ который блеститъ голубое небо Италіи. Надъ этими двумя портиками возвышаются стѣны, составленныя изъ небольшихъ мраморныхъ четыреугольниковъ бѣлаго и краснаго цвѣта, расположенныхъ особеннымъ рисункомъ. Семь окошекъ, изъ которыхъ одно въ серединѣ съ великолѣпнымъ скульптурнымъ фронтономъ, находятся на каждомъ изъ двухъ переднихъ фасадовъ этого зданія. Неправда ли, вы поражены оригинальностью этого зданія, напоминающаго вамъ дворцы

тысячи одной ночи? И геніальный архитекторъ не довелъ его до конца: онъ палъ вмѣстѣ со многими въ столь извѣстномъ въ венеціанской исторіи переворотѣ. Точно такъ же печальна была участь дожа, при которомъ это зданіе приведено было къ концу: оно окончено было, по первоначальному плану Календарія, въ 1424 году, при извѣстномъ дожѣ Франческо Фоскари, котораго трагическая судьба всѣмъ извѣстна. Но и этимъ построеніемъ еще не оканчивается судьба этого зданія. Страшный пожаръ, разрушившій многія внутреннія залы и грозившій паденіемъ всему зданію, подалъ въ 1577 году правительству Венеціи мысль сломать весь дворецъ. Палладій, этотъ Рафаэль архитектуры, представилъ тогда сенату проектъ новаго дворца. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ геніальный человѣкъ соорудилъ бы классическое во всѣхъ отношеніяхъ зданіе, но архитекторъ da Ponte, построивъ мостъ Ріальто, увѣрилъ сенатъ въ возможности сохраненія творенія Календарія и на него возложили реставрацію дожескаго дворца. Такимъ образомъ, благодаря энергическимъ представленіямъ этого соперника Палладія, Венеція сохранила одинъ изъ самыхъ оригинальнѣйшихъ своихъ памятниковъ.

Противъ дожескаго дворца возвышается продолженіе новыхъ прокурацій, въ которомъ прежде помѣщалась знаменитая въ лѣтописяхъ науки библіотека св. Марка. Это чрезвычайно изящное зданіе, построенное Сансовиномъ, Палладій называетъ «памятникомъ можетъ быть самымъ богатымъ и изукрашеннымъ изъ воздвигнутыхъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до его дней». Другой знаменитый венеціанецъ, Піетро Аретино, современникъ и другъ Сансовино, не могъ найти достаточныхъ похвалъ произведенію своего друга и первый сказалъ о немъ фразу, столь извѣстную нынѣ: «оно выше зависти».

На самой набережной, называемой il Molo, почти въ срединѣ между дожескимъ дворцомъ и древнею библіотекою св. Марка, стоятъ двѣ колонны изъ восточнаго гранита, одна красноватаго, другая сѣраго цвѣта. Исторія этихъ двухъ ко-

лоннъ также очень любопытна. Подобно множеству другихъ сокровищъ Востока и онѣ назначались для украшенія базилики св. Марка. Дожъ Доменико Микели, одержавшій знаменитую побѣду при Яффѣ и снова завоевавшій Іерусалимъ, Тиръ и Аскалонъ, возвращаясь около 1125 года изъ обѣтованной земли въ Венецію, взялъ ихъ съ острововъ Архипелага, какъ знакъ могущества венеціанцевъ надъ Византійскою имперіею. Но когда ихъ привезли въ Венецію, оказалось, что онѣ слишкомъ велики для базилики. Долго лежали онѣ безъ всякаго вниманія, пока наконецъ архитекторъ Николай Барратіери изъ Ломбардіи не предложилъ воздвигнуть ихъ на томъ мѣстѣ, на которомъ онѣ стоятъ до нынѣшняго дня, и при этомъ употребилъ механизмъ, весьма искусный для того времени. Позднѣе поставили на одной мраморную статую св. Теодора, который до св. Марка былъ патрономъ Венеціи, а на другой — бронзоваго крылатаго льва, символическое животное св. Марка. Между этими двумя колоннами происходили въ прежнія времена казни преступниковъ и это мѣсто жило въ народной поговоркѣ, отъ которой невольно содрогался тотъ, кому ее произносилъ зловѣщій голосъ тайнаго врага.

Я люблю любоваться видомъ, который открывается съ набережной Піаццетты: на лазоревой поверхности прозрачныхъ водъ лагунъ передъ вами простираются острова Санъ-Джіорджіо съ великолѣпною церковью Санъ-Джіорджіо maggiore, превосходнымъ произведеніемъ славнаго Палладія, и Джудекка, на которой возвышается другой chef d'oeuvre того же Палладія—церковь il Redentore, съ широкимъ каналомъ Джудеккою. По правую руку начинается Canal grande, какъ будто у преддверія котораго стоитъ изящная церковь Santa Maria della Salute. По лѣвую руку тянется полукругомъ другая набережная, называемая Riva dei Schiavoni и оканчивающаяся публичными садами. Вдали синѣются разные острова, окружающіе Венецію. Сотни морскихъ судовъ самой разнообразной величины и формы стоятъ у набережной: бѣлые паруса

ихъ натянуты и, кажется, они ждутъ только попутнаго вѣтра, чтобы понестись въ отдаленныя моря.

Но еще рано. Площадь св. Марка и Піаццетта почти совершенно пусты; изрѣдка виденъ только прохожій, спѣшащій по дѣламъ, факинъ, несущій тяжелую ношу, или дѣвушка въ черной мужской шляпѣ, кокетливо надѣтой на бокъ, съ двумя ведрами, идущая черпать дождевую воду изъ изящныхъ бронзовыхъ цистернъ на дворѣ дожескаго дворца. Утромъ можно встрѣтить также на площади толпы туристовъ съ вожатыми и «Путеводителями по Италіи», спѣшащихъ на скорую руку осмотрѣть чудеса Венеціи. Они не любуются ни сегодняшнимъ прекраснымъ днемъ, ни чудесами искусства, видѣнными вчера: какъ несчастнаго Тантала, ихъ мучитъ жажда ежедневно видѣть новые предметы. Оставимъ эту глазѣющую и удивляющуюся толпу и возьмемъ одну изъ многочисленныхъ гондолъ, стоящихъ у набережной. Еще такъ рано, что мы успѣемъ проѣхать вдоль всего Большаго канала, взглянуть на его безчисленные мраморные палаццо и возвратиться къ двумъ часамъ пополудни на площадь св. Марка, гдѣ услышимъ превосходный оркестръ военной музыки и увидимъ сборище высшаго круга Венеціи.

Я не знаю экипажа, болѣе поэтическаго, чѣмъ гондола, эта карета Венеціи. Ее описывали и всѣ поэты и риѳмоплеты воспѣвали ее такое несмѣтное число разъ, что я боюсь наскучить вамъ новымъ описаніемъ. Но я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые не могутъ наговориться о красавицѣ, однажды ими овладѣвшей. Стройная гондола летитъ по лагунѣ, едва касаясь поверхности воды. Непривычный чужестранецъ ежеминутно опасается, что она опрокинется, но его страхъ не основателенъ: въ узкихъ каналахъ Венеціи, при ловкости и умѣньѣ правящаго, нѣтъ лодки безопаснѣе гондолы. Ее сравнивали съ пирогою дикарей Тихаго океана, но я думаю, что ее нельзя ни съ чѣмъ сравнить. Она отличается продолговатою формою, какою-то полулирою, вы-

соко спереди вырѣзанною, и навѣсомъ, скрывающимъ сидящихъ въ гондолѣ отъ любопытныхъ глазъ. Этотъ навѣсъ есть, безъ сомнѣнія, самая поэтическая и таинственная часть гондолы. Внутри его находятся четыре небольшія скамьи (потому что гондола не можетъ вмѣстить болѣе 4-хъ лицъ), на которыхъ сидятъ или, обыкновенно, лежатъ. Окошки разнаго рода, утонченно усовершенствованныя въ нашемъ вѣкѣ, впускаютъ свѣтъ въ гондолу. Когда днемъ слишкомъ жарко, то можно выдвинуть жалузи; если вы не любите вечерней прохлады, то выдвиньте зеркальныя стекла, которыя, пропуская свѣтъ, защищаютъ отъ тумана, поднимающагося изъ лагунъ. Но если вы желаете быть никѣмъ не видѣннымъ, или если гондола скрываетъ влюбленную чету, бѣгущую отъ глазъ свѣта, то понятливый гондольеръ тотчасъ опуститъ занавѣсы: вы очутитесь въ такой же мглѣ, какъ въ гробу. Кстати, вы можете тотчасъ отличить пріѣзжаго чужестранца или путешественника отъ природнаго венеціанца. Первый входитъ въ гондолу прямо, какъ обыкновенно входятъ въ каждый экипажъ, а въ гондолу должно входить задомъ. Венеціанецъ улыбается, видя вашу неловкость и неопытность: научитесь же поскорѣе входить въ гондолу. Но вы, въ свою очередь, тоже удивлены. Васъ поразилъ ея черный цвѣтъ; вамъ показалось, что всѣ гондолы одѣты трауромъ. Въ самомъ дѣлѣ гондолы выкрашены черною краскою; внутри навѣса скамьи обиты чернымъ сафьяномъ; снаружи его покрываетъ черное сукно. Только иногда пестрый коверъ лежитъ на полу гондолы. Она блистала въ прежнія времена золотомъ, рѣзьбою и драгоцѣнными парчами, эта воздушная красавица, но венеціанскіе нобили, соперничествуя въ блескѣ и великолѣпіи, довели украшеніе гондолъ до такой безумной и раззорительной роскоши, что строгое правительство Венеціи повелѣло уничтожить всякое внѣшнее различіе сословій и богатства въ украшеніи гондолъ и окрасить ихъ въ однообразную черную краску. Съ тѣхъ поръ она скользитъ по водамъ лагунъ, какъ таинственная тѣнь, и съ

этою черною маскою соединены самыя поэтическія воспоминанія о прошломъ, самыя пріятныя минуты путешественника въ настоящемъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколькихъ страстныхъ и трагическихъ сценъ во всѣ времена не была нѣмою свидѣтельницею гондола! На кормѣ ея стоитъ почти столь-же молчаливый, вѣрный и ловкій гондольеръ. Сколько воспоминаній соединено и съ этимъ именемъ! Есть еще люди, которые въ наши дни ищутъ въ Венеціи типъ стараго гондольера, поющаго оттавы Тасса на венеціанскомъ нарѣчіи, типъ того гондольера, который памятенъ каждому изъ старинныхъ балладъ и романсовъ. Этотъ гондольеръ давно уже умеръ. Давно уже всѣ попытки отыскать его, воскресить его, оказывались почти совершенно неудавшимися.

Жанъ-Жакъ Руссо еще слышалъ его пѣсни, но уже Байронъ въ письмахъ своихъ разсказываетъ, что всѣ его поиски были тщетны, и въ краснорѣчивыхъ стихахъ изливаетъ свои жалобы. Въ Венеціи не слышно болѣе напѣвовъ Тасса, я говорю словами великаго поэта, и гондольеръ гребетъ молчаливый. Только по временамъ на перекресткахъ и въ поворотахъ каналовъ слышится его грубый и охриплый голосъ, кричащій другой ѣдущей на встрѣчу гондолѣ какія-то условныя и непонятныя слова. Нынѣшній гондольеръ человѣкъ ловкій, очень искусный въ своемъ дѣлѣ, услужливый и трудолюбиво заботящійся о насущномъ кускѣ хлѣба. Въ немъ нѣтъ ни рыцарскихъ качествъ, ни поэзіи прошлыхъ временъ, но за то онъ сдѣлался хорошимъ семьяниномъ, и если вы взглянете на себя, на всю прозаическую дѣйствительность, насъ окружающую, то должны признаться, что бѣдный гондольеръ, который даже въ одеждѣ своей всегда слѣдить за модою и теперь носитъ круглую шляпу и кургузое пальто, не одинъ виноватъ въ томъ, что лишился того поэтическаго ореола, который его прежде окружалъ. Спросите себя сами, гдѣ теперь поэзія въ жизни?

Но съ каждымъ взмахомъ весла наша гондола летитъ впередъ по Большому каналу. Эта единственная въ мірѣ по красотѣ и великолѣпію находящихся на ней мраморныхъ дворцовъ

улица тянется вдоль всей Венеціи и раздѣляетъ ее на двѣ части. Она начинается у Піацетты и оканчивается у Isola di S-ta Chiara. Большой каналъ имѣетъ неправильную форму, похожую на французскую букву S. Байронъ, о которомъ нельзя не говорить, говоря о Венеціи, переплывшій Геллеспонтъ, проплылъ и Canal Grande во всю его длину въ $4^1/_2$ часа, не отдохнувъ ниразу. Большой каналъ часто сравниваютъ съ другими знаменитыми улицами большихъ европейскихъ городовъ; его называютъ Корсо, Толедо и т. д. Венеціи. Но какъ самый городъ нельзя сравнить съ другими городами, такъ и Canal Grande не можетъ быть уподобленъ ни одной улицѣ. Это улица не только самая великолѣпная изъ существующихъ, но и совершенно историческая. На этихъ мраморныхъ дворцахъ, принадлежащихъ вѣкамъ величія Венеціи, можно прочесть почти всю ея исторію. Они принадлежатъ самымъ знатнымъ фамиліямъ венеціанскихъ патриціевъ, которыхъ происхожденіе совпадаетъ съ основаніемъ государства. Съ именами этихъ патриціанскихъ фамилій связана на каждой страницѣ исторія Венеціи. Каждая изъ нихъ дала государству нѣсколько прокураторовъ, сенаторовъ, посланниковъ, иногда полководцевъ или нѣсколькихъ дожей, гордо начертавшихъ на стѣнахъ palazzo ducale блестящую лѣтопись собственныхъ дѣяній. Вкусъ къ богатству и роскоши, распространенный въ Венеціи, и желаніе превзойти другъ друга великолѣпіемъ создали, преодолѣвая неимовѣрныя трудности почвы, эти два ряда мраморныхъ палаццо. Взгляните на ихъ разнообразную архитектуру: тутъ есть образцы всѣхъ ея стилей, начиная отъ мавританскаго дворца Cà d'oro, напоминающаго дворцы Алгамбры, до тяжелаго и громаднаго фасада палаццо Пезаро, произведенія эпохи упадка архитектуры. Взгляните, какой блестящій рядъ историческихъ лицъ связанъ съ этими жилищами: вотъ дворцы фамилій Корнеръ, Кавалли, Микели, Валіеръ, Морозини, Контарини, Джустиніани, Фоскари, Мочениго, Пизани, Гримани, Тіеполо и послѣдняго изъ дожей Венеціи... Я не

стану разсказывать вамъ о внутреннемъ великолѣпіи этихъ дворцовъ: сегодня намъ нельзя было ни посѣтить внутренность церкви св. Марка и залы дожескаго дворца, ни полюбоваться картинной галлереей Академіи Художествъ, находящейся тоже на Большомъ каналѣ, но вы можете себѣ представить, что внутренніе покои этихъ палаццо блистали мраморомъ, венеціанскими зеркалами и люстрами Мурано, золотыми украшеніями и драгоцѣнными матеріями, а потолки были расписаны величайшими живописцами венеціанской школы. Вѣдь это были вѣка богатства и величія Венеціи.

Почти на самой срединѣ всего протяженія Большаго канала находится одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ мостовъ Венеціи, именно мостъ Ріальто. Онъ построенъ архитекторомъ da Ponte, о которомъ я разсказывалъ выше, въ 1591 году, при дожѣ Паскале Чигонья, котораго имя живетъ еще въ устахъ народа. Этотъ мостъ славится своею прочностью; въ самомъ дѣлѣ, его единственная, очень широкая арка, возвышающаяся на столь зыбной почвѣ, поражаетъ своею массивною смѣлостью. Съ основаніемъ этого моста соединены поэтическія сказанія: какъ всю Венецію, такъ и Ріальто воспѣвали поэты, но я на этотъ разъ (и этотъ разъ — единственное исключеніе) не раздѣляю ихъ поэтическаго восторга: мостъ Ріальто имѣетъ для меня слишкомъ меркантильный характеръ. Посрединѣ его тянутся два ряда лавокъ со всѣми возможными товарами: особенно славятся золотыя цѣпочки, на немъ продаваемыя. Здѣсь не умолкаетъ голосъ купцовъ и звонъ монетъ, и такъ какъ я не врагъ сравненій, то скажу, что Ріальто — венеціанскій Шейлокъ, важный и дородный жидъ, гордящійся своимъ богатствомъ, но и въ самой величественной внѣшности своей постоянно сохраняющій характеръ торгаша.

Между тѣмъ къ двумъ часамъ площадь св. Марка наполняется толпою гуляющихъ. Уже издали слышенъ превосходный оркестръ военной музыки, играющій отрывокъ изъ какой-то новой любимой оперы. Поспѣшимъ и мы на піаццу,

чтобы бросить взглядъ на пеструю толпу. Оживленная массою гуляющихъ, площадь св. Марка походитъ на великолѣпный залъ. То, что ее отличаетъ отъ всѣхъ площадей въ мірѣ, есть именно ея характеръ салона, которому, по выраженію Наполеона, только одно небо достойно быть сводомъ. На гладкомъ и чистомъ полу этого салона, состоящемъ изъ каменныхъ плитъ, никогда не раздается ни шумъ экипажей, ни стукъ лошадиной подковы. Истый Венеціанецъ не имѣетъ понятія объ экипажѣ, называемомъ каретой, или о конѣ, животномъ для него чисто миѳологическомъ. У площади св. Марка есть только одинъ обитатель: это человѣкъ. За то сколько различныхъ физіогномій, сколько разнообразныхъ одеждъ встрѣтите вы здѣсь: я не ошибусь, если скажу, что здѣсь гуляютъ образчики всѣхъ европейскихъ націй и даже части азіатскихъ. Если вы путешествовали на Европейскомъ материкѣ хоть нѣсколько мѣсяцевъ, то давно уже научились различать народныя физіогноміи. На площади св. Марка возлѣ толпы красивыхъ какъ Аполлоны итальянцевъ или европейскихъ модниковъ, разодѣтыхъ по послѣдней картинкѣ смѣшныхъ парижскихъ модъ, идетъ серьезный грекъ въ своей широкой національной одеждѣ; великолѣпная свѣтская дама сталкивается съ человѣкомъ, закутаннымъ въ черный плащъ, съ большою загнутою по сторонамъ шляпою на головѣ и фіолетовыми чулками на ногахъ. Тутъ раздаются всѣ языки образованнаго міра. Тутъ блестятъ чужестранныя красавицы, потому что въ Венеціи живетъ постоянно много иностранцевъ. Какъ Пушкинъ въ обширной странѣ нашелъ только одну пару стройныхъ женскихъ ногъ, такъ и я въ трехъ обширныхъ земляхъ видѣлъ только одну пару такихъ глазъ, каковы глаза звѣзды всѣхъ чужестранныхъ красавицъ Венеціи, голубоокой дочери Германіи, баронессы Герминіи К. Надъ этимъ салономъ, надъ этими вѣковыми зданіями, надъ этою шумною говорливою толпою простирается темнолазоревое небо и вся эта картина горитъ въ темныхъ лучахъ итальянскаго солнца. Вы повѣрите, что это прекрасная картина.

Но физіогноміи высшихъ слоевъ общества такъ хорошо намъ знакомы, высшіе круги во всѣхъ большихъ городахъ такъ похожи другъ на друга, что, удовольствовавшись однимъ бѣглымъ взглядомъ на это пестрое гулянье, пойдемте лучше посмотрѣть на народную жизнь въ Италіи. Это новѣе для насъ. Намъ столько разсказывали объ открытой жизни итальянскаго народа, что простое любопытство должно заставить насъ познакомиться съ нею. Чтобы видѣть жизнь простонародья въ Венеціи, заглянемъ въ одну изъ безчисленныхъ улицъ ея, а потомъ пройдемъ на Riva dei Schiavoni. Слово «улица» должно васъ удивить, потому что вы воображаете себѣ, что въ Венеціи вмѣсто улицъ одни каналы. Нѣтъ, въ Венеціи безчисленное множество прекрасно вымощенныхъ улицъ, но это такія улицы, передъ которыми любой переулокъ Петербурга показался бы просто площадью. По узости этихъ улицъ, по микроскопической величинѣ площадокъ, находящихся передъ церквами или образуемыхъ нѣсколькими домами, потому что каждый домъ въ Венеціи имѣетъ одинъ выходъ на каналъ, другой на улицу или площадку, видно, какъ дорожили строители этого города каждымъ клочкомъ земли, который могли вырвать у моря. Эти безчисленныя улицы связаны между собою каменными мостами, которыхъ поэтому въ Венеціи тоже безчисленное множество. А безъ преувеличенія можно сказать, что большая часть улицъ Венеціи такъ узка, что можно протянуть руку сосѣду, живущему въ противоположномъ домѣ. Нижніе этажи домовъ занимаетъ обыкновенно или торговля, или мелкая промышленность, любящая работать въ Италіи на воздухѣ. Идя вдвоемъ по улицѣ, безпрерывно толкаешься о галантерейный магазинъ, котораго всѣ товары разложены на открытомъ воздухѣ, объ овощную лавку, въ которой горами лежатъ овощи и сырые продукты земли, о магазинъ готовыхъ платьевъ, гдѣ на всякой стѣнѣ развѣшена сотня разноцвѣтныхъ пальто, или о мастерскую сапожника, который съ своими помощниками почти переселился на улицу. Въ этомъ тѣсномъ

переулкѣ, толкаясь, проходитъ пестрая толпа, раздается пронзительный крикъ ходячаго продавца рыбы или горячихъ каштановъ. Въ ясный и солнечный день мелкая промышленность овладѣваетъ даже площадками: тутъ прачки сушатъ свое бѣлье, переплетчикъ спокойно раскладываетъ на каменныхъ квадрахъ свои свѣже-переплетенныя книги, чтобы просушить ихъ на солнцѣ, куча женщинъ, сидя на стульяхъ, занимается своею ежедневною работою, и иногда здѣсь происходятъ передъ глазами всѣхъ проходящихъ такія туалетныя сцены, которыя обыкновенно скрываетъ отъ любопытства непроницаемая стѣна каменнаго дома.

Но чтобы видѣть народную жизнь Венеціи не только съ ея промышленной, но и съ ея живой и забавной стороны, пройдемте на Riva dei Schiavoni, на которой для простонародья ежедневно праздникъ. Riva dei Schiavoni, или по-русски «Берегъ Славянъ», получила свое имя отъ того, что къ ней въ прежнія времена приставали съ противоположнаго берега Адріатическаго моря славянскіе народы, торговавшіе съ Венеціей. Эта длинная и довольно широкая набережная простирается отъ дожескаго дворца до публичныхъ садовъ. Но мы должны прежде перейти черезъ Ponte della Paglia или Соломенный мостъ, а на этомъ мосту нужно остановиться на нѣсколько минутъ. Между дожескимъ дворцомъ и государственною тюрьмою, печальною и мрачною, течетъ каналъ. Взгляните на этотъ каменный крытый мостъ, высоко висящій въ воздухѣ и соединяющій эти два зданія: это знаменитый мостъ Вздоховъ, Ponte dei Sospiri... По двумъ корридорамъ этого моста преступники переходили изъ тюремъ прямо въ судейскія залы дожескаго дворца, гдѣ ожидали ихъ страшныя орудія пытки, которыя, если угодно, вамъ покажутъ завтра, но я увѣренъ, что при видѣ ихъ волосы на головѣ станутъ у васъ дыбомъ... Неправда ли, при одномъ словѣ «мостъ Вздоховъ» вашему воображенію представились сотни трагическихъ сценъ, нѣкогда разыгрывавшихся здѣсь въ этихъ мрачныхъ жилищахъ отчаянія, близъ

этой двери, которая растворялась въ полночь при свѣтѣ факеловъ, на этомъ каналѣ, гдѣ погребальная гондола ждала чей-то трупъ, отвозила его въ Canal orfano и погружала его тамъ въ холодныя волны глубокаго моря... Если вы одарены романическимъ воображеніемъ и хотите полюбоваться таинственною красотою моста Вздоховъ, то совѣтую вамъ взглянуть на него при лунномъ освѣщеніи или въ вечернія сумерки; увѣряю васъ, что этотъ видъ никогда не изгладится изъ вашей памяти.

Но отъ этихъ печальныхъ сценъ прошлой венеціанской жизни, на мгновеніе бросившихъ мрачную тѣнь на нашу живую картину, обратимся скорѣе опять къ дѣйствительности, болѣе веселой и отрадной. Сдѣлаемъ еще нѣсколько шаговъ: вотъ мавританскій palazzo Нани-Мочениго, въ которомъ теперь отель Даніели, одинъ изъ лучшихъ въ Италіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ жила здѣсь первая изъ современныхъ писательницъ Франціи, которой живыя описанія венеціанской жизни и романы, взятые изъ прошлой исторіи Венеціи, мы читали съ такимъ наслажденіемъ. Окна ея комнатъ, цѣлый день согрѣваемыхъ зимою горячими лучами итальянскаго солнца, выходили на набережную, на которой тоже цѣлый день шумитъ живая толпа, на зеленыя лагуны, покрытыя кораблями, на отдаленные острова и красавицу Венецію, синѣющуюся въ вечернемъ туманѣ. Два венеціанскихъ молодыхъ нобиля, влюбленные въ поэтическій талантъ этой женщины, одѣтые въ костюмы гондольеровъ, показывали ей каждый вечеръ опыты прежнихъ рыцарскихъ упражненій и удовольствій венеціанскихъ патриціевъ. Съ быстротою стрѣлы пролетали они на своихъ гондолахъ вдоль набережной и въ то мгновеніе, когда гондола, казалось, должна была разбиться о каменную стѣну набережной, они съ неимовѣрной ловкостью останавливали ее и она, какъ послушное животное, смирно ложилась у ногъ ихъ. Эта писательница сохранила въ своихъ воспоминаніяхъ память объ этихъ опытахъ умѣнья управлять гон-

долою и сожалѣла только, что эти рыцарскія упражненія болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія въ Венеціи нашего времени.

Riva dei Schiavoni на всемъ протяженіи своемъ представляетъ нашимъ глазамъ самыя разнообразныя сцены народной жизни въ Венеціи, но самыя любопытныя изъ этихъ сценъ происходятъ въ началѣ ея. И тутъ суетливая мелкая промышленность (замѣтьте только букиниста и аукціонера) овладѣла значительнымъ пространствомъ, но она не составляетъ отличительной характеристики Ривы. То, что отличаетъ Риву отъ всѣхъ прочихъ частей Венеціи, это — толпа, которая движется на ней, и зрѣлища, которыя даются для этой толпы. Главный и постоянный обитатель ея — это морякъ. Разумѣется, въ такомъ приморскомъ городѣ, какова Венеція, число матросовъ должно быть очень значительно. Они стоятъ, одѣтые въ коричневые темные плащи съ капуцинами, съ синими или красными фесками на головахъ, образуя цѣлыя группы, или сидятъ на скамьяхъ передъ остеріей, слушая какого нибудь говоруна. Солдаты, по нѣскольку въ рядъ, медленно прохаживаются по набережной или смотрятъ на одно изъ безчисленныхъ зрѣлищъ, которыя даются на площади. Взгляните на этихъ двухъ прекрасныхъ дѣвушекъ, идущихъ скорымъ шагомъ: это чистыя уроженки Венеціи. Изящныя формы ихъ головы не безобразитъ модная шляпка и не скрываетъ какой нибудь пестрый платокъ. Я люблю ихъ удивительно-роскошные волосы, сплетенные въ широкія косы, но еще болѣе люблю цвѣтъ кожи ихъ лица, смуглый съ зеленоватымъ отливомъ или желтовато-зеленый. Въ чертахъ ихъ сохранились еще слѣды той красоты, которая удивляетъ насъ въ женщинахъ Тиціана. Вотъ сидятъ неподвижные, подобно изваяніямъ, жители Востока въ своей тяжелой національной одеждѣ: кажется, нельзя повѣрить, чтобы меркантильная выгода и ихъ привела въ нашу часть свѣта и заставила выйти изъ состоянія косности, въ которомъ они пребываютъ уже столько

столѣтій. Нищіе, свернувшись въ клубокъ или растянувшись во всю длину тѣла, спятъ на солнцѣ, пріятно грѣющемъ ихъ лѣнивые члены. Старухи, сидя на стульяхъ, вяжутъ или шьютъ; мальчишки съ крикомъ и шумомъ играютъ въ орлянку; наконецъ, стуча деревянными башмаками, идетъ высокій, стройный и красивый рыбакъ, котораго вы вѣроятно видѣли на картинахъ Леопольда Робера, этого геніальнаго живописца, который тоже жилъ въ Венеціи, любилъ ее, понималъ ее, умѣлъ воспроизводить ее на полотнѣ и, бѣдный, окончилъ здѣсь самовольно и преждевременно прекрасно-начатую жизнь свою.

Въ любой часъ дня вы можете видѣть, какъ многіе изъ лицъ этой толпы останавливаются и начинаютъ глазѣть на одного изъ тѣхъ штукарей, которые показываютъ удивительные опыты своего знанія или искусства передъ этими изумленными зрителями. Первое мѣсто изъ этихъ шарлатановъ принадлежитъ бродячему сыну Эскулапа, который разставилъ на своемъ столѣ сотни таинственныхъ склянокъ съ какимъ-то желтымъ содержимымъ. Къ этому столу придѣланы два красныхъ знамени, на которыхъ нарисованы змѣи и какія-то еще другія непонятныя чудеса. Самъ Дулькамаре (я разумѣю не опернаго доктора, но исцѣляющаго страждущихъ на венеціанской Ривѣ), нѣсколько похожій на сына Востока или потомка того невѣдомаго племени, которое мы называемъ цыганами, одѣтъ въ какой-то полуфантастическій нарядъ, а голова его украшена высокою черною бараньею шапкою съ краснымъ колпакомъ. Указывая на склянки, стоящія на его столѣ, на которомъ красуются также черепа (вѣроятно, намекъ на будущность, ожидающую его паціентовъ), онъ толкуетъ слушателямъ свойства своихъ всеисцѣляющихъ эликсировъ. Въ толпѣ глубокое молчаніе: всѣ ждутъ чудесъ. Послѣ долгаго ожиданія изъ толпы выдѣляется наконецъ старый морякъ. На бѣдняжку жаль смотрѣть: глаза его воспалены страшнымъ образомъ. Шарлатанъ начинаетъ какую-то очистительную операцію, въ которой силь-

но работаютъ его грубые пальцы и платокъ. Получивъ грошъ или два за труды и свою склянку съ желтымъ жидкимъ веществомъ, онъ увѣряетъ старика, что онъ выздоровѣетъ черезъ нѣсколько дней, и велитъ ему приходить завтра. Гораздо прибыльнѣе венеціанскаго Дулькамаре дѣйствуетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него фокусникъ, показывающій опыты натуральной магіи и проворства своихъ рукъ. Число его зрителей гораздо малочисленнѣе, что должно приписать необыкновенной разсчетливости его ума: онъ заставляетъ зрителей сперва развязать свои кошельки, а потомъ уже показываетъ свои фокусы. Летучая панорама, panorama volante, такъ названная содержателемъ, потому что она безпрерывно показываетъ свои виды на разныхъ улицахъ, имѣетъ также своихъ постоянныхъ зрителей: это мальчишки или люди, мало видѣвшіе свѣтъ. Матросъ презираетъ ее: онъ видѣлъ всѣ эти города въ натурѣ. Какъ и вездѣ, содержатель панорамы – краснобай: онъ умѣетъ описывать столицы, которыя видны черезъ стеклышко его ящика, и съ быстротою мысли перелетать изъ Тулона въ Палермо и изъ Берлина на островъ св. Елены. Но любимое народное зрѣлище, около котораго толпятся старъ и малъ, есть театръ маріонетокъ, который нужно непремѣнно видѣть въ Италіи, этой родинѣ маріонетокъ. Содержаніе представляемыхъ на этомъ летучемъ театрѣ пьесъ вѣчно одно и то же, только каламбуры, острыя слова, шутки скрытаго, единственнаго живаго актера, славящагося въ толпѣ своимъ остроуміемъ, постоянно новы и заставляютъ зрителей помирать со смѣху. Толстый и смѣшной Пьерро буянитъ и бьетъ всѣхъ, пока за нимъ не приходитъ дьяволъ и, возложивъ на рога, не уноситъ въ адъ. Наказаніе порока и торжество невинности — вотъ мораль этой пьесы. И, любуясь этою живою толпою, вы не перестанете также любоваться чудною декораціею, которую щедрая природа дала всѣмъ этимъ представленіямъ: передъ вами простирается полукругомъ волшебная Венеція, вдали видно море, гладкое какъ зеркало и голубое какъ лазурь южнаго неба; у набе-

режной стоятъ сотни кораблей и рыбацкія барки съ распущенными парусами плывутъ по лагунамъ, на которыхъ синѣются Венеціанскіе острова съ ихъ остроконечными колокольнями и высокими куполами церквей.

Продолжая нашу прогулку по Ривѣ, мы, почти на самомъ концѣ ея, увидимъ вдали надъ каналомъ величественныя каменныя ворота краснаго цвѣта, великолѣпный входъ, украшенный разными изваяніями, и передъ нимъ четырехъ мраморныхъ львовъ, а въ самой глубинѣ какія-то длинныя строенія, мачты и остовы кораблей. Это знаменитый арсеналъ Венеціи, нѣкогда первый въ мірѣ, откуда выходили побѣдоносные венеціанскіе флоты, покорявшіе цѣлыя царства. Этихъ четырехъ львовъ, сдѣланныхъ изъ Гиметскаго мрамора, Франческо Морозини, прозванный Пелопоннесскимъ, привезъ изъ Греціи. Самый гигантскій изъ нихъ, на которомъ находится надпись, говорящая, что онъ посвященъ Аѳинѣ, былъ взятъ изъ Пирейской гавани и, можетъ быть, судя по скульптурной работѣ, былъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ честь Мараѳонской битвы. Второй изъ львовъ находился на дорогѣ изъ Пирея въ Аѳины. Въ блестящую эпоху Венеціи, когда она имѣла болѣе 300 военныхъ галеръ, въ этомъ арсеналѣ работали неутомимо тысячи рукъ, подымались тысячи молотовъ на наковальняхъ и готовились безчисленныя снасти. Вы можете представить себѣ, какъ жизнь кипѣла въ этихъ пространствахъ, которыхъ нельзя обойти въ одинъ день, если Дантъ, нѣкогда посѣтившій арсеналъ, такъ пораженъ былъ видѣннымъ имъ здѣсь зрѣлищемъ, что внесъ его описаніе въ свою «Божественную комедію».

На самомъ концѣ Ривы находятся публичные сады, устроенные Наполеономъ во время владычества французовъ въ Италіи. Само собою разумѣется, что въ Венеціи садъ принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ принадлежностямъ дома, и тѣмъ пріятнѣе въ осенній день сдѣлать прогулку по этимъ садамъ, посмотрѣть на зеленыя деревья и полюбоваться прекраснымъ

видомъ, который и здѣсь откроется вашимъ глазамъ. Венеція вездѣ такъ хороша, что на нее нельзя наглядѣться.

Но если вы желаете получить понятіе объ общемъ видѣ, положеніи или конфигураціи Венеціи, видѣть ее, какъ говорятъ, à vol d'oiseau, то взойдемте на кампаниллу св. Марка. Это восхожденіе очень удобно и нисколько не утомительно: вмѣсто крутой лѣстницы съ нѣсколькими сотнями ступеней спокойно всходишь въ десять минутъ на самый верхъ по отлогимъ скатамъ, сдѣланнымъ вокругъ четырехъ стѣнъ кампаниллы. За то какой видъ открывается отсюда! Вотъ она у ногъ вашихъ, эта вторая красавица, вышедшая изъ лона моря. Она раскинулась на семидесяти двухъ островахъ. Около 150 каналовъ, эти водяныя улицы Венеціи, изъ которыхъ въ особенности замѣчательны шириною Большой каналъ и Джудекскій, раздѣляютъ эти острова, и нужно было построить болѣе трехъ сотенъ мостовъ, чтобы соединить ихъ. Болѣе двухъ тысячъ узенькихъ каменныхъ улицъ находится между домами Венеціи. Вотъ площадь св. Марка и Піацетта; вотъ площадки, о которыхъ я говорилъ выше, числомъ около 50; вотъ всѣ зданія, которыми мы любовались сегодня. Вотъ разнообразные фасады и куполы церквей Венеціи, которыхъ теперь 112, а въ концѣ прошлаго столѣтія считалось 288. Вы можете судить о прежнемъ богатствѣ этого города, когда узнаете, что стоило построить на этой зыбкой почвѣ церковь или палаццо. Для построенія церкви Santa Maria della Seluta были опущены въ землю 1.200.000 свай. Почти каждая изъ церквей Венеціи замѣчательна по памятникамъ искусства, въ ней сохраняющимся. Вотъ церковь San Giovanni e Paolo — этотъ пантеонъ Венеціи, въ которомъ покоится большая часть ея дожей и полководцевъ и гдѣ вы увидите превосходную картину Тиціана — мученіе св. Петра[1]); вотъ S. Maria dei Frari, въ которой находятся памятники Тиціана и Кановы,

---

[1]) [Сгорѣла въ 1867 году. *Щ.*].

двухъ великихъ уроженцевъ Венеціи; вотъ S. Sebastiano, наполненная картинами Паоло Веронезе, Scuola S. Rocco—картинами Тинторетто; S. Maria Formosa—лучшими картинами старшаго Пальмы. Но я усталъ бы исчислять всѣ замѣчательныя церкви и картины, а эти картины такъ хороши, что они составили бы гордость любой галлереи большой европейской столицы. Венецію окружаютъ, среди лагунъ, на которыхъ она построена, около двадцати пяти острововъ, изъ которыхъ я укажу вамъ на самые замѣчательные: вотъ Мурано, славившійся прежде своими зеркальными и стеклянными фабриками; еще нынѣ можно встрѣтить его произведенія на рынкахъ Азіи и Африки. Вотъ островъ св. Лазаря, на которомъ находится армянскій монастырь Мехитаристовъ, тихая обитель науки, откуда разливается свѣтъ просвѣщенія на отдаленнѣйшія страны Востока. Сюда Байронъ, усталый отъ преслѣдованій свѣта, пріѣзжалъ каждый день, думая въ преодолѣваніи трудностей восточнаго языка найти новую пищу для тревожной дѣятельности своего ума. Вы, можетъ быть, удивляетесь, что имя этого великаго генія такъ часто встрѣчается подъ моимъ перомъ въ этомъ краткомъ описаніи Венеціи, но это имя связано почти съ каждымъ замѣчательнымъ мѣстомъ ея. Оно невольно приходитъ на память при взглядѣ на великолѣпный palazzo Mocenigo, въ которомъ Байронъ велъ бурную и странную жизнь,—при входѣ на эту кампаниллу, на которую онъ, какъ говоритъ легенда, въѣхалъ верхомъ,—при прогулкѣ по площади св. Марка, которую этотъ странный человѣкъ, говорятъ, видѣлъ только изъ окна, потому что стыдился показаться на ней со своею хромою ногою,—при посѣщеніи песчанаго берега Лидо, гдѣ ежедневно красивый англійскій конь носилъ поэта, который, вдохновляемый видомъ безбрежнаго моря, сочинялъ здѣсь лучшіе стансы свои. Здѣсь, въ Венеціи, познакомился онъ съ женщиной, къ которой сохранилъ глубочайшую привязанность до послѣднихъ дней своей жизни. Онъ былъ представленъ ей на вечерѣ у графини

Албрицци и... но я забылъ, что описываю Венецію, а не жизнь великаго поэта. Вотъ одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ и замѣчательныхъ острововъ Венеціанскаго архипелага — Торчелло, на которомъ вы увидите нѣкоторые древнѣйшіе памятники искусства въ Италіи, остатки временъ римскихъ и временъ нашествія варваровъ. Здѣсь найдетъ богатую пищу и антикварій, и художникъ, и мечтатель съ воображеніемъ, наклоннымъ къ меланхоліи. Наконецъ, вдали видите ли вы твердую землю? Венеція соединена съ нею посредствомъ желѣзной дороги, которая проведена черезъ лагуны по мосту, достойному сопернику славныхъ римскихъ дорогъ. На отдаленномъ горизонтѣ поднимаются высокія Альпы, которыхъ вершины покрыты снѣгомъ. Это чудесная картина. На противоположной сторонѣ длинная и узкая полоса земли, укрѣпленная высокими стѣнами, похожими на циклопическія работы, защищаетъ уже въ теченіе многихъ столѣтій Венецію отъ напоровъ Адріатическаго моря. Если вы захотите полюбоваться видомъ съ одной стороны открытаго и безбрежнаго моря, а съ другой — красавицы Венеціи, то возьмите гондолу и велите повезти себя въ Лидо: вы увидите картину, которую достойно могло описать только поэтическое перо Шарля Нозье.

Хорошъ день, но я еще болѣе люблю вечеръ и ночь въ Венеціи. Когда во время моей ежедневной прогулки по Ривѣ заходитъ солнце, я не могу оторвать глазъ отъ этого великолѣпнаго зрѣлища природы. Здѣсь по неволѣ дѣлаешься мечтателемъ. Я обыкновенно прислоняюсь къ periламъ какого-нибудь моста и долго смотрю. Темная лазурь верхняго свода небесъ, спускаясь къ горизонту, постепенно свѣтлѣетъ, переходитъ въ желтый цвѣтъ, алѣетъ и темными полосами спускается въ море. Туманы покрываютъ сѣрою полосою отдаленные острова Венеціи. Послѣдніе лучи заходящаго солнца горятъ пурпуромъ на мраморныхъ стѣнахъ дожескаго дворца и сосѣднихъ палаццо. Постепенно краски сгущаются, темнѣютъ и въ нѣсколько мгновеній вся эта

чудная картина природы и искусства покрывается совершеннымъ мракомъ.

Когда свѣтлый, ярко-свѣтлый мѣсяцъ (Венеція славится своимъ мѣсяцемъ: вы можете купить всѣ виды ея замѣчательныхъ зданій при лунномъ освѣщеніи) выходитъ изъ-за куполовъ св. Марка на темноголубомъ ночномъ небѣ, піацца превращается въ огромный бальный залъ, освѣщенный безчисленными газовыми лампами. Какой теплый, тихій вечеръ; какая жизнь на піаццѣ! Бродячіе оркестры, пѣвцы и музыканты, скрипки и гитары слышатся у знаменитыхъ кофеенъ Флоріано, Суиппиля и Квадри. Но мы хотимъ отдохнуть отъ сегодняшнихъ длинныхъ прогулокъ по Венеціи и вмѣстѣ съ тѣмъ насладиться вечеромъ, поглядѣть на проходящую мимо насъ толпу, послушать музыку. Сотни разставленныхъ стульевъ приглашаютъ васъ къ отдохновенію. Сядемъ и, по нашему приказанію, тотчасъ задымится на маленькомъ столикѣ передъ нами чашка кофею, самаго любимаго здѣшняго напитка, или явится мороженое, безъ котораго не можетъ жить итальянецъ. Но уже восемь часовъ: пора въ оперу театра San Benedetto; театръ Fenice, одинъ изъ главнѣйшихъ въ Италіи, открывается только съ карнавала. Сейчасъ капельмейстеръ ударитъ своимъ смычкомъ и раздадутся страшные хоры вѣдьмъ Макбета. Я увѣренъ, что вы съ удовольствіемъ прослушаете музыку Верди, но увѣренъ также, что, возвращаясь изъ театра, мы еще разъ пройдемъ на площадь св. Марка, гдѣ подъ сводами великолѣпно освѣщенныхъ прокурацій гуляетъ многочисленная толпа. Вы удивлены, видя въ такой поздній часъ такое стеченіе людей, веселыхъ, смѣющихся, гуляющихъ, не знающихъ ночи, но я, кажется, говорилъ уже вамъ, что Венеція любитъ жить ночью. Обѣжимъ еще разъ эти аркады и полюбуемся темноголубымъ небомъ, на которомъ блеститъ свѣтлолицая луна. Такихъ ночей, такой декораціи, повѣрьте, вы не найдете въ цѣломъ мірѣ.

Чтобы окончить самымъ пріятнымъ образомъ нынѣшній

день, мы пойдемъ къ нашей соотечественницѣ г-жѣ *, урожденной графинѣ *, которая проводитъ нынѣшнюю зиму въ Венеціи. Она пригласила меня еще вчера провести у нея послѣ театра сегодняшній вечеръ. Вы найдете въ ея гостиной небольшое, но избранное общество, и я увѣренъ, что представленные однажды, вы будете нѣсколько разъ въ недѣлю проводить у нея самые пріятные для русскаго вечера́ въ Венеціи. Все, на далекой чужой сторонѣ, напомнитъ вамъ здѣсь милую родину: русскій самоваръ, шумящій на кругломъ столѣ, вокругъ котораго сидятъ гости, и русское радушіе, съ которымъ встрѣтитъ васъ прекрасная и любезная хозяйка, и русская краса ея дочери, краса пышно разцвѣтающая, и звукъ русской рѣчи, которымъ не можетъ довольно налюбоваться нашъ слухъ. Въ живой и остроумной бесѣдѣ вы позабудете, что городскіе часы давно уже пробили полночь, и когда, возвратясь домой, вы сомкнете усталыя отъ дневныхъ впечатлѣній очи, волшебный сонъ можетъ быть перенесетъ васъ на родину, къ лицамъ милымъ вашему сердцу и вы, даже во снѣ, проведете еще нѣсколько счастливыхъ мгновеній въ прекрасной Венеціи.

Окончено въ Венеціи, 17 декабря 1851 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
4	8—9 св.	Kladderadtasch	Kladderadatsch
42	17 св.	класахъ	классахъ
46	1 сн. (прим.)	Lateraneuse	Lateranense
56	2 сн. (прим.)	*Jos*	*Jos.*
70	21 св.	фрески,	фрески
77	9 св.	хранятся	хранится
80	9 сн.	сохранившіеся	сохранившіяся
159	7 сн.	Scluta	Salute

На стр. 138 въ эпиграфѣ слѣдуетъ исключить лишнее *она*.

